

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Уральский гуманитарный институт

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного
30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки
специалистов в сфере туризма и гостеприимства
в Уральском федеральном университете

Екатеринбург, 6–9 октября 2022 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 930.25
ББК Ч 811

Ответственный редактор

Л. Н. Мазур, докт. ист. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. А. Бакишев, канд. ист. наук, доцент

О. В. Горбачев, докт. ист. наук, профессор

М. В. Плетнева, канд. ист. наук, доцент

А. М. Сафронова, докт. ист. наук, доцент

К. А. Уланов, канд. ист. наук

С. И. Цеменкова, канд. ист. наук, доцент

Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете / отв. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 579 с. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-7996-3586-2

В сборник включены материалы докладов участников II Уральского историко-архивного форума. В публикациях получили отражение теоретические и практические проблемы информационного обеспечения исторической науки, а также вспомогательных исторических дисциплин – документоведения и архивоведения, истории и организации архивного дела и документационного обеспечения управления, источниковедения. Отдельный раздел посвящен проблемам информационного обеспечения туризма и музейного дела.

Сборник предназначен для историков, архивистов, документоведов, преподавателей и студентов вузов, где ведется подготовка по направлению «Документоведение и архивоведение», а также «История».

УДК 930.25
ББК Ч 811

ISBN 978-5-7996-3586-2

© Уральский федеральный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	12

Раздел 1

ПОЗНАВАЯ ПРОШЛОЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Историческая мозаика: источник – текст – методы

<i>Ахметова А. В.</i> Опыт народной медицины малочисленных этносов и его применение в медицинском обслуживании национальных районов советского Дальнего Востока	17
<i>Бакшаев А. А.</i> Источники по истории выполнения военного заказа горными заводами Урала в первой половине XIX в. в фондах Государственного архива Свердловской области	21
<i>Батищев С. Д.</i> «Указатель статей Горного журнала с 1825 по 1849 год» (1850) как источник историко-библиографической информации	25
<i>Берсенёв В. Л.</i> История и экономическая политика	29
<i>Горбачев О. В.</i> Изучение внутренней российской миграции в XX в.: проблема формирования исследовательского нарратива	36
<i>Зеленов М. В.</i> Историк и история: от чего зависит картина прошлого	44
<i>Злотникова С. Г.</i> Освещение вопросов благотворительности в Енисейской губернии по материалам сибирской периодической печати	51
<i>Капсалькова К. Р.</i> М. Я. Сюзюмов и историческая хронология	56
<i>Ляхудзаев М. И.</i> Политическая деятельность эсера В. А. Соловьева в Кунгурском уезде в 1917–1918 гг.	61

<i>Климова Е. В., Ахметова А. В., Бобышев С. В.</i> Факторы младенческой смертности среди коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1950–1980-е гг.	68
<i>Менщиков И. С.</i> Историческая наука, социальная память и формирование идентичности	73
<i>Минаева Н. В.</i> Профессиональное развитие педагогических работников как одно из направлений формирования кадрового потенциала педагогов в регионе	80
<i>Овчарова Е. Э.</i> Литератор, общественный деятель и отшельник-мизантроп М. В. Храповицкий (1758–1819) по малотиражным изданиям из фонда РНБ	85
<i>Павленко А. П.</i> Основные принципы изучения истории самосудов и террора в вооруженных силах в период 1917–1918 гг.	96
<i>Сафронова А. М.</i> Деятельность первой школы при Кушвинском заводе в контексте политики горных властей (1739–1745 гг.)	102
 1.2. Источники по истории России XVIII–XIX вв. 	
<i>Акашева А. А.</i> Документальный архивный комплекс по истории Генерального межевания Нижнего Новгорода 1784 г.: общая характеристика	109
<i>Бобров Д. С.</i> Инструктивная документация Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа середины XVIII в. об аспектах административной коммуникации горнозаводских властей со структурами военной и гражданской вертикалей	114
<i>Грачев Н. Д.</i> Источники по истории формирования населения Шемахинского заводского поселка в фондах уральских архивов	119
<i>Копырина С. Н.</i> История организации медицинской помощи на территории горнозаводского Урала в 20–60-е гг. XVIII в. (по документам Государственного архива Свердловской области)	124

1.3. Источники по истории России XX века

<i>Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.</i> Стенографические отчеты о защитах диссертаций ученых-историков в 1930–1940-х гг. как исторический источник	129
<i>Артамонова Н. Я.</i> Архивные документы о культуре Хакасии в годы Великой Отечественной войны	134
<i>Галиева Д. С.</i> Приватизация транспорта Российской Федерации в 1990-е гг. в архивных документах	141
<i>Демаков И. Н.</i> Интернированные периода Второй мировой войны на Среднем Урале в документах Государственного архива административных органов Свердловской области	148
<i>Дерябина А. В.</i> Синтез документов: к 90-летию академической химии на Урале	160
<i>Зыкин И. В.</i> Архивные фонды лесной промышленности СССР периода первых пятилеток	165
<i>Клюс И. А.</i> Иностранные бойцы Красной армии в годы Гражданской войны на Урале в документах Государственного архива административных органов Свердловской области	169
<i>Лаврова Е. А.</i> Документы фонда Р-93 Государственного архива Свердловской области по истории Первоуральского хромпикового завода	178
<i>Михальченко С. И.</i> Письма историков права М. Н. Ясинского и Г. В. Демченко в Архиве Республики Словении как исторический источник	181
<i>Начапкин М. Н.</i> Письма и воспоминания российских солдат о Первой мировой войне как инструмент исторической памяти	185
<i>Плетнева М. В.</i> Американская ежедневная газета «The New York Times»: переход от «бумажной» к «цифровой» эпохе	189
<i>Протасова Э. Г.</i> Уральские архивы о проблемах всеобуча в 1930-е гг.: неуспевающие ученики и учителя	193

<i>Скворцов А. М.</i> Автобиографии историков – соискателей ученых степеней 1930–1940-х гг. как исторический источник	200
<i>Теуш О. А.</i> «Учебный исторический атлас» барона Н. Н. Торнау как исторический источник	206
<i>Федоров М. Л.</i> Дневник театральных репетиций как исторический источник	209

1.4. Изобразительные/визуальные источники: информационный потенциал и методы изучения

<i>Александров Е. В.</i> Неигровые фильмы российского авангарда: документ и/или зрелище	216
<i>Антипин Н. А.</i> Мемориализация императора Александра II на Урале в конце XIX – начале XX века: мотивы, формы, география, этапы коммеморации	223
<i>Каменская Е. В.</i> «Машина времени»: визуальная репрезентация свердловской промышленности в журнале «Огонек» 1930-х и 1970-х гг.	228
<i>Огнетова М. Б.</i> Тагильский краевед А. Ф. Кожевников	235
<i>Огоновская И. С.</i> Визуальные источники на уроке истории во внеурочной деятельности (на примере художественного и документального кино)	239

Раздел 2 СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ: АРХИВ КАК ИНСТИТУТ ПАМЯТИ

2.1. Проблемы учета, сохранности и использования архивных документов

<i>Гагарин А. А., Каплюков В. В.</i> Об опыте международного и межрегионального сотрудничества Центра документации общественных организаций Свердловской области	248
<i>Гагиева А. К.</i> История комплектования Национального архива Республики Коми в 1920–1930-е гг.	254

<i>Демирова Н. И.</i> Учет, анализ и интерпретация обращений к архивным документам: опыт Отдела письменных источников Государственного исторического музея	261
<i>Королева Т. Г., Черноухов Д. Э.</i> Систематизация архивных фондов уездных земских управ Пермской губернии	267
<i>Лазарева Л. Н.</i> Отражение особенностей догоняющей модернизации «по-советски» в публикаторском проекте РГАСПИ по позднему сталинизму	271
<i>Мосейчук Л. И.</i> Использование документов фондов личного происхождения Белорусского государственного архива научно-технической документации при подготовке тематических выставок	276
<i>Третьяков М. В.</i> Сохраняя историю Колымы: роль Государственного архива Магаданской области в сбережении документального прошлого региона	280
<i>Шибяев В. В.</i> Нормативное регулирование контрольно-надзорной деятельности Российской Федерации в области архивного дела в 2020–2022 гг.	287
 2.2. Информационное общество и архив 	
<i>Арасланова В. А., Кайдалова А. А.</i> Создание и использование открытого информационного архивного пространства в городе Сургуте	292
<i>Гук Д. Ю.</i> От комиссии по изучению зрителя к веб-аналитике на материалах Архива Государственного Эрмитажа	296
<i>Карманова Е. Д.</i> Специфика преподавания архивных дисциплин в колледже (на примере Уральского экономического колледжа)	303
<i>Кукина Д. А., Медведева М. В.</i> От Боспорских склепов до кочевников Монголии. Проблемы и перспективы открытого цифрового архива Института истории материальной культуры РАН	308
<i>Мохов А. С., Капсалыкова К. Р.</i> «Он никогда не занимался политикой и посвятил себя только научным занятиям»: оцифрованные документы из Национального архива Эстонии по оптации гражданства как источник для научной биографии М. Я. Сюзюмова	314

<i>Осташова Е. А., Рожнева Ж. А.</i> Достоверность персональных цифровых материалов: архивы в «естественных» и «неестественных» условиях	323
<i>Приборович А. А.</i> Учебные возможности интернет-ресурсов в изучении архивных документов по истории Великой Отечественной войны	329
<i>Рашевская Н. Н.</i> Информационные возможности сайтов архивных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	336
<i>Торопов А. Н.</i> Особенности предоставления государственных и муниципальных услуг в области архивного дела	342
<i>Юмашева Ю. Ю.</i> Архивы в информационную эпоху и время Data Science	347

Раздел 3

УПРАВЛЯЯ ОБЩЕСТВОМ: ДОКУМЕНТ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ

3.1. Теоретические аспекты документоведения и архивоведения

<i>Бондарь В. А.</i> Еще раз о перспективах использования термина «цифровой документ» в отечественном документоведении и архивоведении	352
<i>Кацев А. С., Кацева Л. М.</i> Документ и словесная образная система	357
<i>Ланской Г. Н.</i> Электронное управление документами: сущность и перспективы применения	363
<i>Латышева Е. В.</i> Архивные и библиотечные фонды в российской системе документальной памяти: организация и сохранение	369
<i>Юмашева Ю. Ю.</i> Машиночитаемые/электронные документы в контексте источниковедения и вспомогательных исторических наук	377

3.2. История бюрократии и государственного управления

<i>Архипова Т. Г.</i> Поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.: конституционная реформа или корректировка текста?	383

<i>Борищик Н. Д.</i> Документы Государственного архива Республики Крым о становлении советских финансовых органов (1920–1924)	390
<i>Буркутбаева Д. А.</i> Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (1992): регулирование природоохранной деятельности прокуратуры	395
<i>Ерменбаева Г. К.</i> Формулярные списки как источник по истории формирования казахского чиновничества (на примере султанов Оренбургского ведомства)	400
<i>Исхаков Р. Л.</i> Особенности кадровой политики при освоении Волго-Уральской нефтегазоносной области («Второго Баку») в конце 1940-х – 1960-е гг.	407
<i>Кандаурова Т. Н.</i> Военная департаментская канцелярия первой половины XIX века: организационная культура, динамика развития и статистический контекст (по отчетным материалам)	416
<i>Прохоров Д. А.</i> История формирования чиновничье-бюрократического аппарата государственных учреждений Таврической области (1783–1796 гг.) в документах Государственного архива Республики Крым	429
<i>Семенова Н. Л.</i> Годовые отчеты оренбургских гражданских губернаторов 1830-х гг. в системе административного контроля Российской империи	434
<i>Сорокин А. А.</i> Министерство внутренних дел и вопрос о пересмотре земского избирательного законодательства на рубеже XIX–XX вв.	441

3.3. Документ как инструмент управления

<i>Варламова Л. Н.</i> Стандартизация как инструмент государственного управления документами	445
<i>Волкова А. Н.</i> Актуальные проблемы контроля и оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг	452
<i>Горбанёва Е. А.</i> Ключевые особенности проведения аудита управления электронными документами, базирующегося на оценке рисков	457

<i>Горст А. П.</i> Проблемы хранения и обмена информации при работе с электронными картами	460
<i>Париева Л. Р.</i> Воззвание как вид военного документа в период Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) (по материалам Российского государственного военного архива)	464
<i>Посредников О. А.</i> Разработка кодового обозначения форм документов в общесоюзном классификаторе управленческой документации	471
Раздел 4 ПОКОРЯЯ ПРОСТРАНСТВО: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
4.1. Музеи и музейные технологии в исторической динамике	
<i>Бекленищева М. В.</i> Музеи в советском турпродукте	476
<i>Елисафенко М. К.</i> У истоков музейного дела на Урале	482
<i>Ефимов А. А., Колесник М. С.</i> Негативные пленки в фондах Арамашевского краеведческого музея: история создания, сохранения и оцифровки	489
<i>Огуренко Е. В.</i> Далматовский музей-монастырь (1917–1929 гг.): меморизация религиозной культуры в советском обществе	492
<i>Слепцова (Кызласова) И. С.</i> Домашние музеи как практики сохранения историко-культурного наследия	498
<i>Трифонов М. С.</i> Музей как центр развития туризма (на примере деятельности Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея)	504
<i>Трясучкина К. Д.</i> Особенности маркетинга музеев малых городов России	508
<i>Шаманаев А. В., Мохов А. С.</i> Пермский музей в 1918 г.: комплекс документов из фондов Государственного архива Пермского края	515

Шихова О. Н.

Историко-социологическое исследование музея: особенности подготовки «поля» в малом городе	522

4.2. Туризм как технология освоения пространства:
проблемы информационного обеспечения

Бугрова Е. Д.

Сысерть: город-спутник – рекреация-спутник	527

Годовова Е. В.

Составление виртуальных экскурсионных маршрутов как одно из направлений научно-исследовательской работы студентов исторических факультетов	532

Дмитриева А. И.

Эволюция стратегии позиционирования Свердловска – Екатеринбурга: основные направления развития туризма	535

Жаилганова Э. А.

Революционный Екатеринбург: Площадь 1905 года в контексте изучения Екатеринбурга	544

Любимова С. Т.

Опыт исследования феномена визуального туризма	548

Потехина Д. С.

Цифровизация инструментария продвижения объектов промышленного туризма	557

Тарасенко А. А.

Современные технологии в промышленном туризме: опыт Уральской индустриальной биеннале современного искусства	563

Сведения об авторах	570

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОДВОДЯ ИТОГИ: ВТОРОЙ УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ФОРУМ 7–8 октября 2022, г. Екатеринбург

7 октября 2022 г. в зале диссертационного совета Уральского федерального университет начал свою работу Второй Уральский историко-архивный форум. Организатором научного мероприятия выступила кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» УГИ УрФУ. Форум собрал более 150 участников из разных регионов России и ближнего зарубежья (Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан). Конференция проводилась в смешанном очно-заочном формате и примерно половина участников выступили с докладами онлайн. Гибридный режим работы научных мероприятий стал вполне привычным явлением и позволяет решить проблемы участия иногородних докладчиков, которые по разным причинам не могут приехать. Но особая благодарность тем, кто приехал и выступил со своим докладом на конференции, способствуя созданию особой творческой атмосферы научного поиска и общения.

Открыли форум приветствия директора Уральского гуманитарного институт Э. Э. Сыманюк и первого проректора УрФУ Д. В. Бугрова, а также директора департамента «Исторический факультет» А. С. Палкина. Несмотря на технические сложности и неожиданно прозвучавшую учебную пожарную тревогу, пленарное заседание состоялось. Благодаря выступлениям ведущих специалистов в обла-

сти документоведения и архивоведения – д. и. н. Ю. Ю. Юмашевой, д. и. н., профессора Г. Н. Ланского, к. и. н. Н. Г. Суровцевой – был задан высокий научный уровень обсуждения заявленных в программе форума проблем. Доклады этих специалистов были посвящены теме электронных документов, циркулирующих в управленческой и архивной средах. Проблемы и достижения в подготовке специалистов в области туризма и гостеприимства, а также документоведения и архивоведения прозвучали в докладах Д. В. Бугрова и Л. Н. Мазур, приуроченных к юбилейным датам.

Проблемы, связанные с изучением электронного документа и особенностями его циркуляции в электронной среде стали предметом обсуждения на *Круглом столе «Актуальные проблемы теории и практики работы с электронными документами»*. На нем выступили д. и. н. М. В. Ларин, зам. начальника Управления архивами Свердловской области С. С. Кичигина. Они затронули как теоретические, так и практические аспекты работы с электронными документами. Оживленная дискуссия закончилась выводом о необходимости уточнения понятийного аппарата и концептуального осмысления феномена электронного документа.

Основная работа форума была организована по четырем конференциальным площадкам – исторической, архивной, документоведческой и музейно-туристической, объединенным представлениями о документе как источнике, предмете и инструменте деятельности (научной, управленческой и справочно-информационной).

Конференция 1 «Познавая прошлое: информационные аспекты исторической науки» собрала наибольшее количество участников. Исторический источник стал основным объектом обсуждения и анализа в пяти секциях, разбитых по тематическому признаку – источники по социальной истории, истории науки и культуры, экономики, периодической печати и т. д. Доклады на «источниковедческих» секциях отличались пристальным вниманием к архивным документам. Так, например, обзор архивных фондов по истории лесной промышленности прозвучал в докладе И. В. Зыкина, по истории туризма – С. А. Шевырина, военному производству – А. А. Бакшаева. Неподдельный интерес участников конференции вызвали доклады И. Н. Демакова и И. А. Ключа о документальных коллекциях Государственного архива административных органов Свердловской области.

Вопросы методологии исторического исследования были рассмотрены на заседаниях трех секций первой конференции и связаны с особенностями изучения аудиовизуальных источников, механизмов формирования исторической памяти и когнитивных моделей исторического описания. Методические вопросы были рассмотрены в сообще-

нии представителей Алтайского университета (В. Н. Владимирова и Н. В. Неженцевой) о подходах к созданию информационной системы по истории статистики Алтая второй половины XIX – первой половины XX вв. Большой интерес вызвал доклад А. А. Акашевой, посвященный методам работы с материалами Генерального межевания Нижнего Новгорода 1784 г. Объектом исследования д. и. н. А. А. Сальниковой стали елочные игрушки, проанализированные автором в контексте пропаганды советской символики и наиболее значимых достижений (например, запуск первого спутника или полет в космос). Их анализ требует от исследователя владения особыми приемами, основанными на семиотическом анализе новогодней елки как текста, ориентированного в первую очередь на воспитание детей.

Ряд докладов первой конференции был посвящен проблеме визуальности исторических процессов и явлений, достигаемых благодаря использованию компьютерных технологий, в том числе ГИС и 3D-моделирования – доклады К. А. Уланова. С. И. Цеменковой, а также вовлечению в научный оборот изобразительных и аудиовизуальных источников.

8 октября 2022 г. прошли заседания второй, третьей и четвертой конференций, на которых обсуждались доклады по вспомогательным историческим дисциплинам – архивоведению, документоведению и музейно-экскурсионному делу, тесно связанному с туристическим бизнесом.

Конференция 2 «Сохраняя прошлое: архив как институт памяти» включала четыре секции, на которых рассматривались вопросы истории архивов (доклады А. К. Гагиевой и М. В. Третьякова), проблемы архивного учета и использования документов, трансформации архивных учреждений в информационные институты. Следуя духу времени, отдельная секция была посвящена теме цифровизации архивной отрасли, созданию электронных ресурсов (доклад В. А. Арслановой и А. А. Кайдаловой), анализу сайтов архивных учреждений (доклады Д. Ю. Гук и Н. Н. Рашевской), цифровизации семейных архивов (доклад А. С. Нилогова). Проблема достоверности персональных цифровых материалов была рассмотрена в докладе коллег из Томского государственного университета Е. А. Осташовой и Ж. А. Рожневой.

В целом «архивная» конференция продемонстрировала интерес исследователей не только к истории, техническим и информационным аспектам документальной памяти, хранящейся в архивах, но и к перспективам развития отрасли, непосредственно связанным с процессами цифровизации документального наследия.

Конференция 3 «Управляя обществом: документ в структуре власти» состояла из двух секций, первая из которых была сосредото-

точена на теме истории бюрократии и государственного управления, вторая – управленческой функции документа. В первой секции прошли обсуждение три кейса из истории управления разных веков: кадровая политика на предприятиях нефтяной промышленности в 50–60-е гг. XX в с опорой на личные воспоминания (доклад Р. Л. Исхакова); военное делопроизводство первой половины XIX в. (доклад Т. Н. Кандауровой); история формирования чиновничье-бюрократического аппарата в Крыму с момента присоединения (1783) до конца правления Екатерины II (доклад Д. А. Прохорова). Вторая секция была посвящена организационно-методическим проблемам документационного обеспечения управления (доклады Л. Н. Варламовой и С. А. Глотовой), а также такому редкому жанру как история видов документов (доклад Л. Р. Париевой).

Конференция 4 «Покаяя пространство: информационный потенциал историко-культурного наследия» включала четыре секции: две музейные и две, посвященные экскурсионно-туристским технологиям. Музейное направление работы конференции включало обсуждение теоретико-методологических вопросов (доклад Н. В. Веселковой) и сообщений по историко-видовой характеристике музейных учреждений. Большой интерес участников конференции вызвал доклад И. С. Кызласовой о домашних музеях. История Далматовского музея-монастыря была реконструирована в сообщении Е. В. Огуренко, Пермского музея – в докладе А. С. Мохова и А. В. Шаманаева. Опыт организации поля в крупномасштабном эмпирическом исследовании («Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (РНФ 21-18-00418) поделились А. Д. Спиридонова, К. Д. Трясучкина и О. Н. Шихова.

Туризм как технология освоения пространства был рассмотрен в докладах участников двух «туристических» секций. Большой интерес вызвал опыт создания авторских экскурсий, проанализированный в сообщении Н. Б. Граматчиковой. Выступление Е. П. Чиловой сопровождалось оживленной дискуссией о противоречиях креативного освоения пространства и развития на их базе туристского потенциала территорий. Е. Д. Бугрова завершила работу секции докладом «Серьез: город-сателлит – рекреация-сателлит», в котором прозвучал тезис о преемственности освоения пространства: сложившийся образ территории закладывает логику ее дальнейшего развития.

Два дня работы форума продемонстрировали актуальность и продуктивность междисциплинарного подхода к изучению феномена документа в основных его проекциях – делопроизводственной, архивной, научно-исторической и практической (экскурсионно-туристической). Подобная мультифокальная оптика наблюдения и изуче-

ния документа чрезвычайно интересна с позиций понимания многообразия документа в реальности и его информационной сущности как носителя и хранителя историко-культурной памяти общества.

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений. К сожалению, не все участники форума прислали свои статьи. Тем не менее, содержание книги дает представление о разнообразии тем и подходов, связанных с изучением документа в разных его проекциях – инструментальной, научной, практической. Думаю, что каждый читатель найдет для себя в сборнике полезный и интересный материал.

До новой встречи в 2024 году!

*Л. Н. Мазур,
заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного управления
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Раздел 1.

ПОЗНАВАЯ ПРОШЛОЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. ИСТОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: ИСТОЧНИК – ТЕКСТ – МЕТОДЫ

УДК 323.15(571.62):61

А. В. Ахметова
Комсомольский-на-Амуре государственный
университет, г. Комсомольск-на-Амуре

ОПЫТ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

В последние десятилетия в значительной степени вырос интерес к традиционным системам медицины, особенно к использованию средств природного происхождения. В последние годы как в Российской Федерации, так и за рубежом, наблюдается устойчивая тенденция роста интереса населения к использованию препаратов природного происхождения. В статье представлен краткий анализ проблемы применения народной медицины в медицинском обслуживании национальных районов Дальнего Востока.

Ключевые слова: народная медицина, Дальний Восток, коренные малочисленные этносы, медицинское обслуживание, этномедицина.

Применение природного сырья в медицине различных народов является «надежным ориентиром при поиске новых эффективных лекарственных средств, и исследователи разных стран активно изучают этот опыт» [Асеева, Баторова, Яковлев, 2012, с. 267].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (2011), около 80 % населения Земли в качестве первой медицинской помощи использует, в основном, препараты растительного происхождения [Павлова, 2015, с. 23].

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края.

Прикладное значение народной медицины очевидно, так как лечение заболеваний является одной из важнейших потребностей человечества. В то же время народная медицина представляет собой уникальный элемент культуры каждого народа.

Ю. В. Бромлей рассматривал два аспекта народной медицины – историко-стадиальный и пространственно-региональный – и делал вывод о соотношении «основных видов народной медицины на различных этапах всемирно-исторического процесса, основных источниках и методах ее историко-этнографического изучения, о народной и псевдонародной медицине в современных условиях. Этнографические материалы о народной медицине – это важнейший источник, который помогает использовать ее методы и средства в современной медицине, что вызывает необходимость кооперации усилий этнографов и медиков в изучении народной медицины» [Бромлей, 1976, с. 3].

По мнению И. И. Брехмана, народная медицина – это удивительный пример многовекового сохранения информации без центров ее хранения. Он отмечал сходства и различия народной и научной медицины, выявляющиеся при их синхронном и диахронном рассмотрении. По средствам вещественного закрепления информации И. И. Брехман выделял три формы медицины: народная (незакрепленная), традиционная (относительно закрепленная) и научная. По его мнению, народная и традиционная медицина отличаются от научной механизмом коммуникационного акта: числом звеньев цепи передачи информации, местом и выраженностью, обратной связью и др. [Пестряков, 1975, с. 156]

Специфика народного медицинского опыта заключается в сохранении связей с природой, наличии в «народной медицине как рационального, так и иррационального». Поэтому отношение к народной медицине не может быть однозначным. В то же время необходимо учитывать объективные условия ее функционирования. Понимание народной медицины как элемента традиционной культуры позволяет исследовать сущность и специфику данного явления.

Малочисленные этносы Дальнего Востока имеют многовековой опыт народной медицины, использующей лекарственные растения и средства животного происхождения. Эти знания, методику их применения передавали устно из поколения в поколение. В советский период по причине несовершенной системы оплаты труда рабочих и цен реализации продукции охота, собирательство грибов и ягод были объявлены убыточными. Неизменно рентабельным был только сбор лекарственно-технического сырья, березового сока, папоротника и орехов корейского кедра [см. Ахметова, 2006, с. 15].

Повсюду ощущался острый дефицит кадровых ресурсов. Количество охотников-профессионалов неизбежно сокращалось, а их

средний возраст увеличивался. Не были решены многие проблемы природопользования. Не проводилась экономическая оценка ресурсов охотничьего хозяйства, не были регламентированы юридические права пользователей сельскохозяйственных, лесных и охотничьих угодий. Зачастую отсутствовали правила сбора растительных ресурсов и ведения плодово-ягодного хозяйства. Нередкими были случаи браконьерства [ГАХК, ф. П-35, оп. 107, д. 56, л. 54–59]. Эти факторы оказывали отрицательное влияние на развитие народной медицины малочисленных этносов, при этом нельзя сказать, что опыт народной медицины был утерян навсегда.

Рассмотрим на примере отдельных малочисленных этносов применение народных рецептов в медицинской практике.

Нанайцы имеют богатый опыт врачевания травами, кореньями, продуктами животного происхождения. Народные лекари владели методикой точечного массажа для снятия болевого синдрома, умели останавливать кровотечение, успешно лечили ожоги и раны. При переломах, ушибах, болезнях суставов применяется мазь из девяти видов деревьев: коктон мони (бархат амурский), пиагдан (береза белая), поло (осина), хоронкола (дуб монгольский), унюнкурэ (дикая яблоня), чингбора (береза черная), моно (клен), хотолан (акация), бурэнкуле (молодой ясень, 4 года).

«На заре с восточной стороны от деревьев отщепляют одинаковые щепки, обязательно с корой. Щепки необходимо залить водой и кипятить, доливая испаряющуюся воду, до загустения. Жидкость слить и вываривать ее далее до мазеобразной густоты. Полученное средство может храниться в плотно закрытой темной посуде неограниченно долго. Мазь втирают в больное место и сверху накладывают повязку» [Бельды, Киле, 2020, с. 17].

Нивхи. По мнению С. В. Березницкого, многие магические терапевтические приемы пришли в институт шаманства из народной медицины. К примеру, «охотники и рыболовы с древности применяли дым багульника (используемого для лечения простуды) для очищения от злых духов долго не помещавшихся охотничьих жилищ. Подобным же образом шаман изгонял из тела больного злого духа, изготавливая деревянную фигурку болезненного существа и окуривая ее ароматным дымом багульника. Нивхские шаманы использовали для воскурения багульника изготовленный из лиственницы шаманский столик/очаг, на верхних выступах которого вырезали зооморфные и антропоморфные фигурки духов-помощников шамана» [Березницкий, 2021, с. 7].

Амурские эвенки сохранили до настоящего времени многие компоненты древнего культа лося. После добычи животного его голову

помещают на почетное место и окуривают дымом багульника, в благодарность хозяевам тайги, конкретной местности за возможность дальнейшего получения промыслового фарта [Березницкий, 2021, с. 8].

Чукчи. Одной из характерных черт коренного населения Чукотки, в отличие от других автохтонных этносов, является полное отсутствие даже следов народной медицины. Чукчи не верили в могущество целебных трав и молча просиживали у изголовья тяжелобольного, ожидая вмешательства духов [см. Ахметова, 2011, с. 16]. При малокровии и общей слабости чукчи и коряки пили свежую кровь оленей, тюленей и забитых домашних животных. Часто для этих же целей чукчи употребляли и сырую печень. Для лечения туберкулеза специально откармливали щенков собак, а затем их жир с пищей применяли внутрь. Гусиный жир использовали в качестве мази при обморожении, медвежьей желчь, растворенную в воде, принимали при болезнях печени и желудочно-кишечного тракта.

«Значительное место в народной медицине чукчей занимала физиотерапия: при заболеваниях костей, судороге мышц, головных болях делали массаж; в фольклоре упоминается такое средство, как натирание тела охрой. Большую роль в сохранении здоровья играла любовь к различным физическим упражнениям» [Подмаскин, 2022, с. 28].

Таким образом, опыт народной медицины способствует адаптации человека к природно-экологическим условиям Дальнего Востока. Народные знания обеспечили стабильность функционирования специфического хозяйства малочисленных этносов.

Многовековой опыт, накопленный в хозяйственном освоении тундры и прибрежной морской акватории, оказался достаточно жизнестойким и имел практическое значение для освоения Арктики. Малочисленные этносы издавна владели довольно обширными сведениями о местной флоре и фауне, региональной географии, народной медицине и кулинарии. У них до сих пор популярен сезонно-хозяйственный календарь, способствующий устойчивому развитию экономики в суровых арктических условиях. Народные знания являлись результатом как собственного познания действительности, так и опыта соседних народов. Положительный опыт ведения традиционного хозяйства сохраняется и сегодня.

Асеева Т. А., Баторова С. М., Яковлев Г. П. Использование опыта традиционной тибетской медицины при разработке новых лекарственных средств // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. РАН. 2012. № 3 (7). С. 267–275.

Ахметова А. В. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1960-е – начало 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006.

Ахметова А. В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период // Историч., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теор. и практики. 2011. № 2–3 (8). С. 16–18.

Бельды О. А., Киле Л. П. Практическое применение нанайской медицины // Международный симпозиум на языках коренных малочисленных народов Дальнего Востока Российской Федерации (II), Южно-Сахалинск, 21–23 февр. 2019 г.: сб. материалов / сост.: А. А. Степаненко, Е. П. Фирсова. Южно-Сахалинск: Эйкон, 2020. С. 17–26.

Березницкий С. В. Природные галлюциногены и спиртные напитки как атрибут коммуникации коренных народов амуро-сахалинского региона с сакральным миром // Гум. иссл. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 4 (58). С. 5–14.

Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Сов. этнография. 1976. № 5. С. 3–18.

Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Хабаровский краевой комитет КПСС.

Павлова Л. А. Использование этномедицинских знаний в современном мире // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов. 2015. № 2. С. 23–27.

Пестряков А. П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // Сов. этнография. 1975. № 6. С. 156–160.

Подмаскин В. В. Народные знания чукчей // Изв. Вост. ин-та. 2022. № 1. С. 27–37.

УДК 94(470.5).072/.073:930.253

А. А. Бакшаев
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОРНЫМИ ЗАВОДАМИ УРАЛА ВОЕННОГО ЗАКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дается характеристика архивных документов Государственного архива Свердловской области (ГАСО), посвященных военному производству на горных заводах Урала в первой половине XIX в. Материалы по организации военного заказа, распределению военных нарядов среди казенных горных округов, переписка о выполнении военных нарядов сосредоточены в фондах региональных органов управления. В ГАСО также выявлено десять заводских фондов, где содержится информация о производстве военной продукции, ее приемке, транспортировке на пристани

и к местам назначения. В документах фонда Главного артиллерийского приемщика на заводах Урала отражены вопросы деятельности военных приемщиков по контролю над качеством военной продукции, выполнении военных заказов.

Ключевые слова: архивные документы, военное производство, военные наряды, военные приемщики, горнозаводская промышленность, ГАСО, Урал.

Важнейшим направлением деятельности горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. было производство продукции по нарядам армии и флота. Горные заводы также были основным поставщиком металлов для оружейных предприятий, нужд военного и морского ведомств. К началу XIX в. военные наряды выполняли в основном казенные заводы региона, объединенные в шесть горных округов (Богословский, Гороблагодатский, Екатеринбургский, Златоустовский, Камско-Воткинский и Пермский).

Обширный комплекс источников по истории горнозаводской промышленности Урала в настоящее время отложился в Государственном архиве Свердловской области. В частности, материалы о деятельности региональных органов горнозаводского управления по регулированию выполнения военных нарядов, их распределении между горными заводами сосредоточены в фонде Уральского горного управления (ф. 24), а также в фонде Канцелярии Главного начальника уральских горных заводов (ф. 43).

В ГАСО находятся фонды трех казенных горных округов: Екатеринбургского, Гороблагодатского и Богословского. Заводы Богословского горного округа практически не производили военную продукцию, в результате в окружном архивном фонде не отложились сведения о выполнении военных нарядов. В архиве выявлено также 10 фондов заводских контор, органов управления рудными месторождениями и пристанями. Материалы о выполнении военных нарядов отложились в фондах Каменского (ф. 28), Нижнеисетского (ф. 27) заводов, а также Уткинской казенной пристани (ф. 26) Екатеринбургского горного округа. В ГАСО находятся материалы и четырех заводских архивов Гороблагодатского округа: Серебрянского (ф. 626), Верхне-Туринского (ф. 627), Баранчинского (ф. 630) и Кушвинского (ф. 402).

Среди архивных источников, посвященных производству военной продукции горными заводами Урала, можно выделить нормативные документы – императорские указы, распоряжения органов горного и военного управления, регламентирующие деятельность горных заводов по изготовлению военной продукции. В частности, в фондах органов горного управления сосредоточены приказы и распоряжения

Военного министерства, Артиллерийского и Горного департаментов по военному производству [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1250, 1251, 1255]. Разработке правил и инструкций о пробе и приемке военной продукции в 1804–1808, 1830–1850-е гг. посвящены дела о присылке инструкций на уральские заводы, их использовании в практической деятельности военных приемщиков [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2871, 2899, 3087, 3136].

В состав делопроизводственной документации входит переписка окружной администрации с центральными и региональными органами горного управления по различным вопросам производства военной продукции. В частности, вопросы военного производства накануне и в ходе войн с Наполеоном отражены в делах об изготовлении орудий и снарядов на казенных и частных заводах Урала в 1811–1817 гг. [Там же, ф. 24, оп. 23, д. 4579, 8218; оп. 33, д. 138, 158, 257–260, 295, 378; ф. 43, оп. 2, д. 1632, 1633, 1658]. В фондах заводских контор хранится переписка с органами горного управления, главными конторами об изготовлении военной продукции и отправке ее на пристани [см., например: ГАСО, ф. 627, оп. 1, д. 35, 38, 43; ф. 630, оп. 1, д. 13].

Отдельная группа материалов посвящена выяснению причин невыполнения нарядов, производству на горных заводах бракованной продукции [Там же, ф. 24, оп. 33, д. 627, 1071, 1084; ф. 25, оп. 1, д. 522, 2992]. В частности, изучением причин невыполнения нарядов в 1815–1816 гг. занимался пермский берг-инспектор А. Т. Булгаков [Там же, ф. 25, оп. 1, д. 811]. В фондах ГАСО выделяются документы о возложении нарядов для военного и морского ведомств на уральские заводы; объемах продукции, которую они должны изготовить [Там же, ф. 43, оп. 2, д. 1782].

На казенных заводах Урала в первой половине XIX в. осуществлялось внедрение новой техники и технологий, в том числе в производстве военных изделий. В частности, на предприятиях Гороблагодатского и Екатеринбургского округов в 1830-40-е годы проводились опыты в кричном производстве, испытывались новые способы отливки орудий и снарядов, вводились новые станки для их обточки. Выделяются дела о проведении опытов по отливке орудий в 30-е годы XIX в. и сравнение их с изготовленными в Швеции [Там же, ф. 25, оп. 1, д. 2900, 3012; ф. 43, оп. 2, д. 1238, 1633, 1676, 1761, 1672].

В фондах горных округов и заводов отложились материалы о доставке военной продукции на пристани и ее сплаве к местам назначения. В частности, в фондах Екатеринбургского округа выделяются дела строительстве судов, перевозке продукции на Уткинскую пристань и отправке караванов. Сведения об отправке караванов, ведомости об объемах отправленной продукции содержатся также в фондах горных округов и заводов [Там же, ф. 24, оп. 9, д. 106; ф. 27, оп. 1,

д. 1040; ф. 43, оп. 4, д. 53, 73]. В фондах архива выделяется дело о поиске новых путей транспортировки металлов с Воткинского завода по рекам Сиве и Вотке [Там же, ф. 24, оп. 25, д. 619].

Переписка горной администрации и органов военного управления о деятельности артиллерийских приемщиков содержит информацию о решении спорных вопросов между горным и военным ведомствами в ходе приемки продукции, лечения артиллерийских офицеров и нижних чинов в горных госпиталях, организации караванов для сплава военной продукции [Там же, ф. 24, оп. 33, д. 446; ф. 43, оп. 2, д. 1791].

Важную часть материалов, отложившихся в горнозаводских архивах, составляли отчетные документы. Сведения об изготовлении основных видов военной продукции, состоянии заводских зданий и оборудования содержат общие отчеты о деятельности округа [Бакшаев, с. 214]. Наибольшее количество таких документов первой половины XIX в. сосредоточено в фондах главных контор Екатеринбургского и Гороблагодатских округов. Ведомости и отчеты о выполнении нарядов включают сведения об объемах и ценах изделий, производимых по заказам Военного и Морского ведомств, потребителях продукции и путях ее отправки по сухопутным и водным путям сообщения. В ГАСО сосредоточены ведомости о нарядах Гороблагодатских, Екатеринбургских, Камско-Воткинских и Златоустовских заводов [Там же, ф. 24, оп. 2, д. 277, 1962; оп. 23, д. 4846, 5736, 5889; оп. 25, д. 710; ф. 27, оп. 1, д. 740].

Сведения о производстве военной продукции и ее приемке в военное ведомство содержатся в фонде главного артиллерийского приемщика на предприятиях Урала (Ф. 39 ГАСО). Должность командира по приему в артиллерию металлов по горным заводам Урала была учреждена в 1811 г. С 1831 г. Я. М. Бикбулатов был назначен на должность главного приемщика в артиллерию металлов. Этот фонд содержит журналы исходящих документов главного артиллерийского приемщика с 1811 г., включающие переписку с Военным министерством, Артиллерийским департаментом, генерал-фельдцейхмейстером и др. органами военного управления; сведения о назначении, перемещении, организации деятельности приемщиков на уральских заводах; производстве и приемке военной продукции; отправке караванов (инструкции артиллерийским офицерам, ведомости об отправляемой продукции и др.) [ГАСО, ф. 39, оп. 1, д. 1-8, 1017 и др.].

Таким образом, в окружных и заводских фондах Государственного архива Свердловской области собран обширный комплекс разнообразных материалов по истории выполнения военных нарядов горными заводами Урала в первой половине XIX в. Анализ этих документов позволяет охарактеризовать состояние заводского хозяйства, рабочих

кадров, определить объемы производства военной продукции и пути их транспортировки к местам назначения, показать деятельность военных приемщиков на уральских заводах.

Бакишев А. А. Финансово-хозяйственная документация как источник по истории казенной горнозаводской промышленности Урала первой половины XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 1–3 дек. 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 213–216.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 25. Главная контора Екатеринбургских заводов.

Ф. 26. Уткинская казенная пристань.

Ф. 27. Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод.

Ф. 28. Нижнеисетский железоделательный завод.

Ф. 43. Канцелярия Главного начальника уральских горных заводов.

Ф. 160. Управление заводами Гороблагодатского горного округа.

Ф. 402. Контора Кушвинского железоделательного завода.

Ф. 626. Серебрянский железоделательный и чугуноплавильный завод.

Ф. 627. Верхнетуринский чугуноплавильный и железоделательный завод.

Ф. 630. Контора Баранчинского железоделательного завода.

УДК 94(47).072:930.2

С. Д. Батищев

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ГОРНОГО ЖУРНАЛА С 1825 ПО 1849 г. (1850) КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кратко рассматривается структура Указателя статей «Горного журнала» за 1850 г. Показаны особенности распределения информации об авторах и их статьях в этом издании в зависимости от принципов классификации, которые заложил составитель Указателя библиотекарь Института корпуса горных инженеров Р. О. Кемпиньски. В статье обосновывается необходимость активного использования подобных источников для изучения истории развития жизненного цикла «Горного журнала», определения круга авторов, их профессиональной и географической принадлежности. В отдельных случаях, как показано в тексте статьи, можно увидеть вклад в развитие научно-технической периодики целых семей, занятых в сферах деятельности, которые освещались на страницах крупнейшего отечественного журнала по горнотехническим и иным, близким к ним наукам.

Ключевые слова: горный журнал, указатель статей, авторы, горные инженеры, база данных, Р. О. Кемпиньски.

«Горный журнал» был одним из важнейших научных периодических изданий по горнотехнической мысли и практике в XIX – нач. XX вв. Отдельные сюжетные линии истории деятельности этого журнала разработаны рядом российских исследователей [Фаерман, 1958; Тихонов, 1959; Белоглазов, 2000; Неклюдов, 2022]. Но есть и лакуны, требующие заполнения.

Одной из них является изучение указателей к «Горному журналу». За дореволюционный период развития этого издания было создано восемь его указателей. В данной публикации мы кратко представим структуру и направленность указателя, составленного Романом Кемпиньски [Указатель, 1850], постараемся показать ценность этого издания в качестве источника историко-библиографической информации по истории жизненного цикла «Горного журнала».

Сначала акцентируем внимание читателей на указателях в целом, отметив значение, которое они имеют для исторической науки [Эймонтова, 1973]. В источниковедении принято классифицировать указатели как справочные источники, которые служат «основой для облегчения поиска необходимых для исследователя источников информации, систематизации и группировки данных» [Алеврас, Хамитова, 2020, с. 136].

Библиотекарь Института корпуса горных инженеров Р. О. Кемпиньски стал составителем Указателя статей «Горного журнала», включающего публикации за 1825–1849 гг. Указатель был издан в типографии Императорской академии наук [Указатель, 1850]. В предисловии Указателя отмечается, что в обозначенный период было выпущено 288 книжек журнала, на страницах которых опубликовано 3056 статей по самым разнообразным темам. Потребность в систематизации всего опубликованного материала и вызвала необходимость в разработке указателя. Роль Р. О. Кемпиньски в этом деле была обозначена следующим образом: «движимый любовью к науке и общей пользе принял на себя составление настоящего Указателя, употребив на это занятие весь досуг нескольких лет от своей службы. Без сомнения, общая благодарность всех, умеющих ценить подобные труды будет ему самую лучшую наградою» [Там же, с. III].

Р. О. Кемпиньски поделил свой Указатель на две части. Первую часть составил так называемый систематический указатель. В него вошли статьи, которые были разбиты на 15 отделов: «физика и метеорология», «химия», «минералогия», «геология и геогнозия», «палеонтология», «горное и маркшейдерское искусство», «металлургия

и пробирное искусство», «монетное дело», «соляное дело», «механика и в особенности горная», «горная история и горная статистика», «горные законоположения», «биография и некрология», «библиография», «смесь» [Там же, с. IX]. В отдел «смесь», как правило, помещались статьи «не вошедшие в состав прежних отделов» [Там же, с. VI]. Некоторые из отделов подразделены на более мелкие разделы. Так, в отделе «химия» выделены следующие части: «чистая химия», «прикладная химия и технология» [Там же, с. XI]. Отдел «геология и геогнозия» подразделен на: «геология», «геогнозия России», «геогнозия иностранных государств», «смесь» [Там же, с. XIV]. Отдел «горное и маркшейдерское искусство» состоит из подразделов: «горное искусство», «маркшейдерское искусство» [Там же, с. XV]. Отдел «металлургия и пробирное искусство» включает в себя следующие разделы: «металлургия», «металлургические процессы», «переработка металлов или металлургическая техника», «пробирное искусство» [Там же, с. XVI]. Отдел «горная история и горная статистика» делился на: «общие сведения», «Россия», «иностранные государства» [Там же, с. XVIII]. В соответствии с этой разбивкой читатель может найти статью нужной ему тематики.

Систематический указатель представили в виде сводной таблицы, состоящей из шести «столбцов»: название статьи, автор, переводчик, год, часть, страница (на которой начинается статья). Здесь необходимо привести пояснение составителя относительно столбца «часть»:

«Горный Журнал с 1825 по 1829 гг., издавался книжками (по 12 кн. в год), и счет числа страниц в каждой книжке веден был отдельно. С 1829 г. 12 книжек каждого года разделены на четыре части (часто по 3 кн. в каждой), и счет числа страниц ведется отдельно в каждой части. В столбце же Указателя, имеющее общее заглавие «Часть», отличие книжек от частей не обозначено для избежание излишних столбцов и, следовательно, увеличения объема Указателя» [Указатель, 1850, с. V].

Вторая часть Указателя Р. О. Кемпиньски представлена алфавитным указателем авторов. Этот указатель, в свою очередь, делился на два отдела: русские и иностранные авторы. Он, как и систематический, представлен в виде таблицы, состоящей из пяти столбцов: автор и название статьи, год, часть, страница в журнале, страница в систематическом указателе.

На основе алфавитного указателя мы можем установить не только количество авторов (как отечественных, так и зарубежных) «Горного журнала» за указанный выше хронологический диапазон, но и их «качество»: авторами журнала были маститые ученые своего времени. По нашим подсчетам, среди авторов более 350 отечественных

и не менее 330 зарубежных исследователей и практиков горного дела. Эти цифры в дальнейшем будут корректироваться, поскольку в ряде случаев в Указателе встречаются повторные публикации автора, который выступал в качестве соавтора очередной статьи. Более точная информация появится в последующих публикациях в результате анализа электронной базы данных «Горный журнал (1825–1918 гг.): авторы и статьи», которая находится в стадии формирования.

Отметим нескольких постоянных авторов «Горного журнала». К их числу относится П. П. Аносов – горный инженер и металлург. Ему принадлежит семь статей за ранее указанный промежуток времени. Одна из них заняла весь объем номера журнала [Аносов, 1841]. Еще более плодотворным и постоянным автором «Горного журнала» являлся горный инженер и начальник Олонецких горных заводов Н. Ф. Бутенев. Согласно указателю, его перу принадлежит 15 статей. Спектр его интересов был многообразен: от производства кос на Нейво-Алапаевском заводе до описания способов употребления березового угля при плавке железных руд.

Не менее продуктивным оказался брат Н. Ф. Бутенева – К. Ф. Бутенев, опубликовавший 20 статей. Всего братья Бутеневы стали авторами 35 статей и внесли серьезный вклад в развитие российской технической периодики. Таких примеров, судя по содержанию Указателя, немало. Таким образом, на основе такого рода сведений можно проследить существование отдельных горнозаводских династий.

Активно участвовал в деятельности журнала и профессор Санкт-Петербургского горного института В. В. Любарский, который стал автором девяти статей, посвященных вопросам железного и платного дела на Урале.

Известный уральский лесничий и лесовед Н. Г. Мальгин опубликовал семь статей по тематике, связанной с его профессиональной деятельностью: о развитии лесного хозяйства, об опытах в этом направлении в зарубежных странах.

Еще одним из постоянных авторов и одновременно одним из редакторов первых десятилетий существования «Горного журнала» был Д. И. Соколов, минеролог, геогност, преподаватель Горного кадетского корпуса, опубликовавший в журнале 14 статей.

На страницах журнала также можно обнаружить исследования, принадлежащие французскому горному инженеру, находившемуся на русской службе, графу Ш. де Сент-Альдегонду. Этот специалист интересен тем, что в дальнейшем стал переводчиком (за что получал денежные гонорары от Горного ученого комитета) с русского на французский язык ряда статей из «Горного журнала» с целью популяризации достижений российской научной мысли за границей [РГИА, ф. 44, оп. 3, д. 2].

Кроме того, из зарубежных авторов выделяется известный французский химик Ж. Гей-Люссак. На страницах «Горного журнала» было опубликовано семь его статей.

Подводя итог, можем отметить, что рассмотренный в самых общих чертах Указатель является важным источником историко-библиографической информации. Он незаменим для исследователей, занимающихся изучением истории функционирования и деятельности одного из главных научно-технических периодических изданий императорской России – «Горного журнала».

В перспективе не меньший интерес представляет изучение более поздних указателей статей «Горного журнала».

Алеврас Н. Н., Хамитова К. М. Библиографический указатель как источник для создания базы данных о диссертациях историков, защищенных в ЛГУ (ЛЮЛГУ) в 1934–1954 гг. Из опыта анализа библиографической информации // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2020. № 2. С. 136–143.

Аносов П. П. О булатах // *Горн. журнал*. 1841. № 2. С. 1–168.

Белоглазов И. Н., Кен Н. А., Воробьев А. Г. На пользу Отечеству. М.: Изд. дом «Руда и металлы», 2000.

Неклюдов Е. Г. «Горный журнал» в 1825 г.: начало истории издания // *Горн. журнал*. 2022. № 3. С. 82–88.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 44. Штаб корпуса горных инженеров.

Тихонов Б. В. Официальные журналы второй половины 20-х – 50-х годов XIX в. // *Проблемы источниковедения*. Вып. 7. М., 1959. С. 150–203.

Указатель статей Горного журнала с 1825 по 1849 год, состоящий из систематического указателя статей и алфавитного указателя авторов / сост. Роман Кемпиньски. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850.

Фаерман Е. М. Развитие отечественной горной науки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Эймонтова Р. Г. Пути и задачи исторической библиографии // *История СССР*. 1973. № 5. С. 180–189.

УДК 930.23+94(47):338.24.021.8

В. Л. Берсенов
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

История экономики как часть общей экономической теории довольно часто подменяется «историями об экономике». Между тем миссия историко-экономической науки заключается, по Дж. Н. Кейнсу, не только в том, чтобы иллюстрировать какие-либо концептуальные положения, но и пред-

лагать основания для критики уже известных доктрин и способствовать разработке новых экономических теорий. В частности, на основе большого массива исторических материалов в свое время удалось построить вербально-графическую модель экономической (хозяйственной) реформы. В свою очередь, выявление моментов игнорирования содержательной стороны отдельных элементов модели в процессе реализации преобразований в 1990-е гг. позволило предоставить историческое объяснение неуспеха современной экономической реформы в России. Также с помощью обращения к историческим материалам был разработан алгоритм институционализации, то есть закрепления сложившихся социальных связей в нормах, правилах и соответствующих механизмах. Этот алгоритм предполагает, что процесс превращения каких-либо отношений в институты должен включать в себя четыре этапа: хабиутализации, типизации, объективации и легитимации. Соответственно, несоблюдение очередности этапов (попытки механического перенесения институтов рыночной экономики в российские реалии 1990-х гг.) привело к появлению многочисленных институциональных ловушек, также обусловивших неоднозначные результаты современной экономической реформы в России. Иными словами, история может взаимодействовать с экономической политикой даже столь нетривиальным образом.

Ключевые слова: история экономики, экономическая теория, теория экономических реформ, история аграрных реформ, современная экономическая реформа в России, институционализация, институциональная ловушка.

Фраза «*Historia est magistra vitae*» настолько распространена как среди профессионалов-историков, так и в кругах любителей краеведения, что не всегда ясно, что же понимается под категорией «история». Между прочим, любая охотничья или рыбацкая байка – тоже история, однако базирующаяся преимущественно на фантазиях рассказывающего, хотя она и может быть подкреплена какими-либо вещественными доказательствами. Истории в жанре публицистики могут иметь в основе своей более значимую источниковую базу, что не исключает авторских допущений и предположений, не всегда согласующихся с действительностью. То же самое можно сказать и о мемуаристике, добавив, что человеческая память несовершенна, и воспоминания порой соответствуют реалиям прошлого лишь с той или иной степенью условности. Только история как наука представляет собой в первую очередь не рассказ о чем-то, а процесс выявления, систематизации и анализа самых разнообразных источников, на основе чего делаются соответствующие выводы исторического характера.

В таком случае дидактическая и воспитательная миссии истории воспринимаются каждой из целевых аудиторий настолько своеобразно, что обобщающая характеристика «наставницы жизни» ока-

зывается невозможной. То же самое можно сказать и применительно к истории как науке. История вообще – не более чем абстракция, а в научном плане она предстает в вариантах истории политической, истории культуры, истории науки, в том числе истории экономики и т. д., интеллектуальной истории и в иных ипостасях. Соответственно, в рамках специализации каждое из направлений исторической мысли будет обладать собственной миссией и решать свои специфические задачи.

Историко-экономической науке в этом отношении повезло, поскольку ее целевое предназначение давно уже не является предметом дискуссий. Еще в 1890 г. кембриджский профессор Дж. Н. Кейнс (отец знаменитого Дж. М. Кейнса) опубликовал монографию «Предмет и метод политической экономии», посвятив в ней главу IX «On political economy and economic history» обоснованию триединой задачи истории экономики. По его мнению, обращение к историческим материалам:

- позволяет иллюстрировать экономические теории («economic theories illustrated by history»);
- дает основания для критики экономических теорий («economic theories criticized by history»);
- служит поводом для разработки новых экономических теорий («economic theories established by history») [Keynes, 1999, pp. 122, 125].

Только учет этих установок и следование возникающим при этом требованиям позволяет отделить историю экономики как науки от «историй об экономике», являющихся уделом публицистов и краеведов. В свою очередь, обращение к каким-либо аспектам развития мировой, национальной, региональной и муниципальной экономики в ретроспективе может предоставлять аргументы для оценки тех или иных политических решений в настоящем.

Актуальность идей Дж. Н. Кейнса, высказанных более 130 лет назад, подтверждается возможностями историко-экономического анализа, в том числе и в ситуациях, когда политика и связанная с ней хозяйственная практика начинают доминировать над ранее общепризнанными теориями и даже отрицать их значимость. Примером тому могут послужить результаты одного исследования, осуществленного в первой половине 1990-х гг., в условиях кардинальной смены доктринальных установок в отечественной экономической (и не только) науке.

В отличие от большинства ученых-экономистов из высшей школы, воспринявших начало рыночных преобразований некритично, специалисты из институтов Российской академии наук экономического профиля сразу же поставили под сомнение концептуальную базу, методы и ход реализации начавшейся реформы. Достаточно напомнить, как сотрудники Института экономики РАН во главе с ака-

демиком Л. И. Абалкиным выступали с соответствующими аналитическими докладами [Социально-экономическая ситуация..., 1994], посвящали специализированные разделы ведомственного журнала «Вопросы экономики» рассмотрению как общих вопросов, так и отдельных аспектов реформирования российской экономики (см. № 3, 4 за 1993 г., № 3, 4, 12 за 1994 г. и др.) и т. д.

Институт экономики Уральского отделения РАН занимал аналогичную позицию. При этом в рамках критического анализа преобразований возникла необходимость не просто уточнить категориальный аппарат, но и по-новому раскрыть содержание элементов, образующих в совокупности научное представление об экономической реформе. Для этого было решено использовать исторические материалы, в частности, связанные с реформированием аграрных отношений в России.

Оказалось, что история Российской империи – СССР – Российской Федерации вбирает в себя восемь крупных аграрных реформ, начиная от отмены крепостного права в 1861 г. и до отраслевых аспектов современной экономической реформы, начатой в 1992 г. Вместе с тем несомненным плюсом при проведении исследования выступало то обстоятельство, что основные источники по теме – нормативные акты и отчетные документы по отдельным направлениям преобразований – были опубликованы в официальных изданиях и доступны для анализа.

Впрочем, архивные и публицистические материалы, использованные в ходе препарирования содержательной стороны преобразований, также существенно дополнили информационное поле исследования. В результате было установлено, что экономическая (хозяйственная) реформа характеризуется набором следующих элементов:

1. Целевая установка – краткое определение изменений в социально-экономической и политической организации общества, достижение которых предполагается в результате осуществления реформы.

2. Концепция реформы – набор научно-обоснованных принципов: а) реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности; б) изменения места и функций отдельных его элементов; в) соответствующей перестройки органов государственной власти и управления.

3. Объект реформирования – составляющие механизм регулирования экономических процессов институциональные нормы и правила, а также представляющие их субъекты хозяйственной деятельности, которые подлежат замене в процессе реализации реформы.

4. Нормативная база преобразований – комплекс правовых актов, юридически закрепляющих нормы и правила реорганизации системы

экономических и социальных институтов, образующих механизм регулирования хозяйственной деятельности.

5. Механизм реализации реформы – набор органов власти и управления, а также политических и общественных организаций, законодательно ориентированных на осуществление предполагаемых преобразований [Берсенёв, 1994, с. 23–24].

Соответственно, под экономической (хозяйственной) реформой было принято понимать совокупность мероприятий, осуществляемых центральной властью с целью преодоления назревших социально-экономических противоречий посредством замены утратившего эффективность механизма регулирования экономических процессов другим [Татаркин, Берсенёв, 2004, с. 381].

Обращение именно к аграрным реформам позволило также выявить иерархию объектов преобразований в обобщенном виде. Крестьянская реформа 1861 г., аграрная реформа П. А. Столыпина и революционное решение земельного вопроса в 1917–1919 гг. были направлены на изменение отношений собственности на средства производства, в первую очередь – на землю. Коллективизация сельского хозяйства СССР (1929–1937 гг.) преследовала цель коренным образом изменить формы организации производства. Политика модернизации сельского хозяйства СССР в 1953–1964 гг., аграрный вариант так называемой «новой хозяйственной реформы» 1965 г. и реформа управления агропромышленным комплексом СССР в 1980-е гг. меняли методы регулирования экономических процессов в отрасли. Наконец, современная аграрная реформа, начавшаяся в 1990-е гг., примерно в равной мере была нацелена на все три объекта преобразований [Берсенёв, 1994, с. 118].

Отсюда применительно к преобразованиям 1990-х гг. в целом минимальной критике в ИЭ УрО РАН подвергались только целевая установка и объекты реформирования, поскольку хозяйственный механизм отечественной экономики объективно нуждался в кардинальной перестройке. Концепция реформы (востребованность доктрины монетаризма в условиях высокой инфляции выглядела абсурдно [Берсенёв, 2018]), нормативная база, представленная в основном подзаконными актами и оперативными решениями ряда министерств и ведомств, и институционально слабый механизм реализации воспринимались как причины общего неуспеха преобразований в том виде, как они замыслились.

На институциональную слабость «правительства реформаторов» указывал даже идейный единомышленник Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса, первый заместитель руководителя Рабочего центра экономи-

ческих реформ при Совмине РФ А. Илларионов [Илларионов, 1993]. Сами реформаторы, находясь в плену квазиромантических иллюзий («Свободный рынок рождает свободных людей» и др.) стремились просто перенести в российские реалии институты рыночной экономики, прошедшие длительный период «взрачивания» в совершенно иных условиях. Разумеется, у критиков подхода к преобразованиям, получившего общее определение «шоковая терапия», возникла необходимость определения контуров процесса институционализации норм, механизмов и прочих инструментов современной экономической реформы.

Очевидно, что сам процесс институционализации, то есть превращения каких-либо отношений в институты, отличается продолжительностью и предполагает наличие некоторых этапов. Содержание этих этапов будет отражать изменения в восприятии институционализируемых явлений и закреплении их трактовок в индивидуальном и общественном сознании. Относительно числа этапов институционализации не существует единого мнения. Выделяют от двух [Бергман, Лукман, 1995, с. 90–91, 92] до семи [Князев] и более шагов на пути закрепления сложившихся социально-экономических связей и отношений в нормах, правилах, механизмах и т. д.

В Институте экономики УрО РАН, обратившись к данной проблематике с опорой на исторические источники, пришли к выводу, что оптимальным представляется выделение четырех (по аналогии как с природными, так и с экономическими циклами) этапов процесса институционализации, включая:

I этап – хабиитуализации, то есть опривычивания часто повторяемых действий, регулярно принимаемых решений и т. д.

II этап – типизации, то есть превращение опривыченных действий в типичные для широкого круга участников социально-экономических отношений.

III этап – объективации, то есть отделения складывающейся нормы от персональных особенностей ее первоисточника.

IV этап – легитимации, то есть официального правового закрепления.

Обращение к многочисленным памятникам как экономической, так и правовой мысли свидетельствует, что на практике по ходу хабиитуализации и типизации возникают обычаи делового оборота, которые на этапе объективации получают не просто общественное признание, но и закрепление в различного рода кодексах деловой и профессиональной этики, а также в законотворческих инициативах. Логическим финалом такого рода инициатив становится утверждение сложившегося института на нормативно-правовом уровне.

Несоблюдение рассмотренной последовательности на начальной стадии рыночных преобразований в 1990-е гг. привело к возникновению многочисленных «институциональных ловушек». Данную категорию ввел в научный оборот академик В. М. Полтерович [Полтерович, 1999; 2001 и др.] из ЦЭМИ РАН, трактуя ловушки как внешне соответствующие предназначению, но фактически неэффективные институты.

Таким образом, весьма неоднозначные результаты современной экономической реформы в России можно объяснить не только и не столько причинами внешних и внутренних сил, но и посредством демонстрации последствий игнорирования научных оценок явлений и процессов, составляющих содержание проводимых преобразований. При обосновании же этих оценок весьма полезным бывает обращение к историческим материалам. Тем самым история может взаимодействовать с экономической политикой даже столь нетривиальным образом.

Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Берсенёв В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений. Свердловск: УрО РАН, 1994.

Берсенёв В. Л. Теоретические основы современной экономической реформы в России: миф о монетаризме // Труды VIII Всерос. симпозиума по экон. теории. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 12–13.

Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопр. экономики. 1993. № 4. С. 19–26.

Князев А. Процесс, понятие и этапы институционализации. Институционализация в России. Институционализация – это... // FB.ru. URL: <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institutsionalizatsii-institutsionalizatsiya-v-rossii-institutsionalizatsiya---eto> [дата обращения: 16.08.2022].

Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.

Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации : аналитич. докл. Ин-та экономики РАН) // Вопр. экономики. 1994. № 2. С. 126–160.

Татаркин А. И., Берсенёв В. Л. Теория и практика реформирования отечественной экономики во второй половине XX в. // Социальные трансформации в российской истории : доклады междунар. науч. конф., 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург – Москва: Академкнига, 2004. С. 379–393.

Keynes J. N. The Scope and Method of Political Economy. Kitchener: Batoche Books, 1999.

ИЗУЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ В XX в.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАРРАТИВА¹

Характеризуются основные трудности при изучении внутрироссийской миграции в XX в. На основе анализа трехчастного процесса миграции (факторы и мотивы – акт миграции – последствия) делается вывод о неизбежности первоочередного исследования агрегированной статистики, в том числе обобщенных сведений текущего учета и материалов переписей населения ввиду специфики доступных источников. Эти материалы, при всей их важности, разрознены и не всегда сопоставимы при определении миграционной динамики. Важнейшим недостатком имеющихся агрегированных источников является недостаток сведений о качественных характеристиках мигрантов, заложенный уже на этапе сбора информации. Дается оценка источникам об организованной миграции. Констатируется почти полное отсутствие миграционных исследований, основанных на номинативных источниках, способных существенно расширить представления о характере миграционных процессов в России – СССР в прошедшем столетии.

Ключевые слова: внутренняя миграция, Россия в XX в., историческая демография, переписи населения, текущий учет населения, организованная миграция.

С точки зрения целей любого исторического исследования исключение *абсолютной численности* мигрантов, само по себе непростое, малопродуктивно, поскольку не позволяет судить о состоянии человеческого капитала в местах входа и выхода мигрантов и, соответственно, о динамике качественного развития территории. Между тем конвенциональные источники в сфере изучения отечественной миграции услужливо подталкивают историка к первоначальному изучению статистики численности мигрантов, лишь фрагментарно сообщая о прочих, не менее значимых параметрах миграции. Поэтому чрезвычайно важны любые характеристики, описывающие *состав* переезжающих. Если он напрямую не задается формуляром исследования (чаще всего именно так и происходит), исследователь вынужден отслеживать их

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».

косвенным путем – по имеющимся характеристикам населения, информации о заказчиках и организаторах исследования, либо характеристикам фондообразователя, если соответствующие сведения обнаружены в архивах.

При изучении миграции важно понимать, что она представляет собой трехчастный процесс (принятие решения – акт миграции – последствия миграции). Имея представление обо всех трех составляющих при изучении миграционных процессов, мы оказываемся в состоянии судить, кто и почему приезжает, в каком количестве и с какими результатами (на какой срок, степень адаптивности к новым условиям и т. п.).

Теоретически возможно, имея представление о местах выхода мигрантов, проанализировать *факторы* миграционной активности (и *мотивы* – на личностном уровне) для сопоставления с ситуацией в местах вселения. Это позволяет оценить, насколько в конечном счете оправдались ожидания переселенцев. В довольно немногочисленных работах, где изучается миграционный отток (как правило на сельском материале), используется иллюстративный нарратив, опирающийся на архивные сведения о политике властей, а также об экономических и социальных условиях в местах выхода мигрантов [Вербицкая, 1986; Горбачев, 2002; Никитаева, 1996 и др.]. Систематических исследований факторов миграционного оттока населения в зависимости от региона выхода не проводилось.

Изучение *последствий* миграции возможно на общем уровне (влияние на качественные характеристики населения, состояние трудовых ресурсов и т. п.) и индивидуальном (особенности адаптации). Для получения адекватных результатов необходимы сведения о качественных характеристиках населения в местах вселения с выделением контингента мигрантов. Исследования такого рода предпринимались социологами на отдельных территориях СССР, начиная с 1960-х гг. [см. напр. Зайончковская, 1972; Корель и др., 1988]. Ввиду крайней трудоемкости работы, рассредоточенности и фрагментарности доступных данных систематические сведения об этих процессах отсутствуют.

В результате, по причине информационной недостаточности материалов о причинах и последствиях миграции центр тяжести в миграционных исследованиях неизбежно переносится на изучение собственно *акта миграции*, где наиболее востребованной оказывается статистика.

В этой сфере ситуация также не внушает большого оптимизма. Статистика миграции населения, воспринимаемая как часть демографической статистики, на самом деле занимает в ней достаточно

маргинальное положение. Проблема в том, что показатели, обычно применяемые для исчисления населения, дают представление лишь об отдельных, не всегда важных сторонах миграционных процессов. Чаще всего оперируют показателем «механический прирост населения», позволяющим судить о вкладе мигрантов в общую численность населения, иногда с разбивкой по полу и редко – по возрасту.

Специалисты по миграции оперируют понятиями «потоки» и «контингенты» [см. подробнее: Доклад о миграции..., 2020]. Под первыми подразумеваются совокупности людей, совершающие акт миграции, под вторыми – недавние мигранты в постоянном населении. Данные о потоках формируются в ходе текущего учета населения, о контингентах – в результате переписей населения. Исторически сложилось так, что данные о контингентах доступны гораздо в большей степени, чем о потоках (не только в России, но и в мире). Причина – в проблемах *текущего учета* и доступности его материалов, т. е. сведений паспортных столов и отделов кадров предприятий. Именно такого рода данные были востребованы при изучении приживаемости новоселов в городах [Зайончковская, 1972].

Социологи использовали адресные картотеки, содержавшие листки «Прибытие» и «Убытие» на всех взрослых граждан. Преимущество подобных сведений в том, что помимо места выхода (и возможного вселения), имеется возможность выявления качественного состава мигрантов (пол, возраст, национальность, цель приезда). Последний показатель не был востребован по причине его очевидной условности (на работу, учебу, постоянное жительство или по семейным обстоятельствам). При статистической разработке таких материалов обычно учитывались данные о поле, возрасте, местах выхода и вселения, а также о детях до 16 лет, перемещавшихся вместе со взрослыми [Переведенцев, 1975, с. 43–47].

Следует иметь в виду, что текущий учет механического движения населения в стране был организован относительно поздно. Например, в Уральской области он был введен постановлением Уралоблисполкома с 1 августа 1925 г. [Журавлева, 2014, с. 190], и в 1932 г. был дополнен введением паспортной системы с институтом прописки.

Кроме того, изучение первичной информации текущей мобильности населения затруднено по следующим причинам:

1. Малый срок хранения листков прибытия и убытия (до пяти лет).
2. В листках фиксировались не только мигранты, но все, сменившие место жительства, в том числе в границах населенного пункта.
3. В системе текущего учета населения обычно гораздо лучше фиксируются прибытия, нежели убытия (которые не фиксируются,

либо фиксируются неопределенно). Для 1950-х гг. погрешность данных при выписке сами статистические органы определяли примерно в 5 %, хотя по более заслуживающим доверия оценкам она достигала 17 % [см.: Попов, 1996, с. 129–130].

Ввиду недоступности первичных материалов текущего учета исследователь неизбежно обращается к обобщенным данным. Они доступны в архивах в виде статистических разработок [см. напр.: ГАСО, ф. Р-1813, оп. 11], однако в них попадали только городские и паспортизированные сельские поселения. Отдельно выделялись города свыше 500 тыс. жителей (в уральских разработках фигурируют города Свердловск, Челябинск и Пермь). Данные по остальным вместе взятым городским поселениям области, края или республики, и всем сельским поселениям рассчитывались путем сплошной или неполной (случайной) выборки. Общая закономерность такова: чем больше число прибывших (выбывших), тем меньше выборка (при количестве от 20–30 тыс. – 50 %, от 50 тыс. – 20 %) [см.: Переведенцев, 1975, с. 45]. Статразработки содержат сведения о регионе выбытия мигранта, а также о том, из городской или сельской местности он прибыл (без указания населенного пункта). Из качественных характеристик доступны данные о распределении мигрантов по полу и возрасту.

Уже в первичных материалах текущего учета отсутствовали сведения о социальном положении, образовании, профессии и квалификации мигрантов. В. И. Переведенцев называет эту систему «убогой». Таким образом, сколько-нибудь полное выявление качественного состава мигрантов с использованием материалов текущей статистики невозможно.

К недостаткам учета добавим весьма прихотливую систему определения городских поселений (например, по правилам 1957 г., численность населения городов должна быть не менее 12 тыс. чел. с удельным весом рабочих и служащих не менее 85 % [О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов..., 1957]). Статус города присваивался административно, а такие решения запаздывали; в сфере подчинения горсовета нередко оказывались сельские поселения, плюс специфически советское изобретение «поселки городского типа», сопутствовавшие появлению совхозов при том, что во всем прочем они имели с городскими поселениями очень мало общего. Но именно по этим критериям нам предлагается разграничивать сельскую и городскую миграцию.

Дополнительным подспорьем могут служить данные единовременного учета возрастного и полового состава сельского населения по районам области (края, республики) на 1 января каждого года, а также

балансы трудовых ресурсов (с начала 1960-х гг.). В них содержится информация о распределении рабочих, служащих, колхозников, а также остального занятого населения по отраслям; об учащихся в возрасте 16 лет и старше, обучавшихся с отрывом от производства, о трудоспособном населении, занятом в домашнем и личном хозяйстве.

Еще одним источником сведений текущего учета являются отделы кадров предприятий. Ж. А. Зайончковская поделилась своим опытом использования документов отделов кадров при изучении миграции. Главным преимуществом подобного учета исследовательница считает обширные сведения о каждом работнике, позволяющие оценить качество и квалификацию рабочей силы. Допуск при анализе состоит в том, что поступление на работу либо увольнение связаны с миграцией, что далеко не всегда верно. Другая проблема видится в том, что отделы кадров фиксируют лишь состояние трудовых ресурсов, оставляя в стороне нетрудоспособные категории населения [Зайончковская, 1972, с. 34].

Основную информацию о *контингентах* мигрантов дают переписи населения. Данные о миграции присутствуют в материалах Всесоюзных переписей 1926, 1970 и 1979 гг. Особенностью переписи 1926 г. является то, что к мигрантам она причисляла всех неместных уроженцев, даже если они родились в другом уезде той же губернии. Таким образом, мигранты определялись по месту рождения опрашиваемого – это наиболее часто используемый в мировой практике показатель при изучении миграции. Недостатком такого подхода является то, что не фиксировались переезды из места рождения и обратно, время и количество переездов.

Преимуществом переписи 1926 г. в сравнении с переписью 1897 г. было более дробное административное деление страны (190 административных единиц вместо прежних 90) при существенно сократившейся территории государства. В результате места выхода мигрантов показаны гораздо точнее. Приводятся общие данные по месту рождения мигрантов (область, губерния, округ и т. п.), пол, текущее место жительства (село или город), продолжительность проживания в этом месте, а также состав рабочей силы и ее распределение по основным этническим группам и полу как в текущих границах СССР, так и по регионам Российской империи. Это едва ли не единственный случай, когда возможно прямое сравнение данных о миграции со сведениями предшествовавшей переписи (1897 г.).

Отсутствие миграционной статистики в переписях 1939 и 1959 гг. обосновывалось преимущественно или исключительно плановым характером миграции при социализме. Но даже при попытке сопоставления сведений «миграционных» переписей 1970 и 1979 гг. мы стал-

киваемся с проблемой, что если в 1970 г. соответствующий вопрос формуляра касался смены места жительства в течение последних двух лет перед переписью, то в 1979 г. (как и в 1926 г.) – места рождения опрошиваемого. Причина особой формулировки 1970 г. состояла в стремлении выявить интенсивность миграционных перемещений в условиях активного оттока из села в город. Платой за новое знание оказалась несопоставимость данных с переписями 1926 и 1979 гг.

В материалах переписи 1970 г. доступны данные о городском либо сельском происхождении мигрантов для каждой административной единицы; оказывается возможным выявить миграционные потоки между городами различных размеров, определить интенсивность потоков город – город, село – город и город – село [Rowland, 1986, р. 123]. Переписи отчасти дают возможность определить интенсивность и миграционных *потоков*. Для этого данные о естественном приросте населения в конкретном регионе (баланс рождений и смертей) сопоставляются с общими данными об изменениях численности населения, например, за период 1959–1970 гг. Таким образом, мы получаем показатели нетто-миграции (чистого миграционного прироста либо убыли). (Здесь следует оговориться, что рассчитать таким образом объемы послевоенной миграции по переписи 1959 г. в сравнении с 1939 г. невозможно ввиду фактора военных потерь, затеняющего все прочие данные).

Разновидностью миграционных контингентов являются *организованные мигранты* (оргнабор рабочих, сельскохозяйственное переселение, принудительные мигранты, т. е. репрессированные, а также эвакуированные в годы Великой Отечественной войны). Статистика организованного выбытия доступна в архивных материалах органов по сельскохозяйственному переселению и организованному набору рабочих и востребована исследователями. В основном анализировались регионы вселения организованных мигрантов (Пискунов, 2016; Чернышева, Бровцин, 2015, и др.). Как и в случае со стихийной миграцией, ситуация в районах выхода организованных мигрантов рассматривалась гораздо реже (см. напр. Вербицкая, 1986; Горбачев, 2003). Тема принудительных миграций активно разрабатывалась, а самыми известными исследованиями этого рода являются труды П. М. Поляна и В. Н. Земскова (Земсков, 2005; Полян, 2001). При анализе организованной миграции важно понимать, что она отражала официальные советские представления о миграции (плановое перемещение рабочей силы при социализме), формирующие соответствующий идеологический дискурс в том числе в документационном обеспечении организованной миграции. При этом доля организованных мигрантов в миграционном потоке, как правило, была не очень значительной.

Она составляла от 20 % и выше до войны и в первые послевоенные годы к примерно 10 % в 1950-е гг. с дальнейшей тенденцией к снижению. Поскольку сведения о количестве организованных мигрантов более доступны, чем о неорганизованных перемещениях (например, в послевоенный период), то с учетом их примерного представительства в общем миграционном потоке можно оценить общую интенсивность миграции для конкретного региона.

Наибольшую сложность для исследователя представляет изучение *маятниковой (сезонной) миграции*. Опосредованно о ней можно судить, например, по отчетам колхозов и сводным отчетам отделов сельского хозяйства «о количестве колхозников, работающих в государственных и кооперативных организациях». Почти отсутствует информация о маятниковых мигрантах из ближайших пригородов крупных городов, ежедневно совершающих поездки на работу, учебу или за покупками.

Итак, при формировании исследовательского нарратива о внутрироссийской миграции в XX в. исследователь постоянно вынужден решать для себя проблему неполноты статистических данных. Она особенно актуальна в отношении миграционных *потоков* и лишь отчасти компенсируется сведениями о *контингентах*. Как мы видели, данные переписей населения в этом отношении очень фрагментарны – как из-за отсутствия внимания к теме миграции у разработчиков переписей, так и по причине длительных межпереписных периодов. В наибольшей степени это касается важнейшего временного отрезка 1939–1959 гг.

Другая проблема – необходимость апеллировать исключительно к агрегированным, обобщенным данным. Удобные для анализа количественных сведений, они дают скудную и весьма избирательную информацию о качественных характеристиках мигрантов. С другой стороны, имеется очень немного номинативных источников, позволяющих реконструировать конкретные жизненные сюжеты. Неудивительно, что отечественная историография миграции обходит эту тему стороной. Удачной попыткой преодолеть сопротивление источников, перейти от изучения потоков и контингентов к индивидуальным историям российских мигрантов, от государства к личности следует считать работу американских историков Л. Сигельбаума и Л. П. Мох [Siegelbaum, Moch, 2014; об этой книге см. также: Горбачев, 2016]. Авторы широко используют письма во власть, дневники, мемуары, и даже художественную литературу.

Таким образом, опираясь преимущественно на статистику миграции, исследователь неизбежно вынужден играть по правилам историков-демографов. Но и это невероятно сложно, учитывая скудость

доступных данных. Если же мы пытаемся определить «человеческое лицо» миграции, то при обращении к источникам о качественных характеристиках миграции сталкиваемся с опасностью утраты общей картины; возникают проблемы с формализацией и верификацией доступных данных. Необходимы баланс и четкие представления об ожидаемых результатах.

Вербицкая, О. М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // *Вопр. истории.* 1986. № 12. С. 13–26.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг.: М. Наука, 1992.

Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Изд-во МПГУ, 2002.

Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // *Вопр. истории.* 2003. № 2. С. 138–148.

Горбачев О. В. «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica.* 2016. Т. 4. № 3. С. 268–281.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета РСФСР по статистике. 1934–1997.

Доклад о миграции в мире 2020 // Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014.

Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах М.: Статистика, 1972.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005.

Корель Л. В., Тапилина В. С., Трофимов В. А. Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988.

Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 – середина 80-х гг.) // Судьбы российского крестьянства / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.

О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков : указ Президиума ВС РСФСР от 12.09.1957 // *Ведомости ВС РСФСР.* 1957. № 1. С. 3.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975.

Пискунов С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016.

Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни) : дис. ... докт. ист. наук. М., 1996.

Полян П. М. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.

Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 гг. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015.

Rowland R. H. Urbanization and Migration Data in Russian and Soviet Censuses // *Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Clem R. S. (ed).* Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986. P. 113–130.

Siegelbaum L., Moch L. P. Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014.

ИСТОРИК И ИСТОРИЯ: ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ КАРТИНА ПРОШЛОГО

В статье рассматривается история не как объект мышления историка, а как структура его сознания, т. е. как картина (нарратив), которая зависит не столько от источника, сколько от историка, его психики. Рассматриваются примеры, каким образом различные структуры восприятия (аристократизм/демократизм, экстравертность/интровертность, логика/этика) влияют на создание исторического полотна. Картина (карта) прошлого зависит от историка, его концепции (представления/описания), от его восприятия и мышления.

Ключевые слова: философия сознания, психология восприятия, философия лингвистики, соционика, восприятие истории, историческое сознание, историческое мышление, модель прошлого.

Главный тезис. Картина (карта) прошлого зависит от историка, его концепции (представления/описания), от его восприятия и мышления.

Проблема. Чтобы изучить прошлое, историк работает с источниками. Однако историк вынужден всегда трактовать источник по-своему, он всегда воспринимает только форму, но не первоначальный смысл, заложенный в источнике. Источник для него проявляется как «пустая форма», которую он наполняет своим пониманием: «Технически передается только форма, и воспринимается только форма. Смыслы туда мы вкладываем сами. Чтобы сообщение было воспринято адекватно, приемник должен вкладывать в эту форму тот же самый смысл, что и передатчик. Однако, когда описание мира приемника отличается от описания передатчика, этого может не произойти» [Ренин, 2015, с. 35]. В любом случае то, что нарисовано на картинке отличается от того, что мы видим на этой картинке.

Основные методологические принципы решения проблемы. Чтобы корректно изучить прошлое, нужно работать не с источником, а со своим пониманием источника, не с прошлым, а со своим пониманием прошлого. И помощь в этом оказывают не методы исторической науки, а подходы и принципы философии и психологии (работы А. М. Пятигорского в области философии сознания, Г. Р. Рейнина в области психологии восприятия, А. Коржибского в области философии лингвистики).

Прежде всего, стоит обратить внимание на основной тезис российского философа А. М. Пятигорского: можно традиционно рассматривать историю (прошлое) как объект исследования. В этом случае сохраняется проблема, которая обозначена выше: историк вне своего желания, абсолютно неосознанно, но с полным убеждением в своей правоте, насыщает источник своим пониманием. Однако можно рассматривать историю как историю сознания, как структуру сознания, как осознаваемое, которое не существует вне его осознания. «В философии сознания “история” есть “мышление об истории”, то есть “история как сознание”, а не “история как объект сознания”. Иначе говоря, “история” здесь – “осознаваемое”, содержание которого ... не мыслится вне его осознаваемости. История осознается как структура ... образование эмпирического сознания» [Пятигорский, 1997]. При данном подходе историк понимает, осознает, что он именно он является автором истории.

Но что же осознает историк, что является объектом его восприятия, почему один исследователь выделяет из общего фона фактов, событий и явлений что-то одно, а другой исследователь – другое?

Ответ на этот вопрос дается в любом учебнике по психологии: без концепции нет перцепции, без описания нет восприятия (этому посвящена огромная литература как в европейской, так и в российской историографии). Российский психолог Г. Р. Рейнин сформулировал это так: «Описание мира играет роль цензуры в наших отношениях с реальностью. Мы как бы вычеркиваем из воспринимаемой нами реальности то, чего нет в описании. И даже, если это имеет место в реальности других людей, в нашей реальности этого нет» [Рейнин, 2015, с. 32].

Чтобы описать существующий мир (историю) можно создать карту (модель) мира (истории). Здесь уместно привести высказывание американского ученого А. Коржибского об описании мира: «Карта не есть территория. Наше представление о мире не является миром. Карта – это не территория, модель мира – не сам мир, но хорошая карта структурно подобна территории, и в этом ее польза» [Korzybski, 1958, р. 58.]. В более поздней версии этого доклада, который вошел в книгу, тезис звучит немного иначе: «Язык подобен карте; он не является территорией, которую он изображает, но как карта он может быть хорош или плох» (Коржибский, 2007).

Используя предложенную терминологию, можно предложить следующую *карту восприятия*:

– что воспринимается: «объективная историческая реальность»;

- что определяет восприятие: концепция;
- в какой форме представлено: структуры психики по переработке информации;
- какая функция: создание ОБРАЗА истории «как это было на самом деле».

И – противопоставляя восприятию – предлагаю также *карту профессионального исторического мышления*:

- что мыслится: история как сознание;
- что определяет мышление: структуры психики по переработке информации;
- в какой форме представлено: процедуры мышления, процедуры установления знания, термины, понятия, суждения, умозаключения, гипотезы, теории;
- какая функция: создание МОДЕЛИ (карты, картины) истории, создание нового знания об истории. Лучшее, на мой взгляд, структурное описание картины истории, а также процедур установления научного исторического знания и его отличия от идеологии сделал эстонский философ Э. Н. Лооне [Лооне, 1980].

Из всех представленных аспектов (координат) самыми непонятными для историков являются, как представляется, структуры психики по переработке информации. Еще сто лет назад швейцарский философ и психолог К. Юнг описал основные структуры психики и психологические типы. Юнг предлагает описание пространства личности при помощи четырех признаков: экстравертированность/интравертированность, интуиция/сенсорика, мышление/эмоции и рациональность/иррациональность [Jung, 1971; Юнг, 2001]. Сейчас эти и другие структуры более подробно изучены и описаны в одной из отраслей психологии восприятия, в соционике, дающей представление о том, как различные встроенные в психику «фильтры», которые определяют прием, переработку и выдачу информации. Как минимум 16 дихотомий в процессе приема, переработки и выдачи информации выделено А. Агустинявичуте и Г. Р. Рейниным [Рейнин, 2005; Рейнин, 2022].

Фильтры процесса приема, переработки и выдачи информации:

- экстравертность/интровертность определяют восприятие и отношение к источникам;
- сенсорика/интуиция определяют восприятие времени, последовательности событий;
- логика/этика определяют восприятие и объяснение фактов, событий;
- аристократизм/демократизм определяют восприятие человека и его место в картине истории.

Никаких исследований, которые выяснили бы зависимость результата исторического исследования (книги, статьи) от психотипа его автора (от его «фильтров» восприятия и описания истории) не было проведено. Отрицать зависимость историка от своей психики невозможно, но сводить все исследования только к особенностям восприятия исследователя также нельзя. Все зависит от степени профессионализма. Однако любой историк знает, что есть совершенно разные картины истории, которые описывают прошлое с разных точек зрения (дело не в оценках прошлого, а в выборе объектов описания и т. п.).

Предложим несколько примеров, часть из которых приведена в статье об одной из книг С. С. Войтикова [Зеленов, 2020, с. 195–198].

Аристократизм/демократизм определяют восприятие человека и его место в картине истории. Аристократы воспринимают и изучают людей в иерархии, как членов той или иной социальной группы. Демократы воспринимают и изучают индивидуальные качества человека.

И. В. Сталин (наделенный фильтром «аристократизм») при редактировании учебника «Краткий курс истории ВКП(б)» вычеркнул почти все фамилии, приведенные в первоначальном тексте Ем. Ярославским и П. Н. Поспеловым. И оправдывал свою позицию так: «Проект учебника был построен на лицах, главным образом, кто как героически вел себя, кто сколько раз бежал из ссылки, кто сколько пострадал ради дела и т. д. и т. п. [...] А что нам дадут лица? Я не хочу противопоставлять идеи лицам, хотя, конечно, о лицах придется говорить, но говорить насколько это необходимо. Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне» [Сталин, 2014, с. 428–429].

А Л. Н. Толстой (наделенный фильтром «демократизм») оправдывал свое внимание к индивидуальным качествам человека следующим образом: «Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различных предмета. [...] Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди.

Историк обязан иногда, пригибая истину, подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность с своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека» [Толстой, 1981, с. 359].

В книге А. А. Зимина об опричнине [Зимин, 1964] более описаны структуры, чем люди. А в исследовании об опричнине В. Б. Кобрин

[Кобрин, 2008] более описаны люди, чем структуры. В сборнике статей о В. И. Ленине [О деятельности В. И. Ленина..., 1958] Ленин и его соратники/противники представлены как представители той или иной социальной (политической) группы (и эта позиция часто встречается в исследованиях вне зависимости от года написания и издания). А вот в книге Л. Данилкина [Данилкин, 2018] лидер большевиков и руководитель советского государства и его окружение описаны во всем противоречии и яркости человеческих натур.

Экстравертность/интровертность определяют восприятие и отношение к информации, к источникам. Экстраверт обращен к внешнему миру, к внешним объектам, ему нужна новая информация о них. Интроверт обращен к субъекту, он ориентируется на свое ощущение от объекта, поэтому ему много информации не нужно.

Пожалуй, наиболее ярко отношение интроверта к источникам описал Сталин (носитель фильтра «интровертность»): «Слуцкий считает существующие партийные документы недостаточными. Почему, на каком основании? [...] Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов в виде, скажем, резолюций большевиков, лишней раз трактующих о необходимости уничтожения централизма. Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к централизму? Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?» [Сталин, 1951, с. 95–96].

В отличие от Сталина, Л. Д. Троцкий (обладатель фильтра «экстравертность») стремился максимально усилить свои работы источниками. Характерный пример – его постоянное обвинение, что Сталин (и его придворные историки) скрывают от партии важные документы. Так, он писал: «История протокольной записи заседания петроградского Комитета 1 ноября рассказана в тексте книги. И в этом случае мы имеем перед собою документ, злонамеренно скрытый от партии. На корректурном оттиске сделана надпись: “в разбор”. По счастливой случайности оттиск с корректурной правкой и подписями своевременно попал в наши руки. Этим ценная частица истории Октябрьской революции спасена от “разбора”» [Троцкий, 1990].

Вероятно, каждый историк может привести примеры, когда он встречал статьи (книги), насыщенные множеством источников, и статьи (книги), посвященные тому же периоду, той же проблеме, когда на

основании широко известных документов дается оригинальный анализ исторической реальности.

Логика/этика определяют восприятие и объяснение фактов, событий. Логик ориентирован на маловероятностные события, выделение важных свойств объекта, выделение объективных закономерностей, упорядоченность. Этик ориентирован на высоковероятные события, не выделяет иерархию качеств, выделяет взаимоотношения людей, эмоции, проецирует свое отношение к людям.

Сборник документов о Политбюро и правительстве [Политбюро и Совет министров..., 2002] является собой пример книги, в которой доминирует логика. Прежде всего, выделены властные, управленческие структуры, их функции и руководители, очерчен механизм принятия решений. А далее выделены эпизоды прошлого, являющиеся экстраординарными, неповторяющимися: «дело авиационной промышленности», кампания против интеллигенции, «ленинградское дело» и «дело Госплана» и т. п. Это такие же маловероятностные события, как эпидемия чумы или извержение вулкана, зафиксированные в летописях.

А вот сборник документов о письмах во власть [Письма во власть..., 2002] ориентирован на высоковероятные события, не выделяет иерархию качеств, выделяет взаимоотношения людей. В книге представлены в хронологической последовательности письма людей, принадлежащих к разным социальным группам, о проблемах их бытовой жизни.

Еще один аспект дихотомии *логика/этика* проявляется в ориентации на разные объекты исследования. Если логик ориентирован на выделение важных свойств объекта, на их понимание и объяснение, то этик ориентирован на сферу человеческих отношений и эмоций. Так, например, ленинградский археограф и юрист М. П. Ирошников [Ирошников, 1974] выделяет существенные признаки СНК, его структуру, делопроизводство, механизм принятия решений и т. д. А посвятивший существенный раздел в монографии этому же сюжету москвич историк С. С. Войтиков [Войтиков, 2018] сосредоточил свое внимание на взаимоотношениях между людьми, на борьбе за власть, на интригах.

В этом кратком очерке, посвященном восприятию и написанию истории, не раскрыты сюжеты о влиянии концепции на создании картины прошлого, о мастерстве профессионального историка, некоторые другие сюжеты. И все-таки, можно подвести некоторые итоги наблюдений над историографией:

1. Восприятие любого человека (и профессионального историка) зависит от привычного описания «объективной истории» (от концепции).

2. Механизм восприятия и обработки информации [о прошлом] диктует предпочтения в создании картины прошлого (акцент на работе с источниками, внимание к структурам и статусу людей, или же к взаимоотношениям между людьми, к изучению повседневной истории, или же к изучению чрезвычайных событий и т. д.).

3. Профессиональный историк должен выйти за рамки бытового восприятия прошлого, отслеживать свой механизм восприятия и создавать не оценочный образ прошлого, а продуманную модель истории (для него история не как объект сознания, а структура сознания).

4. История – многомерный объект, она может быть любой. Работа профессиональных историков, создающих различные модели прошлого, превращают картину истории из плоской в объемную.

Войтиков С. С. История противостояния: ЦК или Совнаркоме? М.: «Вече», 2018.
Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2018.
Зеленов М. В. Война и мир Сергея Войтикова // Отеч. история. 2020. № 5. С. 195–198.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964.

Прошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин): очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л.: Наука. Ленинград. отделение, 1974.

Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика : избр. тр. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2008.

Коржибски А. Наука и психическое здоровье. Кн. II. Общее введение в не-аристотелевы системы и общую семантику / пер. О. Матвеева. URL: <http://opentextnn.ru/old/data/files/Korzybski2.pdf> (дата обращения: 05.11.22).

Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980.

О деятельности В. И. Ленина в 1917–1922 гг. : сб. ст. / ред. колл.: доц. И. Г. Рябцев (гл. ред.) и др. М.: <Б. и.>, 1958.

Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / сост. А. Я. Лившин и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Политбюро и Совет министров СССР. 1945–1953. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Пятигорский А. М. Предисловие ко второму изданию. Заметки об одной из возможных позиций философа // Пятигорский А. М., Мамардашвили М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символизме и языке. / под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997.

Рейнин Г. Р. Соционика. Типология. Малые группы. СПб.: Образование – Культура, 2005.

Рейнин Г. Р. Механизм человеческого восприятия. Вижу – верю – знаю // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 30–36.

Рейнин Г. Р. Соционика. Наедине с другими. М.: Aegitas, 2022.

Сталин И. В. [Выступление на совещании пропагандистов и руководящих работников по пропаганде Москвы и Ленинграда «По вопросам об изучении истории ВКП (б)»] // «Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: В 2 ч. / сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 428–431.

Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1951. С. 95–96.

Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 7. М.: Худ. лит., 1981. С. 356–366.

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Репринтное воспроизведение книги, опубликованной в Берлине в 1932 г. издательством «Гранит». М.: Наука, 1990.

Юнг К. Г. Психологические типы / пер. С. Лорие под ред. В. Зеленского. СПб., 2001 // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4132> (дата обращения: 05.11.22).

Jung C. G. Psychological Types. The Collected Works of C. G. Jung. Vol. 6. Bollingen Series XX. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971.

Korzybski A. Science and sanity: An introduction to non-aristotelian systems and general semantics. 4th ed. Lakeville: Institute of General Semantics, 1958.

УДК 94(571.51/52).082:[070:364.054]

С. Г. Злотникова
Хакассский государственный
университет, г. Абакан

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье освещаются вопросы благотворительности в Енисейской губернии с 1891 по 1893 гг. по материалам периодических изданий Восточной Сибири. Осуществлен сравнительный анализ содержания газет «Енисейские губернские ведомости», «Восточное обозрение» и журнала «Енисейские епархиальные ведомости». По вопросу благотворительности в Енисейской губернии на страницах «Ведомостей» было опубликовано незначительное количество материала, за исключением периода 1891–1893 гг. В церковном журнале «Енисейские епархиальные ведомости» основное внимание уделялось проблемам местной жизни и вопросам совершенствования духовенства. Солидное место в издании занимал материал, посвященный благотворительной деятельности в отношении церковно-приходских школ. Еженедельная газета «Восточное обозрение», будучи пресой с областническим уклоном, являлась весьма полезным изданием для местной интеллигенции и политических ссыльных. На страницах газеты широко освещалась благотворительность в сфере народного образования, здравоохранения и музейного дела Сибири. В издании представлен материал по благотворительности почетных попечителей учебных заведений, радателей сибирских музеев.

Ключевые слова: благотворительность, Енисейская губерния, периодическая печать.

Значительную роль в общественной жизни провинциальной Сибири в конце XIX – начале XX вв. играла периодическая печать. Сибирская пресса для жителей региона являлась важнейшим источником информации, освещавшим положение дел в центральных районах Российской империи и на ее окраинах. Весьма ценный материал по разнообразным темам и вопросам общественной жизни в пореформенной России публиковался во многих периодических изданиях Восточной Сибири.

Значительный научный интерес представляет изучение вопроса о благотворительной деятельности населения Сибири по материалам дореволюционной печати. Целью данной статьи является анализ материалов по вопросам благотворительности в Енисейской губернии в 1891–1893 гг., опубликованных на страницах периодических изданий, таких как «Енисейские губернские ведомости», «Енисейские епархиальные ведомости» и «Восточное обозрение».

Газета «Енисейские губернские ведомости» начала издаваться с июля 1857 г. Она выходила еженедельно по вторникам и без официальной части, а с 1858 г. по субботам и в сентябре к официальной добавлялась неофициальная часть.

Правительственная газета Енисейской губернии характеризовалась своим подчеркнуто официальным содержанием. «Енисейские губернские ведомости» занимали довольно скромное место в местной общественной жизни по причине жесткого цензурного контроля. С 1891 г. содержание сибирской газеты несколько оживилось, а с 1894 г. неофициальная часть вновь сократилась.

По вопросу благотворительности в губернии в «Енисейских губернских ведомостях» с 1891 по 1893 гг. было опубликовано значительное количество материалов. Сведения о пожертвованиях обычно публиковались в неофициальной части периодического издания.

На страницах официальной прессы регулярно размещались сведения о благотворительности частных лиц. Например, были представлены материалы, свидетельствующие об особой щедрости почетного попечителя Красноярского приюта арестантских детей и начальника Енисейской губернии Л. К. Теляковского [Часть неофициальная..., 1891, с. 5], о крупных пожертвованиях енисейского купца-золотопромышленника и известного в Сибири благотворителя А. А. Баландина [Литературно-музыкальный вечер..., 1891, с. 9].

Отдельная публикация в газете «Енисейские губернские ведомости» посвящена многогранной благотворительной деятельности

почетной жительницы г. Красноярска, многодетной матери и щедрой благодетельницы Т. И. Щеголевой. Благотворительность семьи Щеголевых в г. Красноярске весьма подробно освещается на страницах правительственного периодического издания Енисейской губернии, что позволяет по достоинству оценить размах и многогранность пожертвований благотворительницы и ее сыновей [Отчет о деятельности..., 1891, с. 5–6].

В «Енисейских губернских ведомостях» имеются сведения о частной благотворительности и других меценатов Сибири: Е. П. Кузнецовой, Г. В. Юдина, И. Г. Гусева, И. Г. Гадалова, Н. К. Переплетчикова и др. Подробно освещается благотворительная деятельность жителей губернии в отношении Красноярской женской гимназии [Краткий годовой денежный отчет..., 1893, с. 15–16].

В качестве официального издания «Енисейские губернские ведомости» выступали в качестве рупора органов власти провинциальной Сибири. Например, с октября 1891 г. со страниц правительственной газеты местная власть обращалась к населению Енисейской губернии с настойчивой просьбой оказать посильную помощь пострадавшим от неурожая 1891 г. [Воззвание к населению..., 1891, с. 9–11]. Уже в первых выпусках за 1892 г. публиковались отчетные сведения о сборе пожертвований жителями губернии в пользу голодающих Российской империи [Часть неофициальная..., 1892, с. 5]. Судя по материалам «Енисейских губернских ведомостей» за 1893 г., помощь в пользу пострадавших от неурожая 1891 г. в стране не утратила своей значимости до 1894 г.

Журнал «Енисейские епархиальные ведомости» представлял собой официальное издание Енисейской и Красноярской епархий. Первый выпуск датируется 1 февраля 1884 г. Обязанности редактора до 1894 г. исполнял смотритель Красноярского духовного училища К. А. Успенский. Журнал выходил два раза в месяц, был небольшим по объему и включал официальный и неофициальный отделы.

Как и следовало ожидать, освещение темы благотворительности в «Енисейских епархиальных ведомостях» осуществлялось в контексте церковной жизни. Так, ценная информация представлена в отчетах о состоянии церковно-приходских школ. В одном из номеров журнала содержатся сведения о благотворительности потомственного почетного гражданина г. Красноярска И. И. Гадалова. В 1891 г. он пожертвовал строительные материалы для постройки в Красноярском округе Мининской церковно-приходской школы. Кроме того, Иннокентий Иванович принял на себя звание попечителя учебного заведения в с. Мининском и выделил на содержание учителя 144 руб. личных средств [Мининская церковно-приходская школа..., 1892, с. 51, 54].

В другом выпуске журнала содержится информация о церковно-приходской школе в с. Сагайском Минусинского округа, открытой в феврале 1890 г. по инициативе местного священника, который изъявил желание взять на себя труд по обучению детей. Кроме того, мещанин с. Каратузского И. Г. Головин обязался ежегодно вносить на содержание учебного заведения в с. Сагайском 50 руб. В свою очередь, сельское общество обещало выделять ежегодно на содержание школы 180 руб. [Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ..., 1891, № 6, с. 85–86].

Отмечалось, что попечители церковно-приходских школ Енисейской губернии: «...оказали большую пользу делу народного образования...» [Там же, № 7, с. 103].

Несомненный интерес с точки зрения освещения церковной благотворительности в Енисейской губернии представляют материалы журнала о принятии учащихся на епархиальное содержание и сведения о попечении и призрении бедных духовного звания.

Среди сибирской дореволюционной периодической печати выделялась газета «Восточное обозрение». Она занимала заметное место в общественном сознании населения Сибири. «Восточное обозрение» издавалось с 1882 г. в г. Санкт-Петербурге. Ее издателем и редактором был Н. М. Ядринцев; в издании также принимал участие Г. Н. Потанин. С 1888 г. издание газеты было перенесено в г. Иркутск.

В «Восточном обозрении» имеется внушительное количество материалов на тему благотворительности, особенно в отношении г. Иркутска. Кроме того, представлены сведения о благодеяниях сибиряков от Якутии до Камчатки, в том числе по Енисейской губернии.

Рассмотрим наиболее значимые материалы. Ценные сведения по Енисейской губернии представлены в публикации, посвященной деятельности общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1890 г. Из пяти начальных школ губернского города две были открыты по инициативе и благодаря стараниям общества [Писарев, 1891, с. 6]. Кроме того, Красноярское общество о попечении начального образования выделяло средства на их содержание. В публикации представлены сведения о почине Председателя общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске Н. А. Шепетковского об открытии еще одной школы в губернском городе. При этом почетные члены общества и известные в Сибири своей щедростью благотворители выразили желание ежегодно выделять денежные средства в пользу новой начальной школы. Е. П. Кузнецова пожертвовала на содержание городского начального учебного заведения 300 руб., а В. А. Данилов – 200 р. [Там же, 1891, с. 6].

Кроме того, в материалах о деятельности общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1890 г. отмечен вклад

городского головы Н. Н. Переpletчикова в организацию рождественского детского праздника для учащихся начальных городских школ и представлены сведения о весьма внушительном пожертвовании книг на сумму 1 000 руб. почетного члена общества И. М. Сибирякова [Там же].

Материалы отчета о деятельности Красноярского временного переселенческого комитета, опубликованные в газете «Восточное обозрение», также позволяют высоко оценить благотворительность жителей Енисейской губернии. Солидные денежные пожертвования в пользу нуждающихся переселенцев поступили от Н. К. Переpletчикова, супругов Матвеевых, Н. А. Макридина, А. А. Саввиных, С. А. Попова и многих др. В отчете отмечалось, что продукты питания, одежда, обувь, сено, бытовые предметы, необходимые для жизни переселенцев в Сибири, «непрерывным потоком» поступали в комитет от местного населения [Отчет о деятельности..., 1892, с. 7]. Кроме того, для сокращения дорожных расходов переселенцев Красноярский комитет обеспечил им бесплатную переправу на перевозах Енисейской губернии, что было существенным подспорьем для нуждающихся, прибывших на место жительства в Сибирь [Отчет о деятельности..., 1892, с. 7].

Таким образом, газеты «Енисейские губернские ведомости», «Восточное обозрение» и журнал «Енисейские епархиальные ведомости» являются ценным историческим источником по вопросам благотворительности. Наиболее подробно эта тема освещалась на страницах газеты «Восточное обозрение».

Воззвание к населению Енисейской губернии об оказании помощи пострадавшим от неурожая // Енисейские губернские ведомости. 1891 г. № 42. С. 9–11.

Краткий годовой денежный отчет по Красноярской женской гимназии за 1892 год // Енисейские губернские ведомости. 1893 г. № 22. С. 15–16.

Литературно-музыкальный вечер в Енисейской прогимназии // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 3. С. 9.

Мининская церковно-приходская школа Красноярского округа // Енисейские епархиальные ведомости. 1892 г. № 3. С. 49–55.

Отчет о деятельности Красноярского временного переселенческого комитета // Восточное обозрение. 1892. № 40. С. 7.

Отчет о деятельности Красноярского городского общественного управления и о состоянии подведомственных ему частей за четырехлетие 1887–1890 г. // Енисейские губернские ведомости. 1891 г. № 51. С. 4–7.

Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1889–90 учебный год // Енисейские епархиальные ведомости. 1891 г. № 6. С. 80–92; № 7. С. 101–112.

Писарев М. Хроника Сибирской жизни // Восточное обозрение. 1891. № 22. С. 6–7. Часть неофициальная. Изъявление благодарностей // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 3. С. 5.

Часть неофициальная. О пожертвованиях в пользу голодающих // Енисейские губернские ведомости. 1892 г. № 1. С. 5.

М. Я. СЮЗЮМОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ¹

Известный советский историк М. Я. Сюзюмов (1893–1982) значительное внимание уделял использованию вспомогательных исторических дисциплин в научных исследованиях и преподавательской работе. Статья посвящена анализу теоретических и прикладных разработок М. Я. Сюзюмова в области исторической хронологии. Для изучения данного вопроса автором статьи привлечены материалы из личного фонда М. Я. Сюзюмова в Государственном Архиве Свердловской области: переписка с советским писателем и популяризатором науки Я. И. Шуром, профессором Элиасом Бикерманом (New York University) и др. Помимо этого, на основе неопубликованных архивных документов рассматривается работа М. Я. Сюзюмова над учебником «Всеобщая хронология», который стал классическим уже в 1960-е гг. и был трижды переиздан.

Ключевые слова: историография, источниковедение, историческая хронология, М. Я. Сюзюмов, Я. И. Шур, научная биография.

В 1973 г. в Уральском государственном университете широко отмечалось восьмидесятилетие одного из крупнейших историков XX в. Михаила Яковлевича Сюзюмова. Юбиляр получил множество поздравлений от советских и зарубежных коллег, научных и образовательных учреждений, официальных лиц и учеников. Студенты исторического факультета не остались в стороне и также тепло приветствовали профессора Сюзюмова. Студент А. Папулов посвятил этому событию небольшое стихотворение:

«В хронологических таблицах –
Сказали вестие Скилиций,
Аскалонит и Дафнопат, –
Нет двух необходимых дат!»

Несомненно, что упомянутые в этом четверостишии даты – это год рождения М. Я. Сюзюмова и год его славного юбилея. Отметим также, что А. Папулов, член эстетической комиссии исторического факультета, перечислил трех византийских авторов, чьи произведения изучал М. Я. Сюзюмов (Юлиан Аскалонит, Феодор Дафнопат и Иоанн Скилица). Помимо этого, он упомянул о предмете исторической хронологии, которую профессор Сюзюмов преподавал долгие годы [ЦДООСО, ф. 285, оп. 4, д. 97, л. 104].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>.

М. Я. Сюзюмов заинтересовался исторической хронологией еще в университете. Установление верной последовательности событий, их точная датировка являлись «почти религией» на историко-филологическом факультете в Юрьеве. Под влиянием своего учителя, профессора Василия Эдуардовича Регеля, он обратился к соотношению византийского и церковнославянского календарей [ЕАА, f. 402, n. 1, s. 25657, lk. 1–6]. Впоследствии Сюзюмов разработал собственный метод исторической хронологии, а также пересмотрел громоздкие алгоритмы редукций дат в григорианский календарь [Сюзюмов, 1974].

В личном фонде М. Я. Сюзюмова в Государственном архиве Свердловской области хранится письмо свердловского профессора, адресованное советскому писателю, популяризатору науки, изобретателю многолетнего календаря-линейки Якову Исидоровичу Шуру [Буткевич, Зеликсон, с. 84–85]. Далее мы приводим этот документ без купюр, авторская орфография и пунктуация сохранены. Слова и фразы, выделенные курсивом, в оригинале напечатаны прописными буквами.

Письмо М. Я. Сюзюмова Я. И. Шуру

Свердловск, 15 ноября 1968 г.

Дорогой Яков Исидорович,

Благодарю за книги!

Я был с 1920 по 1937 г завшколой (средней) и знаю интересы ребятишек². Так что успех Вашей книги обеспечен...

Но! Вы меня убили, зарезали, задушили!!! Яков Исидорович – ведь по византино-русскому летоисчислению у нас сейчас 7477 год (с 14 сентября 1968 г.)! А у Вас на обложке помещено 7577 год!³

Кто это Вас, какой художник Вас так ужасно подвел? Это мне бросилось сразу в глаза, и я опешил. Я еще не прочитал всю книгу, но остановился на странице подсчета дней пасхи. Конечно, таблица не годится. Ее нужно переделать: для григорианской пасхи одну, для юлианской – другую! Таблица с некоторыми изменениями хороша для григорианской. Например, на 1969 год правильно показывает григорианскую пасху, но не юлианскую.

Основная неточность. Почему Вы ограничились *апрельскими* полнолуниями? Ведь никейский собор требовал *весеннее* полнолуние, т. е. после 21 марта! И все было бы прекрасно для григорианской пасхи (т. е. полнолуния от 21 марта до 24 апреля), и дни отметить не 1 апреля, а 21 марта.

² С 1920 по 1929 гг. М. Я. Сюзюмов заведовал школой II ступени в Златоусте, затем перешел в школу ФЗУ станции Камышлов Пермской железной дороги, а с 1934 по 1937 гг. работал в школах Свердловска.

³ Досадная ошибка была замечена М. Я. Сюзюмовым на форзаце книги Я. И. Шура [Шур, 1968].

Что же касается юлианской пасхи, то она рассчитана *на начало IV века*. Сначала Анатолием Лаодикейским, потом на соборе 353 г., потом закреплена александрийскими астрономами *на все века без изменений по состоянию неба* (луны и равноденствия). Православие до сего времени празднует пасху по отношению *лунаций* к весеннему равноденствию в IV веке, а по реформе папы Григория празднуют по положению луны в отношении к равноденствию на наше время.

Мы сейчас можем посмотреть в любое время на луну, немного подумав, можем точно сказать, когда будет григорианская пасха. Но александрийская пасха сейчас совсем оторвалась от положений никейского собора. Именно поэтому и принята реформа папы в 1582 г. Но православие упорно следует подсчетам святых отцов IV века. Хотя методы подсчета намеренно осложнены, результат остался прочным.

Конечно, то, что Вы пишете о Кирилле – неверно⁴. Его подсчеты проверяли и, хотя папы страстно желали представить их неправильными – это не удалось. Оказалось правильным! И если Дионисий в Риме самостоятельно составил пасхалию, то он только повторил основной прием Анатолия и александрийцев⁵.

Конечно, папы не хотели праздновать пасху после 21 апреля... Но ничего не вышло, пришлось уступить!

Разногласия остались не в отношении предела пасхи, а как рассчитывать, если предел приходился на субботу. Следует ли считать следующее воскресенье или через неделю воскресенье (как в Галлии).

Иногда, если предел пасхи падал на воскресенье, то некоторые церкви не переносили на следующее воскресенье. Иногда вопрос шел глубже... Ведь равноденствие фактически переместилось, и некоторые церкви принимали равноденствие даже 19 марта (если это не заходило ранее воскресенья 22 марта). Потом все это исчезло в VII–VIII вв. А самый подсчет в основном оставался прочным до григорианской реформы. Литература по этому вопросу безбрежная! Лучше всего у Грумеля⁶.

Теперь относительно Вашей шутки на стр. 184. Безусловно, Твен был невежей в хронологии, но он мог бы защититься. Почему нельзя сказать 528 год до Дионисия? Надо смотреть по тому, что юноша имел в виду и кто такой юноша по происхождению. Если этот юноша – вестгот или ибериец, или прибыл из Испании, то он мог сказать 528 год. По-нашему, т. е. по Дионисию, это 490 год *испанской эры*, которой испанцы придерживались вплоть до конца XV века (правда параллельно с Дионисием)⁷.

⁴ Имеется в виду Кирилл, архиепископ Александрийский, который составил таблицы пасхалий на 399–512 гг.

⁵ Анатолий Лаодикейский, александрийский философ; он предложил правило, согласно которому Пасха должна отмечаться в полнолуние после весеннего равноденствия.

⁶ Речь идет о книге французского историка Венанса Грумеля [Grumel, 1958].

⁷ Я. И. Шур использовал фрагмент из повести Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Оказавшись в прошлом, главный герой произведения спросил у слуги: «Какой же, по-твоему, теперь год?» В ответ он услышал: «Пятьсот двадцать восьмой, девятнадцатое июня». Загадка для читателей состояла в том, что монах Дионисий рассчитал свою эру только в 532 г.

Теперь пан Броучек... Я в недоумении⁸. Если посмотреть на чешские летописи уже с XII века – *везде* только эра Дионисия. Других там не было! Это в Испании, Литве были и другие.

Не ругайте так Метона – его цикл великолепен! Студенты прямо восхищаются. Ведь можно без всяких таблиц, только с двумя поправками – лунной и солнечной (что пустяки, всем известно), определить новолуние на любой год и любое время! Мы в прошлом учебном году подсчитали, когда будет перемирие во Вьетнаме на новый год (конечно, имея в виду Зодиак)⁹. Это прелесть – цикл Метона. Конечно, «Большой год» Энопида из Хиоса точнее, но неудобен для подсчетов¹⁰.

Ну, кажется, я заболтался...

Всего-всего хорошего,
Ваш М. Сюзюмов

ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 186, л. 1–4.
Машинопись, копия

Учебному курсу хронологии М. Я. Сюзюмов придавал большое значение, считая его основой исторического образования, а также необходимым инструментарием для научной работы студентов. Подготовленная им «Всеобщая хронология» переиздавалась трижды – в 1963, 1968 и 1971 гг. Следует отметить, что всякий раз публикация учебника сопровождалась трудностями. В письме советскому историку техники и популяризатору науки Семену Исаковичу Селешникову уральский профессор иронично замечал:

«В настоящее время готовлю третье издание – и опять дурацким ротапринтом. Приходится заклеивать ошибки, при обработке кое-какие наклейки отпадают... Получается ужас! Но нечего делать – провинция есть провинция... Хотя преимущества столичных городов есть пережиток последнего этапа феодализма, но ничего не поделаешь, – нужно использовать то, что можно» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 165, л. 1 об.; Сюзюмов, 1971].

⁸ Имеется в виду герой одной из повестей Сватоплука Чеха «Путешествия пана Броучека», который переместился из XIX столетия в XV. Повстречав незнакомца, Броучек с удивлением узнал, что «идет нам 1420 год от Рождества Христова». М. Я. Сюзюмов указал Я. И. Шуру на ошибочное утверждение о том, что эра Дионисия стала обязательной для католической Европы только в 1431 г.

⁹ Вьетнам перешел на григорианское летоисчисление с 1954 г. В 1969 г. боевые действия возобновились 22 февраля. Календари Вьетнама были основаны на китайской традиции, правда, год Кролика был заменен на год Кота.

¹⁰ Афинский астроном Метон в 432 г. до н. э. разработал лунно-солнечный календарь, в котором каждые 19 лет лунные фазы совпадают с появляющимися или заходящими созвездиями. Месяцы составляли 29 и 30 дней, а ошибка за 19 лет составляла чуть больше 2 часов. Энопид Хиосский составил зодиакальный календарь и разработал 59-летний цикл с минимальной ошибкой.

Несмотря на проблемы технического характера, «Всеобщая хронология» получила широкую известность как в СССР, так и на Западе. В частности, в переписке М. Я. Сюзюмова с американскими учеными содержатся просьбы прислать очередное издание для университетских библиотек США (New York University, Harvard University) [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 198, л. 4 – 4 об.; д. 242, л. 3].

Изданное М. Я. Сюзюмовым учебное пособие содержит не только хронологические таблицы с краткими комментариями. В нем также затрагивалась важная для советской науки проблема реформы календаря. С этим непосредственно пересекалась прикладная научно-техническая задача создания «вечного календаря». М. Я. Сюзюмов поддерживал контакты с известными специалистами, которые в 1970-е гг. получили патенты на данное изобретение (А. И. Самойленко, С. И. Селешников). Пермский инженер Борис Николаевич Гончаров, создатель наиболее функциональной модели «вечного календаря», получил от профессора М. Я. Сюзюмова положительные отзывы для Всесоюзного астрономо-геодезического общества и Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 208].

Таким образом, неопубликованные архивные материалы позволяют проследить интерес М. Я. Сюзюмова к исторической хронологии¹¹. Его плодотворная преподавательская деятельность в данной сфере дополнялась постоянными контактами с отечественными и зарубежными специалистами. Например, в письме Я. И. Шуру свердловский историк дает справедливую и емкую оценку состоянию исторической хронологии.

Пристальное внимание к вопросам исторической хронологии было связано с более важной и глобальной научной проблемой – разработкой М. Я. Сюзюмовым теории вспомогательных исторических дисциплин. Начиная с 1920-х гг., с обоснования принципа тематического коллекционирования в филателии, уральский ученый видел будущее исторических исследований в развитии историографии, эпиграфики, археологии, архивного дела, археографии, палеографии, бонистики и других специальных дисциплин. Каждая из них, по М. Я. Сюзюмову, обладает значительным исследовательским потенциалом, а также серьезным ресурсом для популяризации науки, особенно среди учащейся молодежи.

¹¹ Автор благодарит сотрудников Государственного Архива Свердловской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области, а также персонально заместителя директора по научно-методической работе ЦДООСО, кандидата исторических наук Владимира Владимировича Каплюкова за помощь в подготовке публикации.

Буткевич А. В., Зеликсон М. С. Вечные календари. 2-е изд. М.: Наука, 1984.

Государственный Архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-802. Сюзюмов Михаил Яковлевич – ученый-византиновед, доктор, профессор Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Сюзюмов М. Я. Хронология всеобщая: пособие к практическим занятиям для студентов. Свердловск: [б. и.], 1971.

Сюзюмов М. Я. Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика источников при датировке событий // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Вып. 1. С. 4–8.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 285. Партийная организация Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Октябрьский район, г. Свердловск.

Шур Я. И. Когда? Рассказы о календаре. М.: Детская литература, 1968.

Eesti Ajalooarhiiv (EAA). F. 402. Tartu Keiserlik Ülikool.

Grumel V. La Chronologie. Paris: Presses universitaires de France, 1958.

УДК 94(47).084.3:329

М. И. Люхуздаев
г. Ноябрьск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСЕРА В. А. СОЛОВЬЕВА В КУНГУРСКОМ УЕЗДЕ В 1917–1918 гг.

В статье сделана попытка рассмотреть политическую работу эсеров Кунгурского уезда на примере деятельности их лидера В. А. Соловьева, участвовавшего в подготовке выборов в Учредительное собрание среди населения, а позднее ставшего членом исполкома уездного Совета. Автором показана численность других организаций левых эсеров Урала. Сделан вывод, что политическая деятельность Соловьева способствовала сохранению левыми эсерами Кунгурского уезда представительства в уездном исполкоме до декабря 1918 г.

Ключевые слова: В. А. Соловьев, история политических партий, Партия левых социалистов-революционеров, Кунгур, Гражданская война в России, Урал, межпартийная борьба.

Деятельность уездных организаций Партии левых эсеров (ПЛСР) в период становления советской власти на Урале остается недостаточно изученной темой. Хотя исследования содержат сведения об активности левых эсеров Кунгурского уезда Пермской губернии, они нуждаются в дополнении и корректировке [Васьковский и др., 1969, с. 166; Капцугович, 1975, с. 163; Щеколдин, 1967, с. 117]. В статье пред-

принята попытка рассмотреть деятельность лидера левых эсеров Урала В. А. Соловьева в 1917–1918 гг.

Председатель Кунгурской организации левых эсеров Василий Андреевич Соловьев родился в 1891 г. в д. Соловьевка Пермской губернии. Окончив второклассную учительскую школу, он получил учительское звание [ГА РФ, ф. 1235, оп. 4, д. 42, л. 136]. Призванный на службу в армию, в 1917 г. Соловьев в чине прапорщика попал в 153-й запасной пехотный полк, дислоцировавшийся в Кунгуре, где оказался и его будущий соратник П. Г. Антропов [Щеколдин, с. 117]. Среди солдат на Урале ощутимую поддержку получили эсеры, и уже в апреле в ряде гарнизонов края они создали полковые и ротные ячейки, а затем и военные организации [Попов, Бугров, 1997, с. 51–52]. До вступления в эсеровскую организацию в июне Соловьев уже агитировал среди крестьян уезда [ГА РФ, ф. 1235, оп. 4, д. 42, л. 136]. Приняв участие от Совета в съезде народных учителей 7 апреля, на котором для пропаганды в деревне избрали комиссию, он отметил, что «теперь в тесном единении солдаты, рабочие и учащие пойдут в нашу деревню» готовить население к Учредительному собранию [Кунгурский листок, 1917, 8 апр., с. 3–4].

В газете «Кунгурский листок» Соловьев под разными псевдонимами активно публиковал свои статьи, отчеты о митингах, письма, стихотворения. На митинге 22 апреля в д. Мазуевке Чернойрской волости, собравшем 235 человек, в ходе выступления он развеял нелепые слухи об агитаторах, завоевав доверие крестьян [Там же, 9 мая, с. 3–4]. При поддержке учителей церковных школ Соловьев пытался выступить в середине мая на уездном съезде религиозных служителей и мирян, на котором обсуждались вопросы о финансировании духовенства и выборах. Изгнанный председателем со съезда за критику, он заявил, что церковные школы следовало уравнивать с обычными школами, оставив религиозное воспитание родителям [Там же, 18 мая, с. 34].

На первом заседании исполкома Кунгурского уездного Совета крестьянских депутатов 28 июня прапорщик Соловьев был избран товарищем председателя. Считая крестьянство «неподготовленным к Учредительному собранию», он призвал помочь «ему сорганизоваться и выйти на правильный путь» [Там же, 29 июня, с. 4]. Для разъяснения населению политических вопросов и подготовки к выборам в Учредительное собрание летом 1917 г. в Кунгурском уезде были организованы краткосрочные курсы для учащихся начальных училищ [Тетерин, 2019, с. 131.]

Отметив первые положительные результаты агитации членов крестьянского Совета среди населения, Соловьев, жестко критикуя учителей Кунгурского уезда за пассивность и ставя в пример коллег

Оханского уезда, призвал их к более активной работе в деревне [Кунгурский листок, 1917, 9 июля, с. 4]. Исполком крестьянского Совета опроверг возникший в это время слух о получении Соловьевым 3 тыс. рублей за поездку в деревню, а сам он призвал к ответу за клевету автора статьи, опубликовавшего это обвинение в симпатизирующей кадетам «Кунгурской жизни» [Там же, 23 июля; 26 июля, с. 4].

На губернском крестьянском съезде в Перми (6–9 августа), отстаивая равноправие крестьянских представителей от уездов при подготовке списка делегатов в Учредительное собрание, Соловьев столкнулся с непониманием делегатов и порицанием эсеровской организации. Лишь благодаря заступничеству делегатов Кунгурского уезда эсеровское руководство съезда обещало отнестись к Соловьеву снисходительно [Там же, 18 авг., с. 4]. Противоречия Соловьева с эсерами, начавшиеся в июле с конфликта на собрании с М. К. Сабадашем, назвавшего его большевиком, завершились тем, что в сентябре он заявил о своем переходе во фракцию эсеров интернационалистов [Там же, 12 июля; 28 сент., с. 4].

Соперничая с кадетами, Соловьев осудил выступление их лидеров Л. А. Кроля и Н. А. Несслера, которые, критикуя социалистов на митинге в Кунгуре, обошли вниманием наиболее важные темы, скрывая «ветреность партии вообще и в земельном вопросе в особенности» [Там же, 1 сент., с. 4]. Из-за его участия 5 сентября в проведении обыска и изъятия бумаг в редакции газеты «Кунгурская жизнь» ее редактор Г. А. Стрижев назвал Соловьева главным виновником в закрытии этого издания [Кунгурская жизнь, 1917, 10 сент., с. 2–3]. Признав позднее, что поспешил с выдвинутым обвинением, Стрижев извинился перед Соловьевым, но не в газете, сославшись на отсутствие времени [Кунгурский листок, 1917, 28 сент., с. 4].

Вместе с другими эсеровскими лидерами 20 октября Соловьев выступил на курсах, организованных крестьянским Советом для подготовки инструкторов по выборам в Учредительное собрание [Там же, 13 окт., с. 4; 21 окт., с. 3–4]. В заметке о курсах он высмеял лидера кунгурских кадетов А. Г. Агеева, не сумевшего разъяснить партийную позицию в земельном вопросе и сославшегося на свою неподготовленность в этой теме [Там же, 22 окт., с. 4]. Обличая в статье местных кадетов за отказ выделить ссуду городу на покупку дров, он указал на их схожесть с цензовиками, которые спасали не отечество и демократию, а свои собственные карманы [Там же, 18 окт., с. 4].

Обсудив текущий момент 28 октября в Кунгурском Совете, большинство ораторов высказались за передачу власти советам, опередив остальные уездные центры в губернии [Там же, 29 окт., с. 4]. Несмотря на возражения крестьянских депутатов на собрании Совета 7 ноября

по вопросу о слиянии советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большинством была поддержана резолюция большевиков о совместной работе [Там же, 8 нояб., с. 4]. Конкурируя с большевиками и кадетами, 9 ноября Соловьев успешно выступил на уездном женском съезде, участники которого признали, что эсеровская партия «защищает интересы трудового крестьянства» и только голосование за ее список «обеспечит крестьянам в Учредительном собрании право на землю и волю» [Там же, 11 нояб., с. 4]. Однако его резолюцию по текущему моменту съезд отверг, осудив захват власти большевиками.

Вероятно, отношение Соловьева к Учредительному собранию изменилось после участия в работе II Всероссийского крестьянского съезда (26 ноября – 10 декабря), который 8 декабря принял левозеровскую резолюцию о недопустимости повторения в этом органе власти «гибельных опытов соглашения с буржуазией». В ней требовалось немедленное проведение в жизнь основных решений II Всероссийского съезда советов, а всякая попытка Учредительного собрания вступить в борьбу с властью советов получила бы самое «решительное противодействие» [Лавров, 2019, с. 186]. Под давлением большевиков и левых эсеров III Всероссийский крестьянский съезд (13 января 1918 г.), участником которого стал Соловьев, одобрил слияние со съездом рабочих и солдатских депутатов и все декреты советской власти [ГА РФ, ф. 1235, оп. 4, д. 42, л. 136].

В первой половине 1918 г. в составе уездного исполкома Соловьев занимал должность управляющего делами и заместителя председателя, а также возглавлял уездную организацию ПЛСР [Голос Кунгурского Совета..., 1918, 20 июня, с. 4; 27 августа, с. 4]. Попав на I Пермский губернский съезд советов (7–15 апреля), на который прибыло 89 беспартийных, 211 большевиков и 307 левых эсеров, Соловьев стал участником межпартийного конфликта при формировании состава губисполкома [Капцугович, 1969, с. 12]. Если в Мотовилихе левых эсеров в этот период было 745 человек, Алапаевске – 250, Екатеринбурге и Надеждинске – по 200, Баранчинском заводе – 600, то в Кунгуре – около 70 [Наш Путь, 1918, 12 апр., с. 3; Васковский, 1969, с. 166]. Возможно, Соловьева избрали в левозеровскую фракцию губисполкома, но позднее под давлением большевиков его состав был изменен [Известия..., 1918, 19 апр., с. 3; Наш Путь, 1918, 5 мая, с. 4].

Из-за недоверия к отдельным членам уездного исполкома 26 апреля его представители постановили «всем сложить полномочия» на III уездном съезде советов [КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 35]. В новый состав исполкома, весь период не получавшего средств из центра и содержавшегося за свой счет, 3 мая вошли девять большевиков и шесть левых эсеров, среди которых был Соловьев [ГАСО, ф. р-2601, оп. 1,

д. 136, л. 79–81; КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 69]. Приняв решение об обложении буржуазии, в условиях военного положения в мае исполком столкнулся с самовольными реквизициями конного летучего отряда П. К. Маслоедова [Елтышева, 2017, с. 60]. Выразив недовольство его действиями, проводившимися без согласования с уездным комиссаром по управлению, 24 мая Соловьев сделал запрос в штаб Красной Армии об их причине и дальнейших планах [КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 11, л. 122–122 об.].

Собрание военкомата с представителями заводов и фабрик города 26 мая утвердило поправку Соловьева к резолюции о всеобщем военном обучении, исключавшую вооружение крупных промышленников, капиталистов и не внушавших к себе доверия лиц, постановив их «использовать на саперных, понтонных, нестроевых и других работах» [КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 81]. Исполнение этой резолюции привело 23 августа к антивоенному выступлению мобилизованных на Красноуфимский фронт рабочих, по итогам расследования которого ЧК расстреляла трех зачинщиков, а в 20-х числах сентября казнила еще несколько человек [Балмасов, 2006, с. 181–184].

Во избежание лишних арестов 18 июня исполком одобрил предложение Соловьева о том, что «из летнего сада публика свободно может возвращаться до 2 часов ночи с театральными билетами», о чем военный отдел обязали предупредить ночные патрули [КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 68]. После избрания 19 июня Соловьева вместе с большевиком А. К. Суловым делегатом на V Всероссийский съезд советов он назначил собрание левых эсеров, призвав явиться всех членов партии для обсуждения важных вопросов [КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 75 об.; Голос Кунгурского Совета, 1918, 20 июня, с. 4]. До отъезда на съезд Соловьев отстаивал на заседании исполкома 22 июня автономию отделов управления и информационного, поясняя их значение, но из-за необходимости сокращения штатов их реорганизовали, назначив Н. К. Скачкова руководителем отдела управления [Там же, л. 70 об.].

Получив письмо об аресте Соловьева на V Всероссийском съезде советов в связи с выступлением ЦК ПЛСР в Москве, уездный исполком 12 июля постановил ходатайствовать перед Совнаркомом и ВЦИК о его освобождении [ГА РФ, ф. р-393, оп. 3, д. 2836, л. 274; КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 44]¹. Назначив на 14 июля уездную конференцию левых эсеров, Антропов предложил кроме текущего момента и докладов с мест обсудить изыскание средств и дальнейшую работу органи-

¹ Вероятно, авторами сборника документов Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг., изданного в Перми в 2008 г., на с. 60 ошибочно указана дата собрания 17 июля 1918 г., так как 13 июля его протокол был передан для сведения в военный отдел [см.: КГА, ф. р-62, оп. 1, д. 8, л. 44 об.].

зации [Голос..., 1918, 11 июля, с. 4]. Выражая мнение о левоэсеровском выступлении на заседании исполкома 15 июля, Антропов при поддержке других левых эсеров заявил о невозможности вынести «то или иное принципиальное решение, не имея никаких фактов» [ГА РФ, ф. р-393, оп. 3, д. 2836, л. 273]. Считая, что в отличие от местных левых эсеров члены ЦК ПЛСР «мало знакомы с настроением масс на местах», большевик И. К. Попов назвал авантюрой убийство Мирбаха для разрыва с Германией. Поскольку представители обеих партий работали в контакте, окончательное решение вопроса отложили до приезда делегатов из Москвы.

Очевидно, вернувшись в Кунгур, Соловьев на собраниях склонил местных левых эсеров к поддержке ЦК [Голос..., 1918, 27 авг., с. 4]. Отметив автономные действия ЧК в уезде, 20 августа на съезде комиссаров управлений Пермской губернии Скачков подчеркнул, что левоэсеровская фракция стояла на точке зрения ЦК партии, выступая против решений V Всероссийского съезда советов [ГАПК, ф. р-19, оп. 1, д. 168, л. 179–180]. Это позволило историкам утверждать, что комитет Кунгурской организации левых эсеров занял «враждебную позицию по отношению к советской власти» [Васьковский и др., 1969, с. 165].

Началу IV уездного съезда предшествовали арест и освобождение членов исполкома (большевика Попова и левых эсеров А. В. Грачева, П. Толчкова и Скачкова) штабом 3-й армии [Голос..., 1918, 13 сент., с. 3]. Кроме беспартийных, 17 сентября на этот съезд прибыли 111 коммунистов и 76 левых эсеров, которые в резолюции по текущему моменту заявили об отрицательном отношении к выступлению в Москве [Васьковский и др., 1969, с. 166; Голос..., 1918, 17 сент, с. 3–4]. Выразив согласие с политическим настроем власти, четыре левых эсера вошли в новый состав Кунгурского уездного исполкома вместе с 11 большевиками [Гражданская война в Прикамье, 2008, с. 76–78].

Хотя на II Совете ПЛСР в декабре Н. А. Новиков-Покровский сообщил, что в Кунгуре оставалось 50 левых эсеров, их лидеры постепенно выходили из партии [РГАСПИ, ф. 564, оп. 1, д. 7, л. 49; Капцугович, 1975, с. 163]. К началу декабря из левоэсеровской организации вышел председатель комитета (Соловьев), товарищ председателя (Антропов) и два члена партии (один из них Толчков), которые указали на необходимость объединения против контрреволюции и «утрату остроты вопросов о Брестском договоре, комитетах бедноты и социализации земли» [ГАРФ, ф. 393, оп. 3, д. 2836, л. 306].

После эвакуации из Кунгура с января 1919 г. по март 1923 г. Соловьев служил в РККА, а затем до марта 1931 г. был на ответственных должностях и преподавательской работе. После полугодового заведования учебной частью педагогического рабфака в Перми в течение

года он учился в аспирантуре Пермского пединститута. Работая позже завучем в школе с. Федоровка Федоровского района Кустанайской области, Соловьев 25 июня 1948 г. был арестован и в январе 1949 г. осужден на 10 лет ИТЛ по 58 статье. Его реабилитировали 4 ноября 1989 г. [Соловьев Василий Андреевич].

Отстаивая на митингах, съездах и в прессе интересы крестьян, Соловьев указывал на общность их целей с военнослужащими и учителями, имея целью объединить эти группы населения под лозунгами эсеров. Образование, партийность и служба в 153-м полку, служащими которого в Кунгуре была установлена советская власть в октябре 1917 г., позволили Соловьеву завоевать авторитет среди населения уезда, возглавить левозерсовскую организацию и стать заместителем председателя исполкома объединенного Совета. Благодаря его политической активности и слаженной работе с большевиками в уездном исполкоме, лавировавшим между ЧК и штабом 3-й армии, левые эсеры Кунгурского уезда до декабря 1918 г. сохраняли свою численность и представительство в этом органе власти.

Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М.: Посев, 2006.
Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск: Сп.-Урал. кн. изд-во, 1969.

Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-19. Материалы по политическому, хозяйственному руководству, социалистическому культурному строительству, управлению просвещением, здравоохранением, проведению подрозверстки и продналога, снабжению частей Красной Армии, отделению церкви от государства, организации и реорганизации милиции, эксперименту районирования. Списки лиц, бежавших с белыми 1917–1924 гг.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917–1930 гг.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-2601. Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения и установления советской власти на Урале. 1881–1927 гг.

Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сборник документов. Пермь: Стиль-МГ, 2008.

Елтышева Л. Ю. Кунгур в 1918–1919 гг., или к вопросу о красном и белом терроре // Гулаг. Начало : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 нояб. 2017 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. С. 59–66.

Известия Пермского губернского исполкома советов рабочих и солдатских депутатов. 1918.

Капцугович И. С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1969.

Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1975.

- Кунгурская жизнь (Кунгур). 1917.
Кунгурский листок (Кунгур). 1917.
Лавров В. М. Запутался мужик. Как Ленин и Спиридонова вовлекли крестьян в Октябрьскую революцию. М.: ЛАНА, 2019.
МБУ Архив Кунгурского муниципального округа (КГА). Ф. р-62. Кунгурский уездный военный комиссариат Пермской губернии. 1917–1923 гг.
Наш Путь (Екатеринбург). 1918.
Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург: Наука, 1997.
Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ). Ф. 564. ЦК Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). 1917–1921 гг.
Соловьев Василий Андреевич // Свободная энциклопедия Урала. URL: http://энциклопедия-урала.рф/index.php/Соловьев_Василий_Андреевич (дата обращения: 07.08.2022).
Тетерин В. И. Пермское земство в великой русской революции 1917 года. Пермь: ИПЦ Прокрость, 2019.
Щеколдин А. Н. Из летописи земли Кунгурской. Кунгур: Перм. кн. изд-во, 1967.

УДК 94(571.6).084.9:314.42

Е. В. Климова
Комсомольский-на-Амуре государственный
университет, г. Комсомольск-на-Амуре
А. В. Ахметова,
Комсомольский-на-Амуре государственный
университет, г. Комсомольск-на-Амуре
С. В. Бобышев
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения, г. Хабаровск

ФАКТОРЫ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ СРЕДИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950–1980-е гг.¹

Статья содержит анализ факторов младенческой смертности у коренных малочисленных народов Дальневосточного федерального округа в советский период (вторая половина 1950-х гг. — вторая половина 1980-х гг.). Рассмотрен процесс трансформации социальных и медицинских аспектов младенческой смертности у этнофоров Дальневосточного федерального округа в советское время.

Ключевые слова: младенческая смертность, коренные малочисленные народы, Дальневосточный федеральный округ.

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края.

Изучение многолетнего опыта родовспоможения среди коренных народов Дальнего Востока России, анализ факторов младенческой смертности среди коренных малочисленных народов дальневосточного региона будут способствовать решению проблем в области демографической политики коренных малочисленных народов Дальнего Востока России и социального проектирования в регионе. Эта тема также приобретает особую актуальность в связи с тем, что в России объявлено Десятилетие детства (Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»). Период младенчества возможно отнести к периодизации детства, младенчество составляет фазу развития в раннем детстве.

Особый вклад в популяризацию медицинских знаний среди коренного населения Дальнего Востока внесли активисты, русские врачи, которые до 1940-х гг. обслуживали этнофоров: М. М. Добротворский, А. А. Васильев, Н. В. Кирилов, Г. В. Стеллер и Н. В. Слюнин [Тураев, 2019, с. 145].

В целом развитие системы здравоохранения способствовало улучшению демографической ситуации. Так, согласно переписи населения, проведенной в 1959 г., численность нанайцев составляла 8 026 чел., а к концу 1979 г. их численность увеличилась почти на 30 %. В первую очередь это было обусловлено введением антибиотиков и прогрессом в лечении опасных инфекционных заболеваний, что привело к снижению показателей смертности населения [Подмаскин, 2012, с. 102].

Показатели состояния здоровья трудоспособного населения увеличивались, показатели рождаемости оставались на низком уровне [Bobyshv, Akhmetova, 2020, p. 120].

Этнографы XIX в. фиксировали низкую рождаемость среди коренного населения Дальнего Востока, Д. Д. Богоявленский отмечает, что причиной невысокой рождаемости была не столько неспособность женщины забеременеть и родить в суровых климатических условиях, сколько недостаток учета младенческой смертности. Кочевой и полукочевой образ жизни коренных малочисленных народов дальнего Востока приводил к недостатку учета рождаемости и смертности среди младенцев [Клоков, Хрушев, 2008, с. 39].

Кочевой, полукочевой и оседлый образ жизни коренных малочисленных народов влиял на процесс родовспоможения. В системе организации медицинской помощи беременным и роженицам у этнофоров существовал ряд обычаев. Так, беременные женщины-кочевницы должны были как можно меньше контактировать с людьми. Запрещалось ходить в гости, принимать гостей и общаться с другими беременными. Ряд поверий существовал у беременных женщин из племен,

ведущих оседлый образ жизни. Во время родов роженицам запрещалось кричать; считалось, что так женщина может привлечь злых духов. Традиционно у этнофоров акушерством занимались повивальные бабки, в большинстве случаев они были обучены методам родовспоможения, в особых случаях повитухи могли применять поворот на ножку (эмбриотомию), а также были знакомы с техникой кесарева сечения. Также многие этнофоры применяли практику изоляции родильниц и новорожденного от остальных членов семьи; их размещали в отдельно возводимых жилищах для обеспечения стерильности.

По оценке Д. Д. Богоявленского, «в середине 1960-х годов смертность детей 26 групп коренных северян России составляла 110–115 на 1 000, а к концу 1980-х снизилась на 35–40 ‰» [цит. по: Подмаскин, 2012, с. 102].

С 1963 г. в СССР в статистику здоровья населения и практику здравоохранения был введен термин «перинатальный период». Он начинается с 29 недель беременности, включает период родов и заканчивается через семь полных дней жизни новорожденного. Перинатальный период включает в себя три периода: – антенатальный (с 28 недель беременности до родов); интранатальный (период родов) и постнатальный (первые семь дней жизни). По терминологии постнатальный период соответствует раннему неонатальному периоду. Каждому периоду соответствует свой показатель смертности» [Kovalchuk et al., 2021, p. 870].

Младенческая смертность влияет на среднюю продолжительность жизни в социуме. Продолжительность жизни – главный демографический показатель в стране [Новоселов, 2013, с. 96].

В числе основных показателей демографической ситуации – младенческая смертность, т. е. смертность среди детей, не достигших годовалого возраста. Она является важным показателем уровня здоровья населения. Уровень младенческой смертности связан с социальным показателем развития регионов и страны в целом [Грицай, 2009, с. 98].

Ученые четко разграничивают понятия детской и младенческой смертности. В отличие от младенческой, детская смертность – это смерть ребенка от 0 до 14 лет. Число умерших детей, не достигших годовалого возраста, зависит от уровня рождаемости и смертности. Младенческая смертность, в отличие от смертности в других возрастных группах, гораздо в большей мере определяется уровнем развития медицины. В современной России при проведении анализа младенческой смертности учитываются различные факторы, например уровень образования матери, обратно пропорциональный младенческой смертности. Однако, этот показатель невозможно применить к уров-

нию младенческой смертности в советский период у этнофоров дальневосточного региона по той причине, что уровень образованности аборигенов являлся очень низким [Манчук, Надточий, 2008, с. 108].

В области здравоохранения детей и подростков и политики в снижении младенческой смертности в советский период происходят важные события. В 1922 г. Дом охраны младенца был преобразован в Государственный научный институт охраны материнства и младенчества, ответственными за данное решение были ведущие специалисты в этой области В. П. Лебедева и Г. Н. Сперанский. В советский период система охраны материнства и детства давала возможность всем беременным женщинам находиться под наблюдением врачей, а процесс родов контролировался специалистами в стационаре. Ввиду кочевого и полукочевого образа жизни женщин-этнофоров большинство рожениц не имели возможности проводить роды под наблюдением врачей. В крупных поселках были созданы новые формы помощи – выездные женские консультации. Также были введены специальные стационары для беременных с различными заболеваниями сердца, заболеваниями нервной системы, послеродовыми осложнениями и др. [Akhmetova, Klimova, 2021, p. 165].

Главный фактор высокой младенческой смертности у коренных народов Дальнего Востока России в переходный период от традиционного образа жизни к советскому связана со многими факторами – это процесс родов. У аборигенов, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, отсутствовала возможность добраться до ближайшего родительского дома или любой медицинской организации для получения помощи. Поэтому процесс родов проходил в традиционных условиях. В традиционный период у нанайцев существовала специальная родильная обрядность: беременной женщине нельзя было оказывать помощь при родах, ей приходилось рожать в специально сооруженном месте в одиночестве, помощь в оказании родов могла быть отведена повитухе, в особо сложных случаях за помощью могли обратиться к шаману. В. К. Арсеньев связывал данный родильный обычай с ограждением беременной женщины от возможных инфекций. Отсутствие гигиенических норм и дезинфицирующих средств способствовало распространению инфекционных заболеваний как у ребенка, так у матери [Подмаскин, 2012, с. 102].

Высокая смертность среди младенцев у коренных народов дальневосточного региона была обусловлена и рядом социальных причин, в том числе слабым здоровьем матери. В период советизации общества происходила смена системы питания будущей матери, сопровождавшаяся снижением калорийности потребляемой пищи. Это приводило к ослаблению иммунитета, росту инфекционных заболеваний и повы-

шении уровню заболеваемости туберкулезом [Bobyshev, Akhmetova, 2020, с. 139].

На здоровье новорожденного ребенка негативно сказывался высокий уровень алкоголизма у аборигенов, как мужчин, так и женщин [Грицай, 2009, с. 98].

Советская система охраны материнства и детства, обеспечивавшая среди прочего охрану плода и профилактику заболеваний ребенка в послеродовой период, полностью игнорировала этнопсихологические особенности коренного населения. [ГАМО, ф. 119, оп. 1, д. 22, л. 5].

Ускоренные темпы советизации этнофоров приводили к насильственному их перемещению в крупные поселки, что провоцировало стресс и усиливало алкоголизм [Новоселов, 2013, с. 96].

Согласно переписи 1989 г. общий коэффициент рождаемости у коренных народов дальнего Востока России равнялся 31,9 %, при этом сохранялся высокий уровень смертности (10,4 %) [Грицай, 2009, с. 98].

В целом можно сделать вывод, что особенности младенческой смертности в дальневосточном регионе связаны в первую очередь с трансформацией жизни аборигенов и переходом к новому социальному устройству. Демографические показатели указывают на постепенный переход к планируемому характеру воспроизводства и контролю рождаемости. Заметное воздействие на прирост коренных народов оказывала ассимиляция; в 1979–1988 гг. естественный прирост населения малых народов составлял около 12 %.

Бобышев С. В., Ахметова А. В. Социалистическая модернизация традиционных этносов Дальнего Востока (20-е – середина 80-х гг. XX века): этапы и итоги. Хабаровск: Дальневост. гос. ун-т путей сообщения, 2014.

Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. 119. Управление здравоохранения администрации Магаданской области

Грицай И. В. Состояние здоровья коренных малочисленных народов Камчатки к концу советского периода // Вестн. Камчат. гос. тех. ун-та. 2010. № 11. С. 98–100.

Клоков, К. Б., Хрущев С. А. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности // Регион. исследования. 2008. № 5 (20). С. 39–51.

Манчук В. Т., Надточий Л. А. Состояние и формирование здоровья коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Красноярск : НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН, 2008.

Новоселов В. С. Демографические стереотипы и демографическая политика // Ист. демография. 2013. № 2 (12). С. 96–103.

Подмаскин В. В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестн. Дальневост. отд. РАН. 2012. № 2 (162). С. 102–110.

Тураев В. А. Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989–2010 гг. // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 145–164.

Akhmetova A. V., Klimova E. V. Development of Supporting Women's Health for Indigenous Minorities of the Far East in the Second Half of 1950 – the Second Half of the 1980s // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2021. Vol. 227. P. 165–172.

Bobyshev S. V., Akhmetova A. V. The Health Care System as a Mechanism for the Integration of Indigenous Peoples of the Khabarovsk Territory into Soviet Society (the second half of the 1940s – the first half of the 1980s) // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020. Vol. 172. P. 139–146.

Kovalchuk M. A., Bobyshev S. V., Platonova N. M., Akhmetova A. V. Development of Medical Education in the Khabarovsk Territory in the 1960s – 1970s // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* EpSBS, Грозный, 22–25 окт. 2020 г. Грозный: European Publisher, 2021. P. 870–876.

УДК 930.2

И. С. Меншиков
Курганский государственный университет,
г. Курган

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА, СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В последнее время усилился интерес научного сообщества к феномену социальной памяти, т. е. представлениям социальных групп о своем прошлом. Историческая память способствует объединению этих групп от самых крупных до небольших, а также формированию идентичности их членов, помогает определению принадлежности к той или иной группе. Вместе с тем память субъективна, избирательна и потому склонна к искажению прошлого. В начале XIX в., когда завершилось формирование исторической науки и национальных исторических школ, историки включились в создание национальных историй. В XX в. своими историями обзавелись партии, а затем более мелкие социальные группы. Историческая наука оказалась вовлечена в процесс формирования социальной памяти, однако особенности памяти не исчезли. Память по-прежнему играет важную роль в идентификации членов групп, ссылаясь на историческую научность.

Ключевые слова: история, историческое знание, историческая память, социальные представления, идентичность, этнос, социальные группы.

В конце XX в. возник вопрос о соотношении истории и исторической или социальной памяти. Наиболее четко эта проблема была сформулирована в работах французского академика П. Нора, провозгласившего начало мемориальной эпохи, а затем артикулирована в трудах зарубежных и отечественных историков. Между тем, эта научная проблема далеко не нова. Еще сто лет назад, в 1920-е гг. ее пытался поднять французский социолог М. Хальбвакс, который стре-

мился проследить формирование социальной памяти как коллективного представления о прошлом от индивидуальных воспоминаний и семейных историй. Его идеи вызвали сомнения со стороны Л. Февра и М. Блока, основателей журнала «Анналы», в состав редакции которого он входил, и споры с этими историками «были энергичными и воинственными, но ему пришлось сделать много уступок этим пылким апостолам новой амбициозной историографии. Поэтому сложно оценить его вклад в историческую науку» [Хаттон, 2004, с. 196]. Работы Хальбвакса были полузабыты и обрели актуальность только в 1980-е гг., а в настоящее время «служат теоретическим основанием возникающего проекта истории памяти» [Хаттон, 2004, с. 192]. Несмотря на то, что термин «коллективная память» был введен в научный оборот сравнительно недавно, но явление, которое скрывается за ним, существует долгое время. Под коллективной и социальной памятью мы понимаем представления социума или его части о своем прошлом, происхождении, развитии, взаимодействии с другими группами. Подобно человеческой памяти, коллективная сохраняет, прежде всего, эмоционально окрашенные воспоминания [Меншиков, 2020, с. 130]

Самые прочные и глубокие представления хранят такие устойчивые группы, как этнос и семья. Практически все народы имеют предания о своем происхождении, а также других народов, с которыми они имели контакты. Так, русские связывают свое происхождение с восточными славянами, а французы с галлами («наши предки были галлами») [Ферро, 1992, с. 37]. Последние любят говорить о таких своих качествах как, «галльский ум», «галльская веселость», хотя этого этноса уже давно не существует. Такие доминанты закрепляются в коллективной памяти общества, они опираются на истории и легенды, «которые всегда превосходят выразительностью любой анализ» [Там же, с. 10–11]. Эти представления о прошлом укрепляют связи между членами этноса. Зачастую эти представления существуют в форме героических мифов или эпоса. Действие в них происходит в неопределенном прошлом, реальные персонажи переплетаются с вымышленными и наделены сверхспособностями. Появление письменной истории мало что изменило, поскольку историки зачастую воспринимали такие мифы как вполне достоверные и охотно их пересказывали. Традиционное общество в Европе не испытывало проблемы идентичности, поскольку почти все знали свое собственное положение и статус всех остальных. Общество было структурировано в строгих иерархических терминах. Только в связи с массовой миграцией XIX в. этот порядок превратился в «общество чужаков», которое мы хорошо знаем, что сделало необходимым современные методы идентификации [Groebner, 2007, p. 22].

Начало XIX в. ознаменовалось двумя важными явлениями. Возникло учение о национальном государстве, согласно которому все представители данной нации должны проживать на территории ее национального государства. Франция должна охватывать ареал проживания всех французов, Италия – итальянцев и т. д. Кроме того, в это время завершилось формирование истории как науки со своим предметом, методами, способами получения и верификации знаний. Историки отказались от того, чтобы быть учителями нравственности и заявили, что, изучая исторический источник, можно реконструировать и понять прошлое. История переставала существовать только в виде героического эпоса или придворных хроник. Первая половина XIX столетия прошла под знаком невероятного интереса к историческим сочинениям, как художественным, так и научным. Появились солидные и документированные истории национальных государств, и того, что сейчас модно называть «большими нарративами» [Мегилл, 2007, с. 118]. Изучение прошлого, прежде всего национального, поощрялось национальным же государством, были созданы исторические кафедры, архивы были частично открыты для исследователей, начались публикации источников [Мастогрегори, 2003, с. 288]. К началу XX в. за историей закрепились функции коллективной памяти и патриотического воспитания, что должно было помочь в формировании национальной идентичности. Уроки истории стали обязательными во Франции, хотя Германия или Италия ненамного отставали от нее. «Парадоксальным образом история XIX в., считавшая себя свободной от нравственности и политики, выполняла при этом в высшей степени политическую функцию: во Франции, как, впрочем, и в Германии или в Соединенных Штатах или в России, чтобы не брать в качестве примера Богемию или Венгрию, она была плавильным тиглем национального самосознания» [Про, 2000, с. 307]. Так, в свое время великие историки Франции и Германии Фюстель де Куланж и Моммзен убедительно и вполне научно обосновывали, что Эльзас – это исконно французская или исконно германская территория соответственно. Историки стремились содействовать сплочению наций и искали в прошлом основы для идентификации и консолидации некоего (неважно какого) «нашего народа», прославлялось его героическое и яркое прошлое и посрамлялись его враги. Например, немецкие историки немало потрудились над созданием образа «наследственного врага», то есть Франции. Французские историки охотно обличали коварство англичан, вспоминая кровавые страницы истории Столетней войны. После франко-прусской войны еще одним объектом для их острого пера стала Германия, которая чуть ли не с античных времен стреми-

лась к экспансии и покорению соседних народов. Охотно вспоминали, что дикие германские племена франков завоевали цивилизованную Галлию, с которой ассоциировали себя французы той поры. Исторические представления закреплялись в коллективной памяти как имеющие под собой некую научную почву. Если это и миф, то вполне научный, сконструированный по определенным правилам и с определенными целями. Эта особенность обуславливала выбор в качестве наиболее распространенных внешних рамок истории нации или народа, а в качестве проблемы – конструирование этих сообществ. Отсюда то значение, которое придавалось государственному строительству как в утверждении внутренней власти государства, так и в укреплении его внешнего могущества или независимости. Это хорошо выразил один высокопоставленный французский чиновник, говоря об учебниках по истории: «Мы представляем не историю Франции, а французское могущество в исторической перспективе, чтобы противостоять тенденциозной и часто антифранцузской истории» [Ферро, 1992, с. 47].

Это привело к формированию в XX в. исторической памяти и исторических представлений нового типа, которые стали довольно активно использоваться в идеологии. Такая историческая память не имеет в своем распоряжении профессиональных историков, историческое и мифологическое в ней тесно переплетены. Память не подвластна научной критике. Она жизнеспособна, несмотря на сопротивление ей официальной истории [Ферро, 1992, с. 413–414]. Научное историческое знание стремится к максимально полной реконструкции прошлого. Оно достаточно бесстрастно, критично и должно ставить научную точность выше этнических, социальных или групповых симпатий. Исторические представления или историческая память, напротив, эмоционально окрашены, образы в них важнее точности, что приводит к сознательному или неосознанному искажению даже той части исторической истины, что нам доступна. Тем самым историческая память вступает в конфликт с историческим знанием и исторической наукой. Наиболее остро эта проблема сформулирована во французской историографии П. Нора и его последователями [Нора, 1999]. Он пишет, что мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать лет XX в. практически все страны, социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение отношения к прошлому. Этот бурный расцвет «памяти меньшинств» глубоко изменил соотношение и взаимоотношения истории и памяти. История, став научной дисциплиной, строилась против памяти, которая считалась индивидуальной, психологической, не более чем

свидетельством, которое нуждается в интерпретации. История была областью коллективного, память же – индивидуального. История была едина, а память, по определению, множественна, потому что индивидуальна по сути. Идея коллективной памяти, эмансипирующей и сакрализованной, перевернула это соотношение с ног на голову. Раньше индивиды имели память, а сообщества – историю. Из этого, по мнению П. Нора, вытекают два следствия. Первое состоит во все более интенсивном использовании прошлого в политическом, туристическом, коммерческом аспектах. Это проявилось в резком подъеме мемориальных мероприятий, особенно заметном во Франции. Второй эффект новой организации памяти состоит в том, что у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого. Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, СМИ и законодателем.

Рассмотрим роль научной истории в формировании идентичности. Идентичность понимается как осознание принадлежности субъекта другому субъекту как части и целого, а главным признаком и основанием является тождественность самому себе. Национальную (этническую) идентичность можно понимать как осознание человеком своей принадлежности к какой-либо национальной группе, процесс перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей своего этнического окружения, она приобретает не посредством личных усилий, а в значительной мере спонтанно – по рождению и воспитанию. Между тем формирование национальной идентичности происходит во времени, и понимание народом своей исторической общности является одним из основных факторов этого процесса. Известный американский историк А. Мегилл отмечает, что историческое сознание и историческая память народа имеют функции производства, сохранения и передачи исторической и иной информации, формирования личной и групповой идентичности. Он подчеркивает, что без идентичностей – специфических конфигураций человеческого существования – не может существовать никакое историописание [Мегилл, 2007, с. 105–107]. История, объясняя, как формировалась нация, тем самым доставляла гражданам средства для того, чтобы они могли иметь мнение о социально-политическом развитии своего времени. Она давала и продолжает давать людям необходимые интеллектуальные инструменты, позволявшие занять мотивированную позицию в социально-политической области [Про, 2000, с. 308]. Вместе с тем, отмечает П. Нора, во второй половине XX в. слово «идентичность» претерпело своего рода смысловую инверсию, аналогичную тому, что произошло со словом «история». Из индивидуального

понятия она стала коллективным, а из субъективного – логическим и объективным. Традиционно идентичность характеризует индивида в его уникальности. Теперь это слово стало категорией группы, формой определения человека извне. Идентичность, как и память, стала долгом. Именно здесь возникает связь между памятью и социальной идентичностью. С этой точки зрения они подчиняются одному и тому же механизму: эти слова стали практически синонимами, и их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики [Нора, 1999, с. 28–46]. В связи с этим английский историк А. Марвик заметил, что без знания прошлого мы были бы лишены идентичности и потеряны в бесконечном море времени. В этом самый простой ответ на вопрос: «Зачем пишут историю?» [Marwick, 1989, p. 181].

В последнее время история все чаще используется для консолидации и идентификации разных меньшинств, многие из которых уже давно составляют большинство. Например, феминистки ругают сложившуюся историографическую традицию. Существующая история написана мужчиной это «его-история» (в английском языке игра слов: history – his story). Поэтому нужна гендерная история, которая понимается как борьба за освобождение женщины. Темнокожие жители Европы и США обосновывают свое право получать социальное пособие на том основании, что европейцы использовали их предков как рабов. «Отсюда идет бум историй различных меньшинств, инициируемый прежде всего ими самими» [Савельева, Полетаев, 2007, с. 375]. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности. Эти «памяти меньшинств» возникают обычно при деколонизации двух типов: всемирная деколонизация, благодаря которой к историческому сознанию и конструированию собственной памяти пробуждаются общества, дремавшие в этнологическом сне колониального гнета, а кроме того в западных обществах – внутренняя деколонизация сексуальных, социальных, религиозных, региональных меньшинств, находящихся на пути интеграции, для которых утверждение своей «памяти» равнозначно признанию их личности большинством. Дж. Тош пишет:

«Для того, чтобы любая социальная группа обрела коллективную идентичность, ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Вот примеры из сегодняшнего дня – суфражистское движение эдвардианской эпохи имеет жизненно важное значение для женского движения... Социальным группам необходимы

свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности» [Тош, 2000, с. 12–13].

Эту же мысль высказывает Б. Гене:

«Социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, т. е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили историки» [Гене, 2002, с.19].

А. Про пишет, что напоминание о событии ничему не служит, даже тому, чтобы оно не повторилось вновь, если при этом его не объяснять. Надо разяснять, как и почему происходят те или иные вещи. И тогда перед нами открываются все те сложности, которые несовместимы с очистительным манихейством торжественных поминовений. Прежде всего, мы вступаем в порядок рассуждения, который отличен от порядка чувств, в особенности добрых чувств. Память оправдывает себя в собственных глазах своей морально-политической правильностью и черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств. История не должна идти в услужение к памяти; она должна, конечно, считаться со спросом на память, но лишь для того, чтобы превратить этот спрос в историю. [Про, 2000, с. 318–319].

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Мастогрегори М. Освобождение от прошлого // Homo Historicus. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 285–298.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007.

Меницков И. С. Методология истории. М.: Юрайт, 2020.

Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя, 2007.

Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Groebeur V. Who are You? Identification, Deception, and Surveillance in Early Modern Europe. Zone books, New York, 2007.

Marwick A. The Nature of History. London, Macmillan, 1989.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГОВ

Статья посвящена актуальной проблеме профессионального развития преподавателей как одному из ключевых направлений развития кадрового потенциала вуза. В ходе изучения и анализа нормативных правовых документов, в частности Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г., автор указывает на необходимость непрерывного образования педагогического работника в формате индивидуальных траекторий профессионального развития. Анализируя нормативные правовые документы, автор предлагает определить основные разделы структуры плана профессионального развития педагогического работника.

Ключевые слова: педагогические кадры, профессиональное развитие, образовательная программа, повышение квалификации индивидуальный план профессионального развития.

Распоряжением от 24 июня 2022 г. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года [Об утверждении..., 2022] (далее – Концепция). Согласно этому документу, основанному на непрерывности и преемственности профессионального развития педагогических кадров, развитие кадрового потенциала образовательных организаций, реализующих программы подготовки педагогических кадров, является в настоящее время одной из приоритетных задач. Предполагается осуществить реализацию мероприятий Концепции в три этапа: первый этап – 2022–2024 гг.; второй этап – 2025–2027 гг.; третий этап – 2028–2030 годы.

Решение задачи развития кадрового потенциала образовательных организаций, реализующих программы подготовки педагогических кадров, предусматривает:

- развитие аспирантуры и докторантуры, формируемой на базе авторитетных научных школ российских образовательных и научных организаций, ведущих педагогические исследования;
- развитие педагогической магистратуры, обеспечивающей формирование и воспроизводство исследовательских компетенций в пе-

дагогической среде, включение педагогов-исследователей в актуальную национальную и глобальную исследовательскую повестку;

– повышение квалификации педагогических работников образовательных организаций, реализующих программы подготовки педагогических кадров, по приоритетным направлениям развития науки и образования на базе ведущих педагогических и классических университетов, обеспечение постоянной экспертизы качества реализации данных программ, развитие академической мобильности преподавателей;

– реализацию сетевых форматов повышения квалификации для молодых преподавателей, вовлеченных в реализацию образовательных программ подготовки педагогических кадров [Там же].

В ожидаемых результатах реализации концепции – обеспечение ежегодного повышения квалификации педагогических работников образовательных организаций, реализующих программы подготовки педагогических кадров, по актуальным вопросам развития образования, внедрение публичного формата проведения итоговой аттестации по программам подготовки педагогических кадров, а также создание системы непрерывного обучения специалистов, ответственных за разработку и реализацию образовательных программ образовательных организаций, реализующих программы подготовки педагогических кадров.

Таким образом, система подготовки педагогических кадров для вузов страны является приоритетной. Основная идея профессионального развития педагога – необходимость непрерывного образования, или «образования через всю жизнь». Идея может быть реализована педагогическими вузами главным образом в разработке системы непрерывно действующего профессионального развития научно-педагогических кадров, в том числе с использованием индивидуальных образовательных траекторий. Предполагается, что профессиональное развитие должно быть тесно связано с продвижением по службе, с приобретением новых, востребованных временем компетенций, с оценкой качества образования и наконец, с уровнем и структурой заработной платы, применением мер поощрения и др.

Заметим, что идея профессионального развития работников для нашей страны не нова; например, она активно используется в таком институте, как государственная служба [О государственной гражданской службе... 2004], где регламентирована законодательными и нормативными методическими документами [О дополнительном профессиональном образовании..., 2006; Об утверждении..., 2008]. Между тем в образовании реализация индивидуальных траекторий профес-

сионального развития педагога широко не применяется. При этом очевидно, что переход к индивидуальным образовательным траекториям обеспечит учет вариативности индивидуальных особенностей образования каждого преподавателя (в том числе уровня базового образования), наличие дополнительного профессионального образования по профилю педагогической деятельности и др.

Безусловно, индивидуальный план профессионального развития педагога должен разрабатываться преподавателем совместно с непосредственным руководителем (заведующим кафедрой, деканом факультета, директором института и др.). Оптимальный срок, на который формируется план – три года. Индивидуальный план преподавателя, конечно же, должен соотноситься с его должностной инструкцией, итогами конкурсного избрания (или аттестации), планом работы вуза с кадровым резервом, результатами осуществления наставничества и иными локальными актами. Принципиально значимой является сопряженность индивидуального плана профессионального развития педагогического работника и программы развития вуза.

Кроме того, цели профессионального развития вытекают из требований нормативных документов к уровню профессионального развития педагога (квалификационные требования), а также требований должностной инструкции, локальных нормативных актов вуза и др. Сравнительный анализ квалификационных требований преподавателя вуза (ассистента/преподавателя/старшего преподавателя/доцента/профессора), требования нормативных документов и задачи, стоящие перед вузами в части развития кадрового потенциала, позволяют определить цели индивидуального профессионального развития преподавателя и закрепить их в плане в следующих формулировках:

- получение/актуализация дополнительных профессиональных знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения профессиональной деятельности – по профилю читаемых дисциплин / по профилю педагогической деятельности;

- получение/актуализация дополнительных профессиональных знаний, умений, навыков в связи с необходимостью освоения современных методов профессиональной деятельности педагога педагогической направленности;

- получение и развитие практических навыков и умений (опыта работы) в области профессиональной деятельности по замещаемой (резервируемой) педагогической должности;

- проведение систематических занятий научной, методической, художественно-творческой или иной практической деятельностью, соответствующей направленности (профилю) образовательной про-

граммы и (или) преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю);

– иные формы, направленные на повышение эффективности исполнения должностных обязанностей.

Индивидуальный план профессионального развития педагогического работника как плановый документ может быть составлен в табличной форме. В нем могут быть отражены следующие виды профессионального развития:

1) обучение по программам высшего образования, в том числе аспирантура/докторантура;

2) дополнительное профессиональное образование (курсы повышения квалификации или программа профессиональной переподготовки, направленность (профиль) которой соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю) или педагогической направленности;

3) иные мероприятия по профессиональному развитию преподавателя, которые могут включать в себя [Минаева, 2018]:

– обучающие мероприятия (тренинги, семинары, мастер-классы, посещение открытых лекций, и др.);

– мероприятия по обмену опытом (участие в научных и научно-практических конференциях, форумах, «круглых столах», иные мероприятия по обсуждению результатов научно-педагогической деятельности в педагогическом сообществе; представление результатов научно-исследовательских работ в виде монографий, статей в изданиях различного уровня, апробация результатов научно-исследовательских работ в виде докладов, презентаций и др. на научных форумах различного уровня; стажировка; временное замещение (исполнение обязанностей) по иной педагогической должности в период временного отсутствия основного работника (зав. кафедрой, директора института);

– проектно-экспертную деятельность (разработку и реализацию проектов для решения профессиональных проблем, выявленных в ходе стажировок; участие в качестве экспертов в мероприятиях органов государственной власти и управления, предприятий и организаций; работу в составе рабочих, экспертных групп, координационных и консультативных органов, оппонирование научно-квалификационных работ (диссертаций), подготовку отзывов об авторефератах научно-квалификационных работ (диссертаций), экспертизу проектов и программ, работу в качестве эксперта в научных фондах и др.;

– самообразование (изучение нормативных правовых актов, федеральных государственных образовательных стандартов, регламен-

тирующих профессиональную деятельность; изучение научно-практической, методической литературы, учитывающих специфику профессиональной педагогической деятельности);

– методическую работу (напр., разработку и актуализацию научно-методического обеспечения реализации курируемых учебных курсов, дисциплин (модулей), создание, разработку учебников, учебных пособий, методических и учебно-методических материалов, электронных курсов);

– аттестацию в ученом звании;

– подготовку научно-квалификационной работы (диссертации).

Таким образом, ожидаемая результативность выполнения мероприятий профессионального развития в рамках реализации концепции, предусмотренной Правительством Российской Федерации должна определяться поставленными целями и соответствовать трудовой функции педагога. Результатом достижения целей являются конкретные изменения количественного и качественного характера педагогического работника, а именно: внедрение в практику педагога новых профессиональных практикоориентированных знаний для повышения качества профессиональной деятельности, в том числе по профилю преподаваемых дисциплин, приобретение преподавателем нового опыта профессиональной деятельности, обеспечение поддержания уровня квалификации, необходимого для качественного исполнения должностных обязанностей.

Минаева Н. В. К вопросу об особенностях проектирования профессионального развития педагогических работников // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина. 2018. № 2 (28). С. 164–168.

О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.12.2006 № 1474// Собр. зак-ва РФ. 2007. № 1. Ч. 1. Ст. 203.

Об утверждении государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации: пост. Правительства РФ от 06.05.2008 № 362 // Собр. зак-ва РФ. 2008. № 19. Ст. 2194.

Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года : распоряж. Правительства РФ от 24.06.2022 № 1688-р // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420869/ (дата обращения: 01.08.2022).

ЛИТЕРАТОР, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ОТШЕЛЬНИК-МИЗАНТРОП М. В. ХРАПОВИЦКИЙ (1758–1819): ПО МАЛОТИРАЖНЫМ ИЗДАНИЯМ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Михаил Васильевич Храповицкий (1758–1819) далеко не столь знаменит, как деятельный Александр Васильевич Храповицкий, статс-секретарь императрицы, его старший брат, но тем не менее он вполне заслуживает внимания и памяти со стороны историков. Статья посвящена современным работам по данной тематике, а также тем источникам, которых, хотя и давно известны, но практически не привлекаются исследователями в настоящее время.

Ключевые слова: М.В.Храповицкий, Вышний Волочек, А.А.Аракчеев, эпистолярные источники, дворянское самоуправление, общественное самосознание XVIII в., Екатерина II.

Михаил Васильевич Храповицкий – литератор, философ и деятель российского Просвещения, помещик, проведший всю свою жизнь после нескольких лет государственной службы в качестве инженера [Тверецкий, 2002] при Вышневолоцкой гидротехнической системе в своем имении Бережок Тверской губернии, откуда выезжал очень редко и где вел жизнь истинного анахорета, мизантропа и отшельника [Раут, 1852, с. 204–218], чуждаясь женщин, славы и светской жизни, в которую были с головой погружены его многие ближайшие родственники. Он занимался литературным творчеством, писал трактаты, политические и экономические тексты, оды, философские дневники, но также, на самом деле, в согласии со своим убеждениями об общественном благе, вел и интенсивную общественную деятельность. Трижды, то есть в течение девяти лет, он избирался предводителем местного дворянства. [Модзалевский, 1901, с. 423]

В числе прочих его деяний было направление детей небогатых помещиков на обучение в столицу. Так в числе его подопечных оказался юный А. А. Аракчеев [Там же]. Храповицкий помог этому государственному деятелю в самом начальном и самом трудном карьерном шаге, чем заслужил навсегда бесконечную благодарность своего протеже, умевшего быть благодарным. Аракчеев никогда не прерывал с благодетелем дружеских отношений и личной переписки, что позволяло Храповицкому использовать это свое влияние для общественной

пользы. Кроме того, Михаил Храповицкий был деятельным сторонником реформы крепостного права и не только писал по этому поводу поэтические и прозаические произведения и производил экономические расчеты, к сожалению, на данный момент утраченные, но и стал освободителем своих крестьян с обеспечением их наделами земли [Храповицкий, 1858, с. 183]. Следует отметить, что это очень непростое по тем временам дело осуществил по завещанию Храповицкого, очевидно, не имевшего возможности сделать это самостоятельно при жизни, именно Аракчеев, заставив Александра I взять с собой в поездку и подписать необходимые документы – как известно, благодарность для Аракчеева была священна и ничто его не могло остановить в ее выражении [Романов, 2017, с. 6–8].

Михаил Васильевич далеко не столь знаменит, как деятельный Александр Васильевич, статс-секретарь императрицы, его старший брат, но тем не менее он вполне заслуживает внимания и памяти со стороны историков. До сих пор же он находился в такой глубокой тени забвения, (несмотря на подробную статью о нем еще в известном «Биографическом словаре» А. А. Половцева), что даже чрезвычайно энергичные усилия тверских историков, а в частности краеведов Вышнего Волочка¹ [Тверецкий, 2002], не вывели его на свет, и сведения в открытых источниках о нем весьма противоречивы. В частности, как и его двоюродной внучке Евдокии Растопчиной, ему приписывают изрядное количество детей [Томсинов, 2014, с. 114] (число дополнительных детей у знаменитой поэтессы в некоторых Интернет-источниках доходит до четырех); в то время как его племянник Николай Сушков, хотя и мог на склоне лет ошибаться в атрибуции произведений своих многочисленных литературно одаренных родственников [Овчарова, 2021] и недооценивать масштаб личности своего дяди, считая того просто чрезмерно эксцентричным чудачком, но вряд ли мог сообщить недостоверные сведения об образе жизни последнего [Раут, 1852, с. 204–218]. Несомненно, Михаил Васильевич был предметом постоянных пересудов в многочисленной семье Сушковых-Храповицких² и мало что могло ускользнуть от внимания ее членов. Последние так сильно ожидали от него большого наследства (и вряд ли они могли питать подобные надежды при наличии троих детей), что несдержан-

¹ Города в настоящее время почти неизвестного, для многих это лишь небольшая остановка поезда в нескольких часах от Санкт-Петербурга, но в свое время знаменитого каналом, по которому шло продуктовое снабжение столицы; организационными вопросами по каналу занимались Петр I и Екатерина II лично.

² Необходимо еще заметить, что генеалогические сайты, при всем своем несовершенстве, древо рода Храповицких довольно давно, не менее десяти лет, представляют достаточно подробно. Может оттого, что в нем заинтересованы не только российские, но и белорусские исследователи. О детях Михаила Храповицкого там сведений нет.

ность одного из них при обмане ожиданий произвела большое впечатление на современников [Романов, 2017, с. 6–8].

Как было указано выше, изучением архивных материалов, связанных с жизнью М. В. Храповицкого в качестве помещика и местного предводителя дворянства занимались исследователи Твери и Вышневолочка. По материалам обширных исследований ими был опубликован целый ряд очень интересных и весьма содержательных работ. В частности, в Вышневолоцком краеведческом альманахе были представлены доселе неизвестные данные и сделаны полезные обобщения, которые хотя и не всегда имеют достаточно фактического подтверждения (что весьма сложно сделать в условиях отсутствия информации), но весьма полезны для определения дальнейших путей исследования. Повышенный же интерес к фигуре Михаила Васильевича со стороны региональных историков был вызван прежде всего его родственными связями, поскольку он был внуком культовой для местного краеведения фигуры, Михаила Ивановича Сердюкова, одним из младших детей его дочери Елены Михайловны³. Памятник Сердюкову, дополненный фигурой Петра I, является украшением вокзала Вышнего Волочка, причем в этой композиции нет абсолютно ничего противоречащего исторической правде. Хотя имя Сердюкова на самом деле мало кому известно за пределами Тверской области⁴, но он был весьма известным деятелем во времена Петра I, сподвижником царя-реформатора и устроителем Вышневолоцкого канала, служившего основной транспортной артерией для подвоза продуктов в Санкт-Петербург в XVIII и XIX вв. Причем его резкий карьерный рост – от крепостного инородца до царского приближенного и доверенного лица, – а также необычайный успех на поприще служения государству, обусловленный его талантами, трудолюбием и честностью, едва не привел его на край гибели от рук недоброжелателей и завистников, составившим на сей счет довольно сложную интригу. Лишь вмешательство царя смогло его спасти, да и то, как предполагают исследователи, лишь благодаря умному поведению преданной жены Сердюкова, успевшей, как предполагают исследователи, уничтожить компрометирующие документы [Тверецкий, 2003]. Вышневолоцкий канал был настолько важен, что, когда нерадивый наследник хозяйства Сердюкова, его внук безнадежно запустил дела, наведением порядка в организации работ занялась сама Екатерина II [Тверецкий, 2002].

³ С легкой руки историка Погодина [Романов, 2017, с. 6–8] в этом случае Петру I приписывают отцовство, что никак не может соответствовать действительности, и это очевидно даже просто при взгляде на портреты Елены Михайловны и ее отца, не говоря о прочем [Овчарова, 2019]

⁴ Так, на книжном салоне Санкт-Петербурга на стенде одного издательства из числа ведущих в области издания российской литературы и документов XV–XIX вв. попытка обозначить его в качестве известного персонажа вызвала лишь язвительные насмешки.

Здесь надо оговориться, что в условиях катастрофического отсутствия достоверных сведений, сопоставление немногочисленных надежно установленных фактов с контекстом эпохи представляется вполне разумным и просто подчас единственно возможным инструментом исследования, и некоторый волюнтаризм, подобный тому, что допускают вышневолоцкие исследователи, тут вполне допустим. Уточнение же контекста, внесение в общую картину новых деталей позволяет постепенно приближаться к истинному положению вещей. Так, немногочисленные упоминания о М. В. Храповицком до конца XX в. были практически полностью основаны на тех материалах из семейного архива, которые были опубликованы его племянником, Николаем Васильевичем Сушковым⁵ в издаваемом им в 1851–1854 гг. альманахе «Раут». Но тверские краеведы выявили также очень интересные архивные данные: например, есть сообщение о прошении отца Михаила, генерала-аншефа В. И. Храповицкого о досрочной отставке Михаила от службы с тем, чтобы генерал смог провести с сыном последние годы своей жизни⁶. Что до публикации в упомянутом выше альманахе, то нельзя не заметить, что она состоялась более чем через 30 лет после смерти М. В. Храповицкого и минимум через 50 лет после написания тверским отшельником опубликованных там текстов. Столь же долгий срок отделяет время написания и опубликования работ Храповицкого, созданных им в связи с законом о вольных хлебопашцах. В этой связи представляют интерес несколько прижизненных малотиражных публикаций конца XVIII – первой половины XIX в., находящихся в фондах Российской национальной библиотеки.

В фондах присутствует не только фрагмент переписки Храповицкого с Аракчеевым [Раут, 1852, с. 219–222], его дневник [Там же, с. 222–229] и обзорная статья о нем Николая Сушкова в упомянутом альманахе за 1852 г. [Там же, с. 204–218], хотя даже здесь содержится достаточно много пока еще не востребованной исследователями

⁵ Сушков Н. В. – один из младших сыновей сестры Храповицкого, чрезвычайно известной в свое время переводчицы Марии Васильевны Сушковой (в девичестве Храповицкой) (1755–1803), фрейлины императрицы. Более всего Николай Сушков известен своими работами по истории Московского университета, а также своим литературным салоном, куда к нему и его жене, сестре Ф. И. Тютчева, приходили известные писатели и деятели культуры.

⁶ На основании данных тверских краеведов известно, что Михаил Храповицкий обращался к ярославскому губернатору А. П. Мельгунову с просьбой об отставке в 1784 г.; с такой же просьбой обращался к Мельгунову и Василий Иванович Храповицкий (источники: Государственный архив Ярославской области, также [Озеро Удомля]), желая жить вместе с сыном в последние годы жизни. Здесь многое требует уточнения, в частности – год смерти В. И. Храповицкого, в качестве которого называют период от 1777 до 1782 гг., а также год отставки его сына.

информации, но и прозаическое произведение в форме диалога, излагающее взгляд Храповицкого на некоторые аспекты дворянской демократии (1790), панегирик Екатерине II, изданный в царствование Александра I (1802), «Мысли об учреждении вольных хлебопашцев в России, 1803» (1858) и еще ряд материалов, например, ранние публикации литературных произведений Михаила Храповицкого в современных ему журналах. Возможно, в библиотеке таятся еще и другие любопытные для исследователя материалы по данной теме.

Большой интерес представляет опубликованный Николаем Сушковым фрагмент переписки Храповицкого и Аракчеева. Несмотря на то, что Храповицкий упоминается в современной биографии Аракчеева [Томсинов, 2014] лишь как старший друг⁷, давший ему направление в кадетский корпус, сам Аракчеев, как упоминалось выше, считал, что именно тверской отшельник сыграл основную роль в его карьере и, хорошо умея помнить благодеяния, почитал себя за то ему лично обязанным по гроб жизни⁸. Впрочем, как и сам Аракчеев, так и его благодетель для личных нужд своим влиянием пользовался нечасто. Разве что к такому использованию можно отнести весьма своеобразную просьбу М. В. Храповицкого о племяннике, одном из сыновей М. В. Сушковой (Храповицкой), Василии Сушкове. Но тут надо понимать, сколь значительную проблему составляла для Михаила Храповицкого ситуация с его многочисленными своенравными пле-

⁷ Вряд ли это можно считать дружбой в современном понимании этого слова и просто общением по интересам. Как следует из упомянутой биографии Аракчеева, Михаил Храповицкий всегда оставался для Аракчеева покровителем, хотя их роли и существенно поменялись. Тем не менее, М. В. Храповицкий был не только братом одного из известных людей в государственном управлении России, сохранившим свое влияние и после смерти императрицы, А. В. Храповицкого, не только братом фрейлины императрицы, но и сыном доверенного лица Елизаветы Петровны, Василия Ивановича Храповицкого, а также внуком сподвижника Петра I, получившего дворянство от Елизаветы Петровны. Семья Михаила Храповицкого в течение более чем ста лет принадлежала к ближнему кругу императорской семьи, так что только недавно вошедший в этот круг Аракчеев со свойственной ему осторожностью в обращении с людьми высокого ранга не мог этого не учитывать в своем общении со своим благодетелем.

⁸ Столь бескорыстному человеку, как М. В. Храповицкий, было крайне трудно оказать какую-нибудь личную услугу, однако же, Аракчеев сумел это сделать. В письме, которое предвляло посещение наследником Вышнего Волочка в марте 1797 г. Аракчеев рекомендовал Храповицкого, тогда местного предводителя дворянства, как человека редких достоинств: «Вы здесь увидите, ваше императорское высочество, дворянского предводителя г. Храповицкого, человека редких достоинств, который, если будет удостоен разговора вашего высочества, то конечно оправдает мою смелость» [Русская старина, 1903, с. 507].

мянниками [Овчарова, 2021], сыновьями его старшей сестры, так что совсем не удивительно, что он в данном случае изменил своему обычаю действовать лишь в общественных интересах. В своем письме от 1796 г. Храповицкий просит Аракчеева протекции для племянника с тем, чтобы племянник радел только о службе и ничем другим вообще не занимался и никуда ни под каким предлогом, ни по чьей просьбе отпущен ни в коем случае не был. Для исполнения подобного наказа лучше Аракчеева человека сыскать было невозможно:

«Вручитель сего Преображенского полку унтер-офицер В. Сушков, сын сестры моей родной, коей я много обязан – упоминаю о сем для того, чтобы А. А. оком дружества приметил его во множестве подчиненных, способствовал его счастью, приказал возложить на него без малейшей понаровки всю должность службы, дабы со временем, он мог сделаться в отечестве полезным, в общежитии годным, и не имел бы досугов вступить в круг развратных молодых людей, каких по несчастию, очень много. В отставку отпускать его не надобно: у отца их шестеро, а состояние очень среднее. И какая польза будет от него округе? Может быть, сыщутся о нем предстатели, мне неизвестные; но я прошу моего друга, чтобы сей молодой человек не чинами без заслуг, но достоинствами отличался, тем он во время свое родителям и мне приобретет удовольствие, себе счастье, людям пользу, а за все то тебя, любезный друг, они и я обязаны будем. М. Храповицкий» [Раут, 1852, с. 221–222].

Заметим, что хотя пока что сведений о жизненном пути благодетельствованного таким образом племянника, Василия Сушкова, обнаружить автору данной статьи не удалось, однако же в скандалах, часто сопровождавших его братьев⁹, он также замечен не был.

В альманахе «Раут» за 1852 г. приводится концептуальный текст, объясняющий жизненную позицию Михаила Храповицкого. Это ответ на письмо Петра Храповицкого, в котором последний, служитель Государственного казначейства, позднее достигший чина тайного советника, призывал своего адресата отказаться от частной жизни и продолжить службу [Раут, 1852, с. 214]; Михаил Храповицкий вы-

⁹ Скандальное самоубийство Михаила Сушкова [Фраанье, 1995], безудержное пьянство и картежная игра Александра Сушкова, которые разрушили его семью и погубили его жену, княжну из рода Долгоруковых [Сушкова, 2004], убийство человека на дуэли Николаем Сушковым, за что последний несколько месяцев находился в заточении и был приговорен к духовному покаянию [Шебальский, 1871], скандал с Николаем I Петра Сушкова. Царь из своих денег пытался возместить семье те потери, которые произошли от великодушного поступка Михаила Храповицкого, но Петр счел сумму недостаточной [Романов, 2017, с. 6–8].

шел в отставку в чине надворного советника, и большего не желал. Ответ Михаила написан прямо на записке Петра:

«Нога моя делает меня человеком не публичным и не разрезжим – но пристойнее мне вести жизнь уединенную и сидячую. Склонность моя – читать, сочинять и размышлять – заставляет также искать жизни свободной. Правда, часто я себя укоряю, что живу на себя и не жертвую собой пользе общей; но когда рассуждаю, что содержа в порядке, в благосостоянии те 200 душ, которые судьба мне подчинила, когда их берегаю и возможное добро им доставляю, почитаю но себя их дядькой: то полезен и я части общества; а что часть мала, тому не я виною. – Философия, примеры других и собственные опыты удостоверяют меня, когда человек духом спокоен, тогда имеет все возможное смертному благоденствие. Я нахожусь в этом счастливом положении. Совесть меня не укоряет; желания обузданы. Ни честолюбие, ни слава пустая не раздражают. Не лучше ли оставаться при своей сфере? шаг вперед будет первый шаг к разстройке и гибели» [Раут, 1852, с. 212–213].

Пока ничего нельзя сказать о том, почему Михаил не взял другого листа бумаги, а написал своего рода исповедь прямо на записке Петра, ведь известно, что Михаил очень тщательно относился к письменным принадлежностям, какие желания имеются в виду и каков подтекст этой переписки.

Некоторое представление о характере Петра Храповицкого дает все та же переписка Михаила Храповицкого с Аракчеевым [Там же, с. 210–225]. Из нее вполне можно сделать вывод, что, возможно, Михаил, совершенный отшельник и мизантроп, всю жизнь после отставки со службы проведенный в своем тверском имении, откуда выезжал буквально считанное число раз, был гораздо более открыт для общества, чем служащий Казначейства Петр. Упомянутая переписка свидетельствует, что тверской помещик не был столь уж отрешенным от общественной и политической жизни своего времени, как полагал Николай Сушков. Хотя Михаил Храповицкий и предпочитал всегда оставаться в тени, но можно с уверенностью утверждать, что он располагал достаточно полными сведениями о происходящем в столице. Причем сведения о жизни при дворе Екатерины II и Павла I ему были доступны по крайней мере от двух весьма осведомленных наблюдателей, полным и заслуженным доверием которых он пользовался всю жизнь – А. В. Храповицкого и А. А. Аракчеева. Подтверждением тому может служить, например, краткая, но довольно подробная характеристика жизни в Гатчине, которую Аракчеев сообщает своему корреспонденту в опубликованных Сушковым письмах, причем там даже сообщается такая подробность, как назначение нового духовника при дворе наследника [Раут, 1852, с. 224]. Насколько Михаил Храповиц-

кий пользовался полученной информацией и служила ли она чему-то большему, чем простому удовлетворению любопытства, сказать пока трудно.

Глубокое понимание М. В. Храповицким своего общественно-го долга просматривается и в упомянутом издании 1790 г. «Разговор уездных дворян о выборе в судьи». Собственно, оно уже обозначено в зачине, где персонажем с говорящим именем г. Простаков высказывается мнение, что здоровье и спокойствие всего дороже, а все остальное гори огнем, на что выражающий авторскую точку зрения на протяжении всего этого небольшого произведения в форме диалога в классицистическом духе г. Здравомыслов возражает, что здоровье повреждается прежде всего ленью и недействием, нежели трудами. Далее эти два персонажа начинают обсуждать состоявшиеся выборы. Г. Здравомыслов, пребывавший во время выборов в своих украинских имениях, хочет знать все подробности состоявшегося мероприятия. Простодушный рассказ г. Простакова, изобилующий просторечиями и разговорными оборотами, представляет собой шаржированную картину произошедшего; комическое впечатление усиливается говорящими именами всех действующих лиц. Г. Простаков так описывает выборное собрание

«... На прошедшей неделе почти все наши первостатейные дворяне были на празднике у Панкратья Сидоровича в селе Акулинках; тут разговор вели о выборе и уже стакнулись кого куды выбрать» [Храповицкий, 1790, с. 2].

Далее г. Простаков повествует о том, что председателем уездного суда выбран г. Невежин, который хорош тем, что беден и будет рад жалованью, другое же его достоинство в том, что он человек простой и не станет чинить ябедничества и обид. Заседателями же избрали господ Оглохимова и Ослепова, т. е. глухого и слепого. Капитаном-исправником назначен г. Веслоухов, имя которого подразумевает, очевидно, что он без царя в голове, а в земских заседателях оказался г. Пьянюшкин и сам г. Здравомыслящий. Предводителем дворянства оказывается г. Трусихин, неспособный никого защитить и послужить кому-либо опорой.

В оправдание на возмущенные речи г. Здравомыслова г. Простаков возражает, что все кандидатуры были выдвинуты г. Наглым, переспорить которого все равно невозможно, ибо лбом стену не перешибешь. Г. Наглову ассистирует г. Шумилин и вместе они, как замечает г. Простаков, «хотят жить своим царьком».

Речи г. Здравомыслова по поводу вопиющей нелепости выбранных персонажей основаны прежде всего на здравом смысле, он не

всегда при этом апеллирует к справедливости или чувству долга. Так, г. Невежин, за всю жизнь прочитавший разве что только «Бову-королевича», повредит своим соседям своим невежеством, не умея разрешить их насущные проблемы. К тому же все жалование в конце концов он потеряет, поскольку не сможет справиться со своими ушлыми подчиненными, которые станут брать взятки, чем вызовут нарекания и жалобы, влекущие за собой наложение пеней. В качестве альтернативы г. Здравомыслов выдвигает г. Деньгова, очень богатого и влиятельного человека, хорошо знающего законы и находящимся в приятельских отношениях с высшим руководством губернии. То есть, по мнению г. Здравомыслова, г. Деньгов хорош не только тем, что богат и не зависит от жалования, и даже не тем, что юридически грамотен, он замечателен прежде всего своим значительным влиянием, которое происходит от его умения общаться с знатными людьми и которое он может употребить на всеобщую пользу; полное же отсутствие одного у г. Невежина является его еще одним большим недостатком. Как истинный сын своей эпохи, Михаил Храповицкий не видит тут ничего ни противоречивого, ни предосудительного.

Однако г. Простаков высказывает сомнение в том, что такой человек согласится быть судьей, зачем ему такие хлопоты, вот тут в ответ его собеседник и раздражается уже целой тирадой об общественном долге и высоком предназначении судьи:

«Да разве быть судьей низко? какое странное мнение! судья предозначается быть хранителем осязающей правосудия сего основания общего благополучия; ему вручаются дела, касающиеся до безопасности нашей собственности, и потому самому должность его делается важною и почтенною. Вы к собственной вашей пагубе обезчестили и унизили сие звание таковыми смешными выборами» [Храповицкий, 1790, с. 2–3].

И г. Здравомыслов напоминает о том, какой несправедливости подвергся его собеседник по решению прежнего судьи г. Кривотолкова, из чего ни сам г. Простаков, ни кто-либо из его соседей никаких уроков не извлек.

Сетования г. Здравомыслова по поводу равнодушия его соседей к процессу выборов, формального к ним подхода, непонимания ими возможности влиять на свою судьбу и обеспечивать свое же благополучие, предоставленной им властями с самыми благими намерениями, остаются актуальными по сей день: «... кого, кроме самих нас, обвинять можем причиною нашего нещастия? ...» [Там же, с. 5]. Назначенная г. Здравомыслову должность заседателя хоть и принимается им, по его выражению, с благоговением, но вызывает у него горькие замечания, что послужит она только к большим расходам и очернению его доброго имени, ведь от заседателя мало что зависит.

Представляет большой интерес и другой прозаический текст Михаила Храповицкого – «Слово похвальное Екатерине II», вышедший в Вышнем Волочке в 1802 г. [Храповицкий, 1802]. Публикация этого безудержного славословия императрице, где она уподобляется самой благодетельной природе и предстает своего рода мессией, где говорится, что она могла бы, если б у нее на то достало сил, объединить любовью и тишиной всю вселенную, состоялось в первый год царствования ее внука. Чем была вызвана необходимость двадцати восьмистраничного похвального слова сошедшей со сцены правительницы? Вопрос этот пока остается без ответа.

Текст представляет собой не просто панегирик, это последовательный обзор всех достижений царствования Екатерины II, как военных побед, так и установлений внутри страны и международной политики, которые, возможно, к тому времени, после непродолжительного, но запомнившегося царствования ее сына, не бывшего ни в какой мере поклонникам своей матери и способов ее правления, уже стали забываться. Здесь и попечение о подданных, забота об их интересах, учет их мнений (чего никто из правителей никогда не делал), деятельная помощь тем, кто в ней нуждается, забота о сиротах и отказ от варварских жестоких предрассудков, самоотверженность в деле народного здоровья, стремление к умиротворению врагов, а если то невозможно, то победе над ними, пресечение диких народных волнений, расширение государства и тем избавление от постоянных мучительных смут на окраинах, умение действовать всегда вовремя и в нужном направлении для блага государства. Российская императрица представлена как эталон мудрой, великодушной и умелой правительницы на все последующие века для всех стран. Должно быть, это было напутствие Александру I, высказанное не прямо, не нарочито, а как бы в стороне, исподволь, на что указывает в качестве места издания Вышний Волочек, хотя отпечатана книга была в Санкт-Петербурге. Влиятельный брат Михаила Храповицкого к тому времени уже умер, а сестра, возможно, уже совсем отошла от дел (она умрет в следующем, 1803 г.), и можно предположить, что ее здоровье на момент выхода в свет «Слова похвального» оставляло желать лучшего¹⁰; у него достаточно было влияния, чтобы представить царю свои размышления; к тому же, как было указано выше, он был с ним знаком лично. Создается впечатление, что «Слово похвальное» имело значение и не пропахло втуне, и даже что Михаил Храповицкий был уверен, что его услышат. Но на этот счет никакие документальные свидетельства автору

¹⁰ К тому же, ее, возможно, и не было в этом году в Санкт-Петербурге, поскольку ее супруг, Василий Михайлович Сушков, стал на короткое время симбирским губернатором, что явилось вершиной его карьеры.

этой статьи пока не известны, разве что косвенным доказательством может служить высокое качество издания этой небольшой книги. Возможно, дальнейшие исследования позволят пролить некоторый свет на этот вопрос.

Модзалевский В. Л. Храповицкий, Михаил Васильевич // Русский биографический словарь. В 25 т. / изд. под наблюдением предс. Имп. Рус. Ист. Общ-ва А. А. Половцева. Т. 21. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 423–425.

Овчарова Е. Э. Интимное и публичное в творчестве М. В. Храповицкого (1758–1819) и М. В. Сушкова (1775–1792) // XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи: коллективная монография / под ред. Н. Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2021. С. 298–311.

Овчарова Е. Э. Об одном высказывании Екатерины II // Анекдот и другие жанры фольклора как историко-психологический источник : материалы XLV Межд. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: ООО «Полторака», 2019. С. 95–98.

Ода М. В. Храповицкого на Достопамятное в России постановление о состоянии свободных хлебопашцев высочайшим императора Александра I указом февраля в 20 день 1803 года, сообщена Н. В. Сушковым // Библиографические записки. 1858. Т. 1. С. 375–378.

Озеро Удомля. URL https://miracelake.blogspot.com/2015/01/blog-post_99.html?showComment=1619859130918#c56988066582350186 (дата обращения: 10.07. 2021).

Паут. На 1852 год. Исторический и литературный сборник в пользу учебного заведения для благородных девиц, ведомства дамского попечительства о бедных в Москве. М.: Н. В. Сушков, 1852.

Романов Б. Н. Позтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование в 7 ч. М.: Русский Мирь, 2017.

Русская старина. № 6. 1903. С. 507.

Сушкова Е. А. Записки. М.: Захаров, 2004.

Тверецкий З. (Матюнин Р. И.). Внуки Сердюковы. Статс-секретарь императрицы // Вышневол. ист.-краевед. альманах. № 6. Вышний Волочек, 2002. С. 37–78.

Тверецкий З. (Матюнин Р. И.). Наследники Сердюкова. (Жена Анна Филипповна, дочь Елена, сыновья Михаил и Петр) // Вышневол. ист.-краевед. альманах. № 7. Вышний Волочек, 2003. С. 11–34.

Томсинов В. А. Аракчеев. М.: Вече, 2014.

Фраанке М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. Сб. 19. М.: Наука, 1995. С. 147–167.

Храповицкий М. В. Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России в 1803 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1858. Кн. 2. Апрель-июнь. V. Смесь. М.: Унив. тип., 1858. С. 183–184.

Храповицкий М. В. Разговор уездных дворян о Выборе в судьи. Печатано с дозволения управы благочиния у Вильковского. СПб., 1790.

Храповицкий М. В. Слово похвальное императрице Екатерине Второй / [Михайло Храповицкой]. СПб.: Имп. тип., 1802.

Щебальский П. К. Литератор старого времени // Русский Вестник. 1871. № 11. С. 295–320.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ САМОСУДОВ И ТЕРРОРА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ В ПЕРИОД 1917–1918 гг.

В докладе рассматриваются принципы, которыми, исходя из опыта исследовательской деятельности автора, следует руководствоваться при изучении темы революционного насилия в вооруженных силах в 1917–1918 гг.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, вооруженные силы, Балтийский флот, Черноморский флот, офицеры, матросы, красный террор.

Революционные события 1917 г. и начавшаяся Гражданская война самым непосредственным образом отразились на состоянии русской армии и флота. С весны 1917 г. начались процессы демократизации вооруженных сил, их разложения, падения боеспособности и втягивание личного состава в политическую борьбу. Характерной чертой стало наличие конфликта между нижними чинами и командным составом. Этот конфликт в ряде случаев принял крайнюю форму, выливаясь в акты массовых самосудов над офицерами. Первые расправы произошли в самом начале революционных событий в марте 1917 г. в базах Балтийского флота. Зимой 1917–1918 гг. самосуды произошли на Черном море (т. н. Севастопольские Варфоломеевские ночи). Аналогичные события, не столь массовые и резонансные, имели место и в сухопутной армии. В условиях начала Гражданской войны происходят первые акты террора против офицеров. Эти события, оказавшие заметное влияние на сознание современников, отразились в большом количестве источников разного происхождения. Теме самосудов посвящено много работ профессиональных историков, краеведов, публицистов. Об общих принципах изучения революционного насилия в вооруженных силах и пойдет речь в нашем докладе.

Первым важным принципом является стремление к объективности и беспристрастности. Казалось бы, это вещь хрестоматийная, которая при проведении исторического исследования подразумевается автоматически. Однако история революционного насилия является именно той темой, в которой этот принцип нередко нарушается. Это хорошо видно по изучению красного и белого террора эпохи Гражданской войны: авторы, симпатизирующие белым или красным,

нередко нарушают принцип объективности. Условный «белый историк» признает факт белого террора, но отметит, что это была вынужденная мера со стороны антибольшевистских сил. Ужасы террора он спишет на самостоятельность «атаманщины» (оправдывая тем самым центральную власть), справедливо подчеркнет, что над демонизацией белого террора хорошо поработала советская пропаганда и для сравнения приведет красный террор, ударив по этой теме «из тяжелой артиллерии», описывая масштаб, размах, ужасы насилия, некритично воспринимая сведения исторических источников. Таким образом, мы имеем попытку обелить белое движение и демонизировать большевиков. Аналогичную картину «с обратным знаком» видим в стане авторов, симпатизирующих красным.

Тема самосудов над офицерами также не избежала такого избирательного взгляда. В советское время даже в научной историографии ряд авторов старались по возможности обойти стороной эту проблематику, обелить матросов или приуменьшить, замолчать данную страницу истории. В современной историографии имеется перекося в другую сторону. У ряда авторов тема самосудов выводится на первый план (затмевая другие аспекты истории флота и офицерства в революционном 1917 г.), некритически воспринимается информация исторических источников, масштаб расправ преувеличивается и т. д.

Тема насилия может быть эмоционально очень тяжелой для многих людей, что способно привести к серьезной субъективизации результатов исследований. При изучении самосудов и террора от исследователя требуется подняться над своими симпатиями и антипатиями, личными убеждениями, эмоциями. Это в целом необходимо для изучения темы репрессий, террора в любые исторические периоды в любой стране.

Второй важнейший принцип – опора на источники и критический анализ содержащейся в них информации. Самосуды над офицерами являются темой, очень хорошо обеспеченной источниками разного видового происхождения (документы военных и гражданских органов, следственные материалы, многочисленные мемуары, публикации периодической печати и др.). Это позволяет достаточно подробно реконструировать ход актов революционного насилия, выявлять причины самосудов, составлять персональные списки жертв и т. д. В то же время эта тематика является ангажированной, что находит свое выражение в исторических источниках (прежде всего это касается источников личного происхождения, но не только их). Приведем в качестве примера мемуары ротмистра Н. Н. Кришевского, якобы очевидца самосудов в Севастополе. Офицер пишет о своих впечатлениях вечером 15 декабря 1917 г.:

«Трамвай шел быстро, не останавливаясь ни на разъездах, ни на местах остановок. На Нахимовском, около Северной гостиницы, я видел небольшую толпу матросов, которая, бешено ругаясь, стреляла в лежащего на тротуаре. Сердце замерло от жалости, но мы уже пронеслись... Такая же сцена у Морского собрания, еще несколько стрелявших групп по Екатерининской, и трамвай выкатился на вокзальный спуск, где все было тихо, в бухте спокойно горели огни на кораблях и даже, как ни странно, – где-то били “склянки”. Ничто не указывало на грозный час, кроме выстрелов в городе и около вокзала, откуда доносился какой-то рев.

...Вот и вокзальный мост, поворот, и трамвай стал медленно спускаться. Стоявший около меня человек в солдатской шинели соскочил и бегом направился к вокзалу. Кто-то крикнул – “стой!”, раздалось несколько выстрелов, и бегущий упал...

Я встал на остановке. Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: “Пощадите, братцы, голубчики!...” Кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы – словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна...

В это время я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц – морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадном прыжком очутился в коридоре и упал около нас. За ним несло несколько матросов – миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звенное рычанье матросов...

Наконец, я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

– Берите его, – проговорил он, обращаясь к матросам.

– Ишь ты – втикать думал...

– Берите и этого, – указал он на стоявшего впереди меня. Человек десять матросов окружили их... На мгновение я увидел бледные, помертвевшие лица, еще момент и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы...» [Кришевский, 1992, с. 105].

Мемуары Н. Н. Кришевского неоднократно опубликованы и активно цитируются как свидетельство красного террора, описанного непосредственным очевидцем. Однако стоит задать вопрос – насколько достоверно это свидетельство? Изучение других источников позволяет дать однозначный ответ: описание Н. Н. Кришевским уличных

убийств офицеров недостоверно, оно является выдумкой мемуариста. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. в Севастополе было расстреляно две группы офицеров (6 и 15 человек) на Малаховом кургане (нами составлен точный список). Никаких массовых уличных расправ вечером 15 декабря источники не фиксируют, неизвестно ни одного офицера, который погиб в этот день при подобных обстоятельствах.

Аналогичная ситуация с «баржей смерти» на Балтике, в которой предположительно была утоплена группа офицеров. Этот факт указывается в публицистике начала 1920-х гг. [Двенадцать смертников, 1922, с. 25] и в воспоминаниях А. П. Белоброва (с нашей точки зрения, мемуарист явно воспроизводит слух) [Саберов, Тетеря, 2016, с. 133]. Источников, которые бы достоверно подтвердили факт такой казни, пока не выявлено. Однако этот сомнительный эпизод вошел в историографию, публицистику, массовую культуру.

Третий принцип – нужно стремиться выявлять причины и логику развития конфликта, приведшего к самосуду. Изучая балтийские убийства офицеров в марте 1917 г., историк А. В. Смолин обратился к количественным показателям. Он писал: «Большая часть пострадавших – это младшие офицеры с малых кораблей. Такая ситуация сложилась вследствие того, что младшие офицеры по роду деятельности чаще соприкасались с личным составом, были молоды, стремились к повышению в должности и звании, хотели показать себя требовательными, умеющими держать подчиненных в руках, что и приводило к злоупотреблению служебным положением... Следует отметить и наличие случайных жертв» [Смолин, 2012, с. 121].

Однако К. Б. Назаренко, анализируя не количественные, а качественные показатели – удельный вес численности жертв самосудов от количества офицеров определенной корпорации, пришел к другим выводам. «В наибольшей степени пострадали строевые генералы и адмиралы, затем (почти в три раза меньше) строевые штаб-офицеры, в еще меньшей степени – обер-офицеры. ... Прослеживается логика самосудов. Наибольшую ненависть матросов вызывали высокопоставленные начальники из числа строевых офицеров, в какой-то степени генералы и адмиралы вообще. В меньшей степени удар пришелся на офицеров по адмиралтейству. Офицеры других корпусов пострадали в минимальной степени» [Назаренко, 2018, с. 283, 286].

Изучая самосуды на Черноморском флоте в рамках нашей ранее защищенной диссертационной работы, мы пришли к выводу, что к ним привели падение дисциплины; нарастающее количество конфликтов между матросами и офицерами, рост недоверия к офицерам со стороны команды; процесс поляризации политических и социаль-

ных сил. Причем февральские самосуды 1918 г. в Севастополе отличались определенной организованностью. Первой причиной расправ стало желание матросов отомстить офицерам, которые ранее были причастны к подавлению революционного движения или имели плохие отношения с командой. Вторую категорию погибших составляют офицеры, убитые из-за подозрения в контрреволюционности. Третья группа – это лица, расстрелянные просто за то, что они офицеры. Называть большинство из них случайными жертвами мы считаем не совсем корректным – причиной гибели послужила именно принадлежность к офицерству, которое частью матросов стало восприниматься в качестве «классового врага».

Четвертый принцип – критический анализ количества погибших в ходе расправ. При описании войн, революций, конфликтов, репрессий, численность жертв требуется тщательно проверять, так как она нередко вызывает серьезные сомнения в своей точности и достоверности. Особенно это касается числа погибших в гражданских конфликтах от действий противника, которого всячески стараются демонизировать. Наглядный пример – количество жертв «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. По данным большевиков, вошедших в советские энциклопедии, счет погибших и раненных шел на несколько тысяч. Согласно информации полицейских отчетов – две сотни убитых и умерших от ран. Современные попытки более точно сосчитать жертвы среди рабочих показывают, что ближе к истине данные полицейской статистики.

Аналогично обстоит дело с жертвами матросских самосудов 1917–1918 гг. Мемуарные источники дают количество погибших в ходе декабрьских самосудов в Севастополе в границах от 35–40 до 128 чел. Пофамильный подсчет позволил нам получить точное значение – 32 чел., из них 29 офицеров. Февральские самосуды в Севастополе имеют еще больший разброс оценок по количеству жертв. По горячим следам на заседании Севастопольского совета в феврале 1918 г. была озвучена цифра в 250 убитых. Мемуаристы приводят данные в диапазоне от 250–350 до 800 погибших. Однако критический анализ источников и реконструкция происходящих событий позволяют сказать, что вышеприведенные цифры являются завышенными. По нашей оценке, реальное количество погибших в этой трагедии офицеров и гражданских лиц не должно серьезно превышать ста человек.

Пятый принцип – использование методов микроистории и просопографии, которые позволяют привнести много нового в изучение рассматриваемой темы. Просопография позволяет персонифицировать жертвы террора, установить подробности их служебных биогра-

фий, нередко важные для понимания причин самосуда. Обобщение данных просопографии позволяет составить коллективный портрет жертв революционного насилия, понять, какие группы офицеров преимущественно попадали под террор со стороны нижних чинов, выявить причины этого явления. Работа с изучением персоналий позволила выявить ряд офицеров, которых ошибочно считают жертвами самосудов, и нескольких в реальности не существовавших личностей.

Методы микроистории дают возможность изучать отдельные конфликты и расправы, позволяя более детально понять происходившие в вооруженных силах события. Собранный фактологический материал затем используется для обобщений.

Отметим проблему размытости границ между террором и самосудами, между самосудом и криминальным убийством. В расправах на Балтийском флоте в марте 1917 г. было много стихийного – именно того, что принято называть самосудом. События февраля 1918 г. в Севастополе отличались от такого сценария большей организованностью. Органы Советской власти и большая часть лидеров местных большевиков пытались предотвратить матросские расправы, однако организаторскую роль сыграли несколько лидеров солдатско-матросской массы; в среде нижних чинов произошла самоорганизация, созданы самочинные органы, отвечавшие за проведение репрессий против офицеров (арестов, обысков и части расстрелов). В других городах Крыма (например, Евпатория, Ялта) зимой 1918 г. местные ревкомы напрямую организовывали казни (что являлось прямым нарушением действовавшего в то время советского законодательства).

С нашей точки зрения, события в Крыму зимы 1917–1918 гг. можно определить как неорганизованную часть красного террора, реально начавшегося еще до декрета от 5 октября 1918 г. «О красном терроре». В белом и красном терроре периода Гражданской войны была организованная институционализированная часть (репрессии против противника, проводимые органами власти согласно законам) и неинституционализированная, во многом стихийная часть (расправы, устроенные белой «атаманщиной»; самосуды революционной массы и террор местных органов ранней Советской власти и т. д.).

Кроме того, события в Севастополе 1917–1918 гг. показывают, что грань между террором или самосудом и криминальным убийством очень тонкая. Как сказано выше, имела место определенная организованность матросского выступления. Но одновременно с этим важную роль в февральских самосудах сыграли криминализованные элементы, осуществившие целый ряд убийств и ограблений.

К. Б. Назаренко писал: «...что является критерием, позволяющим отличить самосуд от убийства? Мы считаем, что это публичность

и коллективность самосуда. Он происходит «среди бела дня» и творится в присутствии десятков, а то и сотен свидетелей и участников. Несомненно, при осуществлении самосуда для его вершителей очень важно выступать как члены коллектива и от имени коллектива» [Назаренко, 2018, с. 281]. Согласимся, что это важный показатель, позволяющий классифицировать расправу как самосуд. Но часть убийств в ходе севастьяпольских самосудов в феврале 1918 г. под этот критерий не попадают (например, гибель контр-адмирала Н. А. Сакса и его семьи).

Подводя итоги, скажем, что использование научных подходов позволяют анализировать такую сложную тему, как революционное насилие в вооруженных силах. С первого взгляда эти события могут показаться лишенным смысла кровавым хаосом, однако при внимательном изучении становятся понятны причины, логика и сценарии развития событий, истинный масштаб погибших в этой трагедии.

Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин: Изд. загранич. делегации П. С. Р., 1922.

Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 гг.) // Архив русской революции. В 22-х т. Т. 13. М., Терра, 1992. С. 71–124.

Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., Яуза, 2018.

Саберов Ф. К., Тетеря Л. Т. Трагическая судьба флотского офицера. Штрихи к портрету генерал-майора Г. Н. Мазурова // Елагинские чтения. Вып. 8. СПб.: РГА ВМФ, 2016. С. 155–134.

Смолин А. В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.

УДК 94.37(470.5).063/065:37

А. М. Сафронова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ ПРИ КУШВИНСКОМ ЗАВОДЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ГОРНЫХ ВЛАСТЕЙ (1739–1745 гг.)

При Кушвинском заводе, пущенном в строй в 1739 г., вопрос об открытии школы был поставлен конторой завода еще в период строительства, в 1737 г. Школа была открыта с санкции Канцелярии Главного заводов правления от 24 февраля 1739 г., ссыльный Василий Прасолов стал

обучать детей Кушвинского и Таборинского заводов, но по указу Анны Иоанновны от 27 марта этого же года заводы были переданы в собственность главы Генерал-берг-директориума К. фон Шемберга, и с мая находились в ведении Благодатской горной экспедиции, разместившейся на Туринском заводе. Указом Елизаветы Петровны от 7 апреля 1742 г. их вернули в казну. Школа продолжала действовать в течение трех лет нахождения заводов в частных руках, в нее принимались новые ученики, но после возвращения заводов в казну с января 1743 г. учитель перестал получать жалованье, добился его выдачи по август от местной конторы, затем продолжал работать без оплаты своего труда по 25 января 1745 г. Уральское начальство пыталось закрыть школу. Контора, чтобы сохранить ее, провела перепись детей при Кушвинском и Туринском заводах, выявила 42 детей школьного возраста, просила о присылке книг для них, но начальство в апреле 1745 г. приказало школу закрыть. Только путем подачи прошений Прасолов добился оплаты своего труда через год после прекращения работы в качестве учителя, 31 января 1746 г. На примере Кушвинской школы мы имеем дело с беспрецедентным случаем в истории горнозаводских школ, ярко отражающем различные позиции властей в отношении обучения детей: уральского начальства, Благодатской экспедиции и управляющих конторой Кушвинского завода, а также позицию учителя, ссыльного Прасолова, обучавшего детей бесплатно, но добившегося вознаграждения.

Ключевые слова: Канцелярия Главного заводов правления, Благодатская горная экспедиция, заводская контора, горнозаводские школы, Кушвинский, Таборинский заводы, учитель-ссыльный, оплата труда.

Открытие в 1735 г. богатого месторождения магнитного железа на горе Благодать, закрепленного за казной, послужило причиной строительства близ него нескольких заводов. Уже осенью в трех верстах от рудника В. Н. Татищев начал строить плотину Кушвинского чугуноплавильного завода. В 1736 г. в девяти верстах от этого завода начали строить Туринский завод для переработки чугуна, выплавляемого на Кушве, в железо. В 1739 г. оба предприятия были пущены в строй [Металлургические заводы..., 2001, с. 134, 172–173.]

В феврале 1737 г. управитель Кушвинской заводской конторы Леонтий Бекетов в доношении уральскому начальству поднял вопрос об отправке детей с этого строящегося завода для обучения в Екатеринбург: «имеются при Кушвинском заводе горных служителей дети, которые годами свыше семи лет, оных не повелено ль будет прислать в оную Канцелярию для определения в школу» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 169]. Справка, наведенная по приказу уральского начальства, гласила: «школы и учителя ныне еще не имеется, токмо по штату

сего года словесной школе велено быть», на ее содержание выделено 30 руб. в год [Там же, с. 170]. Прошел почти год, и 23 декабря 1737 г. начальство приказало: прислать роспись о детях, годных в школу, указав их возраст, происхождение, на ее основе выяснить, не положены ли они в подушный оклад [Там же].

На Кушве оказалось лишь четверо детей школьного возраста от 6 до 16 лет. При этом Бекетов опять проявил инициативу, включив в список и пятерых детей молотовых мастеров и подмастерьев, обучавшихся ранее в Уктусской школе и переведенных с отцами на Туринский завод, отметив, что при отцах «живут втуне» [Там же, д. 760, с. 88–89]. 25 февраля 1738 г. уральское начальство постановило: детей «собрать и при Кушвинском заводе обучать словесному и писать тамошнему попу, а за те ево труды плата достойная имеет быть учинена ис казны Е. и. в.», а школьникам «до указа дачею жалованье обождать», учебные книги «послать из наличных» Екатеринбурга. То есть вопрос оплаты труда учителя, жалованья школьникам решен не был. Вместе с тем указом выслано было по 6 экземпляров букварей с десятисловием и часословов, псалтири обещали выслать, как выйдут из починки [Там же, с. 90, 93–94].

Дальнейшие действия в отношении школы на Кушве выясняются из заведенного в Канцелярии в 1744 г. дела «Об учителе словесной школы по требованию Кушвинской заводской канторы и о школьниках тамошних» [Там же, д. 1128, л. 17–46]. Дело возникло в связи с прекращением оплаты труда учителя после возвращения заводов в казну и настойчивых требований учителя о его выплате. Из выписок по делу и подлинных документов, подшитых в нем, выясняется следующее. Попа на Кушве не оказалось, прошел почти год, в декабре 1738 г. Кушвинская контора снова подняла вопрос о школе, сообщила в Екатеринбург, что учителем пожелал стать ссыльный, осужденный навечно, Василий Васильев. Он подал доношение в контору: был прислан на Кушву в июле 1737 г., во время работы ему переломило правую ногу, «в пропитании имеет немалую нужду, а при Кушвинском заводе у обывателей имеются малолетные дети, которых желает он словесной грамоте обучать...и просил определить» учителем, к тому же книги уже присланы [Там же, л. 25]. По сути, подачей прошения ссыльный невольно подтолкнул открытие школы при строящемся заводе.

Указом Канцелярии в январе 1739 г. Васильев был вызван в Екатеринбург для свидетельства, годен ли в учителя. Свидетельствовал его учитель арифметической школы Федор Санников «в словесной школе», объявил, что он «читать и писать умеет и здешняго словес-

ного обучающего учителя не хуже, и учителем у детей быть ему можно». 24 февраля 1739 г. уральское начальство назначило Васильева учителем с жалованьем 12 руб. в год (так стали получать по штатам 1737 г. все учителя словесных школ) и снова предписало «немедленно» выслать книги, на первый случай от екатеринбургских школ. При этом начальство указало и охват территории школьным обучением: «велеть на Кушвинском заводе как того, так и других заводов мастеровских и других (и каких по указом обучать надлежит) детей словесному и писать обучать» [Там же]. Таким образом, в школе должны были учиться дети с двух заводов: Кушвинского и Туринского.

Выписки по делу раскрывают биографию учителя. Он, Василий, Васильев сын, Прасолов, сказкой в конторе показал:

«...Из отставных салдат, в салдаты был взят из шляхетства, в сылку прислан с наказанием кнутом, ноздри целы, по делу с капитаном Урусовым в обидах и разорении крестьян ево, ... сослан он в 1734 году из Москвы из Розыскного приказу в Тобольск, а из Тобольска взят на Колыванские Демидова заводы, и ис Колывана взят в Екатеринбург в 1736 году по некоторому делу и по решению дела послан в 1737 году на Кушвинской завод в работу» [Там же, 26 об.].

Но едва школа открылась, и учитель приступил к обучению детей, как 9 мая 1739 г. на Урал пришел указ Анны Иоанновны от 27 марта о передаче Кушвинского и Туринского заводов вместе с рудниками, работниками, приписными крестьянами в собственность главе Генерал-берг-директориума Курту фон Шембергу [Там же]. В мае же месяце на Урал прибыли его поверенные – актариус К. Фогт и обер-комиссар В. Бланкентаген. К октябрю 1739 г. была сформирована Благодатская горная экспедиция, разместившаяся на Туринском заводе [Корепанов, 2001, с. 114–115]. Почти три года заводы находились в частных руках, но указом Елизаветы Петровны от 7 апреля 1742 г. их вернули в казну [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1128, л. 25 – 25 об.]. Кампания по возвращению заводов под контроль Канцелярии Главного заводов правления растянулась до 1745 г.

Поскольку в 1743 г. учитель Васильев стал требовать выплаты ему жалованья с января, значит, пока заводы находились в собственности Шемберга и управлялись экспедицией, и в переходный период школа продолжала действовать и труд учителя оплачивался по декабрь 1742 г. Мы имеем единичные сведения о школе за 1739–1742 гг. После возвращения заводов в казну в январе 1744 г. Кушвинская контора прислала ведомость о школьниках за третью треть 1743 г. [Там же, л. 23]. Их числилось всего шесть человек, но сравнение их фами-

лий с фамилиями детей, подлежавших зачислению в 1739 г. показывает, что те уже обучились грамоте. Это была новая партия учащихся от 10 до 15 лет, пятеро из них поступили к учению 2 октября 1741 г., один – 2 января 1742 г. Ясно, что в период нахождения заводов в частных руках наборы учащихся в школу продолжались. Ученики из этой второй партии уже читали и писали слова.

Есть еще один любопытный документ. 30 июля 1741 г. уральское начальство слушало доношение актариуса Фогта «с товарищы» от 16 июня, при котором был возвращен в Екатеринбург гранильщик Матвей Несенцов «и с ним для обучения от него здесь гранильному делу, словесному, писать, арифметики и части от рисования ученик Михайло Федоров, и о даче ему жалованья против протчих таких же учеников на счет Гороблагодатских заводов». Начальство решило: «Несенцову быть, где до сего был определен с прежним жалованьем, и ученика гранению камней между положенным на Несенцова делом [обучать], и в школах учителем показанным наукам ево обучать...» [Там же, д. 907. с. 251]. Таким образом, мы получаем сведения еще об одном ученике Кушвинской школы, принятым в годы частного управления заводом – Михаиле Федорове, более того, о направлении его на учебу в школы Екатеринбурга и обучении параллельно гранильному промыслу у Несенцова – выпускника Екатеринбургской арифметической школы, обученного в свое время шведским мастером Рефом.

В феврале 1744 г. члены Канцелярии потребовали составить справку о ссыльном учителе Кушвинской школы, и выяснить, делалось ли о нем ранее представление от конторы. Оказалось, что представление было получено в Екатеринбурге 21 мая 1743 г., но никакого решения на него не последовало [Там же, д. 1128, л. 18 – 18 об.]. Контора докладывала, что в школе по-прежнему трудится ссыльный Васильев, учащихся у него семь человек, все на родительском пропитании, «и при обучении такого малого числа учеников быть ему не у чего». При этом сообщалось, что по переписи при Кушвинском и Туринском заводах детей, годных в школу, набралось уже 42 человека, но контора без указа Канцелярии определить их в школу не может и требовала прислать для них дополнительно азбук 27, часословов 26, псалтирей 20; запрашивала, если давать им жалованье, то по сколько в месяц [Там же, л. 19]. Таким образом, Кушвинская контора после возврата заводов в казну выступила с инициативой расширения круга обучаемых детей, проведения дополнительного их набора. С пуском заводов в строй число мастеровых людей при них увеличилось, возросло и количество детей школьного возраста.

Вторым доношением от 31 октября 1743 г. глава конторы Алексей Памфилов сообщал, что в сентябре 1743 г. Васильев подал прошение о выдаче ему жалованья за две трети 1743 г. (с января по август), поскольку у обучения находился «безотлучно». 17 октября учителю жалованье в сумме 8 руб. было выдано. Контора навела справки, по штату казенных заводов 1737 г. школе при заводе полагалось быть с содержанием по 30 руб. в год, а обучалось тогда только шесть человек. Дополнительно сообщалось, что 9 февраля 1743 г. контора приняла решение, что учителю при таком малом числе учеников быть незачем, и следует переписать всех детей, годных в школу. Таким образом, выяснилось, что перепись детей Кушвинская контора провела по собственной инициативе. А. Памфилов снова запрашивал Канцелярию: «повелено ль будет» набрать новых учеников» или Васильеву «ныне за малостию учеников от школы отказать»? [Там же, л. 20–21]. И на это доношение уральское начальство не отреагировало, отмолчалось.

Прасолов же продолжал обучать детей. В 1744 г. дважды обращался в контору о выдаче жалованья – в феврале и мае, за третью треть 1743 г. и за первую треть 1744, а в июне доношение отправил уже в Екатеринбург, в Канцелярию Главного заводов правления. Только 9 апреля 1745 г., по прошествии девяти месяцев, Канцелярия соизволила вынести определение: «школе при Кушвинском заводе не быть, детей меньше 15 лет отправить к отцам, а 15-летних распределить к ремеслам, кроме подъяческих; Просолова внести в список с другими ссыльными для определения его судьбы Берг-коллегией [Там же, л. 24, 30 об.]

23 апреля 1745 г. учитель снова доносит Канцелярии, что она не упомянула о его жалованье, а в августе 1744 г., по ее указу ему был дан для обучения сын отставного горного ученика Елизар Бабилов, причем с назначением казенного жалованья, которого он обучал по 25 января 1745 г. В этот день он ожидал, что получит жалованье за год и еще треть года, но напрасно. Его терпение иссякло, и Прасолов с паспортом на срок был отпущен в Екатеринбург. Он сообщает в доношении, что «в надежде того жалованья» для пропитания себя забрал из казенного магазина хлеба рублей на пять, «да и партикулярно многим людям задолжал за браной хлеб, и долги, чем заплатить, ныне не имею» [Там же, л. 35–36].

По прошествии почти четырех месяцев, 14 августа 1745 г., по этому прошению Канцелярия приняла, наконец, решение: в выплате жалованья учителю отказать, так как школа была возрождена незаконно; Васильев, если хочет, пусть судится с виновными [Там же, л. 40]. И учитель 1 ноября подал доношение в Канцелярию на гиттенферваль-

тера Панфила Алексеева, но тот отказался признать себя виновным: как управитель завода о школе он начальству сообщал, только ответа не получал [Там же, 49 – 49 об.]. Только 31 января 1746 г. Канцелярия Главного заводов правления вынуждена была предписать: жалованье Васильеву с 1 сентября 1743 г. по 25 января 1745 г. по 12-рублевому окладу выдать от Екатеринбургской казенной конторы и поставить на счет Кушвинского завода – 16 руб. 77 $\frac{1}{4}$ коп. [Там же, л. 44 – 44 об.].

Таким образом, Кушвинская школа действовала на протяжении почти шести лет, с весны 1739 г. по январь 1745 г., в ней обучились грамоте по меньшей мере 16 детей, могли бы еще 42 человека овладеть чтением и письмом, если бы уральское начальство дало на это согласие. На примере этой школы мы видим, как активно, проявляя инициативу, действовали главы Кушвинской заводской конторы – Леонтий Булгаков, Панфил Алексеев – по сравнению с уральским начальством – Канцелярией Главного заводов правления, которая реагировала на их доношения с задержкой до полугода или отмалчивалась, когда нужно было решить важный вопрос – продолжать работу школы при условии набора в нее 42 подросших к обучению детей или закрыть ее из-за малого числа учащихся.

При этом уральское начальство полностью игнорировало интересы учителя-ссылного, который после передачи заводов в казну, с января 1743 г. на протяжении более двух лет трудился, получая оплату лишь дважды, путем подачи настойчивых прошений, и сумел получить окончательную сумму лишь через год после прекращения своей деятельности в качестве учителя. На примере его жизни мы видим, что оставаясь без денег на протяжении длительного времени, он вызывал сочувствие и получал материальную поддержку от населения, рядовых жителей завода. Это и помогло ему выживать.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.», 3–9 сент. 1999 г. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. С. 112–118.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001.

1.2. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XIX вв.

УДК 94(470.341-25).066(093)

А. А. Акашева
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет, г. Нижний Новгород

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АРХИВНЫЙ КОМПЛЕКС ПО ИСТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ НИЖНЕГО НОВГОРОДА 1784 г.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Представлены итоги трехлетней работы в РГАДА, РГИА, РГБ и Центральном архиве Нижегородской области по теме Генерального межевания Нижнего Новгорода в 1784 г. На основе анализа созданной базы данных, в которую внесено 140 источников разных типов – полевых записок, межевых книг, планов, Экономических примечаний и сведений о количестве земельных участков, сформулирована гипотеза о сохранности 22 % дел от изначальной совокупности всей межевой документации. Сложившийся документальный комплекс был изучен с точки зрения распределения источников по архивам, содержанию, наличию электронных копий. Указаны проблемы работы с документами – прежде всего это ошибки в заголовках. Описаны архивные находки, касающиеся 151 межевого плана частных владений, сохранившихся в РГАДА и ЦАНО. Было выявлено 10 оцифрованных дел с общегородскими планами, доступных онлайн. Сделан вывод о том, что несмотря на небольшое количество дошедших документов, по ним можно восстановить историю первых больших кадастровых работ в Нижнем Новгороде.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Нижний Новгород, РГАДА, ЦАНО, архивные фонды, исторический источник, база данных.

Материалы Генерального межевания XVIII–XIX в. – ценнейший источник по государственному земельному кадастру нашей страны, значение которого не утеряно до сих пор. С точки зрения способа фиксации сведений о землевладении они делятся на письменные и картографические. К первой группе относятся полевые записки, межевые книги, краткие и полные Экономические примечания, каталоги землевладельцев, ко второй – межевые планы разной степени генерализации на отдельные земельные дачи, город, сельский населенный пункт, уезд, губернию. Межевые конторы после окончания кадастровых работ передавали все подготовленные в ходе межевания документы в Архив межевой канцелярии в Москве, такой порядок был установлен с 1779 г. [Бухерт, 1997, с. 17]. Документация по конкретной

губернии или области таким образом оказывается рассредоточенной между федеральными и региональными архивами страны, в которых остались копиями материалы. Следовательно, сейчас для того, чтобы изучить межевание какого-либо населенного пункта, необходимо сформировать перечень дел, отложившийся в них, «пересобрав» заново некогда единый документальный комплекс, восстановив связи между его подсистемами и представив, насколько это возможно, всеобъемлющую работу межевых органов на данном месте.

В случае с Нижним Новгородом задача по решению описанной источниковедческой проблемы является крайне актуальной и насущной. Сюжет с первым тотальным межеванием этого губернского и в определенные годы (1779–1792) наместнического центра плохо изучен как в региональной, так и во всероссийской истории. Наши публикации последних трех лет постепенно восстанавливают фактографию городского кадастра конца XVIII в. Однако она не может считаться полностью законченной, пока не будет полного представления о документации, сложившейся в результате межевания «Нижнего Нова города». Настоящее исследование восполняет этот пробел, представляя итоги работы в РГАДА, РГИА, Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО), а также в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки с 2019 г. На сегодняшний день мы проанализировали большую часть сохранившихся источников, хотя не исключаем, что дальнейшая разработка темы уже за рамками данной публикации приведет к новым архивным находкам и комплекс документов по межеванию будет пополнен свежими данными.

Для хранения, учета и анализа сведений по всему спектру вопросов межевания города и межевого источниковедения мы разработали проблемно-ориентированную базу данных в программе MS Access.

Круг изучаемых источников охватывает как бесспорные, так и спорные дачи (владения, участки, дворовые места), граница которых была утверждена решением Межевой экспедиции Сената позже 1784 г. Кроме того, были изучены как оригинальные документы XVIII в., так и копии XIX столетия, благодаря информации которых можно восстановить недостающие сведения «из первых рук». Однако мы не затрагивали материалы Специального межевания, касающиеся изменения границ земельных дач в связи с развитием планировочной структуры Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки уже в XIX в. Распорядительные, отчетные документы и документы по личному составу межевых контор также не затрагивались нами.

Для оценки общего объема сохранившихся дел, так называемой естественной выборки, необходимо понять, сколько изначально было обмежевано земельных дач. Согласно общегородскому плану

[РГАДА, ф. 1356, оп. 269, ч. 1, д. С-45, красное] насчитывается 628 номерных и 12 литерных, т. е. всего 640 владений. В действительности их было больше, так как дворовые места купцов и мещан не были выделены при межевании из предместий – селитебной дачи нижегородского общества, но, чтобы не усложнять расчеты, мы исключили их из рассмотрения.

Если считать, что полный межевой комплект документов на один участок включает полевую записку, межевую книгу и межевой план, каждый из которых представляет собой одну единицу хранения, то указанное число владений (640) необходимо умножить на три и получится список из 1 920 дел. Также мы обнаружили 59 участков, у которых было два и более собственника, значит, к полученному числу дел надо приплюсовать еще минимум 59 единиц хранения – планов, которые выдавались по числу собственников по их запросу. К этому надо прибавить хотя бы один чистовой общегородской план и хотя бы одно чистовое Экономическое примечание на город в составе поуездных примечаний. В итоге теоретическое число документов может составлять 1 981 единицу (1920+59+2).

Естественная выборка на сегодняшний день представляет 140 архивных дел в 437 документах. Получается, что до нас дошло только 22 % документов (доля 437 из 1 981) от событий межевания города 1784 г.

По архивным учреждениям и архивохранилищам дела распределены следующим образом: 101 – РГАДА, 36 – ЦАНО, 2 – РГБ, 1 – РГИА. Получилась довольно типичная картина, отражающая специфику межевых фондов указанных архивов. Однако архивная судьба документов может быть весьма неожиданной, как случилось с двумя межевыми планами, один на огородную землю ямщика Федора Аникеева [РГБ, ф. 178, оп. 1, картон 6976, д. 19], другой на завод купца Якова Федорова Щепетильникова в составе коллективного владения канатными заводами на выгоне Нижнего Новгорода [РГБ, ф. 178, оп. 1, картон 6976, д. 23]. Указанные планы поступили в Отдел рукописей РГБ в 1920–1927 гг. и были определены на хранение в фонд музейного собрания.

С точки зрения типов источников сохранившиеся дела (140) распределяются так: полевые записки – 70, межевые планы – 44, межевые книги – 22, Экономические примечания – 4. Подокументно (437) картина выглядит иначе – 193 плана и 170 книг, 4 примечаний и 70 записок. Таким образом, планы и книги преобладают над другими источниками в составе всего межевого документального комплекса по Нижнему Новгороду. Это объясняется тем, что именно они облада-

ли юридической силой в признании права собственности на конкретный участок, их хранили прежде всего.

По классификации С. И. Сотниковой планы относятся к итоговому документам, так же, как и межевые книги, в то время как записки – к первичной (полевой) документации [Сотникова, 1990, с. 153]. Ею же было высказано мнение о том, что межевую планографию можно считать массовым историческим источником с точки зрения формуляра [Там же]. По нашему мнению, это представление можно распространить на книги и записки, которые тоже отличаются устойчивым формуляром, реквизитами и отражают типичное явление, связанное с земельным кадастром конкретной территории. Вместе с тем, мы разделяем точку зрения современных источниковедов, которые считают, что один и тот же источник можно рассматривать и как массовый, и как уникальный – все зависит от исследовательской «оптики» и применяемых методов [Источниковедение..., 2004, с. 410]. По нашему мнению, это оправданный подход и в оценке всех видов межевых документов.

Нельзя не отметить проблему в составлении заголовков дел, данных архивистами. Хуже всего поименованы полевые записки, хранящиеся в РГАДА в ф. 1321 «Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Нижегородской губернии 1763–1905 гг.» – в 10 из 70 случаев встречаются ошибки в датах, названиях улиц, фамилиях. Заголовки были составлены в XIX в. и с тех пор не уточнялись, описи этого фонда являются историческими, выдаются исследователям до сих пор.

В ф. 829 Нижегородской губернской чертежной в ЦАНО два дела оп. 4 (1081 и 1083) имеют переименованные заголовки, а план дела 2711 из оп. 676А на участок с амбарами купца И. М. Титечкина при сканировании и размещении в электронном каталоге, доступном в читальном зале архива, ошибочно представляет собой план города 1770 года.

Лучше всего, полно и без ошибок, озаглавлены десять планов Нижнего Новгорода из ф. 1356 «Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 гг. (коллекция)» РГАДА.

Идеальным для исследователя заголовком оказались наименования двух дел из Отдела рукописей РГБ (д. 19 и 23), о которых мы упомянули выше. Только благодаря таким подробным описаниям мы случайно нашли их в электронном каталоге на сайте библиотеки.

Как и любые архивные разыскания, наши сопровождалась неожиданными находками. При работе с межевыми книгами ф. 829 ЦАНО в двух делах из двадцати обнаружилось планы на частные владения бобылей Кунавинской слободы Степана Андреева, Петра

Андреева, Григория Яковлева и сержанта Александра Васильева Лепунова в Нижнем Новгороде. Все планы собраны в отдельной описи 676А, а эти, видимо, пропустили, оставив их в оп. 4 «Межевые книги Нижегородского уезда (А–Я) за 1784–1916 гг.».

Более впечатляющей была находка в РГАДА. В фонде 1356, оп. 1 хранится два дела 6943 и 6944 под общим названием «План г. Нижнего Новгорода (с межевными книгами) участков городских селитебных и выгонных земель». В деле скрывалась 151 (!) межевая книга и планы на частные владения представителей разных сословий, чьи участки при перепланировке города 1835 г. отошли под вновь прокладываемые улицы [РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 6943, д. 6944]. Решением Сената межевые документы были признаны недействительными, а в 1873 г. подготовлены к уничтожению в связи с нехваткой мест в помещении архива Межевой канцелярии, однако, уничтожены не были. Сейчас эта документация, наряду с книгами и планами из ЦАНО, позволяет выяснить ход работы землемерных команд по Генеральному межеванию города.

В сети Интернет представлено десять общегородских планов из ф. 1356 РГАДА (<http://rgada.info/goroda/>) в рамках проекта «Города России по материалам Генерального межевания». Планы геопозиционированы в современной системе координат, но для скачивания на компьютер недоступны. Если говорить о качестве привязки, то они скорее «прихвачены», чем надежно «пришиты» к подоснове. В локальном доступе в читальном зале ЦАНО представлены цифровые фотокопии 16 планов на частные участки из ф. 829, оп. 1 и 676А. К сожалению, в обоих случаях формат представления источника и функционал сайта (системы) не позволяют провести полноценный источниковедческий анализ документов и требуется заказ подлинников в читальный зал. Еще три дела – Экономические примечания, находящиеся в РГАДА, микрофильмированы. Таким образом, из 140 архивных дел машиночитаемую копию имеют 29 единиц хранения.

Подводя итог, можно сказать, что по Генеральному межеванию Нижнего Новгорода в разных архивах и архивохранилищах страны сохранились все типы документации и, несмотря на то, что естественная выборка невелика, мы можем реконструировать по ней историю земельного кадастра города 1784 года.

Бухерт В. Г. Архив Межевой канцелярии (1768–1918 гг.). М.: РГГУ, 1997.
Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 гг. (коллекция).

Ф. 1321. Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Нижегородской губернии 1763–1905 гг.

Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 178. Музейное собрание.

Сотникова С. И. Источниковедение русских карт : дис. ... докт. ист. наук. М., 1990.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 829. Нижегородская губернская чертежная.

УДК 94(571.15).065(093)

Д. С. Бобров

Алтайский государственный университет,
г. Барнаул

ИНСТРУКТИВНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КОЛЫВАНО- ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА СЕРЕДИНЫ XVIII в. ОБ АСПЕКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ГОРНОЗАВОДСКИХ ВЛАСТЕЙ СО СТРУКТУРАМИ ВОЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВЕРТИКАЛЕЙ

Рассматривается отражение взаимодействия гражданских и ведомственных вертикалей в инструктивной документации высшего управленческого звена Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа середины XVIII в. Автор отмечает, что в некоторых инструкциях просматривался курс на искусственное ограничение административной коммуникации, а среди ее ключевых аспектов в соответствующих источниках лучше всего освещены организация снабжения (особенно провиантом) и охраны производств.

Ключевые слова: делопроизводственная документация, инструкции, административная коммуникация, гражданские власти, Кабинет, Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ, И. С. Христиани.

Завершение становления в России современного государства с его разветвленной структурой органов власти и бюрократическим аппаратом заметно повысило роль делопроизводственной документации в обеспечении эффективности функционирования системы управления. Наиболее ярко это проявилось в периоды социально-административных трансформаций, причем не только на общегосударственном, но и на региональном уровне.

На юге Западной Сибири очередной этап масштабных изменений в архитектуре управления начался во второй трети XVIII в.

и оказался связан с завершением институционализации и усилением позиций ведомственно-отраслевых властей: военных после возникновения Новоучрежденного полка и Сибирских укрепленных линий, а также горнозаводских после передачи заводов А. Демидова на Алтае под управление Кабинета Его Императорского Величества (Кабинета). Побочным следствием этих процессов стало возникновение особой разновидности административной коммуникации – взаимодействия гражданских и ведомственных структур, отразившегося в том числе в инструктивной документации. Для середины – второй половины XVIII в. она зафиксировала наиболее сложные и актуальные аспекты контактов кабинетских чиновников со структурами других вертикалей.

В историографии интерес исследователей традиционно концентрируется на институционализации органов гражданского или горнозаводского управления, а вопросы взаимодействия на региональном и местном уровнях властей, имевших различную отраслевую принадлежность, находятся на периферии внимания специалистов [Акишин, 2003; Соболева, Разгон, 1997; Бородаев, Контев, 2000; Пережогин, 2005]. В этой связи текущая публикация посвящена пусть и частному, но важному сюжету – отражению в инструкциях высшим управленцам Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа середины XVIII в. аспектов взаимодействия горнозаводских органов со структурами военной и гражданской вертикалей. Источниковую основу изысканий составили указ Елизаветы Петровны 1747 г.¹ руководителю государственной комиссии по обследованию и изъятию колыванских заводов А. В. Беэру, инструкция самого бригадира горному специалисту И. С. Христиани, а также другие материалы ф. 468 (Кабинет Его Императорского Величества») Российского государственного исторического архива (РГИА) и ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). По своей видовой принадлежности все привлеченные письменные документы относятся к числу делопроизводственных. Следует учитывать, что на протяжении первой половины – середины XVIII столетия существенные изменения произошли в характере инструктивной документации, которая приобрела более строгий вид, закрепив в своей структуре деление на части и практически полный отказ от громоздких, мигрировавших из одного документа в другой оборотов речи (что было характерно для сибирского делопроизводства XVII – начала XVIII вв.).

¹ Несмотря на то, что этот документ формально является «указом», он имеет определенные черты инструктивных материалов, в первую очередь разбивку на отдельные пункты, предусматривающие некоторую последовательность действий.

Внимательное прочтение инструкций позволяет заметить ощутимое стремление кабинетских властей замкнуть административную коммуникацию на горнозаводской отрасли (несмотря на то, что за несколько лет до того такая модель подвергалась критике со стороны А. Демидова, бывшего владельца заводов на Алтае [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 1, л. 1–4]), искусственно ограничив взаимодействия с гражданскими и военными администрациями. Пункт 23 инструкции И. С. Христиани предусматривал регулярные делопроизводственные сношения горного специалиста с Канцелярией Главного правления Сибирских и Казанских заводов и местной канцелярией горного начальства, а партикулярные письма предписывалось «ни к кому не писать ниже тому, от кого отправлен» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 30, л. 7 об.]. Упоминание конкретного вида документов неслучайно: партикулярные письма приобрели характер одного из каналов управленческих взаимодействий горнозаводских структур с воеводской властью еще в 1730-е гг. [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 82, л. 7–8а; Бобров, 2017, с. 26]. При этом в указе А. В. Безру Елизавета Петровна для руководителя комиссии предполагала возможность административных взаимодействий с военным ведомством в лице Х. Х. Киндермана (в реальности такие контакты осуществлялись между соответствующими канцеляриями как с помощью промеморий и их аналогов, так и в виде личных партикулярных писем [Там же, д. 340в, л. 39а–43]), но умалчивала о коммуникации с гражданской администрацией уезда. Сам бригадир в инструкции И. С. Христиани отдельно прописывал, что в случаях, когда входящая корреспонденция была посвящена «посторонним» вопросам или горный офицер не доверял адресанту, следовало «писать, кому в том поверишь» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 30, л. 7 об. – 8].

В инструктивной документации управленцев Колывано-Воскресенского горного округа ощутимо большее внимание уделялось «реляциям» с военными властями, чем со структурами гражданского управления. Указ А. В. Безру в качестве отдельной темы административной коммуникации обозначал вопрос выделения регулярных и нерегулярных воинских соединений для выполнения определенных, в том числе «гражданских» задач, соответствовавших военно-стратегической и производственной обстановке: охраны заводов и крепостей, а также перевозимых руд и корреспонденции, «или когда нужна случится во отправлении нужных, однако не тяжких работ» [Российский архив, 2009, с. 177–178]. В случае отказа со стороны конкретных военных или институций ведомства при обращении к ним кабинетским чиновникам следовало сразу уведомить об этом Главного командира заводов.

Однако едва ли не более существенное место в переписке А. В. Безра с Х. Х. Киндерманом занимали вопросы организации закупки провианта для воинских команд, дислоцировавшихся на колыванских предприятиях [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 340в, л. 39а–43]. Инструкция, выданная И. С. Христиани, предполагала общий надзор со стороны горного специалиста за наличием провианта для располагавшихся в округе войск. Причем в случае нехватки такового (при норме 500 четв. ржаной муки и 200 четв. овса) предусматривалось оперативное пополнение запасов за счет средств, выделенных губернской канцелярией «дабы, ежели в те заводы (Колыванский и/или Барнаульский. – Д. Б.) прибудет Горная колыванская команда за правиантом, не понесло какой нужды» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 30, л. 7 об.]. Документ умалчивает о механизмах покупки и поставки продовольствия, но с высокой долей вероятности управленец должен был действовать в одиночку или, согласовывая свои действия со специально назначенными Х. Х. Киндерманом для заготовления провианта воинским командам офицерами [РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 340в], приобретать зерно и муку у крестьян земельных слобод Томского и Кузнецкого уездов.

Инструктивные документы отразили и рядовую для первой половины – середины XVIII столетия обязанность военного ведомства обеспечивать высших горнозаводских управленцев охраной в пути следования до предприятий. В случае, если «услышана будет где какая от неприятельских и воровских людей опасность» в пути следования, предполагалось обращаться к местным офицерам и требовать выделения дополнительного отряда из драгун, солдат и служилых людей [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 30, л. 6 об.].

Взаимоотношения горнозаводских управленцев со структурами гражданского управления минимально затронуты в инструкциях, что в определенной степени указывает на видение характера этого процесса кабинетскими властями. Сибирской губернской канцелярии отводилась утилитарная роль – инструмента снабжения чиновников и военных округа. Помимо выделения денежных средств на выплату жалованья и приобретение провианта это касалось также предоставления гражданскими властями бумаги, чернил и сургуча для осуществления корреспонденции, чтобы «не учинилось затем (на колывано-воскресенских предприятиях. – Д. Б.) какой остановки» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 30, л. 7].

Просматривающийся в инструкциях курс на ограничение влияния местной гражданской администрации на происходящее в округе определялся несколькими обстоятельствами. Во-первых, в 1743–1744 гг. между Колыванской конторой и воеводской канцелярией

возник конфликт из-за подсудности различных категорий дел [Бобров, 2017, с. 26–27; РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 175, л. 1–27 об.]. Во-вторых, нельзя забывать, что незадолго до своей смерти А. Демидов предлагал практически полностью вывести территории Колывано-Воскресенского производственного комплекса из-под юрисдикции гражданских властей, «кроме криминальных дел» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 1, л. 4]. Эта линия была выдержана и частично скорректирована уже центральными органами, в указе А. В. Безру прописывалось передавать «дела в разбоях, татьбах и в смертных убийствах» в гражданский суд. В исключительном ведении Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства оставались преступления, связанные с хищениями казны и выплавленных драгоценных металлов. Если в качестве меры наказания за такие правонарушения потенциально могла быть назначена смертная казнь, окончательное решение оставалось за центральными властями [Российский архив, 2009, с. 179–180].

Таким образом, инструктивная документация высшим управленцам Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа середины XVIII в. отразила некоторые, возможно ключевые подходы центральной власти и Кабинета к межотраслевой и межведомственной коммуникации. В первую очередь, она должна была носить ограниченный характер и затрагивать узкий круг вопросов, среди которых наиболее важными являлись организация снабжения и охраны, подсудность различных категорий дел.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск: Древлехранилище, 2003.

Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнечных воевод во второй четверти XVIII в. // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2017. № 4. С. 23–29.

Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000.

Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ», Рос. архив, 2009.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Кузнечная воеводская канцелярия.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Кабинет Его Императорского Величества.

Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ШЕМАХИНСКОГО ЗАВОДСКОГО ПОСЕЛКА В ФОНДАХ УРАЛЬСКИХ АРХИВОВ

Проанализированы источники, позволяющие проследить формирование населения Шемахинского заводского поселка в конце XVIII – середине XIX вв. Рассмотрены документы, выявленные автором в семи фондах трех хранилищ: Государственного архива Пермского края, Государственного архива Свердловской области, Объединенного государственного архива Челябинской области. На их основе показан процесс переселения крестьян в Шемахинский заводской поселок из соседних Каслинского и Кыштымских. Особое внимание уделено сложившейся поликонфессиональности местных жителей.

Ключевые слова: метрические книги, переселение крестьян, ревизские сказки, единоверие, старообрядческие согласия.

Первая попытка основать завод на притоке Уфы р. Шемаха была предпринята Н. Н. Демидовым еще в 1760 г., когда в Канцелярии Главного заводов правления дали разрешение на строительство с отводом лесной дачи [ОГАЧО, ф. И-172, оп. 1, д. 24, л. 1, 4]. Но реализовать эти планы удалось только в начале 1810-х гг. уже новым владельцем этих земель купцом Л. И. Расторгуевым [Хохолев, 2001, с. 517].

До постройки завода на месте впадения Шемахи в Уфу находилась Сорокинская судовая пристань, при которой уже имелось постоянное поселение. Постепенно с 1780-х гг. местное население стало пополняться за счет перевода крестьянских семей из соседних Каслинского и Кыштымского заводских поселков. Несмотря на небольшие размеры как самого завода, так и прилегающего к нему поселка, история его формирования имеет определенный интерес по происхождению переселенных крестьян и причинам их перевода. Кроме того, важно рассмотреть их взаимодействие друг с другом в бытовом и духовном планах.

Для реконструкции процесса переселения крестьян сначала в Сорокинскую деревню, а затем в Шемахинский заводской поселок автором были выявлены источники, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края (ГАПК), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО).

В ГАПК по рассматриваемой тематике в основном хранятся документы, связанные с Пермской епархией, общегубернской статистикой (учет раскольников, копии ревизских сказок) за 1780–1860-е гг. В ГАСО имеется коллекция ревизских сказок и атласов, содержащих сведения по жителям Шемахинского поселка за 1820–1860-е гг. В ОГАЧО отложились документы Кыштымского горного округа, в который входил Шемахинский завод, и метрические книги со второй пол. XIX в.

В Перми сохранились наиболее ранние книги Петропавловской православной (1784, 1791, 1796 гг.) и Николаевской единоверческой церквей (1849 и 1850 гг.) Нязепетровского завода [ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 1, 26, 184; оп. 3, д. 171, 174]. До постройки собственных храмов жители Шемахи относились к этим приходам. Данные метрических книг позволяют выявить начало проживания отдельных семей в Сорокинской деревне, а затем в Шемахинском заводском поселке с 1780-х гг., их вероисповедание, а также взаимоотношения с другими семьями.

В фонде № 65 ГАПК следует выделить рапорт о численности старообрядческих и раскольниковских сект в Пермской губернии. В документе имеются данные по Шемахинскому заводу: в 1836 г. в нем проживало до 600 старообрядцев [ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 817, л. 154–155]. Стоит отметить, что в 1834 г. в Шемахинском заводском поселке было 506 мужчин [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 51]. Если исходить из того, что численность женского населения примерно равнялась мужской части, то в общей сложности в Шемахе проживало около тысячи чел. Таким образом, более половины населения поселка в 1830-е гг. были старообрядцами.

Одним из важнейших документов по истории населения Шемахи является ревизская сказка Сорокинской судовой пристани за 1858 г. Согласно ее данным, здесь проживало 1 878 чел. [ГАПК, ф. 111, оп. 1, д. 2882, л. 107 об. – 108]. Они позволяют выявить соседство семейств друг с другом, ведь перечисление домовладений шло по улицам.

Атлас Шемахинского заводского поселения 1840 г. показывает расположение крестьянских домов [ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 4993, л. 2]. Учитывая, что часть поселка, прилегающая к судовой пристани, старше заводской части, процесс заселения шел с юга на север, путем естественного прироста и перевода крестьян из Каслинского и Кыштымского заводских поселков.

В ревизских сказках учитывалось, из каких мест были переведены крестьяне. Отметим именной список, составленный в 1843 г. и указывающий только мужчин на основании материалов четырех предыдущих ревизий 1795–1834 гг. [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102], которые, по всей видимости, не сохранились. Благодаря этому списку

можно проследить динамику роста численности населения Шемахи с конца XVIII по первую треть XIX вв. и процесс переселения из соседних заводов.

В ОГАЧО хранятся документы заводоуправления Кыштымского горного округа (ф. И-172), в состав которого входил Шемахинский завод, и коллекция документов религиозных учреждений (ф. И-226). Обращаясь к фонду И-172, следует выделить копии указов Главного горного правления 1760 г. на разрешение Н. Н. Демидову построить железоделательный завод на р. Шемаха. В приложении с объяснением границ территории отведенного для заводских нужд лесов можно узнать, что Сорокинская деревня уже существовала [ОГАЧО, ф. И-172, оп. 1, д. 24, л. 4]. Происхождение ее исконного населения установить пока не удалось.

Основной массив метрических книг указанных ранее храмов отложился в фонде И-226 ОГАЧО. Для первоначального исследования было отобрано дело, в состав которого вошли метрические книги церквей Шемахи за 1857–1872 гг. [ОГАЧО, ф. И-226, оп. 33, д. 4].

На основе проанализированных документов процесс заселения Шемахинского заводского поселка выглядит следующим образом. К середине 1790-х гг. коренного мужского населения Сорокинской пристани числилось 114 человек, что составило примерно 57 % от общего количества [подсчитано автором по: ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 1 – 26 об., 50 об.]. Это число обуславливается тем, что с начала 1780-х гг. в Сорокинскую деревню были заселены «переведенные с Каслинского завода». Точного года перевода крестьян нет, но из записей метрической книги православной церкви Нязепетровского поселка следует, что, например, у переселенного Сергея Ивановича Лаптева 10 (21) января 1784 г. умер сын Федор [ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 307].

Среди первых крестьянских семей Сорокинской пристани можно выделить Золотовых, представители которых идут от Ивана Михайловича (умер в 1797 г.) и его брата Семена (в ревизии ошибочно указан год смерти 1797, но на самом деле его «громом убило» 14 (25) июля 1796 года) [ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 26, л. 742], Цыплатниковых, Кисловых («Кислые»), Козиных («Коза»), Синицыных («Синица») [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 1 об., 12 об., 13 об., 15 об., 17 об.].

Созданный в Шемахе завод сразу был задуман как вспомогательный. Поэтому для его деятельности решили обойтись только местными мужчинами-крестьянами, которых к моменту его запуска в поселении имелось около трехсот.

Крупное переселение крестьян в Шемаху началось только с 1824 г. из Кыштымского заводского поселка. Главная причиной этого перево-

да стало подавление волнения среди кыштымцев 1822–1823 гг. Одной из мер по пресечению дальнейших попыток проявления недовольства стало переселение части крестьян в другие заводские поселки округа [Кулагина, 2000, с. 308]. В Шемахинский были переселены Бычковы, Казаковы, Соколовы, Алферовы, Щукины, Логиновы, братья Рыбины: Федор, Яков, Тимофей, Леонтий, чей отец Мартын, по всей видимости, был одним из главных участников волнений [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 48–50].

В результате в 1790–1830 гг. мужское население Шемахи выросло с 199 до 506 чел. При этом коренных жителей насчитывалось примерно 55 % [подсчитано автором по: ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 1–50].

Необходимо обратить внимание на широкое распространение старообрядчества среди шемахинцев с 1830-х гг. Для понимания того, кто именно придерживался старообрядчества, можно выделить две семьи: Грачевых и Людиновских.

Пращуром шемахинских Грачевых является Прохор Иванович, трое сыновей которого (Петр, Иван и Евдоким) дали дальнейшее потомство. Но если потомки Петра и Евдокима сохранили приверженность православию, то дети Ивана уклонились в раскол. Вероятно, это произошло потому, что он умер ненамного раньше своего отца в 1823 г., и возможно, его дети вышли из общего хозяйства остальных родственников. Так, вероисповедание внука Ивана Герасима Софониевича при вступлении в брак в 1860 г. указано: «из раскола» [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 38 об. – 40; ОГАЧО, ф. И-226, оп. 33, д. 4, л. 100 об.].

Интересна семья Людиновских (позже фамилия была заменена на Борисовых в силу общего предка Бориса Ивановича Людиновских). У последнего было минимум две жены и не менее восьми сыновей. Старший Кирилл от первого брака раньше всех отделился от семьи отца. Известно, он или его сын Арефий стали старообрядцами, но вступавший в брак в 1860 г. сын Арефия Василий был раскольников. В дальнейшем потомки Кирилла Борисовича в метрических книгах не были записаны. Остальные же потомки Бориса Людиновских в основном оставались православными [ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 306 об.; ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 102, л. 41 об. – 43; ОГАЧО, ф. И-226, оп. 33, д. 4, л. 101 об.].

Так, в большей степени старообрядцами Шемахи являлись в прошлом православные, которые были коренными жителями или переселенцами из Каслей. Выходцы из Кыштымского поселка подверглись старообрядческому влиянию в меньшей степени, уже после отмены крепостного права.

Стоит отметить, что несмотря на наличие трех крупных религиозных групп в Шемахе, местные жители продолжали поддерживать

тесные контакты. В 1849 г. было заключено восемь браков: трижды раскольники брали в жены православных, в двух случаях единоверцы брали в жены православных, в одном единовец сочетался браком с раскольницей. Еще два союза заключили между собой старообрядцы [подсчитано автором по: ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 184, л. 859 об. – 861]. Сложившаяся ситуация в среде старообрядцев Шемахи после открытия местного единоверческого прихода рассмотрена автором в другой работе [Грачев, 2022, с. 154–158].

Таким образом, история формирования состава населения Шемахинского заводского поселка делится на три этапа:

1. Как минимум с 1750-х гг. здесь обосновались первые постоянные жители, проживавшие рядом с Сорокинской пристанью: семьи Золотовых, Шишкиных, Цыплятниковых, Синицыных, Богомоловых, Козиных и др.

2. В начале 1780-х гг. из Каслинского заводского поселка были переселены 22 семьи: Лаптевы, Зайцевы («Зайчики»), Людиновских (Борисовы), Грачевы, Новгородцевы и др.

3. После крупного волнения 1822–1823 гг. среди кыштымских крестьян новыми жителями Шемахинского заводского поселка стали Алферовы, Бычковы, Казаковы, Соколовы, Рыбины и Щукины.

В результате в 1830–1850-х гг. здесь окончательно сформировалось постоянное население. Началась интеграция новых семей в общественный уклад Шемахинского поселка. Молодые, а также переселенные семьи занимали более северные, близкие к заводу, участки земли. После массового уклонения в раскол с открытием единоверческих приходов сначала в Нязепетровске (1849 г.), а затем в Шемахе (1857 г.) местные жители начинают принимать единоверие, на деле оказавшееся «мнимым», и вновь возвращаются в раскол уже после отмены крепостного права. Дальнейшее изучение архивных материалов позволит расширить представление о жизни крестьян Шемахинского завода в XIX в.

Государственный архив Пермского края (ГАПК).

Ф. 37. Пермская духовная консистория.

Ф. 65. Канцелярия Пермского губернатора.

Ф. 111. Пермская казенная палата.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное правление.

Ф. 179. Коллекция ревизских сказок казенных и частных заводов.

Грачев Н. Д. Зарождение «мнимого» единоверия среди старообрядцев Шемахинского завода в 1857–1861 гг. // Шаг в историческую науку : материалы XXII Всероссий. науч.-практич. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2022. С. 154–158.

Кулагина Г. А. Кыштымское волнение // Урал. ист. энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 308.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. И-172. Главное управление Кыштымских горных заводов.

Ф. И-226. Коллекция документов религиозных учреждений.

Хохолев Д. Е. Шемахинский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 517.

УДК 94(470).06:61

С. Н. Копырина
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В 20–60-е гг. XVIII в. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹.

Охарактеризована законодательная база, заложившая основу организации и деятельности отечественных госпиталей, распространявшаяся и на горнозаводской Урал. Проанализирована информация, извлеченная из журнала Екатеринбургского госпиталя за период с 1 апреля 1734 г. по 31 июля 1734 г., раскрыто ежемесячно количество больных, названия заводов, откуда прибывали для лечения работники; учреждения Екатеринбурга, поставлявшие болящих, летальные исходы и причины их наступления. Представлены данные о методах лечения главы уральских заводов генерала В. И. Генина и иностранца, штейгера Кесслера, список лекарств, выписывавшихся им. Рассматривается вопрос о присланном из Нерчинска «каменном масле» как народном средстве, использовавшемся в районах Алтая и Забайкалья представителями коренного местного населения; о проведении опытных испытаний этого минерала. Отмечается широкое использование для приготовления лекарств в Екатеринбурге окиси свинца, привозившейся из Сибири и получавшейся в процессе отделения серебра от свинца.

Ключевые слова: история медицины, Урал, XVIII век, Екатеринбург, госпиталь, состав больных, болезни, методы лечения, лекарства, лекари, здравоохранение.

Лечение населения является одной из главных задач государственных органов, которые занимаются вопросами здравоохранения.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

В XVIII в. организацией медицинского обслуживания занималась Медицинская канцелярия, которая была учреждена в 1721 г. вместо Аптекарского приказа [Мирский, 1995, с. 76].

В апреле 1722 г. был опубликован Адмиралтейский регламент [ПСЗРИ, т. 6, № 3937]. В 47 главе регламента были утверждены основные положения, которые регулировали работу морских госпиталей и их служащих. Позже при императрице Анне Иоанновне в 1735 г. был издан «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определенных при них докторов и прочего медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людям» [ПСЗРИ, т. 9, № 6852].

Историю становления и развития медицины на территории горнозаводского Урала XVIII в. изучали А. М. Сафронова [Сафронова, 2017, с. 51–70; 2019, с. 56–79; 2020, с. 434–453], В. И. Старков [Старков, 2007], Т. Ю. Шестова [Шестова, 2000], Н. С. Корепанов [Корепанов, 2005] и ряд других исследователей, которые рассматривали деятельность медицинских кадров, трудившихся в Уральском регионе, аптеки, госпитали. Сложность комплексного изучения истории становления и развития медицины на горнозаводском Урале кроется в трудностях сбора источников по этой теме в государственных архивах в условиях отсутствия единого комплекса документов.

В 1726 г. после окончательного завершения строительства и благоустройства хозяйства «госпитального двора» Екатеринбургского госпиталя при нем начинают лечить больных и с других казенных заводов Урала. По данным журнала учета больных, с 1 апреля по 31 июля 1734 г. в госпитале на излечении находилось 74 пациента. За апрель в журнале всего три записи о больных и их диагнозах, в мае – десять записей, в июне – 20, за июль – 41 запись [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 84 – 96 об.].

Журнал учета позволяет раскрыть территорию, с которой прибывали больные в госпиталь и учреждения, где они трудились в Екатеринбурге. Больше всего, естественно, среди больных было жителей Екатеринбурга – 29 человек; с близлежащих заводов цесаревны Анны (Верх-Исетского) – 16, Уктусского – 3, с удаленных Алапаевского завода – 2 человека, императрицы Анны (Сысертского) – 1, Каменского – 2, Полевского – 4, Лялинского – 1. Среди екатеринбуржцев в госпитале лечились служащие Сибирского обер-бергамта – 1, Тобольского полка – 1; из Приписной конторы – 2, Счетной – 1. Были и школьники: из арифметической школы – три ученика, из словесной школы – семь (младше по возрасту и болели чаще), об одном подростке указывалось просто – «школьник».

В течение четырех месяцев, по данным журнала, произошло два летальных исхода. Доменный работник Екатеринбургского завода скончался 23 июня 1734 г., пролежав в госпитале всего три дня, вследствие «французской болезни», осложненной «падучей болезнью». Смерть второго болящего, молотового подмастерья, поступившего 26 июня с завода цесаревны Анны из-за «болезни живота», произошла 4 июля, при этом у пациента пошла кровь из носа и рта [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 84–90 об.].

В документах госпиталя зафиксированы сведения о лекарственных средствах, которые выписывались для лечения больных [Там же, л. 92 об.]. Так, лекарь Иоганн Гриненберг для лечения генерала артиллерии В. И. Геннина, главы уральских заводов, прописал камфору и Gummi Myrrhae (драконью смолу или драконью кровь), которая «лечит раны, также горячит тело, утончает влаги, производит испарину, гонит мочу, отражает гнилость и укрепляет слабые части тела». Для лечения Геннина применялись также ягодные настойки и сок Spiritus Juniperi (дух можжевельный) как «ветрогонное» и мочегонное средство при водянке; Roob Sambuci (бузинный сок) в качестве потогонного средства. Для здоровья полости рта выписывалось Oleum Cinnamomi (коричневое масло), оно применялось при костоеде (кариесе) и параличе языка, употреблялось в виде «елесосахара» (сахара с примесью эфирного масла); прибавлялось также к другим веществам для приятного запаха и «сохранения сил желудка» [Шпренглер, 1820, с. 91–92].

Для лечения штейгера Кресслера лекарь И. Гриненберг выделил следующие препараты: Mercurius dulcis (успокаивающая ртуть) – безвкусный порошок, полученный путем смешивания и кипячения «чистой ртути» и «самой лучшей крепкой водки» – «разбивает густые и вязкие влаги, очищает худомокротную кровь, производит слюноотечение, врачующее любострастную болезнь и умершвляет глист»; Resina Jalapae (ялаповая смола) – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело»; Cremor tartari (винный камень) – твердые кристаллы, которые осаждаются в результате брожения вина, разводятся в воде, выводит мокроту, при употреблении в больших количествах «легко и тихо слабит желудок». Для лечения желудочных болезней применялись клизмы, об этом свидетельствуют использование средств Species pro Clysteribus и Electuarium pro clysteribus.

Помимо болезней живота Кресслера лечили также от простуды, были назначены Cinnabri Antimonium и Pilule de succino crationis (катаральные пилюли), лечащие воспаление слизистых оболочек рта и гортан, насморк. Также были применены мочегонные средства: Oleum

Succini (янтарное масло), которое успокаивает судороги, «разводит густые влаги», вызывает испарину, обладает мочегонными свойствами, «гонит месячину у женщин»; Spiritus cornu cervi (двойной спирт оленьего рога) «утоляет кислоту и судороги», выводит мокроту, вызывает испарину, мочегонное, «утоляет боли».

Через месяц Кресслеру изменили лечение, ему продолжили ставить клизмы (Species pro Clyfteribus, Electuarium pro clysteribus), но для лечения кишечника были назначены другие препараты: Folium Sennae и Arcanum duplicatum; Essentia Castorei (принимается внутрь при язвенных болезнях, кишечных коликах); Essentia Centaurii Minoris (экстракт или сгущенный сок золототысячника – «отворяет запоры, очищает раны, укрепляет слабые части тела, разбивает густые влаги и отражает гнилость»). Centauri Minoris – золототысячник. Цветы золототысячника «имеют бальзамическое свойство, «очищают худосочную кровь, разбивают завалы и укрепляют тело»; Absinthium (полынь) умерщвляет глистов [Шлерет, 1812, с. 126–127].

Привоз лекарственных средств в Екатеринбургский госпиталь осуществлялся из аптек города Москвы и Санкт-Петербурга [Егорышева, 2015, с. 60–61]. Однако часть лечебных материалов собиралась в урало-сибирском регионе и специально выращивалась сотрудниками госпиталя [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 916, л. 137 – 138 об.].

В 1748 г. Егор Томилов впервые прислал на Урал из Нерчинска «народный» лечебный продукт – минерал «каменное масло». Его знали очень немногие медики, так как в России его соскабливали с горной породы только в районах Алтая и Забайкалья. Е. Томилов утверждал, что это очень ценный продукт, который пользуется спросом у тунгусов и иного коренного местного населения.

Прислал он «каменного масла» малое количество. Местные начальники часть минерала отправили в Берг-коллегию, последняя – в Медицинскую канцелярию для исследований. А часть присланного приказали оценить местным специалистам. Штаб-лекарь И. Шнезе дал следующую оценку: «употребляется к лечению старых ран, а другое действие познать без пробования не можно». А Х. Мендерс ответил: «за неимением лаборатории и пробирных горных инструментов и припасов пробовать не можно, и какую оно в себе силу и материю имеет, того без пробы познать нельзя» [Там же, д. 1218, л. 280].

Власти потребовали прислать больший объем каменного масла для продолжения опытов. Егор Томилов прислал более пуда. Вновь проводили опыты в Москве и Екатеринбурге. Причем Х. Мендерсу указали – для проведения пробы над каменным маслом использовать инструменты из тех, которые применяются для пробы руд.

Помимо каменного масла Е. Томилов регулярно отправлял еще один своеобразный продукт – «красный глет, самый чистый» – окись свинца, получавшаяся в процессе отделения серебра от свинца. Это средство поставлялось в аптеку для приготовления лекарств в количестве по пяти и более пудов [Там же, д. 1422, л. 724–725].

Таким образом, документы Государственного архива Свердловской области раскрывают важные стороны становления первого на Урале казенного госпиталя. Архивные материалы содержат данные о составе больных, особенностях их лечения, отражают деятельность врачей, прибывших по контракту в Екатеринбург из Медицинской канцелярии. Лекарственные средства для лечения больных заказывались из аптек Москвы и Санкт-Петербурга, применялись и растения, произрастающие и специально разводящиеся на Урале. Из Сибири в больших количествах доставлялась окись свинца, делались пробы с «каменным маслом».

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Главное горное управление.

Егорышева И. В. Казенные аптеки в России в XVIII в // Бюлл. Нац. науч.-иссл. ин-та обществ. здоровья им. Н. А. Семашко. 2015. №3. С. 60–61.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005.

Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ: РИА Госкомиздата РСО-А, 1995.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 6. №3937; Т. 9. № 6852.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 51–70.

Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 56–79.

Сафронова А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всеросс. науч. конф. Екатеринбург: ООО Изд-во УМЦ УПИ, 2020. Т. 1. С. 131–141.

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX века // Очерки истории Урала. 2007. № 43.

Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь, 2000.

Шлерет Ф. А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М.: Тип. М. Пономарева, 1812.

Шпренглер К. Лекарственный, или Фармакология. М.: Университетская тип., 1820.

1.2. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

УДК 930(47).084.6/8

Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ О ЗАЩИТАХ ДИССЕРТАЦИЙ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В 1930–1940-х гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

В поле зрения авторов – комплекс документов, входящих в архивное дело диссертанта, включающих, как правило, стенографические отчеты о защите диссертаций. Их изучение позволяет раскрыть организационные практики диссертационных защит 1930–1940-х гг. и на этой основе реконструировать советскую диссертационную систему раннего типа. Она формируется путем рецепции традиций дореволюционной диссертационной культуры, и одновременно является выражением «советского» стиля присуждения ученой степени как инструмента идеологического контроля науки. Обращение к стенограммам определяется их значимостью как информационного ресурса. Являясь порождением практик протоколирования событий, отчеты запечатлевают, с одной стороны, явную информацию сценарного хода события – защиты диссертации; с другой – имплицитно выраженную позицию ее участников.

Ключевые слова: стенографические отчеты, защита диссертаций, советская диссертационная система/культура, ученые советы, делопроизводственная практика, архивное дело о защите диссертации.

Изучение особенностей диссертационной культуры в советской научной традиции востребует акцентуацию не только известных фактов заимствования ею отдельных сторон дореволюционной процедуры защит диссертаций [Алеврас, Гришина, 2022, с. 337–354], но и внедрения инноваций в области делопроизводства советских институций. Одной из них становится практика создания стенографических отчетов. Введение в СССР стенограмм защит диссертаций изменило делопроизводственную практику формирования документальной основы этой процедуры, обогатив информационный ресурс соответствующих дел архивного хранения.

Обновление управленческих функций таких структур как Ученые советы вузов и научных учреждений, а также Советы отдельных подразделений этих организаций, уполномоченных осуществлять

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

процедуру защит диссертаций, породило отдельную ветвь делопроизводства, детищем которой и стали стенографические отчеты о диспутах. Эта разновидность делопроизводственных материалов создавалась в целях решения двух взаимосвязанных задач: подготовки научных кадров высшей квалификации и установления политико-идеологического контроля в науке.

Авторы статьи, опираясь на первые опыты исследуемой темы, выдвигают к обсуждению отдельные ее аспекты. В частности – вопросы, позволяющие раскрыть действие регулирующих механизмов со стороны институций, определявших нормы и практику стенографирования хода защит. Еще более актуальным ракурсом является определение смысла и границ информационного ресурса стенограмм. С учетом функциональных задач их создания попытаемся в диапазоне этих сюжетных линий интерпретировать особенности и значение стенографических отчетов с позиций выявления их информационных возможностей.

С момента возобновления практики присуждения ученых степеней в нормативных документах, регулирующих эту процедуру, начинают прописываться требования к организации и фиксации диссертационного диспута. Изначально от институций, имеющих право присуждать ученые степени, требовалось предоставление протокола с «изложением всех выступлений и заключением совета» на утверждение в вышестоящие инстанции, что лаконично фиксировалось в соответствующих инструктивных документах [Инструкция..., 1934].

В дальнейшем, по мере накопления опыта защит, а также в целях наведения порядка в документальном обеспечении диспута потребовалось существенно детализировать некоторые процедурные требования. В 1937 г., вслед за новым постановлением об ученых степенях и званиях, вышла очередная инструкция, его разъясняющая. В ней фактически появляется пункт о формировании диссертационного дела соискателя ученой степени доктора наук. Оно состояло из восьми документов, в том числе «стенограммы или подробного отчета проведенной защиты» [Инструкция..., 1937]. В августе 1937 г. в п. 18 Инструкции были внесены изменения: в деле добавился еще один документ – «развернутая деловая и политическая характеристика кандидата» [Там же].

В феврале 1938 г. появилось еще одно разъяснение о структуре диссертационного дела. Число документов в нем выросло до 14. Дело должно было начинаться со справки, в которой описывался его состав, далее шли документы о соискателе, его образовании и опыте работы, автобиография и характеристики, справки об утверждении в степени кандидата наук, копия публикации о времени и месте защиты, развер-

нутые тезисы диссертации, отзывы на нее, перечень научных трудов соискателя и отзывы о них, «стенограмма или расширенный протокол проведенной защиты в части, касающейся представленного кандидата», выписка из постановления совета, явочный лист с результатами голосования [Там же]. Впервые были приложены шаблоны предоставляемых документов.

В сентябре 1938 г. вышла очередная инструкция о применении постановлений об ученых степенях и званиях, опубликованных в 1937 и 1938 гг. В ней закрепился дифференцированный подход к присуждению ученой степени кандидата и доктора наук: если решение об утверждении Ученым советом учреждения в степени кандидата наук являлось окончательным, то для докторов наук требовалось утверждение ВАК. В инструктивном письме несколько пересматривается структура диссертационного дела (документов становится 15). Добавляется требование о предоставлении трех экземпляров диссертации, но исчезает пункт о предоставлении отзывов о научных трудах соискателя. Одновременно увеличивается число документов, определявших статус диссертанта (копии документов о высшем образовании, окончании аспирантуры и т. п.). Содержание требований к ведению документации защит диссертаций дает основание для вывода, что структура диссертационных дел для кандидатов и докторов наук, несмотря на различия процедур их утверждения в ученой степени, была идентичной. Это касалось и требования стенографировать ход диссертационного диспута любого уровня. При этом дела кандидатов наук хранились в архиве организаций, где происходила защита [ГА РТ, ф. Р-1337, оп. 29, д. 70, л. 2, 5, 7–8], документы претендентов на степень доктора наук отправлялись в ВАК.

В октябре 1938 г. во все учреждения, имевшие право присуждения ученых степеней, было направлено специальное инструктивное письмо об оформлении дел соискателей [Там же, л. 11–15]. В феврале 1940 г. появился приказ, регулирующий процедуру принятия решения об утверждении в ученой степени. Он же регламентировал организационную основу и правила оформления хода тайного голосования [Там же, л. 25–26].

Документальный комплекс диссертационных дел ценен информационным ресурсом, дающим возможность раскрыть неявно выраженные интенции, позволяющие понять мотивационные установки соискателя ученой степени, определить уровень его компетенций и научной активности, достигнутых к моменту защиты диссертации, особенности выбора научного поприща.

Изучение содержания материалов конкретных архивных дел дает основание полагать, что в первые два десятилетия после введения уче-

ных степеней в СССР в различных институциональных структурах сложилась специфическая делопроизводственная практика в отношении фиксации защит диссертаций кандидатского и докторского статусов. По предварительным наблюдениям, в университетском делопроизводстве (в частности – Ленинградского университета) культура документального оформления защит кандидатов и докторов различалась. Стенографические отчеты в машинописном виде составлялись, как правило, для докторских защит, отзывы трех оппонентов подавались в машинописном виде. В состав стенограммы входили устные выступления оппонентов, соискателя и всех участников обсуждения диссертации. В ЛГУ кандидатские защиты обычно обходились кратким машинописным протоколом, содержащим сведения о характере вопросов к диссертанту и высказанных оценках его труда, отзывами двух оппонентов и документами, характеризующими личность соискателя. В этом отношении, например, характерны однотипные архивные дела историков А. Л. Фраймана (1938), П. Ф. Кухарского (1939), А. А. Михайлова (1939), С. Л. Пештича (1944) [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 12-1, д. 954, л. 1–34; д. 1139, л. 1–19; д. 1159, л. 1–30; д. 1781, л. 1–46]. Подобную практику кратких протоколов фиксируем и в Казанском университете.

Иную ситуацию раскрывает организация делопроизводства в Институте истории Академии Наук СССР. Уже в довоенный период в исторической науке он приобретал характер ведущего научного центра. Соблюдение нормативных требований к ведению дел по защите всех уровней диссертаций здесь неукоснительно исполнялось. В протокольных документах Ученого совета Института истории можно ознакомиться с развернутыми стенограммами защит как докторских, так и кандидатских диссертаций, составленных на основе соответствующих инструкций. Характерна стенограмма заседания по защите в 1943 г. диссертации Н. С. Лебедева «Академик В. Г. Васильевский как византинист» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 69, л. 1–33].

Без сомнения, большей информативностью обладают материалы тех защит, ядро которых составлял текст стенографического отчета. Высказано суждение, что стенографические отчеты (в особенности готовившиеся к публикации в качестве официальных документов) подвергались существенной коррекции не только в стилистическом, но и смысловом отношении [Источниковедение, 2015, с. 409–411]. С этим не поспоришь. Но в нашем случае складывается иная ситуация. Стенограммы защит диссертаций, играя роль некоей отчетной документации, не предназначались для опубликования. Поэтому редактирование их текстов было минимизировано: стенограммы переводились в текст машинописной версии, который вычитывали и подвергали

некоторой правке сами выступавшие. Судя по характеру оформления и стилистики машинописи, можно полагать, что перед современным исследователем находится материал в его первоизданном виде. Стенограмма содержала тексты устных выступлений всех участников защиты – от соискателя и официальных оппонентов до представителей «публики». В некоторых случаях фиксировалась реакция зала на те или иные выступления, выраженная аплодисментами и иными эмоциями, что позволяет ощутить атмосферу события, общее настроение присутствующих и их восприятие происходящего. Характерна в этом отношении стенограмма докторской защиты М. Д. Присёлкова (ЛГУ, 1939) [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 12-1, д. 1193, л. 1–60].

Поскольку в состав дел, кроме стенограмм устных выступлений официальных оппонентов, входили и машинописи их отзывов, это позволяет осуществить их сравнительный анализ, что немаловажно для более глубокого понимания оценочных стратегий оппонентов. Устные выступления, в силу апелляции к аудитории, оказывались более детализированными и аналитически заостренными для выражения не только позиции самого эксперта, но и смысла концепции защищаемой диссертации. Ответная реакция соискателя в его заключительном слове позволяет установить характер специфических мини-коммуникаций диссертанта и представителей оппонировавшей стороны, выявить между ними связи взаимного понимания или непонимания. Используемая в ходе защит практика представления машинописных отзывов неофициальных экспертов (иногда в пользу соискателей) дает основание предполагать, что в изучаемый период допускались методы специфического научного лоббирования. Вместе с тем эта разновидность отзывов содержала и вполне развернутую критическую часть замечаний в адрес диссертации. В известных нам случаях авторы подобных отзывов присутствовали на защите: имеются в виду особенности докторских защит в Ленинградском университете Н. И. Покровского (1939) [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 12-1, д. 1186, 1187] и А. И. Попова (1948) [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 12-1, д. 2424].

В своем большинстве стенограммы защит еще не подвергались специальному изучению, их тексты известны немногим даже в среде историков науки. Темы исследований и имена ряда историков, защитивших диссертации в изучаемое время, по тем или иным причинам оказались в области историографического забвения.

В советском аналоге диссертационной культуры уже с 1940-х гг. стала исчезать интрига, связанная с традицией свободного дореволюционного диспута, предполагавшего научную полемику. Представители «старой науки» констатировали элементы формализации защит диссертаций и рутинизации ее творческой составляющей. Симпто-

матично выступление Е. А. Косминского в Ученом совете Института истории в 1946 г., наполненное ностальгией о высоком уровне оппонентской экспертизы защищаемых трудов и организации диссертационных диспутов в «прежние времена», когда «диссертация была событием в жизни университета» [Сашанов, 2016, с. 174–175].

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х – начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 337–354.

Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1577. Институт истории Академии наук СССР.

Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-1337. ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина».

Инструкция Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР о порядке применения Постановления СНК СССР об ученых степенях и званиях от 20.03.1937 г. // ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 29. Д. 68.

Инструкция Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР о порядке применения Постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» // СЗ. 1934. № 34. Ст. 270. § 13.

Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2015. С. 409–411.

Сашанов В. В. «Так бывало в прежние времена...»: Е. А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 174–175.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».

УДК 94(571.513).084.8:930.253

Н. Я. Артамонова
Хакасский государственный университет,
г. Абакан

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КУЛЬТУРЕ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются архивные документы по вопросам культурного развития Хакасской автономной области в период Великой Отечественной войны. Отмечается богатый информационный потенциал фондов Национального архива Республики Хакасия и рассматривается воздействие отдельных сфер культуры на духовное, идейное и моральное единение советских людей в годы войны. В исследовании выявляются трудности и достижения работы таких сфер культуры как искусство, средства массовой информации, образование, наука. Интерес представляет творческая

деятельность Русского драматического, национального и кукольного театров Хакасии, роль эвакуированной интеллигенции, в том числе преподавателей Абаканского учительского института в возрождении и дальнейшем развитии краеведческого музея. Сделан вывод, что изучение архивных документов позволяет определить вклад культуры, выявить новые формы, методы, средства работы культурных учреждений в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: архив, фонды, архивные документы, культура, Великая Отечественная война, Хакасия, театр, газета, радиовещание, музей, учительский институт, интеллигенция.

Война и культура представляются явлениями, по сути, противоположными, взаимоисключающими. Великая Отечественная война затянулась на пять долгих пять лет и стала настоящей катастрофой для граждан нашей страны. В то же время в военный период решающее воздействие на духовное, идейное и моральное единение советских людей оказала отечественная культура.

В Государственном казенном учреждении Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив», Национальный архив РХ) содержится огромный массив документов по вопросам культурного развития Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Документы составлены по годам, описям и содержат сведения о вкладе отдельных сфер культуры (театр, средства массовой информации, культурно-просветительные учреждения, народное образование, наука и т. д.) в достижение Победы над врагом. Довольно внушительным является информационный ресурс фондов Хакасского областного комитета КПСС (ф. П-2) и исполнительного комитета Хакасского областного Совета народных депутатов (ф. Р-39). Документы этих фондов содержат сведения о состоянии и развитии учреждений искусства, народного образования, театров Хакасии, о работе средств массовой информации, подборе кадров, деятельности местной и эвакуированной интеллигенции.

Действенным орудием и настоящим пропагандистом в деле защиты Родины стали такие средства массовой информации как печать и радио, благодаря которым можно было «напрямую контактировать с широкими массами населения» [Артамонова, 2020, с. 61].

Работу радиовещания Хакасии раскрывают материалы фонда «Хакасского областного комитета КПСС (ф. П-2), где можно найти сведения об условиях работы сотрудников радиокомитета в годы войны. Например, в докладной записке председателя Хакасского радиокомитета М. П. Дербенева от 6 февраля 1942 г. на имя секретаря обкома ВКП(б) И. Ф. Спирина отмечалось, что в Абакане радиостудия

не отапливается, работникам приходилось работать при температуре 5–7 градусов тепла и даже нулевой [Данные о работе радиокомитета..., л. 14]. Действенным и любимым информационным средством в деле пропаганды и агитации являлось двузычное радио, особенно если передачи сопровождалась музыкальными произведениями [Костякова, 2017, с. 151]. В целях проведения массовой идейно-политической работы среди населения Хакасии создавались пункты коллективного прослушивания сводок о положении на фронте, в тылу, в странах антигитлеровской направленности. По данным отчетов отделов пропаганды райкомов, горкомов ВКП(б), за 1942 г. проведено 150 коллективных радиослушаний, на которых за весь период присутствовало 250 тыс. чел. [Отчеты отделов пропаганды...].

Другим важным средством оперативной информации, пропаганды и агитации населения были газеты. На основе архивных документов можно сделать вывод о том, что это оперативное средство информации и пропаганды включало в себя различные материалы: официальные документы и сообщения, письма, заметки, репортажи, очерки, интервью.

Работа в редакциях в военное время была «крайне сложной физически и морально: на сотрудников возлагалась особая ответственность за каждое слово, сказанное в эфире или на газетной полосе» [Костякова, 2017, с. 191]. Бюро обкома ВКП(б) неоднократно рассматривало вопрос о перестройке работы двух областных («Советская Хакасия» и «Хызыл аал») и районных газет и о мерах устранения недостатков в их работе. На заседании бюро обкома ВКП(б) от 3 марта 1942 г. отмечалось, что на страницах газеты «Советская Хакасия» недостаточно популяризируются выдвинутые рабочими, колхозниками области инициативы, что некоторые письма трудящихся остаются без внимания. Так, в конце 1941 г. «без движения» пролежали 80 писем рабселькоров, а уже в 1942 г. остались не рассмотренными 120 писем. В газете допускаются многочисленные ошибки, которые зачастую «превращаются в политические извращения» [Протоколы заседаний Хакасского областного комитета ВКП(б)...].

Основной причиной недостатков в работе редакции газеты «Советская Хакасия» был малоопытный, можно сказать, неквалифицированный и непостоянный кадровый состав. По мнению ответственного редактора «Советской Хакасии» К. М. Громовой, «делать ежедневную областную газету полагается тринадцати квалифицированным журналистам. Но на практике это делать приходилось двум работникам» [Докладные записки...].

В Национальном архиве РХ имеется солидный информационный материал о работе действующих в военные годы областного театра русской драмы, Хакасского национального и кукольного театров.

Из материалов архива видно, что в годы войны в репертуаре театров центральное место занимали пьесы, посвященные героической, антифашистской тематике. С большим интересом зрители Хакасии смотрели спектакли по пьесам К. Симонова «Русские люди» и «Парень из нашего города». Судя по архивным документам, значительный интерес вызывали такие спектакли как «Без вины виноватые» (А. Н. Островский), «Последние» (М. Горький), «Продолжение следует» (А. Я. Бруштейн) [Хакасский областной драматический театр, л. 1 об.].

Большой популярностью пользовались спектакли по пьесе К. Гольдони «Хозяйка гостиницы» (в 1942 г. поставлен 10 раз) и О. Бальзака «Мачеха» (поставлен 12 раз) [Там же].

Велика была роль Хакасского национального театра в повседневной жизни населения области. Из материалов фонда № 436 можно узнать, что у театра не было своего стационарного помещения, поскольку он был передвижным колхозно-совхозным, поэтому в годы войны ему пришлось в основном гастролировать [Годовой отчет за 1943 г.]. Выездные бригады театра выступали не только на полевых станах, но и зимой, в отдаленных районах Хакасии. С осени 1941 г. руководство и коллектив театра были сориентированы на работу с национальным зрителем. Пьесы на хакасском языке создавали местные авторы М. С. Коков «Акун»¹ и А. М. Топанов: «Стальные сердца», «Юный герой», «Кровь за кровь», «Одураченный Хорхло» (в соавторстве с Н. Зингеровским) и др. [Хакасский областной национальный театр]

Несмотря на успехи, работа национального театра неоднократно становилась предметом рассмотрения на заседаниях бюро Хакасского обкома партии. На одном из заседаний от 5 июля 1943 г., наряду с определенными достижениями в области творческой работы театра в 1942 г., отмечались серьезные недостатки: во-первых, в театре «совершенно отсутствует работа с начинающими писателями-драматургами...»; во-вторых, «...слабо поставлено идейно-политическое воспитание актеров; артисты не занимаются политическим самообразованием, не практикуется чтение лекций и докладов по вопросам текущего момента, международному положению и вопросам литературы и театрального искусства»; в-третьих, «театр имеет неудовлетворительную материальную базу и материально-бытовое обслуживание актеров» [Протоколы бюро...]. Постановление бюро обкома партии обязало директора театра М. Кокова «немедленно устранить недостатки в работе театра, построить работу театра на основе продуманного плана, добиться в 1943 г. высокого качества продукции, вос-

¹ Оригинал пьесы «Акун» М. Кокова находится в фонде Хакасского областного национального издательства (ф. Р-354).

питающего зрителя в духе советского патриотизма, в духе к любви к Родине, повсеместно воспитывать в народе лютую ненависть к врагу» [Там же, л. 80].

Почти одновременно с театром драмы в г. Абакане был создан кукольный театр, который также, как и национальный имел статус колхозно-совхозного и находился на хозрасчете. Несмотря на то, что в военный период количество постановок заметно снизилось, кукольный театр оставался лидером по количеству спектаклей и охвату зрителей. В 1942 г. театр выезжал на гастроли в детские дома и школы Хакасской автономной области: Табатскую НСШ, Чебаковский детдом, Прииск «Сарала», колхоз «Хызыл аал» им. Энгельса, «Красный партизан», «Красный борец» и др. [Годовой отчет, л. 44]

В летний период 1942 г. были определены списки и репертуар кукольного театра по обслуживанию посевной кампании. Национальная группа должна была обслужить шесть колхозов Усть-Абаканского, девять колхозов Ширинского и Аскизского районов. Русская группа кукольного театра направлялась в Шарыповский район [Данные о работе...].

Об успехах творческой работы коллектива кукольного театра свидетельствуют показатели отчетов театра о деятельности в 1942 г. Так, в первом квартале 1942 г. гастрольных поездок планировалось 150, выполнено – 154., во втором – соответственно 300 и 334 [Годовой отчет..., л. 9–10].

В период войны в Хакасской автономной области большое внимание уделялось культурно-просветительной работе, проведению смотров художественной самодеятельности. Эти вопросы были важны, так как способствовали духовной мобилизации граждан. Всего в первые месяцы войны в области было 236 политико-просветительных учреждений, из них городских и районных домов культуры – восемь, рабочих и колхозных клубов – 30, сельских изб-читален – 128, красных уголков – 70. При политпросветучреждениях имелись 50 постоянно действующих кружков самодеятельности (хоровых, драматических, народных инструментов), в которых принимали участие 870 человек [Сведения о работе...].

Великая Отечественная война подвергла тяжкому испытанию народное образование и науку. Огромный информационный ресурс содержит ф. 528 (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова). В отчетах о работе учительского (осн. в 1939 г.) и педагогического (осн. в 1944 г.) институтов и кафедр за 1941–1945 гг. содержатся сведения о жизни студенчества в военные годы, учебной, научной и культурно-просветительской деятельности преподавателей Абаканского учительского и педагогического институтов.

Документы фонда свидетельствуют о том, что с первых дней войны студенты и преподаватели были заняты на разгрузке санитарных поездов, осуществляли шефство над эвакуогоспиталями в городах Абакане и Черногорске, сдавали кровь для тяжелораненых, устраивали концертные мероприятия, собирали теплые вещи бойцам на фронт. 200 комсомольцев и студентов учительского института, фельдшерско-акушерской школы были задействованы на строительстве Уйбатского оросительного канала [Докладные инструкторов...].

В первые годы войны значительно усилился профессорско-преподавательский состав Абаканского учительского института, который был открыт в 1939 г. По распоряжению Наркомпроса РСФСР из учебных и научных заведений западных и центральных областей страны в Хакасию были эвакуированы квалифицированные специалисты. В их числе были профессор С. А. Токарев, доцент Б. В. Кутузов и др. [Ултургашев, 2011, с. 22].

Непременной чертой военного времени было проведение агитационно-пропагандистских мероприятий, направленных на гражданско-патриотическое воспитание населения области. С этой целью организовывались научно-популярные лектории для учащейся молодежи и населения области. В основном этим занимались кафедры истории и марксизма-ленинизма. В 1942–1943 уч. г. по кафедре истории было прочитано 166 лекций, из них 147 – на международные темы [Отчеты о работе института и кафедр].

Некоторые преподаватели Абаканского учительского института сотрудничали с Хакасским областным музеем. Об этом свидетельствуют материалы фонда Хакасского областного краеведческого музея. Так, из отчетов о работе музея за 1939–1948 гг. можно узнать, что в июле 1942 г. во главе этого учреждения встал А. Н. Савчук, экономист по образованию, эвакуированный из Украины [Отчеты о работе Хакасского областного музея...]. В соответствии с постановлением бюро Хакасского обкома ВКП(б) от 22 сентября 1942 г. «О восстановлении областного музея» новый заведующий музеем обязан был возобновить работу Хакасского областного музея для посетителей с 5 октября. В отчете отмечаются трудности процесса отбора, очистки и реставрации экспонатов, установлении эпох, размещении экспонатов на стендах при полном отсутствии инвентарных записей и уничтоженного пожаром 1942 г. научного архива. При реставрационной работе сотрудникам музея особенно тяжело было найти необходимые материалы (фанера, краски, мешки, нитки, стекло). Для того, чтобы получить ящик стекла и катушку ниток, потребовалось постановление бюро областного комитета партии [Там же, л. 29].

Несмотря на трудности военного времени, в Хакасской автономной области осуществлялась научно-исследовательская работа. Так,

с 1 апреля по 1 июня 1942 г. состоялась диалектологическая экспедиция для изучения и разрешения спорных вопросов хакасского литературного языка и по сбору хакасского фольклора [Протоколы заседаний исполкома...].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны действенным орудием, подлинным пропагандистом в деле защиты социалистического Отечества стала культура. Исследование архивных документов Национального архива Республики Хакасия позволяет оценить вклад всех сфер культуры, выявить механизм принятия многих решений по тому или иному вопросу, выяснить новые формы, методы, средства работы культурных учреждений.

Артамонова Н. Я. Партийно-государственная политика по мобилизации духовного потенциала населения Хакасии в период Великой Отечественной войны // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 1(31).

Годовой отчет за 1943 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 436. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

Годовой отчет Абаканского колхозно-совхозного кукольного театра за 1942 год // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 462. Оп. 1. Д. 3.

Данные о работе радиокомитета, кинофикации и театров за 1942 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 884. Л. 14.

Докладные записки о работе с кадрами. 1942 // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 891. Л. 4.

Докладные инструкторов о работе партийных организаций в условиях войны. 1941 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 807. Л. 27.

Костякова Ю. Б. Массово-информационные пространства южносибирских национальных регионов: исторические условия и опыт формирования (1922–1953 гг.). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2017.

Отчеты о работе института и кафедр // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 528. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об.

Отчеты о работе Хакасского областного музея за 1939–1948 гг. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р- 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

Отчеты отделов пропаганды райкомов, горкомов ВКП(б) за 1942 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 880. Л. 12.

Протоколы заседаний исполкома Хакасского облсовета за 1942 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 461. Л. 198–199.

Протоколы заседаний Хакасского областного комитета ВКП(б) со 111 по 135 // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 862. Л. 210.

Протоколы бюро Хакасского обкома ВКП(б) со 192 по 203 // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 79 об.

Сведения о работе радиокомитета и учреждений культуры // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 820. Л. 37.

Хакасский областной драматический театр им. Лермонтова. Годовой отчет за 1942 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 461. Оп. 1. Д. 1.

Хакасский областной национальный театр. Годовой баланс на 1 января 1941 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 436. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

Ултургашев С. П. Был всегда нацелен на будущее. К 50-летию Абаканского государственного педагогического института им. Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-е гг. В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

В докладе на основе архивных материалов фондов 10165 «Министерство путей сообщения РФ» и 10200 «Правительство РФ» Государственного архива Российской Федерации представлены и рассмотрены проблемные вопросы приватизации транспортного комплекса Российской Федерации в 1990-е гг. Как известно, предприятия воздушного и водного транспорта РФ были акционированы и приватизированы буквально в первые годы существования нового государства, в то время как железнодорожный транспорт более чем на десять лет оставался в государственной собственности. Проблемам, неудачным и удачным попыткам приватизации, обсуждению в коридорах Правительства РФ возможных проектов акционирования и разгосударствления транспорта посвящена данная работа.

Ключевые слова: транспорт, управление транспортом, акционирование, приватизация, железнодорожный транспорт России, транспортный комплекс РФ.

В годы перестройки в общественном сознании возобладало мнение о необходимости реформирования существующей системы управления народным хозяйством, о переходе к рыночным отношениям, разгосударствлении, приватизации, ликвидации естественных монополий. Обсуждались эти вопросы и в транспортной среде. Опыт России до 1917 г., мировой опыт свидетельствовали о том, что транспорт и связанная с ним инфраструктура в той или иной степени почти всегда и везде контролировались государством. В России, ввиду масштабов страны, реформы транспортной отрасли могли оказать серьезное влияние на состояние экономики и обороноспособности и должны были происходить по принципу «не навреди». Вопросам приватизации транспортной отрасли в 1990-е гг. посвящена данная работа.

О степени изученности научной проблемы можно сказать, что на данный момент она находится на среднем уровне. Все работы можно разделить на два блока: первый – по истории приватизации как таковой и событиях последнего десятилетия XX в., второй – по истории разгосударствления и приватизации отдельных видов транспорта [см.: Абалкин, 2005; Аксененко и др., 2001; Галиева, 2021; Сенин, 2022; Согрин, 2001; Пихоя и др., 2011, Яник, 2012 и др.]. Отдельно следует выделить работу А. А. Яника. Будучи ведущим экспертом Счетной

палаты РФ и основываясь на собственных заключениях, он уделил внимание характеристике складывающихся рыночных отношений, этапам и проблемам российской приватизации. По его словам,

«российская приватизация 1990-х годов носила беспрецедентный характер не только по своим масштабам, но и по содержанию. <...> ... несмотря на то, что задача изменения отношений собственности была в целом решена, недостатки законодательной базы, неразвитость приватизационных институтов и процедур, фактическое отсутствие механизмов внешнего контроля создали возможности для многочисленных нарушений законности в ходе реализации конкретных приватизационных мероприятий и стали причиной целого ряда негативных социально-экономических последствий» [Яник, 2012, с. 533–534].

Главными документальными источниками в работе стали материалы двух архивных фондов, хранящиеся в Государственном архиве РФ. Это фонд Министерства путей сообщения РФ, руководившего железнодорожной отраслью в 1992–2004 гг., и фонд Правительства РФ.

Итак, в каких же условиях оказался транспорт к началу 1990-х гг.? С распадом СССР в стране завершился советский социалистический проект и начались либеральные социально-экономические преобразования, призванные интегрировать страну в мировую рыночную экономику. В плане экономических реформ 1990-х гг. Е. Т. Гайдара, и. о. председателя Правительства РФ в 1991–1992 гг., была приватизация государственного сектора, развитие частной предпринимательской инициативы, свободного ценообразования и конкуренции. Актуальным стал вопрос привлечения иностранных инвестиций, которые, как известно, выдавались под определенные условия. Безусловно, все преобразования преследовали важные социальные и политические цели, однако не все результаты проведенных реформ можно назвать положительными. Большое влияние на экономику страны тогда оказали преобразования в транспортной отрасли: в особенности на автомобильном, морском, авиационном и железнодорожном транспорте. Рассмотрим их более подробно.

Распад СССР и крах советской плановой экономики серьезно повлияли на автомобильную отрасль. Автомобильный транспорт РСФСР насчитывал около 2,2 млн грузовых автомобилей и 700 тыс. автобусов, обеспечивал перевозки около 12,5 млрд т. грузов и около 70 млн пассажиров в год [Сенин, 2022]. Все это хозяйство находилось под управлением Министерства автомобильного транспорта РСФСР. Оно располагало всей необходимой инфраструктурой по организации перевозок, ремонту и обслуживанию автотранспорта. В ведении министерства находилось не только управление перевозочным процессом, но и социальная сфера, созданная для работников отрасли,

в т. ч. отраслевые образовательные учреждения. В июле 1990 г. вместо министерства был образован концерн Росавтотранс, которому были переданы все государственные функции, связанные с хозяйственной деятельностью и безопасностью транспортного движения. В 1992 г. Росавтотранс вошел в состав Министерства транспорта РФ, где на основе концерна был образован Департамент автомобильного транспорта. В том же году была осуществлена приватизация 2259 (62,8 %) автотранспортных предприятий. Остальные сохранились в федеральной собственности, субъектов РФ и муниципальной собственности. Большинство автопредприятий не смогли без потерь приспособиться к требованиям рынка.

Первыми результатами приватизации стали нарушение контрактов с поставщиками комплектующих, утечка кадров из-за закрытия социальных программ и ликвидации социального сектора транспорта, закрытие рынка бывших союзных республик и др. Дорожное хозяйство также претерпевало трансформации. Вместо Министерства автомобильных дорог РСФСР был создан концерн Росавтодор. В его компетенцию входило проектирование, строительство и ремонт автомобильных дорог.

В декабре 1991 г. Правительство РФ предприняло попытку разграничения функций государственного и хозяйственного управления дорожным хозяйством [Об управлении дорожным хозяйством, 1991]. Государственные органы должны были заниматься планированием и финансированием развития сети автомобильных дорог, а подрядчики – выполнять дорожные работы. Во всех субъектах Российской Федерации появились органы управления автомобильными дорогами с разными названиями, структурой и функциями. Бывшие ранее в системе Минавтодора РСФСР предприятия превратились в акционерные общества: «Росремдормаш», «Росдорстройиндустрия», «Автомот», «Автодорресурс», «Автодорстрой», «Автодорсервис», «Дорстрой», «Красавтодор», «Сибдорстрой» и др. [Сенин, 2022]. В сентябре 1992 г. Росавтодор был перерегистрирован в качестве акционерного общества и, соответственно, остался в стороне от государственных бюджетных ассигнований.

В качестве итогов приватизации автомобильной отрасли можно назвать выступление генерального директора Российского дорожного агентства В. Г. Артюхова на Всероссийской конференции работников транспорта в Кремле в 1999 г.: «Россия входит в XXI век с неразвитой дорожной сетью. Наличная сеть не удовлетворяет требованиям отечественных товаропроизводителей, населения, национальной безопасности и обороны; она не в полной мере решает даже элементарные задачи территориальной связанности отдельных регионов и населен-

ных мест. Система дорожного сервиса, по сути, только начинает складываться» [Там же].

В отношении морского транспорта надо сказать, что здесь Россия с момента распада СССР оказалась в самом невыгодном из всех бывших союзных республик положении. Производственные мощности, интенсивно вводившиеся в эксплуатацию в 1970–1980-х гг., после распада Союза остались за пределами Российской Федерации.

В 1992 г. в акционерные общества были преобразованы 22 предприятия морского транспорта: 10 портов, 7 парокhodств, 5 судоремонтных заводов [Зеленцов, 2005]. Россия после распада отрасли потеряла почти половину портов. Оставшиеся 40 портов были способны обеспечить лишь 63 % необходимого грузооборота страны.

Документальным подтверждением этому является письмо Министерства безопасности РФ от 19 марта 1993 г. Председателю Совета Министров В. С. Черномырдину «О некоторых негативных аспектах приватизации предприятий морского флота России», сохранившееся в фонде Правительства РФ. В нем говорится: «По поступающим в Министерство безопасности данным, в процессе формирования рыночных отношений на морском транспорте проявились аспекты, оказывающие дестабилизирующее воздействие на отрасль и создающие предпосылки к нанесению серьезного ущерба экономическим интересам России. Так, в ноябре 1992 г. Госкомимуществом России, его органами на местах проведено акционирование 10 парокhodств и 9 портов, имеющих общегосударственное значение, включая такие, как Владивостокский, Новороссийский, Мурманский и Санкт-Петербургский. Как отмечают специалисты, реализация принятого Госкомимуществом варианта приватизации предприятий морского транспорта, не предусматривающего закрепления контрольного пакета акций в федеральной собственности, создала предпосылки преобразования этих предприятий в частные компании с потерей управляемости отрасли со стороны Минтранса России» [ГАРФ, ф. 10200, д. 3836, л. 226].

Морской транспорт был не одинок в своей беде. Архивные материалы фонда Правительства свидетельствуют о том, что для исправления «ошибок» транспортной приватизации Правительством РФ в сентябре 1993 г. была образована рабочая группа для подготовки предложений по совершенствованию государственной политики в области акционирования и приватизации транспортно-дорожного комплекса.

В государственном управлении авиационным транспортом изменения последовали также в 1991 г. Надо сказать, что в СССР воздушный транспорт пользовался всемерной поддержкой государства,

ввиду чего развивался быстрыми темпами. 14 ноября 1991 г. было упразднено Министерство гражданской авиации СССР [Об упразднении министерств..., 1991]. Его функции были переданы Департаменту воздушного транспорта Министерства транспорта РФ. Одной из его важнейших задач стала приватизация собственности авиапредприятий. «Аэрофлот» распался на множество авиакомпаний и ассоциаций. В 1993 г. было зарегистрировано 250 авиакомпаний, в 1994 г. – 413. В 1994 г. Правительство РФ приняло решение о создании национальной авиакомпании ОАО «Аэрофлот – Российские международные авиалинии». 49% акций принадлежало трудовому коллективу авиакомпании, 51% находилось в федеральной собственности. Вхождение в рынок оказалось намного сложнее, чем предполагалось вначале реформ. Резко повысились цены на энергоносители, авиатехнику, оборудование и запасные части. В результате резко упали объемы перевозок. Если в 1990 г. «Аэрофлотом» было перевезено 138 млн пассажиров, в том числе в России 83 млн, то 1995 г. уже 31 млн чел., а в 2000 г. всего 22 млн чел. [Сенин, 2022].

Железнодорожный транспорт после распада СССР также оказался почти на грани коллапса. После распада СССР в России осталось 17 железных дорог общей протяженностью 87,6 тыс. км, что составляло менее 60 % общесоюзной сети. С учетом того, что значительная часть территории России приходится на районы Крайнего Севера, практически не обеспеченные железнодорожными сообщениями, плотность железнодорожной сети в РФ оказалась намного меньше, чем в большинстве постсоветских республик. В России на 100 кв. км приходилось 0,51 км железных дорог, а в Белоруссии – 2,76 км, в Латвии – 3,6 км, в Грузии – 2,2 и т. д. На нескольких участках российские железные дороги, в свое время создаваемые как составная часть общесоюзной железнодорожной сети, оказались разорваны территориями новых независимых государств.

В целом в 1991–1994 гг. количественные показатели работы всей сети железных дорог РФ снизились примерно вдвое, а производительность труда упала на 39,2 %. В декабре 1992 г. на заседании Коллегии Министерства путей сообщения РФ отмечалось, что объем перевозок из-за непредъявления грузов грузоотправителями снизился против уровня 1991 г. на 18,2 %, что привело к уменьшению доходов ведомства на сумму около 90 млрд руб. [ГАРФ, ф. 10165, оп. 1, ч. 1, д. 14, л. 157]. Наибольшее отставание было допущено на Московской, Калининградской, Октябрьской, Приволжской, Юго-Восточной, Байкало-Амурской, Северной и Горьковской железных дорогах, где содержание пути находилось в состоянии большого отступления от технических нормативов. В связи с тяжелым положением в отрасли на заседании

«планировались» убытки и на 1993 г. в общей сумме 146 млрд руб. К протоколу того же заседания 22–23 декабря 1992 г. было приложено два документа под названиями «О государственной поддержке железных дорог за рубежом» и «Повышение доходности зарубежных железных дорог». В указанных документах приводились сведения о государственных дотациях в ведущих транспортных державах мира. Согласно документу «зарубежные пассажирские компании и железные дороги ежегодно получают финансовую помощь в крупных размерах (например, компания «Амтрак» (США) – 600 млн долл., железные дороги ФРГ – 9,6 млрд марок, и др.) [ГАРФ, ф. 10165, оп. 1, ч. 1, д. 14, л. 157–158, 217–220]. Региональные и местные органы власти этих государств оказывали существенную финансовую помощь в поддержании пригородных перевозок. Разумеется, в сложившейся в 1990-е гг. общей по стране сложной финансовой ситуации о подобных государственных дотациях на развитие и стабилизацию деятельности железнодорожного транспорта речи не шло.

Железнодорожники проявили волю к сохранению своей целостности и суверенитета. В августе 1995 г. был принят закон «О федеральном железнодорожном транспорте», в котором было подчеркнуто: «Железные дороги, а также объекты и иное имущество железнодорожного транспорта, непосредственно обеспечивающие перевозочный процесс и осуществление аварийно-восстановительных работ, не подлежат разгосударствлению и приватизации» [О федеральном железнодорожном транспорте, 1995].

Сохранение в 1992 г. Министерства путей сообщения РФ как единого органа управления железнодорожным транспортом в условиях политической и экономической нестабильности спасло отрасль от возможного развала.

Реформа осуществлялась самим министерством поэтапно без лишней поспешности. Всю первую половину своего существования министерство осуществляло подготовку к проведению реформы и предпринимало меры по стабилизации работы транспорта в условиях зарождающегося в России рынка с его положительными и отрицательными сторонами. Оно проводило аккуратное акционирование и приватизацию непрофильных предприятий, совершенствовало структуру управления на транспорте, осуществляло техническую модернизацию отрасли, внедряло маркетинговые принципы работы по сети железных дорог.

Только с определения в 1997 г. «Основных положений структурной реформы в сферах естественных монополий», и разработки Концепции (1998 г.) и Программы структурной реформы на железнодорожном транспорте» (2001 г.) начался активный переход управле-

ния железнодорожного транспорта из министерства в акционерную компанию. На подготовительном этапе реформы министерству удалось не только сохранить работающую отрасль, но и провести преобразования и совершенствования в ее деятельности. С 1998 по 2003 г. в системе транспорта создавали новые самостоятельные структуры, призванные способствовать продвижению рынка в отрасли, передавали в регионы непрофильные предприятия и малодетальные линии, параллельно разрабатывали новую нормативно-правовую базу деятельности транспорта, проводили инвентаризацию имущества, выделяли в системе транспорта конкурентный и монопольный секторы деятельности.

Проведенные реформаторские мероприятия позволили в 2003 г. безболезненно передать функции по управлению предприятиями отрасли из государственного органа в акционерное общество «Российские железные дороги», что, по сути, стало прецедентом в новейшей российской истории. В 2004 г. Министерство путей сообщения Российской Федерации было ликвидировано. Функции государственного регулирования в сфере железнодорожного транспорта были поделены между Министерством транспорта РФ, Федеральной службой по надзору в сфере транспорта и Федеральным агентством железнодорожного транспорта.

Таким образом, реформирование автомобильного, воздушного и морского транспорта привело к тяжелым последствиям для экономики РФ, особенно для судостроительной и авиастроительной промышленности. В том, что железнодорожную отрасль и предприятия транспортного машиностроения, а также их кадровый потенциал удалось сохранить, велика заслуга руководителей железнодорожного транспорта, избравших оптимальную для того времени стратегию и тактику реформ.

Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения : очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.

Аксененко Н. Е., Лалидус Б. М., Мишиарин А. С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2001.

Галиева Д. С. Управление железнодорожным транспортом России в 1992–2004 гг. М.: РГТУ, 2021.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 10200. Правительство РФ.

Ф. 10165. Министерство путей сообщения.

Зеленцов В. В. Приватизация предприятий морского транспорта, 1990-е годы // Россия и АТР. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/rossiya-i-atr?i=851912> (дата обращения: 01.11.2022).

Леонтьев Р. Г., Т. Н. Каликина, В. В. Комарова. Трансформация системы управления на железнодорожном транспорте. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008.

Об управлении дорожным хозяйством : постановление Правительства РФ № 93 от 30.12.1991 URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102013921 (дата обращения: 01.11.2022).

Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР : постановление Гос. Совета СССР от 14.11.1991 № 13 // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.

О федеральном железнодорожном транспорте: федеральный закон от 25.08.1995 № 153-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3505.

Пихоя Р. Г., Журавлев С. В., Соколов А. К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011.

Сенин А. С. Транспорт Советского Союза и Российской Федерации во второй половине XX столетия. М.: РГГУ, 2022.

Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Изд-во «Весь Мир», 2001.

Фортунатов В. В. Реформа железнодорожного транспорта в современной России: итоги, уроки, перспективы // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 1. С. 86–100.

Харламова Ю. А. Российский железнодорожный комплекс: политический анализ. М.: ИНФРА-М, 2012.

Яник А. А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Изд-во Моск. ун-та, 2012.

УДК 94(470.5).084.8:341.34+930.253

И. Н. Демаков

Государственный архив административных
органов Свердловской области, г. Екатеринбург

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В докладе приводятся сведения о документах, находящиеся на постоянном хранении в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) в отношении интернированных граждан периода Второй мировой войны.

Ключевые слова: интернированные, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, архивно-следственные дела, картотека интернированных, ГААОСО.

Термин «Интернирование» (нем. Internieren, от лат. Internus – внутренний), в международном праве – принудительное помещение

(изоляция) в связи с вооруженным конфликтом воюющей или нейтральной стороной иностранных граждан определенных категорий в специальные места поселения с запрещением покидать их пределы до окончания конфликта [Интернирование].

На территории Свердловской области в 1942–1956 гг. находилось 14 лагерей, 11 отдельных рабочих батальонов и два спецгоспиталя для военнопленных и интернированных, через которые прошли свыше 250 тыс. вражеских солдат и офицеров [Суржикова, 2006, с. 16].

Таким образом, можно констатировать, что Средний Урал в силу своего географического и социально-экономического положения стал одним из самых крупных центров расположения лагерей для военнопленных и интернированных периода Второй мировой войны в Советском Союзе.

В архивных фондах ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области» (ГААОСО) имеются сведения о гражданских лицах, интернированных и мобилизованных органами Главного управления контрразведки ГУКР «Смерш» (Смерть шпионам) Наркомата обороны СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. из стран Юго-Восточной и Восточной Европы и направленных на Средний Урал. Одним из направлений деятельности военной контрразведки «Смерш» было участие в розыске, задержании и ведении следствия по делам иностранных граждан, действовавших в антисоветских организациях на стороне Германии.

Часть из интернированных иностранных граждан впоследствии была арестована за антисоветскую деятельность, архивно-следственные дела в отношении такой категории осужденных также находятся на хранении в ГААОСО.

Основным фондом, содержащим сведения в отношении интернированных граждан, является ф. Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области». В оп. 2 дел постоянного хранения находятся архивно-следственные дела на граждан, арестованных и осужденных по ст. 58 УК РСФСР (в ред. 1926 г.), впоследствии реабилитированных. В оп. 3 содержатся учетные карточки интернированных в количестве 810 ед. хр. за 1945–1950 гг. Карточки поступили в ГААОСО из Государственного архива Свердловской области в виде неописанной и неучтенной картотеки. В 1996 г. карточки были описаны по национальному признаку и оформлены в дела. Карточки на лиц, интернированных и мобилизованных органами СМЕРШ из стран Европы в конце Великой Отечественной войны, содержат краткие биографические данные проверяемого лица (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, профессия, образование и т. д.), дату интернирования, отметки об убытии

лица в другой батальон, в лагерь, тюрьму или на родину. Карточки в описи систематизированы по национальному признаку. Единица хранения состоит из 20–30 карточек, расположенных в алфавитном порядке. Всего в картотеке представлены граждане 36 национальностей. Среди них – немцы, поляки, венгры, бельгийцы, цыгане, чуваша, украинцы, евреи, американцы и др. Югославы, сербы и хорваты были представлены как отдельные национальности.

Учетные карточки из данной картотеки на интернированных И. Сюча и Л. Хофбауера ранее были опубликованы в 2006 г. [Лики войны, 2006, с. 100–101].

Одно дело из картотеки интернированных в составе двух карточек заведено на граждан неустановленной национальности, неопрошенных в полном объеме из-за смерти. Представляю вниманию читателей информацию из карточек в отношении указанных лиц.

Маргарит Багиза, 1929 г. р. Дата прибытия в батальон – 26 июня 1945 г. Отметка о движении – 6.07.1945 г. бол и умерл. Карточка не заполнена ввиду смерти [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 3, д. 810, л. 1].

Минлен Хорс Эмилевич, 1929 г. р. Отметка о движении – утопился в р. Чусовая 29.04.45 г., карточка составлена в лагере 504 25.12.1945 г. [Там же, л. 2].

Приведу для примера содержание одной учетной карточки интернированного американца, содержавшегося в лагере № 231 Свердловской области. Лагерь № 231 был образован в июле 1944 г. на севере Свердловской области с управлением в городе Североуральске [Мотревич, 2017, с. 365, 369].

Карточка интернированного, мобилизованного, арестованного (подчеркнуть)

Пол – муж. Батальон № 1. Рота № Область – Свердловская.

Лагерь № 231

1. Фамилия – Шершель.

2. Имя – Франц.

3. Отчество – Станиславович.

4. Год рождения – 1925.

5. Место рождения – г. Балтимор США.

6. Последнее место жительства – г. Косов Соколовский р-н Варшавской обл.

7. Национальность – американец.

8. Вероисповедание – рим. католич.

9. Партийность – не состоял.

10. Подданство (гражданство) – американское.

11. Профессия и специальность – не имеет.

12. Образование:

а) Общее – 6 кл. нач. школы

б) Специальное

в) Военное

13. Дата интернирования – 20.II.1945 года г. Косов.

<Оборот>

14. Учетное дело № 318.

15. Архив №

16. Дата прибытия в батальон 19.IV.1945 г.

17. Отметка о движении – убыл 27.VII.45 на Родину

194_ г. прибыл в 194_ г. убыл в

Фамилия сотрудника, заполнившего карточку *Вараксин*

[ГААОСО, ф. Р-1, оп. 3, д. 799, л. 1].

Судя по фамилии, Франц Шершель, возможно, является поляком по национальности, родившемся в США в семье эмигрантов.

В ГААОСО находится на хранении архивный фонд Р-161 «Спецгоспиталь № 2929 отдела по делам военнопленных и интернированных Управления Министерства внутренних дел СССР по Свердловской области 1945–1950 гг.», располагавшийся в Нижнем Тагиле с августа 1947 г., в котором содержались иностранные военнопленные и интернированные. Кладбище госпиталя, по данным на 1949 г., располагалось в г. Нижний Тагил в районе рудника им. III Интернационала по шоссе на дороге, ведущей от рудника на завод 56 [ГААОСО, ф. Р-161, оп. 1, д. 63, л. 2]. В период с 7 июля 1949 г. по 10 июня 1950 г. в госпитале скончались 15 военнопленных и 3 интернированных. В том числе, 21 августа 1949 г. в госпитале скончался интернированный Георг Алексеевич Клопотовский, 1899 г. р., русский по происхождению. 25 ноября 1949 г. умер интернированный венгр Пету Сечь, 1909 г. р. 25 апреля 1950 г. скончался немец Тадеуш Максимилян Хмелевич, 1922 г. р. [Там же, л. 8–9].

Анализируя архивно-следственные дела в отношении интернированных граждан, следует сделать некоторые выводы. Подавляющее число осужденных – это граждане Польши, в основном украинцы по национальности, обвиненные в участии в контрреволюционных организациях «Громада», в Украинском национальном объединении (УНО), в Украинском допомоговом комитете (УДК) и в отрядах Украинской повстанческой армии. Почти все осужденные интернированные содержались в лагере № 523 Свердловской области.

Материалы дел свидетельствуют об участии украинских националистов в расправах над польским населением восточных районов Польши. В частности, в дер. Дениска Хрубишувского (Грубишувско-

го) повята Люблинского воеводства в 1943 г. учитель Стефан Крыса организовал вооруженную команду для охраны деревни от немцев и поляков [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41231 (63042), л. 14–15]. В команду входили жители деревни Дениска, задержанные в 1944 г. советскими войсками и содержавшиеся в лагере № 523, в городах Артемовский и Реж Свердловской области.

Нестор Филиппович Гиль, 1908 г. р., в протоколе допроса 5 августа 1947 г. показал следующее:

«В конце 1943 г. в нашей деревне было убито 7 человек поляков. Кроме этого, несколько польских семей уехало. Из убитых я помню только три фамилии – Лакомый – две женщины, из семьи Колего – убиты муж и жена, из семьи Паровских – убиты муж, жена и девочка 12–15 лет» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41943 (64462), л. 16].

Павел Онуфриевич Бунчун (Буньчун, Буньчунь) дал на следствии показания об убийствах поляков [Там же, д. 49016 (78061), л. 6–7]. Михаил Иванович Сапига, 1905 г. р. сообщил о фактах убийств граждан польского происхождения в своей деревне [Там же, д. 38346 (57241), л. 6–7]. Причем никто из них не признал личного участия в расправах над мирным польским населением, своими соседями по деревне.

Остальные арестованные жители дер. Дениска также виновными в убийствах польского населения себя не признали, заявляя на следствии, что лишь находились в сельской самообороне и охраняли деревню от польских банд и партизан. Это Яким Андреевич Бурда, 1905 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41231 (63042)], Иван Андреевич Романиско, 1916 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 19561 (21186)], Лука Николаевич Служало, 1912 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 40810 (62188)], Михаил Алексеевич Табака, 1920 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41226 (63032)], Михаил Максимович Теплый (Теплых), 1907 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 29039 (37971)], Иван Семенович Валькович, 1923 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 21210 (23813)], Павел Прокопьевич Валькович, 1921 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38344 (57237)], Иван Петрович Прийма (Прейма), 1912 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 21220 (23840)], Павел Михайлович Кудрик, 1919 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38347 (57243)]. Григорий Иванович Завадский, 1908 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38349 (57247), л. 44] после отбытия пятилетнего наказания в ОЛР Лобва был направлен в ссылку в Тасеевский район Красноярского края.

Все арестованные жители дер. Дениска были осуждены к пяти-восемью годам лишения свободы и к настоящему времени реабилитированы. Следователям не хватило доказательной базы о причастности указанных лиц к уничтожению польского населения.

В Краковском воеводстве в с. Велико-Растоки (Ростоки) повята Новы-Сонч действовала одна из ячеек Украинской повстанческой армии под руководством сотника «Ромко» из деревни Лосево. Житель села Велико-Растоки (Ростоки) сапожник Василий Асафатович Ворона состоял в УПА с ноября 1944 г. По словам В. А. Вороны, УПА ставило перед собой цели и задачи «очистить» западные области Украины от поляков. Под «очищением» имелось в виду поголовное истребление польского населения. Вступление в УПА Вороны организовал сельский полицейский Петр Единак. Сбором продуктов занимался солтыс (староста) села Петр Шафран» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41952 (64480), л. 9–11].

Односельчанами Вороны были осужденные за участие в УПА Тедозий Михайлович Единак, 1926 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41629 (63820)], Сидор Никитович Бобак, 1902 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38056 (56651)], Иван Семенович Галайда, 1921 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38345 (57239)] и Михаил Петрович Репела (Репело, Репила), 1922 г. р.

При задержании 28 января 1945 г. у Михаила Репелы, имевшего в УПА псевдоним «Яблоня» и «охранявшего село от польских банд» были изъяты немецкая винтовка, 50 патронов к ней и одна граната [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37962 (56462), л. 9–10, 13–14].

Житель деревни Новосильки Томашувского повята Люблинского воеводства Иван Николаевич Сидор, 1921 г. р., состоял в отряде УПА под командованием Морозенко с мая 1944 г. и имел псевдоним САТ. В своих показаниях И. Сидор приводит некоторые сведения о своей службе:

«За невыполнение приказов сотенного Морозенко будут давать «букив», т.е. быть палкой от 5 до 25 ударов. За сон на посту – 1 раз палки, 2-й раз смертная казнь, за дезертирство смертная казнь. Я убежал на 5-й день. Структура отряда такова, рой – 12 человек, рои сведены в четы, в каждую чету по 3 роя» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41399 (63380), л. 3, 6, 9–10].

Под кличкой «Ячуха» состоял в УПА житель села Затылье (Затыла) Люблинского воеводства Владимир Григорьевич Путько, 1904 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41628 (63818), л. 3]. Помимо Путько в УПА состояли еще несколько жителей данного населенного пункта, впоследствии интернированных и осужденных.

В Украинском национальном объединении (УНО) состоял грузчик мельницы в польском городе Кутно Иван Иосифович Бережный (Бережной), 1901 г. р. В постановлении о предъявлении обвинения от 19 июня 1947 г. утверждается следующее:

«Являясь членом УНО, Бережный являлся заведующим библиотекой «Чуртка» в городе Кутно и принимал активное участие в распространении националистической антисоветской литературы, тем самым вел агитацию за отделение от Советского Союза Украины и превращение ее в самостоятельное государство» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38332 (57213), л. 18].

Слесарь из города Бельск (Польша) Михаил Федорович Беш объяснил следователю причину вступления в УНО следующим образом:

«Я вступил в 1940 г., т. к. не члены УНО не могли получить карточки для получения продуктов питания и одежды, а я в этом нуждался, посещал собрания УНО 4–5 раз в месяц, платил членские взносы 1 марку в месяц».

Для вступления в УНО необходимо было предоставить две специальные анкеты, две фотографии и побеседовать с головой организации [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49022 (78087), л. 8 об., 9, 12 об., 13].

Редкий документ о деятельности филиала УНО в Лицманштадте (Лодзи) сохранился в деле бухгалтера магазина в Лодзи Василия Яковлевича Кривошеи. Главная управа Украинского национального объединения в Берлине 6 декабря 1941 г. утвердила состав филиала УНО в Лицманштадте. Руководитель – Григорий Бобкив, члены – Степан Дицьо, Дмитро Легкун, Иван Мацюрак, Ярослав Кужиль, Олекса Овчарчин, Володимир Мельник, Героним Билиньский, Мария Бабий и Василь Кривошия [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 32568 (45550), л. 33].

В деле Владимира Ивановича Вороны, урядника Комитета по делам беженцев в г. Лодзь сохранилось письмо от 3 октября 1941 г. за подписью доктора Осипа Фондака, одного из руководителей Украинской Громады в Германии. Письмо сопровождало членский билет для Марии Дулевич и напоминало об основных обязанностях каждого члена Украинской Громады.

«Каждый член должен вести себя везде как характерный человек (быть примером) и сознательный украинец «як характерна людина та свідомий українець». Каждый член должен точно платить установленные членские взносы и должен читать свою украинскую прессу. Точно и добросовестно исполнять все приказы Главного Провода, быть послушным и покорным...» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37942 (56423), л. 33–34].

Члены украинских националистических и военизированных организаций после осуждения и отбытия в основном пятилетнего заключения в исправительно-трудовых лагерях часто высылались в ссылку в отдаленные районы Красноярского края. В середине 1950-х гг., после Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ам-

нистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.» от 17 сентября 1955 г. украинские националисты, в том числе из состава интернированных граждан, стали возвращаться из мест заключения и ссылки в западные области Украинской ССР – в Львовскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую, Волынскую и Ровенскую. При задержании в 1944–1945 гг. семьи интернированных репрессиям не подвергались и после обмена населением в рамках исполнения «Соглашения между Правительством Украинской Советской Социалистической Республики и Польским Комитетом Национального освобождения об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории УССР» переселились на территорию областей западной части Украинской ССР.

Немалое число осужденных в Свердловской области интернированных попало в Польшу и Чехословакию после окончания Гражданской войны в России. Уроженец Херсона Венидикт (Венедикт) Константинович Алексеев служил до осени 1918 г. в звании поручика командиром роты 4-го Заамурского железнодорожного батальона в г. Сарны. После расформирования батальона в конце 1918 г. был мобилизован в 3-й железнодорожный батальон Украинской Рады, затем служил техником 3-го авиационного отряда армии Петлюры, попал в плен польским войскам и вывезен в Польшу. С 1925 г. В. К. Алексеев состоял членом Украинского Центрального Комитета [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41805 (64180), л. 8–9].

Из текста справки начальника оперативной группы Смерш в г. Лодзь гвардии полковника Клыкова о задержании 26 января 1945 г. жителя города Бжезины Лодзинского воеводства, шофера по профессии Ф. П. Барановского можно выяснить биографические сведения в отношении вышеупомянутого интернированного гражданина.

Федор Петрович Барановский в 1919 г. служил в 6-й петлюровской дивизии под командованием генерала Павлейко. В 1942–1944 гг. служил в рабочем батальоне немецкой армии. Агент гестапо, выдал жителей г. Бжезины Вацлава Моисевича, Мечислава Дуранского, Юзефа Понзика и др. По признанию Барановского, «Моисевич и Дуранский вели разговоры о проигрыше Гитлером войны. Я их выдал. Моисевич умер в концлагере, Дуранский был освобожден после суда» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 35955 (52363), л. 5–6].

Помимо украинцев, среди интернированных было немало и русских. Разными путями попадали они в Польшу, кто-то родился в Царстве Польском Российской империи еще до революции 1917 г., кто-то ушел с петлюровцами в годы Гражданской войны. Итог один: задержание органами Смерш и интернирование за участие в контрреволю-

ционных организациях и оказание помощи международной буржуазии (ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР).

Уроженец и житель города Лодзь Николай Васильевич Возняк, 1918 г. р. интернирован в Советский Союз в январе 1945 г. за принадлежность к организации «Русский комитет» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41232 (63044)].

Членом германского Объединения русских профессиональных союзов (Verband Russischer Berufsvereine) был белорус, житель города Лодзь, мелкий торговец Николай Васильевич Станкевич, 1911 г. р. осужденный к 7 годам ИТЛ по ст. 58-3 и 58-11 УК РСФСР за сношения с иностранным государством в контрреволюционных целях и участие в контрреволюционной организации [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41945 (64466)].

За принадлежность к контрреволюционным антисоветским организациям, таких как Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) и Национальное объединение русской молодежи (НОРМ), в Польше были задержаны несколько человек, впоследствии интернированных и направленных на Урал. Среди них уроженец Лодзи Георгий Павлович Горлов, 1913 г. р., работавший землемером в фирме «Ляутрих», брат и сестра Горские. Евгений и Лидия Горские родились в Петербурге, с 1921 г. вместе с родителями проживали в Польше, работали в лодзинском Магистрате. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49469 т. 1 (78893)].

Евгений Станиславович Горский являлся членом НОРМа с 1939 г., работал администратором клуба НОРМ [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49469 т. 1 (78893), л. 42]. Лидия Горская показала, что

«в НТСНП ее завербовал Мотор Михаил. Программа организации – уничтожить большевизм, ликвидировать советы, разогнать колхозы и землю отдать крестьянам. Улучшить бытовые условия рабочих, работающих на предприятиях. Член организации Евгений Арбенян занимался вербовкой в НТСНП в лагере для советских военнопленных» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49469 т. 1 (78893), л. 9 об., 42].

В Идеологическом воззвании НОРМ, приложенном к архивно-следственному делу, заявлены программные цели создания данной организации. «Могучая Германия обнажила свой меч против иудо-большевистской власти, уже 25 лет насилующей нашу Родину. Кровью своей хотят создать германцы новую и справедливую Европу в братской семье народов которой и нашему народу страдальцу удастся пожить человеческой жизнью, отдохнуть от многолетнего ужаса... Национальная Организация Русской Молодежи взяла на себя задачу собрать и объединить наше новое и новейшее поколение на тер-

ритории приютившей нас Велико-Германии, дать ему возможность в дружной, товарищеской семье работать над собой, подготавливать себя к подвигу служения Новой России¹...». Главной целью НОРМа ставилось сохранение русскости среди зарубежной молодежи.

В структуре НОРМа была строевая секция («ушкуйное войско») – дети, юношество и молодежь от 8 до 21 лет. Медвежата и синички – дети от 8 до 13 лет, вводимые в русскую культуру посредством игр, легкой учебы; разведчики и разведчицы от 13 до 17 лет изучали родноведение, пение, ручной труд, разведческую технику; витязи и дружинницы от 17 до 21 года – создание законченного человека, годного к строительству, борьбе и руководству. Обучение включает в себя национальную подготовку, военную теорию или скорую помощь, изучение современной России, курсы ушкуйных руководителей и т. д. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49469 т. 2 (78894), л. 99–102].

Членом национального объединения русской молодежи (НОРМ) был также бухгалтер фирмы «Шейблер и Гровман» г. Лодзь Николай Игнатьевич Кречко, 1898 г. р. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41802 (64174)].

Документы архивно-следственных дел интернированных содержат сведения об украинизации населения и о гонениях на лиц еврейской национальности. Владелец магазина из г. Горлице Краковского воеводства Иван Константинович Дутканич (Дудканич) заявил:

«До 1942 г. я был русином, но после вступления в Украинский допомоговый комитет меня переписали в комитете на украинца. Членские взносы составляли 3 злотых». Магазин И. Дутканича был открыт на деньги, взятые в долг у еврея Колбера и располагался в доме еврея, угнанного в гетто в Горлице» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41633 (63828), л. 9 – 9 об., 11].

Житель местечка Крыница повята Новы-Сонч Краковского воеводства Максим Михайлович Тылишак (Телишак) был обвинен в том, что являлся секретным агентом гестапо и выдавал польских граждан еврейской национальности, в том числе «выдал гестапо в 1942 г. жителей г. Крыница Гершт, Крыницкого Николая, Кусика Антона за то, что последние не рекомендовали польским гражданам вступать в немецкие войска СС. Занимался грабежами польских граждан в селах Махначка, Бересте и др., отбирал скот и продукты питания» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 38053 (56645), л. 46–47]. Рабочий шубной фабрики в Лодзи Андрей Лукашович Матюха обвинялся в отправке евреев в немецкое рабство [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 32718 (45869), л. 8].

Среди осужденных интернированных поляки составляли ничтожно малое количество. Ян Антони Колдонский родился в 1913 г.

¹ Разрядка документа.

в г. Гетбронт в Германии, где работал его отец. В годы Второй мировой войны жил и работал в Польше. Служил в Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании 1944 г., был ранен и находился на излечении в госпитале в предместье Варшавы, г. Прага. Интернирован в СССР 26 октября 1944 г. содержался в лагере № 531, г. Свердловск.

Колдонский был осужден 11 ноября 1946 г. к 8 лет ИТЛ по статье 58-14 УК РСФСР за контрреволюционный саботаж, заключавшийся в следующем:

«Работая 11 сентября 1946 г. в совхозе УЗТМ с умышленной целью вывел из строя силосную машину путем бросания в нее силоса с посторонними предметами, как-то: камней и корней. В результате чего силосная машина оказалась непригодной к эксплуатации» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 49181 (78389), л. 3].

В феврале 1945 г. в городе Освенциме и других населенных пунктах Краковского воеводства было арестовано 12 человек, поляков по национальности. Согласно тексту Обвинительного заключения от 26 августа 1946 г. арестованные поляки (шахтеры, торговец, кучер, учащаяся и др.) проживали в городе Освенцим и вступили в состав немецкой резидентуры. Выявляли польских партизан, коммунистов, членов польской демократической партии и выдавали в руки гестапо. Расстрел предлагалось применить к осужденным: Г. Пентонь, М. Врублевский, Э. Яник; осудить на 10 лет: Р. Беднарский, Ф. Ныдра; 5 лет: Ю. Мжигуд, П. Рысь, С. Боровский, Ю. Гурович, В. Цильна; 3 года: В. Кушпик, Г. Яник [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 31454 (43183), л. 465–470].

Приговор не был приведен в исполнение. 18 июня 1948 г. с дела был снят дубликат и направлен в ГУПВИ МВД СССР для направления его польским войскам. Согласно распоряжению № 18116 от 24 апреля 1948 г. все проходящие по делу обвиняемые были этапированы в лагерь МВД № 284 в г. Брест для передачи польским войскам и привлечения к уголовной ответственности по указанному выше дубликату следственного дела. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 31454 (43183), л. 472–473].

Обратим внимание на состав изъятых при задержании у арестованных и затем интернированных граждан видов документов.

Самыми распространенными видами документов являлись *Fremdenpass* (паспорт для иностранца без гражданства Германского Рейха) и *Kennkarte* (удостоверение личности Германского Рейха). *Kennkarte* была распространена в двух вариантах. В первом варианте на обложке удостоверения личности располагалась красная полоса из верхнего правого угла в нижний левый угол. Реже встречалось удостоверение личности *Kennkarte* (Розпізнавча карта) синего цвета с буквой U (от нем. *Ukrainer*) в правом верхнем углу на трех языках:

немцем, украинском и польском. Широкое распространение среди интернированных имело также польское удостоверение личности «довуд osobisty» (*Dowód osobisty*), польское удостоверение личности для иностранца (*Dowód tożsamości dla cudzoziemca*), регистрационная карточка с целью полицейской проверки населения на немецком и польском языках.

Среди изъятых документов имеются также пропуска на промышленные предприятия, продовольственные карточки – хлебные (*Brotkarte*), мясные (*Fleischkarte*), жировые (*Fettkarte*) и карточки на другие продукты питания.

Тюремные фотографии в делах интернированных встречаются крайне редко, причина их отсутствия в большинстве дел неизвестна.

Семейные фотографии встречаются нечасто, например, в деле жителя деревни Жегистов (Жечистов) Краковского воеводства Польши Стефана Теодоровича Семаняка (Сыманяка) сохранилось несколько фотографий, сделанных в родных местах.

С. Семаняк родился в 1913 г. в городе Пассаик, США, в 1921 г. семья вернулась в Польшу, где проживала в Краковском воеводстве. С. Семаняк (Сыманяк) был задержан 10 февраля 1945 г., интернирован и осужден 12 сентября 1947 г. по ст. 58-6 УК РСФСР за шпионаж [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41230 (63040), л. 29].

Таким образом, документы в отношении интернированных гражданских лиц из стран Западной Европы в годы Второй мировой войны содержат немало интересной информации биографического характера, сведения о структуре и деятельности политических и общественных национальных организаций и подлежат дальнейшему тщательно изучению в целях составления полноценной картины о событиях 1930–1940-х гг. на континенте.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО).

Ф. Р-1. Управление Федеральной службы безопасности по Свердловской области.

Ф. Р-161 «Спецгоспиталь № 2929 отдела по делам военнопленных и интернированных Управления Министерства Внутренних Дел СССР по Свердловской области 1945–1950 гг.».

Интернирование // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/2014763> (дата обращения: 30.08.2022).

Лики войны: по материалам Государственного архива административных органов Свердловской области : альбом. Екатеринбург: ООО ИП «Контур», 2006.

Мотревич В. П. Лагерь ГУПВИ и УЛЛП НКВД (МВД) СССР на территории Свердловской области: численность и дислокация // Архивы Урала. № 21. 2017. С. 362–373.

Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: Гум. ун-т, 2006.

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТОВ: К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ХИМИИ НА УРАЛЕ

В 2022 г. исполняется 90 лет с момента организации первых академических лабораторий в рамках Уральского филиала Академии наук СССР (УФАН СССР), научные коллективы которых проводили исследования в области органической химии и физико-химического анализа. Лаборатории стали началом в развитии сети академических научных институтов химического профиля (включающей органическую и неорганическую химию, электрохимию, металлургию, аналитическую и физическую химию и т. д.). Процесс становления институтов характеризуется широкими хронологическими рамками, многочисленными реформами и изменениями структуры, что отразилось на формировании их архивных фондов. В докладе показаны особенности формирования комплекса документальных материалов по истории развития химической науки в регионе: с момента организации централизованного хранения документов в системе УФАН СССР до настоящего времени; описана структура фондов научных организаций и представлены фонды личного происхождения известных ученых-химиков. Обозначены сложные вопросы дальнейшего формирования сложившихся архивных фондов институтов в условиях регулярного реформирования академических учреждений.

Ключевые слова: документ, архивный фонд, химия, научный институт, АН СССР, лаборатория, ученый, Уральский регион.

В 1931–1932 гг. был принят ряд решений на общесоюзном уровне об организации академических учреждений в регионах СССР, летом 1932 г. организован Уральский филиал Академии наук СССР (УФАН СССР) в г. Свердловске, первым председателем стал академик А. Е. Ферсман. Становление первых академических институтов происходило в сложных условиях при недостаточном финансировании научных исследований, нехватке научных кадров, оборудования и т. д. и растянулось на несколько лет. История научных институтов УФАН СССР началась с двух лабораторий: в металлографической лаборатории изучали железные сплавы, соли и шлаки под руководством профессора С. С. Штейнберга, общее руководство осуществляли академики Н. С. Курнаков и А. А. Байков; в лаборатории органической химии и пирогенных процессов проводили исследования углей, нефти и ее продуктов под руководством А. В. Лозового и профессора И. Я. Постовского, курировал данное направление академик Н. Д. Зе-

линский. Всего в данных лабораториях в 1933 г. работало 30 человек, из них 15 научных сотрудников. К 1936 г. в Филиале были организованы лаборатории: органической химии, физической химии (заведующий С. К. Чирков), металлургических процессов (В. П. Ремин) а также группа геологии, геохимии и географии (заведующий К. К. Матвеев) [Колосова, 2007, с. 30–53].

Истоки академической электрохимии и металлургии находились в отраслевом учреждении – Уральском физико-химическом научно-исследовательском институте (УФХНИИ), в нем работали лаборатории электрохимии (руководитель С. В. Карпачев) и кинетики и катализа (руководитель Г. И. Чуфаров). После закрытия УФХНИИ в 1936 г. лаборатория расплавленных солей (С. В. Карпачев) и группа кинетики восстановления окислов железа вошла в состав Уральского физико-технического института (УралФТИ) [Физика, 2007, с. 49].

В 1939 г. произошла реорганизация УФАИ СССР, в ходе которой с целью усиления научно-исследовательской базы лаборатории УФАИ были объединены с УралФТИ. Лаборатории химического профиля (кинетики и катализа (Г. И. Чуфаров), жидкого топлива (В. Г. Плюснин), электрохимии расплавленных солей (С. В. Карпачев), редких элементов и аналитической химии (В. С. Сырокомский) были объединены в Химическом институте под руководством доктора наук Г. И. Чуфарова. В структуре Института можно увидеть сформированные в последующие годы самостоятельные химические институты УФАИ – Уральского научного центра (УНЦ) – Уральского отделения (УрО).

Документы периода становления первых лабораторий сохранились в фонде Президиума УФАИ СССР. Представляют интерес распорядительные документы Президиума, планы и отчеты о научной деятельности исследовательских подразделений, материалы о финансировании исследований, заработной плате ученых. Небольшой объем сохранившихся документов связан с тем, что система централизованного архивного хранения документов в филиале была организована намного позже. Решение о создании Архива УФАИ СССР было принято только в январе 1951 г., а в декабре этого же года начала свою работу его Экспертная комиссия, в результате деятельности которой были приняты на хранение первые 179 дел. Часть документов периода становления Филиала находится на хранении в Архиве РАН (Москва).

На послевоенное время пришелся период регулярных преобразований в научных учреждениях Филиала. Летом 1945 г. был организован Институт химии и металлургии, в дальнейшем сформировано два независимых института: в 1955 г. Институт химии (директор – доктор химических наук В. Г. Плюснин), и в 1956 г. Институт металлургии (директор – доктор технических наук В. В. Михайлов).

В 1958 г. на базе лаборатории электрохимии Института химии организован Институт электрохимии (директор – доктор химических наук М. В. Смирнов). Дальнейшее крупное реформирование началось в период перестройки: в 1988 г. лаборатории органического профиля выделены в Отдел тонкого органического синтеза, а в 1993 г. на его базе организован Институт органической химии УрО РАН (директор – академик РАН О. Н. Чупахин). Институт химии в 1991 г. переименован в Институт химии твердого тела (директор – академик РАН Г. П. Швейкин).

Фонды академических институтов состоят из управленческой, научной документации и документов по личному составу. До академической реформы 2013 г. документами институтов УрО РАН комплектовался Научный архив УрО РАН (НА УрО РАН). В современных условиях при отсутствии координационного и методологического управления вышестоящих органов проблема сохранения научного наследия полностью лежит на руководителях отдельных институтов.

Управленческая документация включает приказы по основной деятельности, протоколы заседаний ученых советов, годовые планы и отчеты НИР, протоколы заседаний диссертационных советов и т. д. В фонде Института металлургии отложились хронологически наиболее старые управленческие документы, в нем же сосредоточены документы за 1946–1952 гг. всех будущих институтов. В фонд Института химии твердого тела за 1955–1988 гг. входят документы по истории лабораторий органического профиля. Фонд Института органического синтеза им. И. Я. Постовского является самым молодым, он представлен документами 1988–2000 гг.

Научная документация институтов включает в себя итоговые отчеты по завершенным научно-исследовательским работам (НИР), диссертации, аннотации НИР, регламенты НИР, рукописи неопубликованных работ, журналы записей экспериментов, анализов, лабораторные журналы и т. д. Хронологически описи научных документов Института металлургии и Института высокотемпературной электрохимии выходят за рамки создания институтов, что связано с более ранним формированием научных лабораторий по сравнению с организацией самостоятельного института. Научная документация предоставляет информацию по научным работам, проводимым в институтах, а также изменению приборной базы, методик исследований, формированию новых направлений исследований и научных, творческих коллективов, ставших впоследствии известными научными школами в металлургии и химии далеко за пределами Уральского региона.

Документация по личному составу однотипна и представлена в основном приказами по личному составу институтов и списками сотрудников. Для исследователей, возможно, представляют наибольший интерес отчетные документы Отдела кадров Президиумов УФАН – УНЦ – УрО, которые дают более полную картину роста и подготовки научных кадров, научных специальностях сотрудников, их социальном, половом, возрастном составе. В качестве информационных источников необходимо выделить личные дела первых директоров академических институтов и известных ученых: С. В. Карпачева, Н. В. Деменева, В. В. Михайлова, М. В. Смирнова, В. Г. Плюснина, И. Я. Постовского, В. С. Сырокомского, С. С. Спасского и др.

Особое значение в разработке вопросов формирования и развития химии как научной деятельности, ее новых направлений, методологической базы с одной стороны, и социальной значимости, роли науки в обществе, с другой, имеют фонды личного происхождения ученых-химиков. В УрО РАН активная работа по сбору документов личного происхождения ведущих ученых проводилась сотрудниками НА УрО РАН в 1990–2000-е гг. Первым фондом стал фонд Анны Кирилловны Шаровой (1900–1999), доктора технических наук, профессора, специалиста в области химии и технологии получения редких элементов [Дерябина, 2021, с. 107–111]. В дальнейшем в архив поступили материалы академика Алексея Николаевича Барабошкина (1925–1995), доктора химических наук, профессора, специалиста в области высокотемпературной электрохимии и физической химии расплавленных солевых сред, директора Института высокотемпературной электрохимии УрО РАН [ЦНБ УрО РАН, ф. 27]; Василия Григорьевича Плюснина (1902–1979), доктора химических наук, профессора, специалиста по химии нефти и химии ароматических углеводородов, организатора и директора Химического института УФАН СССР [ЦНБ УрО РАН, ф. 35].

В современных условиях в научных институтах, входящих ранее в систему РАН, появляется опыт работы с фондами личного происхождения. В ИХТТ УрО РАН продолжена работа с материалами Александра Леонидовича Ивановского (1953–2014), доктора химических наук, профессора. Обладая широчайшим кругозором и эрудицией, он стал одним из основателей нового направления в науке – компьютерного материаловедения, ориентированного на изучение и прогнозирование свойств открытых и гипотетических соединений, в том числе наноматериалов. Под его руководством выросла плеяда молодых и талантливых ученых, занимающихся моделированием электронной структуры и свойств твердых тел, сформировалась уникальная школа квантовой химии и спектроскопии на Урале [Bannikov, 2014, p. 457–466].

Особый интерес представляет комплекс документов, отложившихся в результате научной и организационной деятельности академика Геннадия Петровича Швейкина (1926–2019) – известного специалиста в области высокотемпературной неорганической химии тугоплавких соединений, организатора нового научного направления «химия твердого тела» в СССР, разработчика технологий получения новых веществ и конструкционных материалов на их основе с уникальными эксплуатационными характеристиками, а также организатора и директора ИХТТ УрО РАН [Поляков, 2021, с. 1170–1178].

Комплекс документов академических институтов, хранящихся в ЦНБ УрО РАН, а также в архивах институтов, представляет 90-летию историю академической химии в Свердловске–Екатеринбурге, включая ее долгое, полное противоречий становление, бурное развитие в 1950–1960-е гг., период «выживания» научных коллективов 1990-х гг., многочисленные академические реформы и т. д. Сегодня Екатеринбург является признанным научным центром в области химии, в котором работают Институт химии твердого тела УрО РАН, Институт металлургии УрО РАН, Институт высокотемпературной электрохимии УрО РАН, Институт органического синтеза им. И. Я. Постовского, каждый из которых является источником уникального документального наследия, которое требует бережного сохранения, изучения и возможности его использования в будущем.

Дерябина А. В., Запарий В. В. Анна Кирилловна Шарова: ученый и педагог (к 120-летию со дня рождения) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 2. С. 107–111.

Колосова Е. Н., Филатов В. В. К истории создания Уральского филиала АН СССР // Урал. геол. журнал. 2007. № 4. С. 123.

Поляков Е. В., Дерябина А. В., Бамбуров В. Г. «Это направление становится одним из перспективных в мировой науке ...». К 95-летию со дня рождения академика Г. П. Швейкина // Вестн. Рос. акад. наук. 2021. Т. 91. № 12. С. 1170–1178.

Физика металлов на Урале. История Института физики металлов в документах: 1932–2007 / под ред. В. В. Устинова. Екатеринбург, 2007.

Центральная научная библиотека Уральского отделения Российской академии наук (ЦНБ УрО РАН).

Ф. 23. Личный фонд д. т. н. А. К. Шаровой.

Ф. 35. Личный фонд д. х. н. В. Г. Плюснина.

Ф. 27. Личный фонд акад. А. Н. Барабошкина.

Bannikov V. V., Denisova T. A., Enyashin A. N. In memoriam: Alexander Ivanovskii, innovative researcher and science manager in computational materials science of advanced inorganic materials // Nanosystems: physics, chemistry, mathematics. 2014. V. 5. Issue 4. Pp. 457–466.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПЕРИОДА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) находится на хранении крупный массив документов, раскрывающий особенности развития лесной промышленности, в первую очередь его экономической истории. Особенный интерес представляет период первых советских пятилеток. Крупные фонды образуют документы лесопромышленных управлений Высшего совета народного хозяйства СССР, Народного комиссариата лесной промышленности СССР и его главных управлений, а также образованного в 1940 г. Народного комиссариата целлюлозной и бумажной промышленности союзного значения. Только малая часть материалов этих фондов введена в научный оборот. Значительный информационный потенциал этих архивных фондов обуславливает проведение большой работы по отбору документов, для чего важны знания компонентов лесной промышленности, отраслевой терминологии и системы измерений. Сложность работы с архивными фондами отрасли экономики заключается также в выявлении степени объективности содержания стенограмм совещаний, делопроизводственных документов и статистических материалов.

Ключевые слова: Российский государственный архив экономики, первые пятилетки, лесная промышленность, Наркомлес, фонды, работа с документами.

В Советском Союзе индустриализация конца 1920-х – начала 1940-х гг. стала импульсом развития многих отраслей экономики, в том числе лесной промышленности. В годы первой пятилетки была осуществлена масштабная реформа отрасли, образован самостоятельный Народный комиссариат лесной промышленности (далее – Наркомлес) союзного значения, структура которого в 1930-х – начале 1940-х гг. несколько раз менялась.

Наиболее крупный массив документов, раскрывающий особенности развития лесной промышленности, хранится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Документы отражают деятельность главных управлений ВСНХ СССР, осуществлявших лесопромышленную деятельность, Наркомлеса и его главных управлений (в 1940 г. из его состава выделился Народный комиссариат целлюлозной и бумажной промышленности СССР).

Пока только малая часть материалов этих фондов введена в научный оборот. Последние годы отмечены повышением интереса исследова-

дователей к истории лесной промышленности СССР и его регионов, обстоятельные обзоры архивных источников содержатся в ряде трудов [Воейков, 2015; Зыкин, 2022; Кулагин, 2020] и сборнике документов [Советская лесная экономика, 2005]. Вышли статьи о потенциале региональных и муниципальных архивов в деле изучения истории отрасли [Воейков, 2022; Зыкин, 2013]. В связи с этим анализ состава фондов лесной промышленности, хранящихся в РГАЭ, представляется актуальной задачей.

Наибольший интерес представляют материалы ф. 7637 (Министерство лесной промышленности СССР), относящиеся к периоду 1932–1940 гг. В комплексе документов фонда имеются протоколы, постановления коллегии Наркомлеса СССР, приказы, распоряжения народного комиссариата, доклады, материалы, справки о выполнении планов, докладные записки, стенограммы, характеризующие состояние лесопромышленного комплекса страны, проблемы отрасли, попытки и результаты их решения.

Стержневые проблемы отрасли, которые выявились при изучении материалов фонда – поиск рабочей силы и создание постоянных кадров; неудовлетворительное выполнение плановых заданий по строительству предприятий и в разных отраслях лесопромышленной деятельности. Осмыслению этих проблем способствуют стенограммы заседаний, радиоперекличек при народных комиссарах лесной промышленности, речи руководителей ведомства на собрания. Прежде всего имеются в виду В. И. Иванов и Н. М. Анцелович (руководители народного комиссариата в 1936–1937 гг. и 1938–1940 гг.) [РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 29, 30, 84, 135, 136]. Здесь сильнее всего проявляются личностные оценки, поднимаются острые вопросы (о которых не сообщалось в официальной печати), делаются попытки помочь в исправлении ситуации, однако преимущественно посредством директив, что позволяло переложить груз ответственности на главные управления, тресты и отдельные предприятия. В редких случаях фразы о состоянии дел в отрасли включают местоимение «мы» («мы с вами провалили», «мы имеем прекраснейшие успехи в лесопилении»), чаще используется «у нас».

Одно из немногих дел, которое рисует подробную картину положения в сфере заготовки древесины, связано с подготовкой в начале 1939 г. материалов к докладу в Экономическом совете при СНК СССР об итогах лесозаготовок в 1938 г. и представлено таблицами, без какого-либо анализа [Там же, д. 137]. В деле нашли отражение выполнение плановых показателей, механизация производственных процессов, привлечение сезонной рабочей силы (с разбивкой по кварталам и главным управлениям) – наиболее актуальные проблемы для второй половины 1930-х гг.

В ф. 7758 (Главное управление лесной и бумажной промышленности (Главлесбум) ВСНХ СССР) отложились материалы о текущем развитии и перспективах лесопромышленного комплекса страны в 1926–1930 гг. В этот период имел место уникальный случай – проведение конкурса проектов строительства целлюлозно-бумажных комбинатов. В Главлесбуме ВСНХ СССР в середине 1928 г. была создана комиссия Научно-технического совета бумажной промышленности. В течение полутора месяцев она должна была провести экспертизу четырех конкурирующих проектов комбинатов, предложенных региональными органами власти и трестами: Усть-Сысольского (Коми автономная область), Котласского, Камского (западнее г. Пермь) и Тавдинского [РГАЭ, ф. 7758, оп. 1, д. 85, 86].

Материалы проектов служат отражением отношения государственных и региональных органов власти, хозяйственных организаций к проблеме размещения предприятий целлюлозно-бумажной отрасли и комбинирования в лесопромышленном комплексе. Обращает на себя внимание, что все предприятия располагались в наиболее перспективных районах с точки зрения развития лесной промышленности (Европейский Север, Урал), но отдаленных от основных мест потребления целлюлозно-бумажной продукции. Ключевыми критериями экспертизы проектов являлись наличие лесных ресурсов, сплавных путей, железных дорог, рабочей силы, жилищная и продовольственная ситуация. Однако случай с Усть-Сысольским целлюлозно-бумажным комбинатом показал, что даже отсутствие железной дороги до ориентировочного района размещения предприятия не стало причиной отклонения проекта.

В ф. 7640 (Главное управление целлюлозной промышленности (Главцеллюлоза) Минбумдревпрома СССР) хранятся приказы начальника, плановая документация, материалы о выполнении плановых заданий, производственной деятельности предприятий. Большим информационным потенциалом обладают акт передачи дел по главному управлению в середине 1937 г., когда его руководителем был назначен Я. А. Балмасов, крупный хозяйственный деятель в целлюлозной отрасли, и постановление XIII Всесоюзного съезда рабочих бумажной промышленности по отчетному докладу ЦК Союза о работе за 1937–1939 гг., где обозначены наиболее острые проблемы второй половины 1930-х гг. [РГАЭ, ф. 7640, оп. 1, д. 4, 10].

В ф. 8513 (Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Минбумдревпром СССР)) сосредоточены материалы о деятельности Народного комиссариата целлюлозной и бумажной промышленности СССР, выделившегося из состава Наркомлеса в середине 1940 г., которые позволяют изучить проблемы и способы их решения в начальный период функционирования ново-

го ведомства. Неслучайно, что первое заседание коллегии народного комиссариата, состоявшееся 3 июня 1940 г., было посвящено восстановлению целлюлозно-бумажных предприятий на Карельском перешейке, а второе (спустя четыре дня) – порядку рассмотрения писем, жалоб и заявлений в ведомство [РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 1, 2]. В обоих случаях вскрываются серьезные проблемы.

Рассмотренные фонды касаются в первую очередь деятельности Наркомлеса СССР. Помимо этого, лесопромышленной деятельностью занимались другие народные комиссариаты, главные управления, промысловая кооперация, организации и учреждения. Подробную картину состояния отрасли в первой и второй пятилетках представили экономисты Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР Г. П. Чиж и В. Н. Воздвиженский [РГАЭ, ф. 399, оп. 3, д. 23–26]. Этот масштабный и уникальный труд еще нуждается в изучении.

Итак, в РГАЭ сосредоточен крупный комплекс документов, характеризующий развитие лесной промышленности в Советском Союзе, в том числе в годы первых пятилеток. Работа с ним требует знаний компонентов лесной промышленности, отраслевой терминологии и системы измерений. В главном лесопромышленном ведомстве страны (в составе ВСНХ СССР или в качестве самостоятельного народного комиссариата, а с 1940 г. – двух наркоматов) в 1930-е гг. постоянно происходили внутренние реорганизации, появлялись новые отрасли (например, целлюлозная, гидролизная, сульфитно-спиртовая). Отсюда большое число фондов, в которых раскрывается деятельность разных управлений Наркомлеса.

Работа со статистическими материалами требует учета того, что не во всех видах лесопромышленной деятельности Наркомлес являлся лидером (особенно в сфере заготовки древесины). Документы свидетельствуют, что экономисты, руководители ведомства обладали в целом подробной информацией о положении дел в отрасли (как правило, крайне тяжелом) и вряд ли имели возможность ее сильно исказить, чтобы сгладить впечатление. Стенограммы заседаний, радиопереключек, речи народных комиссаров свидетельствуют о стремлении руководства понять причины проблем в лесной промышленности (хотя и не подвергая сомнению деятельность высших партийно-государственных органов и сущность экономической системы) и указать на пути их решения. В то же время некоторые высказывания народных комиссаров демонстрируют крайне ограниченный взгляд (как вследствие концентрации народного комиссариата и главных управлений в столице, так и в силу следования партийным догмам) на положение в отрасли. В этом отношении не случайно, что лесная промышленность на протяжении 1930-х гг. характеризовалась как отсталая отрасль, а многие проблемы так и не были решены. Очевидно, что более

тщательное изучение материалов фондов РГАЭ (так же как и фондов региональных и местных архивов) будет способствовать осмыслению исторического пути советской лесной промышленности.

Воейков Е. В. История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов // Изв. Самар. науч. центра РАН. Историч. науки. 2022. Т. 4. № 1 (13). С. 32–38.

Воейков Е. В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1941 гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2015.

Зыкин И. В. Информационный потенциал муниципальных архивов для изучения истории лесопромышленного комплекса Северного Зауралья в 1930-х гг. // Диалог культур и цивилизаций : материалы XIV Всерос. с междунар. уч. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2013. С. 127–130.

Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. М.: Новый хронограф, 2022.

Кулагин О. И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2020.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Ф. 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР.

Ф. 7637. Министерство лесной промышленности СССР.

Ф. 7640. Главное управление целлюлозной промышленности (Главцеллюлоза) Минбумдревпрома СССР.

Ф. 7758. Главное управление лесной и бумажной промышленности (Главлесбум) ВСНХ СССР.

Ф. 8513 Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Минбумдревпром СССР).

Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг. : сб. док. и материалов / сост. В. Г. Макаров, А. Т. Филатова. Петрозаводск: [Б. и.], 2005.

УДК 94(470.5).084.3+930.253

И. А. Ключ

Государственный архив административных органов
Свердловской области, г. Екатеринбург

ИНОСТРАННЫЕ БОЙЦЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В докладе анализируются состав и содержание архивно-следственных дел периода 1919–1939 гг., заведенных на граждан иностранных государств, которые приняли участие в Гражданской войне на Урале в соста-

ве вооруженных формирований, вставших на защиту Советской власти. На основе автобиографий, данных анкет, протоколов допросов, а также источников личного происхождения определяется спектр возможностей, которые могут дать исследователю дела репрессированных.

Ключевые слова: Государственный архив административных органов Свердловской области, иностранные добровольцы, Гражданская война в России; Красная армия; репрессии, Урал.

Гражданская война, вспыхнувшая на территории бывшей Российской империи больше ста лет тому назад, имела множество последствий, в том числе в виде «вторичных» социалистических революций по всему миру. Проводниками коммунистических идей стали в том числе те подданные зарубежных стран, что приняли участие в Гражданской войне на Урале в рядах большевистских вооруженных формирований.

Это были подготовленные, закаленные бойцы мировой революции. Но какими путями иностранцы приходили в ряды Красной армии, Красной гвардии, ВЧК, отрядов ЧОН? Какой была их мотивация? Как складывался их боевой путь? Какой была их судьба по возвращении на родину?

Более-менее полную информацию об этом можно получить лишь из советской историографии, строившейся преимущественно на узкой источниковой базе и в условиях жесткого идеологического контроля.

Современные исследования проблемы требуют выявления новых документов. В этом смысле достаточно интересны архивно-следственные дела граждан, репрессированных по политическим мотивам в 20–40-е гг. прошлого века.

Материалы такого рода составляют значительную часть фондов Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО). Всего на хранении в архиве находится 79 141 дело, сформированное по итогам следственных действий по политическим статьям [Краткий справочник..., 2022, с. 13].

Известно, что среди тех, кто попадал под следствие, был арестован и осужден на различные виды наказания, были выходцы из зарубежных стран. Так, в 1937 г. во время следствия по обвинению в «троцкизме» умер Бела Кун, венгр по национальности. Один из лидеров Венгерской революции 1919 г., в 1918 г. он командовал интернациональной бригадой на Восточном фронте, позже занимал высокие партийные должности как на Урале, так и в Москве [Россия в Гражданской войне, 2021, с. 278].

Массовые «национальные» операции НКВД, предпринятые с целью предотвращения шпионской и диверсионной деятельности [Охо-

тин, Рогинский, 1999, с. 39], серьезно ударили по гражданам иностранного происхождения. Только в рамках «немецкой операции» было арестовано 65–67 тыс. человек [Там же, с. 62]. В немецкой, польской и других «национальных» группах репрессированных выделялись военнопленные Первой мировой войны [Там же, с. 54]. Среди них было немало бывших участников гражданской войны 1917–1922 гг. в России.

Конечно, советские граждане иностранного происхождения арестовывались и до, и после периода Большого террора. Эти дела также очень важны.

Возникает вопрос: как в массиве данных найти тех репрессированных, которые в годы Великой российской революции служили в рядах Красной армии и других силовых структур Советской России?

В ГААОСО такую фильтрацию можно провести достаточно быстро и надежно. Силами сотрудников архива создана специальная электронная поисковая база данных архивно-следственных дел фонда «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области» [Научно-справочный аппарат, 2022]. Она содержит карточки на всех подследственных, в которых указаны максимально полные установочные данные личности, включая национальность, место рождения и службу в вооруженных силах. Таким образом, в карточке есть прямое указание на службу в Красной армии того или иного гражданина и период этой службы.

Большое значение имеет дата рождения. Вероятность того, что лица – уроженцы иностранных государств, появившиеся на свет позже 1904 г., принимали участие в войне, крайне низка.

На иностранное происхождение, безусловно, указывают имя и фамилия. Однако тут может возникнуть ошибка, поскольку иностранцы, принявшие советское гражданство, часто меняли имена на русские. Часто новые советские граждане брали фамилию своих жен.

Но в целом формирование списка дел бывших иностранных подданных, проходивших службу в рядах большевистских вооруженных частей и подразделений – относительно простая задача. Куда сложнее обработать эти дела, ведь приходится просматривать тысячи листов документов.

Подобный поиск можно осуществить и по Книге памяти жертв политических репрессий, но в этом случае процесс отбора интересующих дел будет сложнее, поскольку придется опираться только на параметры места и даты рождения, национальности и имени. При этом самостоятельный утомительный просмотр многотомных изданий повышает риск пропуска важной информации.

Главная проблема в том, что в Книгу памяти вошли только лица, осужденные в период с 1926 г. [Книга памяти..., т. 1, 1999, с. 7]. Поэтому большое количество дел бывших иностранных бойцов Красной армии, освобожденных из-под ареста без предъявления обвинения или осужденных (арестованных) ранее, сразу выпадает из поля зрения.

Какие сведения могут дать исследователю материалы архивно-следственных дел? Прежде всего, это подробные анкетные данные. Немаловажно, что их можно проверить путем сопоставления различных вариантов анкет – анкеты арестованного, данных в протоколе допроса, анкеты на получение гражданства СССР.

Эта информация позволяет в самых общих чертах проследить жизненный путь подследственного, и понять каким образом он оказался в России, в каком качестве, чем занимался и служил ли в Красной армии (Красной гвардии) в годы Гражданской войны.

В проверке основных данных о человеке помогают также личные документы: паспорт, профсоюзный билет, трудовая книжка, военный билет и т. д.

Например, из дела осужденного по обвинению в антисоветской пропаганде Иосифа Францевича Веграта на основании анкеты арестованного [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 55945, л. 5 – 6 об.], анкетной части протокола допроса [Там же, л. 9 – 9 об.], паспорта [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 55947, л. 7] и военного билета [Там же, л. 7] достоверно можно установить следующие факты:

Год и место рождения: 1892 г., г. Пинкафельд, бывшая территория Австро-Венгерской империи, ныне Австрия.

Национальность: австриец (согласно анкете арестованного – немец).

Беспартийный, в ВКП(б) не состоял.

Профессия: сапожник.

Образование: начальное.

Социальное происхождение: из рабочих.

Судимости и приводы отсутствуют.

Женат.

Дети: дочь (1919 г.р.) и сын (1928 г.р.)

Родители умерли в 1921 г.

В Красной армии не служил.

В советское гражданство вступил в 1938-1939 гг.

Призывался в Австро-Венгерскую армию в г. Пинкафельд в 1914 г.

Служил в пехоте.

Примечательно, что информация о военной службе содержится в военном билете, который был выдан И. Ф. Веграту в августе 1940 г.

Таким образом, перед нами бывший военнопленный австро-венгерской армии, встретивший революцию в России и к моменту окончания Гражданской войны уже создавший семью. Хотя он и не указал, что служил в Красной (а также в Белой) армии, однако его судьба в годы междоусобной войны представляет интерес, и для более точного установления фактов биографии этого человека необходимо знакомство со следующей группой документов, что поможет уточнить некоторые причины и последствия участия иностранных граждан в Гражданской войне.

Протоколы допроса, собственноручные показания обвиняемого, автобиографии, личная переписка, показания свидетелей, материалы очных ставок, характеристики с места работы, грамоты и награжденные документы – все это дает более подробную информацию о причинах и мотивах поступков конкретного человека, его характере, убеждениях и устремлениях. Однако нужно учитывать, что следователя будут интересовать в первую очередь вопросы, связанные с тем, в чем в данный момент подозревается подсудимый. И если учесть крайнюю загруженность следователей в период массовых репрессий 1937–1938 гг., то очевидно, что обнаружить подробные сведения о событиях рубежа 1910–1920-х гг. в следственных делах удастся не так уж часто.

Тем не менее, такая информация есть. Иногда она присутствует даже в форме развернутого сюжета, охватывающего значительный промежуток времени.

В своих показаниях И. Ф. Веграт рассказывает, что сдался в плен Русской армии в мае 1915 г. в Карпатах, после чего через Львов был этапирован в лагерь в Екатеринбург. В лагере пробыл три месяца, а затем переведен в сапожную мастерскую при земской управе, где прошел обучение профессии. После Октябрьской революции работал сапожником в Губкоме. После прихода белых снова был заключен в лагерь. Через три месяца освобожден и мобилизован на тыловую должность в сапожную мастерскую при одной из частей Екатеринбургского гарнизона, располагавшейся в Гостином дворе. После возвращения красных вернулся для работы по той же специальности обратно в Губком, после чего работал сапожником в разных организациях [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 55945, л. 13 об. – 14].

Арестованный по подозрению в шпионаже в пользу немецкой разведки, румын по национальности, Василий Степанович Рожка, рассказывает на допросе о целом приключении в период своей службы в Красной гвардии. Бывший военнопленный, С. Р. Рожка встретил Октябрьскую революцию, находясь в Туринском уезде Тобольской губернии. В конце года был перевезен в лазарет г. Ишим. В начале 1918 г. добровольно вступил в ишимский красногвардейский отряд. Прослужил там около пяти месяцев. По его словам, летом 1918 г.

в рядах диверсионно-разведывательной группы в составе 20 человек он выдвинулся в тыл к белым. Перед группой была поставлена задача разорвать участок железной дороги. Однако выполнить ее не удалось. Отряд, по-видимому, был разбит. В. С. Рожка скрывался в лесу. В конце концов ему удалось пробраться обратно в Туру, где он и обосновался [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 4527, л. 10 – 10 об.].

Сюжет занимательный. Однако нужно понимать, что в ходе следствия подозреваемый склонен выставлять себя в выгодном свете. Служба в Красной гвардии – момент, безусловно имеющий положительное значение в глазах следователя НКВД. По крайней мере, так вполне мог думать допрашиваемый по обвинению в шпионаже. Тем более подтвердить или опровергнуть факт службы в красногвардейских отрядах весьма сложно из-за беспорядочной организации делопроизводства, а то и полного его отсутствия в подобных формированиях. Граждан, кто мог бы подтвердить факт службы, необходимо искать, чего следствие делать не стало. В прояснении этого вопроса могут помочь красноармейская книжка (военный билет), но в деле С. Р. Рожки такой не нашлось.

Несколько более надежны свидетельские показания, которые характеризуют подследственного. Так, вызванный на допрос по другому делу в качестве свидетеля Иван Степанович Никонов рассказал про обвиняемого в шпионаже на германскую разведку Григория Ивановича Свитальского (русин по национальности, бывший поданный Австро-Венгрии, попал в плен в Россию в 1914 г.) [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 2190, л. 24], следующее:

«Познакомился я со Свитальским, как я указал, в 1922 г. В 1922 г. после службы в Красной гвардии и Красной армии я приехал на жительство в г. Надеждинск (ныне Серов. – *прим. авт.*) и здесь узнал, что мой брат Никонов Федор Степанович, расстрелянный белыми в 1919 г. как бывший красный командир отряда, в период нахождения его здесь в Надеждинске, скрывался у Свитальского Григория Ивановича. Кажется суток 16–20. Через это обстоятельство я и познакомился в тот период времени со Свитальским».

На вопрос следователя, где арестовали краскома Ф. С. Никонова, его брат показал, что тот бы арестован не на квартире Г. И. Свитальского, а в Гаринском районе, при попытке уйти с территории, занятой белыми. Кроме того, свидетель охарактеризовал Г. И. Свитальского как честного человека, от которого никогда не слышал антисоветских разговоров [Там же, л. 19 – 19 об.].

Г. И. Свитальский также положительно характеризуется в справке с места работы [Там же, л. 41], что говорит о нем, как о вполне ло-

яльном советской власти человеку. Непосредственно в Красной армии, судя по материалам дела, Г. И. Свитальский не служил, хотя, осознанно или нет, способствовал победе красных.

Не менее интересны автобиографии. В следственных делах встречается два их основных варианта: для получения гражданства и в интересах следствия.

В деле приговоренного к высшей мере наказания за шпионаж [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 27415, л. 40–42], а позже реабилитированного Ивана Осиповича Фараго, содержится автобиография второго типа, написанная, судя по стилю изложения, собственноручно. В ней И. О. Фараго излагает свой путь в революции. Будучи военнопленным, он находился на работах в госпитале, расположенном в Спасских казармах в Москве. После Октябрьской революции сын рабочего И. О. Фараго вступил добровольно в Красную гвардию, а затем в Красную армию. Участвовал в очистке подмосковных дач от анархистов и бандитов. Занимался поимкой дезертиров. Затем его отряд был передан в подчинение Богородского УЧК для подавления восстания в одной из волостей Вятской губернии. После этого он служил в караульной роте при управлении особых формирований 3-й армии. Демобилизовался из Красной армии в 1920 г. На момент ареста работал киномехаником [Там же, л. 38–39].

Автобиография дает ценные сведения о мотивах поддержки большевиков и о том, как и в каком качестве служил в Красной армии И. О. Фараго. Его стремление к овладению техническими знаниями по новой для того времени специальности, а также то, что он выучил русский язык и мог не только изъясняться, но и писать на нем (хоть и не вполне грамотно), говорит о И. О. Фараго, как о человеке, который вполне реализовал себя в советской действительности. Однако его жизнь оборвалась в ходе немецкой «национальной» операции НКВД.

Наиболее содержательны материалы личной переписки, которые в обязательном порядке изымались при обыске и приобщались к делу в качестве вещественных доказательств. К сожалению писем, открыток и разного рода записок, написанных подследственными третьим лицам, очень мало.

Большой интерес представляют два письма за авторством командира 257-го Камышловского полка Адольфа Адамовича Ходжича. Уроженец г. Сараево, бывший военнопленный, выходец из крестьянской семьи [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 18636, л. 11] А. А. Ходжич командовал Камышловским полком с 18 марта по 25 августа 1919 г. [Там же, л. 14], на момент ареста состоял при штабе 3-й армии Восточного фронта [Там же, л. 11].

Свои письма он адресовал другому арестованному – Герману Давыдовичу Ротеннбергу, также бывшему военнопленному австро-венгерской армии, служившему помощником начальника снабжения Екатеринбургского укрепрайона [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 25780, л. 2]. А. А. Ходжич считал Г. Д. Ротеннберга своим другом. Оба они вступили в революционную борьбу еще в конце 1917 г. и разделяли идеи строительства нового общества, о чем, как писал А. А. Ходжич, неоднократно беседовали. Еще он подробно рассказывает про свой полк, о налаживании агитационной работы, о выпуске собственной газеты, о том, что горит желанием добить войска адмирала Колчака. Письмо А. А. Ходжича содержит также жесткую критику положения в тылу, где семьи красноармейцев зажимало местное начальство, не выдавая им положенного довольствия в полном объеме. Из-за этого в среде красноармейцев росло недовольство. Причем, судя по письму, страдали семьи не только рядовых бойцов, но и комсостава. А. А. Ходжич просит перед Г. Д. Ротеннбергом за свою жену, находящуюся в тяжелом положении. Вторая просьба командира Камышловского полка касается конфликта со своим комиссаром. По словам А. А. Ходжича, отношения между ними испортились после рапорта, поданного краскомом Ходжичем в военный совет 3-й армии. В нем политкомиссар был охарактеризован как человек, преследующий в службе свои личные интересы. После этого комиссар, по мнению А. А. Ходжича, начал настраивать личный состав полка против командира с целью сместить с должности. Просьба к Г. Д. Ротеннбергу заключалась в стремлении получить поддержку и сохранить должность [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 18636, л. 60 – 62 об.].

В целом мы видим достаточно откровенный рассказ о реальном положении дел в Красной армии и о внутренней мотивации самого автора письма. Стоит добавить, что схватку с комиссаром он все же проиграл.

В архивно-следственных делах достаточно часто попадают фотографии подследственных. Значительная их часть – это тюремные фотокарточки. Вторая по массовости – семейные фото и фотографии на документы. Фотопортретов периода революции и Гражданской войны, представляющих наибольший интерес, меньше всего.

Среди карточек времен Гражданской войны есть фотография бывшего штабс-капитана австро-венгерской армии Георгия Георгиевича Шмаленберга, служившего в 1919 г. помощником начальника секретного подотдела Уральской ГубЧК [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 18636, л. 7]. Он также проходил по делу Г. Д. Ротеннберга и позже, аналогично другим подозреваемым, был оправдан.

В деле И. Ф. Веграта, о котором говорилось выше, имеется паспорт с фотографией. Если датировать ее по дате выдачи паспорта, то можно заключить, что она была сделана не ранее 1939 г. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 55947, л. 7]. Кроме того, в деле имеется тюремное фото И. Ф. Веграта 1941 г.

В завершение следует отметить, что в архивно-следственных делах встречается также различные печатные издания – листовки и газеты периода Гражданской войны. И это тоже ценный ресурс, хотя работать с делами, имея целью поиск этих изданий – дело трудоемкое и крайне скромное по результатам.

Таким образом, можно признать, что следственные дела, созданные в годы политических репрессий, содержат определенный объем информации, касающейся судьбы иностранных граждан, участвовавших в Гражданской войне на территории Урала. Эта информация позволяет в первую очередь установить сам факт такого участия. Во-вторых, она дает возможность выяснить обстоятельства, при которых тот или иной иностранец оказался на территории Урала и чем он занимался до вступления в ряды вооруженных формирований красных, понять его личные мотивы, реконструировать его боевой путь и особенности службы, а также получить картину отдельных боевых эпизодов, в которых участвовали воины-интернационалисты. Также есть возможность установить дальнейшую судьбу красноармейцев-иностранцев после их демобилизации из Красной армии.

При этом не стоит игнорировать материалы о тех из иностранцев, которые дистанцировались от конфликта, предпочитая не занимать открыто какую-либо сторону. Такая позиция вовсе не означает, что в протоколах допроса или личной переписке не промелькнули интересные и полезные сведения.

Необходимо также учитывать, что результат может дать только сплошная обработка выявленных дел, которая позволит компенсировать отрывочность сведений. Поэтому работа с архивно-следственными делами предполагает владение навыками работы с массовыми источниками.

Кроме данных, непосредственно касающихся биографий красных бойцов иностранного происхождения, архивно-следственные дела содержат сведения о местах службы и партийности. Это, в свою очередь, дает возможность продолжить поиск по другим профильным архивам.

Изучение архивно-следственных дел бывших военнопленных иностранных армий, участников Гражданской войны, граждан, проживавших на территории Урала в тот период – это, кроме всего про-

чего, источник информации для интересующихся историей повседневности и микроисторией. Учитывая скудость источниковой базы по иностранному участию в Гражданской войне на Урале, имеющиеся в архиве материалы являются серьезным подспорьем в работе исследователя.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области.

Краткий справочник по фондам Государственного архива административных органов Свердловской области. Екатеринбург: ГААОСО, 2022.

Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 1–10. Екатеринбург: Упр. архивами Свердл. области, 1999–2014.

Научно-справочный аппарат // Государственный архив административных органов Свердловской области. URL: https://gaaso.ru/?page_id=188#baza (дата обращения 30.08.2022).

Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 35–74.

Россия в Гражданской войне. 1918–1922 : энциклопедия. Т. 2. И–П. М.: Полит. энциклопедия, 2021.

Справочное пособие для работы с архивным фондом Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области». Екатеринбург: ГААОСО, 2021.

УДК 94(470.54).084:66+930.253

Е. А. Лаврова
Уральский государственный
педагогический университет, г. Екатеринбург

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА Р-93 ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОУРАЛЬСКОГО ХРОМПИКОВОГО ЗАВОДА

Проведен анализ информационного потенциала фонда Р-93 Первоуральского хромпикового завода в Государственном архиве Свердловской области. Начав работу в 1915 г. как Шайтанский химический, завод пережил несколько масштабных реконструкций производства и смен собственности. В фонде на государственном хранении находятся документы за советский период истории предприятия. Они позволяют проследить различные аспекты его развития. Наибольшую ценность для исследователей представляют приказы директора, распоряжения главного инженера, техпромфинпланы, планы производства, штатные расписания, отчеты, документы по соцсоревнованию, коллективные договоры. Сделан вывод

о недостаточно репрезентативном использовании документов фонда в трех юбилейных книгах о хромпиковом заводе и нескольких обобщающих научно-популярных изданиях по истории города Первоуральска.

Ключевые слова: архивный фонд, Государственный архив Свердловской области, химическая промышленность, Первоуральский хромпиковый завод.

Первоуральский хромпиковый завод (такое наименование он получил в 1963 г.) является одним из градообразующих предприятий в четвертом по численности населения городе Свердловской области. Пущенный в 1915 г. как Шайтанский химический завод, он пережил несколько масштабных реконструкций производства и смен форм собственности.

История предприятия нашла отражение в многочисленных публикациях и опубликованных источниках [Лаврова, 2022]. Вместе с тем, она может быть существенно дополнена при комплексном использовании документов архивного фонда завода. Материалы советского периода сосредоточены в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в ф. Р-93 «Первоуральский хромпиковый завод министерства промышленности СССР», содержащий 2071 дело по истории предприятия до 1991 г. (начала его акционирования).

Первые документальные материалы по заводу были переданы на хранение в облгосархив еще в 1928 г. После этого фонд несколько раз пополнялся. Поэтому трижды дополнялась и перерабатывалась опись 1 [ГАСО, ф. Р-93, оп. 1. Предисловие, с. 6, 8].

В настоящее время опись ф. Р-93 составлена по хронологической схеме. Систематизация структурных подразделений в годовом разделе проведена в соответствии со штатным расписанием. Внутри подразделений дела систематизированы по номиналу [Там же, с. 8]. Опись имеет оглавление, перечень переименований фондообразователя и его подчиненности, предисловие, дополнение к предисловию, лист-заверитель.

По нашему мнению, наибольшую ценность для исследователей в ф. Р-93 представляют приказы и распоряжения директора, распоряжения главного инженера, техпромфинплан, планы производства, штатные расписания, отчеты, документы по соцсоревнованию, коллективные договоры.

Важен вопрос о том, насколько востребованы материалы фонда в публикациях в научно-популярных изданиях. Непосредственно по истории хромпикового завода в Первоуральске издано уже три книги. Они были написаны местными краеведами и журналистами к различным юбилейным датам (50, 95 и 100-летию предприятия). Кроме того,

история завода нашла краткое отражение и в общих изданиях по истории Первоуральска.

Юбилейный очерк уральского писателя А. С. Яковлева «Оранжевый кристалл» написан преимущественно по воспоминаниям работников завода. В книге отсутствуют ссылки на источники информации. Похоже, что ее автор не был знаком с материалами архивного фонда [Яковлев, 1965].

К 95-летию завода местный журналист А. А. Филатова издала новую небольшую популярную книгу по истории предприятия. В ней главное внимание было уделено характеристике руководителей и известных работников предприятия [Филатова, 2011]. Автор также не стала обращаться к материалам фонда Р-93, ограничившись многочисленными воспоминаниями работников завода и материалами его малотиражки.

Местный краевед Н. В. Акифьева подготовила книгу к столетнему юбилею завода. В ней были использованы и материалы из ГАСО, но не из фонда Р-93 [Акифьева, 2015]. Ссылки на документы этого архива есть и в книге другого местного краеведа, Ю. А. Дунаева, посвященной истории Первоуральска [Дунаев, 2014]. Но и он не обратился к материалам фонда Р-93.

Между тем, по опыту работы автора, сведения в научно-популярных книгах и опубликованных источниках не всегда соответствуют архивным данным [Лаврова, 2022, с. 258]. Например, пояснительные записки к планам развития предприятия показывают стагнацию производства уже в начале 1980-х гг. [ГАСО, ф. Р-93, оп. 1, д. 1823, 1889].

Новым исследователям еще предстоит освоить информационный потенциал фонда Первоуральского хромпикового завода, хранящегося в ГАСО. Это позволит скорректировать оценки ряда сюжетов истории предприятия.

Акифьева Н. В. История Первоуральска от Демидовых до Бергов (1732–1918 гг.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005.

Акифьева Н. В. Веки столетнего пути. Очерки истории завода «Русский хром 1915». Екатеринбург: Урал. рабочий, 2015.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-93. Первоуральский хромпиковый завод.

Дунаев Ю. А. Город у границы. Первоуральск: Первоур. тип., 2004.

Лаврова Е. А. Опубликованные источники советского периода по истории Первоуральского хромпикового завода // Шаг в историческую науку : материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых Екатеринбург: УрГПУ, 2022. С. 258–260.

Филатова А. А. Гордимся прошлым, уверены в будущем. История завода в лицах. Екатеринбург: Пакрус, 2011.

Яковлев А. С. Оранжевый кристалл. Очерк о Первоуральском хромпиковом заводе. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965.

ПИСЬМА ИСТОРИКОВ ПРАВА М. Н. ЯСИНСКОГО И Г. В. ДЕМЧЕНКО В АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ СЛОВЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Статья посвящена письмам историков права М. Н. Ясинского и Г. В. Демченко их коллеге правоведа и философу Е. В. Спекторскому, хранящимся в фонде последнего в Архиве Республики Словения в Любляне. Письма относятся к концу 1920-х – началу 1940-х гг., когда все трое ученых находились в эмиграции в Югославии, преподавая в разных университетах. Письма позволяют прояснить многие аспекты их научных занятий, в том числе подробности участия в научных форумах русской эмиграции, опубликования новых работ, а также бытовые подробности жизни эмигрантов.

Ключевые слова: М. Н. Ясинский, Г. В. Демченко, Е. В. Спекторский Е. В., русская эмиграция «первой волны» в Югославии.

Изучение русской эмиграции первой волны – тема, устойчиво вызывающая интерес исследователей. Выход в свет многочисленных книг и статей, изучающих разные стороны жизни эмигрантов, привел к тому, что общая картина их жизни известна. Особенно это касается эмигрантов-«звезд»: выдающихся ученых, представителей мира политики и культуры первой величины. Между тем, «второй эшелон» эмиграции оказался затенен многочисленными яркими фигурами и известен меньше. А ведь именно на массовом фоне и выросли «звезды», о которых знают все.

Эти размышления касаются и такой сравнительно небольшой группы русских интеллектуалов как историки права. Выделение этой группы достаточно условно – историей права могли иногда заниматься (и занимались) и гражданские историки. Здесь имеются в виду ученые, защитившие в дореволюционной России диссертации на историко-правовые темы по юридическим наукам и оказавшие затем в эмиграции. Несколько представителей этой когорты оказались в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Несомненным лидером среди них был доктор государственного права Ф. В. Тарановский, ставший профессором Белградского университета [Михальченко, 2019]. В эмиграции его творчество

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00024.

получило особое развитие, он опубликовал ряд важных изданий по истории права южных славян, был избран в Сербскую Королевскую Академию наук. Наряду с ним в КСХС оказались в эмиграции еще два историка права – магистры уголовного права М. Н. Ясинский и Г. В. Демченко. Оба они до революции преподавали в Университете св. Владимира в Киеве, принадлежали (как и Тарановский) к школе западно-русского права. Ясинский занял кафедру в Люблянском университете в словенской части КСХС [Brglez, Seljak, 2007, s. 22–25], а Демченко – на филиальном Юридическом факультете Белградского университета в Суботице в северной Воеводине на границе с Венгрией [Kuntić, 2016, s. 47].

Важным источником их биографий являются письма ученых их коллеге, бывшему ректору университета, где они работали до эмиграции, Е. В. Спекторскому [Михальченко, Ткаченко, 2013]. Письма хранятся в фонде Спекторского в Архиве Республики Словения в Любляне. Это десять писем и открыток Демченко за 1934–1940 гг. [ARS. SI AS 1901/I/24] и три письма Ясинского за 1928–1929 гг. [ARS. SI AS 1901/I/52].

Основным содержанием писем Ясинского является его работа в университете, а также участие в съезде русских ученых за границей. Ясинский преподавал историю права в Любляне с 1920 г. до выхода на пенсию по достижении им 65-летнего возраста весной 1928 г. К тому времени он был переведен из контрактualных профессоров (т. е. почасовиков) в ординарные (штатные) и стал тем самым югославским чиновником. 25 мая 1928 г. Ясинский писал Спекторскому в Белград: «Как Вы, вероятно, знаете уже, указом 11 мая я, проф. Лапинский и еще три ординарных профессора серба и хорвата на основе 141 ст. Чиновнического закона (за достижением 65-летнего возраста) уволены в отставку с правом на пенсию «према годинама службе» [по годам службы. – С. М.] как чиновники 2 группы I категории» [ARS. SI AS 1901/I/52]. Ясинский далее сетовал, что он еще полон сил и готов работать и преподавателем, и «научно». (Еще 28 февраля того же года в другом письме Спекторскому Ясинский отмечал: «работать еще могу и еще не утратил вкуса к научной работе. Имею в запасе немало тем для новых работ. Но... трудно нынче печататься...» [ARS. SI AS 1901/I/52]). Факультет, также заинтересованный в сохранении квалифицированного преподавателя, вновь оформил Ясинского как контрактualного профессора. В этом качестве (с перерывами) Ясинский проработал до 1933 г.

В научном плане основные усилия Ясинский направил на изучение доступных средневековых правовых документов южных славян – Каставского и Вепринацкого статуты, а также правовых докумен-

тов Дубровника. Результаты исследований статуты были обобщены в исследовании «Из истории Каставского статута», представленном на IV Съезде русских академических организаций за границей в Белграде в 1928 г. [Труды..., 1929, с. 175–194] Первоначально Ясинский не был включен в состав делегации от Люблянского отделения Общества русских ученых в КСХС. Однако, как следует из его письма от 10 сентября 1928 г. Е. В. Спекторскому (который был председателем Общества), участник съезда от Суботицкого отделения Г. В. Демченко отказался принимать участие в съезде в связи с состоянием здоровья и тем самым «одно из мест делегатов съезда от Общества русских ученых от Кор. СХС сделалось вакантным» [ARS. SI AS 1901/I/52].

Поскольку Ясинский был при составлении первоначальных списков зачислен кандидатом в участники съезда и к тому же Люблянское отделение «по числу членов имеет право не на одного, а на два представителя», Ясинский обратился с просьбой быть зачисленным на освободившееся место вместо Г. В. Демченко и в результате принял участие в съезде.

Второй адресат Спекторского, также бывший коллега по Киевскому университету, Г. В. Демченко проработал в Суботице практически все время существования там Юридического факультета, одно время был даже его деканом [Симић, 1998, s. 131]. Письма к Спекторскому относятся, однако, ко времени, когда активная преподавательская (не говоря уже об административной) деятельность Демченко сократилась, стали одолевать хвори. Поэтому содержание писем распадается на две, практически равные, части: с одной стороны, рассказ о собственных научных и учебных занятиях и отклики на научную деятельность Спекторского и, с другой, – рассказ о собственном состоянии здоровья, лечении различных болезней и семейные новости.

Большой интерес, понятно, представляют его размышления о собственных научных занятиях. Дело в том, что в эмиграции Демченко отошел от историко-правовой тематики, что было вызвано как интересами читавшихся им курсов, так и оторванностью от источников по истории Великого княжества Литовского, которой он занимался. Поэтому его научные работы 1920–1930-х гг. были посвящены теории, а не истории права. 20 июля 1934 г. Демченко писал в письме, что его «теперь больше интересует вопрос о методах» и ссылался на статью Спекторского о конструктивном методе [ARS. SI AS 1901/I/24].

Через пять лет, 29 марта 1939 г. он, благодаря за присылку Спекторским очередной «словенской статьи», отмечал: «В последних работах Вы касаетесь вопросов, которые и меня в данный момент близко интересуют... Собираюсь 19.IV прочесть в Русском Институте доклад о природе юридических императивов (ограничиваясь вопросами их

логической и аксиологической природы, так как для времени, отводимого докладу, и этого много)» [ARS. SI AS 1901/I/24].

Доклад Демченко был затем напечатан в Записках Русского научного института в Белграде, о чем он сообщил Спекторскому 2 января 1940 г. Из этого же письма выясняется, что Демченко работает над книгой «Гносеология права» и напечатанный текст одновременно воспринимается им как глава из будущей книги [ARS. SI AS 1901/I/24]. Возможно, текст другой главы, «на тему об “Идеальных основах права”» («вопрос совсем специальный, м. б., интересный для нас с Вами, но не для публики», как отмечал Демченко в письме от 8 июля 1939 г.), был с ним на отдыхе летом 1939 г. На предложение Спекторского прочесть на ее основе лекцию в Любляне Демченко отметил скептическим отказом («Боюсь только, что не застану ни Вас, ни других коллег. Ведь это самый разгар каникул и общего разъезда. Поэтому едва ли уместно делать какой-нибудь доклад») [ARS. SI AS 1901/I/24].

Последнее из сохранившихся писем Демченко относится к 3 декабря 1940 г. Демченко собирался в конце декабря приехать в Белград, чтобы послушать доклады Спекторского в Русском Научном институте [ARS. SI AS 1901/I/24].

Еще одной темой, поднимающейся в письмах Демченко, было празднование столетия Университета св. Владимира. Демченко живо откликнулся на призыв Спекторского как фактического организатора юбилея отметить 100-летие основания их общего бывшего места работы. 8 августа 1934 г. Демченко писал: «Конечно, я с удовольствием приму участие в издании, посвященном Университету Св. Владимира: готов помочь и делом, и деньгами. Кому, когда и сколько нужно выслать? Этот вопрос задает мне сын, для которого наш университет – тоже *alma mater*» [ARS. SI AS 1901/I/24]. 19 августа 1934 г. он извещал адресата, что в конце августа, когда его сын, известный математик В. Г. Демченко будет в Любляне, он передаст Спекторскому 200 динар на издание «книжки об университете». Если же не застанет того в Любляне, то оставит Ал. Д. Билимовичу (профессор-экономист Люблянского университета, в прошлом также профессор Киевского) или М. Н. Ясинскому [ARS. SI AS 1901/I/24].

Таким образом, представляется, что письма историков и правоведов М. Н. Ясинского и Г. В. Демченко их коллеге Е. В. Спекторскому содержат достаточно важную информацию об их научной работе по истории и теории права, об участии в форумах русской эмиграции, а также бытовые подробности. Они позволяют дополнить картину жизни эмиграции «первой волны» в Югославии в межвоенные годы.

Михальченко С. И. Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 239–248.

Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Евгений Васильевич Спекторский // Вopr. истории. 2013. № 1. С. 31–53.

Симић М. Београдски и Суботички Правни факултет. 1941–1945. Београд: Издање аутора, 1998.

Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929.

Arhiv Republike Slovenije [ARS].

Brglez A., Seljak M. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani. Ljubljana: Institut za civilizacijo in kulturo, 2007.

Kuntić K. Pravni fakultet u Subotici. 1920–1941. Subotica: Hrvatsko akademsko društvo, 2016.

УДК 94(47).063(093)

М. Н. Начапкин

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург

ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКИХ СОЛДАТ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье рассматриваются особенности повседневной жизни российских солдат во время Первой мировой войны. Предметом изучения являются их оценки войны, воспоминания о семье, довоенной жизни. Делается вывод о непопулярности войны в солдатской среде. В статье используются междисциплинарные методы анализа исторического материала.

Ключевые слова: письма, воспоминания, повседневность, прошлое, мировая война, историческая память, документ.

В XX в. Россия участвовала в двух страшных, кровопролитных для нашего отечества мировых войнах. Тема изучения повседневной жизни солдата во время этих ужасных событий, его поведения, отношения к окружающему миру в экстремальных условиях, с каждым годом приобретает все больший исследовательский интерес. В советское время цензурные ограничения не позволяли авторам публиковать свои воспоминания, дневники, письма в полном объеме. Можно привести в качестве примера воспоминания известного советского писателя Константина Симонова, которые вышли в полном объеме только в 1999 г. [Симонов, 1999]. В последнее время были изданы интересные воспоминания о Первой мировой войне. Недавно опублико-

вана книга «Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания» под редакцией Н. В. Суржиковой [Первая мировая..., 2019]. Книга содержит большое количество редких фотографий.

Тема повседневной жизни человека во время войны, его впечатлений, переживаний всегда была интересна читателям. Так заметки, посвященные солдатам Первой мировой войны, публиковал журнал «Нива». Н. В. Суржиковой было правильно отмечено, что среди документов, посвященных историческим событиям XX в., эго-документы занимают особое место. Письма, заметки, дневники, воспоминания «...дополняют факты, уточняют и опровергают детали, сохраняют многие словечки прошлого, вводят новые повороты в его интерпретацию» [Первая мировая..., 2019, с. 5]. Воспоминания о войне, написанные множеством авторов, позволяют воссоздать объективную картину исторических событий. Конечно, воспоминания конкретных участников войны, с их мыслями, чувствами и переживаниями не могут заменить никакие казенные публицисты.

Воспоминаний участников Первой мировой войны осталось немного. Это было связано с несколькими причинами: неграмотностью солдат, боязнью сохранять какие-либо документы, фотографии и награды царской России в советское время. Н. В. Суржикова полагает, что в некоторых районах Российской империи до половины призывников были неграмотными или малограмотными: «...письма солдат-крестьян – предсказуемо трудночитаемы: косноязычие, ошибки, клише, повторы, которые выдают письменную речь плохо образованных людей, которые, тем не менее, стремятся выполнить одну из важнейших обязанностей грамотного солдата – извещать близких о своей военной жизни» [Первая мировая..., 2019, с. 9].

Большой интерес для понимания солдатской психологии представляют 18 писем Максима Степановича Осиновских (1880–1914) – уроженца села Култаево Пермского уезда Пермской губернии. Выходец из крестьян, отец пяти детей, он оценивал войну как мучение. Он окончил 4-классную начальную школу, курсы духовного и светского хорового пения, возглавлял местный церковный хор. То, что он был человеком консервативных, патриархальных устоев, подтверждают его письма. Он начинает их с перечисления всех своих родных и знакомых:

«Здравствуйте! Дорогие мои родители... и дорогая жена Анна Алексеевна и милые детки: Вася, Паша, Сано, Женя, во-первых кланяюсь вам по нижайшему поклону с глубоким почтением, и даю свое заочное родительское благословение милым моим детям и цел<у>ю заочно» [Первая мировая, 2019, с. 30–31].

Для верующих людей было характерно обращение к Богу, надежда только на его помощь и заступничество:

«Но главное не тужите и не плачьте обо мне, а только молитесь Богу и ты Хресна молись за меня и Бог услышит твою молитву и я приду домой» [Там же, с. 32].

Максим Осиновских не хотел воевать, в письмах чувствуется упадок его духовных сил:

«Везут известно, как коров на бойню... больных очень много... в вагонах народу очень много и спать не приходится лежа, а сижа» [Там же].

Солдат очень скучал по своим детям, призывал жену не обижать стариков, а ребятишек не бить и не ругать, учить их добрым словом. Ему пришлось воевать в Галиции, против австрийцев.

В письме от 20 августа 1914 г, написанном под Галичем, он жаловался на тяжелые условия службы: длительные походы, отсутствие продовольствия, сильное сопротивление противника:

«...Идем пешком по Австрии... походы делают очень большие, приходится очень трудно, так что ноги все намозолили и намяли, идти не могут, но принуждают идти, даже хлещут, два дня шли голодом без чая и без хлеба, купить бы да нету, и наши деньги не берут... стрельба идет как гром, и летают по воздуху аэропланы...» [Там же, с. 38–39].

Солдат скептически оценивал ход военных действий:

«...в 4 верстах стоит город Галич и наверно нам придется положить свои головы под этим городом, так как город не велик, а укрепление сильное... Это не война нам, а мученье» [Там же, с. 39].

В письме от 28 августа 1914 г. Максим Степанович жаловался своим родным на отсутствие писем из дома:

«...я от вас не получил ни одного письма, ...а страсть как охота получить от вас письмо и узнать, что делается в России, и как воюют с Германией и ничего нам не объясняют и живем как темные люди и не знаем какой у нас день и какое число, да главное узнать как вы живете, какое здоровье у вас...» [Там же, с. 41].

Из писем видно, что солдаты не знали причин войны, не понимали ее цели. Она была непопулярной. Для простых русских людей было характерно чувство сострадания к мирным жителям Галиции, «...которые бедные с маленькими детишками скрываются в лесу, ночью холод, дождь, приедут обратно домой есть нечего, питаются только одной картошкой и без соли...» [Там же, с. 43]. Военная повседневность была суровой. Войска также терпели тяжелые бытовые неудобства:

«Страдаем из-за хлеба, сахара и табака купить негде... вместо хлеба выдают рис, крупу и картошку... спим в конюшнях, и на улице, в палатках. Очень холодно, все испростили» [Первая мировая, 2019, с. 45].

Кроме того, в войсках появилась холера. Солдаты не мылись неделями и страдали от вшей. Максим Степанович участвовал в осаде Перемышля в октябре 1914 г., был награжден Георгиевским крестом IV. Погиб 10 декабря 1914 г. У него осталось пять детей и жена Анна Алексеевна.

Другой разновидностью исторического источника являются дневники. Большой интерес представляет дневник корнета русской армии Владимира Николаевича Щеглова (1892–1914), кавалера орденов Анна, Святослава, Владимира, Святого Георгия IV. Он умер от ран 9 декабря 1915 г. во Львове. Дневник офицера сильно отличался от солдатских писем. Сказывался уровень образования, общей культуры. Офицеры могли лучше питаться, чем солдаты, покупать на свои деньги хлеб, колбасу, сыр. В освобожденных от австрийцев городах Галиции они занимали комфортабельные квартиры.

В дневнике Владимир Николаевич пишет о ходе военных действий, отсутствии четкой дисциплины, самовольных уходах офицеров с дежурства, кутежах в ресторане и карточных играх. Жалеет о том, что в августе 1914 г. проехал мимо Львова, не успев посетить этот культурный, умственный центр. В отличие от упаднического настроения у солдат, состояние духа у офицеров было удовлетворительным. В дневнике Владимир приводит пример использования австрийцами запрещенного оружия:

«20 августа 1914 г. Утром рассматривали отобранные у австрийцев их патроны. Оказывается, что они хорошим стрелкам... давали по пачке разрывных патронов DUM–DUM. Удивительные варвары, ведь после таких ран никакая медицина не поможет» [Там же, с. 112].

Таким образом, на военную повседневность российских солдат оказывали влияние следующие факторы: сословная принадлежность, образование, религиозность, климатические условия. Как свидетельствуют письма и дневники, рядовые солдаты не знали целей войны, положения на различных фронтах военных действий. Их главным желанием было выжить любой ценой и вернуться к родной семье.

Симонов К. Сто суток войны. Смоленск: «Русич», 1999.

Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н. В. Суржикова. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

АМЕРИКАНСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА «THE NEW YORK TIMES»: ПЕРЕХОД ОТ «БУМАЖНОЙ» К «ЦИФРОВОЙ» ЭПОХЕ

Исследование сосредотачивает внимание на опыте перехода от традиционного бумажного формата к цифровой версии периодического издания на примере газеты «The New York Times», которая является лидером мировой журналистики, обладает безупречной репутацией и влиянием во всем мире.

Ключевые слова: «The New York Times», печатная ежедневная газета, электронная версия газеты, мобильное приложение, информация, цифровые технологии, группа стратегического консультирования.

Американская газета «The New York Times» не нуждается в особом представлении. Признанная одним из самых уважаемых и авторитетных изданий современного печатного мира, она выходит в свет с 18 сентября 1851 г. в Нью-Йорке. Третье по тиражу в стране после «USA Today» и «The Wall Street Journal» и сороковое в мире, издание и сегодня, в век высоких информационных технологий, остается востребованным широкой аудиторией. Электронный формат и официальный веб-портал газеты позволяют выходить на международный уровень и привлекать все больше и больше читателей. Официальный сайт считается популярным новостным интернет-ресурсом с посещаемостью 30 млн человек в месяц. Долгое время, с 1896 г., слоганом газеты являлась фраза: «Все новости, достойные печати». Однако впоследствии, с появлением официального сайта, этот слоган был переделан на другой вариант: «У нас новости, на которые вы кликаете».

На сегодняшний день самыми популярными рубриками газеты стали «новости», «наука», «бизнес», «технологии», «здравоохранение», «спорт», «стиль», «колонка мнений» и др. Среди часто задаваемых параметров для поиска – «отзывы», «новости Нью-Йорка», «последние события», «путеводитель по Нью-Йорку».

Переход от «бумажной» к «цифровой» эпохе «The New York Times» переживала неоднозначно. Вот мнение редакторов:

«Из всех задач, которые ставятся перед медиа-компанией в цифровую эпоху, “производить” отличную журналистику – это самое сложное. Наш ежедневный отчет отличается своей глубиной, широтой, тонким интеллектом и привлекательностью. И именно эти установки создают

огромное преимущество перед конкурентами. В то же время мы отстаем во второй критической области: искусстве и науке получения нашей информации» [Introduction].

Процесс «цифровизации» наметился в начале 1980-х гг., когда издатели перешли к сохранению текста в электронном формате. На короткий период права на электронные статьи были переданы компании LexisNexis, однако, уже в 1994 г. вновь возвратились к владельцам газеты.

Цифровая версия газеты появилась 22 января 1996 г. вместе с запуском портала www.nytimes.com, который функционирует и по сей день. По данным официальных отчетов издательства, к марту 2005 г. было зафиксировано более 555 млн просмотров, а уже к марту 2020 г. этот показатель превысил 2,5 миллиарда! [The New York Times Company Reports, 2005; Tracy, 2020]. Сегодня электронная версия «The New York Times» располагает бесплатным онлайн-переводчиком, который позволяет читать газету на русском языке в автоматическом переводе. Для знакомства с текстом на русском языке никаких дополнительных приложений устанавливать не требуется: трансляция прессы происходит автоматически. Размещенные на официальном портале материалы позволяют сделать вывод о том, что локализованная версия газеты представлена в прекрасном переводе на русский язык и не требует дальнейшей адаптации текста. Фактически, это и есть русская версия газеты «The New York Times».

Постепенно издание обзавелось и собственными мобильными приложениями для читателей. Структура приложения организована по разделам печатного издания. Отчет о состоявшихся событиях дня готовится традиционно к вечеру. В 2008 г. «The New York Times» стала также представлена в виде приложения для iPhone, а в 2010 – для iPad. В этом же году издание запустило приложение для телефонов на базе Android. В нем есть, например, кулинарный раздел cooking.nytimes.com, который теперь оказался доступным в том числе и через приложение для iOS.

Сложные времена наступили для издания в середине 2000-х гг., когда онлайн-форматы журналов и газет стали вытеснять традиционные бумажные. Общемировая тенденция среди новостей СМИ больно ударила по «The New York Times»: резкий спад продаж и доходов от печатной рекламы привели к сокращению штата сотрудников и общих расходов на публикацию. По данным официальных ежегодных отчетов издания, с 2005 по 2017 гг. тираж печатной ежедневной газеты, выходящей по будням, сократился на 50 % до 540 тыс. экземпляров! [The New York Times Company Annual Reports...].

Все очевидней обозначилось отставание от лидеров мировых СМИ – основных конкурентов «The New York Times». В 2014 г. редакторы отмечали:

«Мы всегда заботились о том, чтобы иметь высокие охваты и влияние на аудиторию. Но с каждым днем сделать это становится все сложнее, особенно соответствовать ожиданиям в цифровую эпоху. Именно здесь наши конкуренты продвигаются намного быстрее нас. “The Washington Post” и “The Wall Street Journal” в последние месяцы предприняли агрессивные меры, чтобы переделать себя под новые потребности читателей. Look Media и Vox Media создают целые новостные отделы, специально адаптированные под цифровые технологии. Мы тоже перенимаем передовой опыт, который позволяет увеличить читательскую аудиторию» [Introduction, p. 3].

Сложившаяся ситуация вынудила владельцев издательства перейти к более активным действиям по наращиванию оборотов в интернет-пространстве. Был пересмотрен подход к платным и бесплатным материалам, представленным на официальном сайте. С одной стороны, редакция открыла доступ к архивным новостям для всех читателей начиная с 1987 г. по настоящее время, а также к комплексу архивных статей с 1851 по 1922 гг. С другой стороны, в марте 2011 г. была введена так называемая «дозированная система оплаты», ограничивающая доступ к контенту пользователям сайта, не являющимися владельцами платной подписки. Изначально бесплатный просмотр новостей сократился до 20 статей в месяц, в апреле 2012 г. – до 10, а в декабре 2017 г. – уже до 5 [Kramer, 2011; Sulzberger, 2011; Sass, 2012]. Для того, чтобы иметь возможность ознакомиться со всеми материалами, читателю предлагалось оформить платную цифровую подписку. Вынужденная мера позволила выровнять ситуацию, и уже к январю 2013 г. издательство получило больше доходов за счет подписки, чем за счет рекламы [Sullivan, 2013]. В 2017–2018 гг. был зафиксирован рост цифровой рекламы по сравнению с печатной. [Ember, 2018; Bond, 2018].

Кроме того, в 2010-е гг. командой «The New York Journal» были предприняты шаги по увеличению числа лояльных читателей:

«Наши действия: сделать задачу расширения лояльной целевой аудитории основным и неотложным пунктом нашей миссии. И это должно стать делом каждого сотрудника. Мы исследуем несколько областей, которые, по нашему мнению, могут обеспечить рост читателей: “раскрытие” (как мы упаковываем и распространяем информацию о нашем издании), “продвижение” (как мы привлекаем внимание к нашей журналистике) и “связь” (как мы создаем двусторонние отношения с читателями, которые становятся лояльной постоянной аудиторией). Как у цифровых, так и у традиционных конкурентов эти функции теперь считаются

частью обязанности новостного отдела и приобретают особый смысл» [The New York Times, 2014, p. 6].

Другим направлением для проработки стало создание группы стратегического консультирования. По мнению топ-менеджмента издательства, многие руководители новостных отделов были настолько поглощены заботами о подготовке ежедневных выпусков, что едва ли задумывались о перспективных планах. В нынешних же условиях руководящий состав должен ловко «жонглировать» печатными изданиями, веб-версиями выпусков, мобильными приложениями, информационными буклетами, спам-рассылкой, социальными сетями, «заходящими» видеороликами и др.

«The New York Times» предприняла попытку создать небольшую стратегическую группу с основной целью: консультирование и реферирование работы специалистов новостного отдела. Данная команда должна оперативно информировать руководителей отдела новостей о стратегии конкурентов, постоянно меняющихся технологиях и поведении читателей. По мнению управленцев, эта мера поможет отслеживать проекты системного окружения издательства, которые влияют на количественные показатели, поможет топ-менеджменту установить и оценить приоритеты на обозримое будущее и время от времени предпринимать глубокие социологические исследования, чтобы ответить на конкретные возникающие вопросы. [Introduction, p. 6].

В начале 2022 г. компания The New York Times Company, владеющая одноименной газетой, объявила о намерении приобрести спортивный новостной интернет-портал Athletic за 550 млн долларов. Вероятно, данная сделка позволит дополнительно привлечь молодую аудиторию, интересующуюся спортом, играми и кулинарией [Kafka, 2022].

На сегодняшнем этапе менеджеры «The New York Times» подошли к переоценке многолетнего наследия издательства:

«В приоритете становятся цифровые форматы по отношению к традиционным бумажным. Однако прибыль, которую мы извлекаем от продажи именно печатных экземпляров изданий, пока говорит нам о том, что нам еще рано прощаться с традиционным вариантом. Предстоит еще провести всестороннюю и комплексную оценку наших цифровых возможностей и спроектировать “новостной отдел будущего”» [Introduction, p. 8].

В этом году печатная версия газеты отметила 171-й, а цифровая – 26-й день рождения. Безусловно, столь солидный возраст печатного издания уже доказал свою востребованность среди широкой аудитории. И даже «цифровая» эпоха едва ли погрузит в забвение бумажную

версию газеты. Но то, что электронный формат будет идти в ногу со временем и набирать большие обороты – и в этом сомнения тоже нет.

Bond S. New York Times sees boom in online subscribers // Financial Times. London. 2018. February 8. URL: <https://www.ft.com/content/bc312102-0cee-11e8-839d-41ca06376bf2> (дата обращения: 16.08.2022).

Ember S. New York Times Co. Subscription Revenue Surpassed \$1 Billion in 2017 // The New York Times. 2018. February 8. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/business/new-york-times-company-earnings.html> (дата обращения: 30.08.2022).

Introduction // The New York Times. 2014. March 24. P. 3–9.

Kafka P. The New York Times doesn't just want more subscribers, it wants different subscribers // Vox. 2022. April 6. URL: <https://www.vox.com/recode/23011969/new-york-times-subscriber-athletic-age-peter-kafka-media-column> (дата обращения: 01.08.2022).

Kramer S. NYTimes.com Paywall Picture About to Get Much Clearer // PaidContent.org. 2011. March 17. URL: <https://web.archive.org/web/20110318175131/http://paidcontent.org/article/419-nytimes-com-paywall-picture-about-to-get-much-clearer> (дата обращения: 12.07.2022).

Sass E. 'NYT' Pay Wall Could Bring \$100M Annually // Media Daily News. 2012. March 12. URL: <https://www.mediapost.com/publications/article/169998/nyt-pay-wall-could-bring-100m-annually.html> (дата обращения: 29.08.2022).

Sullivan M. A Milestone Behind, a Mountain Ahead // The New York Times. 2013. January 19. 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/01/20/public-editor/a-milestone-behind-a-mountain-ahead.html> (дата обращения: 27.08.2022).

Sulzberger A. A Letter to Our Readers About Digital Subscriptions // The New York Times. 2011. March 17. URL: <https://www.nytimes.com/2011/03/18/opinion/18times.html> (дата обращения: 08.08.2022).

The New York Times Company Annual Reports 2005–2017. URL: https://web.archive.org/web/20170701161238/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2008NYTannual.pdf (дата обращения: 30.08.2022); URL: [https://web.archive.org/web/20160107074815/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2014/2014-Annual-Report-\(FINAL\).pdf](https://web.archive.org/web/20160107074815/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2014/2014-Annual-Report-(FINAL).pdf) (дата обращения: 30.08.2022).

The New York Times Company Reports, 2005. URL: <https://nytco.com> (дата обращения: 23.01.2012).

Tracy M. The New York Times Tops 6 Million Subscribers as Ad Revenue Plummets // The New York Times. 2020. May 6. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/06/business/media/new-york-times-earnings-subscriptions-coronavirus.html> (дата обращения: 16.07.2022).

УДК 94(470.5).084.6:37+930.253

Э. Е. Протасова
Уральский государственный
педагогический университет, г. Екатеринбург

УРАЛЬСКИЕ АРХИВЫ О ПРОБЛЕМАХ ВСЕОБУЧА В 1930-е гг.: НЕУСПЕВАЮЩИЕ УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЯ

В 1930 г. в СССР было введено всеобщее обязательное начальное обучение. Неопубликованные источники уральских архивов дают

возможность оценить результаты этой программы в уральском регионе. В статье делается упор на такие показатели всеобща, как неуспевающие ученики, «второгодничество». По официальным данным, в 1939–1940 учебном году средняя успеваемость в школах Свердловской области составила 75 %. Однако в 1930-е гг. большая часть учителей также находилась в положении «неуспевающих», так как обладала низкой квалификаций. Для определения уровня профессиональной подготовки учителей с 1936 г. в СССР были введены аттестационные комиссии. Бороться с «второгодничеством» и неуспевающими в школах пытались разными методами, в том числе применяемыми на производстве. Исторический опыт доказывает, что успеваемость в школах не может быть «стопроцентной».

Ключевые слова: уральские архивы, всеобщее обязательное начальное обучение, неуспевающие ученики, «второгодничество», аттестационные комиссии.

25 июля 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О введении всеобщего обязательного обучения» в СССР, решением ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. оно было законодательно закреплено. Результаты осуществления государственной программы оценивались отечественными историками разных поколений неоднозначно. В советской историографии основными итогами реализации программы выступала, как правило, доля охвата детей школьного возраста всеобщем. Уральский исследователь П. В. Гришанов приводит данные сводки Народного комиссариата просвещения РСФСР по 48 территориям, в том числе по областям Урала, из которой следует, что на 15 января 1940 г. 97,8 % детей в возрасте 8–11 лет сидели за партой [Гришанов, 1982, с. 86]. Такие результаты оценивались как «культурная революция». В 1990 – начале 2000-х гг. исследователи подвергли критике эти данные, посчитав цифры завышенными, а особое внимание было уделено методам осуществления преобразований в культурно-образовательной сфере, несмотря на их административно-командный характер.

Анализ качественных показателей в процессе реализации всеобща позволил выделить «болевые точки» процесса: успеваемость и неуспевающие ученики, «второгодничество», и причины этих «несовеских» явлений, которые в советской исторической науке чаще всего замалчивались исследователями, но именно они позволяют взвешенно оценивать данные официальной статистики. Сосредоточим внимание на этих вопросах.

Разнообразные источники – отчеты районных и областных отделов образования, докладные записки аттестационных комиссий в районные и областные отделения ВКП(б), стенограммы совещаний заведующих РайОНО, отчеты инспекторских проверок школ, сохра-

нившиеся в уральских архивах – дают возможность сформировать более полное представление о результативности введения всеобща в регионе и стране в 1930-е гг.

Документы свидетельствуют, что в первые годы введения всеобща успеваемость школьников не рассматривалась руководством страны как серьезная задача. Главным было убедить или заставить родителей записать детей в школу. С 1933–1934 уч. г. можно говорить об усилении внимания партийно-государственного руководства страны к самому учебному процессу. Сформировалось понимание, что результатом программы должен быть не только охват детей школой, но и качество полученных знаний, позволяющее им участвовать в строительстве социализма.

С 1935 г. в школах СССР была восстановлена дореволюционная система оценивания знаний учеников: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично». С 1935 г. в школах были введены переводные и выпускные экзамены.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г. были установлены требования к экзаменам. Считалось недопустимым «натаскивание» учеников по индивидуальным вопросам. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 485, л. 20]. Основное внимание при проведении экзаменов было уделено проверке знаний по разным разделам программы. Представители горono и районо посещали проверочные мероприятия в школах, контролируя их проведение.

Итоги инспекции школ в Свердловской области весной 1935 г. констатировали, что только 5,6% учащихся обычных школ и 11,5% образцовых школ писали без ошибок [Там же, оп. 13, д. 433, л. 56]. По выборочным данным школ Свердловской области в 1936 г. успеваемость по русскому языку в начальной школе составила 80,5 %, это означало, что 20 % учеников были под угрозой остаться на повторное обучение. Успеваемость по арифметике составила 89,4 % [Там же, оп. 4, д. 485, л. 20]. В стенограмме совещания заведующих районо и работников политпросвет-учреждений по работе школ Свердловской области в 1938 г. были приведены неутешительные результаты успеваемости учащихся по ряду районов: Асбестовскому, Нижне-Сергинскому, Усинскому, Верхотурскому, Каргайскому, Частинскому, Еланскому, где она составила 52–60 % [Там же, оп. 33, д. 347, л. 6].

Характерно, что в 1937–1938 гг. наличие большого количества неуспевающих детей в школах партийно-государственные руководители объясняли последствиями «вражеской работы» педологов, которые полагали, что неуспевающие – это явление вполне закономерное и определено биологическими и социальными факторами.

В отчетах отделов образования областному комитету ВКП(б), сохранившихся в архивах, в 1939–1940 уч. г. средняя успеваемость по школам Свердловской области составила всего 75 %, в 1940–1941 уч. г. – 79 %. Успеваемость в начальных школах – 77–78 %, в неполных средних школах – 64–68 %, в средних школах – 80–90 % [Там же].

В документах представлены факты, говорящие о том, что многие учителя не имели ясного представления об организации учета проверки знаний своих учеников, что конечно влияло на показатели успеваемости. Получив в начале четверти «неудовлетворительную» («очень плохо») оценку по предмету, школьник часто не имел возможности ее исправить в течение учебной четверти. Показателен пример Баженовской неполной средней школы Еланского района, когда учительница математики Шарова за полтора месяца опросила 30 учащихся 6 класса только по одному разу, и 23 из них получили оценку «плохо». Ученики, получившие отрицательные оценки еще в середине сентября, не были опрошены до ноября месяца 1940 г. [Там же, л. 16]. Поэтому говорить об объективности оценивания качества знаний учащихся в подобной ситуации нельзя.

Но и факты, когда успеваемость в школах по отчетным документам была завышена, также были нередки. Так, по документам, предоставленным инспекторам, уровень успеваемости начальных школ Красноуральского района Свердловской области в 1938 г. составлял 90 %, а контрольное чтение учеников 3–4 классов показало, что 30 % детей даже читали очень плохо, т. е. не освоили программу 1 класса начальной школы [Там же, л. 141]. Можно предположить, что результаты успеваемости по разным причинам завышались. Это были страхи взысканий, увольнения, а также непонимание критериев оценивания.

Слабое знание программы, систематические пропуски уроков становились причинами «второгодничества». В отчете Челябинского облоно за 1935–1936 уч. г. число детей, не перешедших на следующую ступень обучения, выросло на 16,5 тыс., или 3 % по сравнению с 1934–1935 уч. годом. [ЮГАЧО, ф. 288-п, оп. 1, д. 956, л. 22]. После весенних испытаний в школах области на второй год было оставлено 42 тыс. учащихся, а после осенних – более 43 тыс., или 13 % от общего числа учащихся [Там же, оп. 2, д. 207, л. 27]. Источники свидетельствуют о случаях, когда дети обучались в начальной школе шесть – семь лет.

Вопрос о «второгодничестве» обсуждался на совещаниях и конференциях отделов образования различного уровня. Он тревожил директоров школ, учителей, работников районо и облоно. Но, как и в случае с неуспевающими учениками, это явление характеризовалось как «педологическое извращение», а для его ликвидации рекомендовалось применять методы, использовавшиеся в то время на производстве: до-

ски позора, ударничество, различные формы социалистического соревнования. И совсем авантюрным выглядит принятое 3 ноября 1936 г. на бюро обкома ВКП(б) Челябинской области решение «О ликвидации «второгодничества» в школах» [Там же, оп. 2, д. 207, л. 30].

Ситуация не изменилась и в последующие годы. В 1939–1940 уч. г. по результатам аттестации были оставлены на повторное обучение 11,4 % учащихся начальной школы, 7,1 % учащихся неполной средней школы, причем после осенних испытаний число «второгодников» только увеличилось [ОГАЧО, ф. 288-п, оп. 1, д. 956, л. 22]. Несмотря на требования, полностью устранить из школы такое явление было сложно, и в 1940 г. Наркомпрос изменил тактику, перейдя к методам планового хозяйства, предлагая ежегодно планировать процент «второгодничества»: в сельской местности 10 %, а в городе – 5 % от числа обучающихся [ГАСО, ф. 233, оп. 3, д. 1192, л. 6]. Связано это было прежде всего с выделением дополнительного финансирования. Однако итогом таких действий было снижение требований к показателям обучения.

Документы региональных архивов свидетельствуют, что в первые годы осуществления программы всеобща учителей катастрофически не хватало. В условиях дефицита учительских кадров на уровень их образования при поступлении на службу часто не обращали внимания, главным было заполнить ставки, отчитаться перед вышестоящими органами. Безграмотность учителей была исключительная, они допускали по 20–25 ошибок в письменной работе, как правило, плохо владели литературной речью, употребляли просторечия и слова с фонетическими ошибками, проявлялась и специфика уральского говора: «спячивают», «шаает», «хинкать», «годе», «пошто», «сарь», «ложит» и т.д. Особенно такие факты были характерны для сельских учителей [ЦДОСО, ф. 4, оп. 14, д. 403, л. 65].

В середине 1930-х гг. конъюнктура изменилась. В докладных записках, отчетах отделов образования, направленных для рассмотрения в обком ВКП(б), высокий процент неуспевающих учеников и «второгодничества» стали объяснять именно низкой квалификацией учителей. И учителя также попали в категорию «неуспевающих». Как правило, учитель с низкой степенью подготовки оценки завышал, а с высокой – относился к оцениванию результатов более взвешенно [Там же, оп. 36, д. 24, л. 5]. Показателен случай в Верещагинском районе Свердловской области в 1938 г., упомянутый в докладе на зимнем совещании учителей, где были соотнесены итоги успеваемости в зависимости от уровня профессиональной подготовки учителей в двух школах. Успеваемость в классах у учителей с низким образовательным уровнем составляла 95 %, а с высоким – 85 %. [ЦДОСО, ф. 4,

оп. 36, д. 24, л. 5]. Факты, когда выставляемые оценки не соответствовали действительным знаниям учеников, в документах уральских архивов встречаются часто.

Для определения уровня профессиональной компетентности учителей с 1936 г. в СССР были введены аттестационные комиссии. В Свердловской области уже с 1 июня 1936 г. работало пять комиссий. Аттестационные комиссии были новым явлением в образовательном процессе, и в первые годы их работа проходила напряженно. Часто ко времени приезда комиссии у большинства учителей отсутствовали документы об образовании, не были составлены характеристики с места их работы. Определение квалификации проходило в форме продолжительных бесед (от 20 до 40 минут). По отчетам деятельности комиссий выяснилось, что из 10 499 учителей начальных школ Свердловской области около 7 тыс. не имели даже среднего образования. По итогам работы комиссий на 15 июня 1936 г. в Свердловской области аттестацию прошли только 10 % учителей, подлежащих аттестации в первую очередь (к 1 июня) [Там же, оп. 14, д. 22, л. 20]. К званию учителя начальной школы было представлено всего 160 чел., а к званию учителя средней школы – 110 чел. К педагогической работе с требованием обязательного окончания соответствующего педагогического учебного заведения было допущено 424 чел. Освобождено от работы 82 чел., для 16 педагогов были назначены дополнительные испытания, а по 22 учителям вопрос был оставлен открытым до посещения их уроков [ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 22, л. 20].

По Челябинской области ситуация была аналогичной: из 11 489 учителей 8 031 (70 %) было признано не обладающими соответствующей подготовкой и уровнем знаний [ОГАЧО, ф. 288, оп. 1, д. 658, л. 18]. Однако, такие печальные результаты аттестационных комиссий мотивировали учителей к повышению своего образования. Так, уже в 1936 г. количество учителей начальных классов Челябинской области, повышавших свою квалификацию выросло с 2 160 до 4 977, что составило 85 % кадрового состава [Там же].

С другой стороны, компетентность состава комиссии, определявшей профессиональную пригодность учителя, не всегда вызывала доверие, если учесть, что в ее состав входили инспекторы, которые часто имели образование только в объеме начальной школы. Как следствие, от работы отстраняли учителей, получивших образование до революции 1917 г., честно отработавших по 15–20 лет в школах, и звание учителя им не присваивали [ЦДООСО, ф. 4, оп. 15, д. 486, л. 94]. Члены комиссий относились к таким профессионалам с большим недоверием. В первую очередь к учителю подходили с точки зрения его политической благонадежности. Проверяли, знает ли он «Ма-

нифест Коммунистической партии», какие произведения В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. К. Крупской являются для него настольными книгами [Там же, оп. 14, д. 403, л. 65]. Источники позволяют резюмировать, что в ходе аттестационных комиссий выявлялись «враждебные» советскому строю работники образования. В начале 1930-х гг., когда недостаток педагогических кадров ощущался наиболее остро, увольнять только по причине социального происхождения остерегались, чтобы не сорвать план всеобуча. Но во второй половине 1930-х гг. усилился контроль со стороны отделов образования и партийных органов не только над профессиональным, но и социальным составом учителей [Там же, оп. 2, д. 29, л. 35; оп. 15, д. 483, л. 46; оп. 33, д. 347, л. 41]. Учителя могли отстранить от работы не только из-за низкого уровня образования, высокого показателя неуспевающих и «второгодничества» учеников, но и социального прошлого.

Применяемые методы административного нажима на учителей не могли привести к серьезному росту успеваемости, но способствовали как неумышленной фальсификации – «по незнанию», так и желанию сознательно скрыть явные проблемы всеобуча по причине боязни взысканий, увольнения, обвинений в намерениях сорвать государственную программу. Качество успеваемости школьников зависело от организации урока учителем, использованных им методик, дидактического материала, четких критериев оценивания знаний. Однако в 1930-е гг. значительная часть учителей, как и их учеников, находилась в положении «неуспевающих», поскольку не обладала достаточной профессиональной квалификацией. Повышение учителями собственного образовательного уровня создавало условия для сокращения числа «неуспевающих» учителей, а в перспективе – неуспевающих учеников. Но надо иметь в виду, что, как показывает исторический опыт, успеваемость в школах не может быть «стопроцентной», а неуспевающие ученики – явление, сохранившееся и в современной школе.

Таким образом, более полная картина о программе всеобуча в 1930-е гг. может быть реконструирована благодаря обращению к источникам региональных архивов, которые дают понимание проблем, с которыми столкнулись местные органы просвещения в ходе ее реализации. Качественные показатели позволяют адекватно оценить результативность советской образовательной системы в этот период.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Уральский областной отдел народного образования.

Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926–1937 гг.). Челябинск, 1982.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
Ф. 288-п. Челябинский областной комитет КПСС.

Центр документации общественных организаций Свердловской области
(ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

УДК 930(47).084.6(093)

А. М. Скворцов
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

АВТОБИОГРАФИИ ИСТОРИКОВ – СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ 1930–1940-х гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

На основе значительного массива автобиографий ученых-историков, содержащихся в архивных диссертационных делах Ленинградского университета с момента восстановления ученых степеней в 1934 г. и до середины 1940-х гг., в статье выявляются особенности такого типа документации и трансформация ее составных элементов. На содержание автобиографий влияла как общественно-политическая обстановка в стране, так и процесс формирования советского научного исторического сообщества, сочетающего в себе черты традиционных для науки практик, берущих начало с дореволюционных времен, и новой действительности. Описывая свой путь в науку, автор документа транслировал сложившийся в научном сообществе образ претендента на ученую степень, акцентируя внимание на тех биографических аспектах, которые свидетельствовали о прохождении им всех необходимых для неопита ступеней «*cursus honorum*».

Ключевые слова: автобиография, соискатель, диспут, историография, науковедение, история науки, источниковедение, личное дело, ученая степень, квалификация.

С 1980-х гг. в науке происходит пересмотр традиционного взгляда на автобиографию: присущая этому источнику субъективность не представляется уже имманентной частью реальности, а авторские сообщения о самом себе понимаются как конструкт в самом широком смысле [Зарецкий, 2014, с. 35]. Такой подход настолько отдалил создателя источника от исследователя, что возник вопрос о возможности полноценного изучения жизненного пути человека и его личности через написанную этим человеком биографию. На документ стали

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

смотреть как на перекрестие различных социальных и культурных конвенций, которые формируют нарратив определенным образом: язык написания, структура текста, характеристика основных вех жизни, утаиваемая информация или выдвижение на первый план важных для писателя деталей – все это попадает в исследовательское поле. Но главным объектом внимания становится тот общественно-политический и культурный контекст, который и задает писателю структуру самопрезентации. Автобиографии составляются, как правило, не для собственного пользования. В этом контексте представляется обоснованным относить этот жанр к делопроизводственным источникам.

Опираясь на исследование Е. Д. Твердюковой, проанализировавшей несколько десятков автобиографий руководителей блокадного Ленинграда с целью выявления карьерных практик управленцев [Твердюкова, 2019, с. 118–127], определим смысловые блоки, которые в обязательном порядке содержались в жизнеописании соискателя ученой степени: социально-биографические сведения (дата и место рождения; семейное окружение; род занятий родителей; сведения о родственниках (в том числе о проживающих за границей); этапы обучения (школа (гимназия), университет); описание трудовой деятельности; информация об общественной нагрузке и партийной принадлежности; формы участия в революции 1917 г. и Гражданской войне (если имелись); сведения о научной работе. Автобиография являлась составной частью комплекса документов, которые отправлялись в ВАК для утверждения в ученой степени. В законодательстве и инструктивных письмах ВКВШ не содержится информации о параметрах и структуре *cursiculum vitae*, но обязательной была собственноручная подпись [Инструкция ВКВШ, 1938, с. 9], что повышало ответственность автора за изложенные сведения. Необходимая для чиновников биографическая информация о соискателе содержалась в другом посылаемом в ВАК документе – личном листке по учету кадров, представляющем собой формуляр, в котором максимально кратко (выделенное для ответа место ограничивалось длиной линии) следовало ответить на ряд вопросов. Личный листок, таким образом, представлял собой извлечение из автобиографии, но его формат позволял уполномоченным инстанциям быстро, не обращая внимания на излишние синтаксические конструкции, учесть нужные сведения и оценить «классовый» и «морально-этический» облик претендента на советскую научную степень. Автобиография, составлявшаяся параллельно с личным листком, давала возможность сообщить важную и ценную с точки зрения соискателя информацию, что могло повысить его шансы на успех в диспуте, ведь именно пространное жизнеописание зачитывалось ученым секретарем на заседании ученого совета.

С другой стороны, автобиография служила цели «реабилитации» себя в случае, если имелись «порочащие» факты из прошлого.

Начиналась автобиография традиционно с обозначения года и места рождения, после чего следовал важный пункт – социальное происхождение. Отмечалась сословная и профессиональная принадлежность родителей (прежде всего отца). Аспиранты и соискатели 1930-х гг., как правило, не могли похвастаться рабоче-крестьянскими корнями, поэтому этот пункт важно было оттенить дополнительной информацией. Так, например, защищавший в 1941 г. кандидатскую диссертацию по античной истории, К. П. Лампсаков был из мещан, но в автобиографии добавил, что его отец работал железнодорожным врачом ст. Новосержевской Чкаловской области. [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1552, л. 6]. Антиковед Д. П. Каллистов после слов о том, что его отец принадлежал к служащим оговорился, что в семь лет потерял родителей и воспитывался близким родственником (о социальной принадлежности которого диссертант умолчал) [Там же, д. 1322, л. 11]. Предками Г. С. Левина, выпускника аспирантуры ЛИФЛИ 1935 г. по кафедре истории Средних веков, являлись священнослужители. Но соискатель специально замечает, что в 1931 г. его отец «отрекся от сана и от религии» [Там же, д. 689, л. 2]. Отсутствие «правильного» социального происхождения могло сглаживаться пролетарским стажем самого соискателя. Тот же Д. П. Каллистов свою близость к пролетарским кругам стремится доказать путем упоминания факта окончания им механического техникума в Таганроге, что позволило ему какое-то время реализовывать себя в рабочей специальности [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1552, л. 6]. При этом опускается информация о стаже в данной трудовой области, что наталкивает на мысль о его минимальном размере. Антиковед Г. А. Стратановский родился в семье служащего, но отметил важную, по его мнению, деталь из своего прошлого: с 1918 по 1921 гг. работал в качестве контролера, а затем инспектора Рабоче-крестьянской инспекции по ревизии Петроградской коммуны [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1634, л. 6]. У С. Л. Утченко отец заведовал типографией, поэтому особенно важно было упомянуть о том, что сам соискатель в 1926–1930 гг. трудился на заводе Метприбор в качестве подручного механика [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1412, л. 5].

Неблаговидным фактом биографии считалось пребывание за границей и наличие родственников за пределами Советского Союза. Составители *curriculum vitae* с целью ограждения себя от неудобных вопросов объясняли выезды из страны или необходимостью лечения, или учебными задачами. С. Л. Утченко пошел по упоминавшемуся выше пути: подчеркивал свой пролетарский род деятельности в Германии: «В 1925 г. после смерти отца жил у его брата в Берлине

и работал в качестве ученика-наборщика в типографии» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1412, л. 5]. Причем, из текста не до конца ясной остается причина выезда за рубеж.

Другим весьма опасным для соискателей пунктом в биографии могло быть наличие судимости в виде тюремного срока или высылки за пределы крупных городов. В этом случае следовало дать дополнительные реабилитирующие сведения. Н. Н. Розенталь, пытавшийся в 1940 г. защитить докторскую диссертацию о религиозной борьбе в Римской империи IV в., за принадлежность к партии кадетов в 1935 г. был сначала арестован, а затем выслан из Ленинграда. В автобиографии он уточнил, что несмотря на это обстоятельство, «не был отстранен от научно-преподавательской деятельности» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1368, л. 10]. Диссертант подчеркивает легальность своих научных и педагогических занятий, а соответственно, и право претендовать на ученую степень. Д. П. Каллистов был арестован в 1928 г. по серьезной политической статье – за участие в студенческом философском кружке. Соискатель посчитал важным добавить к этим фактическим данным информацию о своем досрочном освобождении за ударную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала с последующим направлением на работу в московский трест «Москаналстрой», а потом и на строительство Истринской плотины [Там же, д. 1322, л. 14]. Тем самым демонстрируется полное искупление своей вины перед Советским государством. В автобиографии С. И. Ковалева, написанной в 1938 г. по случаю ходатайства о предоставлении ему ученой степени *honoris causa*, после слов о неподходящем социальном происхождении (отец – управляющий имением) говорится о том, что соискатель «вышел» из 8 класса Уфимской классической гимназии, «захваченный революционной деятельностью» [Там же, д. 640, л. 12]. Такими строками демонстрируется присущая претенденту на ученую степень жертвенность ради идеи революции, характерная для старых большевиков.

Упоминания заслуживали имевшиеся случаи гонения со стороны царского правительства, что создавало вокруг угнетаемых ореол борцов за свои интересы и стремления и ставило их в ряд пострадавших от рук ненавистного режима. Так, медиевист С. М. Пумпянский и антиковед С. Я. Лурье заметят, что их еврейское происхождение не давало возможности полноценно учиться в царской России и создавало препоны для получения желаемого образования, которые, впрочем, удалось преодолеть [Там же, д. 846, л. 20; д. 1775, л. 12].

Все соискатели-составители автобиографий в обязательном порядке пространно пишут о своей общественной деятельности, особенно в тех случаях, где это могло оттенить «изъяны» жизненного

пути. Так, К. П. Лампсаков был пропагандистом комсомольской ячейки, членом профкома ЛИФЛИ; в 1940–1941 гг. ему было поручено шефство над Карельским университетом [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1552, л. 6 об.]. С. И. Ковалев подробно останавливается на своей революционной деятельности: в 1917 г. принимал участие в Февральской и Октябрьской революциях вместе с Первым пехотным западным полком; работал по политпросветительской части в политуправлении Петроградского военного округа [Там же, д. 640, л. 12]. Д. П. Каллистов читал отдельные лекции по истории военного дела в частях Красной армии и флота, вел кружок греческого языка с группой сотрудников ИИМК [Там же, д. 1322, л. 14]. Медиевист Б. Я. Рамм трудился на общественных началах лектором при Ленинградском ЛООНО, читал лекции массово-пропагандистского характера в рабочих клубах, на предприятиях, вел методическую работу по вопросам культурно-просветительской работы [Там же, д. 855, л. 8]. Выпускница аспирантуры ГАИМК Г. И. Мосберг в 15-летнем возрасте поехала в Сибирь с целью организации сельскохозяйственной коммуны [Там же, д. 767, л. 9].

Примеры отраженной в документах активной общественной деятельности можно было бы множить. Но ограничимся лишь обобщением: довольно часто будущие соискатели ученых степеней реализовывали себя в лекторской и пропагандистской работе. Но из документов остается неясным, насколько активной их была деятельность в данном направлении: количество прочитанных лекций или период чтения лекций чаще всего не упоминается. Но соискателям следовало продемонстрировать свою бескорыстную работу на общее благо.

Наконец, диссертантам важно было показать и свой путь в науку по линии школа – университет – аспирантура. Они обязательно фиксировали школу, которую закончили, и писали наименование университета, где получали высшее образование. Выпустившиеся из вузов после 1934 г. обозначали кафедру, по которой специализировались, что подчеркивало их профессиональную подготовленность в избранной для диссертации области знания. Те же соискатели, время обучения которых приходилось на 1920-е гг., когда отсутствовала специализация как таковая, и университеты готовили не историков, а преподавателей обществоведения, стремились отметить посещавшиеся ими (порой на факультативной основе) спецсеминары и спецкурсы, которые наиболее близко относились к теме основной исследовательской работы. Антиковед Е. А. Миллиор замечает, что «на историко-филологическом факультете занималась предметами, имеющими отношение к античности: греческой философией, греческой религией, греческой литературой, греческим языком [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 753, л. 6]. Г. А. Стратановский, защищавшийся в 1941 г., уже после неко-

второй реабилитации «старой» научной школы во второй половине 1930-х гг. посчитал важным назвать в автобиографии не только спецсеминары по чтению древних авторов, в которых принимал участие, но и своих учителей: академика С. А. Жебелева, профессоров Ф. Ф. Зелинского, И. И. Толстого, А. И. Малеина, С. Я. Лурье, а также выполненный после обучения в университете перевод Феофраста [Там же, д. 1634, л. 6].

В том случае, если от типичного пути в науку имелись отклонения, следовало их объяснить. Так, С. Л. Утченко обучался на химическом факультете ЛГУ, но в 1934 г. был принят в аспирантуру по кафедре древней истории. Соискатель специально оговаривает: по специальному разрешению Наркомпроса «был установлен 4-х годичный срок аспирантуры, с тем, чтобы на первом году обучения мною были сданы экзамены по древней, средневековой, новой истории и истории СССР, также латинский и греческий языки, что и было мною выполнено» [Там же, д. 1412, л. 5 об.]. Другими словами, соискателю важно было показать свою состоятельность как историка-антиковеда, прошедшего (хотя и частично экстерном) все необходимые этапы научного взросления. Следует заметить, что С. Л. Утченко был заметной фигурой в парткомитете ЛГУ.

Итак, автобиографии соискателей ученых степеней, хранящиеся в личных делах, служат не только выявлению и датированию основных этапов становления ученого-исследователя, но и позволяют определить представления научного сообщества о том, каким должен быть жизненный путь ученого и какие условия на этом пути необходимо выполнить неопиту. Презентация ученого в относительно кратком *cursus vitae* строилась на перекрестии двух основных дискурсов: первый исходил из традиционных (идуших с дореволюционных времен) представлений о процессе формирования научного деятеля, второй складывался из пропагандируемого советскими идеологами образа советского гражданина и ученого. Первые диссертанты подчеркивали свою принадлежность к пролетарским кругам, а также насыщенную трудовую и общественную деятельность. На рубеже 1930 – 1940-х гг. в автобиографиях заметное место стала приобретать информация о ранних научных опытах и публикациях; выявляется тенденция демонстрировать свою преемственность с дореволюционными традициями, например, через перечисление своих учителей.

Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: Важные обобщения // Субъект и культура. СПб.: Алетей, 2014.

Инструкция ВКВШ о порядке применения постановления СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях» // Сб. приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1937, № 5. С. 8–13.

Твердюкова Е. Д. Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда // Петерб. ист. журнал. 2019. № 3(23). С. 117–129.

Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

УДК 930(47).083+94(3)

О. А. Теуш
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«УЧЕБНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АТЛАС» БАРОНА Н. Н. ТОРНАУ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье представлен анализ материалов издания 1914 г. «Учебно-го исторического атласа» барона Н. Н. Торнау. Определяется ценность пояснений составителя и содержания карт как исторических источников. Интерпретируются этнонимы и топонимы, использованные автором на картах атласа и в пояснениях к ним.

Ключевые слова: Исторический атлас; государство; семья народов; этноним; урбаноним; греческий язык.

«Учебный исторический атлас» барона Н. Н. Торнау создан как пособие для преподавания курса истории в средних учебных заведениях. Книга опубликована в 1914 г. в Петрограде в «Артистическом заведении товарищества А. Ф. Маркс». Учебное пособие допущено Ученым комитетом Министерства народного просвещения для использования преподавателями.

В предисловии автор указывает, что «цель учебного исторического атласа чисто практическая: дать пособие, приуроченное к курсу истории в средних учебных заведениях и к потребностям учеников этих заведений»¹ [Учебный исторический атлас, с. 3].

Атлас снабжен разделом объяснений. Пояснения составителя даются к каждой карте. При комментировании карты 1 «Этнографическая карта древнего мира» Н. Н. Торнау приводит сведения о семьях народов, из которых указывает арийскую (индо-европейскую или индо-германскую) и семитическую. Термин арийский не используется в современной научной практике. По происхождению прилагательное арийский производно от арийцы – «условное название народов, говоривших на языке восточной группы индоевропейских языков» [Сло-

¹ Здесь и далее источник цитируется с применением норм современной орфографии.

варь современного русского литературного языка, т. 1, с. 182]. Впервые в российских источниках прилагательное использовано в 1862 г. По происхождению этноним арие́ц интерпретируют из санскр. *aryia*, перс. *airja* «благородный» [Там же]. Более подробную информацию об этнониме приводит Р. А. Агеева, указывающая для *ari* значение «чужак, пришелец, иноземец», а для производного *ārya* «благосклонный к пришельцам, гостеприимный», «хозяин, человек благородного происхождения, свободный» [Агеева, 1990, с. 181]. Семитическая семья в практике современной науки чаще называется семитской по названию «группы близких по языкам народов юго-западной Азии и северной Африки, к которым относились древние вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, иудеи и некоторые другие народы, к которым принадлежат современные арабы, евреи и некоторые другие народы» – семі́ты [Толковый словарь, с. 873].

На карте 15 «Греция» показана часть Пелопоннеса, входившая в состав Ахейского союза. Название союза образовано от самоназвания греков – ахейцы, которое отразилось в хеттских источниках в топониме Аххиява, относящемся к области в Малой Азии рядом с Хеттским государством [Агеева, 1990, с. 197]. В древнегреческом языке этноним имеет форму *Ἀχαιοί* «ахейцы», поэтическое, эпическое «вообще греки» [Вейсман, 1991, с. 235]. На той же карте показана Этолия и Этолийский союз. Последние топонимы производны от греч. *ἐτής* «родич, родственник (дальний), друг», «согражданин, гражданин, частный человек» [Там же, с. 538–539].

В пояснении к карте 14 Н. Н. Торнау указывает, что эта карта «показывает окончательное распределение монархии Александра Македонского между диадохами» [Учебный исторический атлас, с. 6]. Во времена Александра Македонского диадохами (греч. *διάδοχος* «принимающий от другого что-либо; следующий за кем, сменяющий кого», «преемник, наследник» [Вейсман, 1991, с. 304]) могли быть названы ближайшие соратники знаменитого правителя.

На карте 16 изображено Парфянское государство – «держава полудиких номадов» [Учебный исторический атлас, с. 6], примыкающее к царству Селевкидов. Название этого государства производно от греч. *παρυφαίνο* «притыкать» [Вейсман, 1991, с. 960]. Номадами греки называли кочевые народы: греч. *νομάς, νομάδος* «кочующий», *οἱ νομάδες* «кочующие народы, номады» [Там же, с. 849]. Упомянутое выше царство Селевкидов получило свое имя по племенному обозначению *Σελλοί* «селлы, первоначально племя греческое, жившее в Додоне и около нее; жрецы Додонского оракула, происходившие из этого племени и отличавшиеся первобытною простотою в образе жизни; поэтому они называются не умывающими ног и спящими на земле»

[Там же, с. 1125]. В «вассальной зависимости от Селевкидов» находилась Мидия Атропатенская [Учебный исторический атлас, с. 6]. Греч. *ἀ* является отрицательной частицей, *τρόπαιος* «обращающий в бегство врагов, дающий победу» [Вейсман, 1991, с. 1258–1259]. Таким образом, Мидия названа невоюющим, мирным государством.

Мавританское царство и его границы обозначены на карте 20. Маврами называли «коренное население африканского государства Мавритании» [Толковый словарь, с. 423]. Этноним восходит к греч. *μαυρος* «темный» [Там же]. Название дано по оттенку цвета кожи представителей негроидной расы.

На той же карте указаны границы Нумидии, распространявшиеся до Киренаики [Учебный исторический атлас, с. 6]. Последнее название восходит к греч. *κεράοιν*, *κερών* «все выдающееся подобно рогу, окончность, вершина» [Вейсман, 1991, с. 702].

Из греческих городов, имевших полную внутреннюю автономию, на карте 20 указана Массилия – греч. *Μασσαλία* «город Массилия, ныне Марсель во Франции» [Там же, 782]. Урбаноним образован от греческого глагола *μάσσω* «месить» [Там же, 782]: название могло быть дано по смешанному составу населения.

Упоминаются при рассказе о границах Римской республики племена аллоброгов, которых римляне подчинили себе [Учебный исторический атлас, с. 7]. Этноним аллоброги – внешний, образован от греч. *ἄλλος* «другой» [Вейсман, 1991, с. 58] и *Βρόγρος* «приток Дуная (Сава?)» [Там же, с. 259]. Название народу дано по месту проживания.

На той же карте 20 обозначены границы Палестины, «которая с 164 г. была самостоятельным государством, попала в зависимость от римлян со времени азиатских походов Помпея (63 г.), но еще долгое время сохраняла почти полную внутреннюю автономию» [Учебный исторический атлас, с. 7]. Название страны восходит к греч. *Παλαιστίνη* [Фасмер, т. 3, с. 191], связанному с *παλαιστής* «борец» [Вейсман, 1991, с. 923].

Колонии Карфагена указаны на карте 21. Из них особым образом выделена Корсика, поскольку на острове не было финикийских городов, но карфагеняне считали остров своей собственностью. Название острову дано по племенному обозначению корси (народ, родственник иберам и говоривший на неиндоевропейском языке) [Агеева, 1990, с. 197].

Последняя карта (23) отображает завоевания императора Траяна [Учебный исторический атлас, с. 7]. Одним из них является Херсонес – греч. *Χερσόνησος*, *Χερρόνησος* – город, название которого производно от греч. *κέρσαι* – формы глагола *κείρω* «срубить, вырубать» [Вейсман, 1991, с. 703, 698]. Имя императора-завоевателя стало настолько извест-

ным, что через южных славян, ср. болг. Троян, с.-хорв. *Tròjan*, распространилось и вошло в древнерусский язык: др.-русск. *троянъ* «мифическое существо, а также языческое божество» [Фасмер, т. 4, с. 107]. На той же карте изображена страна Батавов, которая «подверглась сильной романизации, но не была прямым владением римлян» [Учебный исторический атлас, с. 7]. Название народа может быть сопоставлено с валлийским *bathu* «бить» [Фасмер, т. 1, с. 133] и интерпретировано как «бойцы», а страна Батавов соотнесена с Уэльсом.

Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Прогресс, 1991.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Ин-т русского языка, 1948–1965.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007.

Учебный исторический атлас. 77 карт по Всеобщей истории. Составил барон Н. Н. Торнау. Ч. 1. Древняя история. 15-е издание, перепечатанное с 5-го издания, допущенного Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения в качестве учебного пособия для всех средних учебных заведений Министерства. Петроград: Артистическое заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1914.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.

УДК 94(47).084.6+930.253

М. Л. Федоров
Институт мировой литературы РАН,
г. Москва

ДНЕВНИК ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕПЕТИЦИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается редкий в практике историка-исследователя тип источника — репетиционные дневники. Создаваемые без расчета на последующую исследовательскую работу, они в меньшей степени подвержены внутренней цензуре и отличаются большей объективностью. В них часто находят отражения события общественно-политической жизни страны, и дневники дают возможность исследователю услышать мгновенную реакцию рядовых граждан на эти события.

На примере архива Камерного театра А. Я. Таирова, отложившегося в РГАЛИ и содержащего значительное количество репетиционных дневников, показано, как коллектив театра откликался на важнейшие процессы в общественно-политической жизни СССР второй пол. 1930-х гг., и прежде всего на борьбу с формализмом. Обсуждение этих событий меняло характер репетиционного процесса и отражалось на сверхзадаче создаваемых в это время спектаклей.

Ключевые слова: архив, дневник театральных репетиций, Камерный театр, источниковедение, борьба с формализмом, история театра, история литературы, Демьян Бедный.

Если изучение мемуаров и дневников в качестве исторических документов давно стало в науке вполне привычным делом, и сложилась определенная методология их научного рассмотрения, то к театральным репетиционным дневникам как историческим источникам обращаются редко. Основная причина в том, что подобные дневники встречаются в театральной жизни нечасто, поскольку немногие театры ведут практику их использования.

Если раньше подобные дневники были приметой театрального процесса крупных академических театров (МХАТ, Малый, Театр армии и др.), то сегодня такая практика почти полностью исчезла даже и в этих прославленных коллективах. Исключения делаются лишь для режиссеров, считающихся выдающимися еще при жизни. Иногда подробные репетиции известных режиссеров, сопровождаемые научными комментариями, публикуются отдельными изданиями (например, дневники театральных репетиций В. Э. Мейерхольда, А. В. Эфроса [Мейерхольд репетирует, 1993; Эфрос, 2011].

Нечасто подобные дневники становятся объектом архивного хранения, исключения делают лишь для выдающихся режиссеров. Кроме того, эти документы привычно воспринимаются как черновой технический элемент театрального процесса, имеющий лишь служебное значение, и с ними в лучшем случае работают театроведы и историки сцены. Ученые-историки и филологи, как правило, не интересуются подобными источниками.

Но поскольку эти рабочие документы театрального процесса создаются без расчета на последующую исследовательскую работу с ними, они в меньшей степени подвержены внутренней цензуре и отличаются большей объективностью. В них часто находят отражения события общественно-политической жизни страны, и дневники дают возможность исследователю услышать мгновенную реакцию рядовых граждан на эти процессы.

В РГАЛИ отложились дневники репетиций легендарного Камерного театра, созданного А. Я. Таировым. Они охватывают почти полностью период существования этого театра и датированы с 15 января 1914 г. по 6 августа 1943 г.

Первые журналы отражают репетиции над спектаклями «Сакунтала», «Жизнь есть сон», «Ирландский герой». Последние – над спектаклями «Своя семья», «Небо Москвы», «Дузня». Очевидно, что эти журналы писались людьми, свято преданными театру, поскольку до-

вольно часто содержат сильные эмоциональные пометы. Так, отмечая выступления А. Я. Таирова по поводу рабочего процесса над спектаклем, в скобках почти всегда бывает указано («выступил блестяще», «это гениально» и т. д.).

Дневники с разной степенью подробности отражают преимущественно хронологический ход репетиционного процесса, указывают, кто присутствовал на репетиции, кто опоздал, кто был болен. В тексте обозначены просчеты и недостатки тех или иных мизансцен (артист не там встал, не с тем темпом двигался, не с той интонацией произносил свои монологи, вышел не из тех кулис и т. д.). Иногда указывают непредвиденные ситуации, случившиеся на сценической площадке: упали декорации, погас свет, сломалась мебель и т. д.

Журнал, охватывающий репетиционный период Камерного театра со 2 ноября 1935 г. по 30 июля 1937 г., отразил время работы коллектива над спектаклем «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного. Эта постановка вошла в историю не столько своими художественными достижениями, сколько тем фактом, что ей суждено было стать своего рода кульминацией борьбы с формализмом, развернувшейся в то время в стране. По совету всесильного на тот момент председателя Комитета по делам искусств П. М. Керженцева Таиров решает отдать на переделку Демьяну Бедному либретто «Богатыри», написанное забытым драматургом XIX в. В. Крыловым. Пролетарский поэт на основе старого либретто создал собственное произведение, в пародийном духе высмеивающее принятие Русью христианства и гротескно рисующее русских былинных богатырей.

Репетиционный журнал тщательно отражает процесс работы театра над постановкой. В журнале сохранилась запись от 5 февраля 1936 г.: «Прослушивание музыки [оперы-фарса] «Богатыри» и беседа. Слово Д. Бедного» [РГАЛИ, ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 95]. И с ближайшего понедельника 9 февраля началась ежедневная работа над будущим спектаклем.

3 марта в Камерном театре репетируют уже в костюмах и показывают эскизы декораций, а на следующий день – репетиция с оркестром, и Таиров слушает вокальные партии. Впервые в хронике постановки спектакля встречается имя режиссера.

Журнал театральных репетиций – ценный источник, позволяющий увидеть изнанку театрального процесса. Он, например, тщательно фиксирует смету расходов на постановку: стоимость мебели (8 стульев, 2 скамьи, 1 стол, 1 скамеечка) – 552 р. 66 к., слесарные работы – 307 р. 20 к.. Подробно обозначены расходы на костюмы: женские (Стрига – 344 р. 40 к., Забава 1 151 р. 90 к.); мужские (Фома 433 р. 90 к., Владимир 2 075 р. 20 к.) [Там же, ед. хр. 139].

А за стенами театра во всю мощь развертывается борьба с формализмом. В рамках этой кампании 28 января 1936 г. в «Правде» появляется редакционная статья «Сумбур вместо музыки». 6 февраля вышла статья «Балетная фальшь». Вместе они сигнализировали о новой политике партии и государства в отношении музыкального – оперного и балетного – театра. После регламентирования музыкального театра пришел черед театра драматического. Статья в «Правде» от 28 февраля касалась судьбы МХАТа-2 – он был закрыт. В начале марта в «Правде» же появилась статья под хлестким названием «О художниках-пачкунах», где беспощадной критике подверглись художники-иллюстраторы детской книги В. Лебедев, Н. Розельфельд и В. Конашевич. «Это трюкачество чистейшей воды. Это – “искусство”, основная цель которого – как можно меньше иметь общего с подлинной действительностью» [О художниках-пачкунах, 1936, с. 3].

На фоне этой кампании в Камерном театре весь 1936 г. продолжалась работа по выпуску «Богатырей». Генеральная репетиция в костюмах и гриме прошла 16 октября и длилась пять с половиной часов. Ее повторили на следующий день. На генеральных репетициях 19 и 25 октября (что особенно важно, зная последующую историю спектакля) присутствовали представители Главреперткома. 26 октября проводилась генеральная репетиция и фотосъемка спектакля, через день был прогон с публикой. Накануне премьеры с полдевятого вечера до часа ночи обсуждались замечания по спектаклю.

Премьера состоялась 29 октября, она имела определенный успех, собрала хорошую критику.

Но вскоре случился полный разгром спектакля.

На один из премьерных спектаклей пришел П. М. Керженцев. Один из участников постановки позже вспоминал:

«...Он посмотрел “Богатырей”, ничего не сказал и поспешно уехал. На другой день в воскресенье утром на спектакль, шедший уже в седьмой раз, неожиданно приехал В. М. Молотов с семьей. Семейство расположилось в директорской ложе, что примыкала непосредственно к кабинету Таирова. Кончился спектакль, зрители, как всегда, горячо его приняли. В ложе все, включая В. М. Молотова, стоя аплодировали. Со сцены мы все это видели. Затем вошел в ложу Таилов, это мы тоже наблюдали. Но о чем они разговаривали – этого, конечно, мы услышать не могли. А позднее узнали от Таирова, что Молотов похвалил спектакль: “Интересный, веселый спектакль, но я не очень уверен, что все это правильно исторически...”

А на другой день утром грянул гром! В январе – триумфальное восхваление спектакля “Оптимистическая трагедия”, а уже в ноябре того же года – беспощадная, разгромная правительственная критика.

В газете “Правда” – редакционная статья под страшным заглавием “Театр, чуждый народу”» [Хмельницкий, 2004, с. 102–103].

Таирову передали слова Молотова, сказанные им о спектакле: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!».

На следующий день Молотов созвал заседание политбюро, утвердившее проект постановления Комитета по делам искусств (КДИ) Совнаркома СССР о снятии пьесы «Богатыри» с репертуара. Несомненно, сделано это было с ведома Сталина, который, как всем было известно, не жаловал Камерный театр и, вспомнив два особенно нелюбимых им спектакля, еще в 1929 г. в ответе В. Н. Билль-Белоцерковскому назвал этот театр буржуазным:

«Вспомните “Багровый остров”, “Заговор равных” и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра» [Сталин, 1949, с. 329].

16 ноября 1936 г. в КДИ было создано Совещание театральных деятелей и работников искусств, и один из высоких чиновников еще раз напомнил режиссерам, директорам театров и актерам: «Театр представляет из себя крупнейшую политическую вышку, разрешающую крупнейшие и идеологические вопросы, и, следовательно, каждый факт приобретает исключительное политическое значение, чего очень многие из наших товарищей не учитывают, полагая, что новая постановка есть чисто эстетическое событие, имеющее значение для узкого круга людей» [РГАЛИ, ф. 962, оп. 3, ед. хр. 100, л. 6].

Для Камерного театра и лично для Таирова это не стало полной неожиданностью. Журнал репетиций отразил отклики труппы и режиссера на происходящее вокруг в то время, пока шли репетиции «Богатырей».

13, 17, 22, 26 марта и 1 апреля состоялись собрания театральных работников Москвы по вопросу о борьбе с формализмом и натурализмом.

В конце марта П. М. Керженцев с согласия Сталина и Молотова отказал Камерному театру в предполагаемой гастрольной поездке в Лондон.

А затем, 4 апреля, в театре состоялось собрание – беседа о проводимой в стране борьбе с формализмом. И председатель парткома театра артист Н. Н. Чаплыгин скажет:

«Последнее слово о “Богатырях”. Это очень интересный и увлекательный спектакль, но в нем кроется, с моей точки зрения, опасность. Тов. Керженцев говорил в своей речи <...> о том большом и важном, что дает народное творчество, что опора развития нашего искусства должна лежать в народных корнях <...> Поэтому перед нами встает вопрос очень серьезно в отношении “Богатырей”, чтобы историческая тема из

очень далекой эпохи Владимира не преподносилась зрителю, как вампукисто-пародийная вещь, чтобы здесь на почве крещения из-за пьянства Владимира не получилось смещение исторической правды. Показывается в пьесе, что крещение произошло потому, что Владимир был пьян. Вероятно, были экономические причины, которые вызвали крещение.

<...>

Потом мне кажется, что в “Богатырях” есть еще один момент. Это то, что народ, как таковой, представлен Фомой. Это разбойник. Предположим, что будет в дальнейшем Пугачев, Степан Разин и т. д. и т. д. Но мне кажется, что было бы очень желательно ввести элементы взаимоотношения народа и богатырей, народа и Владимира, народа и князей. Вот это, может быть, Александр Яковлевич введет пантомимически. Но это, по-моему, очень правильно, чтобы Фома являлся выразителем образа, который освобождается из-под гнета, который существует у народа. Дело в том, что это оперетта, это фарс. Мне кажется, что к оперетте нельзя так подходить. Надо ставить ее на правильной основе. В чем она заключается? В том, чтобы историчность этой вещи сделать более правдивой, тогда она зазвучит более полнокровно» [РГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 135, л. 43–45].

Режиссер Л. Л. Лукьянов на этой дискуссии заметил:

«Нам придется очень крепко задуматься над каждым спектаклем, который мы играем сегодня, завтра и т.д. <...> Ведь наше существование как театра может быть в один прекрасный день поставлено на карту, то есть мы можем фактически остаться без театра. Это очень серьезная вещь. Так, в таком положении оказался один коллектив, как вы знаете, и не только один, а несколько коллективов. А один, очень большой коллектив – 2-й МХАТ, он показывает для нас пример. Что случилось со 2-м МХАТом? Он играл плохие спектакли. Вот и все. Это главная причина, почему он был закрыт <...>

У нас нет настоящего чувства коллектива, в этом отчасти виноват Александр Яковлевич. <...> То есть крупная личность Александра Яковлевича, его большая воля, энергия сделала нас безвольными» [Там же, л. 54–55].

В своей речи, на фоне ужесточения политики партии, Таиров дал понять коллективу, что театру ничего не угрожает. Главный аргумент – к театру благоволят чиновники самого высокого ранга: Л. М. Каганович, его заместитель секретарь крайкома Лаврентьев, К. Е. Ворошилов и другие, которые, по словам режиссера, в дружеской беседе с ним много помогали театру.

После закрытия спектакля коллектив театра также собрался обсудить произошедшее: с 21 по 23 ноября проходило итоговое, «разгромное» общее собрание всей труппы, на котором председатель собрания, все тот же Чаплыгин, между прочим один из учеников

Таирова и ведущий артист труппы, повторив статью «Правды» от 20 ноября, снова перечислил все снятые, идеологически невыдержанные спектакли Камерного театра. Вспомнил он даже попугая в спектакле «Багровый остров», который, сидя в клетке, кричал «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Этот пролетарский лозунг не раз давал Таирову повод для смелых театральных импровизаций. В «Богатырях» появится реплика: «Лапотники всяя Руси, переобувайтесь!»). Чаплыгин подвел основательную базу и выстроил целую цепочку идеологических ошибок театра, сделав вывод о неслучайности постановки «Богатырей». В своем докладе он отметил и ориентацию театра на Запад, на «зрителя-гурмана», а не на широкие народные массы. «Камерный театр должен стать теперь на путь реалистического театра, иметь одно направление – драматическое», – категорически заявил артист [РГАЛИ, ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 10, л. 2–4].

Депутат райсовета и член месткома театра Л. А. Фенин отметил отрыв руководства театра от коллектива («к Таирову не попадешь»):

«У нас была такая установка. Александр Яковлевич говорил такую фразу: “Ваше дело играть, а мы уже будем за вас думать”. <...> Когда нам читали недоброкачественные пьесы, он как большой мастер своего искусства, он сам откровенно признавался, что он смотрел на материал очень часто, как на повод для своих блестящих показов на сцене. <...> Люди изголодались по работе и брали все, что угодно. Иногда роли давались просто любимцам, фаворитам, в качестве награды за хорошее поведение» [Там же, л. 8, 11, 14].

Среди оголтелых и крикливых выступлений артистов труппы лишь голос М. Ф. Гершаевой звучал взвешенно и здраво: она задала вполне резонный вопрос:

«Товарищи, для меня лично непонятна такая вещь, что говорят, что постановка “Богатырей” является вылазкой. Почему это говорит Комитет по делам искусств? Ведь они же утвердили постановку, когда она еще была в напечатанном виде, и они просмотрели ее генеральные репетиции 19 и 25 октября» [Там же, л. 21].

Ее голос утонул в общем негодовании труппы.

Несмотря на прозвучавшие покаянные заверения Таирова, разгром «Богатырей» стал для легендарного театра испытанием, от которого он так и не оправился. И хотя окончательно театр был закрыт лишь в 1949 г., попытка расправиться с неугодным режиссером и его коллективом случилась сразу после закрытия спектакля: приказом Керженцева были слиты воедино два коллектива: Камерный театр А. Таирова и Реалистический театр Н. Охлопкова. Два столь не похожих друг на друга организма волею чиновников и властей объеди-

нили. Охлопков и Таиров стояли на абсолютно разных эстетических позициях. И как наглядное воплощение этой разницы, на эмблеме Камерного театра – «Федра», а у Реалистического театра – «Серп и молот». Историки театра любят повторять первый диалог между Таировым и Охлопковым после объединения театров:

«Таиров: Будем дружить?

Охлопков: Нет, будем воевать».

Мейерхольд репетирует: В 2 т. / сост. и коммент. М. М. Ситковецкой, вступит. тексты М. М. Ситковецкой и О. М. Фельдмана. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1993.

О художниках-пачкунах // Правда. 1936. № 60. С. 3.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Ф. 962. Комитет по делам искусств при Совете министров СССР.

Ф. 2030. Московский государственный Камерный театр (1914–1950).

Ф. 2328. Таиров Александр Яковлевич.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949.

Хмельницкий Ю. О. Из записок актера таировского театра. М.: ГИТИС, 2004.

Эфрос А. В. «Три сестры». Из дневников. События 1965–1968 годов. Документы и комментарии. Режиссерская разработка спектакля. Записи репетиций. СПб: Балтийские сезоны. 2011.

1.4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ/ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 94(47).084.6:791

Е. В. Александров
МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

НЕИГРОВЫЕ ФИЛЬМЫ РОССИЙСКОГО АВАНГАРДА: ДОКУМЕНТ И/ИЛИ ЗРЕЛИЩЕ

На материале фильма 1928 г. «Подвиг во льдах», созданного в рамках агитационно-пропагандистской кампании, посвященной полярной экспедиции по спасению экипажа дирижабля Нобиле, проведен анализ, показывающий, насколько виртуозно авторский коллектив сумел добиться гармоничного сочетания научной достоверности с выполнением прагматических и эстетических задач. Творческое использование опыта Дзиги Вертова и практиков-кинохроникеров, включенность в дискуссию теоретиков ЛЕФа об отображении факта действительности позволили дебютантам-режиссерам «братям Васильевым» создать яркое произведение.

И что важно отметить — выдающиеся результаты получены исключительно визуальными средствами немого кинематографа. Эта особенность — еще один весомый аргумент за восстановление неигровых фильмов авангардного периода согласно общепринятым принципам реставрации архивных документов — в виде, как можно более близком к первоначальному состоянию.

Ключевые слова: фильм 1928 г. «Подвиг во льдах», авангардный период советского кинематографа, «братья Васильевы», хронотоп, структура.

Молодые кинематографисты, теоретики ЛЕФа и конструктивизма, представлявшие российский авангард двадцатых годов, с самого начала вынуждены были работать в жестких рамках партийных установок. Погруженность в процессы строения нового жизнеустройства и нового человека, вдохновляющее осознание ценности происходящего обусловили в течение десятилетия выброс творческой энергии, позволивший создать за короткий срок целый ряд произведений, повлиявших на все дальнейшее развитие языка кинематографа, сущностью которого стало управление восприятием зрителя в процессе коммуникации.

Фантастический по творческой продуктивности авангардный период! Вспоминая о нем в 1934 г., С. М. Эйзенштейн отводит ему даже не десять лет, а целую пятилетку:

«Мы приходили как бедуины или золотоискатели. На голое место. На место, таившее невообразимые возможности, из которых и по сей час еще возделан и разработан смехотворно малый участок» [Эйзенштейн, 1967, с. 54]

И другой деятельный мудрец, которого часто называют отцом формального метода, предтечей семиотики и структурализма, опередившего на 20 лет западную мысль — Виктор Шкловский.

Портрет кисти Юрия Анненкова — достойного представителя этой плеяды, оставившего целую серию портретов авангардистов, поразительно совпадает с О. Мандельштамом в видении В. Шкловского:

«Его голова напоминает мудрый череп младенца или философа. Это смеющаяся и мыслящая тыква. Мысль бьет изо рта, из ноздрей, из ушей, непрерывно обновляющаяся и равная себе. Улыбка Шкловского говорит: все пройдет, но я не иссякну...» [Новикова, 2020].

Даже среди ярких представителей неповторимой эпохи самым бескомпромиссным сторонником документального кино, уже на раннем этапе своего творчества провозгласивший анафему старому искусству и открывший новый вид искусства, является Дзига Вертов [Вертов, 2008, с. 15–18].

Вот отзыв одного из сотрудников журнала «Новый ЛЕФ» о фильме «Шестая часть мира»:

«У нас есть вещь, которой можно бить всяческие ссылки на интерес широких масс к воображаемому и искусственно достроенному сюжету, в противовес якобы сухой и не впечатляющей информации фактическим материалом [Асеев, 1926].

Но другие авторы журнала – отстаивающие приоритет факта действительности, чаще критиковали Вертова, и в первую очередь Шкловский, позиция которого может быть близка каждому, кто хочет видеть в ранних архивных фильмах убедительное свидетельство ушедшего времени:

«Его установка на факт художественно правильна, но не доведена до конца. Получились просто стихи, агитационные стихи с кинорифмами» [Шкловский, 1965, с.74].

«Он, по существу, поступает так же, как и те наши режиссеры-постановщики, да будут украдены памятники с их могил, которые режут хронику, чтобы вставлять ее куски в свои картины. Эти режиссеры превратят наши фильмотеки в груды битой пленки» [Шкловский, 1985, с. 86].

Режиссерский дебют «братьев Васильевых»

Последние открытия историков-киноархивистов выявили практически все работы двадцатилетнего творческого периода Вертова 1918–1937 гг., начиная с номеров «Киноправды» и кончая «Колыбельной». Найденные и восстановленные фильмы «Годовщина революции» и «История Гражданской войны» окончательно сделали Вертова символом российского киноавангарда, несколько оттеснив в общественном сознании достижения его окружения – антагонистов и последователей, также участвовавших в возрождении культуры разрушенной страны [Изволов, 2021].

Своего рода альтернативу характерному для Д. Вертова пафосному поэтическому переосмыслению действительности (по мнению многих – искажавшему объективность документирования) удалось создать входящим в «молодежный» круг авангардистов Георгию Николаевичу Васильеву и Сергею Дмитриевичу Васильеву, прославившимся в 1934 г. знаменитым фильмом «Чапаев». Их авторский дуэт сложился еще в пору работы на студии Совкино (в последствии – Ленфильм) по перемонтажу¹ зарубежных кинофильмов, когда Шклов-

¹ «Перемонтаж» – широко распространенная в ранний советский период практика «усовершенствования» оригинальных кинопроизведений, когда (обычно с идеологической целью) из фильма вырезались отдельные фрагменты. При этом ценилось монтажное умение создать иллюзию ненарушенности оригинала.

ский в шутку назвал их братьями. Они были учениками Эйзенштейна, участниками дискуссии о роли факта в искусстве, сторонниками «формального метода» и знатоками творчества Вертова [Писаревский, 1981, с. 11].

Их кандидатура оказалась наиболее подходящей для монтажа хроникальных съемок, запечатлевших участие советских полярников в спасении уцелевших после катастрофы членов экипажа дирижабля Умберто Нобиле «Италия».

В операции участвовало несколько стран, но только в Советском Союзе оказались мощный ледокол, способный преодолевать полярные льды, и самолеты, пригодные для работы в высоких широтах. В кратчайшие сроки были подготовлены и вышли из ближайших портов ледокол «Красин» и два исследовательских судна. На палубах двух пароходов размещались самолеты. Благодаря энтузиазму и опыту советских полярников во главе с Рудольфом Самойловичем, рисковавшими жизнью летчиками Борису Чухновскому и Михаилу Бабушкину, операция была проведена в рекордные сроки и закончилась удачно [Белов, 1959].

В ожидании прогнозируемого успеха на корабли был прикомандирован целый десант журналистов, передававших оперативную информацию. Не менее 60 публикаций с описанием операции вышли после ее окончания. Но кроме того, на трех судах работали три кинооператора.

В распоряжение режиссеров поступили примерно одинаковые по длительности съемки хроникеров, самостоятельно и независимо работавших на трех кораблях. У операторов не было единого плана, и каждый работал, исходя из своего опыта, фиксируя происходящие события. Васильевы, которые в традициях раннего Вертова скромно называли себя «режиссерами-монтажерами», как бы подчеркивая приоритет хроники, во вступительных титрах демонстративно ставят имена операторов раньше собственных: Вильгельм Блувштейн на «Красине», Игнатий Валентэй на Малыгине», Евгений Богоров на «Персее».

У каждого корабля был свой вклад в успех операции. Самый короткий эпизод был смонтирован из съемок Е. Богорова, так как вышедшая первой исследовательская шхуна «Персей» не смогла пробиться сквозь льды. Восточный подход к Шпицбергену оказался закрыт и для ледокольного парохода «Малыгин». Но на нем находился самолет полярного пилота М. Бабушкина, которому удалось сделать 15 вылетов для поиска терпящего бедствие экипажа «Италия». И хотя цели достичь летчику так и не удалось, съемки опытного оператора И. Валентэя были настолько выразительны, что режиссеры включили

в фильм достаточно большой эпизод, занявший 20 из 70 минут общего объема.

Но основную часть фильма составили съемки В. Блувштейна на ледоколе «Красин», который и стал основным героем картины. История пути ледокола к западной части архипелага Шпицберген, где удалось, в конце концов, пробиться к льдине с потерпевшими, определила основные и хронотоп, и фабулу фильма, в соответствии с пространственными и временными границами происшествия: выход из Ленинграда 16 июня и спасение 12 июля уцелевшей после катастрофы части экипажа дирижабля «Италия».

На самом деле сюжет фильма будет существенно отличаться от изложения хроники спасательной экспедиции. Добавленными эпизодами первой части границы фильма раздвигаются до постановки проблемы противостояния Полярного севера и Человека, на помощь которому приходит Могучая Техника. В преамбуле фильма идут кадры трагедии экспедиции Георгия Седова, снятые в 1912 г. на Новой земле. Кадры и надписи второго эпизода повествуют о достижении Северного полюса Р. Амундсеном и У. Нобиле на дирижабле «Норвегия» в 1926 г. и символизируют конец героической эпохи покорения Севера, уступающего напору технического прогресса.

Задачей пролога первой части фильма была также подготовка к дальнейшему пафосному характеру восприятия. Авторы вполне могли ограничиться повествовательной формой экспедиционного фильма. Но, мастерски используя интертитры, Васильевы выстраивают картину как эпическую сагу, в которой действуют Герои и Льды, Самолеты и Могучие корабли, подчиняющиеся незримо присутствующей силе: «Движимый железной волей миллионов рабочих и крестьян, преодолевая сопротивление льдов, Красин с упорством большевика пробивается к цели!»

И все же внимание зрителей в основном поддерживается содержанием хроникальной съемки, представляющей достаточно адекватное отображение событий, когда степень эмоционального воздействия обеспечивается энергией внутрикадрового действия.

О теоретических взглядах режиссеров дает представление брошюра, написанная на основе прочитанного ими курса лекций: «Только при согласовании внешнего ритмического построения смены монтажных кусков с темпом внутрикадрового действия можно добиться правильного кинематографического ритма фильма» [Васильев, 1929, с. 14]. Это изменение характера движения в кадре (темпа внутрикадрового действия) и стало основным принципом определения места и длительности использованных в монтаже фильма исходных хроникальных эпизодов.

Экспозиция и постепенное нарастание внимания происходит на материале второй – пятой частей. «В каждой картине есть главный, решающий действие, эпизод. Все предшествующие ему эпизоды служат для постепенной подготовки зрителя к его восприятию... Все последующие – имеют целью показать неизбежный результат конфликта, разрешаемого главным эпизодом» [Там же].

Из-за стечения обстоятельств оператору на ледоколе «Красин» не удалось зафиксировать важнейшее событие – момент встречи полярников со спасенными итальянцами, и режиссерам пришлось искать альтернативу для создания кульминации «решающего эпизода». В фильме роль таких «возбудителей внимания» стали выполнять выразительные крупные планы – портреты советских и спасенных полярников.

Задачу активизации внимания зрителей на протяжении всего фильма играют интертитры, которые могут выполнять две противоположные роли. С одной стороны, подчиненную, когда для пояснения и поддержания целостности выполненного реалистической съемкой эпизода нужны связки – чаще всего, в виде надписей. С другой – очень значимую, когда необходимо создать энергетически заряженный переход к эпизоду с новым содержанием.

Иногда «разрывы» повествования используются для того, чтобы передать смысл, либо не вытекающий прямо из реалистической съемки, либо присутствующий в ней имплицитно. Такие задачи осуществляются «родченковскими» шрифтами разной крупности в зависимости от важности текста, кадрами двойной экспозиции и другими спецприемами, фрагментами «вертовского» экспрессивного монтажа, рефреном размещенными по всему фильму картами-мультихемами, показывающими продвижение кораблей.

В распоряжении режиссеров не было «палочек-выручалочек» в виде дикторского текста, шумов и бравурной музыки. Но зато были исключительная эрудиция и практический навык в результате пятилетнего опыта работы по перемонтажу зарубежных и отечественных фильмов, умелое владение арсеналом приемов, «наработанных» авангардистами, которые позволяли придать хроникальной съемке пафосное звучание.

Заключение

Вступительная часть статьи посвящена ведущим фигурам Авангарда – короткого периода выброса творческой энергии, определившего вклад России в мировой процесс становления языка кинематографа. Важнейшей частью этого достижения было открытие лефовцами

и Дзигой Вертовым нового вида художественной деятельности – искусства факта. Целью статьи было показать, что у Вертова были талантливые последователи, творчески переосмыслившие его достижения и создавшие произведение, в котором художественные приемы не мешали восприятию запечатленной кинохроникерами действительности.

Осознание ценности хроникального материала и знание законов построения немых документальных фильмов помогло режиссерам – «братьям Васильевым» бережно использовать киноматериалы, запечатлевшие реалистическую фактуру событий, и в то же время разработать систему приемов, создающих у зрителей ассоциативные связи с жизнью за пределами хронотопа плавучей экспедиции. В результате фильм оказался включен в широкий контекст внешних событий – стал своего рода репрезентацией одного из важных периодов в жизни страны.

Было показано, в каком виде реализовались замыслы авторов, какие приемы из скупого арсенала немого кинематографа использовались, как мастерски и разнообразно тексты интертитров включались в канву хроникальных съемок. Будучи сторонниками «формального метода», авторы фильма очень продуманно отнеслись к построению сюжетной структуры фильма.

Благодаря интернету каждый имеет возможность смотреть и изучать немой фильм «Подвиг во льдах», если не в первоначальном виде, то, по крайней мере, в ранней копии 1928 г. Недавно предпринятая попытка с помощью современных технологий существенно повысить качество изображения и одновременно, основываясь на более поздней реконструкции 1966 г., воспроизвести фильм в озвученном виде, добавив отдельные кадры, пафосный дикторский текст и бравурную музыку [Дворкин, 2021] не представляется корректной. Существенно нарушается органичность восприятия, достигнутая благодаря удачно найденному талантливыми режиссерами балансу между агитационной задачей и исторической достоверностью хроникальной операторской работы. Хочется надеяться, что в дальнейшем будет осуществлена не только техническая, но и серьезная искусствоведческая реставрация, которая позволит сохранить дух и атмосферу авторского оригинала.

Асеев Н. Шестая часть... возможностей // Кино (еженед. газета). 1926. № 43.

Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 3 / под ред. Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1959.

Васильев С. Д. Монтаж кино-картины. М.: Теа-кино-печать, 1929.

Вертов Д. Мы. Вариант манифеста // Вертов Дзига. Из наследия. М.: Эйзенштейн-центр, 2008. Т. 2. Статьи и выступления. С. 15–18.

Дворкин Б. Вспомнить все: «Неизвестные герои Севера» или забытое кино // Регионы России. URL: <https://www.gosrf.ru/vspomnit-vsyo-neizvestnye-geroi-severa-ili-zabytoe-kino/> (дата обращения: 20.04.2022).

Изолов Н. Кино-глаз – вирус, который должен был поразить весь кинематограф // Искусство кино. URL: <http://kinoart.ru:3000/interviews/nikolay-izvolov-vertov-byil-fanatikom-avangardnogo-iskusstva/> (дата обращения: 25.03.2022).

Новикова А. «Смеющаяся и мыслящая тыква»: биография Виктора Шкловского, которая просится на экран // Bookmate Journal. URL: <https://journal.bookmate.com/smeyushchayasya-i-myslyashchaya-tykva-biografiya-viktora-shklovskogo-kotoraya-prositsya-na-ehkran/> (дата обращения: 23.02.2022).

Писаревский Д. Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981.

Шкловский В. Б. За 40 лет: Работы о кино. М.: Искусство, 1965.

Шкловский В. За 60 лет. Работы о кино. М.: Искусство, 1985.

Эйзенштейн С. М. Наконец // Избр. произв. : в 6 т. Т. 5. М.: Искусство. 1967.

УДК 94(470).083:316

Н. А. Антипин

Южно-Уральский государственный университет,
Объединенный государственный архив Челябинской области,
г. Челябинск

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: МОТИВЫ, ФОРМЫ, ГЕОГРАФИЯ, ЭТАПЫ КОММЕМОРАЦИИ¹

До 1917 г. мемориализация Александра II в России представляла собой масштабный и уникальный процесс. Царю-освободителю было посвящено больше памятников, чем другим самодержцам: их было открыто более двух тысяч самых разнообразных форм (скульптуры, бюсты, часовни, храмы). Активизация мемориальных практик наблюдалась в период после трагической гибели императора, а затем в юбилейные годы. Особенный размах установка памятников приобрела в 1911 г. в связи с 50-летием отмены крепостного права. Согласно составленной базе данных, до 1917 г. в уральских губерниях был открыт 151 памятник Александру II. Памятники содержали различный коммеморативный нарратив, определявшийся заказчиками и мотивами памятников. Исследование коммеморативных практик, направленных на создание мемориалов, посвященных Александру II, позволяет реконструировать восприятие Великих реформ в различных социальных группах и регионах империи, а также получить дополнительные данные для интерпретации процесса формиро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

вания национальной идентичности и маркирования ядра национального государства.

Ключевые слова: император Александр II, памятник, мемориализация, Урал, коммеморация, «места памяти», история памяти.

К 1917 г. в 70 губерниях Российской империи было установлено более двух тысяч памятников Александру II. Мемориализация монарха вылилась в целый процесс, в котором выделяются этапы, разнообразные мотивы, формы, неоднородная география и периоды наибольшей интенсивности установки памятников. Исследование коммеморативных практик, направленных на создание мемориалов Александра II, позволяет реконструировать восприятие Великих реформ в различных социальных группах и регионах империи, а также получить дополнительные данные для интерпретации процесса формирования национальной идентичности и маркирования ядра национального государства.

Историография практик мемориализации Александра II в России в дореволюционный период весьма ограничена. Первые попытки каталогизации памятников монарху были предприняты в начале XX в. В 1911 г. С. А. Педашенко в своей брошюре представил краткие сведения о 87 памятниках Александру II [Памятники..., 1911]. Большую работу по систематизации сведений провел К. Г. Сокол, подготовивший несколько справочников, а в своей диссертации и связанных с ней статьях предпринял попытку анализа географического распределения памятников по территории Российской империи [Сокол, 2007, 2009, 2021, с. 96–191]. Имеется также ряд публикаций, посвященных истории создания отдельных памятников [Антипин, 2020, 2021; Двинских, 2019; Мудров, 2012; Печёнкин, 2011; Фролова, 2017].

Для систематизации информации и анализа процесса мемориализации была составлена база данных «Памятники императору Александру II в России в дореволюционный период»². Источниками информации послужили брошюры, справочная литература, публикации в прессе [Памятники..., 1911; 50-й юбилейный год..., 1911; Сокол, 2021, с. 96–191]. Особо необходимо отметить рекламную брошюру «50-й юбилейный год освобождения крестьян от крепостной зависимости», изданную в 1911 г. художественным металло-литейным заводом Э. Э. Новицкого, которая содержит информацию о 1 098 памятниках, изготовленных на предприятии и установленных в декабре 1910 – мае 1911 г. (брошюра обнаружена в Государственном архиве Пермского края в фонде Пермской городской управы) [ГАПК, ф. 35, оп. 1, д. 175,

² База данных составлена студентом Южно-Уральского государственного университета Е. А. Фаткиным в 2022 г.

л. 113 – 115 об.]. В результате было выявлено 2 133 памятника. Таким образом, Александру II в России было установлено памятников больше, чем другим монархам.

Уральские губернии (Вятская, Оренбургская, Пермская, Уфимская) стали местом интенсивной мемориализации Александра II. Всего на их территории выявлен 151 мемориальный объект, посвященный царю-освободителю (табл. 1).

Таблица 1.

Количество памятников Александру II, установленных на Урале

Губерния	Количество, ед.
Вятская	15
Оренбургская	30
Пермская	87
Уфимская	19
Всего:	151

Из таблицы видно, что больше всего памятников было открыто в Пермской губернии, что можно объяснить ее хозяйственно-экономическим своеобразием: развитая металлургия и многочисленное горнозаводское население, испытавшее на себе последствия Великих реформ. База данных показывает, что по меньшей мере в половине уральских заводов имелись памятники царю-освободителю.

Дата установки, завершения строительства или открытия памятника известна для 134 объектов, из них при жизни монарха было открыто 13 памятников, после его трагической гибели и до 1910 г. – 22 памятника, а в 1911–1917 гг. – 99 памятников. Подобная интенсивность согласуется с общероссийской ситуацией, которая показывает, что наибольшая активность в мемориализации Александра II наблюдалась в связи с юбилейными мероприятиями в 1911 г., посвященными 50-летию отмены крепостного права. Примечательно, что более половины (57) памятников в 1911–1917 гг. было открыто в Пермской губернии. Памятники активно устанавливались в заводских поселках или волостных центрах, а города, особенно губернские, отставали. Например, в Уфе, Вятке и Оренбурге к 1917 г. памятники Александру II так и не появились, хотя вопрос установки монумента обсуждался, а в Вятке в 1913 г. состоялась его закладка. В Перми в 1911 г. был установлен типовой бюст производства фабрики Э. Э. Новицкого.

Закономерно возникает вопрос о мотивах установки памятников. Представленная динамика установки показывает, что существенная

часть памятников открывалась в связи с юбилейными датами. Конечно, коммеморативные практики включали в себя не только установку памятников, но и разнообразные мероприятия, например молебны, торжественные собрания, лекции, присвоение имени покойного императора учебным заведениям. Памятники же требовали материальных затрат, объединений усилий сообществ, согласований установки с властями, и в итоге приобретали значение мест памяти, что говорит о мемориализации как важной форме коммеморации.

Интенсивность установки памятников в связи с 50-летием отмены крепостного права можно интерпретировать как форму благодарности бывших приписных крестьян и их потомков за получение личной свободы. Установка памятников в заводских поселках говорит о том, что крестьяне высоко оценили последствия освобождения от обязательного труда на заводах (положение 8 марта 1861 г.).

В шести населенных пунктах Урала (Воткинский, Нижнетагильский, Миасский заводы, Губерлинский, Илецкая Защита, Талица) мемориалы были посвящены памяти посещения этих населенных пунктов цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. Примечательно, что пять из них установлены еще при жизни монарха, а самый ранний – в 1840 г. в Воткинском заводе (памятник в виде якоря). В Илецкой защите Оренбургского уезда в 1857 г. построена каменная четырехгранная стела, в основании которой помещалась чугунная плита с текстом: «В память посещения его императорским высочеством государем наследником цесаревичем и великим князем Александром Николаевичем 14 июня 1837 года крепости Илецкой Защиты и дарованных вследствие того сословию мастеровых илецкого соляного промысла монарших милостей. Сооружен в 1857 году» [РГИА, ф. 1293, оп. 169, д. 1118].

Также среди мотивов установки следует отметить благодарность Богу за спасение от покушений на жизнь государя. Например, 4 апреля 1866 г. было совершено первое покушение на жизнь Александра II. Вскоре в память о «чудесном спасении жизни государя» в Челябинске было инициировано строительство часовни в честь Спаса Нерукотворного Образа. Ее проект был утвержден строительным отделением Оренбургского губернского правления 29 ноября 1866 г., часовню возвели на южной окраине города [ОГАОО, ф. 11, оп. 9а, д. 304, л. 34]. Этому же событию была посвящена часовня в Чердыни, а в Миасском заводе часовню заложили в память о спасении жизни монарха от покушения 2 апреля 1879 г.

Формы мемориализации отличались разнообразием: скульптуры, бюсты, часовни, храмы. При этом храмы были дорогостоящей формой, а потому весьма редкой: например, храмы-памятники были

возведены в Миасском заводе, Троицке и Челябинске [Оренбургские епархиальные ведомости, 1882; РГИА, ф. 1293, оп. 119, д. 12, л. 6 – 6 об.; Антипин, Купцов, 2015, с. 247–259]. Самой популярной формой увековечения памяти монарха стал бюст на постаменте производства фабрики Э. Э. Новицкого. В Уральских губерниях было установлено не менее 40 бюстов [50-й юбилейный год..., 1911]. Из скульптурных изображений монарха выделяется памятник в Златоусте и его копия в Екатеринбурге [Антипин, 2021].

Таким образом, Урал был включен в процесс мемориализации императора Александра II, здесь было установлено не менее 7% от общего количества памятников монарху. Подобная интенсивность имеет несколько оснований: во-первых, Александр Николаевич в качестве наследника в 1837 г. посетил регион, что произвело глубокое впечатление на подданных; во-вторых, по статусу цесаревича он был наказным атаманом Оренбургского казачьего войска; в-третьих, Великие реформы повлияли на социально-экономическое развитие региона: приписные крестьяне получили освобождение от обязательного труда, металлургия постепенно выходила из затянувшегося кризиса, активно шла урбанизация, развивалось сельское хозяйство. Интенсивная мемориализация Александра II может рассматриваться как отношение уральского населения (или его части) к преобразованиям. Масштабная установка памятников в сельской местности свидетельствует о модернизационных процессах, о развитии культурного уровня населения и формировании национальной идентичности.

Антипин Н. А. Мемориализация императора Александра II в Оренбургской губернии // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. Т. 2. С. 43–47.

Антипин Н. А. Памятник императору Александру II в Златоусте: пример провинциальной коммеморации в дореволюционной России // Вестн. Перм. ун-та. История. 2021. № 4 (55). С. 28–38.

Антипин Н. А., Купцов И. В. Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск: Авто Граф, 2015.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 35. Пермское городское управление.

Двинских Л. Музей имени Александра II в Екатеринбурге, или О чем молчали архивы // Урал. 2019. № 1. С. 195–199.

Мудров Ю. Храм-реквием // Мир музея. 2012. № 4. С. 8–10.

Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 11. Оренбургское губернское правление.

Оренбургские епархиальные ведомости. 1882. № 1. Отд. неофиц. С. 32–36.

Памятники императору Александру II / сост. С. А. Педашенко. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911.

Печёнкин И. «Императору Александру II любовь народа» // Наука и жизнь. 2011. № 3. С. 20–24.

50-й юбилейный год освобождения крестьян от крепостной зависимости. СПб.: Тип. Н. Л. Ныркина, 1911.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Техническо-строительный комитет МВД

Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи : каталог. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Ситипринт, 2021.

Сокол К. Г. Памятники Александру II: географические особенности различных периодов мемориализации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2007. № 5. С. 73–78.

Сокол К. Г. Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX вв. как объекты исторической географии: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009.

Фролова К. В. Сохранение памяти об Александре II и отмене крепостного права в дореволюционной Самаре // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьевой. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2017. С. 88–94.

УДК 94(470.54).084.6/9:33(070)

Е. В. Каменская
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«МАШИНА ВРЕМЕНИ»: ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» 1930-х И 1970-х гг.¹

В статье рассматривается визуальная репрезентация промышленности Свердловска в «Огоньке» – ведущем иллюстрированном журнале СССР. Анализируются выпуски 1930-х гг., когда в годы первых пятилеток закладывалась промышленная база Свердловска, и 1970-х гг. – времени стабильного развития свердловской промышленности, представляющей разнообразные сферы. Выявляются основные объекты показа в разные периоды, прослеживается эволюция визуальных образов промышленных предприятий. В 1930-е гг. образы нового города (общественные здания, жилые кварталы) преобладали над индустриальными объектами. В 1970-е гг. при визуальном показе жизни промышленного предприятия усилился социальный компонент. Делается вывод об ограниченном присутствии свердловских промышленных предприятий в иллюстративном ряде журнала. Главное место занимал «завод заводов» – Уралмаш. Остальные предприятия Свердловска показывались преимущественно в текстовом

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург – Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

формате. Изменение производственной структуры Свердловска в военный и послевоенный период не нашло визуального отражения в «Огоньке».

Ключевые слова: Свердловск, Уралмаш, Верх-Исетский металлургический завод, «Огонек», ММК, советская пресса, визуализация.

Периодическая печать играла важную роль в формировании визуального образа советского человека. Газеты ежедневно публиковали иллюстрации по внешнеполитической и внутрисоюзной проблематике. Основную массу газетных иллюстраций составляли портретные снимки. Существенной проблемой было качество иллюстраций, особенно в региональных, городских и малотиражных газетах. Советская журнальная периодика с самого начала своего существования активно работала с иллюстративным материалом. Среди множества иллюстрированных советских журналов, рассчитанных на массовую аудиторию, выделяется «Огонек». Появившись в 1923 г., журнал за несколько десятилетий стал одним из символов советской повседневности [Огонек – 110 лет, 2009].

По замыслу М. Е. Кольцова, «Огонек» должен был соответствовать веяниям времени и мировым стандартам журнальной прессы. Качественные иллюстрации должны были занимать значительное место в издании. Некоторые рубрики полностью состояли из фотоснимков, развивался жанр фоторепортажа. В послевоенный период иллюстративный ряд «Огонька» серьезно эволюционировал. Привычными для читателей стали вкладки с репродукциями всемирно известных полотен из собраний ведущих музеев. Параллельно развивалось фотографическое направление. Всесоюзную славу получили мастера фотографии Д. Бальтерманц, А. Гостев, Г. Копосов, Ю. Кривоносов, С. Фридлянд, Э. Эттингер и др. [Крашенинникова, 2016; Кривоносов; Сёмова, 2016, 2017а, 2017б]. Благодаря «Огоньку» создавалась визуальная летопись регионов и городов СССР, научно-технических направлений, отдельных предприятий и пр. Рассмотрим визуальную репрезентацию в журнале производственного ландшафта Свердловска – одного из ключевых промышленных центров Советского Союза.

Индустриальная тема была ведущей в выпусках первой половины 1930-х гг. В это время началось осуществление пятилетних планов, внимание было приковано к ключевым строительным площадкам. В рубриках «По следам производственной сводки», «На ударном строительстве» в сопровождении иллюстраций печатались очерки о ходе строительства и деятельности отдельных предприятий. Снимки с основных промышленных объектов регулярно публиковались в фоторубриках «По стране Советов», «По Советскому Союзу». Несмотря на статус административного центра огромной Уральской

области, Свердловск почти отсутствовал на промышленной карте «Огонька». Главной уральской стройкой был Магнитогорский металлургический комбинат. Далеко за ним шли Челябинский тракторный завод, Березниковский химический комбинат, челябинская ГРЭС и т. д. Среди первенцев первых пятилеток был и Уральский завод тяжелого машиностроения, строительство которого «прирастило» Свердловск целым соцгородом. В «Огоньке» его постоянно называли «завод заводов» [«Заводом заводов» метко назван..., 1934, с. 12; Пущен Уралмаш, 1933, с. 16; Узлян, 1939, с. 4–5; др.].

Сравним показ строительства Магнитки и Уралмаша. Возведение ММК подробно освещалось в журнале. Если первые публикации о Магнитострое могли не сопровождаться фотографиями, то в дальнейшем читатели регулярно видели снимки со стройплощадки [Вольпин, 1931, с. 13; Коршунов, 1931, с. 10–11; Магнитогорск, 1931, с. 1; С лесов Магнитостроя, 1930, с. 13]. К пуску Магнитогорского комбината в 1932 г. был приурочен специальный выпуск «Огонек на Магнитострое» [Огонек на Магнитострое, 1932, с. 1–16]. Уралмашстрой визуально был значительно слабее представлен в «Огоньке». Изредка печатались фотографии, на которых крупным планом показывался монтаж оборудования, строительство соцгорода [Новые дома для рабочих..., 1932, с. 14; Перемена, 1932, с. 9]. Пуску Уралмаша в 1933 г. было посвящено небольшое сообщение с маленьким снимком «"Юбки" для газогенератора, изготавливаемые Уралмашем для нужд самого завода» [Уралмаш готов, 1933, с. 15]. В следующем номере журнала была помещена уже большая фотография с подписью «торжественный митинг в честь открытия завода» [Пущен в ход..., 1933, с. 14]. На снимке читатель мог видеть заводскую площадь, лучевую планировку улиц и жилые дома, но сам завод оставался за кадром [Там же].

«Огонек» регулярно печатал фотографии строящихся заводов вблизи Свердловска – в Первоуральске, Медном руднике, Нижнем Тагиле [В текущем квартале..., 1935, с. 16; Заканчивается строительством..., 1935, с. 13; Индустриальный Урал, 1931, с. 16; Один железнодорожный вагон..., 1935, с. 13]. Эти фотографии являлись традиционными панорамными снимками, на которых были изображены линии цехов (уже построенных или только намечающихся). Индустриальная жизнь Свердловска, в частности, Уралмашзавода, в основном визуализировалась в ином ключе. Если в текстах и подписях к фотоснимкам неизменно указывалось, что Свердловск – «город тяжелого машиностроения, форпост социалистической индустриализации на Урале» [3 ноября..., 1934, с. 11], то иллюстрациями выступали чаще всего новые жилые кварталы города (к примеру, городок чекистов),

новые районы (соцгород Уралмаш) и отдельные здания (Главпочтамт, типография «Уральский рабочий», фабрика-кухня ВИЗа и др.) [Зимний Свердловск, 1939, с. 3; Новые дома..., 1932, с. 14; Свердловск становится...1937, с. 9; Фабрика-кухня..., 1932, с. 15]. Снимки производственных цехов и произведенной свердловскими заводами продукции появлялись реже. Но были и исключения.

Примером, когда Уралмаш показывали по канонам визуализации основополагающего промышленного предприятия, можно считать фотоочерк А. Узляна «Завод заводов»1939 г. [Узлян, 1939, с. 4–5]. Выбор объектов и способов показа был весьма характерен для «Огонька». Читатели видели два плана механосборочного цеха. На каждом из снимков присутствовали сотрудники завода. Три снимка демонстрировали профессиональные кадры завода: инициатор стахановского движения на заводе сталевар К. И. Нестеров был изображен в цеху за работой; персональный пенсионер и агитатор Герой труда П. Г. Антонов, имеющий стаж 49 лет и работавший на УЗТМ со дня основания – за чтением книги; педагог-инструктор ФЗУ Гимельман – в процессе обучения учеников. Социальную сферу представляли крупный план домов на улице Машиностроителей и воспитанники уралмашевского детского сада. В подборке, таким образом, нашли отражение все основные темы: производство, ударный труд, передача опыта, будущее завода и страны в целом.

Перенесемся в 1970-е гг. Журнал «Огонек» в это время являлся одним из лидеров советской прессы. Индустриальные сюжеты стали занимать меньше места при росте внимания к общественным проблемам. Основу промышленных рубрик журнала, как и в предшествующее время, составляли ключевые проекты пятилеток (разработка нефтяных и газовых месторождений в Сибири, пуск Нурекской ГЭС и т. д.), «титульные» предприятия. Однако героями «Огонька» не всегда были заводы-гиганты. Оказаться на страницах журнала можно было, попав в актуальную проблему, которую в данный момент разрабатывали СМИ – НОТ, социальная работа предприятий, шефская помощь сельскому хозяйству, инновационная деятельность, работа в рамках СЭВ, сотрудничество с развивающимися странами.

К 1970 г. существенно изменилась производственная структура Свердловска: к старому Верх-Исетскому заводу и детищам первых пятилеток УЗТМ и УЭТМ присоединились завод РТИ, Уралхиммаш, Камвольный комбинат и др. В путеводителях по городу и области, научно-популярных изданиях авторы старались подчеркнуть промышленное разнообразие Свердловска, показывая не только Уралмаш и ВИЗ, но и другие производства, в том числе легкую промышлен-

ность города [Очерки истории Свердловска, 1958; Свердловск, 1983; Свердловск орденоносный, 1977; Свердловская область, 1978 и др.].

Отразились ли эти изменения на визуальной репрезентации свердловской промышленности в «Огоньке»? В 1973 г. отмечался 250-летний юбилей Свердловска – Екатеринбурга. В «Огоньке» вышел очерк В. Очеретина «Нам – 250» [Очеретин, 1973, с. 18]. Перечисляя наследие «революционного прошлого» Екатеринбурга, автор подчеркивал: «Но самая “гордая гордость” наша – заводы социального Свердловска, научно-исследовательские институты, учебные заведения, любимые детища уральцев, выращенные Советской властью». Свердловск представлял средоточием советской промышленности: «Заводы, заводы, заводы... Вы их сразу не заметите, когда будете бродить по широким улицам, бульварам, скверам. Многие заводы внешне – это гигантские современные многоэтажки из бетона и стекла, без дымящих труб» [Там же]. В статье указывалось, что в Свердловске свыше 200 промышленных предприятий, но «персонифицировано» были показаны только два: «крупнейший из советских заводов – Уралмаш» и Верх-Исетский металлургический завод. «Ассортимент» предприятий остался на уровне 1930-х гг. Хотя в статье акцент был сделан на современном состоянии города, его «молодых и юных лицах», развитии промышленности, иллюстрировала публикацию фотография памятника Я. М. Свердлову. Индустриальное содержание города осталось за кадром в прямом и переносном смысле.

Другим вариантом представления свердловской промышленности (в областном масштабе) является материал Ю. Лушина «Уральские мастера» [Лушин, 1973, с. 16–18]. Публикация состояла из нескольких текстовых и визуальных блоков. В текстах были развернуто представлены Нижнетагильский металлургический комбинат и Полевской криолитовый завод. Богатый иллюстративный ряд состоял из фотографий героев текстов, панорамы исторического центра Свердловска, снимка колесно-прокатного стана НТМК. Примечательно, что в этой публикации свердловские заводы не были представлены в текстовом формате. Они показывались только визуально с обобщающей подписью: «На предприятиях Свердловска создается мощное электрооборудование и сверхгабаритное оборудование для различных отраслей промышленности» [Там же].

Уралмаш, единственный из свердловских заводов, удостоился персонального внимания фотографа. На развороте была опубликована фотография трудовых династий УЗТМ, участвующих в торжественном шествии. Празднично одетые люди с красными лентами с надписями фамилий династий были сняты с высоты на лестнице, в динамике. Автор призывал: «Вглядись, читатель, в эти лица. Они

слава и гордость “Уралмаша”» [Там же]. В данном случае подчеркивалось, что завод – это в первую очередь люди. В целом, показ предприятий любого масштаба, от заводов-гигантов до небольших мастерских, через судьбу одного человека или одной семьи был традиционен для «Огонька» [Лушин, 1971, с. 14–17]. Работники журнала отмечали такой личностный подход как очевидное достоинство издания [Уханова], ставшее залогом успеха «Огонька».

Таким образом, визуально свердловская промышленность в «Огоньке» 1970-х гг. была, как и прежде, представлена преимущественно только Уралмашзаводом. Основу иллюстративного ряда завода составляли сотрудники Уралмаша и его продукция². Пару Уралмашу (но не равную по объему внимания) составлял Верх-Исетский металлургический завод, который сочетал в себе образ горнозаводского Урала и современного советского предприятия. Остальные предприятия Свердловска, включая такие крупные заводы как Химмаш, Уралэлектротяжмаш, Турбомоторный завод, визуально в «Огоньке» почти не появлялись. При обзорном показе свердловской промышленности даже при упоминании в тексте других заводов иллюстрацией чаще всего становился Уралмаш [Клады – рядом!, 1972, с. 12]. За 40 лет на фотоснимках изменились внешний вид людей, архитектура города, производимая продукция. Поввысилось внимание к социальной сфере, что выражалось в большом количестве снимков из дворцов культуры промышленных предприятий, детских садов, профилакториев, фотографий жилых кварталов и т. д. Но сама промышленная карта Свердловска в визуальном ряду «Огонька» не изменилась. «Огонек» являлся своеобразной витриной советской промышленности, рассчитанной как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию. Из свердловских предприятий место на этой витрине досталось только одному «заводу заводов».

В текущем квартале пускается в ход 2-ая очередь Пышминского медэлектрولитного завода, рассчитанного на выплавку 25 000 тонн меди в год // Огонек. 1935. № 27. С. 16.

Вольпин Н. Письмо из Магнитогорска // Огонек. 1931. № 4. С. 13.

«Заводом заводов» метко назван уральский завод тяжелого машиностроения, производящий оборудование для новых заводов // Огонек. 1934. № 19. С. 12.

Заканчивается строительством первая очередь Первоуральского трубного завода // Огонек. 1935. № 26. С. 16.

Зимний Свердловск // Огонек. 1939. № 36. С. 3.

² Показательным является помещение на развороте журнала двух снимков Г. Копосова – уралмашевцев и их продукции – с акцентом на «формальную схожесть»: «Зубчатый венец 80-кубового шагающего исполина и... венок танца заводского народного ансамбля» [Лушин, 1971, вкладка].

- Индустриальный Урал // Огонек. 1931. № 32. С. 16.
- Клады – рядом! // Огонек. 1972. № 43. С. 12–13.
- Кориунов А. Героика на реке Урал // Огонек. 1931. № 2. С. 10–11.
- Крашенинникова М. А. Фоторепортаж в отечественной историографии: эволюция понятия, содержание, особенности // Меди@льманах. 2016. № 3. С. 20–26.
- Кривоносов Ю. М. Интервью на портале «Устная история». URL: <https://oralhistory.ru/members/krivonosov-yu-thinsp-m> (дата обращения: 15.08.2022).
- Лушин Ю. Уральские мастера // Огонек. 1973. № 49. С. 16–18.
- Лушин Ю. Уральский час // Огонек. 1971. № 14. С. 14–17.
- Магнитогорск // Огонек. 1930. № 28. С. 1.
- Новые дома для рабочих Уральского машиностроительного завода в Свердловске // Огонек. 1932. № 34. С. 14.
- Огонек – 110 лет: избранное. Т. 1. М.: Terra-Кн. клуб, 2009.
- Огонек на Магнитострое // Огонек. 1932. Спецвыпуск. С. 1–16.
- Один железнодорожный вагон каждый 30 минут будет выходить из нового сборочного цеха Уралвагонзавода // Огонек. 1935. № 31. С. 13.
- Очертин В. Нам – 250 // Огонек. 1973. № 47. С. 18–19.
- Очерки истории Свердловска. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1958.
- Перемена // Огонек. 1932. № 9. С. 8.
- Пущен в ход уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе // Огонек. 1933. № 17. С. 14.
- Пущен Уралмаш // Огонек. 1933. № 20. С. 16.
- С лесов Магнитостроя // Огонек. 1930. № 20. С. 13.
- Свердловск : справ.-путевод. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
- Свердловск орденоносный. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1977.
- Свердловск становится одним из красивейших благоустроенных городов Советского Союза // Огонек. 1937. № 4. С. 9.
- Свердловская область (фотоальбом). Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1978.
- Сёмова Л. В. От стиля «триумф» к романтическому реализму в советской фотожурналистике (на примере материалов журнала «Огонек» 1950–1960 гг.) // Меди@льманах. 2017. № 3. С. 68–81. (а)
- Сёмова Л. В. Традиции и новаторство в отечественной фотожурналистике 1960-х гг. по фотографиям журнала «Огонек»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. (б)
- Сёмова Л. В. Фотография в журнале «Огонек»: от социальной тематики к социальной проблематике (1950–1980 гг.) // Меди@льманах. 2016. № 6. С. 100–113.
- 3 ноября город, носящий имя выдающегося организатора уральских рабочих, Якова Свердлова, будет праздновать свое десятилетие // Огонек. 1934. № 20. С. 11.
- Узлян А. Завод заводов // Огонек. 1939. № 9. С. 4–5.
- Уралмаш готов // Огонек. 1933. № 16. С. 15.
- Уханова Е. Интервью с Виктором Лошаком <https://lenizdat.ru/articles/1083508/?ysclid=I7elvnvwoz830647268> (дата обращения: 15.08.2022).
- Фабрика-кухня с пропускной способностью в 5 000 обедов для рабочих Верх-Исетского металлургического завода, оборудованная в здании закрытой церкви // Огонек. 1932. № 29. С. 15.

ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД А. Ф. КОЖЕВНИКОВ

В статье представлены биографические сведения об известном тагильском краеведе А. Ф. Кожевникове. Автором представлен обзор архивных документов личного фонда краеведа, хранящегося в МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Интерес представляют архивные документы, относящиеся к роду заводчиков Демидовых – основателях г. Нижний Тагил. Особое внимание уделено истории картины «Тагильская мадонна» кисти итальянского художника Рафаэля Санти, воспоминания о которой имеются в личном фонде краеведа.

Ключевые слова: Демидовы, краеведение, личный фонд, Рафаэль Санти, церкви, Черепановы.

В Нижнетагильском городском историческом архиве (НТГИА) на хранении находится девять личных фондов краеведов Нижнего Тагила. Одними из первых в 1980-е гг. в архив поступили документы старейшего краеведа города, известного коллекционера (собирал монеты, значки, почтовые марки) Александра Федуловича Кожевникова (1894–1981) [НТГИА, ф. 533, оп. 1]. А. Ф. Кожевников вел работу по изучению истории Нижнего Тагила с 1924 г., был одним из инициаторов создания Тагильского общества изучения местного края (ТОИМК) и Нижнетагильского общества коллекционеров, постоянным членом Нижнетагильского городского совета краеведения. Был человеком любознательным, интеллигентным, увлекался фотографией, сотрудничал с краеведческим музеем Нижнего Тагила, газетой «Тагильский рабочий», был пропагандистом краеведения.

А. Ф. Кожевников родился в Нижнем Тагиле 8 июня 1894 г. в семье бывших крепостных [Грошева]. Его прадед, дед и отец были крепостными. Мать – из семьи кузнеца Выйского завода. Отец и старшие братья Федосей и Николай были меднолитейщиками. В шесть лет Александр остался без отца. Сначала воспитывался у старшего брата Федосея, затем у дяди Демида Николаевича Васильева, который работал машинистом паровых котлов Нижнетагильского металлургического завода. В восемь лет Александр окончил церковно-приходскую школу, затем поступил в двухклассное Выйское земское училище, но не окончил обучение. В одноклассных приходских школах изучали закон божий, церковное пение, письмо, арифметику, чтение. В двухклассных приходских школах, кроме этого, изучалась история и церковнославянский язык. В 12 лет Александр устроился на работу в пе-

реплетные мастерские в типографию П. А. Кузнецовой, через три года стал работать в типографии В. Г. Лебедихина.

В 1912 г. в 18 лет А. Ф. Кожевников поступил на службу в контору Нижнетагильского металлургического завода, окончил бухгалтерские курсы. Через два года был принят на работу бухгалтером в государственное казначейство, где проработал до революции 1917 г. В 1920 г. был назначен контролером кассы Нижнетагильского уездного финансового отдела, затем – заведующим контрольным отделением Нижнетагильского окружного финансового отдела. В годы Великой Отечественной войны Александр Федулович работал в городском военкомате. До выхода на пенсию он работал бухгалтером в различных организациях Нижнего Тагила: Госбанк, Нижнетагильский металлургический завод, Рудник им. III Интернационала. В 1956 г. вышел на пенсию. Имел пятерых детей. Награжден медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30-летие Победы над Германией», значком «Уральский краевед».

В архиве Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» находится интересный рукописный фонд краеведа, содержащий сведения о жизни тагильчан до 1917 г. Рукописи содержат уникальную информацию по истории города: о первых кинотеатрах, типографиях, приютах, улицах. Александр Федулович активно интересовался генеалогией, составил родословную своей семьи [Там же]. Большой вклад А. Ф. Кожевников внес в комплектование музейных коллекций. Им передано в фонды более 500 экспонатов.

В личном архивном фонде А. Ф. Кожевникова учтены 50 единиц хранения: личные документы, рукописи, многочисленные статьи, а также фотографии города и тагильчан, представителей династии Демидовых, письмо фондообразователя директору Свердловского областного архива о документальном подтверждении факта изъятия из церкви Нижнего Тагила церковных ценностей в 1922 г.; в фонде имеются собранные краеведом документы, например: листовка об угрозе наводнения в Нижнем Тагиле от 12 ноября 1927 г. [НТГИА, ф. 533, оп. 1, д. 31], тексты песен, бытовые фотографии, фото рядового состава царской армии и другое. Краеведом в 1978–1979 гг. были составлены тематические фотоальбомы «Старый Тагил», «Тагил», «Демидовы» [Там же, д. 37, 39, 40], поступившие на хранение в Нижнетагильский филиал Свердловского облархива (в настоящее время МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив»). В личный фонд также включен выполненный краеведом комплект позитивов на пленке «Черепановы» [Там же, д. 44].

Тематика краеведческих исследований А. Ф. Кожевникова многообразна. Его интересовали история династии Демидовых – основа-

телей города, история улиц и приютов Нижнего Тагила, тагильских церквей, сведения о дореволюционной жизни Тагила, о деятельности земства, развитии горного и банковского дела в Тагиле. Статьи краеведа посвящены вопросам развития города в советское время (коммунальное хозяйство, культура, театр). Несколько работ посвящены уникальной тагильской находке – картине «Святое семейство» («Мадонна дель Пополо»), найденной в Нижнем Тагиле в марте 1924 г. в демидовском доме [Там же, д. 7, 22], автором которой предположительно является знаменитый итальянский художник Рафаэль Санти. Кожевников сам являлся современником многих изучаемых им событий, поэтому его работы написаны в форме воспоминаний.

Историческое прошлое города, которому в 2022 г. исполнилось 300 лет, широко представлено в личном фонде А. Ф. Кожевникова. Так, на хранение в архив поступили собранные и систематизированные им в 1970-е гг. документы, относящиеся к истории рода Демидовых. Это комплекс фотографий представителей рода, рукописи работ краеведа под названиями: «Авроринский приют», «Павлушинский детский демидовский приют», «Памятник Николаю Никитичу Демидову», «Церкви, часовни Нижнего Тагила», «Александровская площадь», «История «Тагильской мадонны», а также фотоальбом «Старый Тагил», фото памятника управляющему Нижнетагильскими заводами А. Н. Карамзину, который был женат на Авроре Карловне Демидовой (снимок начала XX в.; памятник отлит из чугуна в 1855 г.) и др. [Там же, д. 7, 18, 19, 22, 24]. В фотоальбом «Демидовы» включены 26 фото с изображениями и сведениями о представителях династии за период до 1917 г. [Там же, д. 39]. На многочисленных фото, включенных в личный фонд Кожевникова, запечатлены улицы и дома Нижнего Тагила в различные периоды, снятые, главным образом, самим краеведом.

Представляет интерес история «Тагильской мадонны» Рафаэля Санти Урбинского, которая в настоящее время занимает отдельный зал Нижнетагильского музея изобразительных искусств. В статье от 9 декабря 1976 г. краевед пишет, что еще в 1910 г. картина «висела среди множества православных икон в Никольской церкви на Вые». Он восстанавливает в памяти виденное им в 1910-е гг.:

«Никольская церковь была усыпальницей князей Демидовых... и в центральном зале во втором ярусе, с левой стороны, «Мадонна» была прикреплена несколько наклонно... Священники некоторое время терпели ее присутствие, но потом она была снята и больше не появлялась...» [Там же, д. 22, л. 2].

Кожевников отметил, что Рафаэль упустил в картине такой атрибут как нимб, чем дал повод православным священникам считать кар-

тину светской. Картина попала на склад в демидовский дом на улице Тагильской и затерялась. Кожевников делает предположение, что картина была приобретена Демидовыми тайно, «по недобросовестной сделке». Судьба этой картины загадочна.

В 1924 г. «Тагильская мадонна» была обнаружена в демидовском доме (ныне «Музей быта и ремесел горнозаводского населения» Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал») директором нижнетагильского краеведческого музея А. Н. Словцовым. Среди полотен в доме, принадлежавшем Анатолию Демидову, была найдена потемневшая, разломанная кипарисовая доска с красочным слоем. Второй ее фрагмент отыскиали позже: недостающую досочку нашли во флигеле бывшего господского дома Демидовых [Истомин]; по некоторым данным, она служила ступенькой. Сотрудники музея, промыв картину, сумели прочитать надпись, выполненную золотом по вороту платья Мадонны: «Рафаэль Урбинас, писавший в 1509 году». Игорь Грабарь, художник и искусствовед, атрибутировал найденную картину как утраченный оригинал Рафаэля. След этой картины затерялся в XVII в. Известны были только копии, гравюры и списки с нее. В 1928 г. во втором сборнике Центральных государственных реставрационных мастерских «Вопросы реставрации» была опубликована статья И. Э. Грабаря «Мадонна del Popolo» Рафаэля и «Мадонна с покрывалом» из Нижнего Тагила». После реставрации более сорока лет картина хранилась в запасниках одного из московских музеев [Курочкин]. Но в 1970-е гг. специалисты передумали – автор не Рафаэль. В 1978 г. картина вернулась в Нижний Тагил, поскольку во Франции представили настоящую «Мадонну с вуалью», которая хранилась в собрании принцев Конде и числилась за авторством малоизвестного художника. Однако весомых доказательств, что тагильская картина не принадлежит кисти Рафаэля, до сих пор нет. Искусствоведы нижнетагильского музея изобразительных искусств утверждают, что судьба картины связана с семьей Демидовых, владельцев уральских заводов. Любой из Демидовых мог приобрести картину до 1860 г.

В сети «Одноклассники» размещены фотографии из наследия Кожевникова [Тагил во всех ракурсах]. Сведения из рукописей Кожевникова используются как архивистами при подготовке архивных выставок, так и специалистами по изучению архитектуры и быта Нижнего Тагила. Фотографии, информация из рукописей Кожевникова широко используются на разных электронных ресурсах, например, по истории Нижнетагильского музея изобразительных искусств [Нижнетагильский музей...], статьях по истории города, размещенных на сайте «История Нижнего Тагила от основания до наших дней» (найденно 181 упоминание о краеведе) [Перспектив мира; Смирнова], в исторических

форумах [Форум]. Наследие Александра Федуловича Кожевникова по-прежнему живет и помогает сохранить историю города для новых поколений тагильчан.

Грошева О. Из плеяды «почетных» краеведов // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/people/6_301.htm (дата обращения: 01.08.2022).

Истомин Л. Как на чердаке старинного особняка в Нижнем Тагиле нашли картину Рафаэля Санти XVI века // КП-Екатеринбург. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/28301/4441474/> (дата обращения: 01.08.2022).

Курочкин Ю. М. Приключения «Мадонны». URL: <https://tagil-press.ru/publications/29236/tagilskaja-madonna-rafajelja-santi> (дата обращения: 01.08.2022).

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 533. Кожевников Александр Федулович (1894–1981), краевед.

Нижнетагильский музей изобразительных искусств // Культура и искусство. URL: <https://portrets.ru/ajvazovskij/58-nizhnetagilskij-muzej-izobrazitelnyh-iskusstv.html>, (дата обращения: 01.08.2022).

Перспектив мира // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/history/tagil_labirint_2017_11_18.htm (дата обращения: 01.08.2022).

Смирнова Т. В. Участники театральной самодеятельности Нижнего Тагила в начале XX века // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/kraeved/tk_17_39.htm (дата обращения: 01.08.2022).

Тагил во всех ракурсах. Фотоальбомы. Из фотонаследия краеведа Кожевникова А. Ф. // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/tagilvovse/album/58411471142959> (дата обращения: 01.08.2022).

Форум // История Нижнего Тагила. URL: <http://historyntagil.ru/forum/index.php?topic=4.255> (дата обращения: 01.08.2022).

УДК 93/94+372.8

И. С. Огоновская
Специализированный учебный научный
центр УрФУ, г. Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ НА УРОКЕ ИСТОРИИ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО)

Рассматривается проблема использования визуальных источников (документальное и художественное кино) на уроках истории, основные подходы к выбору видеодокументов и их анализу на занятиях. Актуализируется проблема целеполагания и планируемых результатов знакомства и изучения данного вида источников. Обобщается педагогический опыт организации работы с визуальным материалом.

Ключевые слова: визуальный источник, урок истории, кинематограф, мифологизированный образ, историческое сознание, Историко-культурный стандарт, Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС).

В январе 2021 г. на заседании Совета по культуре и искусству генеральный директор киноконцерна «Мосфильм» Карен Шахназаров предложил показывать детям в школе «хорошее отечественное кино». Эта инициатива была поддержана президентом РФ В. В. Путиным, который дал поручение министерству просвещения и министерству культуры разработать предложения по этому вопросу [Матизен, 2000]. Следует отметить, что практика использования отечественного (и не только) кино с давних времен представлена в образовательных учреждениях, прежде всего – на уроках истории, занимающих важное место в системе учебно-воспитательной работы. Цели и задачи обучения истории обозначены в Федеральных государственных образовательных стандартах основного (2010, 2021) и среднего (2012, 2022) общего образования, а также в Историко-культурном стандарте, утвержденном Советом Российского исторического общества 30 октября 2013 г. и коллегией министерства просвещения РФ 23 октября 2020 г. Так, в числе требований к результатам освоения программы по предмету «История» на уровне основного общего образования обозначены умение различать основные типы исторических источников: письменные, вещественные, аудиовизуальные, а также умение находить и критически анализировать для решения познавательной задачи исторические источники разных типов (в том числе по истории родного края), оценивать их полноту и достоверность, соотносить с историческим периодом; соотносить извлеченную информацию с информацией из других источников при изучении исторических событий, явлений, процессов; привлекать контекстную информацию при работе с историческими источниками.

Исторический источник в формулировке русской версии неокантианства – это «объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры...» [Теория и методология исторической науки, 2014, с. 199]. Спектр исторических источников достаточно широк. По мнению И. Д. Ковальченко (1923–1995), их можно разделить на четыре группы: вещественные (предметы материальной культуры), письменные (выполненные в определенной знаковой системе – при помощи букв, иероглифов, клинописи и т. п.), изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные, изобразительно-натуральные), фонические (устные,

звуковые) [Ковальченко, 1987, с. 122]. В целом изобразительные источники представляют собой рисунки, эскизы, картины, схемы, таблицы, зарисовки, географические и другие карты, кино-, фото- и видеоматериалы. Предметом нашего внимания являются киноматериалы в виде документального и художественного кино, позволяющие учителю дополнить фактологический, статистический, графический материал образами эпохи, созданными режиссерами, сценаристами и актерами (в случае историко-художественного кино).

Педагогический опыт автора статьи позволяет говорить о том, что использование произведений кинематографа на уроках истории и во внеурочной деятельности в школе позволяет решать целый ряд учебных и воспитательных задач, которые можно условно разделить на три уровня.

Задачи первого уровня связаны со знакомством обучающихся с историей кино, достижениями мирового и отечественного кинематографа, пониманием важности достижения результата (созданного фильма) посредством коллективного труда (режиссера, сценариста, оператора, актеров, костюмеров и др.). Решению этих задач помогают темы, связанные с развитием мировой и отечественной культуры конца XIX – XXI вв., исследовательские проекты обучающихся, школьные кинолектории.

Задачи второго уровня касаются расширения исторического кругозора и развития познавательного интереса обучающихся, направленных на знакомство с историей стран и народов, значимыми историческими событиями, судьбами исторических личностей. Это могут быть такие фильмы, как «Броненосец Потемкин» (С. Эйзенштейн, СССР, 1925), «Унесенные ветром» (В. Флеминг, США, 1939), «Нюрнбергский процесс» (С. Крамер, США, 1961), «Война и мир» (С. Бондарчук, СССР, 1968), «Ватерлоо» (С. Бондарчук, Италия – СССР, 1970), «Царь» (П. Лунгин, 2009), «12 лет рабства» (С. Маккуни, США, 2013) и др.

Задачи третьего уровня направлены на развитие исторического сознания обучающихся и исторической памяти как одной из его составляющих, эмоционально-чувственной сферы, формирование гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств личности. Здесь важно обращение к фильмам, обогащающим внутренний мир человека, дающим опыт сопереживания, эмпатии, вызывающих чувство гордости за свой народ, его историю и культуру. В числе таковых – фильмы «Андрей Рублев» (А. Тарковский, 1966), «Офицеры» (В. Роговой, 1971), «Укрощение огня» (Д. Храбровицкий, 1972), «В бой идут одни «старики» (Л. Быков, 1973), «Прощание» (Л. Шепитько, Э. Климов, 1981), «Я – русский солдат» (А. Малюков,

1995), «Легенда № 17» (Н. Лебедев, 2012), «Движение вверх» (А. Мегердичев, 2017) и т. п.

В качестве инструментов влияния на историческое сознание обучающихся (а это совокупность представлений о своем прошлом и прошлом всего человечества) [Теория и методология исторической науки, 2014, с. 189] учителями используются различные формы (приемы, методы) работы с документальными и историко-художественными фильмами, для анализа которых нами применяется определенный алгоритм:

- 1) автор, место и время создания;
- 2) особенности исторического периода, в котором жил и творил автор;
- 3) события, процессы, явления или личность, которым посвящено кино;
- 4) адресат;
- 5) цели создания;
- 6) затронутые проблемы;
- 7) идеи, взгляды, мировоззрение художника, выраженные в произведении;
- 8) отношение современников мастера к его творению и творчеству в целом;
- 9) историческая правдивость;
- 10) историческая и художественная ценность;
- 11) репрезентативность.

В зависимости от поставленных педагогом задач на занятиях или во внеурочной деятельности выбираются для анализа те или иные пункты алгоритма.

Одной из самых распространенных форм работы с кинополотнами является обсуждение выбранных фрагментов фильма на учебных занятиях (в виде иллюстрации к теме, проблеме). В этом случае фрагмент фильма должен быть конкретным по содержанию, хронометрированным и сопровождаемым серией вопросов: какие события, процессы, личности показаны? Каковы их основные характеристики? Отвечают ли зафиксированная в них информация такому критерию, как объективность / историческая правда? Помогают ли они расширить представление об изучаемой теме или проблеме? К примеру, можно остановиться на фильме «Дюнкерк» (К. Нолан, Великобритания – Нидерланды – США – Франция, 2017), рассказывающем о битве англо-французских войск за французский город Дюнкерк во время французской операции вермахта в мае-июне 1940 г. Демонстрация фрагментов фильма важна для понимания масштабов Второй миро-

вой войны и, вместе с тем, для дискуссии по вопросу о том, можно ли было остановить немецкие войска в Европе и избежать в дальнейшем их продвижения на Восток.

Важное место в работе с киноматериалами занимает метод сравнения, в частности, сравнение содержания фильма и литературного произведения, на основе которого он создан. Так, в 8 классе школьники изучают историческую повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836), неоднократно экранизированную отечественными и зарубежными режиссерами, а также историю XVIII в., в том числе и восстание Е. И. Пугачева (1773–1775) [Захаров, Пчелов, 2015, с. 116–120].

Интересно показать обучающимся личность Емельяна Пугачева в прочтении кинорежиссеров Юрия Тарича («Гвардии сержант», 1928), «Капитанская дочка» (В. Каплуновский, 1958), фильме-спектакле «Капитанская дочка» (П. Резников, 1978), «Русский бунт» (А. Прошкин, 2000), «Капитанская дочка» (мультипликационный фильм, Е. Михайлова, 2005), а также сравнить кинематографический образ с созданным А. С. Пушкиным: отличается ли прочтение произведения литературы режиссером и актерами от замысла автора исторической повести в целом? Сохранили ли герои повести свои характерные черты в кинокартинах? Продолжением разговора может быть обращение к труду А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта» (1833–1834), критическим статьям, дающим оценку произведению классика и кинокартинам авторов художественных интерпретаций [Артюх, 2000; Ефимов, 1937; Матизен, 2000; Шкловский, 1927].

Большое значение на уроках истории придается историческим личностям, и здесь важен взгляд художника на ту или иную историческую персону, обращение к биографиям героев, которым посвящен историко-биографический фильм. Предметом обсуждения в данном случае являются вехи биографии (как жизненные катаклизмы повлияли на личность персоны), черты характера (как отразились на деятельности и взаимоотношениях с другими людьми), поступки и деяния (чем продиктованы, какой результат имели), оценки исторической личности современниками и потомками (менялись ли со временем, если да, то чем это объяснялось), степень объективности / субъективности режиссера и сценариста (что и почему приукрашено, затушевано или вполне соответствует действительности).

Историко-биографический жанр – один из самых распространенных в кинематографе, достаточно вспомнить такие фильмы, как «Лоуренс Аравийский» (Д. Лин, Великобритания, 1962), «Ганди» (Р. Аттенборо, Великобритания, Индия, 1982), «Черчилль» (Р. Лон-

крейн, Великобритания – США, 2002), «Чингисхан» (С. Савай, Монголия – Япония, 2007), «Встреча с Горбачевым» (документальный, В. Херцог, А. Сингер, Великобритания – Германия – США, 2018), «Сопротивление» (Дж. Якубович, Великобритания – Германия, США, Франция, 2020) и др.

В советском кинематографе определенным эталоном историко-биографических фильмов стали «Депутат Балтики» (А. Зархи, И. Хейфиц, 1936), «Александр Невский» (С. Эйзенштейн, СССР, 1938), «Суворов» (Вс. Пудовкин, М. Доллер, 1940), «Валерий Чкалов» (М. Калатозов, 1941), «Зоя» (Л. Арнштам, 1944), «Пирогов» (Г. Козинцев, 1947), «Адмирал Ушаков» (М. Ромм, 1953), «Андрей Рублев» (А. Тарковский, 1966) и т. д. Каждый из этих фильмов интересен не только мифологизированным образом («прирастанием» к реальности определенной доли вымысла) главного героя, но и тем, что передает характер эпохи, в которую он жил. В качестве примера можно привести фильм Фридриха Эрмлера «Великий гражданин» (1937, 1939), посвященный ближайшему соратнику и одновременно сильнейшему политическому сопернику И. В. Сталина – С. М. Кирову. Несмотря на свою плакатность, этот фильм вполне информативен, так как из него можно почерпнуть сведения о методах и средствах борьбы ВКП(б) с оппозицией, обвиняемой в предательстве, шпионаже, терроризме.

В разговоре о роли личности важен и акцент на проблему «новых героев» в кинематографе. Так, в 1990–2000-х гг. на экране появились представители дома Романовых, наделенные совестью, нравственностью, достоинством, честью, в которых им ранее отказывали, – Павел I («Бедный, бедный Павел», В. Мельников, 2003), Александр I («Незримый путешественник», И. и Д. Таланкины, 1998), Александр III («Сибирский цирюльник», Н. Михалков, 1998), Николай II («Цареубийца», К. Шахназаров, 1991; «Романовы. Венценосная семья», Г. Панфилов, 2000), а также люди из окружения последнего русского царя – Петр Столыпин («Столыпин... Невыученные уроки», Ю. Кузин, 2006), Григорий Распутин («Григорий Р.», А. Малоков, 2014), Матильда Кшесинская («Матильда», А. Учитель, 2016). Значительно усилилось внимание кинематографистов к большевикам и их противникам («Троцкий», Л. Марягин, 1993; «Троцкий», А. Котт, К. Статский, 2017; «Телец», А. Сокуров, 2001; «Адмиралъ», А. Кравчук, 2008 и др.), при этом образы Л. Д. Троцкого, В. И. Ленина, А. В. Колчака получили совсем иную окраску, нежели это было в советское время. Ключевым при обсуждении таких фильмов (фрагментов) могут быть вопросы о том, почему стали возможны такие изменения в характеристиках и образах, связано ли это со сменой идеологии или появлением новых источников.

Особое место на уроках истории занимает разговор об отношении власти к произведениям киноискусства. К примеру, ставится вопрос о том, почему в свое время вышли разгромные постановления партии и правительства в отношении таких фильмов, как «Большая жизнь» (Л. Луков, 1946), «Адмирал Нахимов» (В. Пудовкин, 1946), почему «полочными» стали такие картины, как «Комиссар» (А. Аскольдов, 1967–1988, «История Аси Клячиной, которая любила, да замуж не вышла, потому что гордая была» (А. Кончаловский, 1967–1988), «Проверка на дорогах» (А. Герман, 1971–1985), «Агония» (Э. Климов, 1975–1985) и др.

Еще одной из форм знакомства с кинофильмом является его просмотр с дальнейшим написанием обучающимися мини-эссе «Размышление по поводу...». В качестве повода может быть сам фильм, действия конкретного героя, игра актеров, сценарий, музыкальное сопровождение, костюмы и декорации, допущенные сценаристом и режиссером исторические ошибки. Целый ряд исторических неточностей можно показать на примере фильма «Иван Васильевич меняет профессию» (Л. Гайдай, 1973): Иван Грозный указывает годом своего рождения 1533, а не 1530, он же крестится тремя, а не двумя перстами, хотя реформы патриарха Никона еще не было, в его руках находится держава, появившаяся в качестве символа царской власти гораздо позднее, и т.д.

Если на уроке истории возможно только знакомство с отдельными фрагментами исторического фильма, то в рамках кинолектория или киноклуба закономерен просмотр и обсуждение фильма с постановкой проблемных вопросов: влияет ли историческая эпоха на взгляды автора художественного произведения? С какой целью произведение создано? Насколько субъективен автор? Есть ли историческая неправда в фильме? Что хотел автор сказать этим произведением? Можно ли считать данный фильм историческим источником? и др.

В рамках дискуссионного или политклуба реально обсуждение фильмов, тематика которых как никогда актуальна в настоящее время. Это тема фашизма, национализма, неонационализма. В этом просвещенческо-воспитательном действии желателен участие обучающихся старших классов, родителей, педагогов, ученых и др. Предметом обсуждения могут быть такие кинопроизведения, как «Дневник Анны Франк» (Дж. Стивенс, 1959), «Обыкновенный фашизм» (документальный, М. Ромм, 1965), «Расскажите, доктор, сказку» (А. Зябликова, мультипликационный, 1988), «Список Шиндлера» (С. Спилберг, 1993), «Воровка книг» (Б. Персивал, 2013). Вполне оправданным будет и обращение к фильму «Дети из бездны» (документальный, П. Чухрай,

2002), созданному из воспоминаний, документов, фотографий людей, переживших в детском возрасте Холокост.

Просмотр этих фильмов позволяет задуматься над целым рядом вопросов: почему вообще стало возможным такое преступное деяние как геноцид еврейского народа? Какую цель преследовали нацисты, уничтожая целый народ? Может ли подобный геноцид повториться в отношении какого-либо другого народа, например, русского? Конечно, при обсуждении данной тематики следует обратиться и к целому ряду документов, например, к программе НСДАП «25 пунктов», плану «Ост», немецким листовкам периода Великой Отечественной войны.

Принципиально важной представляется такая форма работы с киноматериалом, как совместный просмотр фильмов детьми и родителями и дальнейшее его обсуждение в семье с целью выявления отношения к проблеме, понимания причин разности взглядов взрослых и детей и т. д. Как показывает практика, такой подход является эффективным, так как у детей и взрослых появляются общие темы для разговора. Так, в нашем педагогическом опыте есть подобные примеры, когда старшеклассники вместе с родителями и прародителями смотрят такие фильмы, как «Враг народа – Бухарин» (Л. Марягин, 1996)», «28 панфиловцев» (А. Шальопа, К. Дружинин, 2016), «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен» (Э. Климов, 1964), «Дорогие товарищи!» (А. Кончаловский, 2020), «Брат-2» (А. Балабанов, 2000), позволяющие обсудить уже на уроке целый ряд вопросов: как оценивают прародители и родители эпоху 1930-х гг. с ее коллективизацией, индустриализацией, массовыми репрессиями? Каково их отношение к И. В. Сталину? Согласны ли они с мнением, что Великая Отечественная война была выиграна только благодаря жестким мерам партии и правительства, а не героизму советских людей? Как в целом ими оценивается советский период и времена 1990-х гг.? Излагая взгляды родственников на сформулированные вопросы, школьники высказывают собственное мнение по поводу тех или иных исторических эпох, событий, личностей.

Заметное место документальные и историко-художественные фильмы занимают в сценариях массовых мероприятий гражданско-патриотической направленности, выполняя в них иллюстративную, информативную и воспитательную роль. Прежде всего речь идет о памятных датах и днях воинской славы России, об использовании фрагментов или публичном просмотре и обсуждении фильмов о Гражданской и Великой Отечественной войнах: «Чапаев» (бр. Васильевы, 1934), «Разгром немецких войск под Москвой» (документальный,

Л. Варламов, И. Копалин, 1942), «Молодая гвардия» (С. Герасимов, 1948), «Сорок первый» (Г. Чухрай, 1958), «Судьба человека» (С. Бондарчук, 1959), «Баллада о солдате» (Г. Чухрай, 1959), «Белорусский вокзал» (А. Смирнов, 1970), «Они сражались за Родину» (С. Бондарчук, 1975) и др. На таких мероприятиях у школьников в памяти остается яркий образ события или его участника, а также пережитые эмоции.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что произведения кинематографа в образовательном процессе – важный информационный источник, однако еще более значимый воспитательный ресурс. Использование данного типа исторических источников на уроках истории и во внеурочной деятельности позволяет обучающимся глубже и шире рассмотреть историческое событие, осмыслить его причины и последствия, понять поступки и действия героев, «прожить» и прочувствовать саму историческую эпоху. Нельзя не согласиться с русским писателем и поэтом В. М. Гаршиным, который написал: «Часто один мощный художественный образ влагает в нашу душу более, чем добыто многими годами жизни» [Гаршин, 1963, с. 418].

Артюх А. Александр Прошкин. «Это наша беда, что мы сделали из разбойников национальных героев» // Искусство кино. 2000. № 5. С. 24–29.

Гаршин В. М. 1887. Заметки о художественных выставках // Гаршин В. М. Соч. М.-Л.: Гослитиздат, 1963. С. 418–427.

Ефимов Н. Проблема пушкинского фильма // Пушкин и искусство. М.: Искусство, 1937. С. 89–123.

Захаров В. Н., Пчелов Е. В. История России. XVIII век : учебн. для 8 кл. общеобраз. организаций / под ред. Ю. А. Петрова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2015.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.

Матизен В. «Русский бунт»: истоки и смысл. «Русский бунт», режиссер Александр Прошкин // Искусство кино. 2000. № 5. С. 19–24.

Президент России поддержал инициативы Карена Шахназарова, озвученные на Совете по культуре и искусству URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=48912 (дата обращения: 15.10.2022).

Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.

Шкловский В. Б. Как ставить классиков // Советский экран. 1927. 16 авг.

Раздел 2

СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ: АРХИВ КАК ИНСТИТУТ ПАМЯТИ

2.1. ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА, СОХРАННОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

УДК 930.25(470.54)

А. А. Гагарин, В. В. Каплюков
Центр документации общественных
организаций Свердловской области, г. Екатеринбург

ОБ ОПЫТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Обобщен опыт организации и осуществления международных и межрегиональных контактов ЦДООСО за последнее десятилетие. В числе наиболее важных форм сотрудничества представлены традиционные научно-практические конференции «Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития»; аналогичные мероприятия, проводимые коллегами из зарубежных государств и российских регионов; международные и межрегиональные выставочные проекты; «круглые столы»; взаимные визиты и обмены опытом; прием и сопровождение иностранных делегаций; информационная поддержка официальных международных контактов руководства области и др. Делается вывод о значительном потенциале международного и межрегионального сотрудничества как фактора совершенствования архивной работы, осуществления научных исследований и просветительской деятельности.

Ключевые слова: Центр документации общественных организаций Свердловской области, международный опыт.

Развитие взаимодействия и сотрудничества архивистов российских регионов, их международных контактов рассматривается нами как важнейшее условие повышения профессионального уровня специалистов, обмена положительным опытом организации и осуществле-

ния архивной деятельности, его распространения. Традиционными партнерами ЦДООСО являются архивные органы и учреждения, научные центры, вузы, музеи и библиотеки Уральского и сопредельных федеральных округов, других регионов страны, обеих столиц, ряда иностранных государств.

Самым масштабным и известным проектом ЦДООСО в сфере межрегионального и международного сотрудничества стали в последнее десятилетие регулярные научно-практические конференции «Партийные архивы: проблемы и перспективы развития» [Каплюков, 2020б] посвященные истории и практике современного функционирования архивов социально-политической истории, использованию их потенциала в социальных и научных целях; представлению результатов научных исследований, осуществляемых на базе и с привлечением документов бывших партийных архивов.

С 2012 г. состоялось шесть таких конференций, ставших отличными площадками для обмена опытом архивной деятельности, поиска оптимальных форм сотрудничества хранителей и потребителей архивной информации. Проведение конференций на базе архивных органов и учреждений Большого Урала – в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Оренбурге, Перми, Тюмени – способствовало последовательному расширению круга и повышению уровня научно-практической квалификации ее участников, налаживанию плодотворного сотрудничества с архивистами и учеными всей России [см. например: Партийные архивы, 2021]. Непременными участниками конференций являются практики и исследователи из областей Уральского федерального округа, Москвы, Санкт-Петербурга, Приволжского, Северо-Западного, Сибирского и Центрального федеральных округов. В 2019–2021 гг. в научных дискуссиях приняли участие (в очном и онлайн-форматах) архивисты Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, что позволило говорить о первых шагах к приобретению этими конференциями статуса международных.

Традиционным направлением работы архивистов ЦДООСО стало участие в проводимых коллегами из Пермского края со второй половины 2010-х гг. Ноябрьских историко-архивных чтений в Пермском партархиве и с 2020 г. – Всеуральских чтений по истории Уральского добровольческого танкового корпуса; в ежегодных научных конференциях «Архив в социуме – социум в архиве», организуемых с 2018 г. Архивной службой Челябинской области. Налажено регулярное участие сотрудников ЦДООСО в международных конференциях «Документ. Архив. История. Современность» в Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. В ноябре 2020 г. по поручению Управления архивами Свердловской области представители ЦДООСО приняли участие в состоявшейся

в Российском государственном профессионально-педагогическом университете международной научно-практической конференции «30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей», посвященной 30-летию принятия ООН Конвенции о правах ребенка и 10-летию учреждения института Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области.

В последние годы сотрудники архива принимали также участие в научно-организационных мероприятиях в Волгограде, Гурзуфе, Екатеринбурге, Москве, Салехарде, Самаре, Санкт-Петербурге, Уфе и др. Заместитель директора архива по основной деятельности С. Г. Коробейникова выезжала в рамках обмена опытом в Республику Крым; заместитель директора ЦДООСО по научно-методической работе В. В. Каплюков является постоянным участником Крымско-Московских архивно-краеведческих чтений. Налажены прочные творческие связи с Государственным Эрмитажем в Санкт-Петербурге¹.

В последние годы развивается практика участия представителей архива в научных конференциях, проводимых зарубежными коллегами. Сотрудники ЦДООСО неоднократно представляли доклады и сообщения на научных конференциях в республиках Казахстан (г. Алматы) [Каплюков, 2020а; Каплюков, Курзина, 2020] и Узбекистан (г. Ташкент), планируется участие представителей архива в предполагаемых к проведению научно-организационных мероприятиях в Республике Беларусь.

В ЦДООСО на постоянной основе реализуются международные и межрегиональные выставочные проекты, ориентированные на удовлетворение информационных запросов россиян и зарубежной общественности². В 2014–2019 гг. в Екатеринбурге были организованы крупные выставки «Граждане Китая на Урале», «Советско-китайские отношения в 1945–1965 гг.», «Урал – Харбин», «Российско-китайские связи в первой четверти XX века», «От Самары до Пекина. Пути сотрудничества востока России и Китая в XX – начале XXI века».

¹ Значимыми результатами сотрудничества стали участие сотрудников ЦДООСО в научно-практической конференции «Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий», приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал (4–6 апреля 2016 г.); в заседании секции «Эвакуация музейных коллекций» проекта «Эрмитажная Академия. #Победа75. Музеи и война» XXII международного фестиваля музеев «Интермузей – 2020», посвященного 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (27–30 мая 2020 г.); выход книги «Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках» (Екатеринбург, 2021), подготовленной Государственным Эрмитажем и Екатеринбургским музеем изобразительных искусств с привлечением документов из фондов ЦДООСО.

² С электронными выставками ЦДООСО, а также подробными отчетами о выставочных проектах, реализованных в традиционных форматах, можно ознакомиться на официальном сайте архива <http://cdooso.ru>.

На некоторых из них наряду с документами из российских архивов экспонировались копии документов, предоставленных архивами Киргизской Народной Республики³.

В 2018–2019 гг. были организованы три совместные выставки с коллегами из Республики Кыргызстан – «Трудовой фронт. 1941–1945 гг.», «Промышленность Свердловской и Чуйской областей в 1990–2000-е годы», «Урал – Кыргызстан: веки взаимодействия и сотрудничества»⁴ с параллельным их экспонированием в Центре документации и на кыргызских площадках. В 2021 г. был реализован совместный с архивистами Казахстана проект «Урал – Казахстан: след в открытом космосе»⁵, в рамках которого было выставлено свыше двухсот экспонатов, иллюстрирующих подготовку и осуществление полетов Ю. А. Гагарина и других советских космонавтов, славное прошлое и сегодняшний день космодрома Байконур, процессы мемориализации космической эпопеи, использование истории освоения космоса в целях гражданского, патриотического и интернационального воспитания молодежи дружественных государств. Проект был представлен в онлайн-выступлении директора ЦДООСО на «круглом столе», организованном в г. Алматы Федеральным агентством «Россотрудничество» и Архивом Президента Республики Казахстан.

Практически все крупные выставки ЦДООСО организуются с привлечением документов и фотографий из центральных и дружественных региональных архивов, артефактов из музейных, библиотечных и частных коллекций. Со своей стороны, архив регулярно представляет по запросам заинтересованных структур документы для использования в рамках проектов, реализуемых партнерскими структурами. Так, весной 2021 г. по запросам пермских и оренбургских коллег краевой и областной архивным службам были адресованы пакеты архивных документов для использования на юбилейных

³ Наряду с архивными органами и учреждениями «Большого Урала» документы для экспонирования предоставили Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, Управление по делам архивов и Государственный архив провинции Хэйлунцзян (КНР).

⁴ В качестве участников выставок с кыргызской стороны выступили Архивное агентство Государственной регистрационной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Центральный государственный архив Республики Кыргызстан, Центральный государственный архив общественно-политической документации Республики Кыргызстан, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Республики Кыргызстан, Чуйский областной государственный архив.

⁵ Наряду с российскими участниками в организации выставочного проекта приняли участие Архив Президента Республики Казахстан (г. Алматы, Республика Казахстан), Государственный архив Костанайской области (г. Костанай, Республика Казахстан), Аркалынский региональный государственный архив (Костанайская область, Республика Казахстан).

«космических» выставках; в феврале 2022 г. в адрес Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу были направлены электронные копии выявленных в ЦДООСО документов для возможного экспонирования на выставке, посвященной 100-летию принятия ислама Волжской Булгарией; в мае 2022 г. по запросу Государственного комитета по делам архивов и Объединенного государственного архива Челябинской области был подготовлен пакет документов и фотографий для экспонирования в рамках выставок по истории уральского джаза. К 100-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина на площадке свердловского городского Дворца творчества детей и молодежи «Одаренность и технологии» была организована с привлечением возможностей РГАСПИ и других архивов выставка документов и фотографий «Дети фабрик, заводов, полей, к пионерам в ряды поскорей!»

Центр документации принимает также посильное участие в мероприятиях в сфере международного и межрегионального сотрудничества, организуемых Управлением архивами Свердловской области. Сотрудники ЦДООСО на регулярной основе участвуют в стажировках в федеральных архивах, заседаниях научно-методических советов архивных учреждений Уральского и сопредельных округов, достойно представляют Средний Урал на иных мероприятиях общенационального, межрегионального и местного уровней.

Архив также стал площадкой для регулярного приема зарубежных делегаций, иностранных дипломатов и архивистов, гостей из российских регионов; для проведения международных и межрегиональных архивных мероприятий. В 2016 г. на базе ЦДООСО состоялся «круглый стол» «Трагедия плена», в 2019 г. – две встречи руководителей Архивной службы Свердловской области и аккредитованных в Екатеринбурге дипломатических представительств иностранных государств. Большинство таких и им подобных мероприятий, в том числе визиты в Екатеринбург чрезвычайных и полномочных послов Кубы⁶ и Сербии⁷, руководителей посольства Венгрии в Российской

⁶ К визиту на Средний Урал Чрезвычайного и полномочного посла Республики Куба в Российской Федерации Херардо Пеньяльвера Портала в УрФУ была развернута межархивная выставка «Estamos con ustedes, hermanos-cubanos! Мы с вами, братья-кубинцы!», подготовленная силами двух крупнейших архивов Среднего Урала – Государственного архива и Центра документации общественных организаций Свердловской области.

⁷ Чрезвычайный и полномочный посол Республики Сербии в Российской Федерации Мирослав Лазански (1950 – 2021) посетил ЦДООСО 18 ноября 2020 г. в рамках официального визита на Средний Урал. Высокой делегации была представлена подготовленная государственными архивами области выставка документов и фотографий, иллюстрирующих историю братской дружбы российского и сербского народов; были переданы копии архивных фотографий состоявшихся в Екатеринбурге в конце 1990-х гг. акций протеста против бомбардировок Югославии и митингов солидарности уральцев с сербским народом.

Федерации и др., сопровождались выставками архивных документов, подготовленными Центром документации совместно с другими архивами области. В октябре 2014 г. и феврале 2020 г. представители ЦДООСО приняли участие в работе организованных Свердловским областным краеведческим музеем и Уральским федеральным университетом международных «круглых столов», посвященных 100-летию Первой мировой войны и подвигу народа-победителя в Великой Отечественной войне.

Сотрудниками ЦДООСО на постоянной основе осуществляется информационная поддержка контактов руководства Свердловской области с иностранными политиками и дипломатами. Так, в июле 2019 г. в рамках презентации Губернатором Е. В. Куйвашевым потенциала области в посольстве КНР в Москве была развернута соответствующая тематическая выставка, переданная после экспонирования китайской стороне; в январе 2022 г. был подготовлен пакет архивных документов для передачи делегации Южно-Африканской Республики во главе с Чрезвычайным и полномочным послом М. Джеффом Макетуккой.

В последние годы сотрудники ЦДООСО выезжали в составе делегаций Управления архивами Свердловской области с рабочими визитами в Китайскую Народную Республику, Республику Кыргызстан и Финляндскую Республику. В ходе этих визитов состоялись обмены опытом архивной и исследовательской работы, а также копиями архивных документов, представляющих обоюдный интерес.

Эпидемия новой коронавирусной инфекции осложнила ведение архивом межрегиональной и международной деятельности; породила необходимость поиска новых форм организации сотрудничества, в том числе с использованием онлайн-технологий. Как отмечалось в публикациях сотрудников ЦДООСО и коллег из других регионов, использование этих технологий – при всех издержках – позволяет сохранить, а в иных случаях – даже интенсифицировать контакты представителей разных регионов и государств. По общей оценке архивистов, проведение совместных конференций, выставок и пр. способствует профессиональному и культурному обогащению участников мероприятий, упрочению межрегиональных и международных контактов.

Каплюков В. В. Документы ЦДООСО о сотрудничестве Свердловской области, РСФСР и Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные десятилетия // Архивное дело на современном этапе: проблемы, опыт, инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 17–18 окт. 2019 г. Алматы, 2020. С. 70–81. (а)

Каплюков В. В. Эффективная форма сотрудничества архивистов и историков (из опыта проведения научно-практических конференций бывших «партийных» архивов) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума, посв. 50-лет. ист.-арх. специальности в Урал. ун-те, Екатеринбург, 11–12 сент. 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 392–396. (6)

Каплюков В. В., Курзина С. Н. Из истории комиссии академика В. Л. Комарова (к 80-летию начала работ) // История. Память. Люди : материалы X междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 23 сентября 2020 г. Алматы, 2020. С. 55–70.

Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития : материалы VI межрегион. (с междунар. уч.) науч.-практ. конф., Оренбург, 19–20 мая 2021 г. Екатеринбург: ООО «Универс. Тип. Альфа-Принт», 2021.

УДК 930.25(470.13)

А. К. Гагиева

Коми республиканская академия
государственной службы и управления, г. Сыктывкар

ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 20–30-е гг. XX в.

Цель статьи – рассмотреть историю комплектования Национального архива Республики Коми после окончания гражданской войны. На основе изучения архивных документов был сделан вывод, что в изучаемое время на территории Коми области были созданы архивное бюро и областной архив. Основная задача этого этапа состояла в сборе и сохранении архивных источников. При этом четких критериев отбора на хранение не существовало. В результате в областной архив попадали дубликаты, копии документов, не имеющих исторической и практической ценности. Многие источники были уничтожены, тогда как документы по истории Гражданской войны, истории революций были сохранены. К концу изучаемого периода создается сеть городских и районных архивов, а также активно комплектуется Коми областной архив.

Ключевые слова: Коми областное архивное бюро, областной архив, архивный источник, архивный фонд

Изучение истории комплектования Национального архива Республики Коми продолжает сохранять актуальность. Это связано как с появлением новых архивных документов, ранее не введенных в научный оборот, так и с необходимостью продолжения работы по расширению источниковой базы современных исследований.

Актуальность темы усиливается и тем, что в этом году архиву исполняется 100 лет и использование исторического опыта, накопленного за прошедшее время в деле формирования, становления и развития

архивного дела в национальной республике, может быть творчески применимо и сегодня.

Цель настоящей статьи – рассмотреть комплектование Национального архива Республики Коми документами и материалами в 1920–1930-е гг. Для ее достижения использовались как опубликованные, так и неопубликованные источники [НАРК, ф. Р-3, ф. Р-488]. Следует отметить, что они известны исследователям, изучавшим историю становления архивной отрасли. Так, в работах Т. И. Лахтионовой, Э. Г. Чупровой и других была представлена история Национального Архива Республики Коми [Гагиева, 2010; Лахтионова, 1997, 2002; Чупрова, 2007]. Однако вопросы его комплектования, особенно в 20–30-е гг. прошлого столетия, изучены явно недостаточно.

Известно, что на изучаемой территории в 1920-е гг. проходила Гражданская война. Большинство документов организаций и учреждений дореволюционной эпохи были уничтожены или потеряны, оставшиеся были непригодны для дальнейшего хранения и обработки, что подтверждают материалы фонда Архивного управления, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми

Как и в других республиках, работа по комплектованию Национального архива в Коми области берет свое начало в 20-е гг. Она включала сбор архивных документов, создающихся в процессе деятельности организаций, перемещение архивного материала, касающегося истории Коми области, из архивных учреждений Вологодской и других губерний. Для их реализации была начата работа по созданию первого в области архивного учреждения.

В 1922 г. в г. Усть-Сысольске (г. Сыктывкар) был открыт Коми областной архив. Его создание шло параллельно с комплектованием фондов Областного архивного бюро, причем, никакого положения о вновь создаваемом учреждении принято не было. Единственное, на что обращалось внимание – то, что Бюро создавалось «в целях сохранения архивных фондов от расхищения и гибели» [НАРК, ф. Р-3, оп. 1, д. 201, л. 34]. Председателем бюро была назначена Е. А. Никитина, проработавшая в данной должности с 1 июня до 27 августа 1922 г. С 28 августа Архив и Бюро были объединены, и это архивное учреждение вплоть до 1936 г. возглавлял Андрей Андреевич Цембер.

Имеющийся в нашем распоряжении годовой отчет о деятельности Коми областного архивного бюро с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. дает представление о первых годах работы Областного бюро и Областного архива, и лично А. А. Цембера. Вот как он рассказывал о состоянии дел:

«...Белогвардейщина, безбумажье, пожары и некультурность были причинами почти полного уничтожения архивных материалов, главным

образом в революционные годы... Основанием для Областного Архива послужили архивные дела бывшей Усть-Сысольской Городской управы и Сиротского Суда, хранившиеся в двух сырых амбарах (отчего половина архивных дел сгнила, а также значительная часть этих дел были расхищены до основания Обархбюро)» [НАРК, ф. Р-488, оп. 1, д. 6, л. 4–5].

Исключительно благодаря энтузиазму А. А. Цембера архив постепенно пополнялся. Так, только за 1923–1924 гг. на хранение в архив поступило 18 фондов, из них 10 дореволюционных. Это: дела Усть-Сысольского казначейства, Усть-Сысольского воинского начальника, Троицкого собора и Кажимского горного завода [Там же, д. 1, л. 115–115 об.]. Часть документов поступала из Вологды, Москвы и Яренска. Фактически сдача дел в архив в этот период шла хаотично, особенно в ликвидированных организациях (например, в уездных продовольственных комитетах). Органы же государственной власти, представленные Исполкомом, сдавали документы организованно и в срок. Так, 4 февраля 1924 г. это государственное учреждение «направило в Коми областной государственный архив дела бывшего Областного комитета внутренних дел за 1921 г. по описи в 2 экз.» [Там же, д. 3, л. 20].

19 сентября 1924 г. от начальника Областного дома заключения в г. Усть-Сысольске поступило письмо заведующему Архивным бюро о возможности сдачи в архив «старых дел бывшего Усть-Сысольского тюремного замка». В ответ на письмо от 20 сентября 1924 г. заведующий архивным бюро указал, что документы могут быть приняты, но «ранее, чем выслать материал, его необходимо систематизировать, если такой не систематизирован» [Там же, л. 127]. В результате к 1 октября 1925 г., в Областном архиве «было сосредоточено 35 фондов, в том числе дореволюционных 15 и послереволюционных 20», а через год число фондов в архиве утроилось – «дореволюционных фондов поступило 31, и послереволюционных 42 и таким образом состояло на учете дореволюционных фондов 46 и послереволюционных 62, всего 108 фондов» [НАРК, ф. Р-488, оп. 1, д. 6, л. 4–5]. Однако этого было недостаточно.

В феврале 1926 г. Президиум облисполкома принял первое развернутое постановление по архивному делу. Указав, что «из имеющихся в Облисполкоме сведений усматривается, что архивный материал, иногда исторически ценный, расходуется на конверты и даже употребляется в качестве оберточной бумаги, придавая большое значение архивному материалу», Президиум постановил «вменить в обязанность всем руководителям государственных, профсоюзных и общественных организаций, а равно и церковным советам хранить имеющиеся у них материалы не более чем за последние 5 лет, по ис-

течении этого времени все материалы подлежали сдаче в областное Архивное бюро при соответствующей описи». Далее указывалось, что «всем частным лицам, имеющим в своем распоряжении какие-то бы ни было дела учреждений царского времени и документы, не относящиеся к их держателям, должны быть в месячный срок сданы в Архивное Бюро». Последним пунктом заведующему Областным архивным бюро предоставлялось право определять сроки сдачи архивного материала в Архивное бюро [Там же, д. 1, л. 236].

Следует отметить, что задержки по сдаче документов в архив зачастую были связаны с излишней бюрократизацией работы. Например, 2 января 1928 г. Богородский волостной совет сообщил в Областное архивное бюро о том, что вопрос о направлении дел в архив рассматривался на заседании Президиума волысполкома и было решено направить документы в Областное архивное бюро, но Президиум Усть-Куломского УИКа предложил воздержаться от направления материалов впредь до особого распоряжения [Там же, д. 5, л. 16 – 16 об]. При этом отсутствовало какое-либо объяснение подобным действиям.

К концу 1920-х гг. начинает формироваться система отбора документов на хранение. Это подтверждает постановление Президиума ВЦИК от 16 июля 1928 г. «Об улучшении постановки архивного дела на местах», в котором было указано, что со «стороны губернских, областных, краевых исполнительных комитетов наблюдается недостаточно внимательное отношение к нуждам и работе архивных учреждений, благодаря чему чрезвычайно затрудняется нормальное развитие архивного дела» [О положении..., 1931]. Далее говорилось об использовании архивных документов при решении вопросов социального строительства и предлагалось обратить самое серьезное внимание на данный вопрос.

16 августа 1928 г. Совет профессиональных союзов Области Коми направил всем областным отделам профсоюзов письмо и копию Областному архиву о том, что «ввиду отсутствия соответствующих архивных помещений и специальных работников, профсоюзным организациям затруднительно содержать свой архив в должном порядке, поэтому Облпрофсовет предлагает все старые дела сдать на хранение в Областной архив. До сдачи все дела должны быть приведены в порядок и бумаги прочно подшиты к нарядам, после чего следует пронумеровать все листы, на обложке нарядов отметить время начала и окончания дела, также количество листов дела» [Там же, л. 18 – 18 об].

Становление системы комплектования архивного фонда только начиналось, отсутствовали методические материалы по экспертизе ценности. Не последнюю роль играло и отсутствие квалифицированных кадров, которые могли бы профессионально и грамотно наладить

архивную работу в организациях. В результате в архив сдавались копии, черновики, документы, не представлявшие исторической и практической ценности. Организации были перегружены и испытывали множество проблем. Так, в марте 1928 г. в Усть-Куломский, Усть-Вымский и Сысольский уисполкомы руководителем архива было направлено письмо о том, что волисполкомами «не сданы документы в архив». Подчеркивалось, что в архивах учреждений документы могут храниться только пять лет и при этом напоминалось, что дела сдаются при описях, составленных в двух экземплярах». В письме приводился «образец формы описи: 1 графа № п/п, 2 гр. – когда начато и окончено дело, 3 графа – наименование дела, наряда, 4 гр. – число листов, 5 гр. – отметка о сроке хранения, 6 гр. – примечание». Далее указывалось, что «кроме дел и нарядов в Областной архив должны быть сданы и старые газеты, а из школ и вышедшие из употребления книги». Было подчеркнуто, что «у церкви все архивы до 1918 г. тоже должны быть сданы в областной архив» [НАРК, ф. Р- 488, оп. 1, д. 5, л. 63–64].

При всей сложности комплектования областного архива архивистам удавалось сохранять документы от уничтожения. В 1929 г. Областное земельное управление запросило разрешение у Областного архивного бюро на сдачу Госторгу в качестве макулатуры планов генерального межевания 1786 г. лесных площадей Усть-Сысольского и Яренского уездов. Архивисты выступили против и для подтверждения своей позиции в Центрахив было отправлено письмо с обоснованием исторической ценности документов и с просьбой об их сохранности. Центрахив поддержал Областное архивное бюро и документы Генерального межевания 1786 г. были сохранены [Там же, д. 8, л. 2 – 2 об].

Благодаря работе по сохранению документов и передаче их на архивное хранение к началу 1930-х гг. областной архив республики значительно пополнился. В нашем распоряжении имеется отчет о его работе за 1932 г. Было отмечено, что «во исполнение Постановления Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г. “О положении архивного дела на местах” проведены в жизнь следующие мероприятия: постановлением Облисполкома от 21.10.1931 г. закреплено за областным архивом занимаемое им в момент основания каменное 2-этажное здание, штат Областного архивного бюро увеличен на 1 единицу; зарплата сотрудников архива повышена в соответствии со ставками других отделов Облисполкома; увеличен бюджет Областного архива». В отчете о работе архива было сказано, что «взятые на учет пореволюционные фонды, распадаются на две группы: фонды учреждений, ликвидированных в связи с районированием Автономной области Коми и реорганизацией управленческого аппарата (13 фондов), и фонды, признанные подлежащими сдаче в Областной архив в результате рас-

смотрения отборочных списков (пять фондов). Принято вновь поступивших материалов – 7568 ед. хр., учтено дел в действующих учреждениях – 8255 ед. хр.» [НАРК, ф. Р-488, оп. 1, д. 14, л. 9, 18].

В 1932 г. общее число фондов, хранящихся в Областном архиве составляло 257, в том числе исторических 85 или 33 %, и советского периода – 172, или 67 %, всего 95 516 ед. хр. , в том числе 76 498 ед. хр. послереволюционных и, как указывалось в отчете за 1932 г., «кроме того лежит в грудах архивных материалов весом 16230 кг. Описано 216 фондов или 84 %. Из неописанных архивных материалов почти все относятся к историческим» [Там же, д. 12, л. 134].

В этом же отчете А. А. Цембер указывал:

«Основной задачей Областного архивного бюро за последнее время (примерно с половины прошлого 1931 г.) была поставлена перестройка работы, поворот от собирания архивных материалов и первичной их обработки к использованию их для нужд социалистического строительства. Поэтому при построении планов работ и при их выполнении главное место отведено было работам по выявлению архивных материалов, необходимых для социалистического строительства, как местного, так и всесоюзного значения, в первую очередь особо актуальных для данного периода, как-то: а) по истории советского, хозяйственного и культурного строительства Автономной области Коми (по случаю 10-летнего юбилея ее существования в 1931 г.); б) по истории Октябрьской революции (к XV-летию в 1932 г.), по истории Гражданской войны и интервенции, по заданиям центральных учреждений и Научно-исследовательских учреждений и др.»

Комплектование архива на ближайшие годы намечалось, по мнению заведующего архива, по следующим направлениям:

а) Севкрайархуправления – архивные материалы бывшего Печорского уезда, Архангельской губернии, вошедшего в состав Автономной области Коми;

б) от Северо-Двинского отделения Севкрайархуправления (в г. В. Устюг) – материалы бывшего Яренского уезда Северо-Двинской губернии, вошедшего в состав Коми области;

в) архивные материалы бывших лесничеств, находящиеся частью в леспромхозах, частью в архиве треста «Комилес» (в Областном архиве имелись архивы лишь двух лесничеств), представляющие весьма ценный материал для реконструкции лесного хозяйства Коми области;

г) архивные материалы районных архивов – дореволюционного и послереволюционного по 1924 г., а также ликвидированных учреждений, концентрация которых еще не была закончена, так как райархивы не спешили с выполнением директив Областного архивного бюро» [НАРК, ф. Р-488, оп. 1, д. 12, л. 157–158].

Относительно работы архивов действующих учреждений говорилось:

«Архивы учреждений областного центра находились в более или менее удовлетворительном состоянии. В то же время в ведомствах не было специально выделенных архивариусов, за исключением Межевого архива при Областном земельном управлении, где имелись и особое помещение, и архивариус. Ввиду недостаточности штата Облархбюро и его перегруженности, работа по обследованию, инструктированию и консультации учрежденческих архивов производилась лишь в областном центре и не систематически. Чтобы поставить эту работу на должную высоту, необходимо было ввести в штат Областного архивного бюро должность архивиста-инструктора» [Там же, л. 159].

В качестве основной на вторую пятилетку была определена задача завершения выявления, учета и концентрации всех архивных фондов и материалов на территории Коми области, «разборка и инвентаризация всех архивных материалов и др.» [Там же, л. 160]. Далее говорилось о проблемах архивного строительства. «Необходимо выделить Областному архиву дополнительное помещение в связи с тем, что здание архива переполнено и дальнейший прием вновь поступающих архивных документов невозможен» [Там же, л. 13].

Представленный документ подводит некоторые итоги работы Национального архива Республики Коми в 1920–1930-е гг. С одной стороны, благодаря энтузиазму работников архива удалось спасти и сохранить уникальные документы дореволюционного и раннесоветского времени; наблюдался интерес к архивному делу со стороны республиканской власти, шло пополнение архивного фонда Республики Коми.

С другой стороны, отсутствие архивных кадров, слабая материальная база, а также отсутствие методических материалов по организации архивной работы не позволяли двигаться вперед в деле комплектования Национального архива.

Гагиева А. К. Очерки истории становления и формирования архивного дела в России (IX – конец XX вв.). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010.

Лахтионова Т. И. О состоянии перспективах комплектования ЦГА РК документами личного происхождения // *Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества* : тез. докл. науч.-практ. конф. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 1997. С. 49–52.

Лахтионова Т. И. Общество и архивы – пути взаимодействия // *Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы* : тез. докл. науч.-практ. конф., 23–24 окт. 2002 г. Сыктывкар : <Б. и.>, 2002. С. 53–56.

Национальный Архив Республики Коми (ГУ РК НАРК).

Ф. Р-3. «Коми областной исполнительный комитет».

Ф. Р-488. Архивное управление Коми АССР – Архивное агентство Республики Коми.

О положении архивного дела на местах : пост. ВЦИК от 10.06.1931 // СУ РСФСР. № 31. Ст. 276.

Чупрова Э. Г. Архивы Коми АССР: 1922–1991 гг. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН. 2007.

УДК 930.25

Н. И. Демирова
Государственный исторический музей,
г. Москва

УЧЕТ, АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЩЕНИЙ К АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ: ОПЫТ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С середины XX в. в ОПИ ГИМ ведется систематический учет тематики и организационной принадлежности исследователей, работающих с документами. Первоначально накопление этой информации определялось необходимостью решения задач повседневной музейной практики. Предполагалось использовать эти сведения для определения наиболее востребованных материалов из собрания отдела и обеспечения их первоочередной реставрации и копирования. Постепенно обозначилось еще одно направление: фиксация информации об особенно интересных выявленных документах для последующего использования их в экспозиционной деятельности музея. К середине 2010-х гг. стало очевидно, что собранный за 60 с лишним лет массив данных представляет собой ценнейший статистический материал, на основе которого может быть реконструирована динамика и тематика использования документов конкретного архивного фонда, имеющая историографическое значение. В статье охарактеризована действующая в отделе система учета исследовательских обращений к хранимым документам, предложена методика анализа и интерпретации получаемого массива данных.

Ключевые слова: историческая наука, историография, архивоведение, музеология, Государственный исторический музей, отдел письменных источников, учетная документация.

Формирование коллекций Исторического музея началось непосредственно после того, как 9 (21) февраля 1872 г. было получено высочайшее соизволение императора Александра II на его открытие. Первые собрания были получены музеем в дар как от различных организаций, так и от частных лиц. К 1917 г. списки дарителей РИМ насчитывали более 900 имен и наименований. По мере роста собрания музея естественным образом назрела необходимость его разделения

на отдельные группы для организации более качественного описания, хранения и изучения предметов. В 1910-е гг. начала формироваться современная система фондово-хранительских отделов Исторического музея, в основу которой положены типологические особенности хранимых предметов. Впервые отдельное архивное подразделение в музее упомянуто в высочайше утвержденных 5 июля 1912 г. штатах ИРИМ, и опубликованном «Отчете» музея за 1912 г.: «пополнение штата новыми должностными лицами дало ... возможность к концу отчетного (т. е. 1912) года приступить к организации особых отделов: рукописей, архива и гравюр, литографий и лубков; эти громадные по количеству памятников и весьма ценные собрания не имели особых заведующих и оставались посему, кроме собрания рукописей, в неразобранном виде». [Отчет, 1913, с. 44]

В связи с решениями 1912 г. встал вопрос о методике разделения документов между отделами архива и рукописей. И. С. Калантырская отмечала, что это разделение «было принято не только по хронологическому принципу, в основу было положено происхождение русской рукописной книжности, традиции письменности». [Калантырская, 1993, с. 9] Дальнейшая практика показала, что провести четкое разделение материалов между этими двумя отделами не всегда возможно, что породило многочисленные передачи документов между ними, которые временами случаются и сейчас.

После 1938 г. отдел перешел на архивную систему описания коллекции: началось фондирование и пофондовое описание. В ходе этой работы было создано множество небольших фондов отдельных лиц и учреждений. В них зачастую объединялись материалы, изначально входившие в состав разных документальных коллекций. На рубеже 1930–1940-х гг. работа по описанию фондов велась сотрудниками, принятыми по договору. Работа шла ударными темпами, было описано порядка 40 % имеющегося собрания, однако по оценкам архивистов, впоследствии работавших в ОПИ ГИМ, качество проделанного «оставляло желать лучшего». [Там же, с. 13]. Многие из описанных тогда фондов пришлось фактически заново обрабатывать следующему, послевоенному поколению сотрудников. Причем дело не ограничивалось исправлением и уточнением содержания описаний, многие из архивных фондов, сделанных в тот период, были признаны «искусственно сформированными». Они упразднились, а документы передавались в другие фонды.

На начало 2022 г. собрание ОПИ ГИМ насчитывало 573 архивных фонда, за которыми числилось 91 231 ед. хр. На сегодняшний день документы, хранимые в ОПИ ГИМ, одновременно относятся к музейному и архивному фондам РФ. В результате ме-

тодика учета предметов в отделе постепенно меняется и сочетает в себе черты музейного и архивного учета. В связи с этим возникает вопрос о количестве хранимых музейных предметов, по предварительным подсчетам размер коллекции отдела составляет 1,5–2 млн документов.

Наряду с обязательными документами для учета хранимого собрания в ОПИ, начиная с 1920-х гг. велись документы по учету обращений к хранимым предметам. Первоначально, эта информация фиксировалась для выявления наиболее востребованных материалов из собрания отдела и обеспечения их первоочередной реставрации и копирования. К середине 2010-х гг. комплекс учетно-справочной документации отдела был осознан как уникальный массив статистического материала, на основе которого может быть реконструирована динамика и тематика использования документов конкретного архивного фонда, имеющая научное значение. [Сиротина, 2015а, с. 186; Сиротина, 2015б, с. 28] Часть документов, составляющих этот комплекс, характерна для многих архивов: листы использования, анкеты исследователей и т. п. Другие были созданы по инициативе сотрудников отдела.

Велик информационный потенциал картотеки использования фондов. Первые записи в ней относятся к 1920-м гг. Информация в картотеку использования фондов заносилась не систематически, однако даже отрывочные сведения о практике использования документов в 1920–1940-х гг. представляют сегодня большой интерес, что же касается более позднего времени, то 1950–1980-е гг. отражены в ней максимально подробно. Карточки во многом произвольны. Они были разного формата и заполнялись вручную. Картотека упорядочена по номерам фондов, на каждый фонд заводилась отдельная карточка, в которую записывались номера единиц, выданных посетителю читального зала; тема, которая была заявлена исследователем, и учреждение, курировавшее данную работу. Когда карточка заполнялась полностью, к ней добавлялась следующая. В зависимости от интереса, проявляемого к материалам фонда исследователями, количество заполненных карточек колеблется и зачастую находится в диапазоне 1–15 карточек на фонд. Картотека использования фондов велась в отделе до 1990 г. При выявлении данных об истории научного и практического использования отдельных архивных фондов она является наиболее удобным инструментом.

Выявление тех же сведений после 1990 г. возможно только путем сплошного просмотра журналов выдачи дел в читальный зал. Журналы выдачи единиц хранения посетителям читального зала ОПИ ГИМ сохранились с 1983 г. На сегодняшний день имеется десять журналь-

ных книг: последняя из них была начата в декабре 2019 г. и ведется в настоящее время. Журналы ведутся в хронологическом порядке, в них еженедельно вносятся сведения о единицах хранения, выдаваемых исследователям (номер фонда, описи и номера выданных единиц), дата выдачи, а затем дата возврата дела в хранилище; записи в журнале визируются сотрудником отдела и исследователем при получении и сдаче дела. Журнал дает возможность составить персонализированный перечень обращений к той или иной единице хранения в фонде. В журналах выдачи материалов архивного фонда отсутствует информация о теме исследования. Сведения об исследовательской теме и курирующей организации содержатся в анкетах исследователей и служебной картотеке исследователей.

Заполнение анкет посетителями при первом посещении читального зала стало обязательным с конца 1970-х гг. Первая форма анкеты называлась: «Бланк учета посетителей». В начале 2000-х гг. формуляр бланка претерпел изменения. Название было изменено на «Анкета пользователя». В ней указываются следующие сведения: ФИО, паспортные данные, место работы, адреса и телефоны (домашний и служебный), образование, ученая степень, тема и хронологические рамки исследования.

Следует отметить, что часть сведений в анкете подпадает под действие Федерального закона «О защите персональных данных» (№ 152-ФЗ от 27 июля 2006 г.). В связи с этим формуляр анкет был дополнен согласием на обработку персональных данных. Естественно, что сведения, содержащиеся в них, не могут быть переданы третьим лицам «как есть», поэтому для анализа опыта использования документов они используются в обезличенном виде.

Большой интерес для нас представляет «Служебная картотека исследователей», которая ведется в отделе письменных источников с конца 1920-х гг. Карточки в ней заполняются сотрудниками читального зала, в них заносятся следующие сведения: ФИО исследователя, название учреждения, тема, год обращения к материалам архивного фонда. В настоящее время в ОПИ ГИМ имеются две картотеки исследователей: старая, уже не пополняемая, и продолжающаяся. Старая картотека перестала пополняться в 1985 г. В служебную картотеку первоначально заносятся только ФИО исследователя и год посещения. В дальнейшем карточки дополняются информацией о темах и о представляемых учреждениях. Эта картотека позволяет восполнить информационные пробелы, если утрачена анкета исследователя.

Важной особенностью первичных учетных материалов является наличие автографов исследователей в части документов. За годы работы читального зала ОПИ ГИМ его посещали многие видные уче-

ные, писатели, режиссеры. Сложилась обширнейшая коллекция таких автографов, среди их владельцев можно назвать Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Н. Я. Эйдельмана, С. О. Шмидта, М. Г. Седова, А. Л. Хорошкевич, А. Г. Тартаковского, Ю. В. Давыдова и многих других. На наш взгляд эти автографы представляют значимый комплекс мемориального характера, дают ценный почерковедческий материал, который может быть использован в биографических и иных исследованиях.

Обратимся к методике анализа сведений, содержащихся в описанной выше документации. Исследование проводится по отдельным архивным фондам. На фонд составляется сводная таблица истории его использования. Единицей учета в нашей статистической совокупности является единичное исследовательское обращение к архивному комплексу или запрос. Под запросом мы понимаем работу исследователя по отдельной теме в течение одного календарного года. При совместной работе исследователей над одной темой создавались отдельные строки с повтором темы. Сводные таблицы исследовательских запросов дают возможность обобщения и суммирования информации. Таблицы составляются в программе MS Excel, так как она дает возможность упорядочения данных одной и той же таблицы по разным признакам, что существенно облегчает аналитическую работу со сводными таблицами.

Один из возможных способов работы – выстраивание хронологического ряда исследовательских обращений, что позволяет увидеть их в динамике. Такой подход позволяет выработать историографический взгляд на отдельный архивный фонд, выявить периоды всплеска и спада исследовательского интереса к нему, построить изменения проблемного поля исследований, осуществлявшихся на базе этого документального комплекса, в общий контекст развития историографии.

При интерпретации данных, основанной на хронологическом подходе, необходимо учитывать факторы, внешние относительно любого из архивных фондов, хранимых отделом, но оказывавшие существенное влияние на активность их научно-исследовательского использования. Речь идет о периодах, в которые работа исследователей с материалами, хранимыми в ОПИ, существенно затруднялась или временно приостанавливалась. С 1941 по 1945 гг. коллекции музея были упакованы, а частично и эвакуированы из Москвы. Следующий период, когда практически отсутствовали исследовательские запросы – 1975–1977 гг. В это время коллектив отдела письменных источников проводил полную сверку своих фондов и отдел был закрыт для приема посетителей. Сведений об использовании фондов в 1984–1988 гг. крайне мало. Это было обусловлено начавшейся

в 1984 г. подготовкой к капитальному ремонту главного здания музея на Красной площади. В ОПИ ГИМ началась упаковка коллекции, а в 1987 г. фонды отдела были полностью перевезены в филиал в Измайлово. В 1989 г. прием посетителей был возобновлен. Во второй половине 2010 г. отдел вновь прекратил прием посетителей, на этот раз в связи с упаковкой и переездом обратно в центр Москвы, в здание бывшей Городской Думы. Здесь 10 апреля 2012 г. был открыт новый читальный зал. Во все перечисленные периоды любой фонд отдела покажет практически полное отсутствие исследовательских запросов к нему. Но интерпретировать эти цифры следует не как утрату исследовательского интереса, а как отражение недоступности документов в конкретный момент.

Еще один способ интерпретации сводных таблиц заключается в отходе от хронологического принципа и группировке отдельных запросов в проблемные и целевые группы с последующей оценкой удельного веса запросов каждой группы за все время, которое архивный фонд был доступен исследователям. Проблемный запрос может быть сформулирован так: «Исследования по военной истории России», «История русской архитектуры» и т. д. Примером целевого запроса может быть «подготовка научной публикации», «использование для учебного или научно-популярного фильма», «разработка музейной экспозиции», «написание дипломной работы» и т. д. Нередко тему отдельного запроса трудно однозначно отнести к той или иной группе, в этом случае целесообразно пересмотреть сами группы запросов, вероятно, укрупнить их, чтобы свести количество спорных случаев к минимуму.

С одной стороны, группируя отдельные запросы подобным образом, исследователь оказывает влияние на первичные данные, несколько субъективизируя их. С другой, такой подход позволяет выявить вневременные тенденции, сгладить дробность, которая возникает при хронологической группировке исследовательских запросов. Более ясным становится общий характер использования материалов фонда, выявляются преобладание научного, просветительского, экспозиционного и других аспектов применения. Целесообразно применять оба описанных способа и сопоставлять полученные в ходе их применения наблюдения.

Описанная нами методика анализа данных об исследовательских обращениях к документам ОПИ ГИМ разрабатывается на протяжении почти 10 лет. За это время были выполнены исследования трех архивных фондов: семейного архива графов Уваровых (ОПИ ГИМ, ф. 17, 1706 ед. хр.); личного архива филолога, библиографа и книговеда П. К. Симони (ОПИ ГИМ, ф. 37, 864 ед. хр.) и личного архива археоло-

га В. А. Городцова (ОПИ ГИМ, ф. 431, 522 ед. хр.). Было подготовлено и защищено два диссертационных исследования источниковедческого и историографического профиля, опубликован ряд статей, освещающих методику и полученные результаты исследований. В изученных фондах были выявлены ценные, но практически невостреченные исследователям группы документов, намечены возможные направления для дальнейшей научной разработки указанных архивных фондов.

Таким образом, комплексный анализ перечисленных выше учетно-справочных документов открывает возможность создания как коллективного, так и индивидуальных портретов исследователей, обращающихся к документам, хранимым в ОПИ ГИМ; позволяет наметить пути дальнейшего научного освоения документальных богатств отдела. Подобные исследования, проводимые профессиональными архивистами, находятся в русле работ по информационному обеспечению науки, которое требует постоянных усилий со стороны хранителей объектов культурного наследия.

Калантырская И. С. Вопросы культуры России в работах ОПИ ГИМ // Тр. ГИМ. Вып. 84. Письменные источники в собрании ГИМ : материалы по истории культуры и науки в России. М.: ГИМ., 1993.

Отчет Российского Исторического музея за 1912 г. М.: Синод. тип., 1913.

Сиротина О. А. Историографический взгляд на материалы семейных и личных архивов. Из опыта научно-исследовательского использования фонда Уваровых в собрании ГИМ // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2015. С.184–195. (а)

Сиротина О. А. Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых: автореферат дис.... канд. ист. наук. М., 2015. (б)

УДК 930.253(470.5)

Т. Г. Королева
Уральский государственный педагогический
университет, Д. Э. Черноухов
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ АРХИВНЫХ ФОНДОВ УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ УПРАВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Российской Федерации исторически сложилась сложная сеть архивных учреждений. При этом в стране никогда не было и уже вряд ли когда-либо появится единый признак систематизации их фондов. Такое положение создает определенные проблемы для исследователей. В част-

ности, неопубликованные документы 12 уездных земских управ Пермской губернии оказались рассредоточенными между двумя региональными и двумя фактически «районными» архивами. При этом у двух источников комплектования существующая систематизация материалов представляется особенно странной. Фонд Камышловской уездной земской управы остается разделенным между двумя учреждениями, а документы Екатеринбургской хранятся в одном архиве, но в двух фондах с практически идентичным названием. На основе проведенного анализа авторами предложены направления совершенствования сложившейся систематизации рассматриваемых материалов.

Ключевые слова: архивный фонд, Государственный архив Пермского края, Государственный архив Свердловской области, районные архивы, Пермская губерния, уездные земские управы.

В пределах всего Архивного фонда России никогда не было и уже вряд ли когда-либо появится единый признак организации архивов. В результате в стране сложилась весьма сложная сеть учреждений различного уровня с весьма запутанной систематизацией документов. Ведь последняя формально осуществлялась по пяти разнородным признакам с учетом более общего принципа недробимости архивных фондов.

Такое положение создает определенные проблемы для исследователей, особенно не имеющих профильного образования. В этом сообщении сложность и определенная нелогичность систематизации архивных документов будет показана на примере фондов уездных земских управ Пермской губернии.

В Российской империи эта административная единица выделялась большими размерами своей территории и численности населения. После многочисленных административных преобразований XX в. ранее входившие в Пермскую губернию местности оказались в составе нескольких современных субъектов федерации.

Неопубликованные документы ее 12 уездных земских управ оказались рассредоточенными между четырьмя хранилищами трех административно-территориальных образований Российской Федерации. Большинство из них находятся в составе двух региональных учреждений: Государственного архива Пермского края (ГАПК) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Такое положение во многом предопределило наличие в дореволюционной Пермской губернии двух соперничавших между собой центров. Приуральские уезды, за исключением Красноуфимского, традиционно тяготели к губернскому центру. После завершения ключевых советских административно-территориальных преобразований их территория в основном оказалась в составе Пермской области

(затем края), а фонды земских управ – в ГАПК. Зауральские уезды тяготели к другому административному центру – Екатеринбург. В настоящее время большая часть их территории, за исключением Шадринского, находится в составе Свердловской области.

Соответственно, документы четырех земских управ зауральских уездов (Верхотурской, Екатеринбургской, Ирбитской и Камышловской), а также Красноуфимской оказались в составе ГАСО. Но материалы одной из них рассредоточены сразу по двум фондам с практически идентичным названием. Обширный ф. № 18 «Екатеринбургская уездная земская управа» содержит капитальный массив документов до начала 1918 г. Кроме того, в архиве имеется и небольшой (34 дела) ф. № Р-829 «Екатеринбургская уездная земская управа» с материалами 1917–1919 гг. Подобное положение не представляется оправданным, как из-за нарушения ключевого принципа недробности архивных фондов, так и отсутствия какой-либо четкой хронологической границы между рассредоточенными в них документами.

Ни один другой фонд уездной земской управы Пермской губернии не был подвергнут такому искусственному разделению по историческим периодам, частично принятому в советское время. Представляется логичным объединить сохранившиеся материалы Екатеринбургской уездной земской управы. Это возможно путем включения дел ф. № Р-829 в первую опись фонда № 18 (вторая опись последнего содержит документы по личному составу).

В ГАПК хранятся материалы пяти земских управ приуральских уездов, тяготевших к губернскому центру (Осинской, Оханской, Пермской, Соликамской, Чердынской), а также Камышловской. В результате документы последней оказались рассредоточенными между двумя учреждениями. Небольшие фонды с идентичными названием «Камышловская уездная земская управа» хранятся и в ГАПК (№ 319, 71 дело), и в ГАСО (№ 199, 69 дел). Они практически не отличаются ни по составу хранящихся документов, ни по хронологическим рамкам. Подобное положение также не представляется оправданным: логично объединить эти сохранившиеся материалы в составе одного учреждения.

Еще по одному фонду рассматриваемых уездных земских управ хранятся в двух районных архивах: Кунгурском в Пермском крае и Шадринском в Курганской области. Первый из них с 2021 г. стал архивом Кунгурского муниципального округа, а второй сохранил статус государственного (Государственный архив в г. Шадринске (ГАСШ)).

Перемещение фонда «Кунгурская уездная земская управа» может рассматриваться как потенциальный прецедент для дальнейших изменений в существующей систематизации. В советское время дореволюционные документы последовательно передавались из районных

в государственные архивы, а также из филиалов последних в головное учреждение. Наоборот, в 1991 г. вышеназванный фонд был передан из ГАПК в Кунгурский архив. Ему был присвоен новый № 588 (в региональном архиве он числился под № 342).

Учитывая этот прецедент передачи и сохранение фонда Шадринской уездной земской управы в составе ГАШ, а также принципиальное изменение нормативной базы по систематизации архивных документов по федеральному закону 2004 г., потенциально количество хранилищ неопубликованных материалов рассматриваемых органов местного самоуправления может существенно увеличиться.

Так, в 1973 г. было завершено перемещение в новое здание ГАСО большинства дореволюционных материалов из его филиалов и районных архивов региона. В частности, из Нижнетагильского филиала были переданы 59 фондов, в том числе обширный фонд Верхотурской уездной земской управы. Здесь он получил новый № 435 (в Нижнем Тагиле был № 36). В новых исторических реалиях руководство архивной службы Нижнего Тагила уже давно, но пока безуспешно добивается возвращения этих перемещенных фондов.

Потенциально получить документы уездных земских управ заинтересованы и некоторые другие муниципальные образования Пермского края и Свердловской области. В их архивных и музейных учреждениях сохранились некоторые дореволюционные материалы, в том числе связанные с деятельностью этих органов местного самоуправления. Но такие потенциальные перемещения явно вызовут серьезные дискуссии в профессиональной среде (как архивистов, так и исследователей) по самым разным аспектам (условиям хранения, востребованности документов у пользователей и др.).

Так, документы двух вышеназванных фондов Камышловской уездной управы теоретически могут быть объединены в трех учреждениях. Кроме собственно ГАПК (губернским центром была Пермь) и ГАСО (этот восточный уезд традиционно тяготел к Екатеринбург) на них вполне обосновано (по действующей нормативной базе) может претендовать и Камышловский городской архив в составе местной администрации. Интересно отметить, что он находится в здании, где ранее располагалась Камышловская уездная земская управа. В архиве имеется ф. № 3, основу которого составляют опубликованные материалы этого органа местного самоуправления. Но в учреждении отсутствует читальный зал, что может создавать серьезные проблемы доступа для исследователей.

В целом существующая систематизация документов уездных земских управ Пермской губернии представляется весьма сложной и явно неоднозначной. Потенциально она может быть подвергнута

серьезной трансформации. В то же время оправданность такой трансформации вызывает сомнения по целому ряду причин: она повлечет за собой необходимость переименования фондов и перенумерации дел, серьезные финансовые затраты, трудности в обеспечении достойных условий хранения и использования документов во всех учреждениях.

УДК 94(47).084.9+930.25

Л. Н. Лазарева
Московский государственный областной
университет, г. Мытищи
Российский государственный архив
социально-политической истории, г. Москва

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ «ПО-СОВЕТСКИ» В ПУБЛИКАТОРСКОМ ПРОЕКТЕ РГАСПИ ПО ПОЗДНЕМУ СТАЛИНИЗМУ

Уже получили высокую оценку исследователей документальные публикации «Экономическое наследие позднего сталинизма. 1947–1953 гг.», и «Социальная политика СССР в послевоенные годы. (1947–1953 гг.)», которые позволяют сопоставить долгосрочную концепцию развития страны с практическим ее воплощением в послевоенной социальной политике. В настоящий момент идет работа над завершающим документальным сборником серии, задачей которого видится показать роль культурной составляющей в советском модернизационном «проекте» и ее воплощение через политику в области культуры позднего сталинизма. Критерием для отбора стало выявление механизмов партийного руководства культурой, направленного на формирование качественно «нового» человека — «строителя коммунизма», а потому и втискивающего творчество в жесткие рамки идеологии. Таким образом, реализуемый на базе РГАСПИ проект (руководитель д. и. н, проф. В. В. Журавлев) получает концептуальную целостность, характеризуя социально-экономическую и культурную составляющую догоняющей модернизации «по-советски».

Ключевые слова: поздний сталинизм, догоняющая модернизация, источник, публикация, социально-экономическая политика, культурная политика.

Концепция догоняющей модернизации имеет весомый эвристический потенциал для анализа ключевых особенностей исторического становления и развития нашего государства. Ее инструментарий позволяет создать убедительную объяснительную модель «тахикар-

дии» тысячелетнего пути страны в траектории «революции сверху» [Журавлев, 2016, с. 663–671].

К характерным чертам советского типа модернизации В. В. Журавлев отнес господство государственного сектора экономики, попытку осуществления не только планового управления народным хозяйством, но и другими сферами жизни, идеологизированность общественных процессов, нацеленную на формирование «бесконфликтного» социума с едиными мировоззренческими ценностями» [Там же, с. 7].

Но вместе с тем известный историк и заслуженный архивист подчеркнул и важность анализа механизмов, которые «...годы и десятилетия обеспечивали стабильность общественных отношений, и прочность государственного начала...» [Там же, с. 8].

Обозначенный Валерием Васильевичем ракурс исследования советского этапа модернизации позволил сформировать концепцию документально-публикаторского проекта по позднему сталинизму, работа над которым идет в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) под его руководством [Лазарева, 2020, с. 402–406].

Уже вышедшие в свет сборники документов и материалов «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии» [Журавлев, Лазарева, 2017] и «Социальная политика СССР в послевоенные годы» [Журавлев, Лазарева, 2020], получили высокие оценки научного сообщества [Пивоваров, 2018, с. 192–197; Экштут, 2018, с. 50–55, Симонов, 2021, с. 192–194, Маслов, 2021, с. 195–199].

В данный момент идет активная работа над заключительной частью проекта, задачей которой стало введение в научный оборот источников, характеризующих «кухню» культурной политики.

Таким образом, ключевые черты модернизации «под красным флагом», обусловившие в итоге как вхождение СССР в элитарный клуб государств-вершителей мировой истории, так и траекторию «сворачивания» «советского проекта» и перехода страны на рельсы рыночной экономики, нашли отражение в публикаторском проекте РГАСПИ по позднему сталинизму.

Нестандартность решения задач догоняющей модернизации «сталинской моделью» выявляет расстановка лидером партии приоритетов планирования: на первом месте – «...обеспечить самостоятельность социалистического хозяйства от капиталистического окружения...», на втором – «...закрывать источники и клапаны, откуда возникает капитализм...», и лишь на третьем – борьба с диспропорциями [Бухерт, 2012, с. 6–13].

Выбранная стратегия развития народного хозяйства сделала стержнем этой системы мобилизационную составляющую.

Известный современный политолог С. Г. Кара-Мурза обратил внимание на другую, не менее важную и тесно связанную с первой, особенность: «сталинская» модель вобрала в себя черты хозяйства «семейного типа», которое способно вовлечь в производство негодные для рынка трудовые и материальные ресурсы [Кара-Мурза, 2021, с. 149].

Объективные и субъективные факторы, воздействовавшие на «советский проект», сформировали у руководителей страны понимание государственной экономики как единой фабрики, направленной на достижение поставленной программой партии целей.

Заслуживает внимание и заключение С. Г. Кара-Мурзы о том, что «нашупанный» практиками в ходе решения задач форсированной модернизации способ устройства народного хозяйства страны в жесткие рамки марксистской политической экономии не вписывался [Кара-Мурза, 2021, с. 189].

Фатальным для модернизации «по-советски» стало то, что, несмотря на масштабный «мозговой штурм», современники так и не смогли решить этот ребус.

Идеократический характер советского государства в сочетании с отсутствием «на капитанском мостике» лидера, способного возглавить поиск за рамками сталинской концепции, привел к закономерному итогу: советская наука была вынуждена «блуждать» в лабиринте догм и жестких ограничений.

Исходя из очерченного понимания особенностей догоняющей модернизации «по-советски» для первого сборника «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии» были отобраны материалы, характеризующие как разработку «дорожной карты» построения коммунистического общества [Журавлев, Лазарева, 2017, с. 29–188], так и попытку современников осмыслить особенности социально-экономической модели, сформированные практикой [Там же, с. 189–446].

Учитывая важность внешнеполитического аспекта, составители включили сюда и источники, раскрывающие особенности подготовки и резюмирующие итоги Московского экономического совещания 1952 г., целью которого было снижение давления экономических санкций на страну, восстанавливающую разрушенное войной народное хозяйство [Там же, с. 447–566].

Продолжением проекта стал ввод в научный оборот источников, характеризующих как генеральные механизмы «сталинской» модели, так и социальную цену, заплаченную советским народом за достигнутые успехи [Журавлев, Лазарева, 2020].

Приоритетное развитие сектора «А» [Там же, с. 33–76] закономерно формировало дефицит на потребительские товары [Там же, с. 552–590].

Вместе с тем в «сталинской» модели важное место играло не только моральное, но и материальное стимулирование интенсификации труда – заработная плата коррелировала с повышением производительности и квалификации [Там же, с. 435–464]. Это противоречие решалось механизмом «снижение цен – государственные займы» [Там же, с. 77–370]¹.

Государственной промышленности в создании товарного покрытия на платежеспособный спрос помогал и «рыночный» сектор (потребкооперация, артели инвалидов и т. п.), жестко подчиненный «плановому» [Там же, с. 577–590]².

В единую фабрику механизмы «сталинской» модели «собирало» директивное планирование, базирующееся на принципе приоритета народнохозяйственной рентабельности и «сплавлявшее» в амальгаму идеологические, политические, социальные, культурные стратегические установки партии на ближайшую пятилетку. Просчеты данной системы, обладавшей мощной управленческой вертикалью, смягчались пронизывающими ее «приводными ремнями» партийной организации, выступавшей и в качестве «ока государева», и организовывавшей «живое творчество масс» [Там же, с. 465–504].

Характеристика особенностей догоняющей модернизации «по-советски» была бы неполной без ее культурной составляющей. Интересна оценка известного исследователя «сталинской» культуры Е. А. Добренко, утверждающего, что именно послевоенный период сформировал «скрепы», на которые до сих пор опирается современное российское общество [Добренко, 2020, с. 60].

В качестве важной особенности догоняющей модернизации «по-советски» в данном контексте можно выделить противоречие:

¹ С одной стороны, ежегодный «праздник» снижения цен формировал у трудящихся положительное отношение к проводимой экономической политике, подкрепляя тезис советской пропаганды о том, что трудности временны и преодолимы. В то же время последовавшая вскоре добровольно-принудительная кампания по подписке на государственные ценные бумаги «убирала» денежный навес, формируя отложенный спрос. В разделе «Финансовые механизмы социальной политики» на суд читателя представлены документы, характеризующие важные грани данного механизма, его значение не только для повышения эффективности хозяйствования, но и для роста международного престижа СССР.

² Эту важную особенность ярко характеризует докладная записка Л. З. Мехлиса «О крупных извращениях в отношении частного, допущенных Министерством финансов СССР». Почин финансистов, решившихся поставить вопрос о налогообложении частных (портных, парикмахеров, пекарей, сапожников и т. п.), услуги которых пользовались большим спросом, противоречил требованию «закрыть ростки и клапаны капитализма», и поэтому не мог быть одобрен. Кроме того, в снабжение городского населения весомый вклад вносил и механизм, заставляющий крестьян под давлением налогового пресса пускать в продажу на колхозных рынках продукцию личных подсобных хозяйств.

«мессианская» составляющая советского «проекта» выводила культурную политику в ряд вопросов, требующих постоянной заботы руководителей страны³. Вместе с тем, нацеленность на воспитание граждан в рамках марксистско-ленинской идеологии заставляла ограничивать гуманитарную сферу жесткими рамками⁴.

Экономический детерминизм, обусловивший специфику модернизации в СССР, помноженный на мобилизационную составляющую «сталинской» модели⁵ не позволил, несмотря на прилагаемые усилия, качественно улучшить деятельность культурно-просветительных организаций.

При отборе документов составители стремились продемонстрировать не только круг вопросов, требовавший решений на самом высоком «этаже» властной вертикали, но и реакцию лидеров партии на запросы региональных руководителей и интеллектуальной элиты страны, добавляя, таким образом, важные штрихи к оценкам, принятым в современной историографии.

Обращение к проблеме культурной политике позднего сталинизма дает концептуальную целостность проекту, характеризуя социально-экономическую и культурную составляющую ключевых особенностей догоняющей модернизации «по-советски».

Бухерт В. Г. Беседа И. В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 29 января 1941 // Ист. архив. 2012. № 4. С. 6–13.

Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение. 2020.

Журавлев В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 4.: 1917–1991 гг. С. 663–671.

Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Родина, 2021.

Лазарева Л. Н. Публикаторская деятельность архива как механизм консоли-

³ Уже 3 марта 1945 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О мерах помощи партийных организаций местным органам Комитета по делам культурно-просветительных учреждений». Проверка его выполнения в марте 1946 г., показала, что «...работа культурно-просветительных учреждений может быть значительно улучшена при наличии внимания к этому делу партийных организаций и понимания значимости его» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 472, л. 184].

⁴ Например, репертуар театров регулировался управлением по контролю за репертуаром, комитетом по делам искусств при СНК СССР, Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В августе того же, 1946 г., оргбюро ЦК приняло постановление «О репертуарах театров и мерах по его улучшению», в котором главной претензией к пьесам, идущим в театрах, была их недостаточная идейность и аполитичность [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 472, л. 199].

⁵ Страна, народное хозяйство которой понесло огромные потери в ходе Второй мировой войны, оказалась в условиях стремительно разворачивающейся «холодной» войны, требующей обеспечения СССР ядерного паритета с недавними союзниками.

дации и актуализации исторической памяти общества (на примере документально-издательского проекта РГАСПИ по позднему сталинизму) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума, посв. 50-лет. арх. специальности в Урал. ун-те, Екатеринбург, 11–12 сент. 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 402–407.

Маслов Д. В. Ценное документальное издание о социальной политике советского государства в послевоенный период // Ист. архив. 2021. № 3. С. 195–199.

Пивоваров Н. Ю. Горизонты сталинской экономики // Ист. архив. 2018. № 3. С. 192–197.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991).

Симонов М. А. Между идеалами и реальностью сталинской системы // Урал. ист. вестник. 2021. Вып. 2 (71). С. 192–194.

Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Науч.-полит. книга, 2020.

Экштут С. А. Иосиф Сталин: «Глупость... Болтовня... Ха-ха...». Убийственные ремарки вождя разбросаны по всей рукописи вузовского учебника политэкономии социализма // Родина. 2018. № 3. С. 50–55.

УДК 930.25(476)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный архив
научно-технической документации, г. Минск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ВЫСТАВОК

Одной из основных форм использования архивных документов являются их экспонирование на выставках. Архивные выставки знакомят общественность с историей и способствуют повышению роли архивного фонда как информационного ресурса. В современном мире, когда интернет позволяет совершать «виртуальные путешествия» не покидая пределы рабочего кабинета, одним из ведущих направлений выставочной деятельности Белорусского государственного архива научно-технической документации является подготовка и организация тематических виртуальных выставок с использованием уникальных материалов личных фондов.

В данной статье рассматриваются состав документов личных фондов, хранящихся в архиве. Подчеркивается, что при организации тематических

архивных выставок такого рода первоисточники позволяют более глубоко раскрыть тему экспозиции.

Автор констатирует, что за последние годы увеличился интерес к интернет-экспозициям. В связи с этим рассматриваются не только преимущества использования личных фондов в экспозиционной деятельности архива, но и затрагиваются методические аспекты, применяемые в рабочей практике Белорусского государственного архива научно-технической документации при организации тематических интернет-выставок и экспозиции отдельных видов документов.

Ключевые слова: архив, фонды, проектная документация, интернет-выставка, экспозиция, документ, архитекторы, хранение.

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации (БГАНТД) хранится более 300 фондов, включающих документы по истории развития науки, техники, архитектуры и культуры, имеющих отношение не только к Республике Беларусь, но и к 25 странам ближнего и дальнего зарубежья. В большинстве своем это проектная, конструкторская, научно-исследовательская, технологическая, патентная документация, а также документы личного происхождения. Все вместе они составляют ценнейшую часть Национального архивного фонда Республики Беларусь.

Одной из основных форм использования архивных документов является их экспонирование на выставках.

Согласно «Правилам работы государственных архивов Республики Беларусь» выставка архивных документов представляет собой предназначенную для публичной демонстрации художественно оформленную подборку документов и/или их копий на определенную тему [Правила работы, 2006, с. 106].

Учреждение Белорусский государственный архив научно-технической документации организует как стационарные временные (предназначены для экспонирования в одном помещении со сроком выставления 36 месяцев), так и передвижные выставки различных тематических направлений с использованием уникальных документов, хранящихся в архиве.

Выбор темы для выставки определяется ее актуальностью, а также наличием в составе фондов БГАНТД конкретных документов, позволяющих в полной мере раскрыть ее содержание. При подготовке архивных выставок, приуроченных к знаковой дате или историческому событию, архив использует различные по виду и способу воспроизведения документы, хранящиеся в фондах личного происхождения: текстовые, изобразительные, управленческие, научно-технические, проектные.

Наиболее информативными в этом плане являются документы личных фондов народных архитекторов СССР Г. В. Заборского (ф. 113)

и В. А. Короля (ф. 51), заслуженных архитекторов БССР Г. А. Парсаданова (ф. 111), В. Волчека (ф. 81), Г. В. Сысоева (ф. 127), известных архитекторов Г. И. Лангбарда (ф. 25), М. И. Бакланова (ф. 128), В. И. Гусева (ф. 98), Р. Н. Алимова (ф. 86), М. З. Барсукова (ф. 88), Н. Е Трахтенберга (ф. 75), М. И. Томаха (ф. 212), Л. Д. Усовой (ф. 276), Н. Н. Маклецово́й (ф. 77); ученых-конструкторов Б. Л. Шапошника (ф. 101), Г. М. Кокина (ф. 186), Н. А. Пигулевского (ф. 213); академика Международной академии астронавтики Б. В. Кита (ф. 175); академика Академии наук Республики Беларусь селекционера П. И. Альсмика (ф. 187); ученого-физика Л. А. Борисоглебского (ф. 180) и др. Всего в архиве хранится 62 личных фонда, включающих в себя 6 437 единиц хранения. Важно подчеркнуть, что некоторую часть из указанного количества личных фондов составляют объединенные семейные фонды. Такие фонды создаются при поступлении документов членов одной семьи, каждый из которых внес собственный весомый вклад в развитие науки, архитектуры, культуры. Примерами таких фондов служат ф. 110 «А. П. Брегман И. А. Березкина (Брегман) (дочь)», ф. 170 «В. Н. Вараксин, Н. В. Вараксин (сын)», ф. 264 «А. Э. Фридман, З. И. Озерова (жена)», ф. 280 О. Ф. Ткачук, Д. П. Кудрявцев (муж)», ф. 296 «О. Б. Ладыгина, Е. Л. Заславский (муж)».

Состав документов личных фондов разнообразен. Это биографические, творческие документы, фотографии, документы служебной, научной, общественной деятельности, воспоминания, альтернативные и конкурсные проекты различных архитектурных памятников и другие. В личных архивах также хранится переписка фондообразователя с его коллегами, друзьями, родственниками и знакомыми.

Особую группу при подготовке тематических выставок составляет такой вид источников как воспоминания и биографические документы (биографии и автобиографии, анкеты, дипломы, удостоверения, справки, грамоты) и личные фотографии.

В личных фондах народного архитектора СССР, педагога, государственного деятеля В. А. Короля (ф. 51), заслуженных архитекторов БССР Г. В. Сысоева (ф. 127), Г. А. Парсаданова (ф. 111), Е. К. Дятлова (ф. 158), архитекторов И. И. Есьмана (ф. 223), Г. Л. Лаврова (ф. 112), заслуженного строителя БССР В. И. Кондратовича (ф. 104), и др. хранятся материалы их творческой деятельности: эскизы и рисунки, статьи и тексты докладов, лекций, выступлений, интервью, конкурсные проекты, черновики и варианты архитектурных проектов. Встречаются фотографии строительных работ, рабочих встреч и официальных визитов.

При организации тематических архивных выставок названные первоисточники позволяют более глубоко раскрыть тему экспозиции,

осветить ее через призму восприятия человека – участника события, постигать историю глазами очевидца.

В современном мире, когда интернет позволяет совершать «виртуальные путешествия» не покидая пределы рабочего кабинета, одним из ведущих направлений выставочной деятельности архива является подготовка и организация виртуальных выставок.

Хотелось бы остановиться на некоторых общих методических рекомендациях, применяемых при подготовке интернет-выставок на основании документов личных фондов.

В отличие от хорошо знакомой структуры организации стационарных и передвижных выставок подготовка интернет-экспозиции имеет свои особенности:

1. Определяется тематика экспозиционного плана.
2. В соответствии с утвержденной темой проводится выявление и отбор архивных документов и материалов.
3. Осуществляется написание аннотаций к экспонируемым материалам и сопроводительного текста по общей тематике виртуальной выставки.
4. Все отобранные материалы переводятся в электронный вид.
5. Составляется и согласовывается с куратором выставки интернет-проект.
6. Производится размещение электронной экспозиции на интернет-площадке.

Экспонирование архивных документов в интернет-пространстве позволяет расширить целевую аудиторию. Такая выставка становится «видимой» для посетителей, живущих в других городах и странах. Существенно снижаются финансовые затраты и упрощаются вопросы, связанные с сохранностью архивных материалов.

В заключение хотелось бы отметить, что за девять месяцев 2022 г. в БГАНТД было подготовлено девять выставок, в которых использовались материалы личных фондов: шесть – персональных (115 лет со дня рождения Георгия Михайловича Кокина – главного конструктора Минского автозавода, профессора Белорусского политехнического института; виртуальная выставка, посвященная 115-летию со дня рождения Петра Ивановича Альсмика – выдающегося ученого-селекционера; 110-летию со дня рождения Леонида Александровича Борисоглебского – выдающегося ученого-физика, профессора БГУ, создателя «Таблиц по внутренней конверсии», участника Великой Отечественной войны; 85-летию со дня рождения Сергея Дмитриевича Филимонова – кандидата архитектуры, доцента, одного из авторов «Дворца Спорта» в г. Минске; выставка «Партизанские рисунки»,

посвященная раннему творчеству заслуженного архитектора БССР Евгения Константиновича Дятлова, становление которого как художника-архитектора пришлось на тяжелые военные годы; 100-летию со дня рождения Валентины Тимофеевны Каминской – известного ученого в области акушерства и гинекологии, доктора медицинских наук, профессора Минского медицинского института, ветерана Великой Отечественной войны) и три выставки общей направленности: «Винтовкой и карандашом», посвященная известным архитекторам Беларуси; «Три женщины – три судьбы» посвящена женщинам, судьбы которых затронула Великая Отечественная война; «Восставшая из пепла», посвященная возрождению города Минска после Великой Отечественной войны.

Площадкой, на которой экспонируются электронные выставки, является официальный сайт архива bdantd.by/.

Правила работы государственных архивов Республики Беларусь / под ред. В. И. Адамушко и др. Минск.: БелНИИДАД, 2006.

УДК 930.253(571.65)

М. В. Третьяков
Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт
Дальневосточного отделения РАН, г. Магадан

СОХРАНЯЯ ИСТОРИЮ КОЛЫМЫ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СБЕРЕЖЕНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПРОШЛОГО РЕГИОНА

В статье рассмотрена роль и значение Государственного архива Магаданской области как главного хранителя документальных свидетельств прошлого региона. Показано, что архивом проводится большая работа по приему, комплектованию и упорядочению поступающих материалов различного характера. Немаловажной частью работы архива является исполнение запросов граждан, особенно при подтверждении стажа либо восстановления иных прав на льготы путем предоставления, оформления архивных справок. Также специалисты ведут большую просветительскую деятельность, издавая справочники, путеводители; проводят «круглые столы», дни открытых дверей, выставки для наглядной демонстрации региональной истории ученым, краоведам, представителям общественности. Помимо самого архива, не менее значима функция архивного отдела как административного регулятора в сфере архивного дела на территории об-

ласти, занимающегося предоставлением государственных услуг и выполнением функций по контролю за соблюдением законодательства об архивном деле в РФ.

Ключевые слова: архив; фонд; архивное дело; единица хранения; архивный отдел; Магаданская область.

Несмотря на достаточно большую, по сравнению с иными субъектами России, особенно в западной части страны, площадь Магаданской области, и вообще не совсем «древнюю», но неоднозначную и во многом противоречивую историю, на ее территории находится лишь одно учреждение, занимающееся кропотливым сбором документального наследия¹ – Государственный архив Магаданской области, который в 2020 г. отметил свое 65-летие. Но, прежде чем рассказать о современной жизни архива, мы предложим вниманию читателя краткую историческую справку.

Первые мероприятия по сохранности документальных свидетельств относятся к деятельности государственного треста «Дальстрой», с которого в 1930-х гг. началось промышленное освоение Колымы. 7 февраля 1936 г. первый директор треста Э. П. Берзин издал приказ № 43 об организации Центрального архива Дальстроя в ведении секретариата Дирекции. Но по ряду причин это начинание не получило дальнейшего развития, в результате большинство документов хранилось в неупорядоченном виде, а часть из них была безвозвратно утрачена.

После создания 3 декабря 1953 г. Магаданской области в качестве самостоятельного административного образования началось формирование новых органов партийной, советской власти и иных учреждений. Государственный архив был образован решением исполкома Магаданского областного Совета депутатов трудящихся от 19 января 1955 г. за № 12 «Об организации областного государственного архива и райгосархивов» [ГАМО, ф. Р-146, оп. 1, д. 71, л. 80–81]. Первоначально он входил в УМВД по Магаданской области, начальником и единственным сотрудником архива была Елена Федоровна Панченко, выпускница Московского государственного историко-архивного института. Первыми документами, принятыми на хранение, были 30 дел Тауйской Покровской церкви за 1831–1920 гг., 617 дел Ольского райисполкома (1917–1934 гг.), 61 дело Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) за 1935–1953 гг., а также 1 167 подшивок газет «Советская Колыма» и газет политотделов горных управлений.

¹ Исключение составляют ведомственные архивы УМВД и УФСБ по Магаданской области, которые являются самостоятельными подразделениями и хранят большой массив сведений по вопросам уголовно-исполнительной и правоохранительной сфер, личных дел репрессированных граждан и т. д., но их деятельность выходит за рамки данного доклада, являясь предметом отдельного исследования.

Одновременно начал работать читальный зал, архив посетило 7 человек, от граждан и организаций поступило 36 заявлений. Главной задачей архива стал сбор материалов от организаций, а также изучение хранившихся в них документов, что сразу вызвало беспокойство, поскольку многие материалы, особенно в Ольском и Среднеканском районах, были разбросаны по чердакам и кладовым, за их сохранностью никто не следил. Чтобы документы за 1932–1940 гг. окончательно не погибли, их вывезли в необработанном виде. Не лучше обстояла ситуация и в Магадане, где в 87 организациях нашли более 600 тыс. неупорядоченных дел, причем документы до 1940 г. большей частью были уничтожены. Работа по поиску и сбору материалов принесла результаты – стало расти число фондов. Если на 1 января 1957 г. их насчитывалось 54 (из них восемь дореволюционных), то на конец того же года их было уже 98, а на 6 декабря 1964 г. – 130 (из них девять – дореволюционных).

Первоначально архиву выделили подвальное помещение жилого дома по ул. Портовой, 3, площадью 96 кв. м. В 1956 г. архив переехал, но вновь в подвал бывшего вещевого склада УСВИТЛа по ул. Сталина, 1 (ныне – проспект Карла Маркса). Спустя два года – очередной переезд, в полуподвальное помещение по ул. Портовой, 4. В последующие годы он расширился за счет помещений на ул. Портовой, 5 и ул. Горького, 3. В 1993 г. архив переехал в здание по ул. Новой [Применко, с. 9], а в 2007 г. – на пр. Карла Маркса, 60, где располагается и сейчас.

На 1 января 2001 г. в архивных учреждениях области находилось на хранении 3 120 фондов, 471 705 ед. хр. (из них 718 фондов, 133 237 ед. хр. в муниципальных архивах). На 1 января 2022 г. количественные данные таковы: 3 422 фонда, 833 093 ед. хр. (из них 1 195 фондов, 206 361 ед. хр. в муниципальных архивах).

В этой связи особо стоит отметить роль двух учреждений, вошедших в состав ГАМО лишь в 2009 г., а до этого являвшихся самостоятельными. Речь идет о Центрах хранения современной документации Магаданской области (ЦХСДМО) и документов по личному составу (ЦХДЛС). Первый из них был образован еще раньше ГАМО – 3 февраля 1954 г. и назывался «Партийный архив Магаданского обкома КПСС» (ПАМО). До 1966 г. он располагался в помещении местного органа власти на пл. Горького (сейчас в этом здании работает губернатор и областное правительство). Затем партархив переехал в Дом политического просвещения (ныне – Молодежный центр) на Комсомольской пл., 1, где занимал три кабинета на первом этаже. Первой заведующей была Клавдия Федоровна Кирилловская, а комплектование фондов началось с документов, принятых на хранение от Политу-

правления Дальстроя. Сдаваемые материалы политотделов горнопромышленных управлений и исправительно-трудовых лагерей (ГПУ и ИТЛ), горкомов и райкомов КПСС и ВЛКСМ составили основу архива. Наибольшее количество таких документов (свыше 20 тыс. ед. хр.) поступило в 1991 г. на волне демонтажа советской политической системы. С 1994 г. Центр принял на хранение большое количество документов региональных отделений КПРФ, ЛДПР и ряда общественных организаций – Всероссийского общества инвалидов, Союза ветеранов Афганистана, Российского фонда мира, Магаданского областного Союза ветеранов войны и труда, Колымского окружного казачьего общества и др. Кроме того, в 1999 г. специалистами были созданы архивные коллекции документов «Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (в 2006 г. насчитывала 11 фондообразователей) и «Почетные граждане г. Магадана» (6 фондов) [Червоненко, с. 23]. На 1 января 2004 г. в ЦХСДМО хранился 971 фонд, 182 434 ед. хр., 493 фотодокумента за 1923–2003 гг. [Веркина, 2006, с. 13].

Тема Великой Отечественной войны и судьбы ее участников, живших впоследствии в Магадане, читится в ГАМО особо. К 70-летию Победы архивисты подготовили объемную выставку «Подвигу жить в веках. 1941–1945», на которой помещена информация о ветеранах, чей фронтный путь отмечен боевыми наградами, а один из них, В. А. Степин, получил звание Героя Советского Союза. Запланированные мероприятия 2020 г. не состоялись из-за пандемии, хотя подготовка к ним велась активно – подготовлены фотовыставка «Герои и наследники» и выставка плакатов военного времени.

Еще один центр, не менее важный – Центр хранения документации по личному составу, был создан в декабре 1992 г. распоряжением администрации Магаданской области № 605-р, являясь (до объединения с ГАМО) структурным подразделением архивного отдела областного органа власти. Специалисты Центра вели большую работу с обращениями граждан с целью удовлетворения их социально-правовых интересов. По состоянию на 2006 г. общий объем хранения составлял 24 105 дел в 130 фондах практически всех отраслей промышленности, хозяйства, транспорта, а еще 40 тыс. дел находились в стадии обработки [Мордухович, с. 17]. От себя также отметим, что имеющаяся богатейшая картотека персоналий, в том числе специалистов, внесших большой вклад в развитие Колымы со времен Дальстроя, очень важна для исследователей, поскольку порой, кроме личной карточки, иной информации о нужном человеке нет, и сотрудники отдела всемерно помогают ученым-историкам в получении запрашиваемых данных.

Отдельного внимания заслуживают имеющую особую ценность фонды личного происхождения в ГАМО. Среди них фонды учено-

го-любителя Марии Федоровны Клейн; поэта Алексея Дмитриевича Дунаева; известного магаданского писателя, прозаика и публициста Александра Михайловича Бирюкова; врача, заключенной и реабилитированной в 1940 г., участницы Великой Отечественной войны и блокадницы Валентины Николаевны Гороховой-Даниловой; врача-психиатра Мирона Марковича Этлиса; Заслуженного учителя РФ Давида Исумуровича Райзмана; археолога, члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Дикова. Несмотря на малочисленность личных фондов, в 2008 г. при участии Архивного отдела областной администрации состоялся «круглый стол», посвященный данной проблематике с публикацией материалов [Личные фонды].

Сегодня ГАМО – это динамично развивающийся центр документальной информации области, услугами которого пользуются ученые, преподаватели, студенты, краеведы, представители общественности и простые люди, обращающиеся за сведениями личного порядка. Возглавляет архив Максим Иванович Дорош. Архив состоит из четырех отделов – комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства; обеспечения сохранности, государственного учета и автоматизированных архивных технологий; использования и публикации архивных документов; обеспечения сохранности документов по личному составу и исполнения социально-правовых запросов. Последний ежегодно отвечает на более чем 5 тыс. обращений, поступающих из регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. До введения ограничительных мер в ГАМО частыми гостями были специалисты из США, ФРГ, Франции, Казахстана, а также городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Владивостока и других. На 2022 г. в ГАМО насчитывается 2227 фондов, из них 7 дореволюционных, 13 – личного происхождения, 5 – аудиовизуальных, 738 – по личному составу, содержащих 626 732 ед. хр.; в научно-справочной библиотеке архива имеется 23 795 экземпляров литературы [Веркина, 2020]. Одно из старейших изданий, вызывающее интерес посетителей – «Евангелие» на якутском языке; также гости архива интересуются содержанием альбомов «Дальстрой НКВД СССР. 1941–1942 гг.», «Город Магадан – 25 лет. 1939–1964 гг.» и др. Специалисты ведут работу по оцифровке фондов, в первую очередь дореволюционных. Среди ученых-историков наиболее востребован ф. Р-23 «Главное управление строительства Дальнего Севера Министерства цветной металлургии СССР – Дальстрой», в котором собрана вся история начала промышленного освоения Колымы с 1932 г. На его материалах создан достаточно большой массив литературы, а доступ к первоисточникам позволяет сформировать объективную картину весьма непростого периода 1930–1950-х гг., исключив заведомое и подчас голословное искажение фактов.

Архив тесно сотрудничает с коллегами из других регионов, особенно активно с архивами ДВФО, ведет активную популяризаторскую деятельность, в том числе путем издания с 2003 г. «Календаря знаменательных и памятных дат Магаданской области», приуроченного к юбилейным датам. Среди них 75-летие Магаданского механического завода (2012 г.), 80-летие первой магаданской школы (2017 г.), 90-летие основания и 80-летие присвоения Магадану статуса города (2019 г.), 65-летие Магаданской области (2018), юбилей Великой Победы (в т. ч. 75-летие в 2020 г.) и т. д. В 2021 и 2022 г. «Календарь...» был посвящен 90-летиям – «Дальстроя», а в этом году – газеты «Магаданская правда». К значимым юбилеям архив проводит семинары, «круглые столы», Дни открытых дверей. В 2013 г. к 60-летию Магаданской области изданы материалы «круглого стола» архивистов и краеведов, само заседание прошло в ГАМО [Архивы Магаданской области...]. А в апреле 2018 г. в честь 100-летия Архивной службы России конференция проводилась в Магаданской областной универсальной библиотеке им. А. С. Пушкина. Для удобства пользователей в 2020 г. в двух томах переиздан уточненный «Путеводитель по фондам ГАМО».

Продолжая повествование о состоянии архивного дела в Магаданской области на современном этапе, нельзя обойти вниманием Архивный отдел Департамента административных органов Магаданской области. Эта структура берет начало с создания в августе 1954 г. архивного отдела областного УВД. В последующее время он неоднократно реорганизовывался, став с 1 февраля 1962 г. архивным отделом Магаданского облисполкома, а спустя 30 лет перешел в ведение областной администрации. С 1 января 2014 г., после создания Министерства государственно-правового развития Магаданской области, отдел был переименован в агентство² и включен в состав министерства наряду с агентством ЗАГС и управлением по обеспечению деятельности мировых судей. С октября 2018 г. министерство было преобразовано в департамент административных органов Магаданской области, и архивное агентство стало его структурным подразделением, а с 1 января 2022 г. агентство стало отделом, которым руководит Ольга Евгеньевна Кононова. Его основной задачей является обеспечение реализации полномочий в сфере государственного управления архивным делом в Магаданской области.

По состоянию на 1 января 2021 г. местное самоуправление в области осуществляется в границах девяти городских округов. В каждом

² Такое наименование было взято по аналогии с названием вышестоящего федерального органа исполнительной власти – Федерального архивного агентства, подчиненного напрямую Президенту РФ и осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также по контролю и оказанию государственных услуг в сфере архивного дела и делопроизводства.

из них имеются архивные отделы администрации соответствующего городского округа, являющиеся структурными подразделениями органов местного самоуправления, осуществляющими функции в области архивного дела и одновременно выполняющими функции муниципального архива.

Структуру архивной службы Магаданской области можно схематично изобразить так (рис. 1):

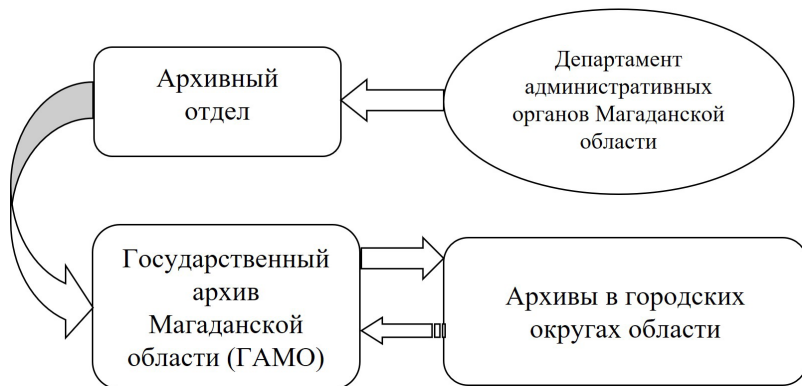

Рис. 1.

Таким образом, учет и сохранность документальных свидетельств прошлого в Магаданской области поставлены на достаточно высоком уровне; в областном и районных архивах работают профессионалы своего дела. Безусловно, что в их деятельности имеются и определенные проблемы. Их решение позволило бы расширить количество услуг, либо предоставлять их с применением более современной технической базы.

Автор благодарит за помощь и консультирование при написании доклада начальника отдела использования и публикации архивных документов ОГКУ «ГАМО» Веркину Тамару Васильевну и руководителя архивного отдела Департамента административных органов Магаданской области Кононову Ольгу Евгеньевну.

Архивы Магаданской области сегодня: материалы первого «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол.: Н. Г. Петренко, Т. М. Романова, Х. С. Черкаева. Магадан: Новая полиграфия, 2006.

Веркина Т. В. Знать, помнить, хранить. 19 января Магаданскому областному архиву – 65 лет // Магаданская правда. 2020. 17 янв.

Веркина Т. В. Центр хранения современной документации Магаданской области: взгляд сквозь призму времени // Архивы Магаданской области сегодня: матери-

алы первого «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол.: Н. Г. Петренко, Т. М. Романова, Х. С. Черкаева. Магадан: Новая полиграфия, 2006. С. 12–14.

Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. Р-146. Исполнительный комитет Магаданского областного Совета депутатов трудящихся.

Личные фонды в изучении истории Магаданской области : материалы «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол. Н. Г. Петренко [и др.]. Магадан: Новая полиграфия, 2008.

Мордухович Л. И. Состояние, развитие и перспективы Центра хранения документов по личному составу // Архивы Магаданской области сегодня: материалы первого «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол.: Н. Г. Петренко, Т. М. Романова, Х. С. Черкаева. Магадан: Новая полиграфия, 2006. С. 15–18.

Применко Н. Б. Государственный архив Магаданской области: состояние, развитие и перспективы // Архивы Магаданской области сегодня: материалы первого «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол.: Н. Г. Петренко, Т. М. Романова, Х. С. Черкаева. Магадан: Новая полиграфия, 2006. С. 8–11.

Червоненко В. А. Документальная память народа // Архивы Магаданской области сегодня: материалы первого «круглого стола» архивистов и историков-краеведов / редкол.: Н. Г. Петренко, Т. М. Романова, Х. С. Черкаева. Магадан: Новая полиграфия, 2006. С. 23–24.

УДК 930.25(470)

В. В. Шибаев
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АРХИВНОГО ДЕЛА В 2020–2022 гг.

Анализируются нормативные акты, которые регулируют государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства об архивном деле в Российской Федерации в 2020–2022 гг. На их основе рассматриваются основные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении федерального государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства архивного дела современной России, а также объекты контроля контрольно-надзорной деятельности: уникальные документы АФ РФ и хранящие их архивы.

Ключевые слова: архивное законодательство, Росархив, архивный документ, государственный контроль и надзор, архив, архивное дело.

Совершенствование и развитие архивного законодательства в России является важным условием благополучия всей архивной отрасли, на ее основе осуществляется политика Российской Федерации в области архивного дела.

Качественным изменением в этом отношении стало издание ряда нормативных актов России в области контрольно-надзорной деятельности архивов.

1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон 248-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Он подразумевает деятельность органов исполнительной власти (в данном случае это Росархив), направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений нормативных требований. [О государственном контроле..., 2020].

Принципиально общая картина вроде бы не меняется: те же должностные лица (инспекторы территориальных органов) проводят те же мероприятия (запросы, проверки) среди тех же юридических лиц. Но в деталях прослеживается изменение подхода к государственному контролю. Он все более движется в сторону публичных реестров и электронного документооборота. Именно здесь скрыт наибольший потенциал всей системы, но здесь же кроется и самая большая ее проблема. Этот нормативный акт одновременно регламентирует контроль, и надзор.

Эти понятия законодательно разделены. На федеральном и региональном уровне возможен и контроль, и надзор, а на муниципальном уровне возможен только контроль.

В соответствии с ФЗ-248, принципом осуществления государственного контроля и надзора является открытость и доступность информации об организации. Основной информационной системой в этом отношении теперь является государственная информационная система Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ГИС ЕРКНМ). Он уже отображается на сайте Росархива как элемент контрольно-надзорной деятельности [Государственная информационная система...].

Теперь на его базе реализуется учет проводимых органами власти профилактических мер, контрольно-надзорных мероприятий по пресечению выявленных нарушений законодательства, устранению их последствий, учет решений и действий должностных лиц контрольных и надзорных органов.

Через Реестр должно обеспечиваться взаимодействие контрольных органов и прокуратуры по формированию планов и согласованию проведения контрольно-надзорных мероприятий и учет жалоб контролируемых лиц.

С одной стороны, курс на электронный документооборот и дистанционное взаимодействие – это замечательно. Все прозрачно и на

виду. Решает не бумага, а запись в электронном реестре. И ведомства все необходимые документы и сведения уже не запрашивают у заявителя, а получают из реестра.

Но это же вызывает и определенные опасения, поскольку в единый реестр будет передаваться много сведений, составляющих служебную, коммерческую и другие виды тайн.

В соответствии с этим законом в области архивного дела было издано Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства об архивном деле [Положение..., 2021].

Данный нормативный акт устанавливает порядок организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства об архивном деле.

Предметом контроля является соблюдение архивами, музеями, библиотеками и научными организациями обязательных требований особого режима учета, хранения и использования уникальных документов, находящихся у них на постоянном хранении и включенных в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Контроль осуществляется Федеральным архивным агентством.

Контролируемыми лицами являются архивы, музеи, библиотеки, научные организации, имеющие на постоянном хранении уникальные документы, включенные в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации [Там же].

В соответствии со ст. 27 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» [Об архивном деле..., 2004], юридические лица, а также должностные лица и граждане, виновные в нарушении законодательства об архивном деле, несут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Административная ответственность за нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов, за исключением случаев, предусмотренных ст. 13.25, установлена ст. 13.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Кроме того, за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей, а также за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, штампов или

печатей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, предусмотрена уголовная ответственность ст. 243 и 325 Уголовного кодекса РФ.

При этом следует отметить, что на момент издания этих актов судебная практика при осуществлении федерального государственного контроля отсутствовала.

Прежние требования по архивному контролю предписывали:

Организацию сейфового хранения уникальных документов (ч. 3 ст. 17 ФЗ-125 «Об архивном деле в Российской Федерации»; п. 8.3 Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда [Правила..., 2020]).

Соблюдение нормативных режимов хранения уникальных документов (противопожарный, охранный, температурно-влажностный, санитарно-гигиенический) (ч. 3 ст. 17 ФЗ-125, Глава V «Правил»)

Использование тканевых перчаток при работе с уникальными документами (ч. 3 ст. 17 ФЗ-125, п. 5.25 «Правил»).

Ежегодная проверка наличия уникальных документов (с их полнотным просмотром) (ч. 3. ст. 17 ФЗ-125, п. 10.2 «Правил»)

Оформление результатов проверки наличия уникальных документов (ч. 3 ст. 17 ФЗ-125, п.10.4 «Правил»).

В соответствии с п. 24 «Положения» [Положение..., 2020] Росархив осуществляет консультирование по вопросам:

- организации и осуществления контроля;
- предмета контроля;
- критериев отнесения объектов контроля к категории риска;
- состава и порядка обжалования решений Росархива, действия (бездействия) его должностных лиц;
- порядка подачи возражений на предостережение о недопустимости нарушений обязательных требований.

В соответствии с этим Росархив издал ряд нормативных актов. Среди них «Руководство по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства об архивном деле [Руководство..., 2022]. Данным актом определяется методика соблюдения обязательных требований, ответственность за нарушения требований архивного законодательства (сразу оговаривается, что в настоящий момент правоприменительная практика в рамках государственного контроля пока отсутствует).

В руководстве в перечень наиболее часто выявляемых типичных нарушений вошли:

- организация сейфового хранения уникальных документов;
- соблюдение нормативных режимов хранения уникальных документов;

- использование тканевых перчаток при работе с уникальными документами;
- оформление должным образом результатов проверки наличия уникальных документов;
- наличие страховых копий уникальных документов, копий на них фонда пользования на микроносителях, копий электронного фонда пользования и т. д. [Положение..., 2021].

Таким образом, объектом контрольно-надзорной деятельности в области архивного дела были определены уникальные документы и архивы, в которых осуществляется их хранение, и на сайте Росархива были размещены их перечни.

Исполнение программы контрольно-надзорной деятельности в области соблюдения архивного законодательства Российской Федерации намечено на текущий 2022 г., поэтому пока о результатах данной законодательной инициативы говорить рано.

Таким образом, в настоящее время в России происходит дальнейшее развитие нормативного регулирования в сфере архивного дела, что проявилось в издании ряда нормативных актов по организации контрольно-надзорной деятельности в области соблюдения архивного законодательства.

Государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» (ГИС ЕРКНМ) // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://ahttps://proverka.gov.ru/portal> (дата обращения: 03.10.2022).

Контрольно-надзорная деятельность // Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.gov.ru/control.shtml> (дата обращения: 03.10.2022).

О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральн. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo-search.minjust.ru/bigs/showDocument.html#id=CF1F5643-3AEB-4438-9333-2E47F2A9D0E7> (дата обращения: 01.10.2022).

Об архивном деле в Российской Федерации : федеральн. закон от 22.10.2004 № 125 // Рос. газета. 2004. 27 окт.

Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства об архивном деле : постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1061 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010108> (дата обращения: 01.10.2022).

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного Фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, научных организациях : приказ Росархива от 02.03.2020 № 24. URL: <https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (дата обращения: 03.10.2022).

Руководство по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства об архивном деле от 08.08.2022. URL: <http://archives.gov.ru/sites/default/files/2022-08-08-rukovodstvo-knd.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

2.2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И АРХИВ

УДК 930.25(571.122):004

В. А. Арасланова,
Сургутский государственный
педагогический университет, г. Сургут

А. А. Кайдалова,
Муниципальный архив города Сургута,
г. Сургут

СОЗДАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТОГО ИНФОРМАЦИОННОГО АРХИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОРОДЕ СУРГУТЕ

Статья посвящена вопросам создания и использования открытого информационного пространства в г. Сургут. Авторы знакомят с участием муниципального архива в различных интернет-проектах. Большая часть реализуемых проектов – регионального уровня. Популяризацию своей деятельности архив осуществляет посредством паблик-аккаунтов в популярных социальных сетях. Важное место в статье уделяется вопросам сотрудничества муниципального архива с Сургутским государственным педагогическим университетом. Использование открытого информационного пространства осуществляется посредством проведения совместно с преподавателями и студентами викторин, выставок, круглых столов, конференций.

Ключевые слова: муниципальный архив, открытое информационное пространство, популяризация деятельности архива, социальные сети, сотрудничество, электронные образы документов.

Архивное учреждение сегодня – это информационный ресурсный центр, возможности которого помогают подтвердить имущественные права, социальные гарантии граждан, обладающий кладезем исторических источников, представляющих огромный интерес для академического сообщества. Прежде чем приступить к основному вопросу темы, необходимо несколько слов уделить учреждению, которое мы представляем. В сентябре 2022 г. Сургутскому архиву исполнилось 85 лет. Чуть больше года архив сменил организационно-правовую форму, став муниципальным казенным учреждением. В конце 2020 г. переехал в новое помещение общей площадью порядка 5 тыс. кв. м., отвечающим современным требованиям и нормам хранения архивных документов, оказания услуг с соблюдением доступности для маломобильных групп населения. Сургутский архив является крупнейшим

среди муниципальных архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как по количеству хранящихся дел, так и объемам выполняемых работ.

Увеличение площадей позволяет в полной мере осуществлять основные направления архивного дела: созданы условия для полноценного приема и хранения документов. Площадь архивохранилищ в 3 тыс. кв. м. позволяет сохранить резерв на долгие годы, на сегодняшний день в них размещены более 140 тыс. ед. хр. Полноценно функционирует реставрационная лаборатория, в которой проводятся работы по улучшению физического состояния дел. Следуя цифровой трансформации, активно используя планетарные сканеры, пополняется электронный фонд пользования архива. Предусмотрены помещения для временной акклиматизации, дезинфекции биоповрежденных документов; хранения учетных документов. Комфортные условия читального зала и выставочного пространства позволяют пользователям работать с документами, а архивистам – проводить круглые столы, творческие встречи, обзорные экскурсии. Библиотека Сургутского архива содержит уникальные авторские издания.

Активное участие архива в различных интернет-проектах позволяет пользователям найти нужную информацию, а архиву – не только создавать и пополнять базы данных, но сохранять первоначальный вид документа. Большая часть проектов – регионального уровня, среди них Интернет-портал «Победа – одна на всех», генеалогический портал «Связь поколений Югры», наполнение которого метрическими книгами Сургута завершено. Непрерывная работа в государственной информационной системе «Электронный архив Югры» посредством профессионального использования сканирующего оборудования, наполнение архивных баз данных, создание электронного фонда пользования позволяют не только сохранить подлинники архивных источников, но и дают возможность исследователям пользоваться скан-копиями архивных документов в режиме удаленного доступа; в читальном зале представлены справочно-поисковые средства к архивным документам.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 12.06.2021 № Пр-1006 (п. 6 раздела 2 Протокола заседания Российского организационного комитета «Победа») об участии в создании электронных Книг памяти малых населенных пунктов, архив, являясь членом рабочей группы по созданию электронной Книги памяти г. Сургут, разработал на основе принятой формы информационный ресурс, позволяющий всем участникам рабочей группы муниципального образования вносить данные одновременно, также архивом был разработан чек-лист волонтера для более информативного интервью.

Архив занимается популяризацией своей деятельности посредством паблик-аккаунтов в популярных социальных сетях, благодаря чему любой желающий может следить за новостями, интересными фактами, мероприятиями, которые проводятся в архиве, а также проектами, в которых может принять участие в качестве волонтера (табл. 1).

Таблица 1.

Популяризация деятельности архива в социальных сетях

№	Название социальной сети	Количество подписчиков	Количество постов на 01.10.2022
1	ВКонтакте	515	592
2	Youtube	33	22
3	TikTok	5	5
4	Одноклассники	26	87
5	Telegramm	74	148
6	Яндекс.Дзен	5	18

Архивистами совместно с преподавателями и студентами Сургутского государственного педагогического университета готовятся выставки архивных документов. Вот некоторые из них: «Уникальные документы города Сургута и Сургутского района», «Без архива нет истории, без истории нет просвещения, без просвещения нет прогресса», «Комсомольцы-добровольцы в городе Сургуте и Сургутском районе»; ежегодные выставки архивных документов личного происхождения сургутян – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; выставки архивных документов личного происхождения фондообразователей муниципального архива и др. [Арасланова, Кайдалова, 2021, с. 313]. Таким образом, обучающимся и гражданам предоставляется возможность ознакомиться с архивными материалами, размещенными в экспозициях стационарных и передвижных выставок архивных документов, в том числе виртуальных, где представлены электронные образы документов.

С целью популяризации архивных фотодокументов студентами направления подготовки «Документоведение и архивоведение» Сургутского государственного педагогического университета была подготовлена викторина «Знай и люби свой город». В викторине приняли участие учащиеся школ и обучающиеся средних профессиональных учебных заведений г. Сургута и Сургутского района.

Традиционным стало проведение архивом и социально-гуманитарным факультетом СурГПУ тематических круглых столов, таких как «Создание единого информационного архивного пространства

в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2019); «Информатизация архивного дела России на современном этапе» (2020); «Эволюция архивно-информационного пространства в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре» (2021), «Сохранение документального наследия Югры: многонациональный аспект» (2022).

Преподавателями и студентами совместно с архивистами обсуждаются наиболее значимые результаты создания и использования открытого информационного архивного пространства в г. Сургут на мероприятиях разного уровня. Такими площадками стали региональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы сохранения архивных документов как историко-культурного наследия России» (Сургут, 2018); круглый стол «Трансформация архивов в цифровую эпоху: проблемы и решения» в рамках XI Международного IT-Форума с участием стран БРИКС и ШОС (Ханты-Мансийск, 2019); круглый стол Уральского историко-архивного форума (Екатеринбург, 2020) [Арасланова, Рашевская, 2020]; XXVII и XXVIII Международные научно-практические конференции «Документация в информационном обществе: цифровая трансформация в интересах человека, общества, государства» [Арасланова, Кайдалова, 2021], [Гололобов, 2021]; Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения» [Арасланова, Рашевская, 2021].

Таким образом, создание и использование открытого информационного архивного пространства в городе Сургуте является одним из приоритетных направлений сотрудничества муниципального архива города Сургута и Сургутского государственного педагогического университета.

Арасланова В. А., Кайдалова А. А. Вклад студентов СурГПУ направления подготовки «Документоведение и архивоведение» в создание фондов личного происхождения сургутян как одно из приоритетных направлений сохранения документального фонда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Документация в информационном обществе: информационные технологии и управление документами в условиях глобальных вызовов: докл. и сообщ. XXVII междунар. науч.-практ. конф. М.: ВНИИДАД, 2021. С. 311–314.

Арасланова В. А., Рашевская Н. Н. Реализация проектов по информатизации архивного дела Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на современном этапе // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума, посв. 50-лет. ист.-арх. специальности в Урал. ун-те, Екатеринбург, 11–12 сент. 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 442–447.

Арасланова В. А., Рашевская Н. Н. Использование возможностей архивного информационного пространства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в образовательном процессе Сургутского государственного педагогического университета // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI

века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0 : материалы форума и конф.: в 2-х т. Т. 2. Томск: Изд-во ТГПУ, 2021. С. 310–315.

Гололобов Е. И. Вклад студентов Сургутского государственного педагогического университета направления «Документоведение и архивоведение» в информатизацию архивного дела Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Документация в информационном обществе: информационные технологии и управление документами в условиях глобальных вызовов : докл. и сообщ. XXVII междунар. науч.-практ. конф. М.: ВНИИДАД, 2021. С. 408–411.

УДК 930.253:351.852

Д. Ю. Гук
Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург

ОТ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗРИТЕЛЯ К ВЕБ-АНАЛИТИКЕ НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В 1920–2000-х гг. исследования музейной аудитории в Государственном Эрмитаже опирались на количественные показатели, показывая демографическую и социальную характеристики посетителей музея, а также формы работы. Численные показатели не выявляют причины их динамики. Современные исследования социальных установок на посещение Государственного Эрмитажа заставили обратиться к архивным материалам. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. появляются не только отдельные книги отзывов и жалоб, но и отчеты Комиссии по изучению посетителя. Именно тогда начинают обращать пристальное внимание на одиночных зрителей и их потребности. Кроме того, что эти документы являют собой достойный подражания стиль деловой корреспонденции, они хранят качественные данные о том, на какие категории делятся запросы. Стабильность этого разбивания в течение столетия подтверждается актуальными данными аналитики музейных информационных ресурсов.

Ключевые слова: Комиссия по изучению зрителя, Эрмитаж, архив, посетители музея, социологические исследования, музейные исследования, требования, обзоры, жалобы, аналитика.

К концу 1920-х гг. социальный состав посетителей Государственного Эрмитажа стал достаточно стабильным: рабочие, красноармейцы, служащие, учащиеся и домохозяйки, крестьяне. Значительная часть зрителей, как их тогда именовали, посещала музей группами

по профсоюзным путевкам или с экскурсиями [Статистический отчет...]. Претензии посетителей музея, отражающие обстановку почти вековой давности, зафиксированы документально в Книге жалоб посетителей [Книга жалоб...], Книге отзывов иностранных и почетных граждан [Книга для записи...], а также отчетах Комиссии по изучению зрителя [Отчет о работе...], Ударной бригады «Эрмитаж лицом к посетителю» и Сквозной бригады «Кружка друзей» [Материалы по обследованию...]. Работа последних ранее не получала освещения в публикациях [Ананьев, 2012, с. 369; Публика художественных музеев и выставок... , 2014; Литвин 2022, с. 67]. Чтобы разобраться, кто и чем занимался, пришлось обратиться к рабочим дневникам главного вдохновителя этих исследований Ж. А. Мацулевич [Рабочие дневники...].

Начало плановой работе положили обследования музейного зрителя, начатые в 1928 г. членами «Кружка друзей Эрмитажа» для музейных консультантов. С января 1930 г. Комиссия по изучению зрителя собиралась под руководством Просветбюро несколько раз в месяц, как и Комиссия по этикетажу, утверждавшая экспликации и этикетки. Для статистического учета (местные/приезжие, первично/повторно, социальное положение) за образец был взят учетный лист Третьяковской галереи. Попытки сотрудничать с Институтом мозга и Институтом научной педагогики успехом не увенчались ввиду разницы в подходах, у музея были более конкретные прикладные задачи [Там же, д. 48, л. 273; оп. V, д. 1180, л. 1–2]. Статистический учет зрителя по социальному составу проводился по декадам, а экскурсантов – ежедневно [Там же, оп. VIII, д. 7]. Массовое обследование с применением статистического учета, в котором были задействованы 55 сотрудников, было проведено 8 ноября 1930 г. с использованием цветных анкет [Там же, д. 48, л. 308; Отчет о работе..., л. 5]. В мае и ноябре 1931 г. проводились обследования в день массового посещения, о чем было доложено в различных инстанциях [Рабочие дневники..., л. 352, 371]. Из Москвы приезжали представители Наркомпроса и Мосооброна для распространения опыта в ГИМе [Там же, л. 354–355а].

Сквозными называли формирования из разных отделов или организаций. В состав сквозной бригады «Лицом к зрителю» входили около 30 сотрудников научной части, передававших свои отчеты Ж. А. Мацулевич [Архив ГЭ, ф. 1, оп. VI, д. 1178, л. 11–13]. Задача состояла в осмотре раз в декаду порученного им раздела экспозиции с целью выявления недостатков и фиксации произошедших изменений. На половинках и четвертинках уже использованного листа, а то и листках отрывного календаря на 1928–1930 гг. [Материалы по обследованию..., д. 1176, л. 5 об., 18 об., 21 об.; д. 1177, л. 34 об.; д. 1178, л. 16 об., 21 об., 22; д. 1179, л. 23 об., 24 об., 25 об.], в частности,

с тезисами доклада А. И. Михайлова «Искусство и классовая борьба»¹ [Там же, д. 1177, л. 25 об., л. 34а; д. 1178, л. 22 об., 24 об.; д. 1179, л. 1а] и лекцией проф. Д. Н. Айналова «Первобытное искусство» в Рабочем воскресном университете (РВУ) за 7 октября 1929 г. [Там же, д. 1177, л. 47 об.], чернилами или карандашами в свободной форме отражены все обнаруженные в зале недостатки. Документы датируются с середины января по июнь 1931 г. [Там же, д. 1176–1979]. Соображения А. О. Ухановой от 3 марта 1931 г. [Там же, д. 1177, л. 29]: «Мозаичный пол надо мыть или смахивать с него пыль чаще. Часы павлин надо исправить. Просьба Висячий сад привести в порядок. В Павильонном зале садовую скульптуру надо вынести из зала вместе со сложенными в углу фрагментами², – на сегодняшний день все полностью учтены. Обозначена проблема с мебелью в местах для отдыха посетителей, так как «на шелковой мебели сидеть не дозволено, а бархатная для дежурных» [Там же, д. 1176, л. 46]. Многочисленные нарекания вызывают экспликации и этикетаж. Большая часть замечаний касается опечаток в этикетках, старой орфографии, отсутствии номеров шкафов и витрин в экспликациях к залу и самих этикеток, объяснений терминов и имен в текстах. Коллеги были друг для друга объективными и одновременно ироничными контролерами, что было также отмечено «это исследователи верно перестарались» [Материалы по обследованию..., д. 1179, л. 24 об.]. Тема этикетаж и экспликаций неисчерпаема, цитировать можно бесконечно. Вероятно, и век спустя единственный приемлемый вариант – это вернуться к практике Императорского музея и совсем отказаться от традиционных этикеток или ограничиться кодом для аудиогuida или дополненной реальности.

В 1930 г. по инициативе ученого секретаря М. Д. Филофова, секретаря Просветбюро Д. И. Харнаса и научных сотрудников Ж. А. Мацулевич, О. М. Котельниковой, А. А. Передольской и Е. А. Тартаковской начала работу Ударная бригада по обслуживанию зрителя [Материалы по обследованию..., д. 1178, л. 19]. В эту бригаду записывались те, кто планировал перевыполнить или выполнить ранее намеренного срока план работ по составлению этикетаж и инвентаризации, а также участников шефских мероприятий по чтению выездных лекций.

Очевидно, что сотрудники музея радеют о качестве обслуживания и комфорте для зрителей и слушателей лекций: доступном

¹ Вдохновлены докладом А. В. Луначарского «Классовая борьба в искусстве», прочитанным 17 февраля 1929 г. в Большом зале Московской консерватории [Луначарский, 1929]. Лекцией А. И. Михайлова 13 октября 1929 г. в Эрмитажном театре состоялось открытие РВУ. Несмотря на все затраченные усилия по организации и длительную подготовку этих курсов они были закрыты 14 февраля 1930 г. решением Бюро коллектива.

² Здесь и далее в цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация.

и понятном информационном обеспечении, современной орфографии, чистоте, горячем чае и теплых тапочках, как в загородных дворцах. Потребности самих зрителей можно узнать из «Книги для жалоб» 1931–1937 гг.: оставаться в верхнем платье в неотапливаемом помещении, осматривать весь музей, а не один отдел. Постоянные сетования на дороговизну билетов (один рубль или 75 копеек для льготников), хамство кассиров, проблемы со сдачей, отсутствие льгот для членов профсоюза, нехватку консультантов для одиночных посетителей, опоздания консультантов к группам или самих групп, оставшихся без экскурсии из-за опоздания, замену темы экскурсии, а также отсутствие планов и путеводителей [Там же, д. 1091]. Последнее требование наиболее ярко выражено в отзыве 1936 г. профессором из Москвы: «Который раз – и не могу получить план, все вышли, новых не привезли», – и далее отмечается «тяга самых широких народных масс к искусству» и констатируется: «без справочников, путеводителей и руководств по музею разве это не наплевательское отношение к публике со стороны беззаботного руководства Эрмитажа, разве это не чиновничье игнорирование самых элементарных интересов трудящихся?»³. Ему вторит в июле того же года доктор технических наук Е. Антулаев: «Чиновничье игнорирование самых элементарных интересов трудящихся, желающих и имеющих право сознательно вдумчиво знакомиться с шедеврами искусства, а не бездумно бродить по бесчисленным залам Эрмитажа, не имея возможности ориентироваться в богатейшем материале» [Книга жалоб..., л. 34 об., 35 об.]. По данным, содержащимся в ответах на жалобы, в день проходит 700–1 000 человек, в выходные – 3–4 тыс., и «руководы» предоставляют только если набирается группа 20–30 человек. Группе красноармейцев военной части в Горелово 23 февраля 1936 г. вместо темы «Иранское искусство» было показано западное искусство. Приуроченная к III Международному Иранскому конгрессу 1935 г. выставка еще действует, вероятнее всего, не было свободного специалиста, владеющего темой⁴. На каждую жалобу дан в той же самой книге комментарий просветчасти или бухгалтерии.

Популярность лекций РВУ в лектории на набережной 9 января и данные Комиссии по изучению зрителя свидетельствуют, что число отрицательных отзывов не превышает 4 %, экскурсанты отмечают понятный язык, внимание и чуткость сотрудников музея. Жалобы групп исключительно на опоздания экскурсоводов, ограничение экскурсии

³ Заметим, что при отсутствии собственной полиграфической базы на этот момент выпущено уже несколько путеводителей по новым маршрутам с исправленными нумерацией и наименованиями залов, и эта работа велась непрерывно.

⁴ Выражаю благодарность научному сотруднику Отдела Востока Государственного Эрмитажа Д. В. Васильевой за консультацию по срокам работы данной выставки.

по времени и «ни одного на усталость». Учащиеся вузов высказывают требования «не растекаться на мелочи» и «более глубокого объяснения», а рабочие и слушатели техникумов указывают на «отсутствие или недостаток социологии в построении экскурсии, на невыясненность взятой темы, на разорванность истории и искусства» [Отчет о работе..., л. 4, 5]. Это при том, что 65–70 % групп состоит из 15–30 человек, а в 12–13 % – свыше 30 человек. Были зарегистрированы группы из 50 и 60 человек, когда направляющая организация экономила деньги на оплате руководителя группы. Характерная черта времени: принято фиксировать только жалобы и претензии, все положительные официальные отзывы о работе сотрудников музея исходят только от руководства страны или иностранных граждан [Книга для записи...].

Согласно статистическому отчету за 1932 г. [Статистический отчет...], руководство музея стало сплошь партийным, старшие научные сотрудники из высококвалифицированных спустились до среднеквалифицированных, и остро встал вопрос о партийности руководства газеты «Зритель». По приказу директора Б. В. Леграна в 1931 г. книги для пожеланий зрителей, находившиеся на столах в 15 залах, в январе заменили на восемь специально заказанных ящиков, да и те стали использовать по иному назначению (для классовых чисток), с февраля остался только один на Главном подъезде. Туда же отправились доска для ответов на вопросы, так называемые «письма на дому», и стенгазета, где они и просуществовали до самой войны [Рабочие дневники...; ф. 1, оп. XVIIа, д. 27, л. 9].

В этот период печатное слово набирает силу, и посетители угрожают «освещением в печати» вопроса «недопустимого освещения». Отдельно стоит обратить внимание на материалы архивного дела, связанного с подготовкой ответа на жалобу руководителя школьной группы, учителя 1-й школы А. В. Марара в газету «Ленинградская правда» [Дело по разбору...]. Начальник управления по делам искусств при ленинградском Совете РК и КД М. Рафаил 7 декабря 1936 г. направил официальный запрос И. А. Орбели [Там же, л. 4]. По принятому тогда режиму работы с зимнее время (с 1 ноября) из-за отсутствия электрического освещения залы закрывались в 16 часов. Детская экскурсионно-туристическая станция (ДЭТС) об этом была уведомлена, но упустила из виду, и школьники в количестве 100 человек с одним учителем пришли ознакомиться с новой выставкой Египта, располагавшейся в залах, примыкавших к нынешней галерее Растрелли и малому Комендантскому коридору [Путеводитель по залам Отдела Востока, 1939, с. 6], когда музей уже закрывался. Были получены объяснительные от контролера Шишмолина, вахтера Богданова, заведующей организационно-массовым сектором Л. Я. Рохлиной,

а также дежурного по музею заведующего библиотекой О. Э. Вольценбура, находившегося в тот момент в кабинете ученого секретаря вместе с научным сотрудником К. В. Кузнецовым. В обстоятельном ответе по вопросу «о бесстыдно-бездушном отношении администрации Эрмитажа к школьникам» [Дело по разбору..., л. 5] ни одна из фамилий не упомянута, а вся ответственность возлагается на плохую организацию работы смежников – ДЭТС. Что касается проблемы с освещением египетской выставки, то ее обещано разрешить в кратчайшие сроки. Не хватало не только освещения, но и бумаги, поэтому большая часть документов 1930-х гг. написана на оборотной стороне ранее использованных листов. В частности, одна объяснительная записка на обороте содержит штамп с Сенмурвом [Дело по разбору..., л. 7 об.], вероятно, оставшийся с Иранского конгресса 1935 г. Объяснительная записка и сам ответ являют собой образец изысканного канцелярского слога.

Председатель Комиссии по изучению зрителя Ж. А. Мацулевич приводит в своем отчете следующие данные:

- местные (ленинградцы) незначительно преобладают над приезжими;
- повторная посещаемость преобладает среди местных на 30 %, причем это число, состоящее из рабочих, учащихся и служащих, превосходит число приходящих впервые более, чем в два раза;
- 77 % приезжих приходит впервые;
- повторно из приезжих приходит главным образом учащаяся молодежь [Отчет о работе, л. 2].

Соотношение женщин и мужчин среди рабочих – 20 % и 80 %, среди учащейся молодежи – 40 % и 60 %, среди служащих – 41 % и 59 % [Там же, л. 3]. На повторной посещаемости и углубленном изучении коллекций музея посредством посещения лекций научных сотрудников или с помощью путеводителей делается особый акцент.

Комиссия по изучению зрителя проработала полтора года, но полученные результаты беспрецедентны. Довольно скоро любые исследования социологического толка были прекращены по политическим мотивам и возобновились лишь в 1970-е годы [Ананьев 2012, с. 372; Гук, 2022, с. 65]. В период пандемии и ранее средствами веб-аналитики проводились сравнительные исследования реальных и виртуальных посетителей музея [Гук, Харитонов, 2021; Гук, Суслова, 2020; Гук, 2022]. Изменилось соотношение женщин и мужчин среди всех категорий посетителей, а жалобы практически все те же: требование внимания персонала, льгот и скидок, нежелание подчиняться правилам посещения музея, недостаточная информация всех видов, слабое

освещение и традиционная нехватка времени для того чтобы увидеть весь музей за одно посещение. Возвращаемость, то есть повторное посещение, снова рассматривается как критерий успешной работы музея [Ноокк, 2018]. Современная ситуация складывается так, что сбор данных о виртуальных музейных посетителях официальных ресурсов перестает быть законным и должен быть прекращен. Таким образом, архивные документы вековой давности снова становятся актуальными и сопоставимыми с сегодняшними данными.

Ананьев В. Г. Изучение музейной аудитории в 1920-е гг. (по архивным материалам) // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 367–373.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Документы Императорского и Государственного Эрмитажа.

Гук Д. Ю. Социальные установки музейного посетителя и сотрудника: к постановке задачи // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1 (11). С. 65–75.

Гук Д. Ю., Суслова Е. А. Релевантность онлайн-ресурсов музея в период пандемии // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы IV Всеросс. с межд. участием науч.-практ. конф. Новосибирск: ИПК НГУ, 2020. С. 141–147.

Гук Д. Ю., Харитонова Т. Ю. Цифры о цифре: репутация и рейтинг музея в условиях дистанционной работы // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 70–79.

Дело по разбору жалобы в редакцию «Ленинградской правды» руководителя школьной экскурсии // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–IV. Д. 2096.

Книга для записи отзывов посетителей Эрмитажа // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–III. Д. 1788.

Книга жалоб посетителей // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–III. Д. 1091.

Литвин Т. А. Музейная социология в контексте социально-исторических перемен // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 63–77.

Луначарский А. В. Классовая борьба в искусстве // Искусство. 1929. № 1–2. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/klassovaa-borba-v-iskusstve/> (дата обращения: 20.06.2022).

Материалы по обследованию работы в отделах Эрмитажа ударной бригадой «Лицом к посетителю» и сквозной бригадой «Кружка друзей» // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–III. Д. 1176–1179.

Отчет о работе комиссии по изучению зрителя в Эрмитаже // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–III. Д. 1180.

Переписка комиссии по изучению зрителя Эрмитажа с частными лицами по удовлетворению культурных запросов граждан // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V–III. Д. 1321.

Публика художественных музеев и выставок в России. Социологические свидетельства 1920–1930-х годов. СПб.: Алетей, 2014.

Путеводитель по залам Отдела Востока. Государственный Эрмитаж. Ленинград: <Б. и.>, 1939.

Рабочие дневники Ж. А. Мацулевич. 28.11.1923–01.02.1931 // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 31. Оп. I. Д. 48.

Сведения о числе посетителей за 1923–1926 гг. // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. VIII. Д. 7.

Статистический отчет о составе и численности музея за 1932 г. // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. XVII. Д. 253.

Hookk D. Yu. «Returnability» as a criterion of a successful museum // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 2(4). С. 56–61.

УДК 377.6:930.25

Е. Д. Карманова
Уральский экономический колледж,
г. Екатеринбург

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АРХИВНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОЛЛЕДЖЕ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА)

Статья посвящена особенностям преподавания студентам колледжа таких дисциплин как «Организация и нормативно-правовые основы архивного дела», «Методика и практика архивоведения» и «Государственные, муниципальные архивы и архивы организации». Рассмотрены отличия обучения в колледже от обучения в вузе; выделены принципы преподавания архивных дисциплин в колледже. Статья будет интересна как практикам (архивистам, преподавателям), так и теоретикам архивного дела.

Ключевые слова: архивоведение, преподавание, студенты, колледж, методика преподавания, мотивация к обучению.

В настоящее время наблюдается активное развитие образовательной сферы как в России, так и в других странах мира. Глобализация и информатизация, а также конкуренция во всех сферах деятельности являются факторами, которые привели к распространению образовательных центров, онлайн-школ и других учебных заведений. Важно отметить, что социальная ценность высшего образования, которая имеет большое значение, например, в Японии [Падрон, 2020, с. 47], в России и странах Европы не играет столь же значимой роли: не принципиально, является ли потенциальный сотрудник выпускником вуза или колледжа – значимость имеют его профессиональные и личностные компетенции, а не условная «корочка».

В связи с этим колледжи представляются выпускникам школ (и не только им) достойным учреждением, в котором можно получить среднее профессиональное образование. Так как обучение в колледже обычно длится меньше, чем в университете, выпускники могут раньше начать строить карьеру. Можно возразить – что же мешает студен-

там вузов начать работать на полставки во время учебы и обладать таким же или большим опытом, что и выпускники колледжа? Однако, во-первых, студенты вуза могут работать ограниченное количество времени, так как учеба требует большого внимания и временных затрат. Во-вторых, студенты вуза позже получают диплом, в отличие от студентов колледжа, которые раньше становятся молодыми дипломированными специалистами, а отношение к уже окончившим обучение сотрудникам и еще студентам отличается. Таким образом, выпускники колледжей обладают определенными преимуществами перед студентами вузов, что делает их конкурентоспособными на рынке труда.

Естественно, вышесказанное не отменяет недостатков обучения в колледжах, которые, к сожалению, имеются в большом количестве. К ним можно отнести бюрократию, наличие обычно только платного обучения, а также зачастую непрофессиональный педагогический состав. Однако первый и третий недостатки встречаются и в вузах, а стоимость обучения в колледже существенно ниже, чем обучение в университете. Этот фактор имеет существенное значение для абитуриентов, которые не смогли поступить на бюджетное отделение вуза, а родители не могут платить за их образование.

Таким образом, колледжи имеют свои преимущества перед университетами и институтами. Специфика колледжа заключается в том, что в нем учатся как совершеннолетние, так и не достигшие 18-летнего возраста студенты, что накладывает на учебное заведение определенные обязательства, которых не имеет университет. Студентам колледжа помогает куратор, чья работа схожа с деятельностью классного руководителя в школе: он следит за посещаемостью, взаимодействует с родителями учащихся, помогает решать конфликтные ситуации. Получается, что колледж реализует в том числе и воспитательную функцию, в отличие от вуза. Это обстоятельство, как и возраст студентов, накладывает отпечаток на преподавание дисциплин, в том числе предметов по архивоведению.

Получить знания по архивному делу можно в университете, колледже или на курсах. В Уральском экономическом колледже (УЭК) специальность «Документационное обеспечение управления и архивоведение» была открыта в 2002 г. Так как колледж имеет финансовую направленность, данная специальность не является самой востребованной среди абитуриентов. Возможно очное или заочное обучение, которое для выпускников 9-го класса будет длиться 2 года 10 месяцев очно или 3 года 10 месяцев заочно, а для выпускников 11-го класса – 1 год 10 месяцев или 2 года 10 месяцев. Согласно информации на сайте колледжа [Уральский экономический колледж], будущие специалисты научатся составлять описи дел, осуществлять подготовку дел

к передаче в архив организации, государственные и муниципальные архивы, осуществлять экспертизу ценности документов в соответствии с действующими законодательными актами и нормативами, вести работу в системах электронного документооборота и т. д. Таковы профессиональные компетенции, которыми должен овладеть будущий архивист.

Важно отметить, что архивное дело – это более практический, нежели теоретический предмет. Его можно изучить за ограниченное количество времени – гораздо быстрее, чем за четыре года, которые предлагает посвятить этому направлению университет. В этом состоит еще одно преимущество колледжа – он в сжатые сроки позволяет освоить профессию, которая станет точкой отсчета карьерного пути начинающего специалиста.

Автор статьи преподавал в Уральском экономическом колледже три дисциплины – «Теория и методика архивоведения», «Организация и нормативно-правовые основы архивного дела» и «Государственные, муниципальные и ведомственные архивы». Так как в колледже отсутствовали рабочая программа курса и другие документы, регламентирующие данные дисциплины, автор статьи разработал их самостоятельно и выявил принципы преподавания архивных дисциплин студентам колледжа, которые помогли организовать эффективное обучение.

1. Интерактивный характер обучения.

Лекция как форма передачи знаний в XXI в. потеряла свою значимость, так как необходимую информацию можно найти в Интернете, а не слушать преподавателя в душной аудитории 90 минут. Кроме этого, рост количества сведений, которые необходимо изучать, и увеличение каналов передачи данных привели к формированию клипового мышления: людям стало сложнее воспринимать длинные тексты и уделять внимание одному сюжету в течение долгого времени.

В связи с этим возникает необходимость делать обучение интерактивным. Во-первых, оно должно носить коллективный (групповой, парный) характер: таким образом студенты научатся выстраивать отношения в команде (отстаивать свои права и мнение, достигать результата благодаря совместной работе) и сформируют необходимую для успешной карьеры личностную компетенцию, по-другому – *soft skill* («мягкий навык»). Во-вторых, необходимо делать обучение проблемным. Такой подход позволяет развить критическое мышление, которое поможет студентам не только в работе, но и в повседневной жизни. Отлично справляется с данной задачей такая технология обучения как кейсы. Студенты в группах решают какой-либо проблем-

ный, актуальный вопрос и презентуют итоги преподавателю [Лузан, 2012, с. 4].

2. Развитие креативного мышления.

В настоящее время недостаточно быть просто хорошим специалистом в определенной области – тенденции рынка труда и должностные обязанности меняются с большой скоростью. В новых реалиях необходимо обладать креативным мышлением, которое поможет найти решение в разных нестандартных ситуациях.

В рамках архивных дисциплин развивать данный тип мышления, безусловно, можно. Благоприятную почву для этого предоставляет раздел предмета «Методика и практика архивоведения», который связан с изучением особенностей использования архивных документов: направления, цели, форм. Например, в качестве практической работы в рамках темы «Создание традиционных выставок архивных документов» можно создавать «мудбоды» выставок. Мудбод (moodboard) – это, дословно, «доска настроения». Ее обычно используют дизайнеры и стилисты, однако она может быть полезна и архивистам. На лист формата А4 или А3 наносят картинки, подписи, схемы и т. д., которые иллюстрируют концепцию выставки. Данный материал может быть использован в ходе презентации директору архива своего видения проекта.

Создание мудбода поможет студентам развить творческое мышление и способствует формированию умения создавать концепции выставок, как и навыка презентовать свои идеи руководителю, роль которого в учебном заведении исполняет преподаватель.

Практикой, которая работает на развитие креативных навыков, является также выполнение заданий по теме «Использование архивных документов в социальных сетях». В ходе ее изучения студенты могут создавать посты в социальных сетях с использованием архивных документов, причем выбор форматов постов остается за ними – видео, фотообзор, научно-популярная статья и т. д. Можно создавать загадки, шифрующие города, заводы и другие объекты, а в качестве подсказок использовать архивные фотографии.

Выполнение подобных заданий в течение всего курса поможет студентам овладеть различными компетенциями и позволит им быстрее справляться с учебными, рабочими и бытовыми вопросами. Для фиксации результатов можно пройти текст на креативное мышление в начале и в конце учебного курса – результат будет разным, хотя большинство тестов подобного рода весьма условны.

3. Практико-ориентированный характер обучения.

Архивные дисциплины обычно воспринимаются как материал, которым сложно увлечь даже студентов, которые получают специаль-

ность «архивист». Они содержат большое количество теоретической информации, и часто преподаватели видят свою задачу лишь в передаче обширного пласта архивных сведений каждому последующему поколению студентов.

Но, во-первых, как отмечалось ранее, в XXI в. такой подход не является эффективным. Во-вторых, студенты пришли в колледж получать профессию, то есть они хотят научиться делать то, за что им будут платить деньги. Лекции по архивным дисциплинам, которые они могут легко найти в Интернете, не сделают их конкурентоспособными на рынке труда. Любое обучение, в том числе и архивное, должно носить практико-ориентированный характер.

Допустим, студенты изучают тему «Комплектование архивными документами». В качестве практического задания они могут составить список потенциальных источников комплектования архива определенного профиля. Пришло время рассмотреть обеспечение сохранности архивных документов? Студенты анализируют Основы законодательства «Об архивном фонде Российской Федерации и архивах» (1993) и Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004). Раздел «Использование архивных документов», как отмечалось ранее, дает широкий простор для практической деятельности. По разделу «Учет архивных документов» сложнее придумать практические задания, однако это тоже возможно.

Таким образом, архивные дисциплины могут и должны давать студентам не только знания, но и архивные умения, навыки. Без них студенты не смогут стать компетентными специалистами, и задача колледжа не будет выполнена.

4. Высокая степень эмпатии преподавателя.

Студенты колледжа обычно младше студентов университета – большинству учащихся 15–16 лет. Это обстоятельство необходимо учитывать при организации учебного процесса – при выборе технологии обучения, построении отношений с группой. Преподаватель должен демонстрировать высокую степень вовлеченности – так он вдохновит студентов на постижение предмета.

5. Повторение.

В университете повторению материала редко уделяют достаточное внимание. Преподаватели не имеют возможности выделять время для работы над пройденными темами, так как программа курсов крайне обширна. Помимо этого, профессора надеются, что студенты самостоятельно изучат информацию еще раз. Однако, к сожалению, студенты вуза (тем более – студенты колледжа) редко повторяют лекции. В связи с этим верным будет выделить 7–10 минут урока (пары) на

проработку ранее изученного. «Лучше меньше, да лучше», – эта пословица идеально отражает суть обучения: зачем знать многое отрывочно (оно все равно забудется)? В педагогике качество важнее количества.

Таким образом, преподавание архивных дисциплин в колледже имеет свою специфику, которая связана как с возрастными особенностями обучающихся, так и с видом учебного заведения. Принципы, изложенные выше, помогают преподавателю грамотно выстроить работу со студентами и сформировать у них личностные и профессиональные компетенции, которые станут опорой в карьере.

Лузан Е. Н. Кейс как образовательная технология // Науч. электрон. библиотечная система «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/keys-kak-obrazovatelnaya-tehnologiya> (дата обращения: 31.08.2022).

Падрон Е. Япония. Все тонкости. Москва: Изд-во АСТ, 2020.

Уральский экономический колледж (сайт). URL: <https://www.ural-college.ru/> (дата обращения: 31.08.2022).

УДК 902/904+930.25

Д. А. Кукина, М. В. Медведева
Научный архив Института истории
материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ОТ БОСПОРСКИХ СКЛЕПОВ ДО КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКРЫТОГО ЦИФРОВОГО АРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН¹

В ИИМК РАН находится крупнейший архив археологической документации XIX–XX в., материалы которого постоянно востребованы. Создание полномасштабного открытого цифрового архива на основе собрания ИИМК РАН позволило бы лучше сохранить подлинные документы и обеспечить доступ к их электронным копиям в любой точке мира, однако недостаток финансирования и кадров не дают возможности осуществлять эту работу планомерно.

Отдельные тематические комплексы архивных материалов переводятся в электронный вид и размещаются в сети Интернет при поддержке научных фондов. В 2016–2017 гг. на сайте ИИМК РАН в рамках российско-швейцарского проекта был создан интернет-ресурс «Античная декоративная живопись на юге России», благодаря которому несколько сотен неопубликованных ранее крупноформатных акварелей и фотографий XIX – начала XX в. стали доступны в цифровом виде.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а.

В настоящее время в рамках российско-монгольского проекта изучаются и сканируются фотографические и иллюстративные материалы по истории изучения археологической коллекции Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926 гг. под руководством П.К. Козлова. Они также будут размещены на сайте ИИМК РАН в свободном доступе.

Ключевые слова: архивные документы, цифровизация, Научный архив ИИМК РАН, Монголо-Тибетская экспедиция, Античная декоративная живопись, археология, открытый архив, виртуальные выставки, история науки, архивные фотографии.

Научный архив ИИМК РАН является крупнейшим собранием археологической документации XIX – первой половины XX в. [Длужневская, 2013; Белова, Медведева, 2019; Мусин, Медведева, Длужневская, Белова, 2019]. Научный потенциал его архивных коллекций не ограничен археологической тематикой. В отделах архива хранятся рукописные материалы, датированные XVIII в. и позже, и фотодокументы с 1850-х гг. по различным областям гуманитарных знаний: культуре и искусству, архитектуре, этнографии и истории.

Активное развитие информационных технологий делает цифровизацию документально-исторического наследия России приоритетным направлением архивной деятельности. Актуальность цифровизации архивных материалов подтверждается и событиями нескольких последних лет, когда из-за эпидемических ограничений, связанных со вспышкой коронавирусной инфекции (Covid-19), исследователи по всему миру полностью утратили возможность работы с архивными и библиотечными собраниями в читальных залах. Материалы Научного архива ИИМК РАН вызывают неизменный интерес как у российских, так и у зарубежных специалистов. Многие документы и целые коллекции остаются до сих пор неопубликованными. Особые условия хранения, необходимые для обеспечения сохранности документов (в первую очередь это касается фотографий, негативов и графики) делают их труднодоступными для исследователей. Решить эту проблему могла бы последовательная оцифровка фондов, однако недостаток финансирования и нехватка кадров в Научном архиве ИИМК РАН пока не позволяют заниматься сканированием документальных коллекций планомерно и систематически. Только избранные тематические массивы документов копируются на профессиональном сканирующем оборудовании, пополняют серверное хранение базы пользования архива ИИМК РАН и выкладываются в открытый доступ в сети Интернет, в основном в рамках реализации работ по проектам, поддержанным научными фондами. В процессе достижения исследовательских целей, предусмотренных проектами, сотрудники архива одновременно стараются ввести в широкий научный оборот макси-

мально возможное количество архивных изображений по изучаемой теме, используя следующие инструменты:

Создание виртуальных выставок. Электронные копии документов, подобранных по различным проектным научно-исследовательским темам, размещаются в соответствии с годом создания на странице архива на сайте ИИМК РАН в разделе «Выставки» [Выставки].

Оцифрованные копии документов в тематическом разделе проекта. В рамках работы над каждым проектом на сайте ИИМК РАН в разделе «Проекты» Научного архива [Проекты...] создается специальная страница, на которой выкладываются значительные массивы цифровых изображений.

Монографическое научное издание с публикацией всех выявленных архивных материалов. Обычно сразу после выхода из печати монография становится доступна для скачивания на сайте ИИМК РАН [Издания ИИМК РАН].

База пользования архива. Цифровые копии высокого разрешения, выполненные в процессе реализации проекта, пополняют серверное хранение ИИМК РАН, где они располагаются в соответствии с шифром фонда, номером описи и годом создания подлинника.

Использование перечисленных подходов для организации оцифровки архивных материалов и обеспечения доступа к их копиям помогает одновременно решать научные и прикладные задачи. С одной стороны, таким образом удастся выявить, изучить и систематизировать подлинные документы по актуальным темам, дать им объяснение, поместить в исторический контекст, установить авторов и проследить историю создания, а с другой – предоставить возможность самостоятельной работы с их электронными копиями самому широкому кругу специалистов. Все выкладываемые материалы открыты для свободного скачивания и могут быть использованы в научно-исследовательской работе и образовательной деятельности. На электронные изображения наложены полупрозрачные защитные водяные знаки в виде логотипа ИИМК РАН, чтобы предотвратить их бесконтрольное копирование сторонними ресурсами без ссылки на источник. В случае предполагаемой публикации исследователи имеют возможность заказать дистанционно копии необходимых документов в полиграфическом качестве.

В последние годы оцифровка архивных документов и их размещение на сайте производились преимущественно по археологической тематике, которая является основным научным профилем ИИМК РАН. Наиболее масштабные работы по переводу архивного наследия ИИМК РАН в электронный вид состоялись по темам «Античная декоративная живопись на юге России» и «Археологическая и рестав-

рационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг.». Сейчас продолжается оцифровка материалов по истории Таманской экспедиции ГАИМК и Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.

В 2016–2017 гг. на сайте ИИМК РАН в рамках реализации международного проекта был создан электронный ресурс «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии» [Античная декоративная живопись...]. Расписные склепы – уникальные погребальные памятники Боспорского царства – активно изучались нашими предшественниками в дореволюционное время. Сегодня местонахождение большинства из них утрачено, и об их облике и характере орнаментации информацию могут дать исключительно архивные документы. Несколько сотен неопубликованных ранее крупноформатных акварелей и фотографий конца XIX – начала XX в. древних росписей Боспора были выявлены сотрудниками ИИМК РАН, систематизированы, описаны, оцифрованы, и выставлены в открытый доступ. Основные результаты работы изданы в коллективной монографии, где большинство этих документов воспроизведено в печатном виде [Виноградов, Медведева, 2017]. Выполненная оцифровка предоставила широкому кругу исследователей и любителей истории возможность дистанционной работы с фотографиями, чертежами и акварелями, которые из-за своего размера и плохой сохранности не могли выдаваться в читальный зал. Вместе с тем использование копий обеспечило лучшую сохранность оригиналов, к которым теперь обращаются только в крайнем случае. Популяризация иллюстративных материалов по истории изучения Боспорской декоративной живописи вызвала новый интерес научного сообщества к замечательным памятникам искусства, оставленным классической культурой на северном берегу Черного моря, и к архивным документам, запечатлевшим их более ста лет назад. Благодаря этому в 2022 г. в Государственном Эрмитаже впервые были показаны подлинные изображения боспорских росписей из собрания ИИМК РАН на выставке «В поисках античного Боспора», посвященной деятельности выдающегося русского историка-антиковеда М. И. Ростовцева.

В настоящее время по такому же алгоритму происходит изучение материалов Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы, проведенные Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова в Монголии в 1924–1925 гг., стали одним из важнейших открытий в истории археологических исследований материальной культуры кочевой империи хунну. В богатых погребальных комплексах было обнаружено несколько тысяч предметов, относящихся к концу I в. до н. э. – I в. н. э. Изучение,

реставрация и подготовка к публикации ценной археологической коллекции во второй половине 1920-х гг. происходило в Академии истории материальной культуры в Ленинграде [Медведева, 2021; Сутягина, 2020]. Издание планировалось сопроводить большим количеством качественных иллюстраций, поэтому графическое воспроизведение и фотофиксация ноин-улинских находок стали одними из главных задач, к решению которых привлекли мастеров фотодела и талантливых художников. Масштабное издание ноин-улинской археологической коллекции тогда не состоялось, и иллюстративные материалы стали частью архивного собрания ГАИМК-ИИМК. Долгие годы они служили документальной базой для множества российских и зарубежных публикаций о раскопках ноин-улинского могильника и о сделанных там уникальных находках [см., например, Руденко, 1962, Umehara, 1960, Trever, 1932].

В 2020 г. благодаря поддержке РФФИ в рамках осуществления совместного российско-монгольского научного проекта появилась возможность опубликовать все эти материалы в изначальном виде и в полном едином комплексе, а также оцифровать их, чтобы разместить высококачественные копии в базе пользования архива, а электронные изображения меньшего оптического разрешения выложить в интернете для предоставления возможности работы с ними всем желающим. Часть электронных изображений процесса раскопок ноин-улинского могильника в 1924 г. и в 1926 г., а также сделанных там находок уже демонстрируется на сайте ИИМК РАН в виде тематических фотовыставок [Выставки] и в разделе цифровых копий на странице проекта [П. К. Козлов и Ноин-Ула]. Впоследствии цифровые копии большинства выявленных изображений планируется разместить там же, систематизированными по типу документов (фото и рисунки) и автору (художникам и фотографам). Таким образом, впервые будет создан банк электронных копий фото и иллюстративных материалов из архива ИИМК РАН, сделанных в процессе подготовки к изданию ноин-улинской археологической коллекции в ГАИМК во второй половине 1920-х гг.

Наряду с размещением материалов архива в открытом доступе в рамках проектов, Научный архив на сайте ИИМК РАН осуществляет периодические публикации электронных копий выборочных документов, выполненных по заказам сотрудников Института и сторонних исследователей, подготовленных для юбилейных мероприятий ИИМК РАН и выставок различных музейных учреждений, а также оцифрованных в связи с плохой сохранностью оригинала. Копии размещаются в виде виртуальных выставок и в разделе «Электронные копии документов» на странице архива, где они разделены на группы по месту хранения (Фотоотдел и Рукописный отдел), типу докумен-

та (негативы, фотографии и рукописные материалы), и внутри этих групп – в соответствии с учетной документацией архива (по номерам дел, фотоальбомов и по размерам негативов).

Такая модель развития открытого цифрового архива документов ИИМК РАН, однако, имеет существенные недостатки. Создание тематических оцифрованных коллекций в рамках определенных проектов не позволяет ориентироваться на реальные запросы посетителей архива. Объектами оцифровки часто становятся наиболее ценные и интересные с научной точки зрения материалы, оставляя в тени уже известные и опубликованные, но постоянно востребованные исследователями документы и массовые источники (например, метрики храмов, собранные Академией художеств в 1880-х гг.). Отсутствие структурированного тематического поиска внутри сайта ИИМК РАН затрудняет отбор изображений по географическому, хронологическому и именованному признакам. Размещение же существенно более объемного массива электронных копий документов в сети Интернет и организация хорошего тематического поиска на существующей в данное время в ИИМК РАН технической платформе не представляется возможным. Все это заставляет говорить о необходимости создания Открытого цифрового архива ИИМК РАН как отдельного ресурса на русском и английском языках, с различными видами тематического поиска и системой взаимных ссылок, обозначающей связи между документами различных категорий.

Белова Н. А., Медведева М. В. Архив Академии истории материальной культуры в 1920–1930-е годы и документальные собрания археологических учреждений двух столиц // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. М.: ИА РАН, 2019. С. 46–65.

Виноградов Ю. А., Медведева М. В. (ред.). Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб: ИИМК РАН; «Лема», 2017.

Длужневская Г. В. Научный архив Института истории материальной культуры РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб: ИИМК РАН, 2013. С. 292–318.

Издания ИИМК РАН // ИИМК РАН. URL: <https://www.archeo.ru/izdaniya-1> (дата обращения: 25.08.2022).

Медведева М. В. Академия истории материальной культуры и издание Ноин-Улинской коллекции в 1920-е гг. // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 123–130.

Мусин А. Е., Медведева М. В., Длужневская Г. В., Белова Н. А. История формирования архива Императорской археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве ИИМК РАН // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. I. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 29–40.

Античная декоративная живопись Боспора // ИИМК РАН. URL: <https://www.archeo.ru/struktura-1/nauchnyi-arhiv/vystavki> (дата обращения: 23.08.2022).

Выставки ИИМК РАН // ИИМК РАН. URL: <https://www.archeo.ru/struktura-1/nauchnyi-arhiv/vystavki> (дата обращения: 23.08.2022).

П. К. Козлов и Ноин-Ула. Археологическое наследие Монголо-Тибетской экспедиции в архивных и музейных собраниях России и Монголии // ИИМК РАН. URL: <https://www.archeo.ru/struktura-1/nauchnyi-arhiv/proekty/p.-k.-kozlov-i-noin-ula.-arheologicheskoe-nasledie-mongolo-tibetskoi-ekspedicii-v-arhivnyh-i-muzeinyh-sobraniyah-rossii-i-mongolii> (дата обращения: 25.08.2022).

Проекты Научного архива ИИМК РАН // ИИМК РАН. URL: <https://www.archeo.ru/struktura-1/nauchnyi-arhiv/proekty/proekty> (дата обращения: 23.08.2022).

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // Археологические вести. Вып. 30. СПб. 2020. С. 330–342.

Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. (МАНМС. Vol. III).

Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo, 1960.

УДК 930(47).084.3:929

А. С. Мохов, К. Р. Капсалыкова,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«ОН НИКОГДА НЕ ЗАНИМАЛСЯ ПОЛИТИКОЙ И ПОСВЯТИЛ СЕБЯ ТОЛЬКО НАУЧНЫМ ЗАНЯТИЯМ»: ОЦИФРОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА ЭСТОНИИ ПО ОПТАЦИИ ГРАЖДАНСТВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М. Я. СЮЗЮМОВА¹

В последние годы Национальным архивом Эстонии проведена значительная работа по оцифровке и размещению материалов, касающихся перемещения населения между РСФСР и Эстонией после подписания 2 февраля 1920 г. Тартуского мирного договора. В частности, на портале Saaga в свободном доступе размещено более 8 тыс. личных дел оптантов, направленных для рассмотрения в Сибирскую контрольно-оптационную комиссию. Эти архивные материалы содержат ценные сведения о биографиях известных российских и эстонских ученых, общественных и политических деятелей. Авторами данной статьи выявлены ранее неизвестные документы, касающиеся оптации гражданства Михаила Яковлевича Сю-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>.

зюмова (1893–1982). Они были подготовлены родственниками будущего выдающегося советского историка в 1921 г. Однако, ввиду прекращения деятельности советско-эстонских оптационных комиссий, М. Я. Сюзюмов не вернулся в Ревель, а остался в Златоусте, где в течение десяти лет заведовал школой II ступени. Показательно, что архивные материалы из ERA подтверждаются документами, хранящимися в архиве Златоустовского городского округа.

Ключевые слова: источниковедение, Saaga, Национальный архив Эстонии, Архив Златоустовского городского округа, Тартуский договор 1920 г., оптация гражданства, М. Я. Сюзюмов, научная биография.

В современной отечественной историографии Юрьевский (Тартуский) мирный договор от 2 февраля 1920 г. оценивается как «чисто исторический документ, не имеющий актуальной юридической силы» [Володько, 2022, с. 149]. Однако судьбы многих тысяч людей оказались связаны с реализацией ст. IV советско-эстонского договора. Она представляла «лицам не эстонского происхождения, проживающим на территории Эстонии» и «равным образом проживающим на территории России лицам эстонского происхождения» в течение одного года оптировать либо российское, либо эстонское гражданство. Для выполнения данного положения на территории РСФСР было создано несколько Контрольно-оптационных комиссий (Псковская, Петроградская, Московская, Сибирская). Порядок их деятельности определялся отдельным протоколом, подписанным 6 апреля 1920 г. представителями НКВД РСФСР и Уполномоченным эстонского правительства по делам гражданства [Документы внешней политики СССР, 1958, с. 342; 750, примеч. 66]. В декабре 1920 г. в «Годовом отчете НКВД РСФСР к VIII Съезду Советов за 1919–1920 гг.» констатировалось: «С Эстонией процедура оптации находится в полном ходу; на родину, помимо беженцев, отправлено несколько десятков тысяч оптантов со своим имуществом, поскольку в отношении последнего между нами и Эстонией достигнуто соглашение» [Там же, с. 718].

Управленческая документация, личные дела оптантов и другие материалы Контрольно-оптационных комиссий отложились в архивах России и Эстонии. Следует отметить, что в последние два десятилетия эти документы стали более доступны. С 2017 г. Министерство обороны РФ при содействии Федерального архивного агентства и Российского исторического общества реализует проект «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.»; техническую поддержку которого осуществляет Корпорация ЭЛАР. Созданный в рамках проекта портал является «первым официальным банком документов об участниках и событиях Первой мировой войны и предоставляет пользователям

уникальный инструментарий для поиска и восстановления судебных тех, кто служил в русской армии в период с 1914 по 1918 годов» [Памяти героев...]. Помимо документов из ГА РФ, РГВИА, РГВА на портале доступна обширная библиотека: мемуары, справочники, карты и др.

Материалы, размещенные на портале, включают банк данных по оптации гражданства после заключения Юрьевского договора 1920 г. Так, при поиске по параметру «автор документа» доступны оцифрованные документы уполномоченного Центрального управления эвакуации населения в Эстонию. Часть из них подписана секретарем комиссии Уполномоченного эстонского правительства по делам гражданства Зинаидой Яковлевной Сюзюмовой (1898–1991), младшей сестрой будущего известного историка Михаила Яковлевича Сюзюмова [Памяти героев... (URL: <https://gwar.mil.ru/documents>); ГА РФ, ф. Р-9494, оп. 1, д. 1, 8].

С 2004 г. в Эстонии активно развивается портал «Сага» [Saaga]. В онлайн-среде выставлены в открытом доступе электронные копии наиболее востребованных документов, хранящихся в подразделениях Национального архива Эстонии (Eesti Rahvusarhiiv) и Таллиннского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv). Отметим, что первоначальная цель эстонских архивистов состояла в том, чтобы собрать на одной платформе копии важных источников для генеалогических исследований. Однако с 2008 г. на портале Saaga стали размещать все оцифрованные архивами дела, независимо от тематики. В настоящее время эта постоянно пополняющаяся коллекция содержит уже 9 млн листов. Среди них – различные материалы, отражающие внутреннюю и внешнюю политику Эстонской Республики (1918–1940), подборка документов по истории страны из зарубежных архивов, архивы организаций и частных лиц, дела консисторий, рукописные карты, гербовники и т. д.

Личные дела по оптации гражданства составляют отдельный раздел Saaga. В частности, здесь представлено более 8 тыс. личных дел оптантов из материалов Сибирской контрольно-оптационной комиссии [ERA, f. 33]. Она занимались составлением списков и сбором документов для отправки подданных Эстонской Республики с территории РСФСР, а также граждан Советской России в прибалтийские государства.

Одно из дел Сибирской контрольно-оптационной комиссии содержит три документа, касающиеся подготовки оптации М. Я. Сюзюмова: прошение его матери, свидетельство о ее гражданстве и месте жительства, а также заявление поручителей. Следует отметить, что копии документов представлены в хорошем качестве.

*Прошение А. Я. Сюзумовой
в Центральное управление эвакуации населения в Эстонию*

Eesti kodaniku Anna Jakobi t. Sjusjumowi,
kelle elukoht Tallinnas,
Mäekalda tän. nr. 27, krt. 3.

PALWE

Minul on Wenemaal poeg Michail Jakobi p. Sjusjumow. Tona elas lapsest saadik Eestis, lõpetas Tartus gümnaasiumi ja Tartu ülikooli ajaloo-keeleteaduse osakonna ning töötas peale selle kandidaadina, ülikooli juures; tema räägib wabalt Eesti keelt Saksa okkupatsiooni ajal oli ta sunnitud Wenemaale põgenema, kus ta tänini wiibib.

Palun selleks wastawat korraldust et minu pojale lubataks Eesti kodakondsust opteerida ning Eesti Wabariigi elama tulla, kus ta oma teadmistega wõiks riigile kasulik olla. Tema elab praegul Wenemaal.

Ühtlasi julgen toetada end ärakirjas siia ligilisatud hra Jakob Arro ja Robert Feldmanni soovitusse peale, kes milnu poega täiesti tunnewad.

Lisa: ära kiri soovitussest ja tunnistusest nr. 1158 - minu isiku kohta.

Tallinnas, 16. juulil, 1921 a.
Anna Sjusjumova

Машинопись, подлинник
[ERA, f. 33, n. 2, s. 6663, lk. 1]

Перевод:

Эстонская гражданка Анна Яковлевна Сюзумова,
проживающая в Таллинне,
ул. Мяэкалда, д. 27, кв. 3.

ПРОШЕНИЕ

У меня есть сын в России, Михаил Яковлевич Сюзумов. Он жил в Эстонии с детства, окончил Тартускую гимназию и историко-филологический факультет Тартуского университета, получив в университете степень кандидата. Он говорит по-эстонски свободно. Во время немецкой оккупации сын был вынужден бежать в Россию, где до сих пор живет.

В связи с вышеизложенным, прошу принять решение, согласно установлению закона, которое позволило бы моему сыну выбрать гражданство Эстонии. Переехав на жительство в Эстонскую Республику, он сможет быть полезным государству своими знаниями. В настоящее время он имеет гражданство России.

Я также осмелилась просить господ Якоба Arro и Роберта Фельдманна, которые прекрасно знают моего сына, поддержать мое прошение.

Приложение: свидетельство № 1158 о моей персоне и рекомендации.

Таллинн, 16 июля 1921 г.

Анна Сюзюмова

Следует отметить, что прошение Анны Яковлевны, для которой эстонский язык не являлся родным, испещрено карандашными исправлениями и пометками, сохранность которых не позволяет восстановить текст маргиналий.

*Свидетельство о гражданстве и месте жительства
Анны Яковлевны Сюзюмовой*

TALLINNA LINNA-POLITSEI

2 jaoskonna olem

«8» VII 1921 a.

№ 1158

TUNNI STUS

Sellega tunnistatan Anna Jakobi t. Sjusjumov elukoht Mäekalda tän. Nr. 27 krt.3 on tõesti Eesti Vabariigi kodanik, pärit Tartu linnast.
Tempiimaks 10 mrk. on 8 VII 21 tasutud.

Jaoskonna ülan

Asjaajajajaja

Машинопись, подлинник

[ERA, f. 33, n. 2, s. 6663, lk. 2–2 rev.]

Перевод:

Таллиннская городская полиция

2-е отделение

8 июля 1921 г.

№ 1158

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящим подтверждаю, что Анна Яковлевна Сюзюмова происходит из города Тарту, является гражданкой Эстонской Республики. В настоящее время проживает в Ревеле, на ул. Мяэкалда, д. 27, кв. 3.

Гербовый сбор 10 марок оплачен 8 июля 1921 г.

Глава подразделения

Секретарь

На оборотной стороне листа помещено нотариальное заверение, сделанное нотариусом Карлом Вялли [TLA, f. 1376, n. 1, s. 303]. Далее следует машинописный текст на русском языке:

Подлинность подписи Ревельского Нотариуса Карла Вялли удостоверяю.

Секретарь полномочного Представительства
РСФСР в Эстонии В. И. Шеншев².

15 июля 1921 г.
г. Ревель

Взыскано 10 марок

*Рекомендательное письмо Якоба Арро и Роберта Фельдманна
в поддержку прошения Анны Яковлевны Сюзюмовой*

Sellega tõendan, et tunnew lapsest saadüe Mihail Jakobi p. Sjusimovi, ves praegurt Venemaal elab ja soovi avaldas Eeasti Vabariigi kodanikukoo op 2 teerida. Oma kolmandamart eluaastart peale elas tema, M. Sjusumov, oma vanematega minu isa, Jb. Arro, majai Rakveres Kütti tanav № 18. Tema lõpetas Tartu gümnaasiumi ja Tartu ülikooliajaloo – keiliteaduse jaoskonna; peali ülikooli lõpe tamist töötas kandidatina ülikooli juures.

Esimest korda loobus tema Eesti Vabariigi püridest Saksa okupatsiooni ajal 1918 a., ning soitis Venemaale. Eesti keelt räägib tema vabalt; ema ja õde on Eesti Vabariigi kodanik on; poliitikaga ei ole tema iialgi tegemist teinud ja ennast ainult teaduoole pühendanud. Olek väga soovitav, et temale võimalus antares Eestisse peaseda, sest onia teadmistega võib tema noorele Vabariigile aikult kasu tuua.

Jakob Arro
Tallinnas, 5.VII.21.
Falkpargi tänav № 10, kort. 10.

Ühinen ülewal lähenda lad lõcdasega.

Robert Feldmanni,
Tallinna lüna reäl gümnaasiumi õpedaga.
Waksali p. 1 / Baltiski m. 2, kr. 1.

Рукопись, подлинник
[ERA, f. 33, n. 2, s. 6663, lk. 3–3 rev.]

Перевод:

Настоящим подтверждаю, что Михаил Яковлевич Сюзюмов, который сейчас проживает в России, выразил желание стать гражданином свободной Эстонской Республики. М. Сюзюмов и его родители в течение трех лет жили по соседству с моим отцом, Яном Арро (*Arro Jaan Johan*) [TLA, f. 1376, n. 1, s. 13], по адресу: Раквере Кютти Танав, № 18. Михаил окончил Тартускую гимназию и историко-филологический факультет Тартуского университета. После окончания университета он получил степень кандидата.

² О советском дипломате Владимире Иосифовиче Шеншеве см.: [Тамби, 2018, с. 163–166].

Впервые в жизни он покинул Эстонскую Республику в 1918 году из-за немецкой оккупации и оказался в России. По-эстонски он говорит свободно, его мать и сестра являются гражданами Эстонской Республики. Он никогда не занимался политикой и посвятил себя только научным занятиям. Было бы весьма желательно, чтобы ему предоставили возможность вернуться в Эстонию, так как благодаря своим познаниям он сможет долгое время приносить пользу нашей молодой Республике.

Яков Арро.
Таллин, 5 июля 1921 г.
ул. Фальги, д. 10, кв. 2
[TLA, f. 1376, n. 1, s. 13].

Я согласен со всем вышеуказанным.

Роберт Фельдманн,
учитель Ревельской городской реальной гимназии³.
Проживаю: угол ул. Вокзальная, д. 1 и ул. Палдиски, д. 2, кв. 1
[TLA, f. 1376, n. 1, s. 48].

На оборотной стороне листа помещено нотариальное заверение, сделанное нотариусом Карлом Вялли. Далее следует машинописный текст на русском языке:

Подлинность подписи исполняющего должность Ревельского Нотариуса Карла Вялли удостоверяю.

Секретарь полномочного Представительства
РСФСР в Эстонии В. И. Шеншев.

13 июля 1921 г.

Ревель
Взыскано 10 марок

Машинописные пометы на оборотах представленных документов подтверждают, что оптационное дело Михаила Сюзюмова было передано советской стороне. Однако он не воспользовался возможностью воссоединиться с семьей. Сохранившиеся в архивах Златоуста, Челябинска и Екатеринбурга архивные документы не подтверждают стремление М. Я. Сюзюмова оптировать в Эстонию, никаких действий в этом направлении он не предпринимал.

С марта 1918 г. Михаил Сюзюмов служил в РККА. Летом 1919 г. его 27-я стрелковая дивизия принимала активное участие в боях на Южном Урале. После отступления белочехов и колчаковцев на восток

³ В 1916–1917 гг. Роберт Фельдманн и Михаил Сюзюмов преподавали в Ревельской городской мужской гимназии. [TLA, f. 44, n. 1, s. 1; Архив ЗГО, ф. Р-45, оп. 2, д. 62, л. 14 – 14 об.].

тыловые части дивизии были расквартированы на ст. Златоуст. Служивший в роте связи 79-й бригады молодой историк заинтересовался старым уральским городом. Михаил Сюзюмов познакомился с работавшими в канцелярии военного госпиталя сестрами Анисимовыми. Впоследствии младшая из них, Валентина Михайловна, стала его женой [ОГАЧО, ф. П-316, оп. 1, д. 151, л. 44 – 45 об.].

Осенью 1919 г. тыловые части 27-й дивизии были переброшены в Омск. Только в мае 1920 г., после демобилизации из Красной армии, Михаил Сюзюмов вернулся в Златоуст. Вскоре он возглавил школу II ступени Златоуста.

Кроме того, в первой половине 1920-х гг. выпускник Юрьевского университета преподавал историю социализма и другие общественно-ведческие дисциплины в уездной Совпартшколе, Педагогическом и Механико-металлургическом техникумах [Архив ЗГО, ф. Р-45, оп. 2, д. 150, л. 69–70]. Школа II ступени М. Я. Сюзюмова, согласно обследованиям Наркомпроса и УралОНО, считалась в середине 1920-х гг. одной из лучших в РСФСР [ГАСО, ф. Р-233, оп.1, д. 328]. В Златоусте Сюзюмов проработал до ноября 1929 г., после чего переехал в Свердловск.

Богатейший архив Златоустовского городского округа хранит циркуляры, заявления и разного рода сопроводительную документацию по вопросам эвакуации населения в 1919–1923 гг. Эти материалы не оцифрованы, но доступны исследователям в читальном зале архива⁴.

В Златоусте в 1920–1922 гг. работал уездный отдел по эвакуации населения (Уездэвак), который подчинялся Уфимскому губернскому управлению (Губэвак). Среди прочего он отвечал за вопросы оптации [Архив ЗГО, ф. Р-398, оп. 2, д. 2; ГА РФ, ф. Р-3333, оп. 4, д. 257, л. 25].

Согласно циркулярному письму Центроэвака НКВД РСФСР от 7 февраля 1921 г., лица, желающие эвакуироваться в Эстонию, должны были подать заявление в Уездэвак, приложив личные документы, «подтверждающие беженство». Уездэваки составляли списки оптантов, которые передавались через Губэваки в Центроэвак, а затем – в Эстонскую правительственную комиссию Уполномоченного по делам гражданства [Архив ЗГО, ф. Р-398, оп. 2, д. 9, л. 1 – 1 об.]. Именно эта структура с эстонской стороны выдавала разрешение на возвращение в Республику. Напомним, что в этой Комиссии работала младшая сестра М. Я. Сюзюмова Зинаида Яковлевна.

После утверждения списка оптантов эстонской стороной документы через Центроэвак отправлялись в уезды. Реальное возвращение

⁴ Авторы благодарят сотрудников Архива Златоустовского городского округа и персонально ведущего архивиста Наталью Александровну Осипову за помощь в подготовке публикации.

эстонских переселенцев с Южного Урала на родину началось весной 1921 г. Так, 30 марта Златоустовским Уездэваком было получено распоряжение организовать выезд одной из групп переселенцев. 9 мая 1921 г. со ст. Сулея в специально зарезервированном вагоне на запад отправились 23 человека: многодетные крестьянские семьи Рог, Адер, Кутманн и молодая женщина Юлия Фельдманн [Архив ЗГО, ф. Р-398, оп. 2, д. 9, л. 6]. Известны случаи отказа эстонской стороны в оптации. В октябре 1920 г. выпускник историко-филологического факультета Юрьевского университета Альберт Конкс подал документы на гражданство Эстонской Республики, но предоставленные им документы не прошли проверку. Оставшись в РСФСР, Альберт Конкс переехал в Златоуст, где работал под руководством М. Я. Сюзюмова учителем немецкого языка [ERA, f. 36, n. 2, s. 6697; Архив ЗГО, ф. Р-125, оп. 1, д. 454, л. 265 – 265 об.].

Подводя итоги, отметим, что развитие электронной архивной среды разрешает две важные задачи: необходимость удовлетворить интерес общественности и обеспечить долгосрочное сохранение информации. Создание электронных баз данных и банков оцифрованных архивных документов открывает новые горизонты исследований. Так, документы, посвященные оптации гражданства и перемещению населения между РСФСР и Эстонией после подписания Юрьевского мирного договора, содержат ценные сведения о биографиях известных российских и эстонских ученых, общественных, политических и военных деятелей. Корреляция материалов, размещенных на российском портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов» и эстонском Saaga с документами из архивов Златоуста, Челябинска и Екатеринбурга позволила выявить важные обстоятельства биографии Михаила Яковлевича Сюзюмова в 1920-е гг.

Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО).

Ф. Р-45. Златоустовский уездный Отдел народного образования, 1918–1977 гг.

Ф. Р-125. Златоустовский окружной Отдел народного образования, 1919–1930 гг.

Ф. Р-398. Златоустовский уездный Отдел по эвакуации населения, 1921–1922 гг.

Володько А. В. «Юрьевский мир» между Россией и Эстонией: история заключения и последствия // Нов. и новейш. история. 2022. Вып. 3. С. 140–150.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Ф. Р-3333. Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) Наркомата внутренних дел РСФСР;

Ф. Р-9494. Уполномоченный Центрального управления по эвакуации населения в Эстонии.

Государственный архив Свердловской Области (ГАСО). Ф. Р-233. Уральский областной отдел народного образования.

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г.

Объединенный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-316. Златоустовский уездный комитет РКП(б); г. Златоуст Златоустовского уезда Челябинской губернии (1919–1923).

Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов. URL: <https://gwar.mil.ru/about/> (дата обращения: 20.11.2022).

Тамби С. А. Товарищу Махмастало, пароходу и человеку // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 9 (123). С. 158–185.

Eesti Rahvusarhiiv (ERA). F. 33. Siberi Kontroll-Opteerimise Komisjon, 1920–1923.

Saaga: Digiteeritud arhiiviallikad. URL: <https://www.ra.ee/dgs/explorer.php>. (дата обращения: 20.11.2022).

Tallinna Linnaarhiiv (TLA). F. 44. Tallinna Gustav Adolphi Gümnaasium; 1917–1944; F. 1376. Tallinna Aadressbüroo, 1909–1940.

УДК 930.25:004

Е. А. Осташова, Ж. А. Рожнева
Томский государственный университет,
г. Томск

ДОСТОВЕРНОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ МАТЕРИАЛОВ: АРХИВЫ В «ЕСТЕСТВЕННЫХ» И «НЕЕСТЕСТВЕННЫХ» УСЛОВИЯХ¹

Информационные технологии стремительно проникают во все сферы современной жизни. Становясь неотделимыми от повседневных информационных практик, установок и отношений современного человека, технологии трансформируют их, а документальные следы жизни и деятельности становятся преимущественно цифровыми. Комплексы персональных цифровых материалов, накапливаемые и сохраняемые человеком в течение жизни, образуют персональные цифровые архивы, которые могут представлять ценность не только для их создателя, но и для институтов памяти.

В фокусе внимания авторов доклада изменения, которые претерпевают концепты доверия и достоверности персональных цифровых архивов. Основываясь на анализе литературы и собственном опыте исследований персональных цифровых архивов, авторы описывают два контекста хранения цифровых материалов личного происхождения – у создателя (в «естественных» условиях) и в архиве («неестественные» условия). Авторы полагают, что факторы доверия к цифровым материалам будут различными в этих контекстах, а историческому и архивному сообществу предстоит дополнить, а, возможно, и пересмотреть традиционные методы отбора архивных документов таким образом, чтобы они позволяли сохранять материалы персональных цифровых архивов в состоянии, максималь-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет–2030»).

но близком к «естественному», так как лишь в таком виде может быть в полной мере использован их источниковый потенциал.

Ключевые слова: персональные цифровые архивы; архивы личного происхождения; доверие; достоверность; доверенная среда; постправда; экспертиза ценности документов.

Цифровизация практически всех сфер жизни приводит к тому, что документальные следы жизнедеятельности современного человека становятся преимущественно цифровыми. Сохраняемые случайно или целенаправленно эти документальные массивы образуют персональные цифровые архивы – устойчивые и самостоятельные документальные комплексы, которые могут обладать ценностью как для их создателей, так и для институтов памяти.

Цифровая природа персональных цифровых архивов придает им свойства, значительно отличающие их от традиционных материалов личного происхождения, в отношении которых как у создателей, так и у профессиональных архивистов сложились отработанные и доказавшие свою эффективность практики хранения. К числу таких особенностей относятся технологически обусловленная многослойность цифровых объектов; размытость их границ; конструирование объекта заново при каждом к нему обращении; бо́льшая, чем для традиционных документов, роль внешних метаданных в обеспечении сохранности и полноценного использования цифровых материалов.

Не углубляясь в детальное описание специфики персональных цифровых архивов по сравнению с аналоговыми комплексами, отметим, что одним из вопросов, который, вероятно, потребует пересмотра, является вопрос их достоверности и доверия к ним.

Оговоримся, что свою задачу на данном этапе мы видим не в том, чтобы дать исчерпывающие разъяснения по этому поводу, а скорее в том, чтобы, исходя из собственного исследовательского опыта, основанного на обращении к материалам реальных персональных цифровых архивов, задать вопросы, которые потенциально могут быть интересны представителям архивного и исторического сообщества и стать предметом дальнейшего обсуждения и исследований.

Прежде всего представляется необходимым определиться с ключевыми понятиями, важными в контексте заявленной проблематики. Практически каждое из понятий многозначно, многие из них не имеют устоявшихся определений в российской, а зачастую и мировой исследовательской литературе. Проблема дефиниций, связанных с доверием и достоверностью информации, активно разрабатывается в медиа-коммуникационных исследованиях, посвященных созданию новостей и фейков в СМИ, интернете, социальных сетях, а также способам и механизмам проверки информации на достоверность.

Обобщая имеющиеся в исследовательской литературе определения, мы рассматриваем *достоверность (информации)* как ее соответствие фактам, действительности; доказанность информации; непротиворечивость информации. Через соответствие фактам, способность отражать действительность достоверность документов понимается и в определениях, опубликованных в мультиязычной базе данных архивной терминологии, поддерживаемой Международным советом архивов [Достоверность..., Multilingual Archival Terminology].

Доверие (к информации) – это совокупность установок, убеждений и представлений о возможных рисках, баланс которых в значительной степени определяет выбор в пользу того, считать информацию достоверной или нет. Когда речь идет об использовании информации в повседневных контекстах, например, при чтении новостей, в формировании доверия особенно важен именно баланс, который играет большую роль при разрешении сомнений в достоверности информации. Например, пользователь может сомневаться в том, что информация достоверна, но она исходит из источника, которому он доверяет, и в итоге он решает, что и это конкретное сообщение – достоверно [Трубицина, 2020, с. 268, 270–271]. Источником сообщения может являться как конкретный человек, так и сайт, новостное агентство, анонимный или скрывающийся за ником пользователь социальной сети или блоггер. В данном контексте доверие является ведущим фактором, определяющим восприятие информации в категориях «достоверности»/«недостоверности»; «надежности»/«ненадежности»; «правды»/«лжи». Каждая из этих категорий также сложна, и по всей видимости на дальнейших этапах исследования потребует дополнительной проработки.

Взаимосвязь достоверности и доверия актуализируется и в рамках такого феномена современного общества, как *постправда*. *Пост-правда (постистина, post-truth)* – эпоха или ситуация, когда «люди более склонны принимать аргументы, основываясь на собственных убеждениях или эмоциях, а не на фактах» [Post-truth, Cambridge Dictionary]. Впервые термин был употреблен С. Тезичем в 1992 г. и с тех пор активно используется в социологических, политологических, медиа-коммуникационных исследованиях преимущественно зарубежных ученых. Среди российских исследователей попытки научного осмысления данного феномена в контексте политического воздействия и пропаганды предпринимал доктор социологических наук С. В. Чугров [Ефанов, 2018, с. 158]. По его мнению, в мире постправды не важно, насколько новостное сообщение соответствует реальности, произошло событие или нет. Новость воспринимается как правда, если она соответствует «эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора» [цит. по: Там же].

Человек, общество, организация сознательно или бессознательно стремятся к тому, чтобы упорядочить и организовать свое информационное пространство, защитив себя от информации, исходящей от недоверенных источников и могущей быть потенциально недостоверной. В современных условиях это стремление преимущественно реализуется с помощью цифровых технологий и медиа. Это во многом является отражением перехода современного общества в состояние постцифрового, когда цифровые технологии и медиа уже не являются отдельными, «другими» по отношению к «естественной» человеческой и социальной жизни, а полностью в нее интегрированы. Столь тесная, естественная и фактически не замечаемая современным пользователем интеграция цифровых технологий в повседневные информационные практики приводит к тому, что формируется особый тип цифрового доверия, которое основывается на уверенности человека в том, что используемые им технологии и процессы надежны и «способны создавать безопасный цифровой мир» [Веселов, 2020, с. 134].

Это то, что в своем исследовании мы будем называть *«доверенной средой»*, то есть совокупностью ресурсов, устройств, каналов распространения информации, людей и институций, которым пользователь по умолчанию доверяет. Базовым основанием доверенной среды является такая сущностная характеристика доверия, как снижение уровня критического отношения к информации из доверенного источника или вообще отказ от него.

Человек всегда был склонен формировать доверенную среду, полагаясь на надежность и достоверность одних источников информации и считая по умолчанию ненадежными другие. Особенностью доверенной среды в цифровую эпоху является то, что она основывается в первую очередь на так называемых «слабых связях» [Веселов, 2020, с. 135], а ее формирование, поддержание и воспроизводство в значительной степени отдается на откуп технологиям.

Пользователь конструирует свое информационное пространство, доверенную среду через выбор определенных сервисов, например, социальных сетей, оформление подписок на информационные каналы, группы и пользователей, блокировку ресурсов и страниц. В этом случае технологические возможности реагировать на информационные сообщения, например, через лайки, репосты, комментарии, возможность просмотра информации об авторах сообщений, наличие особых отметок о статусе автора или достоверности/недостоверности информации, которыми могут сопровождаться сообщения и посты в социальных сетях или медиа, могут рассматриваться в качестве технологически обусловленных факторов доверия.

При этом пользователь соглашается с информационной политикой провайдера услуг, часто не анализируя ее критически, не задумываясь о возможных рисках или принимая их как неизбежные. Применяемые сегодня практически всеми информационно-поисковыми системами алгоритмы пользовательского поиска приводят к формированию так называемых «пузырей фильтров» (filter bubble), т. е. технологии в определенной степени начинают формировать и поддерживать в фоновом режиме доверенную среду пользователя.

В этой ситуации можно зафиксировать два принципиально различных контекста бытования персональных цифровых материалов. Первый контекст связан с хранением персональных цифровых архивов в «естественных условиях», т. е. у создателей; второй – в архивах и других институтах сохранения памяти.

Хранящиеся в «естественных условиях» материалы персональных цифровых архивов в значительной степени являются слепком доверенной среды пользователя. По всей видимости, полноценное существование этого сложного и взаимосвязанного на уровне технологий комплекса возможно только в «естественных условиях», поскольку только так сохраняются все «пользовательские настройки», т. е. установленные им критерии и механизмы отбора информации, реализуемые через фильтры, подписки и пр.

Цифровая природа таких комплексов делает их качественно отличными от традиционных документов личного происхождения. В частности, когда речь идет о персональных цифровых архивах, другое звучание приобретает вопрос их достоверности.

Для самого создателя этот вопрос отходит на второй план, не имеет принципиального значения. Это может быть связано с тем, что, с одной стороны, созданные и сохраненные материалы, находясь в персонализированной доверенной среде, изначально воспринимаются как преимущественно достоверные, хотя могут и не быть таковыми. Во-вторых, современный пользователь, по-видимому, воспринимает риск столкновения с недостоверной информацией даже в своей доверенной среде как естественный и неизбежный. Для пользователя его материалы имеют в первую очередь утилитарную ценность, он не ставит перед собой задачу формирования именно персонального архива, что подразумевало бы не просто накопление и сохранение материалов, но и создание их полного описания и обеспечение их достоверности. В итоге это может приводить к утрате связей между цифровыми материалами и ресурсами, из которых они были получены, что сказывается на доверии к ним как к потенциальным историческим источникам.

Для пользователя даже отсутствие доверия не всегда будет приводить к удалению такого документа, поскольку, во-первых, риск попадания в доверенную среду недостоверных материалов, видимо, стал восприниматься человеком как естественный, а во-вторых, для информационных практик современного человека именно сохранение материалов, а не их удаление становится своего рода настройкой по умолчанию.

Таким образом, в составе персональных цифровых архивов в процессе их естественного формирования могут откладываться материалы достоверные, т. е. отражающие реальные факты, недостоверные, но пользующиеся доверием создателя архива, и недостоверные и недоверенные.

Передача персональных документальных комплексов на хранение в архивные институты («неестественные условия») подразумевает процедуру отбора, нацеленную в том числе на то, чтобы откладываемые в архивах материалы были доверенными, достоверными, полно и точно отражали историческую реальность.

В отношении традиционных, аналоговых комплексов выработаны устойчивые, закреплённые на уровне нормативных и методических документов практики определения их ценности и отбора. Именно тщательный отбор является основой архивного хранения документов. Обеспечение долговременной сохранности аналоговых документов действительно было невозможным без отбора на основе процедур экспертизы ценности, и большая часть представителей архивного сообщества и сегодня уверена в его необходимости. Но в новых условиях развития технологий потенциально можно сохранять все. На сегодняшний момент ни у исследователей, ни у архивистов-практиков действительно нет понимания того, зачем и как это можно реализовать методологически и технически. Однако наш исследовательский опыт показывает, что вторичная (долговременная) ценность персональных цифровых материалов, связанная с их использованием в качестве источников для проведения исследований, существенно снижается, когда происходит отбор материалов. Подвергнутые отбору, материалы персональных цифровых архивов уже не являют собой тот слепок доверенной информационной среды человека, которым они изначально являются и который дает возможность ответить на вопросы, традиционно задаваемые исследователями к документам, откладываемым в личных фондах: каких взглядов и убеждений придерживался человек? как они формировались и изменялись на протяжении его жизни? что составляло предмет его интересов/забот/увлечений и пр.

Таким образом, вероятно, что сейчас мы находимся в ситуации, когда устоявшиеся практики обеспечения сохранности и убежден-

ность архивного сообщества в необходимости отбора делают невозможным сохранение целостной картины той исторической реальности, в которой мы живем и которая формируется в условиях посправды. Не подвергая сомнению необходимость экспертизы ценности документов как таковой, мы полагаем, что в отношении персональных цифровых архивов ее критерии должны быть разработаны таким образом, чтобы позволять сохранить эти комплексы цифровых материалов в виде, максимально близком к тому, в котором они хранятся в «естественных условиях».

Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143. URL: <https://sociologyjournal.spbu.ru/article/view/9163> (дата обращения: 28.08.2022).

Достоверность документа // Multilingual Archival Terminology. <http://www.cisra.org/mat/mat/term/341> (дата обращения: 28.08.2022).

Ефанов А. А. Функционирование псевдоновости в полях телевидения и Интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1. С. 156–166. URL: <https://drive.google.com/file/d/1Mk1xeWkcpkSbeVzis46QNrbWirfGEvx/view> (дата обращения: 21.06.2022).

Трубицина Л. В. Субъективно-психологические факторы медиадоверия (доверия к интернету) // Вестн. Ю.-Урал. гос. гум.-пед. ун-та. 2020. № 6. С. 266–294. URL: [http://vestnik-cspu.ru/upload/files/16_TrubicynaLV_\(6_2020,266-284\).pdf](http://vestnik-cspu.ru/upload/files/16_TrubicynaLV_(6_2020,266-284).pdf) (дата обращения: 29.08.2022).

Post-truth // Cambridge Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth> (дата обращения: 21.06.2022).

УДК 94(47).084.8+372.8

А. А. Приборович

Белорусский государственный университет,
г. Минск

УЧЕБНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ИЗУЧЕНИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В условиях обновления учебных программ общего среднего образования большое внимание уделяется развитию критического мышления учащихся школ и гимназий на уроках истории. Важным условием в достижении этой цели выступает использование современной методики преподавания истории и информационных ресурсов.

В статье рассматриваются учебные возможности интернет-ресурсов при преподавании истории Великой Отечественной войны. Также подни-

мается проблема доступности архивных документов в условиях цифровой трансформации белорусского общества.

Выводы статьи убеждают, что в условиях пандемии, политической и экономической нестабильности изучение событий истории Беларуси должно осуществляться на основе разработанных специалистами электронных банков архивных документов. Статья адресуется педагогам, историкам, архивным работникам и всем, кто интересуется вопросами культуры памяти исторических событий.

Ключевые слова: интернет-ресурс, архивный документ, Великая Отечественная война, история Беларуси, образование.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволило перейти в белорусском образовании на новый уровень хранения, передачи и анализа учебно-научной информации. К 2022 г. развитие ИКТ сделало возможным создание формы обучения, которую в научной литературе принято называть термином «электронное обучение» (дистанционное, e-learning). Значимость применения указанной группы технологий в национальном образовании определена в нормативных актах, таких как «Кодекс Республики Беларусь об образовании» и инструктивно-методическое письмо «Об использовании современных информационно-коммуникационных технологий в учреждениях дошкольного, общего среднего и специального образования в 2021–2022 учебном году» [Об использовании..., 2021].

В письме указаны подробные рекомендации по использованию современных ИКТ в учреждениях образования. Согласно документу, целями МО в цифровизации образования являются: подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе; внедрение инновационных технологий и совершенствование имеющихся; обеспечение мобильности образовательных услуг; повышение узнаваемости белорусской системы образования и увеличение экспорта образовательных услуг. Для достижения указанных целей министерство работает над: разработкой и внедрением электронных сервисов основных звеньев системы управления образования; улучшением состояния технической базы учреждений образования; развитием информационно-образовательного контента и обновлением имеющегося программного обеспечения и др.

Необходимость задействования ИКТ в образовании также вызвана реализацией в Беларуси ряда государственных программ. В государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. определены задачи, суть которых выражается в потребности: увеличения количества каналов и способов получения знаний, применяемых технологий дистанционного взаимодействия с обуча-

ющимися для активного и равного вовлечения в образовательный процесс всех категорий населения; увеличение доли применяемых современных образовательных технологий при проведении занятий [О Государственной программе..., 2021].

В государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг. запланировано формирование цифрового культурного контента, создание электронных каталогов историко-культурных и природных памятников республики, оцифровка фондов музеев, библиотек, кинофонда, архивов, объектов нематериального культурного наследия. В ее подпрограмме «Архивы Беларуси» поставлена задача по обеспечению формирования, сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь как части информационного ресурса страны [Там же].

Исходя из вышесказанного, актуальность темы статьи не вызывает сомнений. Некоторые аспекты статьи рассматривались белорусскими и зарубежными исследователями проблем информатизации исторического образования: Е. Н. Балыкиной, В. Л. Лозицким, О. П. Осиповой, А. Ф. Оськиным и др. В белорусской научной литературе вопрос об оцифровке архивного фонда и разработке электронных экспозиций (банков) архивных материалов не до конца раскрыт. При написании статьи интересен опыт ведущего исследователя проблем информатизации архивного дела стран бывшего СССР Ю. Ю. Юмашевой, которая обобщила опыт исследователей и практиков архивоведения за последние десятилетия о применении информационных технологий в сохранении архивных материалов и их включения в поле исторического познания [Юмашева, 2016].

Здесь нет необходимости подробно описывать технические, программные и методические стороны использования электронных ресурсов, обладающих возможностями оптимизации обучения учащихся учреждений образования. Связано это с тем, что в каждом учреждении, несмотря на централизованную координацию их работы, сложился свой опыт обучения учебным дисциплинам, в том числе истории. Дело не разных подходах к преподаванию истории, а в наличии разнообразной информационно-ресурсной среды. Например, наличие таких унифицированных печатных ресурсов по истории Беларуси, как учебников, хрестоматий и карт безусловно делает единым информационное ядро преподавания указанной учебной дисциплины. Однако, у каждого учреждения образования имеется свое культурное пространство, сложившееся в результате коммуникации школ и гимназий с музеями, архивами, центрами патриотического воспитания и др. С одной стороны, наличие у учреждений своего культурного

пространства обеспечивает дополнительные возможности в обучении, воспитании и социализации молодых граждан, а с другой, недостаточная равномерность этой коммуникации может привести к потере и даже разрыву общих компетенций выпускников. Поэтому учреждениям образования нужно расширять информационно-ресурсную среду за счет ИКТ.

На 2022 г. в Беларуси накоплен опыт разработки локальных электронных ресурсов по истории страны, но до сих пор нет единого и налаженного банка знаний (интернет-портала). Под единым цифровым банком знаний понимается белорусское электронное пространство знаний, представляющее собой совокупность совместно объединенных на основе электронного портала информационных систем и иных ресурсов, сформированных на базе научного, историко-культурного опыта белорусского народа, а также функционирующих на основе информационных технологий и принципов, которые обеспечивают логическую и смысловую взаимосвязь информации, в том числе алгоритмы поиска и извлечения ее по запросу пользователей.

С января 2021 г. в Республике Беларусь начат запуск «Единого информационно-образовательного ресурса (eioг.by)», который создан для обеспечения работы учебных заведений общего среднего образования. Центральным элементом ресурса является библиотека учебных материалов, которая структурирована по предметам, а внутри – по классам. Ресурс предназначен для учащихся, которые либо не могут посещать занятия, либо не смогли в аудитории понять учебный материал. Конечно, мы не утверждаем, что ресурс станет тем единым банком знаний по учебным предметам, в том числе по истории, поскольку еще предстоит разработать удобную систему научно-справочного обеспечения пользователей и разнообразить учебные материалы.

Автор статьи уверен, что ресурсы мировой сети следует рассматривать в качестве дополнительного учебного корпуса материалов, использование которого призвано обеспечить равные возможности учреждениям образования независимо от места их расположения, количества обучающихся и финансов. Тем более, разработанные государственными организациями Беларуси и России в просветительских целях, интернет-ресурсы не требуют от профильного министерства больших финансовых трат на дальнейшую их адаптацию. Республиканским и областным (минским) институтам образования необходимо лишь составить методические материалы (конспекты уроков, поурочные планы, маршрутные карты и пр.), которые будут способствовать повышению профессионального мастерства учителей и повысят информативность учебных занятий по истории Беларуси. Для конкретизации указанного автором положения обратимся к интернет-ресур-

сам, касающихся знаковой для белорусов и россиян темы «Великая Отечественная война».

Зарубежным лидером по разработке интернет-ресурсов по истории Великой Отечественной войны является Российская Федерация. На протяжении последних 30 лет в России велась активная работа по оцифровке исторических документов, записи документальных фильмов, формированию баз данных, разработке учебно-методических материалов и др. Результаты этой работы доступны в сети Интернет. Ее анализ позволил нам выявить около 100 подобных ресурсов («Память народа», «Мемориал», «Подвиг народа», «Дорогами памяти», «Летопись мужества» и др.), на которых представлена информация о: судьбах людей в годы войны; наличии в архивах документальных материалов о войне; инициативах отдельных граждан, участвующих в сборе сведений о погибших и без вести пропавших. Рассмотрим некоторые из ресурсов.

«Память народа» – один из крупнейших проектов российского сегмента сети Интернет по истории войны. В рамках проекта «Память народа» оцифровано и выложено в сеть 425 тыс. архивных документов фронтов, армий и других соединений Красной Армии. Это оригинальные документы о ходе боевых действий, приказы, доклады командующих, оперативные описания боевой обстановки. Кроме того, отсканировано и систематизировано более 100 тыс. военных карт, с которых в последующем были введены в базу данных положение всех отмеченных на них воинских частей. На портале собрана информация о местах первичных захоронений более 5 млн солдат и офицеров, которые погибли в бою или умерли от ран и болезней в госпиталях и медсанбатах [ИСК «Память народа»].

Обобщенный банк данных «Мемориал», создан по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 г. В настоящее время ОБД «Мемориал» содержит почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной армии. Обнародованы первичные места захоронений более чем 5 млн солдат и офицеров. В БД внесены имена 1 млн военнослужащих узников фашистских лагерей [Обобщенный банк данных «Мемориал»].

Обобщенный банк данных «Подвиг народа» содержит около 13 млн записей о награждении орденами и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Оцифрованы 22 млн карточек учетной наградной картотеки и картотеки награждения орденами Отечественной войны I и II степени к 40-летию Победы [Обобщенный банк данных «Подвиг народа»].

В Республике Беларусь накоплен большой опыт в мемориализации событий ВОВ. На протяжении нескольких десятилетий белорусский народ хранит память о событиях 1941–1945 гг., ставших для нас основой формирования национального самосознания. В сети Интернет белорусами достигнут определенный успех в вопросе репрезентации отдельных тем истории войны. Крупнейшими интернет-ресурсами, посвященными указанной исторической теме, являются «Партизаны Беларуси» и «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны». Рассмотрим эти ресурсы подробно.

В 2013 г. Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь и Белорусский фонд мира при поддержке Российского фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» представили в открытом доступе электронную базу данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны». БД содержит архивные сведения о белорусских деревнях, уничтоженных полностью и частично с населением и без жителей. База построена по алфавитному принципу и состоит из двух частей: информационной и иллюстрационной. Информационная часть содержит следующие сведения: название населенного пункта и его административно-территориальная принадлежность с 1941 г.; характеристика населенного пункта, дата и количество уничтоженного населения; поисковые данные источников. Иллюстрационная часть содержит документы различных форматов, подтверждающие факты сожжения [Белорусские деревни...].

Специальный проект «Партизаны Беларуси» создан совместно Издательским домом «Беларусь сегодня» и Национальным архивом Республики Беларуси с целью увековечения памяти партизан, сражавшихся против нацизма в годы Великой Отечественной войны, патриотического воспитания молодежи, повышения гражданско-патриотического уровня населения и активизации поисковой работы. Информационный портал включает индивидуальную картотеку партизан и подпольщиков, краткую историю партизанского и подпольного движения в Беларуси, биографические сведения о белорусских партизанах – Героях Советского Союза, легендарных комбригах, боях и сражениях, связанных с партизанским движением. На начало 2022 г. на интернет-портале представлено свыше 185 тыс. файлов персональных данных о партизанах [Проект «Партизаны Беларуси»].

Анализ указанных выше интернет-ресурсов убеждает в том, что преподавание истории в учреждениях образования может получить качественное обновление за счет расширения информационного

поля. Урок истории традиционно строится на материале учебника, но не только он обеспечивает формирование мышления ребят. Работая с оцифрованным архивным материалом на тематических интернет-сайтах, обучающиеся и учителя способны создать собственный учебный дискурс, сочетающий содержание учебника и непосредственно исторического источника. Естественное отображение источника в оцифрованном виде повышает уровень доверия учащихся к истинности фактов, изложенных в учебниках. Научно-справочный аппарат и цифровые копии документов на интернет-ресурсах также способствуют овладению ребятами навыками архивного поиска и популяризации исторического образования.

Таким образом, размещенные на интернет-ресурсах архивные документы имеют учебный потенциал. Очевидно, что школьные печатные пособия не могут вместить тот «золотой набор документов», что дает достаточное осмысление происходящих событий прошлого. Поэтому поиск новых каналов информирования учащихся оправдан. Опыт работы с тематическими сайтами (порталами) демонстрирует, что оцифровка и размещение архивных документов в сети отчасти решает проблемы их востребованности на уроках истории.

Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны : электрон. база данных. URL: <http://db.narb.by> (дата обращения 25.05.2022)

ИСК «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 25.05.2022).

О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг. : пост. СМ Респ. Беларусь от 29.01.2021 № 53. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100053&p1=1> (дата обращения: 25.05.2022).

О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. : пост. СМ Респ. Беларусь от 2.02.2021 № 66. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066&p1=1> (дата обращения: 25.05.2022).

Об использовании современных информационно-коммуникационных технологий в учреждениях дошкольного, общего среднего и специального образования в 2021–2022 учебном году : инстр.-метод. письмо Мин-ва образ. Респ. Беларусь; утв. М-вом образования Респ. Беларусь; по сост. на 9.08.2021. Минск: НИО, 2021.

Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

Обобщенный банк данных «Подвиг народа». URL: <http://podvignaroda.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

Проект «Партизаны Беларуси». URL: <https://partizany.by> (дата обращения: 25.05.2022).

Юмашева Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015 гг.): научные исследования в области применения информационных технологий. М.: Директ-Медиа, 2016.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ САЙТОВ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Статья посвящена проблемам развития архивных сайтов в условиях интенсивного развития информационных технологий на примере сайтов архивных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Автором изучены сайты наиболее крупных архивных учреждений округа: Службы по делам архивов ХМАО – Югры, Государственного архива Югры, тематического сайта Архивы Югры и сайта Муниципального архива города Сургута. Автором проанализировано информационное наполнение архивных сайтов. В статье дается оценка информационных возможностей архивных сайтов ХМАО – Югры для пользователей архивной информации.

Ключевые слова: сайт, архивный сайт, ХМАО – Югра, архив, информационные возможности, Ханты-Мансийский автономный округ, Югра.

В условиях информационного развития общества важным инструментом передачи информации от архивных учреждений к пользователям становится архивный сайт. Архивные сайты превращаются в эффективную форму взаимодействия архивов с различными группами интернет-пользователей посредством предоставления государственных услуг в удаленном формате.

Официальный сайт Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры начал работать в 2016 г. (<https://archivesl.admhmao.ru>). На сайте размещена полная информация о направлениях деятельности Службы, представлены нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность учреждения, актуальные новости архивной отрасли округа.

Кроме того, на сайте Службы по делам архивов ХМАО – Югры размещен обширный контент, представляющий интерес как для профессиональных исследователей, так и всех любителей истории. Достоинством сайта является понятная и удобная навигация по внутренним страницам сайта с быстрым переходом на самые востребованные страницы.

Одно из центральных мест сайта занимает баннер Интернет-портала «Победа одна на всех!» (<https://победа86.рф>). Материалы портала позволяют ознакомиться со следующими разделами: «Карта памяти»; «Все для фронта! Все для победы!»; «Никто не забыт, ничто не

забыто!»; «Дети войны»; «Письма с фронта»; «Война газетной строкой»; «Фронтовой альбом. Бессмертный полк Югры»; «Хроники военных событий»; «Песни военных лет»; «Статьи, исследовательские работы, виртуальные выставки». По состоянию на 1 января 2022 г. на портал загружено 21 455 архивных документов, хранящихся в фондах архивов и музеев автономного округа, отражающих вклад жителей, учреждений и предприятий округа в достижение победы в Великой Отечественной войне. В 2021 г. к portalу «Победа одна на всех!» обратилось 2 190 пользователей, которыми просмотрено более 105 тыс. документов [Отчеты о реализации...].

Используя ссылку на баннер «Вторая мировая война в архивных документах», можно изучить комплекс оцифрованных документов, кино и фотоматериалов, размещенных на платформе Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина.

Важное место на главной странице сайта занимают баннеры «Перечень рассекреченных документов» и «Справочник местонахождения документов ликвидированных предприятий».

В перечне рассекреченных документов представлена информация о рассекреченных делах, хранящихся в Государственном архиве Югры, муниципальных архивах Сургута и Нижневартовска. Поиск на ресурсе осуществляется по году рассекречивания, названию архива, а также по ключевым словам. В ходе работы с перечнем пользователь имеет возможность выяснить архивные реквизиты интересующего документа. К примеру, в 2017 г. в архиве города Сургута было рассекречено 117 документов.

В конце 2018 г. на сайте появился «Справочник местонахождения документов ликвидированных предприятий». Поиск по справочнику осуществляется как по названию организации, так и по отрасли и конкретному архивному учреждению. В справочнике имеется информация о месте хранения фонда и его номере.

Кроме того, на главной странице сайта имеются баннеры-ссылки на Электронный архив Югры, позволяющий ознакомиться с фондами архивов округа. Если хранящиеся документы представлены на бумажном носителе, можно заказать дела для работы в читальном зале. В случае, если имеется их электронная копия, то с делами можно ознакомиться в электронном виде после прохождения регистрации в личном кабинете исследователя в круглосуточном режиме. Срок предоставления электронных образов в пользование составляет один месяц. По состоянию на 1 января 2022 г. цифровой контент государственной информационной системы «Электронный архив Югры» составляет 54 505 ед. хр. особо ценных и наиболее востребованных дел [Отчеты о реализации...].

Одно из центральных мест сайта занимает генеалогический портал «Связь поколений Югры», который предоставляет доступ к оцифрованным метрическим книгам для составления родословной своей семьи. На информационный ресурс портала по состоянию на 1 января 2022 г. загружено 276 оцифрованных и проиндексированных метрических книг (68 932 электронных образов), что составляет 76 % от общего числа метрических книг, находящихся на хранении в архивах Югры. В 2021 г. портал посетило 3 384 чел., которыми были просмотрены более 67 тыс. страниц [Там же].

Значительный научный интерес представляют следующие тематические разделы сайта:

- «77 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», где можно ознакомиться с презентациями югорчан на тему: «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи».

- «300 лет прокуратуре России», знакомит с виртуальной выставкой «Прокуратура Югры на страже закона».

- «Год здоровьесбережения в Югре», где представлены выставки «Вперед по дороге здоровья» – о развитии лыжного спорта в округе.

- «Сберегая жизни» – о развитии здравоохранения в округе.

- «Спорт – залог здоровья нации» – фотовыставка о развитии спорта в г. Нижневартовске.

Доступны документальные фильмы, снятые по заказу Архивной службы, например «Откуда нефть, когда кругом тайга» (2011 г.). Фильм «Время покаяния» (2011 г.), посвященный истории ликвидации православных церквей на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в годы советской власти. Фильм «Город Солнца» (2012 г.) посвящен 430-летию города Ханты-Мансийска. Фильм «Продолжение легенды» снят по заказу Архивной службы в 2016 г. на основе документов личного происхождения Георгия Тарасовича Величко, отличника народного просвещения, заслуженного учителя школы РСФСР, участника Великой Отечественной войны, награжденного орденом Красной Звезды и многими медалями. Фильм «Перековка» (2017 г.) освещает процесс крестьянской ссылки 1930–1940-х годов на территорию округа.

Определенный интерес пользователей могут вызвать разделы: «Календарь», «Виртуальные выставки архивных документов», «Краткий справочник по фондам архивов Югры», «Архивное волонтерство в Югре». Также полезными для исследователей будут ссылки на сайт Государственного архива Югры, Федерального архивного агентства и Международного совета архивов, тематического сайта «Архивы Югры».

В 2021 г. официальный сайт Архивной службы Югры посетило 9 827 чел. [Там же].

Таким образом, сайт Службы по делам архивов включает содержательный контент, который можно использовать как ресурс быстрого доступа к отдельным элементам научно-справочного аппарата архивных учреждений округа.

Мощным информационным ресурсом для пользователей архивной информации является тематический сайт «Архивы Югры», который начал активно наполняться с 2015 г. (<https://arhivugra.admhmao.ru>). На сайте размещаются новости архивной отрасли, нормативно-методические документы, информация об истории архивного дела в России и Югре, полная информация об архивных учреждениях округа – государственном архиве и 23 муниципальных архивах региона. Информация о каждом муниципальном архиве раскрывается на следующем уровне: название муниципального архива (архивного отдела); руководитель; адрес; телефон; e-mail; сайт; дата образования архива; телефонный справочник. С помощью ссылок, указанных на сайте, можно перейти к страницам муниципальных архивов на сайтах органов местного самоуправления или к сайтам архивов.

Размещение материалов на сайте ведется по следующим направлениям:

- «Архивной службе Югры 85 лет», где представлены виртуальные выставки, содержащие фотографии и архивные документы, статьи, документальные фильмы, посвященные истории архивных учреждений округа.

- «История Югры в архивных документах» включает фотографии, воспоминания, документы разных хронических периодов по истории округа.

- «История развития отраслей Югры в архивных документах» включает тематические разделы «Нефтегазовое освоение Югры в архивных документах»; «История культуры Югры в архивных документах» и «История здравоохранения Югры в архивных документах».

- «Политические репрессии 1930–1940-х годов в архивных документах», где содержатся воспоминания, сборники документов, статьи, фотографии, базы данных «Жертвы политического террора СССР», виртуальные каталоги, воспоминания спецпереселенцев.

В 2018 г., в год 100-летия принятия Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (23 января 1918 г.), был создан раздел «История ликвидации православных церквей на территории Югры в архивных документах», в котором размещены статьи о закрытии церквей, архивные фотографии и документальный фильм «Время покаяния» [Отчеты о реализации...].

Раздел «Виртуальные выставки архивных документов» посвящен юбилеям фондообразователей, юбилеям организаций – источникам комплектования архивов Югры, юбилеям городов и районов округа, памятным датам в истории России и Югры.

К примеру, в 2019 г. архивистами была подготовлена выставка «25 лет Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а в августе 2021 г. Советским районным архивом была подготовлена выставка ко дню строителя «Есть такая профессия – строитель».

Интерактивная карта «История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» знакомит с церквями, храмами и монастырями Югры, а также исчезнувшими деревнями Ханты-Мансийского района. По карте с помощью системы навигации можно легко получить информацию о каждом объекте: прочитать историческую справку и посмотреть фотографии.

Всего на тематическом сайте «Архивы Югры» в течение 2021 г. было размещено 128 материалов, что на 52 % больше, чем за аналогичный период 2020 г. Тематический сайт «Архивы Югры» в 2021 г. посетило 15 182 человек [Там же].

На сайте «Архивы Югры», как и сайте Службы по делам архивов размещен сервис по поиску рассекреченных дел и справочник местонахождения ликвидированных организаций, краткий справочник по фондам архивов округа. Отличительной особенностью сайта «Архивы Югры» является большое количество тематических публикаций архивистов.

С 2013 г. начал работать официальный сайт казенного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (www.gahmao.ru).

В 2022 г. интерфейс сайта претерпел существенные изменения. Сайт содержит полную информацию об учреждении (историческая справка, планы, отчеты); размещены нормативно-правовые документы, в том числе локальные нормативные акты.

Исследователям на сайте будут полезные следующие разделы.

Научно-справочный аппарат (путеводители, каталоги, указатели, списки фондов и описей, ГИС «Электронный архив Югры», тематические базы данных, например БД «Статистические сведения о направлении развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в XIX–XXI вв.» (11 070 записей). Также в этом разделе представлены виртуальные выставки. На данный момент на сайте размещено 23 выставки, как тематических, так и персональных. Например, на сайте можно ознакомиться с выставкой о Евдокии Ромбандеевой – заслуженном работнике образования округа или о первом заповеднике Югорской земли – Кондо-Сосвинском.

Электронные издания, например «История Югры в древних актах», которая включает материалы, выявленные архивистами в Российском государственном архиве древних актов.

Здесь же доступны материалы проектов «История исчезнувших деревень»; «Первая мировая война в жизни югорчан»; «Гордость Югры»; «Окружные родословные чтения “Память будущих поколений”» (к примеру, на ноябрь 2022 г. запланированы четвертые по счету чтения по теме «Многонациональный семейный альбом России»); «Архив – школе»; «Электронный фонд пользования»; «Комплектование архива документами ученых, исследователей, заслуженных деятелей образования, науки, культуры из числа обско-угорских народов»; клуб «Моя родословная»; «День в истории» (например, в сентябре 2022 г. был опубликован пост, посвященный Дню работников нефтяной и газовой промышленности). Всего на данный момент госархив реализует 12 проектов.

На сайте имеется 13 видов тематических баз данных: «Картоотека решений окружного, районных и городских Советов народных депутатов и их исполкомов»; «Посемейные списки административно-ссылных»; «Номенклатурные работники окррайгорисполкомов»; «Календарь памятных дат»; «Фотокаталог»; «Награждены за труд», в том числе базы данных, созданные в 2020 году: «История города Сургут в 1914–1922 гг.»; «Участники Великой Отечественной войны, жители Ханты-Мансийского национального округа (мобилизованные, демобилизованные, раненые, награжденные, погибшие, умершие от ран и др.)» и восемь видов вспомогательных учетных баз данных.

Таким образом, на сайте Государственного архива Югры размещен весь научно-справочный аппарат архива, что, безусловно, облегчает работу пользователей по поиску и использованию архивных документов.

Одним из немногих муниципальных архивов округа, имеющих собственный сайт, является муниципальный архив г. Сургута (<https://arhivsurgut.ru/>). На данный момент сайт находится в процессе наполнения. Преимущественно на сайте представлена информация о текущей деятельности архива и видах предоставляемых услуг. Кроме того, исследователи имеют возможность ознакомиться с перечнем фондов (как документов по личному составу, так и постоянного срока хранения), а также информацией о рассекреченных делах с 2014 по 2020 гг. Список фондов представлен в формате Word, что значительно осложняет поиск. Также на сайте имеются ссылки на реализуемые окружные проекты «Электронный архив Югры», «Связь поколений Югры», «Победа одна на всех».

Таким образом, информационное наполнение архивных сайтов округа предоставляет широкие возможности для пользователей

архивной информации, так как на них размещен весь научно-справочный аппарат архивных учреждений округа. Пользователь может осуществлять поиск интересующих документов через систему «Электронный архив Югры», ознакомиться с электронными образами архивных документов, воспользоваться разработанными архивистами тематическими базами данных, а также тематическими публикациями. Использование ресурсов официальных сайтов архивов в значительной степени облегчает процесс поиска архивных документов, так как это можно делать в удаленном формате в удобное для исследователя время. Тем самым исследователь получает полный комплекс услуг, не посещая архив, что, безусловно, делает процесс взаимодействия с архивом более удобным и доступным.

Отчеты о реализации «Основных направлений развития архивного дела в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» // Служба по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://archivesl.admhmao.ru/deyatelnost/otchety-o-realizatsii-osnovnykh-napravleniy-razvitiya-arkhivnogo-dela-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom/> (дата обращения: 07.09.2022).

УДК 930.25(470)

А. Н. Торопов,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ОБЛАСТИ АРХИВНОГО ДЕЛА

Предоставление государственных (муниципальных) услуг является важным направлением в современной деятельности органов управления архивным делом, государственных и муниципальных архивов. Данное направление имеет свои особенности, связанные со спецификой работы архивистов по исполнению запросов социально-правового характера, организации доступа к архивным документам и др., которые необходимо учитывать при организации работы, в том числе при организации работы по предоставлению государственных и муниципальных услуг в области архивного дела посредством ЕПГУ и через МФЦ.

Ключевые слова: архивное дело, государственные (муниципальные) услуги, доступ к архивным документам, ЕПГУ, МФЦ.

Начавшаяся в 2003 г. в Российской Федерации административная реформа, направленная на совершенствование государственного

управления и повышение доступности и качества государственных услуг, привела к серьезным изменениям в работе органов управления архивным делом, государственных и муниципальных архивов. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» была организована работа по разработке административных регламентов государственных и муниципальных услуг в области архивного дела, организации предоставления указанных услуг в электронном виде и по принципу «одного окна».

Это новое направление деятельности потребовало от архивистов создания новых подходов в работе, которые должны были учитывать специфику работы органов управления архивным делом, государственных и муниципальных архивов по исполнению запросов социально-правового характера, организации доступа к архивным документам и др., т. е. по тем направлениям архивной работы, для регламентации которых потребовалась разработка административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг. Чтобы избежать возможных юридических коллизий, в соответствующих пунктах указанных регламентов необходимо четко и подробно раскрывать эти особенности, опираясь на Федеральный закон от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», приказ Федерального архивного агентства от 02.03.2020 г. № 24 «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях», приказ Федерального архивного агентства от 01.09.2017 г. № 143 «Об утверждении Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации» и др.

Наиболее важные особенности предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере архивного дела связаны, на наш взгляд, со следующими проблемами:

- 1) наименование государственной (муниципальной) услуги;
- 2) круг заявителей на получение государственной (муниципальной) услуги;
- 3) результат предоставления государственной (муниципальной) услуги;
- 4) срок предоставления государственной (муниципальной) услуги;
- 5) взимание государственной пошлины или иной платы за предоставление государственной (муниципальной) услуги;
- 6) порядок предоставления государственной (муниципальной) услуги, в том числе через Единый портал государственных и муни-

ципальных услуг (функций) (ЕПГУ) и многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ).

При разработке наименования государственной (муниципальной) услуги учитывается не только ее соответствие терминам и определениям, используемым в законодательстве, но и то, чтобы наименование услуги было понятно широкому кругу потенциальных заявителей. Например, государственные архивы Свердловской области в настоящее время предоставляют две государственные услуги, имеющие следующие наименования: «Обеспечение доступа к архивным документам и справочно-поисковым средствам к ним в читальном зале архива» и «Предоставление архивных справок, архивных копий, архивных выписок, информационных писем, связанных с реализацией законных прав и свобод граждан» [Административный регламент ... «Обеспечение доступа...», 2021; Административный регламент ... «Предоставление архивных справок...», 2021]. Из наименований указанных услуг понятно, что первая из них относится к работе читальных залов государственных архивов Свердловской области, вторая – к исполнению этими архивами запросов социально-правового характера.

Круг заявителей на получение государственной (муниципальной) услуги в административных регламентах определяется в зависимости от вида архивной работы. Если это исполнение запросов социально-правового характера, то в соответствующем пункте регламента указано, что заявителями на получение государственной услуги являются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, организации, общественные объединения, государственные и негосударственные учреждения. Также в регламенте дополнительно разъясняется, что для истребования сведений, содержащих персональные данные о третьих лицах, дополнительно представляются документы, подтверждающие полномочия заявителя, предусмотренные законодательством Российской Федерации [Административный регламент ... «Предоставление архивных справок...», 2021].

Результатом предоставления государственной услуги по исполнению запросов социально-правового характера могут быть архивные справки, архивные выписки, архивные копии либо информационное письмо об отсутствии запрашиваемых сведений с рекомендациями о дальнейших путях поиска необходимой информации, либо с уведомлением о направлении соответствующих запросов на исполнение по принадлежности в другие органы и организации [Там же]. Таким образом, ответ об отсутствии в архиве запрашиваемой информации не является отказом в предоставлении государственной услуги, то

есть услуга считается оказанной, несмотря на отрицательный ответ заявителю.

Сложнее определиться с результатом предоставления государственной (муниципальной) услуги, если услугу оказывает не архив, а орган управления архивным делом. В этом случае результатом услуги могут быть уже не архивные справки, архивные копии, архивные выписки, а только информационные письма об отсутствии запрашиваемых сведений с рекомендациями о дальнейших путях поиска необходимой информации либо с уведомлением о направлении соответствующих запросов на исполнение по принадлежности в другие органы и организации. Другой вариант – в административном регламенте в разделе, посвященном административным процедурам, будет дополнительно описана организация передачи запросов заявителей из данного органа в государственный или муниципальный архив и дальнейшая работа с этими запросами. В этом случае нужно правильно сформулировать наименование услуги. Так, одна из государственных услуг, предоставляемых Управлением архивами Свердловской области, носит наименование: «Организация выдачи копий архивных документов, подтверждающих право на владение землей», а не «Выдача копий архивных документов, подтверждающих право на владение землей» [Административный регламент ... «Организация выдачи копий...», 2019].

Срок предоставления и взимание государственной пошлины или иной платы за предоставление государственной (муниципальной) услуги также зависит от вида архивной работы. Если услуга заключается в предоставлении архивной информации пользователям в читальном зале архива, то в соответствии с Порядком использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации в регламенте указывается, что срок предоставления государственной услуги не должен превышать двух рабочих дней с момента заказа документов (дела, документы ограниченного доступа, частично рассекреченные, на иностранных языках выдаются не позднее чем через десять рабочих дней в случае, если иной срок не оговорен самим заявителем). Выдача (направление) документов, являющихся результатом предоставления государственной услуги, осуществляется в течение того же срока, а доступ к архивным документам (копиям) и справочно-поисковым средствам к ним в читальном зале государственного архива осуществляется бесплатно [Административный регламент... «Обеспечение доступа...», 2021].

Порядок предоставления государственной (муниципальной) услуги, в том числе через Единый портал государственных и муници-

пальных услуг (функций) (ЕПГУ) и многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), подробно описывается в разделе «Состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур (действий), требования к порядку их выполнения, в том числе особенности выполнения административных процедур (действий) в электронной форме, а также особенности выполнения административных процедур (действий) в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг». При разработке указанного раздела в административном регламенте предоставления государственной (муниципальной) услуги необходимо в первую очередь руководствоваться Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях.

Таким образом, предоставление государственных и муниципальных услуг в области архивного дела имеет особенности, связанные со спецификой работы архивистов. Их необходимо учитывать при работе по организации предоставления указанных услуг органами управления архивным делом, государственных и муниципальных архивов, при разработке административных регламентов предоставления государственных (муниципальных) услуг. Соблюдение правил требуется не только для того, чтобы необходимые для предоставления услуг нормативные правовые акты прошли соответствующие экспертизы, но и с тем, чтобы избежать конфликтных ситуаций в работе по предоставлению данных услуг заявителям.

Административный регламент предоставления государственными архивами Свердловской области государственной услуги «Обеспечение доступа к архивным документам и справочно-поисковым средствам к ним в читальном зале архива» : утв. приказом Упр. архивами Свердл. обл. от 14.12.2020 № 27-01-33/174 (в ред. приказа Упр. архивами Свердл. обл. от 12.05.2021 № 27-01-33/65). URL: <https://uprarchives.midural.ru/article/show/id/10036> (дата обращения: 30.09.2022).

Административный регламент предоставления Управлением архивами Свердловской области государственной услуги «Организация выдачи копий архивных документов, подтверждающих право на владение землей» : утв. приказом Упр. архивами Свердл. обл. от 31.05.2019 № 27-01-33/90 (в ред. приказа Упр. архивами Свердл. обл. от 18.09.2019 № 27-01-33/175). URL: <https://uprarchives.midural.ru/article/show/id/10036> (дата обращения: 30.09.2022).

Административный регламент предоставления государственными архивами Свердловской области государственной услуги «Предоставление архивных справок, архивных копий, архивных выписок, информационных писем, связанных с реализацией законных прав и свобод граждан» : утв. приказом Упр. архивами Свердл. обл. от 26.01.2021 № 27-01-33/9. URL: <https://uprarchives.midural.ru/article/show/id/10036> (дата обращения: 30.09.2022).

АРХИВЫ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ И ВРЕМЯ DATA SCIENCE

Доклад посвящен краткому обзору истории отечественных государственных программ внедрения информационно-коммуникационных технологий и эволюции их основного содержания, а также современному уровню применения технологий и методов Data Science (DS) (машинное обучение, искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI), компьютерное зрение, нейросети и т.п.) в архивной практике и исторических исследованиях, выполненных на основе комплексов архивных документов. Автор представляет деятельность Международного совета архивов и зарубежных сетевых архивных сообществ, специализирующихся на изучении возможностей использования искусственного интеллекта в решении практических задач архивного дела (отбор документов на хранение, экспертиза ценности, составления научно-справочного аппарата, цифровая реставрация, организация доступа к электронным документам и т.п.); характеризует основные итоги выполненных за рубежом научных проектов, а также обозначает перспективные направления исследований.

Ключевые слова: автоматизация, информатизация, цифровая трансформация, основные направления архивной деятельности, Data Science, архивные документы, наборы данных

Эпоха глобального информационного общества, наступление которой было зафиксировано в Окинавской хартии 2000 г., за первые без малого четверть века прошла несколько стадий, затронувших в той или иной форме все сферы человеческой деятельности, в том числе и архивы.

Переход к электронному документообороту, декларированный в 2002 г. в Программе «Электронная Россия» [Федеральная целевая программа..., 2002], в 2010 г. сменился отраслевыми программами информатизации, разработка которых предусматривалась Государственной программой «Информационное общество» [Государственная программа..., 2010], в которой под «информатизацией» подразумевались создание и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры различных отраслей, перевод (адаптация) основных видов деятельности органов управления, предприятий и организаций в цифровой вид, оцифровка активов и оказание услуг населению в цифровом формате. Нельзя сказать, что эти задачи для архивной сферы не ставились и ранее (Программа информатизации

архивного дела России (1997–2000) [Юмашева, 2016, с. 101–162]), однако их реализация в 2010-е гг. приобрела особую государственную важность, которая выразилась в том числе в создании Программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений (2011–2020 гг.), утвержденной в 2011 г. и ставшей модельной программой информатизации архивной сферы на всех уровнях: от федерального до муниципального [Программа информатизации..., 2011].

Следующий этап внедрения ИКТ в жизнь российского общества происходит в рамках реализации Программы «Цифровая экономика» и созданных в ее развитие ведомственных программ цифровой трансформации [Положение..., 2022], в которых под цифровой трансформацией понимается «совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность».

Очевидно, что решение подобной задачи требует глубинных изменений, затрагивающих все процессы, процедуры и операции в деятельности федеральных и региональных органов государственного управления и подчиненных им организаций. Эти изменения должны быть основаны на активном применении информационно-коммуникационных технологий и методов Data Science, переводе рутинных операций не просто в автоматизированный режим, а их реализацию с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, создания наборов данных, позволяющих обеспечивать выполнение запросов и оказания услуг в максимально короткие сроки и с максимально возможным качеством [Прохоров, Коник, 2019].

Так, в Ведомственной программе цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022–2024 гг. перечисленным технологиям и методам, а также их применению в архивной практике уделяется повышенное внимание [Об утверждении..., 2022].

Вместе с тем необходимо отметить, что в вопросах цифровой трансформации, создания наборов данных, открытых данных и применения методов DS российская архивная сфера в определенном смысле отстает от мировых тенденций.

К примеру, еще в 2019 г. секретарь Международного совета архивов (ICA) А. Селеш заявила, что изучение возможностей применения DS и AI в архивах будет развиваться, как никакое другое [Seles, 2019]. В результате была создана профильная группа ICA – HAIRA,

а также соответствующий информационный ресурс, представляющий итоги исследований (URL: <https://haira.clir.org/artificial-intelligence-and-archives/>).

Большую активность в данном вопросе проявляют национальные и профильные общественные объединения архивистов и специалисты крупнейших архивов мира. В Великобритании функционирует сеть AURA (AURA Network, URL: <https://www.aura-network.net/>), в США – портал AEOLIAN (Artificial Intelligence for Cultural Organizations, URL: <https://www.aeolian-network.net/>), которые принимают активное участие и координируют проекты, посвященные изучению возможностей применения методов DS и алгоритмов AI в архивном деле. На сайтах упомянутых организаций публикуются отчеты о реализованных проектах, а на вебинарах обсуждаются результаты деятельности профессиональных сетевых сообществ по применению AI в архивах.

Кроме того, следует отметить, что с середины 2010-х гг. количество публикаций в профессиональных архивных изданиях по проблематике применения DS и AI исчисляется тысячами. Практически все исследования могут быть сгруппированы в четыре блока [Colavizza et al., 2022]:

- вопросы теории архивного дела в контексте DS, в том числе теоретическое осмысление перспектив профессии архивиста, ее модификации в связи с активным проникновением информационных технологий в архивную практику и возникновением междисциплинарного направления Computational Archival Science (URL: <https://ai-collaboratory.net/cas/>);

- практические результаты автоматизации процессов комплектования и учета архивной документации на основе методов DS (онтологии, базы знаний, наборы данных, машинное обучение, семантические сети, НЛП, методы формирования (в т. ч. обогащения) и состава метаданных и т. п.);

- организация доступа к архивной документации (выявление документов с конфиденциальной информацией, редактирование конфиденциальной информации с использованием инструментов цифровой криминалистики, методы совершенствования поиска («капсульные» тематические модели, «дистанционное чтение»; повышение доверия к оцифрованному/цифровому контенту, «датафикация, интеграция, интероперабельность и доступность для анализа»). При этом во многих исследованиях применение AI для поиска информации в архивных каталогах оценивается весьма неоднозначно. Специалисты отмечают «предвзятость» результатов применения поисковых механизмов, основанных на использовании AI и предлагают механизмы преодоления этой проблемы;

– новые формы цифровых архивов. Растущие объемы оцифрованных и born-digital архивных документов требуют переосмысления и автоматизации организации хранения и организации доступа к архивным документам. Среди методов, которые могут быть использованы для решения данных проблем, рассматриваются распределенное хранение/блокчейн, внедрение хеш-кодов и т. п.

Резюмируя анализ публикации по проблемам применения методов DS в архивах, можно перечислить те направления, использование новых методов в которых оценивается специалистами, как перспективное:

- масштабируемость бизнес-процессов, реализуемых в архивных службах;
- изучение возможностей применения DS для комплектования и научно-технического обеспечения информационных ресурсов, социальных сетей, электронной почты и т. п., а также организация и функционирование аудиовизуальных репозиторий, блокчейн и т. п.;
- цифровая консервация, реставрация и сохранение;
- ИТ-инфраструктура для архивных исследований, создания и хранения коллекций;
- краудсорсинг и архивы;
- анализ текстов документов для архивной обработки, определения возможности доступа к документам, идентификация личных данных, оценки, регистрации, описания документов;
- применение аналитических методов к архивным материалам;
- большие данные и архивная теория и практика;
- большие данные и построение памяти/идентичности; архивные корпуса больших данных и справочные коллекции; связанные данные и архивы; подготовка данных для исследований из архивных материалов; юридические и этические вопросы.

Этим перечнем возможные области и задачи применения DS и AI в архивной сфере не исчерпываются. Однако необходимо подчеркнуть сдержанную позицию руководителей направления цифровой трансформации ведущих архивов мира в вопросах применения AI и их ориентацию на реализацию «малых проектов», призванных апробировать подходы DS для решения узких задач практики архивного дела.

В связи с этим представляется, что изучение возможностей применения методов DS в архивной практике является одним из ключевых направлений в развитии современной архивной науки. Не последнюю роль в этом вопросе играет междисциплинарный подход и активизация сотрудничества архивистов и специалистов-истори-

ков, информатиков, математиков, представляющих научно-исследовательские центры и ВУЗовскую науку.

Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» : одобр. распоряж. Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 01.12.2022).

Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022–2024 годы : приказ Федеральн. архивн. агентства от 6.05.2022 № 57 // Федеральн. архивн. агентство : офиц. сайт. URL: https://archives.gov.ru/documents/prik57_2022.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

Положение о ведомственных программах цифровой трансформации (в ред. постановления Правительства РФ от 17.02.2022 № 195) : утв. постановлением Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/130305/> (дата обращения: 01.12.2022).

Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. : утв. приказом Федеральн. архивн. агентства от 2.12.2011 № 104 // Федеральн. архивн. агентство : офиц. сайт. URL: <https://archives.gov.ru/programs/informatization.shtml> (дата обращения: 01.12.2022).

Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт // М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019.

Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 № 65. // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 01.12.2022).

Юмашева Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015). Научные исследования в области применения информационных технологий : моногр. // М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Seles A., *Secretary General of International Council on Archives*. A Brave New World: Artificial Intelligence and Archives // ICA. 2019. URL: <https://www.ica.org/en/anthea-seles-presentation-on-artificial-intelligence-and-archives> (дата обращения: 01.12.2022).

Colavizza G., Blanke T., Jeurgens C., Noordegraaf J. Archives and AI: An Overview of Current Debates and Future Perspectives. // J. Comput. Cult. Herit. 15., 2022. № 1. Article 4 (February 2022). URL: <https://doi.org/10.1145/3479010> (дата обращения: 01.12.2022).

Раздел 3

УПРАВЛЯЯ ОБЩЕСТВОМ: ДОКУМЕНТ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ

3.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ

УДК 002.1:001.4

В. А. Бондарь,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЦИФРОВОЙ ДОКУМЕНТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИИ И АРХИВОВЕДЕНИИ

Термин «цифровой документ» (digital document) носит более прикладной характер, чем «электронный документ», являющийся базовым для наук о документе, включая архивоведение. Несмотря на схожий контекст употребления, в представлении о цифровом документе можно выделить ряд важных отличий от документа электронного, что позволит решить несколько задач. Во-первых, уменьшить многозначность трактовки термина «электронный документ» за счет переноса некоторых смыслов в толкование цифрового документа. Во-вторых, сузить сферу применения более обобщенного термина «электронный документ» за счет исключения некоторых сфер деятельности, преимущественно связанных с цифровой реализацией процессов работы с документами. Наконец, разграничить оцифрованные документы, имеющие бумажные оригиналы, и документы, изначально созданные в электронной форме в тех случаях, где такое разграничение важно для практической деятельности. По мере теоретического осмысления и практического использования могут появиться и другие возможности применения термина «цифровой документ».

Ключевые слова: Цифровой документ, электронный документ, цифровизация, цифровая среда, термин, определение, толкование, трактовка.

Современная тенденция к цифровизации всех сфер жизни ярко проявляется в том числе в разработке новых понятий и связанных с ними терминов, которые призваны описать новые цифровые объекты и способствовать выработке лучших практик взаимодействия с ними. В науках о документе цифровизация позволяет говорить о новых аспектах работы с документами, в первую очередь с документами в электронной форме, и, в перспективе, расширить как знания о документе, так и используемый терминологический аппарат. В частности, речь пойдет о термине «цифровой документ» (digital document)).

Он распространен в большей степени в сфере информационных технологий [см., например: Глоссарий..., 2009, с. 132], поскольку носит более прикладной характер, чем термин «электронный документ», являющийся базовым для отечественных наук о документе, включая архивоведение¹. Тем не менее, в силу множества существующих как в нормативном поле, так и в научной среде толкований термина², который позволил бы осмыслить появившиеся благодаря компьютерным технологиям формы работы с информацией, возможны несколько вариантов соотношения электронной и цифровой форм документа.

Первый вариант – электронный документ и цифровой документ признаются практически идентичными по смыслу. Этот подход малопродуктивен, поскольку становится неясной причина введения еще одного термина помимо основного. В настоящее время в документоведении и архивоведении выработан сравнительно единообразный подход к трактовке термина «электронный документ» [см.: ГОСТ Р 7.0.8–2013; Управление документами, 2013, с. 99], и введение аналогичного по смыслу термина с другой формулировкой лишь приведет к возникновению новых проблем, не решая существующих. В таком случае понятие «электронный документ» становится перегруженным смыслами с максимально широкой сферой применения, что лишь размывает представления о нем.

Второй вариант – цифровой документ становится основным термином для формы документа в рамках компьютерных технологий, а электронный документ может быть либо его специфической разновидностью, либо термином, специально предназначенным для использования в смежных областях. Такая практика не вполне укладывается в отечественную документоведческую традицию, основой для которой служит формулировка «электронный документ». В большей степени она означает привязку к особенностям носителя, была даже

¹ См. нормативное определение термина «электронный документ»: [ГОСТ Р 7.0.8–2013; Об информации..., 2006].

² См. подробнее об основных подходах к трактовке термина «электронный документ»: [Хургин, 2009].

формулировка «документ на электронном носителе» [Управление документами, 2013, с. 96, 99], правда, она была быстро вытеснена более универсальным словосочетанием «электронный документ».

С точки зрения компьютерных технологий, более продуктивным представляется выбор формы представления в качестве основного признака, который определяет формулировку и толкование термина – разновидности документа. Поскольку речь идет о цифровой среде и цифровизации как тренде работы с информационными процессами, весьма содержательно будет описание именно цифровой формы документа без привязки к носителю. Согласно данной логике, электронный документ – разновидность цифрового документа, перенесенного на электронный (физически обособленный) носитель. Эта трактовка согласуется с существующими толкованиями электронной и цифровой среды существования электронного документа в стандарте, устанавливающем требования к терминам и определениям при электронном обмене информацией [ГОСТ Р 52292–2004].

Современный малобумажный документооборот имеет дело в большей степени с документами не на обособленном носителе, а непосредственно в цифровой форме. Поэтому в целях документационного обеспечения управления введение термина «цифровой документ» в качестве основного может быть оправданным.

В последнее время термин «цифровой документ» стал более активно использоваться в отечественных нормативных документах [см. например: О проведении эксперимента..., 2021; О проведении эксперимента..., 2022]. Правда, его официальное толкование так и не было закреплено. Такая ситуация свидетельствует и о практической полезности термина, и о том, что он нуждается в дополнительном осмыслении.

Достаточно успешный опыт трактовки термина «цифровой документ» имеется в отечественном архивном деле при характеристике процесса оцифровки фондов [Юмашева, 2012]. В этой сфере толкование термина «цифровой документ» основано на аналогичном определении электронного документа, но в нем не акцентируется различие между электронным и цифровым документом. Улучшить ситуацию представляется возможным, добавив в определение описание критичной для архивного дела разницы между документами, имеющими бумажную версию (оцифрованными в процессе описанной деятельности) и не имеющими таковой изначально. В других сферах деятельности, где используются информационные технологии, это могут быть другие особенности, например наличие аналога документа на бумажном носителе, тип информации в документе, форма реализации.

Третий вариант – электронный документ продолжает быть основным термином для процессов документационного и информационного обеспечения управления, а цифровой документ вводится лишь как разновидность электронного с целью подчеркнуть критически важные отличия. Эта концепция предусматривает опору на специфичную трактовку цифрового документа как реализацию документа в цифровой (программной) среде, в отличие от среды электронной (физической). Трактовки электронного и цифрового документа могут быть гармонизированы с использованием вышеописанного подхода, что позволит более точно осмыслить и описать процесс работы с документом как в технологическом аспекте, так и в программной среде и применять соответствующие термины не как заменяющие, а как дополняющие друг друга.

В настоящий момент сложно точно определить, по какому из вариантов пойдет дальнейшее развитие терминосистемы. Тем не менее очевидно, что максимально широкое использование термина «электронный документ» неэффективно, поскольку он становится слишком перегружен смыслами, связанными с разными сферами деятельности. Более перспективным видится либо введение дополнительных терминов, либо использование различных толкований соответствующего термина в зависимости от сферы использования и критически важных для конкретного вида деятельности особенностей документа.

Несмотря на схожий контекст употребления, в представлении о цифровом документе можно выделить ряд важных отличий от документа электронного. Первая особенность цифрового документа состоит в том, что он связан не с типом и особенностями носителя, а с формой представления – цифровой или электронно-цифровой (код, предназначенный для обработки средствами вычислительной техники). Такой акцент актуален, в частности для автоматизированного документационного обеспечения управления, которое становится все более распространенным; но только до тех пор, пока работа с документами с помощью традиционных технологий полностью не автоматизирована. Цифровая форма позволяет вписать документ в процессы цифровизации без привязки к конкретным технологиям или типу носителей, упрощая как использование соответствующего термина в практической деятельности, так и его теоретическое осмысление в ее рамках.

Вторая особенность рассматриваемой разновидности документа – наличие отечественных и зарубежных разработок, включающих толкование соответствующего термина и его практическое применение, но в относительно узких сферах деятельности, в отличие от претендующего на значительно большую универсальность термина

«электронный документ». Такая ситуация приводит, с одной стороны, к значительно большей свободе в выработке тех вариантов трактовки термина «цифровой документ», которые действительно полезны для использования в конкретных видах деятельности. С другой стороны, отсутствие наиболее общего определения способствует противоречиям в трактовках, что приводит к затруднениям.

Все эти особенности, по всей вероятности, продуктивно рассматривать с точки зрения возможности приближения к удовлетворительному решению задач, возникающих в практической и исследовательской сферах и связанных с гармонизацией терминосистемы в целом и употребления термина «электронный документ» в частности.

Итак, более широкое использование термина «цифровой документ» позволит уменьшить многозначность трактовок термина «электронный документ» за счет переноса некоторых смыслов в толкование цифрового документа. Поскольку в настоящее время прослеживается тенденция к универсализации термина «электронный документ», последний оказывается слишком многозначным для комфортного использования в нескольких областях. Часть значений может быть переадресована цифровому документу в тех случаях, когда важна цифровая форма обработки и представления информации. Это позволит сузить сферу применения более обобщенного термина «электронный документ» за счет исключения некоторых сфер деятельности, связанных преимущественно с цифровой реализацией процессов работы с документами. В частности, введение дополнительного термина «цифровой документ» позволит разграничить оцифрованные документы, имеющие бумажные оригиналы, и документы, изначально созданные в электронной форме в тех случаях, где такое разграничение важно для практической деятельности.

Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Ин-т развития информ. общества, 2009.

ГОСТ Р 52292–2004. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения // Кодекс: электрон. фонд норм.-тех. и норм.-правовой инф. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения: 19.05.2022).

ГОСТ Р 7.0.8–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800 (дата обращения: 19.05.2022).

О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании и (или) о квалификации посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» в 2022 году : постановление Правительства РФ от 10.06.2022

№ 1059 // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/141440/> (дата обращения: 19.05.2022).

О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»: постановление Правительства РФ от 02.10.2021 г. № 1678 // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/136880/> (дата обращения: 19.05.2022).

Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральн. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения 19.05.2022).

Управление документами. Термины и определения : словарь. М.: ВНИИДАД, 2013.

Хургин В. Еще раз об электронном документе // Информ. ресурсы России. 2008. № 3(103). С. 13–21.

Юмашева Ю. Ю. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. М.: ВНИИДАД, 2012 // Федеральное архивное агентство. URL: http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents/opredelenie.shtml (дата обращения: 19.05.2022).

УДК 070.11

А. С. Кацев, Л. М. Кацева
Кыргызско-Российский Славянский
университет, г. Бишкек

ДОКУМЕНТ И СЛОВЕСНАЯ ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА

Проблема документализма в современной советской литературе является одной из важнейших для понимания характерных черт художественного процесса последних десятилетий. Симптоматичен успех многих произведений, созданных в самых различных жанрах: от всевозможного рода воспоминаний, мемуаров, документальных произведений до рассказов, повестей и романов, в которых реализовался потенциал документализма. Различные виды искусства: кинематограф, театр, телевидение в это же время интенсивно используют документализм как один из принципов создания художественного образа.

Многообразие проявлений документализма в художественной литературе становится объектом литературоведческих исследований. Произведения, в которых документальные источники включаются в единый художественный контекст, постоянно находятся в поле зрения критики и во многих случаях становятся отправной точкой дискуссий в газетах и журналах о соотношении документального и вымышленного в художественном творчестве.

Ключевые слова: документализм, документ, художественная литература, прототипика, документальный факт.

Проблемы исследования документального материала в художественном творчестве предполагает оперирование таким понятием как документ. Анализ проблемы документализма выдвигает необходимость определения некоторых терминов, связанных в той или иной мере с существом вопроса: документ, документальность, документализм; и близких к ним: документальная основа, документированность произведения.

Понятие «документ» используется в его закреплённом терминологическом значении как одна из форм фиксации жизненного материала. Документ нередко систематизирует отдельные, разрозненные факты, излагает их под определённым углом зрения. Чаще всего документ представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся форму отражения человеческой деятельности. Понятие «документ» тесно связано с понятием «факт». И если факт – не что иное, как реальное событие, явление и т. п., имеющее объективную природу, то документ – определённая стереотипическая конструкция, фиксирующая факты и обладающая отражающей способностью.

Понятие «документ» соотносится с понятием «документальный факт» (факт, отраженный в документе или документально подтвержденный).

В литературе и искусстве документальные факты и документы составляют «документальную основу» произведения. Изучение прототипики зачастую предполагает анализ не столько документальной основы, сколько фактической основы произведения, т. е. жизненного материала, использованного писателем, но документально не зафиксированного. В этом случае имеется фактическая основа, которая может быть документально и не подтверждена. Понятие «фактическая основа» шире понятия «документальная основа», потому что любое произведение литературы и искусства предполагает ее наличие. Документальная же основа существует избирательно, в тех случаях, когда имеются документы и документальные факты, составляющие основу повествования. Фактическая основа нередко включает в себя документальную основу.

Следует установить также различие в использовании понятий «документальность» и «документированность». Первое означает наличие различных документальных фактов в произведении, при помощи которых создается тождественность художественно изображенного исторически данному; второе – подтвержденность художественного повествования документами, которые или являются

составной частью текста произведения, или находятся в его документальной основе.

В целом же под документализмом целесообразно понимать принцип реалистической типизации, состоящий в использовании подлинных событий, фактов, биографий реальных исторических лиц, конкретных материалов изображаемой эпохи, зафиксированных документально.

Такое понимание документализма не претендует на его полное терминологическое определение, а выдвигается как рабочая формулировка.

Кроме того, следует оговориться, что общеупотребительные определения «художественно-документальная литература», «документально-художественная литература», «художественная документалистика» и т. п. воспринимаются и используются в работе как отражающие реализацию документальной тенденции в литературе и искусстве. Для рабочего определения существа вопроса они удобны тем, что прямо указывают на художественное осмысление документального материала (хотя здесь оно имеет свои специфические особенности).

Документальная литература широко представлена различными книгами и брошюрами, обобщающими опыт революционных преобразований. Здесь нередко решались не только чисто военные, экономические или политические вопросы, возникавшие в ходе строительства нового общества, но, объединенные воедино, они ставились с целью показа влияния революции на человека. Документальная литература зачастую была первой стадией образного осмысления действительности и бесценным источником для создававшихся в то время художественных произведений. (В этой связи рассматривается книга А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом».)

Многочисленные мемуары – непосредственные рассказы участников и свидетелей событий – воссоздавали те или иные эпизоды революции и гражданской войны в форме лично увиденного и пережитого.

В идейно-политическом выражении вся мемуарная литература первой половины 1920-х годов разделяется на две обширные группы. Первую, основную, составляют воспоминания, записки, дневники тех, кто завоевывал Советскую власть. Ко второй группе относится мемуарная литература эмигрантского толка. В работе анализируются произведения, составляющие эти группы.

Критика 1920-х годов отмечала, что «мемуарный жанр является одним из наиболее трудных художественных жанров».

Подлинность изображаемого становится одним из эстетических свойств произведений литературы. Поиски новых художественных

форм означали на первых порах поиски путей исторически адекватного воссоздания действительности. Поэтому не только к мемуарному жанру, но и к рассказам, повестям и романам предъявляются в первую очередь требования верности исторической правде, понимаемой буквально, поскольку события, ставшие объектом художественного познания, были свежи в памяти читателя и прототипы героев произведений чаще всего были живы.

Изображение событий путем аналитического исследования действительности, использование документального материала в художественном повествовании дает толчок бурному развитию очерковых форм, во многом повлиявших на весь литературный процесс. В жанре очерка «уплотняется» документальная основа. Часто авторы очерков являются очевидцами и участниками изображаемых событий, и в силу этого авторское повествование становится документальным свидетельством.

Документальная тенденция в ранней советской прозе не замыкалась в формах дневника, очерка, путевых заметок и т. п. Она была представлена рассказами, повестями и романами, написанными на документальном материале, с максимальным привлечением его как части повествования.

Историческая достоверность художественного повествования – неотъемлемое свойство документализма как принципа типизации – накладывает особый отпечаток и на стиль многих авторов. Вырабатываются общие приемы воссоздания реальных событий.

Но не только включение документа (в непосредственном виде и его литературной имитации) в повествование сближает этих писателей. основополагающим в их творчестве является проецирование конкретного эпизода революции и гражданской войны на идейно-художественное содержание произведения для понимания процессов, происходящих в общественной и политической жизни. Документальные материалы, личные впечатления писателей, пройдя стадию художественного осмысления, становятся художественным «слепок» подлинных событий.

Данную тенденцию улавливает и приключенческая литература, получившая развитие в 1920-е гг. Многие авторы прямо заявляют, что их произведения изображают «живую жизнь и голую правду».

Документализм как принцип типизации творчески реализуется не просто в жизненно достоверных фактах и состояниях, но в «документированной реальности», в правде жизни, представленной документами.

Поэтому первым и основным показателем документализма является документ в художественном повествовании. Если же в произведе-

нии отсутствуют документы, то это еще не значит, что в своей работе писатель не пользовался ими, так как в ряде случаев документ функционирует опосредованно, составляя документальную основу, и тогда мы также имеем дело с отдельными проявлениями документализма. Но наличие документа в художественном произведении создает уверенность в том, что оно имеет отношение к принципам документализма. Следовательно, возникают задачи анализа различных функций документа в художественном тексте, чтобы углубить представление о документализме в целом.

Документировать становится своеобразным художественным знаком исторической достоверности произведений. Документы в системе образных средств выражения должны внушать читателю мысль о том, что все изображенное подлинно, как сама жизнь.

Чаще всего документ и его литературная имитация взаимодействуют, реализуя заложенный в них потенциал достоверности. Строгий отбор и подбор реальных материалов (т. е. их своеобразная типизация) изменяют функцию последних. Если в действительности они составляли единичный случай, то в произведении выражают массу себе подобных (при неизменности текста) как наиболее характерные или яркие. Выступают они уже не как части общего, а как новообразования, имеющие аналогии в действительности, иными словами, они становятся моделью того или иного изображаемого события.

В художественных произведениях документ – компонент образной системы. Его функциональные проявления многообразны и достаточно сложны, но вместе с тем можно наметить ряд типологических функций:

- документ эпохи панорамирует воссоздаваемое время;
- документ и документальный факт выявляют историзм художественного мышления;
- документальный факт и документ – система движения сюжета, разрешения основного конфликта произведения;
- документ – один из образных элементов раскрытия характера и психологии персонажа.

Документ подтверждает изображаемое писателем, выявляет противоречия воссоздаваемого явления, причем его смысловое значение часто прямо противоположно тому, которое он имел в действительности.

Документ всегда является стилеобразующим фактором, влияя на контекст, в котором находится.

Документ становится неотъемлемым признаком, за которым стоит документированность – качество, объединяющее многие произведения.

Своеобразный монтаж документов в художественном повествовании в одном случае несет в себе новую информацию, в другом, – выделяясь графически, создает «зрительный ряд, тем самым иллюстрируя происходящее в произведении. Прямое или косвенное противопоставление различных документов часто используется для создания контраста (идейно-политического, стилевого и т. п.). Документ выявляет различное восприятие персонажами событий, в которых они принимают участие.

Нередко в произведении документ рождается как бы на глазах читателя, что создает эффект присутствия, позволяя глубже проникнуть в суть документального источника, так как в повествовании предстает не только сам документ, но и среда и условия, породившие его.

Принципиально важны в художественной прозе также различные документальные сноски и авторские примечания, составляющие неразрывное единство с общим текстом произведения. Они являются одной из форм реализации художественного сознания, отношения автора к изображаемому.

Когда исследуются функции документа в художественном произведении, чаще всего обращается внимание на документ как на средство отражения подлинных событий. Это закономерно, так как основное его назначение – непосредственный показ реально происшедшего. Но документ прежде всего подчинен типическому изображению, потому что является одним из средств образного познания действительности.

В одних произведениях документ как бы фокусирует какие-либо события, в других он необходим для психологической мотивировки поступков персонажей и раскрытия их психологических состояний.

Способы работы писателя с документальными источниками прямо зависят от восприятия им действительности, а это со всей очевидностью доказывает, что документализм не просто художественный прием, но один из принципов типизации, выражающий методологические особенности новой литературы.

От меры типизирующих способностей документа, выявляемых контекстом, зависит художественная ценность произведения.

Вступая в различные системные связи, документ не во всех случаях передает свой действительный смысл. Его семантическая многозначность зависит от творческой установки автора, от принципов работы с документом. Здесь проявляется стилеобразующая функция документа.

Документ как один из элементов художественной структуры в произведениях первой половины 1920-х гг. существует:

- 1) в своем реальном значении;
- 2) как своего рода метафора, когда
 - а) один документ опровергает действительный смысл другого документа, при этом сохраняя свою семантику;
 - б) несколько документов, взаимодействуя, опровергают свой подлинный смысл;
 - в) документ приобретает прямо противоположное значение.

Если в действительности документ обладает однозначностью выражения, то в произведении он полисемичен и полифоничен, так как в зависимости от структурных связей приобретает различные смысловые значения, отражающие мировоззрение художника, и представляет явления во всем их многообразии.

Сам по себе документ не может выражать объективности авторских позиций, его потенциал подлинности выявляется в общем контексте произведения.

Полифункциональная значимость, широкое представительство документа в художественной прозе первой половины 20-х гг. говорят о его большой типизирующей возможности.

В произведениях этого периода наблюдается многообразие приемов и форм использования документов, позволяющее говорить как о внетекстовых, так и о внутритекстовых связях документа.

Во внетекстовых связях при помощи документа устанавливаются реалии, во внутритекстовых связях устанавливается типизирующая функция документа. В этом случае он является элементом образной системы.

Эти качества документа определяют художественные возможности документализма как принципа создания художественного образа.

Константность формы и семантическая подвижность документа всегда подчинены раскрытию характеров, конфликтов, психологии персонажей или художественному (а нередко художественно-публицистическому) анализу событий.

УДК 002.513.5

Г. Н. Ланской,
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва

ЭЛЕКТРОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТАМИ: СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена содержанию и перспективам применения технологий электронного управления документами на стадиях их оперативного использования в административных и других социально значимых сферах,

передачи в архив и организации работы с ними как объектами долговременного или постоянного хранения. Основное внимание уделено методологическим подходам и технологическим условиям, которые могут обеспечить процесс существования документов в электронной информационной среде без перевода в бумажную форму в условиях отсутствия законодательно предусмотренной необходимости. В первой части статьи определена сущность электронного управления документами и представлена его связь с другими реализуемыми информационными процессами. Далее на основе методов моделирования и организационного проектирования представлены сферы эффективного и практически доступного применения технологий электронного управления документами. Среди них определены создание унифицированных систем документации, систематизация учетной части поисковых данных о входящих в их состав документах, организация хранения этих информационных ресурсов в облачной среде и осуществление к ним различных уровней авторизованного доступа. В связи с этим представлены возможности применения технологии искусственного интеллекта в управлении документами.

Ключевые слова: электронное управление документами, документальные ресурсы, облачная архивная среда, информационные технологии, доступ, хранение.

Проблема внедрения технологии электронного управления документами в деятельность как можно большего числа организаций и учреждений имеет очевидную актуальность не только в практическом, но и в научно-исследовательском отношении. Совершенно очевидным является то, что без создания алгоритмической модели движения документопотоков в виртуальной среде, без их дублирования или гибридного сохранения в традиционной – бумажной – среде реальный переход к намеченным в Российской Федерации для реализации проектам создания информационного общества [О системе управления..., 2019] и цифровой трансформации [О стратегии развития..., 2017] можно считать неосуществимым. Кроме того, сам механизм электронного правительства включает в себя не только вертикальный управленческий уровень коммуникации между органами государственной власти и гражданами, но и не менее значимый горизонтальный уровень. Именно на нем образуется и функционирует информационное общество, под которым подразумевается совокупность всех реализуемых с использованием компьютерных информационных технологий форм и способов взаимодействия и объединения людей.

Помимо подробно изученных в теоретической литературе середины 2010-х гг. [Бобылева, 2016] корпоративных систем электронного документооборота, реализуемых как на межведомственном, так и на внутриорганизационном уровне, процесс информатизации, частью

которого является цифровая трансформация, должен быть в значительной мере ориентирован на развитие сферы услуг. Собственно, именно в этом заключается связь компьютерных информационных систем с сущностью самой модели постиндустриального общества, предполагающая использование созданного на предыдущей стадии социально-исторического развития промышленного, и в том числе технологического, потенциала для повышения уровня знаний, образования и в целом качества жизни людей. Процесс электронного управления документами, предусматривающий в достижимой перспективе моделирование и частичное, реализуемое изначально на уровне автоматизированных технических операций применение технологии искусственного интеллекта, представляет собой надстройку к сфере создания и распространения объектов документированной информации, развивающейся на основе компьютерных технологических ресурсов.

Необходимо подчеркнуть, что научно-исследовательское наследие и отраслевая нормативная база в области документоведения и особенно архивоведения пока еще далеки от возможности их эффективного применения в экспертных и проектно-организационных целях создания новых информационных систем в облачной, доверенной среде. Изучение опыта научно-технической революции в СССР и ее интеллектуальных теоретических оснований позволяет сделать вывод о том, что во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. творческая мысль взаимодействовавших между собой математиков [Глушков, 1982], документоведов [Вопросы кибернетики, 1979], архивистов [Гельман-Виноградов, 1984] была ближе по содержанию к развитию процессов информатизации, чем, например, в период 2000 – первой половины 2010-х гг. Данная ситуация объяснялась тем, что научно-методические исследования в области документоведения и архивоведения находили апробацию в практических работах по созданию автоматизированных систем управления документацией в конкретных типах организаций [Мингалева, 1979]; проектах обработки статистических данных с помощью средств программного обеспечения ЭВМ [Ковальченко, 1984]. Тем самым происходил процесс содержательного взаимообогащения фундаментальных и прикладных разработок, не являющийся в целом характерным для современного периода в развитии историографии документоведения. Начавшись на рубеже 1990–2000-х гг. публикацией масштабных в концептуальном и методологическом плане работ М. В. Ларина [Ларин, 2002], он характеризуется стремлением сформировать теоретические концепции, которые имеют частично обновленный понятийный аппарат и в то же время базируется, главным образом, на интерпретации уже сформировавшихся

научно-методических знаний, как, например, синергетическая теория документа [Двоеносова, 2019].

Теоретическая и практическая значимость определения сущности и перспектив применения технологии электронного управления документами в России заключается в том, что, по существу, на территории ряда стран Европейского Союза и в Северной Америке она уже достаточно активно используется. В качестве ее опоры наряду с достижением постиндустриальной стадии научно-технического прогресса выступают три основания, имеющие комплексную – интеллектуальную и технологическую – специфику.

Первым из них является внедрение непрерывного цикла управления документами от этапа их создания и практического использования в различных (в том числе правительственных) учреждениях и организаций до перемещения в архивную информационную среду. Она имеет в свою очередь двухкомпонентную структуру, элементами которой являются депозитарий для временного, ориентированного на решение организационно-правовых задач хранения объектов документированной информации и затем по истечении сроков непубличной, конфиденциальной консервации этих ресурсов архив, куда социально значимые документы поступят на постоянное хранение.

Вторым основанием установления и внедрения рассматриваемой технологии является легитимация на юридическом и практическом уровне понятия архивных информационных данных как особого правового института. Существующее препятствие данному процессу имеет в значительной мере психологический характер, поскольку данное понятие уже используется, в том числе на правотворческом уровне. В частности, общеизвестным, законодательно утвержденным объектом являются персональные данные, представляющие собой локальную, относящуюся к конкретному лицу систему документации, охватывающую различные аспекты его жизни, функций и статуса (например, медицинские, наследственно-имущественные данные). Кроме того, в практике деятельности многих архивных и музейных учреждений существует приоритетное внимание к обеспечению сохранности документов именно в качестве материальных, имеющих физическую форму объектов, что обосновывается утверждениями о надежности такого вида их хранения, подтвержденной многими поколениями специалистов. Именно по этой причине многие проекты, направленные на популяризацию известных только ограниченному кругу сотрудников рукописных и по техническим причинам угасающих машинописных текстов, оказываются представленными только в ограниченном масштабе временных виртуальных выставок, которые, естественно, не могут создать целостного знания о составе кон-

кретных документальных фондов и коллекций. Наконец, в рамках отечественного архивного законодательства главенствующим по своей значимости является определение архивного документа как материального носителя с зафиксированной на нем информацией в отличие, например, от созданного еще в конце 1970-х гг. французского законодательства с его восприятием архивов в их самостоятельном качестве и далее как части национального культурного наследия как собрания документов, созданных физическими и (или) юридическими лицами.

Третьим основанием для утверждения и внедрения технологии электронного документа является выдвижение в качестве приоритетного объекта развития облачной электронной «доверенной» среды создания, распространения и использования тех документов, которые должны по своему юридическому статусу и функционально-целевой принадлежности стать по истечении законодательно установленного срока объектом публичного доступа. Следует подчеркнуть, что еще на рубеже 1990–2000-х гг. в связи, с одной стороны, с административной необходимостью моделирования электронных систем управления документацией в конкретных пространственных масштабах, и с другой, с комплексными архивоведческими и документоведческими изысканиями (например, в рамках изначально имевшего масштабы североамериканского региона проекта InterTrust) стало проектироваться внедрение виртуальной системы движения документов и доступа к ним. К концу 2010 – началу 2020-х гг. целенаправленная и совместная деятельность практиков и теоретиков в данной области привела к созданию таких ставших реальностью проектных моделей как «открытые архивные информационные системы» (OAIS), «облачные записи» (RIC), функционирование которых обеспечивается системой международных стандартов поколения, последовавшего за созданием норм ISAD(G) и EAD.

Оказавшись реальностью ко второй половине 2010-х – началу 2020-х гг., электронное управление документами на различных этапах их жизненного цикла создало основание для постановки вопроса о возможной роли искусственного интеллекта в обеспечении компьютерно-технологической работы с доступными для нее источниками документированной информации. Хотя на гипотетическом уровне интеграция данного технологического инструмента в практику работы архивистов и документоведов выглядит привлекательной, следует подчеркнуть наличие у нее двух вполне очевидных ограничений. Первое из них заключается в наличии достаточно сложной нормативной базы, которая исключает возможность механистического подхода к определению статуса созданных архивных документов прежде всего как объектов использования. Так, в области работы по обеспечению

коммуникации исследователей с архивами личного происхождения, а также по комплектованию этой совокупности информационных ресурсов большое значение имеют коллизийные аспекты формирования в договорной сфере и применения норм, которые обеспечили бы необходимый баланс интересов субъектов возникающих правоотношений – получателей и сдатчиков документов. Второе ограничение применения технологии искусственного интеллекта, непосредственно сочетающегося с процессом электронного управления документами и являющегося одним из его основных, наиболее очевидных инструментальных средств, заключается в наличии целого ряда видов работы архивистов и документов, выполнение которых требует естественного гуманитарного вмешательства. К их числу, в первую очередь, относятся проведение экспертизы ценности документов, осуществляемое с хотя и взаимосвязанными, но при этом несколько различающимися целями в делопроизводстве и архивном деле, и осуществление различных видов научно-информационной деятельности. В частности, вполне очевидным выглядит тот факт, что качественное описание содержания объектов документированной информации, отражающая их содержательный потенциал публикаторская работа не могут быть выполнены в искусственно-технологическом дискурсе.

Однако в целом внедрение технологии искусственного интеллекта несомненно является, наряду с реализацией инфраструктурных проектов развития электронного правительства и созданием на основе средств публичной или, напротив, конфиденциальной авторизации облачных информационных систем, перспективным направлением развития электронного управления документами. Без ее распространения и объективного восприятия специалистами нельзя считать возможной широкомасштабную реализацию проектов цифровой трансформации в области обеспечения сохранности объектов документального наследия, адаптации технологий учета создаваемых в электронном виде информационных ресурсов к новым реалиям и масштабам документирования различных видов социально значимой деятельности. Участие в экспертно-методическом сопровождении данных процессов представителей научного сообщества документоведов и архивистов позволит им сформировать пока еще недостаточные, на наш взгляд, коммуникативные связи со специалистами, относящимися к социальной категории инженерно-технических кадров.

Бобылева М. П. Управленческий документооборот: от бумажного к электронному. М.: Термика, 2016.

Вопросы кибернетики. Вып. 27. Современные документные системы / под ред. В. Н. Автократова, А. Н. Соковой. М.: Советское радио, 1979.

Гельман-Виноградов К. Б. Машиночитаемые документы периода развитого социалистического общества : дис. ... докт. ист. наук. М., 1984.

Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. М.: Наука, 1982.

Двоеносова Г. А. Теория документа в парадигме междисциплинарного знания. М.: РГГУ, 2019.

Ковальченко И. Д. Применение количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях // *Вопр. истории.* 1984. № 9. С. 61–73.

Ларин М. В. Управление документацией в организациях. М.: Науч. книга, 2002.

Мингалев В. С. Организационное проектирование систем управления и делопроизводства государственных учреждений. М.: МГИАИ, 1979.

О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : пост. Правительства РФ от 2.03.2019 г. № 234 // *СЗ РФ.* 2019. № 11. Ст. 1119; № 48. Ст. 6843.

О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации : указ Президента РФ от 9.05.2017 // *СЗ РФ.* 2017. № 20. Ст. 2901.

УДК 930.25+351.852.1

Е. В. Латышева
Крымский федеральный университет,
г. Симферополь

АРХИВНЫЕ И БИБЛИОТЕЧНЫЕ ФОНДЫ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ

Архивные и библиотечные фонды, как документальные системы, имеют много общих свойств, которые вызваны общими закономерностями их формирования, функционирования и хранения. Они являются основными центрами создания, хранения и распространения информации – носителями документальной памяти. Объективные различия между библиотеками и архивами – разница в способах организации фондов, принципах их учета и каталогизации; несоответствие программных платформ, форматов представления данных; применение различных классификационных таблиц – тормозят развитие их взаимодействия во многих странах, в том числе в России. В связи с этим освещение вопроса организации и сохранения библиотечных и архивных фондов в настоящее время крайне актуально, а определение сходств и отличий архивной и библиотечной деятельности представляется крайне важным.

Ключевые слова: архивные и библиотечные фонды, документальная память, организация, хранение, носители, документы, единицы хранения, культурное наследие.

Современное общество в значительной мере зависит от духовного и культурного развития государства, его социально-экономическо-

го роста, что требует создания полноценной информационной базы, способной удовлетворить потребности единого информационно-культурного пространства. В наше время происходят существенные изменения не столько в формировании и сохранении архивных и библиотечных фондов, сколько в выработке новых принципов доступности фондов широким слоям населения. Меняется отношение к критериям качества представления информации как источника документальной памяти, поэтому исследование посвящено анализу деятельности данных фондов в Российской системе документальной памяти.

Оценка состояния культуры через развитие архивов и библиотек определяет уровень развития общества. И если именно библиотеки играют основную роль в системе документальных коммуникаций, выполняя функции информационных, библиографических и документальных институтов, то сохранение и использование архивных фондов является базисной основой документальной памяти любого общества, государства. Данная проблема, без сомнения, многоплановая и требует заинтересованного анализа.

Недооценка обществом роли архивов и библиотек или недостаточное их финансирование может негативно влиять на интеллектуальный потенциал и развитие государства.

И если в библиотечных фондах большую часть материалов можно перевести на иные носители, то в архивном деле документ должен храниться в оригинальном виде. Для решения вопроса сохранения архивных и библиотечных фондов необходим также и определенный уровень развития химической, целлюлозной промышленности, печатного дела и, конечно, финансирование. Несомненно, библиотечное и архивное дело – виды деятельности, которые нельзя назвать прибыльными, они находятся в ведении бюджетных организаций.

И в сложные для нашего государства периоды библиотечные и архивные фонды выживали по большей части за счет энтузиазма библиотечных и архивных работников, их подвижнического труда, без преувеличения – они занимались спасением документальной памяти. Современная ситуация нацелена на создание государством комфортных условий существования и содержания фондов документальных систем, являющихся базисом российской идентичности.

Еще в 1926 г. классик отечественного архивоведения И. Л. Маяковский в работе, посвященной архивам, библиотекам и музеям, писал о выполнении миссии по сохранению документальных памятников для будущих поколений [Маяковский, 1926, с. 45–58].

Неудивительно, что вопросам взаимодействия архивов, музеев, библиотек был посвящен ряд мероприятий, в том числе всероссийская научно-практическая конференция «Архив в социуме – социум

в архиве». Именно на данной научной площадке Т. И. Хорхордина отмечала, что формирование исторического сознания и российской социокультурной идентичности напрямую зависит от наполнения и использования архивной информации, выделяя неразрывность сущности понятия «история и архивы» и единого архивно-информационного пространства. Автор приходит к выводу, что существование Государственного архивного фонда предоставляет все возможности для формирования национальной идеи, которая может сплотить все культурные слои общества [Хорхордина, 2021, с. 15, 16, 18]. Музеям, библиотекам и архивам в реалиях современного мира также были посвящены X Международные музейные чтения «Современные проблемы музеологии» и др.

Вопрос информационного пространства (среды), затронула в своей работе Л. Н. Мазур. Ей удалось выделить триаду информационных институтов (архивы – библиотеки – музеи), где архив служит поставщиком информации для исторических исследований в условиях цифровой революции, участвует в формировании исторического сознания и национальной идентичности, то есть выполняет функции института памяти [Мазур, 2021, с. 100].

Различным аспектам сотрудничества библиотек, архивов и музеев, в том числе и сохранению фондов, посвящены статьи отечественных и зарубежных исследователей, в частности Т. В. Майстрович, А. В. Чугунова [Майстрович, Чугунов, 2004], Н. С. Самарчука [Самарчук, 2018], Е. А. Воронцовой [Воронцова, 2016], А. Б. Антопольского [Антопольский, 2012], С. В. Гриценко [Гриценко, 2021], И. А. Ивашовой и М. Б. Мукашевой [Ивашова, Мукашева, 2021], Е. В. Латышевой [Латышева, 2021], а С. А. Добрусина и Н. И. Подгорная детально проработали вопросы оценки состояния фондов библиотек.

Важным звеном в системе архивных учреждений Российской Федерации являются государственные архивы ее субъектов, а также самые богатые хранилища различных по виду, характеру и содержанию документов по истории России – Федеральные государственные архивы, среди которых имеются учреждения, хранящие специфические архивные материалы – кинофотофонодокументы, научно-техническую документацию, личные фонды выдающихся деятелей культуры и искусства России. Они сосредоточены в соответствующих по профилю архивах, например, в Российском государственном архиве кинофотофонодокументов (РГАКФД) и др. Наиболее многочисленными в системе архивных учреждений являются муниципальные архивы с общим объемом более 557,5 млн единиц хранения на различных носителях, или более 8,5 тыс. км архивных полок (по данным сайта Федерального архивного агентства [ФАА].

Данная совокупность документов имеет политическое, экономическое, социальное, культурное, научное и историческое значение, являясь национальным достоянием общества и государства, составной частью культурного наследия и документальной памятью нашего народа [Латышева, 2017, с. 105–111].

В перспективе возможно обсуждение нормативно-правовых изменений в архивной сфере, направленных на то, чтобы дать пространство новым экономическим и организационным отношениям в архивном деле, признав его документальной памятью российского народа и его национальным достоянием, частью историко-культурного наследия государства и информационным ресурсом общества».

Задачи, стоящие сегодня перед работниками библиотек и архивов, во многом схожи и взаимосвязаны. Прежде всего, это обеспечение сохранности документов и материалов [ГОСТ Р 33.505–2003] – создание надлежащих условий хранения документов, пожарная безопасность, реставрация документальных источников, их учет, а также активное использование. При решении ряда вопросов специалистам архивов и библиотек помогают специализированные издания, в том числе журналы «Отечественные архивы», «Библиография и книговедение», «Вестник ВНИИДАД», «Библиополе», «Вестник архивиста», «Библиосфера», «Исторический архив», «Библиотечные фонды», информационный бюллетень Росархива и др.

Остановимся на определении сходства отраслей архивной и библиотечной деятельности (табл. 1).

Таблица 1.

Архивы и библиотеки: общие черты

Отрасль	Функции	Предмет сохранения	Технологии
Архивы	Сбор, сохранение, организация использования	Документ	Отбор, комплектование, учет, обеспечение условий хранения, создание поисковых систем, организация пользования
Библиотеки	Сбор, сохранение, организация использования	Документ	Отбор, комплектование, учет, обеспечение условий хранения, создание поисковых систем, организация пользования

Библиотеки, несомненно, являются центрами создания, хранения и распространения информации – носителями документальной памяти. Согласно российскому законодательству, библиотечные фонды

и информационные продукты библиотек включены в состав государственных общедоступных информационных ресурсов.

Особенность библиотек как хранителей информационных ресурсов состоит в том, что они являются основным держателем опубликованной и тиражированной информации, представленной в виде различных отечественных и зарубежных изданий, и обеспечивают фундаментальность хранимой информации. Благодаря им опубликованная информация становится доступной. Пользователи архивов также имеют свободный доступ к научно-справочному аппарату, архивным документам и библиотечным собраниям архивов. Сегодня государством и архивами активно ведется рассекречивание документов. Сведения о рассекреченных документах ежегодно публикуются, что является составной частью общего с архивами пространства и входят в систему документальной памяти.

Библиотечный фонд является сложной системой, имеющей подсистемы и элементы, обладающей специфическими признаками, свойствами и функциями. В системе документных фондов страны библиотечные фонды занимают значимое место, являясь общедоступным стратегическим ресурсом [Ивашова, 2021, с. 72], имея при этом ряд отличий (особенностей) (табл. 2).

Таблица 2.

Архивы и библиотеки: основные отличия

Отрасль	Характер информации	Особенности	Задачи отрасли	Пользователи
Архивы	Ретроспективная	Не тиражируемые, не предназначенные для широкого пользования	Организация хранения и использования первичных документов	Исследователи из всех областей науки, экономики, культуры
Библиотеки	Разная	Опубликованные, тиражируемые	Общедоступность, организация хранения и использования книг	Специалисты (ученые) всех отраслей науки, экономики, культуры, массовый читатель

В современном обществе социальная роль библиотек изменилась. К задачам просвещения, сохранения и приумножения культурного наследия добавились функции информационных центров, что напрямую связано с глобальной информатизацией общественного пространства.

Система библиотек России включает в себя множество их типов и видов. Наиболее крупной является сеть публичных библиотек, которая включает в себя общероссийские и национальные библиотеки, а также центральные библиотеки всех субъектов Российской Федерации [Латышева, 2018, с. 110–117] – универсальные научные, детские, юношеские, специальные библиотеки для слепых. Особую нишу в этой группе библиотек занимают муниципальные публичные библиотеки.

Например, Российская государственная библиотека (РГБ) является одной из крупнейших в мире национальных библиотек, история которой начиналась в середине XIX в. В ее стенах находится уникальное собрание отечественных и зарубежных документов на 367 языках мира. Объем всех фондов, по состоянию на 1 января 2022 г., превышает 48,1 млн ед. хр., из них около трех миллионов особо ценных изданий и других документов.

Фонды разделены по категориям изданий и доступны в соответствующих читальных залах. Около 1,7 млн документов оцифровано и входит в состав Электронной библиотеки РГБ. Доступны также сотни тысяч сетевых удаленных ресурсов, приобретаемых библиотекой для читателей. Библиотека располагает следующими ресурсами: электронная библиотека РГБ; центральный основной фонд; центральный справочно-библиографический фонд; центральный подсобный фонд; фонд редких и ценных изданий; фонд изоизданий; фонд официальных и нормативных изданий; фонд литературы русского зарубежья; фонд военной литературы; фонд сетевых удаленных ресурсов; фонд изданий на оптических компакт-дисках; фонд микроформ; фонд литературы «для служебного пользования»; фонд рукописей; фонд картографических изданий; фонд нотных изданий и звукозаписей; фонд литературы по библиотековедению, библиографоведению и книговедению; фонд литературы на восточных языках; фонд газет; фонд диссертаций; фонд отдела РГБ в еврейском музее и центре толерантности; обменный фонд [РГБ].

Здесь представлена общественно-политическая, историческая, архивоведческая, справочная, а также ведомственная литература министерств и ведомств бывшего Союза ССР и царской России, статистические издания. Есть собрание законодательных актов бывшего Союза ССР, начиная с 1917 г., собрание законов Российской империи (XVIII в. – 1917 г.), уникальные издания выдающихся деятелей и российских историков. Богатые журнальные фонды, состоящие из общеполитических, исторических, архивных и научных изданий, а газетные фонды библиотек освещают исторические события из жизни нашего государства. Отметим справочную литературу, представлен-

ную энциклопедическими словарями, Русским биографическим словарем, памятными книгами и списками населенных мест губерний, адресными книгами и календарями, справочниками «Вся Россия», «Вся Москва» и др.

Ценным источником по архивоведению и документоведению являются законодательные материалы по вопросам развития и строительства архивного дела в России, методическая литература, разработанная архивными учреждениями нашего государства, а также периодические издания.

Библиотечные фонды, дополняющие архивные материалы, являются ценной информационной базой для научных исследований в области истории страны, архивоведения, документоведения и вспомогательных исторических дисциплин. Они размещены в специально оборудованных хранилищах, где поддерживается необходимый температурный режим. Научно-справочный аппарат составляют алфавитный, систематический каталоги и специальные картотеки.

Сотрудники библиотек анализируют текущую информацию, ведут библиотечно-библиографическое, справочно-информационное обслуживание на базе библиотечных фондов и материалов, готовят библиографические указатели, перечни информационных материалов, выполняют библиографические справки, организуют тематические выставки и выставки литературы, проводят конференции, посвященные юбилеям и знаменательным датам, предоставляют информационные услуги телевидению, принимают заказы на изготовление ксерокопий, фотокопий и микрофильмов.

Рассекречивание фондов, передача их на общее хранение имели следствием большой поток исследователей в читальные залы архивных учреждений. Этот процесс вызывает опасения относительно сохранности материалов; библиотеки, в свою очередь, не успевают реставрировать и ремонтировать издания. Поэтому одной из актуальных проблем является сохранение уникальных фондов как архивов, так и библиотек. Вводятся такие меры, как контрольно-пропускной режим, совершенствование общей системы охраны фондов от несанкционированного выноса, похищения и умышленного повреждения; режим обеспечения сохранности данных путем их учета.

Регламентированы и режимы хранения документов, процесс их обработки, поиска, розыска в фондохранилище, использования: световой, термогигрометрический, санитарно-гигиенический; системы кондиционирования, вентиляции, отопления, система противопожарной безопасности, система контроля за состоянием помещений и своевременного принятия реставрационных мер. Данные действия, направленные на сохранение оригинала документа, данных о нем,

информации, которую он содержит, включают системы реставрации и консервации фондов и создание страхового фонда. А в случае возникновения катастрофической ситуации вступает в силу эвакуационный режим.

Однако объективные различия между библиотеками и архивами тормозят развитие их взаимодействия во многих странах, в том числе в России. Главными препятствиями являются различия в способах организации фондов, принципах учета и каталогизации; несоответствие программных платформ, форматов представления данных; применение различных классификационных таблиц; недостаточное материально-техническое обеспечение [Латышева, 2021, с. 68].

Итак, несмотря на сходства и различия отраслей архивной и библиотечной деятельности, основными направлениями их работы являются обеспечение формирования фондов, их функционирование и сохранение. Несомненно, и архивы, и библиотеки являются основными центрами создания, хранения и распространения информации – носителями документальной памяти.

Антопольский А. Б. Среда интеграции данных научных библиотек, архивов и музеев «LibMeta» // Информационные ресурсы России. 2012. № 5. С. 8–12.

Воронцова Е. А. Информационное обеспечение исторической науки и музеев – библиотеки – архивы как хранилища информации: теория, методология, практика // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. О. Чубарьян, В. Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 87–93.

ГОСТ Р 33.505–2003: Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием // Электрон. фонд правовых и норм.-тех. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200032423> (дата обращения: 15.08.2022).

Грищенко С. В. Интеграция музейных, архивных и библиотечных фондов для создания новых ресурсов туризма // Музеи, библиотеки и архивы в реалиях современного мира : сб. материалов X Междунар. музейн. чтений «Современные проблемы музеологии», 20 мая 2021 г., ОГИК. Вып. 9 / гл. ред. Е. Ю. Степанова. Орел: Орл. гос. ин-т культуры, 2021. С. 53–62.

Ивашиова И. А., Мукашева М. Б. Документные ресурсы библиотек, музеев и архивов в структуре подготовки специалистов информационно-документной сферы // Музеи, библиотеки и архивы в реалиях современного мира : сб. материалов X Междунар. музейн. чтений «Современные проблемы музеологии», 20 мая 2021 г., ОГИК. Вып. 9 / гл. ред. Е. Ю. Степанова. Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. С. 71–76.

Латышева Е. В. Формы взаимодействия архивов, музеев, библиотек в современном информационном пространстве // Архив в социуме – социум в архиве : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск: <Б. и.> 2021. С. 66–70.

Латышева Е. В. К вопросу о культурной ценности архивного документа // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. Т. В. Кузнецовой. М.: ООО «ТЕРМИ-КА.РУ», 2017. С. 105–111.

Латышева Е. В., Назарчук Т. Б., Кадырова Л. З. Республиканская крымско-татарская библиотека им. И. Гаспринского как поликультурный центр крымского региона: история возникновения и перспективы развития // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11 (55). С. 110–117.

Мазур Л. Н. Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск: <Б. и.>, 2021.

Майстрович Т. В., Чугунов А. В. Электронное документное пространство: взаимодействие библиотек, университетов, архивов и музеев // EVA – 2004: Информация для всех: культура и технологии информационного общества : материалы конф. М.: Центр ПИК, 2004.

Маяковский И. Л. Архив, библиотека, музей // Архивное дело. 1926. Вып. 5/6. С. 45–58.

Российская государственная библиотека (РГБ) : офиц. сайт. URL: <https://www.rsl.ru/ru/about/funds/> (дата обращения: 15.08.2022).

Федеральное архивное агентство (ФАА): офиц. сайт. URL: <https://archives.gov.ru/af.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).

Самарчук Н. С. Архивы, библиотеки, музеи: формирование единого социокультурного пространства // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. в рамках VII Всерос. конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко. Самара: СГИК, 2018. С. 368–373.

Хорхордина Т. И. Архив в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Архив в социуме – социум в архиве: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск: <Б. и.>, 2021. С. 15–18.

УДК 930.2:004

Ю. Ю. Юмашева,
ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»
г. Москва

МАШИНОЧИТАЕМЫЕ/ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Статья посвящена проблемам источниковедческой критики машиночитаемых/электронных документов (МЧД/ЭД) и необходимости разработки новых методов источниковедческого анализа и синтеза, адаптированных к специфике этих исторических источников. Автор приходит к выводу, что одним из основополагающих требований к изучению этих

источников является применение междисциплинарного подхода, в котором должны сочетаться компетенции в области компьютерной техники и информационных технологий, знание нормативной базы, регламентирующей создание, передачу на хранение, обеспечение сохранности и возможностей использования МЧД/ЭД, синхронизированные со временем создания изучаемых МЧД/ЭД, с методами и методиками источниковедческой критики, реализуемыми как в традиционной форме, так и переведенными в цифровой формат и адаптированными к условиям электронной среды. Кроме того, в процессе анализа должны быть использованы результаты документоведческих и архивоведческих изысканий, которые позволят установить авторство и датировку источников, их происхождение, а также историю их бытования в архиве. В статье ставятся вопросы об использовании (или трансформации) методов вспомогательных исторических дисциплин для анализа элементов МЧД/ЭД.

Ключевые слова: источниковедение, научная критика исторического источника, электронный документ, машиночитаемый документ, вспомогательные исторические дисциплины.

Проблема, сформулированная в названии, сегодня приобретает особую актуальность в связи с ширящимися процессами цифровой трансформации, началом передачи современных электронных документов на архивное хранение [Положение..., 2022] и переходом архивов России на тотальную оцифровку архивной документации и предоставлении пользователям доступа к электронным копиям [Порядок использования..., 2021, п. 3.6].

Перспективы работы исследователей с электронными историческими источниками (далее – ИИ, так называемыми *born-digital* машиноориентированными/машиночитаемыми/электронными документами, без предварительного документирования на аналоговом (в том числе бумажном) носителе) – т. е. подлинниками), или источниками, представленными (переведенными) в цифровой вид (электронными копиями документов, имеющих «аналоговый» подлинник), ставят во главу угла необходимость срочной разработки новых методов источниковедческой критики, или адаптации традиционных методик к сложившимся реалиям.

В этой связи приходится лишь сожалеть об упущенном времени, поскольку эти вопросы впервые обозначились 75 лет назад, когда первые в мире МЧД поступили на архивное хранение в государственные архивы (NARA, США). В СССР эта тема стала актуальной в середине 1970-х гг., когда ведомственные архивы и архивы организаций стали принимать на хранение «машиночитаемые/машиноориентированные документы». В состав Архивного фонда СССР документы, созданные средствами вычислительной техники, как особая категория были

включены в 1980 г. [Об утверждении Положения, 1980, п. 9], что предполагало их передачу на вечное хранение.

Казалось бы, с этого момента МЧД/ЭД должны были бы стать объектами пристального внимания историков и источниковедов, перед которыми открывалось совершенно новое поле деятельности – разработка методов и методик исследования «нетрадиционных» ИИ, обладающих специфическими характеристиками, требующими изучения и осмысления. Фактически, в начале 1980-х обозначился новый этап в развитии источниковедения, о котором несколько позже писал В.И. Бовыкин, подчеркивавший, что задачи изучения ИИ выходят за рамки классического источниковедения, и предлагавший термин «информационное источниковедение» [Бовыкин, 1998].

Однако первая работа, развернуто рассматривавшая вопросы источниковедческого анализа МЧД/ЭД как ИИ, появилась только в начале 2000-х гг. [Тихонов, Юшин, 1998]. В ней авторы, с одной стороны, отмечали только одно отличие МЧД/ЭД от традиционных ИИ («действительное отличие электронных и аналоговых документов носит принципиальный характер только с одной точки зрения – способе фиксации и воспроизведения информации»), а, с другой – справедливо отмечали, что в двух классических составляющих научной критики ИИ в связи с необходимостью изучения МЧД/ЭД наметились два направления, «различающиеся по глубине источниковедческого исследования»:

– первое, относящееся к внутренней критике источника, – исследование прикладного программного обеспечения, носителей, универсальных средств (ОС), шрифтов и т.п. «электронно-писчих» материалов [Тихонов, 2001];

– второе, более соответствующее понятию внешней критики, – анализ информационных систем, хранилищ, оценка систем с точки зрения полноты, аутентичности и целостности хранимых в них документов.

С течением времени и видоизменением МЧД/ЭД содержательное наполнение этих двух направлений изменилось, но неизменным остается то, что источниковедение МЧД/ЭД требует наличия новых компетенций у специалистов, которые теперь должны сочетать знание разных уровней развития компьютерной техники и информационных технологий, синхронизированное с со временем создания изучаемого типа и вида МЧД/ЭД [Юмашева, 2016, с. 267–323], и владение традиционными методами и методиками научной критики источников.

Более того, источниковедение МЧД/ЭД теперь уже немыслимо без теснейшей интеграции с документоведением и архивоведением,

также эволюционировавшими в связи с новыми типами и видами документации [Киселев, 2020], изучением нормативной базы, регламентирующей создание, передачу на хранение, обеспечение сохранности во времени (аутентичности, целостности и полноты документов), а также возможности использования МЧД/ЭД, что позволяет хотя бы отчасти компенсировать утрату необходимой источниковеду информации, поскольку подходы к реализации перечисленных этапов, зафиксированные в нормативных актах, не учитывают интересы историков-исследователей.

К примеру, если ранее в комплект передачи ЭД на обособленных носителях, согласно нормативным требованиям, включалось ПО, с помощью которого создан документ, то в настоящее время это требование отсутствует. Это обстоятельство, с одной стороны, не дает возможности воспроизводить ЭД в оригинальном ПО, а с другой – приводит к необходимости конвертации ЭД в «нейтральные» форматы, что является в определенном смысле изменением целостности изначального документа – ИИ.

Аналогичная проблема связана и с миграцией МЧД/ЭД на другие носители или платформы в связи с их устареванием. При этом если раньше в нормативной документации требование миграции и конверсии отсутствовало, что создавало проблемы воспроизведения (использования) МЧД/ЭД в связи со сменой аппаратно-программных платформ, то в современных Правилах [Правила..., 2020], это требование имеется, но отсутствует требование сохранения изначально переданного в архив физически обособленного носителя и первичных, «эталонных» файлов в их первоначальных форматах....

Нетрудно догадаться, что «оба [подхода] хуже», но первый дает основание ставить под сомнение подлинность архивного документа – ИИ, поскольку он был подвергнут определенным манипуляциям независимо от степени их регламентированности (конверсия предполагает, как минимум, смену исходного формата файла, т. е. алгоритма записи информации [ГОСТ Р ИСО 13008–2015], в определенном смысле способа ее фиксации, с неизбежной утратой информации), а при миграции – еще и утрату первоначального носителя.

Определенным выходом из сложившейся ситуации могли бы стать описательные метаданные, возникающие на архивном этапе жизненного цикла ЭД (от комплектования и до использования) и документирующие все изменения, происходящие в его «жизни» и затрагивающие миграции и конвертации. Однако требований к формированию и хранению такой служебной информации нет ни в одном из действующих нормативных документов.

Все вновь принятые и зафиксированные нормативными актами требования к хранению ЭД нацелены исключительно на обеспечение «сохранности, аутентичности, целостности и пригодности для использования» *содержания*, а не МЧД/ЭД в целом.

Очевидно, что данный подход не учитывает методы исследований ИИ, принятые в академической науке, и делает невозможным применение методов и методик внешней критики источников (поскольку внешние характеристики ЭД (информация о ПО, с помощью которого создан документ, носитель, формат сжатия, и даже размер) в процессе хранения (при миграциях и конвертациях) либо не сохраняются, либо изменяются), оставляя исследователю только возможность изучения содержания документа.

Но и эта возможность вызывает серьезные сомнения:

– во-первых, в связи с физическими особенностями современного ЭД, который, в отличие от «аналогового» документа, не представляет собой единой, целостной сущности. ЭД – это zip-архив, состоящий из определенного набора файлов, в которые вынесены многие реквизиты [ГОСТ Р 7.0.97–2016], являющиеся неотъемлемой частью источника. Реквизиты (не в полном составе!) «объединяются» в визуализированной pdf-версии, а некоторые (согласования, резолюции, визы, отметки об исполнении и т. п.) так и существуют в отдельных файлах и не воспроизводятся на визуализированной версии, что создает проблемы с их изучением. Еще более серьезная проблема связана с наличием в документах графических элементов (в том числе отметки об электронной подписи) и их сохранностью и обеспечению аутентичности в процессе конвертации и миграции...

– во-вторых, в связи с текущим уровнем развития вспомогательных исторических дисциплин, которые практически не имеют никаких цифровых инструментов ни для анализа традиционных исторических источников, ни для изучения МЧД/ЭД. К примеру, в России отсутствуют базы данных по палеографии вообще, а палеографии XX – начала XXI вв., изучающей машинописные и компьютерные шрифты, не существует вовсе; не развита дипломатика (хотя за рубежом эта вспомогательная историческая дисциплина является одной из ведущих для установления подлинности МЧД/ЭД); нет широко доступных, профессионально организованных, полных баз данных по геральдике и эмблематике...

Подводя итог рассмотрению проблем источниковедческой критики МЧД/ЭД, следует признать, что перспективы изучения этих источников выглядят пока безрадостно. А учитывая то, что количество и разнообразие форм ЭД, которые могут быть приняты на архивное

хранение, а следовательно, со временем станут ИИ, будет постоянно увеличиваться [Ларин, 2015], историки, не найдя или не выработав соответствующего инструментария для анализа этих типов и видов источников, рискуют оказаться в темных веках посреди информационной эпохи.

Бовыкин В. И. Проблемы изучения исторической информации (К вопросу об информационном источниковедении) // Инф. бюлл. Ассоциации «История и компьютер». 1998. № 23. С. 15–18.

ГОСТ Р 7.0.97–2016. СИБИД. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов.

ГОСТ Р ИСО 13008–2015. Информация и документация. Процессы конверсии и миграции электронных документов.

Киселев И. Н. Применение основополагающих принципов классического архивоведения к электронным документам: к зарубежной историографии проблемы // Отеч. архивы. 2020. № 3. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyearhivy/6360/kiselev-primeneniye-osnovopolagayushchih-principov-klassicheskogo-arhivovedeniya-k-elektronnym-dokumentam> (дата обращения: 10.08.2022).

Ларин М. В. Электронные документы: вопросы теории и практики // Вестн. РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 2 (145). С. 53–63.

Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации : в ред. приказа Росархива от 09.06.2021 № 51, зарег. Минюстом России 19.08.2021. Рег. № 64708 // Федеральное архивное агентство : офиц. сайт. URL: <https://archives.gov.ru/documents/other/2017-order-use-documents.shtml> (дата обращения: 10.08.2022).

Положение о государственной информационной системе «Платформа “Центр хранения электронных документов”» : пост. Правительства РФ от 2.03.2022 № 279.

Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР : пост. СМ СССР от 4.04.1980 № 274 // СП СССР. 1980. № 10. Ст. 71; 1985. № 4. Ст. 18.

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях : утв. приказом Росархива от 02.03.2020 № 24 (1) // Федеральное архивное агентство : офиц. сайт. URL: <http://archives.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (дата обращения: 10.08.2022).

Тихонов В. И. Когда наступит время «компьютерной палеографии»? // Информационные технологии и электронные документы в контексте архивного хранения : ст. разных лет. М. : Изд-во Главархива Москвы, 2009. С. 64–85.

Тихонов В. И., Юшин И. Ф. Становление и развитие архивов машиночитаемых данных в 1960–1980-х гг. // Отеч. архивы. 1998. № 6. С. 39–47.

Юмашева Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015). Научные исследования в области применения информационных технологий : моногр. М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

3.1. ИСТОРИЯ БЮРОКРАТИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 342.4(470)

Т. Г. Архипова
Российский государственный
гуманитарный университет, г. Москва

ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020 г.: КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА ИЛИ КОРРЕКТИРОВКА ТЕКСТА?

С целью анализа поправок 2020 г. в Основной закон Российской Федерации в статье в историческом контексте рассмотрена практика их внесения в прошлом. Основное внимание при этом уделено тем из них, которые имеют непосредственное отношение к институтам публичной власти. В каждом конкретном случае, учитывая краткий срок действия поправок, автор пытается дать им оценку и определить степень значимости в современных российских реалиях.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция, поправки, институт президентства, парламент, судебная система, местное самоуправление.

Как известно, Россия в XX в. удивила мир числом принятых Конституций. Авторы советских конституций главными задачами считали закрепление сложившегося положения вещей и демонстрацию преимуществ «рожденного в 1917 г. государственного и общественного строя». При этом в основной закон страны вносились положения организационного характера, что предполагало частое внесение поправок, процедура которого была несложной. Принимались эти акты высшим органом представительной власти, насчитывающим обычно 2–3 тыс. избранных. Принятие, за исключением двух первых конституций, предвлялось всенародным обсуждением, носившим, как правило, формальный характер [Максимова]. Так, например, из десятков тысяч поправок¹ в проект Конституции СССР 1936 г. в окончательный текст вошли единицы [Коржихина, 1994, с. 192].

Конституция Российской Федерации 1993 г. разрабатывалась в чрезвычайных условиях противостояния Президента с представи-

¹ На самом деле их число было значительно большим, поскольку в поступающих в Конституционную комиссию обращениях поправки повторялись.

тельным органом власти, в которое было втянуто значительное число общественности. Президенту удалось, хотя и дорогой ценой², получить поддержку Венецианской комиссии Совета Европы, которая, несмотря на положительную в целом оценку текста проекта Конституции, высказала ряд замечаний. Большая их часть касалась государственного устройства, перечня полномочий главы государства, привнесения в основной закон положений регламентационного характера и др., что в значительной степени можно объяснить данью прошлому и уважением мнения старшего поколения страны. Конституция была принята путем всенародного голосования, объявлена документом прямого действия, по сравнению с советскими конституциями содержала ряд новаций, и постепенно стала мерилom правовых оценок некоторых действий государственных структур и их представителей, существенно усложнила процедуру внесения поправок в нее.

Наверное, нет смысла говорить о количестве поправок, внесенных за два с лишним века в Конституцию США, о подобной процедуре в годы советской власти. Достаточно отметить, что с апреля 1992 по март 1993 г. в 185 статей Конституции РСФСР 1978 г. зачастую «с голоса» и при голосовании «за того парня» было внесено 300 поправок [Известия, 1993, с. 8]. Первый Президент России как-то даже сказал, что этой Конституции он не присягал.

Процедуре поправок в Конституции посвящена целая глава. Здесь перечислены инициаторы поправок, участники их принятия, оговорены допущения и ограничения. С 1994 г. до 2020 г. в основной закон страны было внесено несколько поправок. В соответствии с ними были увеличены сроки полномочий Президента и Государственной Думы, легитимированы ежегодные отчеты Правительства перед нижней палатой парламента, объединены Верховный и Арбитражный суды РФ, за Президентом закреплено право назначать в Совет Федерации постоянных членов. Несколько поправок было связано с объединением некоторых субъектов федерации или изменением их названий. Последняя такого рода поправка была внесена в 2014 г. при вхождении в состав РФ республики Крым и наделении Севастополя статусом города федерального значения.

15 января 2020 г. Президент России в своем послании Федеральному собранию предложил внести поправки в действующую Конституцию, объяснив необходимость этой меры изменением внутренней и внешней обстановки. Главную задачу внесения поправок он видел в необходимости укрепления государства и существующих его институтов, власти как таковой. В части общества возникли оппозиционные

² Был разогнан парламент, пролилась кровь его защитников, значительная часть граждан, поддерживавших Президента, отказала ему в поддержке.

настроения, в некоторых средствах массовой информации заговорили о реформе Конституции и принятии новой. 20 января в Государственную Думу поступил подготовленный рабочей группой проект закона о поправках. Предполагалось, не затрагивая фундаментальных основ Основного закона страны, внести изменения, касающиеся политической системы, деятельности исполнительной, законодательной, судебной власти, устранить пробелы, отдельные неточности и т. п.³

Предложенный проект поправок обсуждался в обеих палатах российского парламента. Анализ предложений депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации свидетельствует об отсутствии принципиальных разногласий – предложения носили скорее редакционный, нежели содержательный характер. Следует подчеркнуть, что при обсуждении некоторых из общего числа поправок пришлось обращаться в Конституционный Суд, что представляется абсолютно правомерным. Поправки были одобрены и на уровне органов власти субъектов федерации, и на уровне власти муниципальной, хотя до окончательного голосования имели место отдельные эксцессы. Таким образом, все процедурные требования были соблюдены.

Между тем, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) обратилась в Венецианскую комиссию с просьбой оценить некоторые из поправок, которые, по ее мнению, противоречат отдельным международным нормам. Более ста человек из числа российских юристов, политологов и правозащитников, среди которых были известные лица, инициировали сбор подписей под обращением в Совет Европы с требованием провести экспертизу поправок в Конституцию, дать оценку форме их приема (пакетом в 206 поправок).

Венецианская комиссия в своем заключении, в целом признав поправки своевременными, согласилась с рядом доводов ПАСЕ и российских заявителей. Претензии Комиссии касались вопросов соотношения международного и российского права, усиления роли федерального центра и Президента, нарушения принципа разделения властей и т. п.

Намеченное на 22 апреля 2020 г. всенародное голосование из-за пандемии перенесли на неопределенный срок, но 1 июня была назначена дата его проведения – 1 июля. При явке почти 70 % избирателей за поправки проголосовало более трех четвертей от их количества, что позволило считать голосование и состоявшимся, и положительным.

4 июля 2020 г. Конституция в новой редакции вступила в законную силу, до конца года была завершена основная работа по приве-

³ Это в известной степени разочаровало сторонников принятия новой Конституции, хотя довольно трудно представить, чем бы они ее заменили.

дению федерального законодательства в соответствии с основным законом страны. Президентом было подписано около двух десятков законов.

Обратимся к тексту Конституции в ее нынешнем варианте. Не ставя целью анализ всех поправок (их общий анализ уже привлек внимание исследователей [см., например: Борисенко, Чернышева, (а), (б)]) ограничимся теми, что имеют отношение к организации властных институтов. Сразу следует отметить, что большинство из внесенных поправок нельзя назвать существенными. Так, например, закреплены нормы, которые раньше присутствовали в конкретных законодательных актах, а часть поправок носит уточняющий, детализирующий, декларативный и подобный характер⁴. Как известно, наиболее острую критику вызывали поправки к главе 4 – «Президент Российской Федерации». Здесь тоже не обошлось без точечных дополнений, не имеющих принципиального характера, например, Президент «поддерживает гражданский мир и согласие в стране» (ст. 80).

Ст. 81 в части второй дополнена более конкретными, нежели прежде, требованиями к кандидату на должность Президента – они ужесточены, и дополнены новой (3.1) частью, содержание которой вызвало особые споры лиц, критикующих поправки и считающих, что только ради нее и предпринято их внесение. Дополнение это обнуляет сроки пребывания в должности нынешнего Президента и позволяет ему претендовать на должность еще дважды. А вот повторить известный в недавнем прошлом эпизод следующего избрания через один президентский срок уже становится невозможным, потому что из ст. 81.3 исключено слово «подряд». Ужесточение требований к кандидатуре на должность Президента не стало единичным – ужесточены требования к государственным служащим, депутатам, сенаторам; они касаются возраста, иностранного гражданства, хранения средств в зарубежных банках и т. п. Реализация санкций, введенных западными странами против России и ряда ее граждан с началом специальной военной операции в Донбассе, засвидетельствовала своевременность этих поправок.

Ст. 83, касающаяся полномочий Президента, подверглась серьезным изменениям и корректировке, хотя на первый взгляд может показаться, что они носят редакционный и процедурный характер. На самом деле это не совсем так. Положения этой статьи с поправками и дополнениями существенно расширяют его полномочия в отношении Правительства, что, по существу, подчиняет его главе государства. Так, например, Президент не только имеет право председательствовать на заседаниях Правительства, но и осуществлять общее

⁴ В качестве примера можно привести статьи 71, 72, 77, 78 и др.

руководство им. Это существенно умаляет роль главы Правительства. Расширились полномочия Президента в отношении назначения членов Счетной палаты. Судя по всему, назрела необходимость пересмотра ее чисто мониторинговой деятельности [Костилов, 2022, с. 5]. В сравнении с первой редакцией расширен пункт 83.ж, касающийся Совета Безопасности (добавлено, что Президент его возглавляет⁵), введен новый 83.е.5, поднимающий статус Государственного Совета до уровня конституционного органа. За Президентом окончательно закреплено право назначать в верхнюю палату парламента сенаторов, в том числе пожизненных (ст. 95.2в)⁶. Понятие «сенатор», употреблявшееся прежде исключительно в обиходе, легитимировано в ст. 82.

Ст. 91 Конституции, как и прежде, закрепляющая неприкосновенность Президента РФ, оставлена без изменений, редакции подверглась ст. 93, регламентирующая процедуру ее лишения.

Скорее всего, желанием сохранить архитектуру Конституции можно объяснить то обстоятельство, что целый ряд поправок, имеющих отношение к институту Президента, расширению его полномочий, некоторому перераспределению их между ним и парламентом, между ним и главой Правительства «разбросаны» по разным главам основного закона. Действительно, большинство статей, так или иначе, касается взаимоотношений Президента и органов публичной власти.

Нельзя сказать, что поправки вывели взаимоотношения Президента и парламента на иной уровень, но несколько скорректировали их в вопросе участия парламентариев, например, в решении кадровых вопросов. В то же время следует заметить, что вряд ли Совет Федерации пойдет на конфронтацию с Президентом по поводу предложенных им кандидатур членов Правительства. Предоставленная Президенту возможность вернуть на доработку в Государственную Думу закон, принятый ею и одобренный Советом Федерации, через обращение в Конституционный суд представляется принятой с некоторым опозданием, ведь он гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Это положение Конституции распространяется и на закон субъекта Федерации.

Некоторые новации по назначению главы и членов Правительства существа дела не меняют. Государственная Дума вряд ли предложит Президенту не согласованную с ним кандидатуру главы Правительства, а Совет Федерации отклонит кандидатуры предложенных им силовиков. Вряд ли стоит серьезно относиться к поправке о возможности Президента увольнять только главу Правительства (а не отправлять его в отставку целиком) или о формировании структуры Пра-

⁵ Что уже имело место на практике.

⁶ Это право он получил еще в 2014 г., но практически им не пользовался.

вительства – все-таки это вопросы процедурного характера. Одна из поправок в Конституцию (ст. 70.2) допускает нахождение отдельных федеральных органов государственной власти за пределами столицы. Не исключено, что такое событие может случиться в ближайшее время, например, с Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Что касается судебной ветви власти, то поправки 2020 г., ее касающиеся, внесены не только в посвященную ей главу. Так, ст. 79 дополнена положением о возможности неисполнения международных актов. Именно она вызывала жесткую критику Венецианской комиссии. Дело в том, что в последние годы международные акты западными странами трактовались весьма своеобразно и применялись либо в целях давления на РФ, либо для ее дискредитации. Конституционный Суд приобрел возможность блокировать на территории Российской Федерации решения, принятые международными организациями на основе международных договоров и соглашений. Он уже признавал возможным неисполнение решений Европейского суда по правам человека в том случае, когда они противоречат основному закону Российской Федерации. В соответствии с вышеназванной поправкой Конституционный Суд обязан рассматривать решения любых международных органов и организаций на соответствие их российской Конституции и в случае обнаружения несоответствия блокировать их исполнение.

Поправки внесены и в главу седьмую, но и они уточняют или расширяют ее положения⁷. Прежде всего, следует отметить и высоко оценить введение в ст. 118.2 еще одного вида судопроизводства – арбитражного. В начале 1990-х гг. разработчики Конституции не могли представить значение этого вида судопроизводства в условиях рыночных отношений. Значительно расширена статья о Конституционном Суде (его численность сокращена с 19 до 11 судей – ст. 125.1⁸), причем не только за счет упоминавшейся выше поправки; значительно расширена статья о Прокуратуре. Поправкой в ст. 129.1 Конституции российской Прокуратуре возвращено право уголовного преследования, изъятое у нее в 2011 г. при создании Следственного комитета. К сожалению, это вряд ли поспособствует прекращению пересечения функций между ними, наблюдаемое в настоящее время.

Точка зрения об усилении влияния Президента на судебную власть представляется несколько преувеличенной. Некоторая коррек-

⁷ Следует отметить, что в название главы «Судебная власть» добавлено слово прокуратура.

⁸ Сокращение числа судей Конституционного Суда почти вдвое можно, наверное, объяснить улучшением качества подготовки законопроектов и корректного применения уже принятых законов в судебной практике.

тировка его полномочий по назначению/увольнению судей и прокуроров всех звеньев по существу закрепила практику, в той или иной форме применявшуюся им и до внесения поправок в Конституцию. Обычно такого рода действия квалифицируются как действия «по умолчанию»⁹.

Известные опасения вызывают поправки, внесенные в главу восьмую Конституции – «Местное самоуправление». Не так давно введенное, еще не окрепшее, низовое, самое близкое к населению звено власти, не имеющее достойного финансирования¹⁰ и четкого разграничения полномочий с органами власти субъектов федерации, с включением его в единую систему публичной власти рискует утратой независимости. При этом совершенно не понятно, как это «включение» стыкуется со статьей о самостоятельности местного самоуправления.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что все вместе взятые поправки не могут быть квалифицированы как реформа основного закона страны. В то же время по содержанию (не по числу) они усиливают роль Президента в политической системе. Если по содержанию Конституции РФ в первоначальной редакции можно было говорить о России как о президентско-парламентской республике с преобладанием института Президента, то в редакции 2020 г. это суперпрезидентская республика. Конституция 1993 г. в сравнении с предшествующим законодательством существенно расширила полномочия Президента, что вызывало ожесточенную критику его оппонентов. В. В. Путину удалось снизить ее накал и расширить свои полномочия. Значительная часть мер такого рода была конституирована поправками 2020 г.

В России институт политического лидера складывался постепенно (князь, царь, император и даже Генеральный секретарь¹¹ с его ближайшим окружением) с тенденцией расширения полномочий. Привнесение в политическую жизнь демократических начал, появление выборного механизма ряда государственных (публичных) институтов позволило гражданам задуматься не только о положительных свойствах кадровой стабильности института главы государства, но и о ее недостатках. К недостаткам они относят возможные негативные личные качества лидера, формирование соответствующего окружения, застой, наконец. Видимо, это беспокоит противников внесенных поправок.

⁹ Существует юридическое правило – «что не запрещено, то разрешено».

¹⁰ Периодически озвучиваемое, прежде всего, лидерами субъектов федерации предложение о равной ответственности двух звеньев власти на общей для них территории, должно подкрепляться равным их финансированием.

¹¹ В отдельные периоды Генеральный секретарь возглавлял правящую партию, правительство и высший орган представительной власти.

В условиях современных международных реалий представляется, что инициация введения поправок была связана с непрекращающимися «недружественными» действиями сил коллективного Запада против России, в целях консолидации всех ее сил для отпора им.

Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

Известия. 1993. 6 марта.

Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 г.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/popravki-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii-2020-god/viewer> (дата обращения: 30.09.2022 г.). (а)

Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Приведение федерального законодательства в соответствие с поправками к Конституции 2020 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privedenie-federalnogo-zakonodatelstva-v-sootvetstvie-s-popravkami-k-konstitutsii-rf-2020-goda> (дата обращения: 30.09.2022 г.). (б)

Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917г. – декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994.

Костиков В. От глухого забора до штaketника // Аргументы и факты. 2022. № 29. URL: https://aif.ru/politics/opinion/ot_gluhogo_zabora_do_shtaketnika_chto_dumayut_elita_i_narod_o_budushchem_strany (дата обращения: 30.09.2022 г.).

Максимова О. Д. Разработка и всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-vsenarodnoe-obsuzhdenie-proekta-konstitutsii-sssr-1936-goda/viewer> (дата обращения: 12.08.2022).

УДК 94(47).084.3:336.1

Н. Д. Борщик,
Крымский федеральный университет
г. Симферополь

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ О СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ (1920–1924)

В статье рассмотрен малоизвестный сюжет о первых мероприятиях советской власти по организации финансовой службы в Крыму в начале 1920-х гг. Обозначены созданные райфинотделы Крыма, показаны некоторые сложности, с которыми пришлось столкнуться Народному комиссариату финансов при организации первых советских финансовых органов. Акцент сделан на источниковое обеспечение: рассмотрены сохранившиеся в Государственном архиве Республики Крым документальные материалы о начале деятельности советской финансовой службы в 1920–1922 гг. Сделан вывод о том, что комплекс архивных документов и материалов дает полное представление о состоянии и последующей реорганизации финансо-

вых органов в связи с новым административно-территориальным делением Крымского полуострова в 1923–1924 гг.

Ключевые слова: история финансовых органов, Крымская АССР.

История советских финансовых органов традиционно начинается с характеристики нэпа, при этом особое внимание уделяется 1920-м гг., масштабным реформам в сфере финансовой политики, денежного обращения, налогообложения и пр. [Соколов, 2006]. Применительно к Крыму данная тематика до сих пор является практически неизученной: исследования столичных и региональных историков в основном освещают отдельные сюжеты истории Гражданской войны на полуострове [Карпенко, 2003; Зарубин, Зарубин, 2008]. Достаточно подробно освещено состояние банковского дела, обществ взаимного кредита полуострова, наличия денежной массы за 1917–1922 г. и т. д. [Борщик, 2022; Коломийцева, 2022; Кондратюк, 2021].

Цель настоящей статьи – рассмотреть источниковый комплекс архивных документов о становлении советских финансовых органов в Крыму в начале 1920-х гг., хранящийся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

Крым окончательно стал советским только в осенью 1920 г. До этого на полуострове в период с 1917 по 1920 г. сменился ряд правительств, включая военные диктатуры П. Врангеля и А. Колчака. В итоге это привело к экономической нестабильности и краху имперской денежной системы. Пришедшие в этих сложных условиях к власти большевики в ноябре 1920 г. начали формирование новых управленческих органов, в том числе финансовых.

В Государственном архиве Республики Крым сохранился источниковый комплекс, позволяющий представить весь механизм создания территориальных финансовых отделов (уездных, окружных, районных, городских) на полуострове.

Народный комиссариат финансов Крымской АССР был создан согласно постановлению I Всекрымского учредительного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов от 10 ноября 1921 г. В ГАРК сохранился фонд Наркомата финансов Крымской АССР, насчитывающий около 2 тыс. единиц хранения. Среди них нормативные документы (циркуляры и распоряжения Наркоматов финансов РСФСР, Крымской АССР; положения и правовые основания деятельности финансовых органов всех уровней), сведения о развитии и экономическом состоянии полуострова в начале 1920-х гг., документы по личному составу и др. [ГАРК, ф. Р-149].

В ГАРК есть фонды отделов исполнительных комитетов уездных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов,

материалы которых дают представление о начальном этапе создания советской финансовой службы в Крыму. К сожалению, материалы за 1920–1921 гг. сохранились только по Джанкойскому, Керченскому и Ялтинскому уездам. В частности, сохранившиеся материалы фондов Джанкойского [ГАРК, ф. Р-2280], Керченского [ГАРК, ф. Р-4016] и Ялтинского [ГАРК, ф. Р-3273] финансовых отделов уездных революционных комитетов содержат данные о персоналиях, стоявших у истоков формирования первых территориальных финансовых учреждений Крыма. Например, из архивных материалов известно, что согласно приказу по финансовому отделу № 1 от 16 ноября 1920 г. в город Джанкой «Гуляев сего числа прибыл и вступил в должность заведующего отделом. Основание: предписание Ревкома от 16 ноября 1920 г. № 159» [ГАРК, ф. Р-2280, оп. 1, д. 1, л. 1 об.]. Есть аналогичный норматив № 16 от 22 декабря 1922 г. финансового отдела ревкома г. Ялты и уезда за подписью завфинотделом Ратомского и секретаря Бирюкова: «с 19 декабря 1920 г. я, согласно постановления Ялтинского ревкома вступил в должность заведующего финансовым отделом. Тов. Долгов согласно постановления Ялтинского ревкома от 19 декабря 1920 г. отчисляется с должности заведующего финотделом» [ГАРК, ф. Р-3273, оп. 1, д. 2, л. 1]. Подобная информация содержится в фондах окружных исполкомов советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Джанкойского [ГАРК, ф. Р-1648], Керченского [ГАРК, ф. Р-4017] и Ялтинского [ГАРК, ф. Р-3272].

После образования СССР в 1922 г. в системе государственного управления появился народный комиссариат финансов (наркомфин) СССР. Он начал свою работу в июле 1923 г. В ходе создания отраслевых органов управления союзного значения (в том числе и финансовых) выяснилось, что существующее в Крыму на тот момент административно-территориальное деление крайне неэффективно: одновременное наличие округов и районов создавало сложности в администрировании, что приводило к дублированию управленческих функций. Уже осенью 1923 г. было принято решение об упразднении округов в Крымской АССР. Соответствующее постановление принял Президиум ВЦИК. В документе за подписью председателя ВЦИК М. И. Калинина упразднялось деление республики на округа, были оставлены только районы: «согласно ходатайства ЦИК и СНК Автономной Крымской Социалистической Советской Республики существующее административное деление авт. Крымской ССР на округа, районы и сельсоветы изменить и утвердить разделение автономной Крымской социалистической советской республики на районы и сельсоветы».

Таким образом, в ходе проведенного в 1923 г. районирования были ликвидированы округа и образованы 14 районов:

- 1) Джанкойский (центр г. Джанкой);
- 2) Армянский (центр г. Армянск);
- 3) Ак-Мечетский (центр с. Донузлав);
- 4) Евпаторийский (центр г. Евпатория);
- 5) Сарабузский (центр ст. Сарабуз);
- 6) Феодосийский (центр г. Феодосия);
- 7) Керченский (центр г. Керчь);
- 8) Судакский (центр м. Судак);
- 9) Карасубазарский (центр г. Карасубазар);
- 10) Алуштинский (центр г. Алушта);
- 11) Подгородно-Петровский (центр п. Бахчи-Эли);
- 12) Бахчисарайский (центр г. Бахчисарай);
- 13) Севастопольский (центр г. Севастополь);
- 14) Ялтинский (центр г. Ялта) [ГАРК, ф. Р-149, оп. 2, д. 50, л. 6].

Сведения о новом административно-территориальном делении Крымского полуострова сохранились в фонде Наркомата финансов Крымской АССР, так как напрямую касались территориальных финансовых органов, которые ждала масштабная реорганизация. Она проводилась с марта по июль 1924 г. по новому образцу в соответствии с новым административно-территориальным делением Крымской АССР от 21 октября 1923 года.

14 марта 1924 г. в районы были отправлены телеграммы, уведомляющие о том, что в связи «с разделением Крымской Социалистической Советской Республики на районы вместо существующих округов» должен быть организован «в числе прочих отделов райисполкома районный финансовый отдел». Одновременно в районы был отправлен проект «Положения о районных финансовых отделах Крыма», подписанный зав. общим управлением наркомфина Крымской АССР Венгеровым [Там же, л. 4–5].

Наркомфин Крымской АССР вел активную работу по организации райфинотделов, которая была сопряжена с немалыми трудностями: не было свободных помещений, а имеющиеся требовали ремонта и установки соответствующего оборудования; достаточно остро стояла проблема комплектования учреждаемых финансовых отделов квалифицированными кадрами. Сохранившиеся архивные материалы фондов Алуштинского [ГАРК, ф. Р-3275], Евпаторийского [ГАРК, ф. Р-4044], Керченского [ГАРК, ф. Р-4019] и Ялтинского [ГАРК, ф. Р-2136] финансовых отделов исполнительных комитетов городских и районных советов народных депутатов за 1923–1924 гг. достаточно полно показывают процесс реорганизации территориальных финансовых органов на полуострове.

Несмотря на объективные сложности, в марте-апреле 1924 г. практически из всех районных исполнительных комитетов Крыма в Совет народных комиссаров Крымской АССР поступили донесения о выделении необходимых помещений для райфинотделов. В это же время все организованные районные финансовые органы получили собственные каучуковые печати и штампы. Все печати и штампы были единого образца, русский текст был продублирован и на крымскотатарском языке.

Таким образом, имеющийся в Государственном архиве Республики Крым источниковый комплекс об учреждении, состоянии и деятельности советских финансовых органов в Крыму за 1920–1924 гг. насчитывает 11 фондов с более чем 5 тыс. единиц хранения. По отдельным районным центрам имеется два-три фонда, что связано с особенностями административно-территориального деления: города Джанкой, Керчь и Ялта были еще окружными центрами. Сохранившиеся материалы дают полную картину эволюции советских финансовых органов в начале 1920-х гг. и ждут своих исследователей.

Борищук Н. Д. Организация советской финансовой службы в Крыму (1920–1924) // Науч. вестн. Крыма: электрон. реценз. журн. для науч. публикаций. 2022. № 1 (36). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/38> (дата обращения: 01.09.2022 г.).

Государственный архив Республики Крым (ГАРК).

Ф. Р-149. Народный комиссариат финансов Республики Крым.

Ф. Р-2280. Джанкойский финансовый отдел уездного революционного комитета. 1920–1921 гг.

Ф. Р-1648. Джанкойский финансовый отдел исполкома окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1921–1923 гг.

Ф. Р-4016. Керченский уездный финансовый отдел уездного революционного комитета. 1920–1921 гг.

Ф. Р-4017. Керченский финансовый отдел исполкома окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1921–1923 гг.

Ф. Р-4019. Керченский районный финансовый отдел (райфо). 1923–1934.

Ф. Р-3273. Уездный финансовый отдел (уфинотдел) Ялтинского уездного революционного комитета. 1920–1921 гг.

Ф. Р-3272. Ялтинский финансовый отдел исполкома окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1921–1923 гг.

Ф. Р-2136. Ялтинский районный финансовый отдел (райфо). 1923–1930.

Ф. Р-3275. Алуштинский районный финансовый отдел (райфо). 1923–1924.

Ф. Р-4044. Евпаторийский районный финансовый отдел (райфо). 1920–1936.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008.

Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 2-е изд., испр. М.: Изд-во Ипполитова, 2003.

Соколов А. С. Финансовая политика Советского государства в годы нэпа: 1921–1929 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2006.

Коломийцева В. А. Финансовые бури Гражданской войны в Крыму: хроники исторических событий (1917–1922 гг.). Симферополь: Н. Оріанда, 2022.

Кондратюк Г. Н. Денежная реформа по введению червонца в условиях новой экономической политики в Крымской АССР (первая половина 1920-х гг.) // Науч. вестн. Крыма: электрон. реценз. журн. для науч. публикаций. 2021. № 1 (30). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/711> (дата обращения: 01.09.2022 г.).

УДК 3452.5:351.853

Д. А. Буркутбаева,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (1992): РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 г. (в ред. от 11.06.2022) определяет полномочия и функции прокуратуры, ее организацию и порядок деятельности, ее систему. На положениях этого федерального закона основывается деятельность и специализированных прокуратур, в том числе природоохранных, созданных в 1985–1986 гг. Рассмотрен приказ Генпрокуратуры России «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» 2008 г. (в ред. от 27.04.2022), конкретизирующий основные полномочия и функции природоохранных прокуратур. Раскрыты основные проблемы, препятствующие их эффективной деятельности, и предпринимаемые меры для их устранения. Приведены статистические данные о результатах деятельности природоохранных прокуратур, выявленных случаях нарушения природоохранного законодательства в России в 2021 г.

Ключевые слова: прокуратура РФ, специализированные прокуратуры, природоохранные прокуратуры, статус, полномочия, функции, деятельность, охрана окружающей среды.

Научно-техническая революция играет значительную роль в развитии общества, но одновременно оказывает негативное влияние и на состояние окружающей среды. Для сохранения экологической безопасности в России в 1985–1986 гг. были учреждены специализирован-

ные природоохранные прокуратуры, которые способствовали координации деятельности органов и организаций, отвечающих за состояние окружающей среды, и осуществляли надзор за их деятельностью.

Надзор за охраной окружающей среды является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры, поскольку благоприятная окружающая среда – одно из важнейших условий жизнедеятельности человека. Ст. 42 Конституции Российской Федерации гласит: «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [Конституция..., 2020, ст. 42].

Следовательно, охрана окружающей среды как одно из направлений политики государства закреплено на законодательном уровне. Основным нормативно-правовым актом, определяющим действия прокуратуры РФ, выступает Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 от 17.01.1992 г., в который по состоянию на 11 июня 2022 г. внесено 77 изменений. Согласно закону, Прокуратура РФ – это «единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции» [О прокуратуре..., 2022, ст. 1]. Соответственно, Прокуратура РФ является самостоятельным органом, не принадлежащим ни к одной из ветвей власти. Согласно данному ФЗ к основным функциям прокуратуры помимо надзора и контроля, относятся координационная, административная и правотворческая функции. Помимо этого, закон «О прокуратуре Российской Федерации» определяет основные принципы деятельности всей системы прокуратуры, к которым относятся:

1) централизация – основным элементом данного принципа выступает иерархия системы, которая заключается в подчинении вышестоящих прокуроров нижестоящим и одновременно Генеральному прокурору РФ. Кроме того, данный принцип исключает создание органов прокуратуры, не входящих в систему Прокуратуры РФ;

2) независимость – никакие лица, органы, организации не должны оказывать давление или вмешиваться в деятельность прокурора;

3) законность – деятельность органов прокуратуры осуществляется строго в соответствии с Конституцией и законами РФ;

4) единство – данный принцип означает, что все органы прокуратуры объединены в единую систему, в соответствии с которой

каждый конкретный прокурор выполняет возложенные на него обязательства на определенной территории и обладает едиными полномочиями и инструментами для их реализации;

5) гласность – наличие открытой информации о деятельности прокуратуры для общественности [Там же, ст. 4].

Таким образом, централизация, независимость, законность, единство и гласность – это совокупность принципов, на которых основана деятельность всех органов прокуратуры.

В соответствии с законом, прокурор не может самостоятельно устранить правонарушение, он должен руководствоваться установленными актами прокурорского реагирования, которые включают представление и протест прокурора, «постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении, предостережение прокурора о недопустимости нарушения закона» [Там же, ст. 23–25].

В свою очередь, приказ Генпрокуратуры России «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [О разграничении..., 2022] содержит перечень специализированных прокуратур, к ним относятся природоохранные, военные, транспортные прокуратуры, прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и за исполнением законов на особо режимных объектах, и определяет их полномочия. Основными полномочиями природоохранных прокуратур, согласно приказу являются:

1) контроль за соблюдением законодательства об охране окружающей среды [Там же, п. 2.3];

2) надзор за исполнением законов в процессе «регистрации и разрешении сообщений об экологических и иных преступлениях, повлекших нарушение законов о защите окружающей среды и экологических прав граждан», надзор за преступлениями, которые были совершены должностными лицами соответствующих учреждений, надзор за соблюдением законов при дознании, оперативном следствии, оперативно-розыскной деятельности ОВД и Следственным комитетом при прокуратуре [Там же].

Приказ Генпрокуратуры России определяет и дополнительные полномочия Волжского межрегионального прокурора:

1) совместное участие с другими прокурорами субъектов РФ в правотворческой деятельности законодательных органов субъектов РФ, затрагивающих территорию бассейна реки Волги, в отношении защиты окружающей среды и поддержания экологической безопасности;

- 2) контроль за соблюдением законов о противодействии коррупции в данных органах и организациях;
- 3) участие в гражданских и арбитражных судах при рассмотрении соответствующих дел;
- 4) координация деятельности правоохранительных органов для минимизации экологических правонарушений;
- 5) диагностика данных о состоянии правопорядка и законности в отношении охраны окружающей среды, формирование отчетности о проделанной работе органов прокуратуры в данной сфере;
- 6) управление и контроль за работой нижестоящих природоохранных прокуратур;
- 7) взаимодействие со СМИ и пр. [Там же, п. 4.1].

Помимо этого, природоохранные прокуроры обязаны информировать граждан и органы государственной власти об уровне экологии и состоянии окружающей среды в целом.

Природоохранные прокуратуры учреждаются на правах межрайонных, которые возглавляет межрайонный прокурор. Основными функциями данного вида специализированных прокуратур являются: контрольная, надзорная, правотворческая, координационная, диагностическая, управленческая и информационная.

Несмотря на обширный многофункциональный аппарат, природоохранные прокуратуры сталкиваются со множеством барьеров, препятствующих их эффективной деятельности, к которым относятся:

1. Психологические, которые непосредственно связаны с психикой человека. Психика прокурора устроена таким образом, что при принятии какого-либо решения или рассмотрения дела он непроизвольно опирается на закон и иные нормативно-правовые акты, не используя при этом научные труды, которые также дают ответы на многие вопросы, с которыми прокурор так или иначе сталкивается в своей профессиональной деятельности.

2. Мотивационные, связанные с отсутствием желания прокуроров профессионально развиваться, что снижает качество выполняемой работы.

3. Управленческие. В данном случае речь идет о консервативной технологии управления со стороны руководителя, например, главного прокурора, который придерживается базовых, проверенных годами методов осуществления надзорной функции, противясь чему-то инновационному, что смогло бы значительно улучшить результаты прокурорской деятельности [Гасанов, 2019, с. 42].

Ряд других исследователей выделяют такие барьеры в деятельности природоохранной прокуратуры как несовершенство законода-

тельства в отношении данных государственных структур, отсутствие четко и конкретно сформулированных задач со стороны вышестоящих прокуроров нижестоящим, недостаток полномочий [Чернышов, 2014, с. 31, 34]. Таким образом, основные проблемы, препятствующие эффективной деятельности природоохранных прокуратур, современные исследователи связывают с особенностями личности самих служащих прокуратуры, как рядовых сотрудников, так и руководителей, с пробелами в законодательстве и в несовершенстве системы управления в данной сфере.

Об эффективности деятельности природоохранных прокуратур свидетельствуют статистические данные, предоставленные Генеральной прокуратурой РФ. Только в первой половине 2021 г. органы прокуратуры выявили «более 178 тыс. нарушений природоохранного законодательства». В связи с этим около 42 тыс. лиц понесли административную и дисциплинарную ответственность, было возбуждено более 900 уголовных дел [Генеральная прокуратура РФ].

Таким образом, природоохранная прокуратура является одним из важнейших органов, осуществляющих надзор за соблюдением законодательства об охране окружающей среды и, несмотря на многочисленные барьеры, препятствующие эффективной реализации ее деятельности, органы данной государственной структуры проводят всевозможные меры для их устранения, важнейшими из которых является межведомственное взаимодействие, осуществление практической деятельности с применением научных трудов, просвещение сотрудников прокуратуры.

Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 12.02.2022).

О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон 2202-1-ФЗ от 17.01.1992 (в ред. от 11.06.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 28.08.2022).

О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур : приказ Генпрокуратуры РФ № 84 от 07.05.2008 (в ред. от 27.04.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/ (дата обращения: 28.08.2022).

Генеральная прокуратура РФ : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64617618> (дата обращения: 24.11.2022).

Чернышев В. В. Природоохранная специализация в правоохранительной деятельности прокуратуры // Вестн. РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 30–36.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СУЛТАНОВ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА)

Статья посвящена социально-исторической трансформации традиционной системы власти в 20–60-х годах XIX в. Одним из исторических источников, позволяющих изучить жизнь и деятельность казахских служащих, являются формулярные или послужные списки, фиксировавшие служебные отношения. Формулярные списки позволяют определить не только биографические данные, но и социальный состав, пути формирования казахского чиновничества, этапы их восхождения по карьерной лестнице. Формулярные списки отражают степень участия служащих во всех событиях, происходивших в казахской степи, степень их преданности правительству. Формулярные списки и родственные им документы, являясь неотъемлемой частью историко-культурного наследия, имеют большое научное значение. Это важнейшая компонента архивного фонда как страны в целом, так и отдельно взятого региона. В контексте заявленной темы центральное место занимают формулярные списки, которые по своей сути аналогичны современным документам, содержащим сведения личного характера. В статье предпринята попытка на основе материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) показать процесс инкорпорирования казахов Оренбургского ведомства в имперскую систему управления.

Ключевые слова: формулярный список, исторический источник, биографические сведения, казахские чиновники, местная власть, султан-правитель, Оренбургское ведомство, казахская Степь.

Первая половина XIX в. для политической истории Казахстана является периодом существенных преобразований, которыми подготовилось окончательное присоединение Казахстана к России. В казахской степи Оренбургского ведомства началом этих преобразований стало принятие в 20–40-х годах XIX в. «Устава об Оренбургских киргизах» и «Положения об управлении Оренбургскими киргизами», нацеленные на ликвидацию традиционной власти в Степи и создание новой управленческой системы. После упразднения в 1824 г. ханской власти в Младшем жузе казахская степь Оренбургского ведомства была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную во главе с назначаемыми султанами-правителями. В период 20–60-х гг.

XIX в на должности султана-правителя казахов Оренбургского ведомства находились 15 человек, все они были потомками хана Младшего жуза Абулхайра. Низовое звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства было представлено дистаночными и аульными (местными) начальниками. Анализ формулярных списков, Алфавитных списков о почетнейших и влиятельнейших ордынцах позволил определить, что около 20 дистаночных начальников из 52 назначенных за 1831–1869 гг. относились к султанскому сословию. На должностях местных начальников представителей этого сословия было незначительное количество. Но назначение на ключевые места из султанского сословия было закономерным [Султангадиева, 2015, с. 11].

Изучение социально-исторических преобразований органов местной власти в 20–60-х годах XIX в. основывается на широком круге источников и прежде всего материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах архива хранится огромная коллекция формулярных (послужных) списков казахских чиновников, насчитывающая несколько тысяч документов и охватывающая период с конца XVIII до начала XX в. Сохранившиеся формулярные списки султанов-правителей, дистаночных, местных начальников отражают начало процесса кооптации казахов на службу Российской империи и включения их в единую систему учета служащих всех уровней государственного управления.

Формулярные списки включали следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество, чин, ордена и прочие знаки отличия, вероисповедание.
2. Возраст, социальное происхождение.
3. Наличие недвижимого имущества.
4. Дата вступления в должность, чин и возраст к моменту вступления в должность.
5. В каких полках, батальонах служил, переводы по службе и их причины.
6. Информация об участии в походах против неприятеля (ранения, пленение, особые поручения, награды и т. д.).
7. Образование, грамотность.
8. Штрафы, замечания, выговоры, привлечение к суду.
9. Семейное положение.
10. Достоин ли повышения чином, награждения.
11. Служба по выборам дворянства.
12. Исполнительность (отчеты по должности).
13. Наличие жалоб от начальства.
14. Отношение к исполнению обязанностей по службе.
15. Был ли замечен в неприличном поведении.

Таким образом, формулярные, или послужные, списки позволяют определить не только биографические сведения, пути формирования казахского чиновничества, но и проследить степень его участия во всех событиях, которые происходили в казахской степи, а также степень преданности русскому правительству. Формулярные списки позволяют проследить тактические действия русской власти в Степи, ибо казахские служащие неоднократно командировались в ту или иную часть казахских кочевий, где осуществляли задачи, поставленные перед ними региональной администрацией [Султангалиева, 2012, с. 41].

Формуляр послужных (формулярных) списков складывался главным образом на протяжении 60–90-х гг. XVIII в. и претерпел некоторые изменения в середине XIX в. в связи с усилением внимания правительства к тем или иным аспектам социальной и служебной деятельности чиновников. Так, если в формуляре, утвержденном указом Сената от 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме» содержалось девять граф, то формуляр, утвержденный указом Сената от 16 июля 1849 г., предусматривал 15 граф.

Все сведения в послужных списках должны были основываться на документах, подтверждавших их точность. Ответственность за неточности лежала на подписавших их начальниках, поэтому во избежание ошибок послужной список подписывался чиновником, на которого он составлялся.

Формулярные списки составлялись на чиновников ежегодно. Поэтому при отборе для публикации предпочтение отдавалось, как правило, более позднему по времени, и отбирался вариант, содержащий более подробную информацию [История Казахстана..., ч. 1, с. 10–11].

Формулярные списки и схожие по структуре источники, такие как «Алфавитный список о почетнейших и влиятельнейших ордынцах» имеют большое научное значение. На их основе были восстановлены многие имена казахских чиновников, служивших Российской империи.

Институт султанов-правителей стал первым этапом формирования казахского чиновничества после реформы 1824 г. К 40-м гг. XIX в. султаны-правители представляли собой реальный фактор влияния России в Младшем жузе, хотя их чингизидское происхождение, вероятность тайных контактов со сторонниками ханской власти в аульных общинах временами порождали подозрение оренбургского начальства. Тем не менее в лице высшей прослойки степного чиновничества и его близкого окружения, из числа которого комплектовался штат новых служащих для степной администрации, правительство видело верных его интересам людей [ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 1619, л. 2–6].

В официальных отчетах среди султанов-правителей особо выделяет султана-правителя Восточной части Ахмета Жанторина: «По гибкости ума, сметливости, понятиям о вещах и предметах, очищенного от грубого невежества и закоснелого азиатского фанатизма, султан этот стоит далеко выше всех в обеих ордах (Средней и Малой) соплеменных ему султанов и почетных ордынцев» [История Казахстана..., ч. 2, с. 67]. Из формулярного списка Ахмета Джантюрина известно, что он родился в 1811 г., был сыном султана Жанторе Жигангерова, женат, имел трех детей. Недвижимого имения не имел. На должность султана-правителя вступил 29 мая 1841 г. В 1830 г. за усердие в поимке и представлении на линию беглого башкирского урядника Дандыбая Куватова с семейством был награжден похвальным листом Оренбургского военного губернатора графа Сухтелена. За усердие во время нахождения его в отряде, бывшем в казахской степи под начальством войскового старшины Лебедева при захвате и преследовании мятежных аулов Сибирского ведомства, был награжден серебряной медалью на аннинской ленте. Штрафов по суду не имел, выговоров и замечаний не получал. Отчеты по поручаемым ему делам представлял в срок. Слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал [Там же, с. 43–45].

Султан-правитель Ахмет Джантюрин свободно владел татарским и русским языками. Важные документы составлял сам и исправлял бумаги, составленные письмоводителем.

В формуляре о службе в полках и батальонах записано: «По предложению оренбургского военного губернатора с 25 августа по 14 октября 1843 года находился с военным отрядом в глубине степи для прекращения мятежных действий султана Кенисары Касымова. По распоряжению начальства командирован был с состоящим при нем двухсотенным отрядом в глубину степи для содействия военному отряду, действовавшему против мятежных скопищ султана Кенисары Касымова и находился с августа по ноябрь месяц 1844 года» [Там же, с. 43–44].

О деятельности султана-правителя Средней части Оренбургских казахов Юсуфа Нуралиева часто писали, что он усерден и деятелен. Формулярный список Юсуфа Нуралиева, составленный в 1840 г., содержит следующую биографическую и служебную информацию. Юсуф Нуралиев являлся потомком хана Нуралий, родился в 1786 г., магометанского вероисповедания. Имел двух жен, бездетен. Недвижимым имением не обладал. На должность султана-правителя вступил в 1830 г. 22 апреля. В 1836 г. был произведен в войсковые старшины. За ревностную службу был награжден золотой медалью на аннинской

ленте. В 1828 г. был награжден похвальным листом Оренбургской пограничной комиссии за содействие в выручке из плена священника Орской крепости Рязанова. В 1829 г. несколько раз награждался похвальными листами – за пожертвование в пользу Неплюевского военного училища денег в сумме 200 рублей, за поимку беглых людей, за содействие в возврате угнанных лошадей. Владел татарской грамотой. Штрафы, выговоры и замечаний не имел [Там же, с. 17–19]. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский 6 июня 1841 г. на основе представления Пограничной комиссии уволил султана Юсуфа Нуралиева с формулировкой «по слабости и недейтельности» и лишил его права на пенсию. Однако, учитывая его 20-летний срок службы, 31 января 1842 г. было разрешено выдавать ему ежегодно в виде пособия до 200 руб. серебром [Избасарова, 2018, с. 213].

Султан-правитель Западной части Баймухамед Айшуаков вошел в историю как энергичный, чрезвычайно активный политик, государственный деятель крупного масштаба. Из формулярного списка Баймухамеда Айшуакова известно, что он родился в 1797 г., сын хана Айшуака Абулхайрова, имел три жены, семь сыновей и семь дочерей. На службу вступил в 1815 г., управлял родом Жетыру, владел татарской грамотой, умел читать по-русски. 25 ноября 1830 г. был назначен на должность правителя Западной частью Оренбургских казахов. 1 сентября 1831 г. утвержден в этой должности, получил саблю, украшенную золотом, а 5 ноября за усердную и ревностную службу получил от Оренбургского военного губернатора в подарок золотой перстень с эмалью [ЦГА РК, ф. 4, д. 1616, л. 2–10]. В отличие от других султанов, Баймухамед Айшуаков за усердие и готовность к исполнению возложенных на него поручений Пограничной комиссии с разрешения Оренбургского военного губернатора получал по 50 коп. в день кормовых денег во время приездов в Оренбург по делам службы.

Историк Ж. Касымбаев, изучив мотивацию всех наград Баймухамеда Айшуакова, обратил внимание на тот факт, что в казахской степи и в среднеазиатских владениях томились в плену немало русских подданных, освобождение которых требовало невероятных усилий и огромных средств. Поэтому царизм поощрял тех, кто содействовал освобождению пленных [Касымбаев, 2000, с. 21].

Баймухамед Айшуаков способствовал возвращению захваченного имущества и угнанного скота казахами во время нападения на линейных жителей, участвовал с казахами в наказании мятежных казахов Табынского и Таминского родов. За приверженность России султан-правитель выдержал нападение со стороны подконтрольных ему казахов. Был ранен, пленен и отпущен за большой выкуп. Содействовал поимке бежавших с линии уголовных преступников, выручал

из Хивинского плена Оренбургских казаков [ЦГА РК, ф. 4, д. 1616, л. 2–10].

За все время своего правления отличился хорошей службой, за что в 1832 г. имел от Оренбургского военного генерал-губернатора в подарок золотой перстень с эмалью, в том же году «за усердную и ревностную службу» был награжден золотой медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». В 1836 г. за отличную службу был произведен в Войскового старшину, в 1837 г. за успешный сбор денег с казахов за кочевание при линии «Всемиловитвейше» пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени. Венцом служебной карьеры султана-правителя явилось присвоение ему как представителю азиатской окраины довольно высокого военного чина генерал-майора [ЦГА РК, ф. 4, д. 1616, л. 2–10].

Занимая высшую должность в новой административной структуре в Младшем жузе, Баймухамед Айшуаков несколько иначе понимал свою роль в сложных событиях первой половины XIX в., внес весомую лепту в создании спокойной обстановки в Младшем жузе. Его служебная карьера, во многом зависящая и от позиции Оренбургского начальства, и от чингизидской среды, поражала современников. Лояльность к России, ориентация на губернатора П. К. Эссена не дает повода причислять его к ярым сторонникам колониальных действий России; он находился во власти скрытых воцелелений, полагая, что пособничеством, угождением более сильной стороне, можно сохранить от разрушения традиционную структуру управления и устои аульной общины.

В 1847 г. султан-правитель Западной части Баймухамед Айшуаков утонул в разлившимся Илеке. Большая часть казахов сохранила о нем не очень хорошую память, хотя и боялась его как сильного человека и притворно уважала его [Мейер, 1865, с. 69].

Таким образом, на примере формулярных списков султанов-правителей трех частей казахской Степи нетрудно заметить общий характер этой социальной группы. Все они были выходцами из степной аристократии, которые смогли адаптироваться к новым условиям и сохранить свою власть. Султаны-правители были только местными управителями, назначенными правительством империи, и по должности были причислены к числу дворян Российской империи. В историографии деятельность этих султанов-правителей оценивалась односторонне, их рассматривали как служилых чиновников, стремившихся любым путем сохранить свою власть в степи. Однако сохранившиеся документы свидетельствуют и о том, что султаны всячески пытались содействовать развитию своего народа и оставили после себя немалое наследие.

Нужно отметить, что послужные списки казахских чиновников имели свои особенности и отличались от списков российских чиновников внутренних губерний России. Региональная администрация, учитывая специфику казахского кочевого общества, включила в послужные списки казахских чиновников пункт о местах зимних и летних кочевий. Особенно наглядно это прослеживается при анализе послужных списков дистанчных и аульных начальников.

Итак, формулярные списки являются необходимым и важным историческим источником, отражающим процесс изменения административного устройства Казахской степи. Представители казахского населения, вступившие на службу, в основном являлись чиновниками 9–14-го классов, занимали канцелярские или исполнительные должности среднего или низшего звена. Карьера чиновника зависела от многих факторов, важнейшим из которых было происхождение, поэтому в основном это были представители казахской элиты – султаны, бии, старшины. Кроме того, успех карьеры казахского чиновника во многом зависел от усердия, исполнительности, дисциплинированности и, конечно, от способности лавировать между региональной и центральной властью, личных контактов с начальством и т. д.

Формулярные списки позволяют проследить действия, проводимые региональной администрацией в Степи, ибо казахские чиновники привлекались к участию в них: сопровождали в качестве переводчиков карательные экспедиции в период национально-освободительного движения казахов Оренбургского ведомства, содействовали строительству военных укреплений в Степи, принимали участие в Хивинских экспедициях В. Перовского; являлись проводниками научных экспедиций и торговых караванов; разрешали земельные споры между прилинейными жителями и казахами; входили в состав комиссий, создаваемых как региональными, так и центральными властями по внедрению административных учреждений в Степи или по урегулированию земельных споров между казахами и казаками и т. д.

Формулярные списки представляют собой важный исторический источник с большим информационным потенциалом, содержащий существенные социальные сведения о чиновниках. Для получения достоверных данных необходимо сравнивать разные формулярные списки, сверять их данные с другими делопроизводственными источниками, такими как «Список об ордынцах, удостоенных представлением к награде» и «Алфавитный список о почетнейших и влиятельнейших ордынцах».

Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках в первой половине XIX века. М.: ИП Лысенко А. Д. PRESS-BOOK.RU, 2018.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 8. Ч. 1–2. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах / сост., предисл., комм. и указ. Б. Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

Касымбаев Ж. К. Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков. Алматы: Олке, 2000.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865.

Султангалиева Г. Казахские султаны оренбургского ведомства в XIX в.: должности, чины и обеспечение // Вестн. КазНПУ. 2015. № 4 (47). URL: <https://articlekz.com/article/18280> (дата обращения: 04.11.2022).

Султангалиева Г. Послужные списки как исторический источник по истории формирования казахского чиновничества в XIX в. // Вестн. КазНПУ, Серия историческая. 2012. № 4 (67). С. 37–42.

Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оренбургская пограничная комиссия Министерства иностранных дел г. Оренбург. 1799–1859. Областное правление Оренбургскими киргизами Министерства внутренних дел г. Оренбург. 1859–1868.

УДК 94(47).084.8/9:332

Р. Л. Исхаков
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ОСВОЕНИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОЙ ОБЛАСТИ («ВТОРОГО БАКУ») В КОНЦЕ 1940-х — 1960-е гг.

Название «Второй Баку» быстро распространилось на весь Волго-Уральский регион — Башкирию, Татарию и Куйбышевскую область. В 1944 г. с обнаружения в Туймазинском месторождении запасов девонской нефти начался очередной этап развития Второго Баку. В 1946 г. создано Управление по строительству нефтепровода «Туймазы — Уфа». На примере формирования населения поселка Первомайский Благоварского района Республики Башкортостан показаны особенности его формирования. Главными источниками пополнения рабочих кадров стали: молодежь, незадействованная в общественном производстве, избыточное крестьянское население и контингент исправительно-трудовых учреждений НКВД.

Ключевые слова: «Второе Баку», кадровая система, нефтепровод, ГУАС, первостроители, «шестилетники».

Став в 1922 г. Генеральным секретарем ВКП(б), И. В. Сталин на годы создал общесоюзную кадровую систему, ядром которой, как и ядром всего нового государства, стала партия. В прямом конфликте «кадровой системы» с «кадровой политикой» победу одержала систе-

ма, основанная на двенадцати принципах. Кадровая система, в самом широком смысле слова – это специальным образом организованный управленческий ресурс или потенциал общества, который несет прямую ответственность за принятие и реализацию решений, от которых зависит судьба нации. Принципы кадровой системы («кадры решают все»; целостность; идеология; выделение приоритетов; персональная ответственность; «главный враг – бюрократ»; «или-или»; ротация кадров; обратная связь; «орден меченосцев» или «глубинное государство»; творческий потенциал; особая роль руководителя) описал президент центра стратегических исследований «Россия – исламский мир», историк и публицист Ш. З. Султанов [Султанов..., 2019].

Сталинский принцип «кадры решают все!» – емкое и точное подтверждение абсолютного главенства именно человеческого управленческого потенциала, именно кадровой системы в стратегии развития страны по отношению к другим факторам. Для более рационального обеспечения предприятий рабочей силой в начале 1930 г. было принято решение о создании Главного управления по подготовке промышленных кадров (Главпромкадр) при Высшем Совете народного хозяйства СССР [Аникст, 1921]. Вся система подготовки рабочих кадров передавалась в ведение наркоматов. Отраслевой (ведомственный) подход в решении данного вопроса обеспечивал предприятия рабочей силой с учетом специфики производства [Ткачева, 2006, с. 44].

При освоении Волго-Уральской нефтегазоносной области («Второго Баку») в конце 1940 – середине 1950-х гг. работа с кадрами имела свои особенности. Особенно это заметно при изучении состава жителей населенных пунктов вдоль нефтепровода. Объектом нашего исследования стало население пос. Первомайский Благоварского района Республики Башкортостан.

Наше исследование по материалам ф. 5454 Центрального государственного архива общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ) проведено в 2008–2012 гг., интервью с жителями поселка проводились в 2009–2012 гг., изучение некрополя «Урняк» проведено в 2005–2009 гг. В 2008–2009 гг. проводилось изучение содержания благоварской районной газеты «Хезмэт байрагы» («Знамя труда») в фондах Башкирской республиканской библиотеки имени Ахмедзаки Валиди. По материалам исследования подготовлена рукопись [Первомайский, 2012], которая в сентябре 2012 года передана на хранение в Благоварский краеведческий музей (с. Языково РБ) и в фонды музея МОУ СОШ «Первомайская средняя школа» (Благоварский район РБ).

Усилиями активистов «благоварской школы краеведения», и прежде всего А. Р. Гайсина, описаны основные страницы истории поселка

[Благоварская земля..., 2005]. Отдельные сведения о поселке, его жителях можно получить из энциклопедических [Башкирская энциклопедия, 2005–2011] и справочных источников [Башкирских нефтяников славные имена, 1997; Инженеры Урала, 2001–2012; Память..., 1995; Подвиги их – бессмертны..., 2000; Чишмы..., 2004], газетно-журнальных публикаций. Благоварская школа краеведения (А. Р. Гайсин, Г. Г. Ишмаев, Н. В. Лищенко, С. Г. Лукманов, Б. М. Лынный, М. М. Мамлеев, Р. Г. Курбангулов, Г. Т. Хусаинова, Р. Ш. Якиев и др.) имеет особенность: она развивает методологию биографики. Особенности школы представлены нами участникам Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики» в 2007 г. в Казани [Исхаков, 2007].

Пос. Первомайский заложен в сентябре 1949 г., в декабре 1949 г. создана стройплощадка при СУ-4 треста «Востокнефтепроводстрой» (ВНПС)¹. В окрестностях Первомайского в 1959 г. в составе Саннинского сельского совета находилось 13 населенных пунктов с населением 2380 человек – Старые Санны (404 жителя), Новые Санны (93), Новоисея (114), Нижне-Троицкий (92), Жуковка (38) Староамирова (100) Урняк (49), Шарлыкуль (54), Вторая Покровка (138), Крымсарай (49), Русские Озерки (47), Татарские Озерки (106).

Современная территория расположена в бассейне р. Чермасан и ее притока Саннинки. Расстояние до города Уфы по автодороге 84 км, до районного центра Языково – 16 км, в 19 км от ст. Благовар и 32 км от ст. Буздяк Куйбышевской железной дороги. Со второй половины XVIII в. здесь проходил почтовый тракт Уфа – Казань (через Бугульму), на р. Чермасан был сооружен деревянный мост. 80-километровое плечо от Чермасанского моста до Уфы строилось более 20 лет. На севере территорию поселка пересекает автомагистраль Самара – Уфа – Челябинск, на востоке поселка – шоссе до ст. Благовар Куйбышевской железной дороги.

История поселка связана с началом строительства в 1946 г. нефтепровода Туймазы – Уфа, проходившего через территорию Благоварского района Башкирской АССР. Идея перекачки нефти по трубопроводу принадлежит Д. И. Менделееву. Прежде чем приступить к расстановке перекачивающих станций по трассе нефтепровода, проектанты исследуют трассу на наличие *перевальной точки*. Для этого на сжатом профиле трассы в соответствии с выбранными масштабами длин и высот строился прямоугольный треугольник, изображающий

¹ Поселок первоначально именовали либо «Стройплощадка “Санны” при 4-м СУ» (по имени соседнего села «Санны»), либо «Стройплощадка “Языково” (по имени районного центра «Языково»)), с 1957 г. носит современное название «Первомайский».

потери напора². Через каждые 80–100 км проектировалась нефтеперекачивающая станция. Так, на трассе Туймазы – Уфа расположены линейная производственно-диспетчерская станция (ЛПДС) «Серафимовский» (пос. Серафимовка), ЛПДС «Языково» (пос. Первомайский) и ЛПДС «Нурлино» (пос. Нурлино).

Еще с 1760-х гг. в Волжско-Камском регионе шли активные поиски нефти, начатые академиком И. И. Лепехиным. И. И. Лепехин располагал отрывочными сведениями о наличии признаков нефти на поверхности земли в виде «нефтяных ключей» и выходов асфальта по рекам Сок и Шешма (ныне Самарская обл.). В 1754 г. Надыром Уразметовым была осуществлена попытка построить завод для добычи башкирской нефти, однако он не успел завершить задуманное [Кутлугалямов, 2005, с. 14]. В 1860–1880-х гг. часть российских геологов почти доказала наличие громадных нефтезапасов между Волгой и Уралом³. Выдающийся русский химик Д. И. Менделеев в конце XIX в. также высказал твердое убеждение о присутствии нефтяных залежей к востоку от Самары [Менделеев, 1897]. В 1905 г. геолог Уральского горного управления Федор Иванович Кандыкин предсказал существование нефти в Башкирии [Екатеринбург, 2002, с. 273]. Однако вопрос о нефти в Башкирии заглох в научных дискуссиях столичных профессоров, и к началу XX в. официально считалось, что рентабельных к разработке нефтепластов там нет.

16 мая 1932 г. скважина № 702 выбросила первый фонтан промышленной нефти на Ишимбайском месторождения, положив начало становлению нефтяной промышленности Башкирии. Позднее газета «Правда» опубликовала передовую статью, сравнив обширный регион – Башкирия, Татария и Куйбышевская область – с нефтяным Баку [Второй Баку...]⁴. В 1937 г. в западной части республики было открыто Туймазинское месторождение. Новый этап в развитии нефтедобывающей промышленности начинается в 1944 с обнаружения в Туймазин-

² При выборе трассы нефтепровода учитывали перспективное развитие городов и других населенных пунктов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий железных и автомобильных дорог и других объектов и проектируемого трубопровода как минимум на ближайшие 20 лет, а также условия строительства (ремонта) и обслуживания нефтепровода в период его эксплуатации (существующие, строящиеся, проектируемые и реконструируемые здания и сооружения, мелиорация заболоченных земель, ирригация пустынных и степных районов, использование водных объектов и т. д.), выполняли прогнозирование изменений природных условий в процессе строительства и эксплуатации магистральных нефтепроводов, а также возможных последствий при аварийных повреждениях нефтепроводов, исходя из конкретных природно-климатических и других местных условий.

³ Подробнее об этих изысканиях см.: [Губкин, с. 528–542].

⁴ В 1940-е гг. один из крупнейших нефтегазоносных районов России так и называли – «Второе Баку».

ском месторождении огромных запасов девонской нефти Включение их в разработку, а также открытие Шкаповского месторождения (1953) и других месторождений девонской нефти выдвинули Башкортостан на одно из передовых мест в нефтяной индустрии страны.

В сентябре 1952 г. на стройплощадке «Языково» было занято 452 рабочих, из них на строительном участке № 1 СУ-3 треста «Восток-нефтепроводстрой» (ВНПС) – 313 чел., партийное ядро составляло 17 чел. [ЦГАОО РБ, ф. 5454, оп. 1, д. 1, л. 23]. На Языковской нефтеперекачивающей станции (ЯНПС) был занят 81 чел., в автоотряде работало 58 чел. [Там же, л. 24]. На стройплощадке действовала комсомольская организация, которая объединяла 8 чел., в профсоюзной организации было 92 чел. [Там же, л. 60 об]. 30 июня 1952 г. создан местный комитет профсоюза [Там же, л. 42].

В сентябре 1952 г. строители взяли обязательство сдать газопровод в Уфу к 5 октября 1952 г., а магистральный трубопровод – к 7 ноября 1952 г. [Там же, л. 22]. В 1957 году Языковская НПС стала работать на полную мощность [ЦГАОО РБ, ф. 5454, оп. 5, д. 6, л. 50]. По оценкам, она перекачивала 30 % нефти, добытой в Советском Союзе [Там же, д. 4, л. 61]. Начиная с 1950-х гг., «Второй Баку» вышел на первое место в СССР по размерам добычи нефти. К 1965 г. «Второй Баку» уже давал 72 % всей советской нефти.

Население пос. Первомайский – новосельское, его формирование шло тремя путями. Главными источниками пополнения рабочих кадров стали:

- молодежь, не задействованная в общественном производстве;
- избыточное крестьянское население;
- контингент учреждений ГУЛАГ.

Основным направлением реализации кадровой политики было привлечение первостроителей пос. Первомайский и Языковской нефтеперекачивающей станции из районов Башкирской АССР и других регионов СССР.

В начале 1949 г. и летом-осенью 1950 г. на стройплощадку «Санны» при 4-м СУ прибыли коммунисты В. Х. Абдрашитов, С. И. Башарова, И. Ф. Веклич, М. И. Ибатуллин, А. Г. Ильясов, В. М. Кладов, Н. А. Колосов, В. С. Николаев, Р. Я. Скоблова, Г. М. Скоблов, В. В. Суздальцев, З. Ф. Фазылов, П. И. Цимбал, М. Н. Шаймарданов, Я. П. Шестеряков, М. Ю. Юсупов и др. [ЦГАОО РБ, ф. 5454, оп. 3, д. 2, л. 1 об. – 2].

Партийная организация Стройплощадки «Санны» при 4-м СУ (секретарь Калякин А. М.) стала преемником партийной организации нефтеразведки «Языково» [Там же, оп. 1, д. 1]. В 1951 г. партийная ор-

ганизация продолжала расти. 20 сентября 1952 г. бюро Благоварского райкома ВКП(б) приняло решение о создании первичной партийной организации при Языковской НПС. 16 октября 1952 г. инструктор райкома ВКП(б) Иванов довел до сведения собрания коммунистов под председательством И. Г. Суркова и А. Г. Байназарова об этом решении [Там же, л. 39]. При обсуждении решения выступили Н. А. Галлямов, А. Р. Байназаров, Балунова, В. М. Кладов. На учете состояло четыре члена ВКП(б) и два кандидата в члены партии. Отмечалось, что не состоят на учете Камалов, Байков, Шакиров [Там же, л. 40].

В составе автоотряда № 4 при строительном участке № 1 СУ-4 треста «Востокнефтепроводстрой» (ВНПС) числилось 58 чел. [Там же, л. 24], имелось 45 автомашин [Там же, л. 25]. Имелся гараж. Автоотряд входил в состав автобазы (начальник Тарасов) автотранспортной колонны № 2 (АТК-2, начальник Анисимкин) [ЦГАОО РБ, ф. 5454, оп. 4, д. 1, л. 30]. Начальником был Ш. С. Зарипов (1950 – февраль 1954), а с 1954 до 1961 г. – А. М. Адаменко.

В автоотряде работали М. Г. Байков (механик), водители Ардуванов, Богомазов, С. Галяутдинов, Ш. С. Дахин, Еникеев, В. А. Кашинский, В. М. Кладов, Н. И. Клемм, Д. Т. Олешко, А. П. Рябов, Н. А. Ткаченко, Т. Х. Тухватуллин, Ялаев. Руководство осуществляла партийная организация, персональное поручение имел В. М. Кладов [Там же, л. 6]. Несмотря на то, что водители работали без выходных, часто сверхурочно [Там же, л. 11], они откликались на общие нужды. Так, в 1954 г. в ответ на призыв нефтяников г. Октябрьского о помощи колхозам в период весеннего сева обязались вывезти на поля зерна в количестве 50 тонн [Там же, л. 15].

Вторым направлением было переселение жителей из окрестных деревень, в которых жили потомки башкир-вотчинников, а также бывших припущенников⁵. Вокруг располагались земли башкир племени мин. Наиболее старинное поселение в районе поселка – д. Ильчимбетово-Санна, известная с 25 февраля 1740 г. [Гайсин, 2005]. Деревни Баштирма, Старый Усман, Балышлы, Удрякбаш, Шамей, Кашкалаши являются ранними поселениями; Башбуляк, Новый Буляк, поселок разъезда Янбахты, Новый Троицкий, Куллекул, Таллыкул, Хайдар, Яланкуль, Камышлы, Бузавлык, Тугарак Тугай, Ямакай, Барсуан, Слакбаш, Биек-Усак, Троицк – поздними; Ново-Первушино, Акъялан, II Балышлы, Новый Троицкий, Лотино, Пушкино, Верхние и Нижние Балканы, Поносово – исчезнувшими. В 1968–1980 гг. были исключены из учетных данных по административно-территориальному делению

⁵ Припущенники – безземельные крестьяне из других народностей, принятые башкирами-общинниками. Пользовались общинными угодьями на договорных началах с общего согласия общины.

Саннинского сельского совета следующие населенные пункты: Жуковка (с 1968), Крымсарай (1972), Новомоисеево (1972), Урняк (1972), Шарлыкүль (1977), Новые Санны (1978), Татарские Озерки (1971).

Из Новых Саннов на строительство были привлечены Л. Г. Исхаков, из Старых Саннов – Ф. Ш. Мухтаруллин, из Старо-Амирова – Г. Сахапов, из Урняка – Гансеев, из Благовара – Е. Сергеева, из Каргалов – Р. Я. Еникеев, из Ямакая – М. Г. Байков, из Шарлыка – С. Ризванова, из Шарлыкүля – Ф. Габдульманов.

Третьим направлением стало привлечение контингента ГУЛАГ. Профиль стройки, образ жизни жителей поселка определялся его «НКВДшным» происхождением. Трест «Востокнефтепроводстрой» вышел из недр Главного управления аэродромного строительства (ГУАС), организованного 24 марта 1941 г. в составе НКВД. 31 июля 1941 г. была объявлена новая структура центрального аппарата НКВД СССР, в структуру которого входил ГУАС.

К 15 июня 1941 г. в стране было развернуто строительство 254 аэродромов [ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1165, л. 32–44]. Работы вели силами заключенных, приговоренных к исправительно-трудовым работам (без содержания под стражей), строительных батальонов, военнопленных и колхозников, мобилизованных местными органами власти. На 1 января 1944 г. из 45 246 работающих в ГУАСе заключенных было 10 898, трудмобилизованных – 23 480, «контингента ПФЛ» – 1 247 человек [ГАРФ, ф. 8437, оп. 1, д. 37, л. 1]; на 1 января 1945 г. из 75 тыс. работников было 8 800 заключенных, 47 700 трудмобилизованных, 3 800 «контингента ПФЛ» [Там же, д. 44, л. 1].

13 февраля 1946 г. приказом НКВД и Наркомата строительства предприятий тяжелой промышленности (НК СПТП) № 025/1с ГУАС вместе со всеми СУ был передан вновь организованному НК СПТП (во исполнение постановления СНК СССР № 239 от 28 января 1946 г.). Стройуправления передавали со всеми вольнонаемными рабочими, инженерно-техническим персоналом и служащими, а также оборудованием, транспортом, материалами. 11 апреля 1947 г. на западе Башкирии был образован ТуймазинЛаг.

На строительстве магистрального нефтепровода в Башкирии, в т. ч. на стр. площадке «Санны», среди рабочих большую группу составляли так называемые «шестилетники» – советские граждане, которые проходили «филтрацию» (проверку) в специальных лагерях (ПФЛ). В июле-сентябре 1946 г. многим «выписали» по шесть лет ссылки.

В конце 1940-х гг. в республиканское подчинение был передан ряд лагерей ГУЛАГа, разукрупненных и преобразованных в лаготделения.

По данным на 1 января 1958 г. в состав УИТЛК МВД Башкирской АССР входило 10 лаготделений (ЛО № 1, № 9 и № 2 в г. Черниковск, ЛО № 3 и № 7 в г. Стерлитамак, ЛО № 4 в пос. Мелеуз, ЛО № 5 в Благовещенском районе, ЛО № 6 в Белебеевском районе, ЛО № 8 в Макаровском районе, ЛО № 10 в Уфе), ИТК № 1 в Караидельском районе и пересыльная тюрьма в г. Уфе.

Лаготделениями областных и республиканских управлений МВД в начале 1950-х гг. стали именоваться и многие бывшие колонии. Из 2 753 356 спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. в Башкирской АССР проживали: спецпоселенцы – 18 974, ссыльнопоселенцы – 18 282, ссыльные – 637, высланные – 55. Из них немцы – 13 153 (выселенные – 8 039, местные – 3 206, мобилизованные – 1 132, репатриированные – 773, «другие» – 3); из Крыма – 4 473 (греки – 1 967, армяне – 941, болгары – 768, татары – 299, «другие» – 498); «власовцы» – 1 341; калмыки – 5; с Северного Кавказа – 2 (чеченцы). Численность заключенных УИТЛК МВД Башкирской АССР на 1 января 1958 г. составляла 10 375 человек.

Ссыльных-шестилетников отправляли из ПФЛ в разные места: прибытие последних совпало с началом массовой застройки Черниковска по только что утвержденному генплану (в числе строителей были известные певцы Вадим Козин и Лидия Русланова). В 1953 г. 5-й лагерь для военнопленных в городе Черниковск был ликвидирован. А 24 июня 1956 г. и название Черниковск исчезло с карт: города вновь объединились.

На строительстве магистрального нефтепровода в Башкирии, в том числе на стройплощадке СУ-4, среди рабочих было много «шестилетников» – Анатолий Максимович Адаменко, Петр Владимирович Жигиль, Дмитрий Иванов, Александр Кирпу, Николай Иванович Клемм, Иван Иосифович Коломиец, Петр Рыбаков, Григорий Чепуленок, Илья Чиков, Василий Яковлев и др. В 1960-е гг. многие вернулись на родину.

По роду занятий жители поселка делились на «эксплуатационников» (Языковская нефтеперекачивающая станция, ЯНПС, ныне ЛПДС «Языково»), «трассовиков» (СУ-3 треста «Востокнефтепроводстрой») и «монтажников» (СМУ-74 треста «Нефтепроводмонтаж»). Территорию станции охраняла ведомственная вооруженная охрана (ВОХР). Недалеко от ЯНПС имелся собственный барак ВОХР. В поселке постоянно дислоцировалась бригада СУ-3 треста ВНПС (бригадир – Ульфат Кашапов) и СМУ-74 треста НПМ. В 1965 г. на короткое время из местных жителей сформировали бригаду отделочников СУ-5 треста ВНПС. Развивалась инфраструктура поселка – бетонно-растворный узел, пожарные (ППЧ), больница, узел связи, почта, школа,

продовольственный и продуктовый магазины ОРС ТРНУ (продавцы Е. Букарева, А. Дахина), хлебопекарня (пекарь П. Мартынов, помощник пекаря Ф. Ю. Исакова), газораспределительный пункт, профсоюзный клуб (заведующий П. Н. Лесин, библиотекарь В. Михайлюк, киномеханик Н. Сергеева).

В 1959 г. в самом поселке Первомайский проживало 994 чел. До 1965 г. основным типом жилища в поселке был многоквартирный барак, было несколько финских домиков и брусчатых домов. В середине 1960-х гг. приступили к строительству двухэтажных «хрущевок»; на изломе XX и XXI вв. началось индивидуальное жилищное строительство (ИЖС).

Руководство жизнью поселка, решение местных проблем, контроль над соблюдением норм социалистического общежития возлагалось на уникальный орган управления – коменданта поселка из числа жителей поселка. На этой должности работали Зиннат Ибатуллинвич Камалов, Петр Иванович Акимов, Канзафар Сабирьянович Дахин, Шагибак Нурмухаметович Асфандияров, Александр Трофимович Храмов. Саннинский сельский совет, к которому был приписан поселок нефтяников, по Указу Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 29 марта 1973 г. был разделен на Первомайский и Саннинский сельские советы. В 2006 г. Саннинский сельсовет (с 2002 г. его председателем был Р. И. Галимов) ликвидирован путем реорганизации в форме присоединения, правопреемником стал Первомайский сельсовет. Лишь с 1993 г. правовой режим в поселке Первомайский стал опираться на действующее законодательство о местном самоуправлении; были созданы Первомайский сельский совет и Администрация (последовательно ее возглавляли Л. А. Матросова, В. А. Кузьмина, А. Д. Егорова (Олешко), Х. Лукманова (Казбекова) и З. Э. Мозговая).

Аникст О. История возникновения Главпрофобра // Вестн. проф.-техн. образования. 1921. № 9.

Башкирская энциклопедия : в 7 т. Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 2005–2011.

Башкирских нефтяников славные имена. Уфа: РИЦ АНК «Башнефть», 1997.

Благоварская земля: годы и люди. / редкол.: Г. Т. Хусаинова (гл. ред.). Уфа: Восточная печать, 2005.

Второй Баку // Правда. 1939. 7 авг.

Гайсин А. Р. На земле Ильчмбетово-Саннинской. Уфа: Белая река, 2005.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 8437. Главное управление аэродромного строительства (ГУАС) Народного комиссариата внутренних дел СССР. 1941–1946.

Ф. 9414. Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства внутренних дел СССР. 1930–1960.

- Губкин И. М. Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950.
Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002.
Инженеры Урала : энциклопедия. Екатеринбург: Урал. рабочий. Т. 1–3. 2001–2012.
- Исхаков Р. Л. Биографика как историографическая археопсихология : Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики : сб. материалов Междунар. конгр., Казань, 18–19 апр. 2007 г. Казань: Алма-Лит, 2007.
- Кутлугаллямов М. Паллас оказался прав // Истоки. 2005. 9 февр. С. 14.
- Менделеев Д. И. Нефть // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб: Изд-во И. А. Ефрон. 1897. Т. XX а. С. 947.
- Память. Списки погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 22 кн. Кн. 7. Уфа: Китап, 1995.
- Первомайский: энцикл. справочник / под ред. Р. Л. Исхакова, зам. гл. ред. Е. Н. Михайлюк; авт. колл. под рук. Л. И. Сабитовой. Уфа, 2012. (Рукопись).
- Подвиги их – бессмертны : справочник о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы из Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2000.
- Султанов Ш. Кадровая система Сталина. Двенадцать принципов. URL: https://zavtra.ru/blogs/stalin_krasnij_mechtatel (дата обращения: 24.11.2022).
- Ткачева Г. А. Подготовка кадров для промышленности и транспорта (1941–1945) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 44–57.
- Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 5454. Линейная производственно-диспетчерская, ст. Языково. 1950–1991.
- Чишмы – край светлых родников : науч.-справ. изд. Уфа: Вост. печать, 2004.

УДК 94(47).073(093)

Т. Н. Кандаурова
Российский государственный
гуманитарный университет, г. Москва

ВОЕННАЯ ДЕПАРТАМЕНТСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (ПО ОТЧЕТНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В статье на основе отчетных статистических материалов и методов количественного анализа сведений о Департаменте военных поселений анализируется развитие военной департаментской канцелярии в первой половине XIX в. Рассматриваются динамика делопроизводства и документооборота, определение тенденций их развития в 1830–1850-х гг. на основе построения диаграмм и выравнивания динамических рядов по отдельным показателям годовых отчетов департамента. Также предпринята

попытка определения типологии организационной культуры данной военно-министерской структуры, особенностей ее функционирования в рамках Военного министерства в означенный временной период. При сравнении департаментских канцелярских структур показаны общие и особенные характеристики их организации и развития по реформационным положениям 1830-х гг.

Ключевые слова: Военное министерство, военная департаментская канцелярия, Департамент военных поселений, организационная культура, ролевая организационная культура, годовые департаментские отчеты, канцелярское делопроизводство, динамика годового документооборота.

Формирование российской министерской системы в начале XIX в. способствовало трансформациям в сфере государственного управления, включая военное ведомство. За первую половину XIX в. оно претерпело ряд структурных и системных изменений, что способствовало формированию военно-министерской организационной культуры и организационной культуры министерских подразделений (канцелярий, департаментов, отделений), определению динамики их развития, складыванию и эволюции системы делопроизводства и документооборота. Именно в этот период происходит формирование канцелярского института системы военно-государственного управления, формируется отраслевая дифференциация и интеграция внутри военного ведомства, оформляется система управления департаментских канцелярий. В 1830-х гг. военное ведомство России, сформированное в начале XIX в. в министерском формате [Манифест..., 1830] переживало очередную трансформацию и модернизацию [Образование военного министерства, 1833]. По реформе военного управления 1830-х гг. четыре канцелярии военного ведомства были объединены в единую структуру – канцелярию военного министерства. Тогда же получили новое устройство его департаменты и департаментские военно-министерские канцелярии.

В 1832 г. в составе военного министерства был создан Временный департамент военных поселений. В 1835 г. он был преобразован в постоянную министерскую структуру и подчинен военному министру, а в Департаменте учреждалась собственная канцелярия. На Департамент военных поселений (далее – ДВП), помимо управления этой частью армии, возлагалось управление всеми иррегулярными войсками страны, военно-учебными заведениями, постройкой воинских зданий и обеспечение войск квартирными деньгами. С учреждением постоянного Департамента начала формироваться и его канцелярия. Канцелярия входила в общий состав Департамента наряду с казначейством, архивом, типографией, литографией и штаб-доктором военных поселений.

Департаментская канцелярия, как и канцелярия министерская, являлась центральной структурной константой в системе управления и документоведения ДВП. Она была местом сосредоточения всего департаментского документоведения и делопроизводства. [Положение о преобразовании..., 1835, с. 722]. Можно утверждать, что министерская канцелярская практика распространилась на департаменты Военного министерства в 1830-х гг. и закрепились в их управленческой деятельности и практике. В канцелярию поступали все входящие документы, и здесь они распределялись в зависимости от их назначения и содержания по отделениям Департамента для рассмотрения и решения; через канцелярию шла рассылка всех исходящих материалов. Журнальная часть канцелярии вела журналы входящих и исходящих документов, а также журналов по высочайшим указам, грамотам и рескриптам. Канцелярия получала и рассылала высочайшие приказы, закончения и различные постановления, т. е. являлась транслятором законодательных материалов для всех подведомственных структур. В канцелярии составлялись приказы по ДВП. Занималась эта департаментская структура секретными делами, а также делами, которые по своему составу не относились ни к какому отделению Департамента, как это было и в общеминистерской канцелярии. Движение дел также отслеживалось канцелярскими служащими. Именно в канцелярии составлялись помесечные и годовые ведомости и отчеты о движении дел. Эта департаментская структура отвечала также за составление общегодового отчета по Департаменту, получая информацию из годовых отчетов по отделениям, агрегируя ее и представляя в сводном годовом отчете.

Канцелярия готовила все доклады по Департаменту, которые утверждались его директором или вице-директорами в его отсутствие. Канцелярская структура ДВП выступала и в качестве департаментского отдела кадров, выполняя работу по определению и увольнению чиновников и писарей Департамента, о назначении им жалованья и других положенных им содержаний. Канцелярия также вела дела о наградах служащих по ДВП и подчиненным ему региональных структур. Здесь же рассматривались следственные дела, за исключением строительной части, и военно-судные дела, которые поступали в Департамент; по ним велась переписка. В штате канцелярии состояли обер-аудитор и его помощник в должности аудитора. Журнальную часть департаментской канцелярии составляли журналист¹ и два его помощника. Возглавлял канцелярию Департамента правитель, а его помощником являлся секретарь канцелярии [Штат департамента..., с. 248–249].

¹ Здесь: чиновник, ответственный за ведение журналов (Ред.).

Содержание чиновников канцелярии по штату 1835 г. представлено в Табл. 1. [сост. по: Там же, с. 248].

Таблица 1.

Штат канцелярии ДВП 1835 г. с указанием годового жалованья

Должность	Число чинов	Жалованье, руб.	Столовые или прибавочные, руб.	Всего, руб.
Правитель канцелярии	1	3 500	1 500	5 000
Секретарь (его помощник)	1	2 000	750	2 750
Обер-аудитор	1	2 000	750	2 750
Аудитор (его помощник)	1	1 200	500	1 700
Журналист	1	2 000	500	2 500
Его помощников	2	1 200	500	3 400
Всего	7			18 100

Писари 1-го класса получали в Департаменте по 120 руб., 2-го класса – по 90 руб., 3-го класса – 75 руб. [Там же, с. 249].

По «Учреждению Военного министерства» 1836 г. в составе ДВП сохранялась канцелярская структура [Учреждение..., 1836, с. 264]. Предметы ее деятельности определялись таким же образом, как и в Положении о ДВП 1835 г.: ведение журналов входящей и исходящей документации, распределение бумаг по отделениям и «рассылка конвертов», дела по личному составу Департамента, секретные дела и дела, не относящиеся ни к одному из отделений; аудиторские дела – следственные, помимо строительных, и военно-судные; вся отчетность по Департаменту, включая отчеты по движению дел [Там же, с. 268.] По законодательству 1836 г. не все Департаменты Военного министерства имели канцелярии, хотя некоторые имели даже по две канцелярии. Например, в Медицинском департаменте, где было два отделения, была только Регистратура, канцелярия отсутствовала. [Там же, с. 268]. В Инженерном департаменте помимо общей канцелярии при директоре департамента, «по званию инспектора Инженерного корпуса», была особая канцелярия.

Число отделений в департаментах Военного министерства было различным. Самое значительное число отделений – шесть – имели

ДВП и Комиссариатский департамент, по пять отделений насчитывалось в Артиллерийском и Инспекторском департаментах. В Провиантском департаменте числилось четыре отделения, в Инженерном департаменте и Департаменте Генерального штаба – по три отделения. В некоторых департаментах канцелярии делились на столы и части, т.е. имели более сложную структуру. В Инспекторском департаменте в канцелярии было два стола и другие части, как и в Департаменте Генерального штаба. В Артиллерийском департаменте в составе канцелярии числилась казначейская и экзекуторская части. В Провиантском департаменте канцелярия включала два стола и части: аудиторскую, журнальную и экзекуторскую. Сравнение состава министерских департаментов по признаку отделений, столов и их канцелярий свидетельствует о том, что в 1830-х гг. не было унифицированной модели организации департаментских министерских структур и их канцелярий. Разделение делопроизводства по отдельным ведомствам министерства и его объемы определялось компетенцией и сферами деятельности министерских подразделений, опытом их развития в предшествующие периоды, управленческими задачами, которые ими решались, а также масштабами подведомственных им структур.

«Положение о порядке производства дел в военном министерстве» 1836 г. определяло порядок делопроизводства в департаментах и других структурах министерства. В приложении к «Положению» были даны формы документов для департаментских канцелярий: журнал высочайше утвержденных докладов, журнал (помесячный) входящим бумагам, передаваемым в департаменты, журнал (помесячный) бумагам, оставляемым к производству в канцелярии Военного министерства, журнал (помесячный) секретным входящим бумагам канцелярии Военного министерства, прочие документальные формы для министерской канцелярии, а также следующие документы: мемория общего присутствия такого-то департамента, журнал Общего присутствия конкретного департамента, опись делам конкретного стола конкретного отделения конкретного департамента или канцелярии Военного министерства, опись бумагам, содержащимся в конкретном деле, общая опись делам, хранящимся в архиве конкретного департамента или канцелярии, ведомость (помесячная) о движении дел по конкретному отделению канцелярии Военного министерства или конкретного департамента. Всего в приложениях к «Положению о порядке производства дел...» содержалось 16 форм документов для министерской канцелярии, департаментов и департаментских канцелярий. [Положение о порядке производства..., 1836, с. 59–65].

«Положение...» и прилагаемые к нему формы документов свидетельствуют о стремлении военного руководства в продолжение ранее оформившихся подходов («Генеральный регламент», «Общее учреждение министерств» и др. положения) иметь максимально единообразную или унифицированную документацию во всех подразделениях министерства, в департаментах и канцеляриях центрального военно-министерского управления, осуществить унификацию документального корпуса и делопроизводства в подведомственных учреждениях. Это во многом облегчало как работу высшего министерского руководства с документами при рассмотрении дел и принятие решений по ним, так и работу служащих министерских структур. Появлялась и определенная системность в формировании департаментских и канцелярских корпусов документации за счет регламентации документооборота и делопроизводственных процессов. Документальные формы также исключали информативную избыточность дел, решаемых в канцеляриях и департаментах министерства. Принятые формы документов ставили чиновников перед необходимостью излагать содержание конкретного дела в виде определенного резюме или экстракта, или в формате представления главных позиций, положений из документального состава дела, т. е. по существу, без лишних отступлений и подробных описаний или пересказов. Об этом наглядно свидетельствуют материалы Общего присутствия ДВП, доклады по ДВП, департаментские отчеты, внутренние описи дел, сохранившихся в фонде ДВП, наградные материалы и представления на награды, где информация представлялась также по определенным рубрикам (должность награждаемого, вступление в службу, общий стаж службы, стаж службы в конкретной должности, последние награждения и предполагаемое награждение, к которому представляли служащего). Определенную форму имели и послужные или формулярные списки служащих ДВП и подведомственных ему структур – региональных военных поселений, как и в случае со служащими других государственных мест и ведомств.

В мае 1843 г. императором Николаем I было утверждено «Образование Департамента военных поселений» – новое положение, регулировавшее деятельность этой министерской структуры [Образование Департамента военных поселений..., 1843, с. 330–339]. Расширялась сфера деятельности Департамента. ДВП получал «устройство по примеру всех прочих хозяйственных департаментов Военного министерства». [Там же, с. 330]. По новому законодательному документу увеличивался численный состав чиновников и служащих Департамента, департаментская канцелярия получала по штату одного нового сотрудника – помощника обер-аудитора. В ДВП сохранялось шесть

отделений; к общему составу добавлялась часть штаб-офицера Генерального штаба и часть обер-аудитора [Там же, с. 332]. Канцелярия ДВП сохраняла все свои прежние функции, некоторые немного дополнялись. На Канцелярию возлагалась обязанность сообщать новые законодательные материалы по профилю ее деятельности в редакцию Свода военных постановлений, доставлять в Инспекторский департамент послужные списки служащих ведомства военных поселений и данные о численности и движении чиновников по третям года. Канцелярия также составляла пенсионные списки для представления в Совет министров.

Годовые отчеты ДВП включают информацию по движению дел в 1830–1850-х гг. Статистические годовые характеристики делопроизводства ДВП позволили определить динамику департаментского документооборота и выявить тенденции его развития на основе построения трендов динамических рядов. На Рис. 1. показана динамика потока входящей документации за 1837–1856 гг. Динамика положительная, среднегодовой рост составил 1 504 ед. от численности входящих и проходящих через канцелярию документов. Количество входящих документов в ДВП в 1837 г. составляло 42 790 ед., а в 1856 г. их численность достигла уже 76 105 ед.; соответственно, корпус входящей документации увеличился в 1,78 раза. Это позволяет заключить, что объем документооборота в ДВП год от года возрастал, увеличивая нагрузку на служащих и канцелярии, и отделений Департамента. При этом отмечалась положительная динамика и по корпусу входящих документов с рубрикой «к сведению» (рис. 2) с восходящим трендом и среднегодовым показателем +594 ед. В 1837 г. количество соответствующих документов составляло 11 612 ед., а в 1856 г. – 26 941 ед.

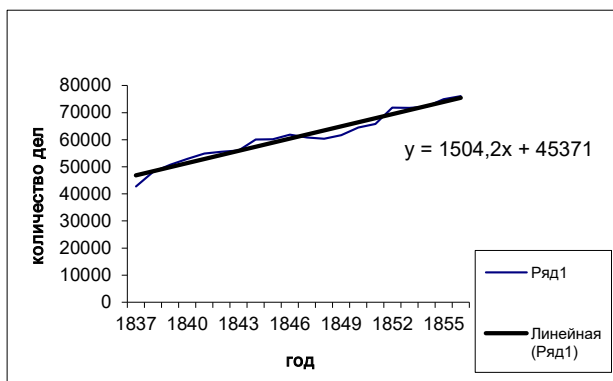

Рис. 1. Динамика численности поступивших дел в Департамент военных поселений за 1837–1856 гг.

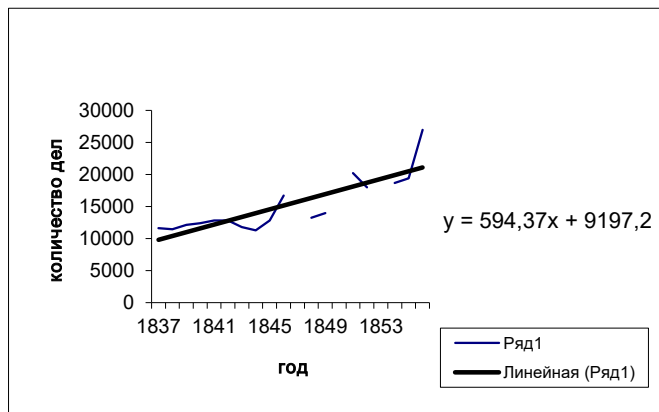

Рис. 2. Динамика численности входящих «к сведению» в Департамент военных поселений в 1837–1856 гг.

Диаграмма на Рис. 3. представляет динамику численности исполненных по ДВП дел за 1837–1856 гг. Здесь также прослеживается восходящий тренд, показывающий положительную динамику за означенный период. Среднегодовой показатель при этом составляет +950 ед. или дел. В 1837 г. было исполнено 31 527 дел, в 1855 г. – 55 681 дело, 1856 г. – 48 977 дел.

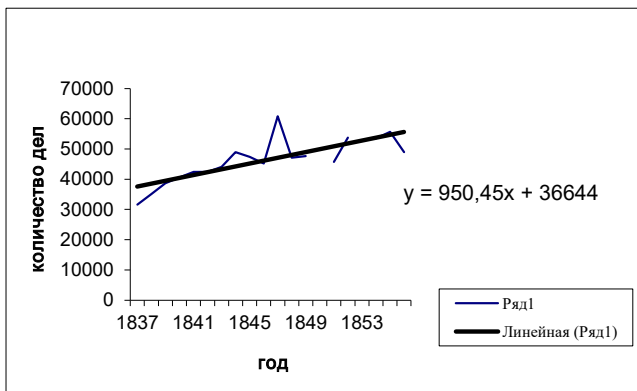

Рис. 3. Динамика численности исполненных дел по Департаменту военных поселений за 1837–1856 гг.

Самый высокий показатель этого маркера делопроизводительной деятельности канцелярской структуры и отделений ДВП приходится

на 1847 г. – 60 842 исполненных дела. Данные характеристики свидетельствуют не только об увеличении объема решенных дел канцелярий и Департаментом в целом, но и об определенной эффективности деятельности этих военно-министерских структур. Динамику численности дел, оставшихся нерешенными в ДВП по годам поступления, за период 1837–1856 гг. показывает диаграмма на Рис. 4. Здесь отмечается нисходящий тренд со среднегодовым показателем –9,36 ед. Это означает, что с течением времени в ДВП оставалось все меньше нерешенных по разным причинам дел, в том числе «за справками».

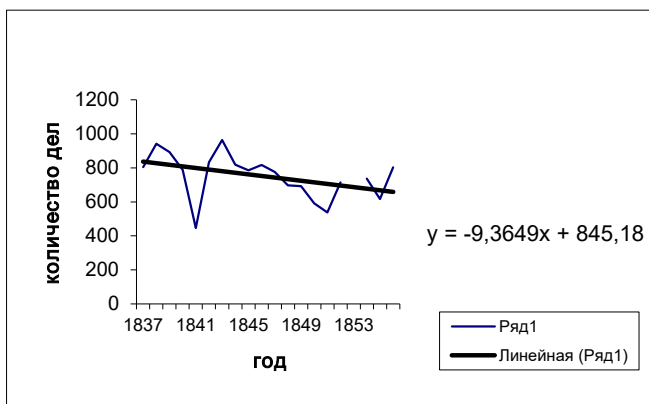

Рис. 4. Динамика численности дел в Департаменте военных поселений, оставшихся нерешенными, по годам поступления (1837–1856).

Диаграммы на Рис. 3 и 4 подтверждают тезис об определенном росте эффективности деятельности чиновников канцелярии и Общего присутствия военно-поселенного ведомства Военного министерства, которое отвечало не только за военно-поселенные структуры, но и за иррегулярные войска, военно-учебные заведения, строительство военных зданий, гидротехнические сооружения и др. Деятельность Департамента была многовекторной и разнонаправленной, что обуславливало значительный объем документооборота и делопроизводства как в отделениях, так и в департаментской канцелярии по подведомственным военно-хозяйственным сферам.

Рис. 5. демонстрирует динамику численности исходящих документов от ДВП за рассматриваемый период. Наблюдается восходящий тренд численности бумаг, подготовленных в Департаменте и вышедших из департаментской канцелярии в различные инстанции и по различным частным запросам. Среднегодовой показатель роста составляет +464,8 ед. В 1837 г. через канцелярию прошло 33 342 исхо-

дящих документа, в 1856 г. – 42 877 документов, больше всего исходящих от ДВП документов пришлось на 1843 г. (59 712 ед.).

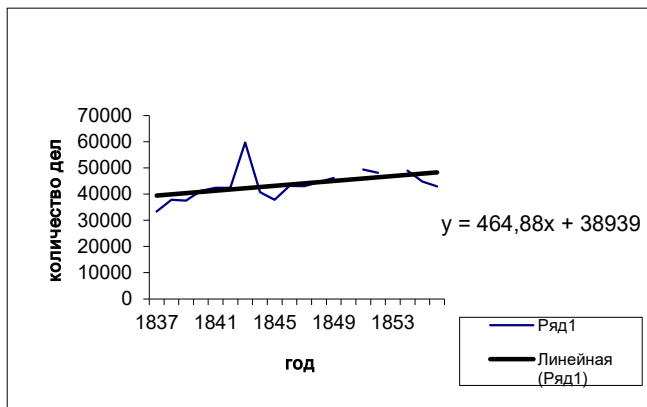

Рис. 5. Динамика численности исходящих документов от Департамента военных поселений за 1837–1856 гг.

На Рис. 6 показана динамика численности исходящих документов от министра по ДВП, готовившихся непосредственно в Департаменте, за период 1837–1856 гг. Как и в случае и с департаментскими исходящими бумагами, наблюдается восходящий тренд со среднегодовым показателем прироста +147 ед. В 1837 г. ДВП отправил от имени министра 1 763 документа, в 1856 г. – уже 3 779 документов, а самое большое количество такой корреспонденции пришлось на 1855 г. – 5 151 документ.

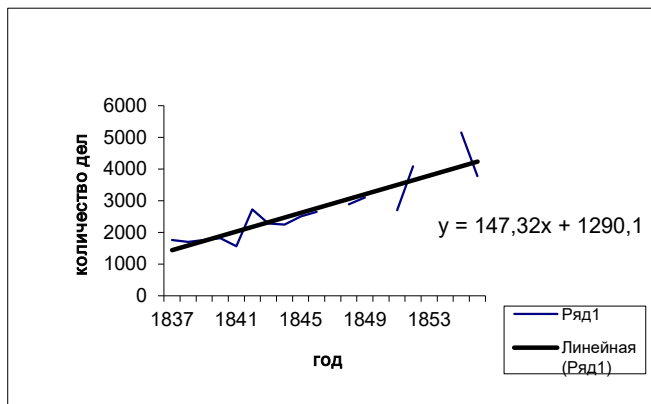

Рис. 6. Динамика численности исходящих документов от министра по Департаменту военных поселений, 1837–1856 гг.

Таким образом, законодательство, определявшее структуру, функции и штат, и отчетная документация ДВП (годовые отчеты) позволяли определить направления и характер деятельности, а также специфику организационной культуры канцелярии данной министерской структуры. Статистические материалы годовых отчетов по делопроизводству дают возможность определить масштабы и тенденции развития деятельности канцелярии как центрального звена в системе функционирования одного из департаментов Военного министерства. Канцелярия ДВП анализировала и распределяла входящую документацию по отделениям и общедепартаментским структурам, контролировала ход делопроизводства и готовила итоговую отчетность, доклады по Департаменту и представления министру; отвечала за кадровую политику, осуществляла коммуникацию с другими ведомствами собственного министерства и Военным советом. Все дела Департамента проходили через канцелярию. Подобно министерской канцелярии [Столетие..., 1907; Общее начертание..., 1907, с. 270–280], канцелярия ДВП «прикладывала руку» к запискам, докладом, справкам, представлениям, отчетам или создавала их самостоятельно». И ни одно поручение, «требовавшее от исполнителей особого доверия», тоже не миновало канцелярию» департаментского уровня.

Опыт деятельности предшественников департаментской канцелярии – канцелярии Военной коллегии (в структуре Военного министерства с 1802 г.), министерского департамента (канцелярии), Военно-походной канцелярии императора, канцелярии министра (с 1811 г.), канцелярии начальника Главного штаба – активно использовался при формировании и деятельности департаментских военно-министерских канцелярий. Различия отмечались только в структурном построении всех указанных канцелярий и масштабности их компетенций и деятельности. При этом в отношении департаментских канцелярий отмечается их более позднее оформление, когда уже имелись определенные практики развития некоторых министерских канцелярий. Процесс институционализации канцелярских структур в целом проходил от высших учреждений к низшим, от больших канцелярских форм к малым.

Во всех управленческих канцелярских структурах присутствует строгая иерархичность построения, подчинение директору или управляющему, соподчиненность, четкое распределение обязанностей. За соблюдение служебной дисциплины, которая определялась разнообразными регламентирующими документами, в департаментах Военного министерства отвечали экзекуторы. Они должны были контролировать благочиние в помещении каждой канцелярии и в де-

партаментах, следили «за пристойностью поведения чиновников, отмечать время их прихода на службу и ухода с нее и обо всем докладывать директору канцелярии». При нарушении служебной дисциплины следовали наказания, доклады вышестоящему начальству, замечания. Экзекутор также наблюдал за опрятным внешним видом служащих. Строгие правила устанавливались и в части поддержания внутренней и наружной чистоты служебных зданий. В рабочее время все служащие министерских департаментов и их канцелярий, министерских канцелярий должны были прилежно заниматься своими делами, «не отвлекаясь никакими посторонними занятиями и разговорами». [Столетие..., 1907. с. 141–142]. Чиновники являлись на службу обязательно в мундирах или другой форменной одежде. От всех чиновников требовалось» самое строгое соблюдение правил подчиненности, точное и безусловное исполнение приказаний начальства, единодушное усердие и ревность к делам, каждому вверенным, и наилучшее поведение как в должности, так и вне оной. Служебные успехи и достижения отмечались и поощрялись денежными наградами, знаками за долготельную службу, орденами, повышением по службе. Об этом свидетельствуют награжденные материалы и послужные списки чиновников Департамента и канцелярии.

Как государственное учреждение Военное министерство, его канцелярии, департаменты и департаментские канцелярии имело собственную организационную культуру. В соответствии с типологией организационных культур Ч. Хенди военно-министерскую организационную культуру можно характеризовать как ролевую. Каждый чиновник и служащий министерства имел точно и четко определенную законодательством роль в организации; он был ориентирован на выполнение определенных правил, обязанностей, поручений и процедур, деятельность его была стандартизирована. При этом координация ролей осуществлялась «узкой группой высших руководителей организации». [Уитцель, 2001, с. 12]. По мнению исследователей, ролевая организационная культура считается традиционной и наиболее распространенной в российской системе управления. Данная культура является культурой бюрократического типа.

По классификации типов организационной культуры, предложенной Н. В. Яковенко, военно-министерская организационная культура первой половины XIX в. вполне соответствует иерархическому типу, для которого характерна «бюрократическая жесткость», которая обеспечивает рентабельный, стабильный, предсказуемый выпуск продукции, в случае с управляющими структурами – стабильную и продуктивную деятельность. «Организация преуспевает благодаря

своей хорошей внутренней интеграции и экономичности. Ключевыми ценностями успеха считаются четкие линии распределения полномочий по принятию решений, стандартизированные правила и процедуры, механизмы учета и контроля. В условиях стабильной среды такая модель работает весьма эффективно. В основном иерархическая культура доминирует в больших организациях и правительственных органах, где большое количество стандартизированных процедур и множество иерархических уровней». [Яковенко, 2006, с. 74]. Все эти признаки вполне можно обнаружить в системном построении и процедуре действия военно-министерских департаментов и канцелярий первой половины XIX в.

Манифест об учреждении министерств // ПСЗ РИ-I. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20406. 1802 г. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 243–248.

Образование военного министерства // ПСЗ РИ-II. Т. VII. 1832 г. № 5318. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1833. С. 225–240.

Образование Департамента военных поселений // ПСЗ РИ-II. Т. XVIII. 1843 г. № 16863. СПб.: Тип. II Отд. С. В. И. В. Канцелярии, 1844. С. 330–339.

Общее начертание порядка производства дел в канцелярии военного министерства и обязанностей чинов, оную составляющих // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. III. Ч. 1. СПб.: Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1907. С. 270–280.

Положение о порядке производства дел в Военном министерстве. Формы документов // ПСЗ РИ-II. Т. XI. Ч. 2. 1836. Штаты и табели. № 9039. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1837. С. 59–65.

Положение о преобразовании Департамента военных поселений Военного министерства // ПСЗ РИ-II. Т. X. Ч. 1. 1835 г. № 8233. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 716–730.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. III. Ч. 1. Исторический очерк деятельности канцелярии Военного министерства и Военного совета. Ч. 1. / сост. Н. А. Данилов. СПб.: Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1907.

Уитцель М. Об авторе и его работах // Хенди Ч. Время безрассудства. / пер. Т. Виноградова, Л. Царук. СПб.: Питер, 2001. С. 7–17.

Учреждение Военного министерства // ПСЗ РИ-II. Т. XI. Ч. 1. 1836 г. № 9038. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1837. С. 247–347.

Штат Департамента военных поселений Военного министерства // ПСЗ РИ-II. Т. X. Ч. 2. 1835 г. № 8233. Штаты и табели. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 248–249.

Яковенко Н. В. Типы организационной культуры и критерии их характеристик // Вестн. УлГТУ. 2006. № 4. С. 74–75.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИНОВНИЧЬЕ- БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (1783–1796 гг.) В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье рассматриваются материалы фондов Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), в которых содержится информация по истории формирования чиновничье-бюрократического аппарата государственных учреждений Таврической области (1783–1796). Основной массив документов отложился в тематических фондах архива. Прежде всего, это фонды государственных учреждений, сформированных в 80-х гг. XVIII в. В делах указанных фондов отражены события финансовой, политической, экономической и культурной жизни Таврической области, этапы развития ее инфраструктуры, административно-территориальные изменения, приведены данные о составе и движении населения. Имеются ценные сведения о создании чиновничье-бюрократического аппарата, о национальном и сословном составе «присутственных мест», функционировавших в Таврической области в период с 1783 по 1796 гг.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, Таврическая область, архивные фонды, биографическая история, бюрократический аппарат, чиновничество, государственные учреждения, администрация.

Историко-биографические исследования имеют свои специфические задачи, где основным объектом «персональной истории» становятся документы общественного и личного происхождения, а предметом исследования – биографии высшего, среднего и низшего российского чиновничества. Введение в научный оборот документов из фондов Государственного архива Республики Крым, относящихся к периоду после присоединения Крыма к России и ранее не вводившихся в научный оборот, составляет одну из приоритетных задач в заявленной тематике исследования.

В фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) содержится ценная информация по истории формирования чиновничье-бюрократического аппарата государственных учреждений Таврической области (1783–1796 гг.). Основной массив документов отложился в тематических фондах архива. Прежде всего, это фонды государственных учреждений, сформированных в 80-х гг.

XVIII в., а именно: Таврического областного правления, Таврической областной казенной палаты, фонды уездных казначейств, фонд Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и определения повинностей, а также фонды Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора П. А. Зубова и Командующего сухопутными войсками в Крыму и южных губерниях и флотах в Черном и Каспийском морях О. А. Игельстрома. В делах указанных фондов отражены финансовая, политическая, экономическая и культурная жизнь Таврической области, этапы развития ее инфраструктуры, административно-территориальные изменения, приведена информация о составе и движении населения. В делах фондов ГАРК имеются ценные сведения о формировании чиновничье-бюрократического аппарата, приведены данные о национальном и сословном составе государственных и административных учреждений Таврической области в период с 1783 по 1796 гг.

Так, например, в ф. 799 Таврического областного правления (Оп. 1–6, 908 ед. хр., 1784–1797 гг.) аккумулированы документы, в которых зафиксированы первые шаги властей по освоению присоединенного в 1783 г. к России Крыма. Среди дел фонда имеются ордера Новороссийского генерал-губернатора, светлейшего князя Г. А. Потемкина с распоряжениями правителю области В. В. Каховскому, в которых речь идет о назначении должностных лиц в штат правления и в другие областные учреждения, материалы о пожаловании земель, о присвоении званий и награждении орденами. В журналах и протоколах заседаний правления приводятся сведения о составе административного аппарата и о перемещении чиновников по служебной лестнице. В связи с задачами по хозяйственному и экономическому освоению края особое внимание уделялось мероприятиям по описанию ресурсов. Были приняты меры по организации разведки полезных ископаемых в Крыму, осуществлялись шаги по приобретению казной земель, лесов и деревень, о причислении в купеческое сословие и о принятии в русское подданство, о строительстве и благоустройстве городов.

Учет экономических ресурсов требовал сбора сведений о состоянии экономики области. Правительство России для проведения масштабных исследований привлекло большую группу ученых: естествоиспытателей, картографов, геодезистов, а также чиновников и администраторов. По требованию Г. А. Потемкина командующий русскими войсками в Крыму и глава Крымского правительства барон О. А. Игельстром приступил к изучению источников доходов Крымского ханства и его расходных статей, земельных ресурсов (в том числе и для выявления фонда земель, которые отводились под раздачу российскому и крымско-татарскому дворянству, помещикам и пр.).

Итогом кропотливой работы по сбору сведений стало составленное О. А. Игельстромом «Камеральное описание Крыма», которое было закончено в июне 1784 г. Данный документ представляет собой наиболее полный отчет о деятельности правительства последнего крымского хана Шагин-Гирея в период с 1778 по 1783 гг. Камеральное описание Крыма было озаглавлено как «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 Августа 1783 года – Июня 1784 г.». Документ состоял из 63 вопросных пунктов, на которые О. А. Игельстром потребовал детальных ответов от подведомственных ему лиц. Среди них были: члены Крымского правительства, каймаканы и представители ханской администрации, служившие при Шагин-Гирее в качестве высших чиновников. Прежде всего, это ханский казнадар (государственный казначей в Крымском ханстве), директор монетного двора и другие лица. Вторая часть «Описания» состояла из ответов опрошенных респондентов [Лашков, 1897, с. 20–30].

Одним из наиболее информативных источников в контексте заявленной темы являются документы, иллюстрирующие историю и этапы создания государственных учреждений Таврической области, которые отложились в делах ф. 799. В их числе – формулярные списки чиновников канцелярии Таврического областного правления, Таврической областной казенной палаты и таких ее подразделений, как Соляная и Винная экспедиции, уездных казначейств, таможенных и карантинных учреждений, Таврического приказа общественного призрения, судебных учреждений, дворянской опеки и других инстанций. Имеются прошения о принятии на службу, приказы о зачислении и об увольнении, ведомости о начислении жалования, рапорты, распоряжения, отношения и прочая документация.

В ф. 802 «Командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях» (13 ед. хр., 1783–1784 гг.) включены материалы о повседневной работе военного чиновника, который являлся главой военной и гражданской власти в Крыму до открытия областных административных учреждений. В делах фонда собраны такие документы, как: рапорты и донесения директоров таможен о ввозе и вывозе товаров; сведения о численности населения в городах и деревнях Таврической области; данные о взимании подушной подати, поступлении доходов с соляных озер. Важнейшим источником по изучению экономического положения Крыма накануне его присоединения к России являются материалы дела № 2, в котором содержатся сведения о тарифах, установленных Шагин-Гиреем на ввоз и вывоз товаров в Крым и из Крыма [ГАРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–50]. Имеется массив материалов

об эмиграции крымских татар за границу в 1784 г., вызванной непродуманными действиями местных и столичных чиновников. Впоследствии такие эмиграционные волны фиксировались еще несколько раз. По принятой классификации, первая из них относится к 1784–1800 гг., вторая – к 1800–1812 гг., третья длилась с 1854 по 1862 гг., четвертая пришлась на 1873–1877 гг., пятая была в 1892–1894 гг., и шестая – в 1901–1904 гг. [Золотарев, 2001, с. 98–104; Дмитриев, 2018, с. 43]. К числу информативных документов фонда можно отнести письма военных чиновников, командированных в Крым для составления описаний дорог, мостов, колодцев и фонтанов.

Что касается фонда Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и определения повинностей (ф. 24, 808 ед. хр., 1800–1810 гг.), то он состоит из документов, собранных в ходе деятельности этой инстанции, учрежденной в 1797 г. Так, в фонде хранятся протоколы заседаний комиссии и отчеты о работе, заключение комиссии о межевании земли, прошения жителей полуострова о возврате имущества, отобранного в казну и присвоенного помещиками. Есть дела об оспаривании прав на землю и имения, а также дарственные грамоты дворянам на владение имениями и землями. Фактически бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российским вельможам и помещикам, а также представителям крымско-татарской знати вскоре привела к тому, что Комиссия ничего существенного в деле урегулирования данного вопроса сделать не смогла. Ключевым фактором, вызвавшим эмиграцию крымских татар, стало возрастающее малоземелье и прямое обезземеливание крымских татар. 13 сентября 1810 г. по указу императора Александра I Комиссия была ликвидирована.

Фонд 801 «Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор» (60 ед. хр., 1792–1796 гг.) документально отражает деятельность высших чиновников, которые занимали данный пост в разное время. В соответствии с указами императрицы Екатерины II от 10 апреля 1783 г. и от 2 февраля 1784 г. были учреждены соответственно Екатеринославское наместничество и Таврическая область. В 1784 г. на должность Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора был назначен светлейший князь Г. А. Потемкин. С 1791 по 1796 г. Екатеринославским и Таврическим генерал-губернатором являлся П. А. Зубов. Генерал-губернатору принадлежала вся полнота военной и гражданской власти на территориях Екатеринославского наместничества и Таврической области. Эта должность была ликвидирована в соответствии с указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии».

Дела ф. 801 содержат предписания генерал-губернатора о составлении родословной книги дворян Таврической области, донесения

и рапорты правителя Таврической области об отводе земель, разведении садов и виноградников, о состоянии войск. Имеются сведения о взыскании с поселян недоимок, о состоянии соляных промыслов, а также ведомости об урожаях хлеба.

В ф. 792 Таврической областной казенной палаты (610 ед. хр., 1785–1797 гг.), которая была создана в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 8 февраля в 1784 г, собраны различные документы, связанные с работой административно-фискальной системы области. Среди материалов фонда – указы Сената, определения Таврического областного правления о разрешении расходов на казенные нужды, о размежевании земель, об отдаче на откуп продажи вина, о прекращении сбора с крестьян хлебной подати и т. п. Наиболее информативными являются отчеты палаты о доходах и расходах, где отражены различные аспекты экономического развития Крыма в конце XVIII в. Также в делах фонда присутствуют рапорты городничих, материалы нижних земских судов о взыскании штрафов, продаже и конфискации товаров, проверке мер и весов и т. п.

К делам этого фонда примыкают материалы фондов уездных казначейств. В подчинении у Таврической областной казенной палаты находились уездные казначейства – Евпаторийское (ф. 750, 25 ед. хр., 1789–1920), Феодосийское (ф. 793, 3 ед. хр., 1787 г.), Симферопольское (ф. 526, 16 ед. хр., 1787–1920 гг.), а также Перекопское, Фанагорийское и Днепровское уездные казначейства. По состоянию на 1790 г., помимо уездных казначеев, в штатах также числился казначей в ногайской татарской пограничной экспедиции Фанагорийского края [Кошман, 2018, с. 94]. Уездные казначейства заведовали приемом и хранением денежных сборов, доходов, выдачей чиновникам по распоряжению властей денежных сумм, свидетельств на право торговли в области и разрешений на промысел. Казначейства занимались оформлением и выдачей паспортов и «подорожных документов», продажей населению всех видов гербовой бумаги. Возглавлял каждое из уездных казначейств уездный казначей, назначавшийся по решению областного правления.

Таким образом, материалы тематических фондов Государственного архива Республики Крым являются содержательным фундаментальным источником, с помощью которых возможно осуществить научную реконструкцию прошлого Крымского полуострова. Помимо всего прочего, материалы со сведениями о формировании чиновничье-бюрократического аппарата Таврической области позволяют воссоздать биографии высшего, среднего и низшего чиновничества присоединенного края, выявить малоизвестные сведения по истории повседневности Российской империи конца XVIII – начала XIX в.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК).

Ф. 24. Комиссия, учрежденная для разбора споров по землям и определения повинностей.

Ф. 526. Симферопольское уездное казначейство.

Ф. 750. Евпаторийское уездное казначейство.

Ф. 792. Таврическая областная казенная палата.

Ф. 793. Феодосийское уездное казначейство.

Ф. 799. Таврическое областное правление.

Ф. 801. Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор.

Ф. 802. Командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях».

Дмитриев В. В. Роль таврических губернаторов в эмиграционных процессах крымских татар // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 41–53.

Золотарев Д. Особенности политики России по отношению к эмиграции и паломничеству крымских татар (60-е годы XIX – начала XX вв.) // Репрессивное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: материалы межд. конф., 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001. С. 98–104.

Кошман В. А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь: ИТ «Ариал», 2018.

[*Лашков Ф. Ф.*] О камеральном описании Крыма (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // ИТУАК. Симферополь, 1897. 2-е изд. № 2. С. 20–30.

УДК 94(470.56).073(093)

Н. Л. Семенова

Стерлитамакский филиал Башкирского
государственного университета, г. Стерлитамак)

ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ ОРЕНБУРГСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ 1830-х гг. В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье предпринята попытка рассмотреть ежегодные отчеты оренбургских гражданских губернаторов 1830-х гг. не только как важнейший источник информации о состоянии губернии, но и как средство административного контроля за состоянием местного управления и деятельностью органов власти. Проанализировано содержание отчетов губернаторов о деятельности местных учреждений, а также результаты их рассмотрения императором и в Комитете министров. Процедуры подготовки и рассмотрения отчетов не только выявляли недостатки в местном управлении, но и позволяли верховной власти корректировать существующие проблемы, предусматривали обратную связь и принятие конкретных мер со стороны начальника губернии.

Ключевые слова: губернатор, ежегодный губернаторский отчет, император, Комитет министров, административный контроль, местное управление.

Всеподданнейшие отчеты губернаторов представляли собой важнейший элемент бюрократической системы Российской империи в XIX – начале XX вв. [Семенова, 2021]. По мнению современных исследователей, они являлись не только одним из основных каналов поступления в центр информации о состоянии местного управления, но и рабочим материалом, который широко использовался при разработке административной политики [Ремнев, 1997, с. 56]. На основе анализа губернаторских отчетов как источника по изучению административной системы самодержавия Н. П. Матханова пришла к выводу, что отчеты губернаторов выражали официальную точку зрения, но вместе с тем прослеживается определенная зависимость их содержания от личных качеств, взглядов начальника губернии, уровня понимания положения дел во вверенной губернии [Матханова, 2000]. А. С. Минаков, рассматривая годовые губернаторские отчеты с точки зрения механизмов взаимодействия центральной и местной власти, уделил значительное внимание анализу формуляра отчетов, процедуре их составления, срокам представления и рассмотрения императором и Комитетом министров [Минаков, 2011, с. 195–302]. Он доказал, что процесс создания отчета свидетельствовал о достаточно эффективном взаимодействии губернатора почти со всеми губернскими отраслевыми ветвями власти [Там же, с. 299]. Несмотря на наличие нарушений в выполнении распоряжений губернатора со стороны губернских учреждений, процедура составления отчета демонстрирует «авторитет губернаторской власти». Важный вывод А. С. Минакова состоит в том, что правительство объективно оценивало губернаторские отчеты, понимая, что они искажают действительность и не являются источником оперативной информации [Там же, с. 300]. Вместе с тем губернаторский отчет оказался «полезным элементом государственной машины», соединяя информационно-аналитическое и управленческое начало [Там же, с. 301]. Таким образом, ежегодные губернаторские отчеты чрезвычайно востребованы в современных исследованиях в силу их широкого и комплексного тематического охвата и занимаемого ими важного места в бюрократической системе Российской империи.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть всеподданнейшие отчеты губернаторов как средство административного контроля в системе местного управления Российской империи в 1830-е годы.

Ежегодные губернаторские отчеты появились в начале XIX в. как основной канал информации, поступающей от местных учреждений в МВД. Их содержание носило характер ведомственной отчетности и преимущественно было сосредоточено на показателях экономического развития губерний. Несмотря на неточный характер сведений и нерегулярность представления, губернаторские отчеты давали возможность правительству и императору составить довольно полное представление о всех сторонах жизни губернии.

Во второй четверти XIX в. отчеты стали рассматриваться как средство контроля за административной деятельностью губернатора, продолжая играть роль одного из многочисленных информационных каналов власти. Особое место в отчете занимали разделы о делопроизводстве и канцелярском порядке по губернскому правлению, по городским и земским полициям, по канцелярии губернатора и другим губернским учреждениям. «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 г. предусматривал структуру губернаторского отчета, которая должна была осветить все стороны жизни губернии. Особое место было отведено «Общим видам и предложениям» губернатора. Наряду со снижением значения нарративной части губернаторского отчета к середине XIX в., возрос интерес правительства к статистическим сведениям, что отражало стремление государства организовать управление на основе знаний о губернии и стало результатом формирования статистической службы.

Вплоть до конца 1830-х гг. практика составления губернаторских отчетов не имела регулярного характера. Одной из проблем оставалась неисполнительность губернских и уездных чиновников, которые не представляли в срок необходимые данные. В этих случаях требовалось вмешательство начальника края. Так, 31 января 1831 г. по распоряжению оренбургского военного губернатора П. П. Сухтелена во все присутственные места были разосланы формы ведомостей для подготовки отчета [ОГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10589, л. 2]. Однако после рассмотрения присланных документов оказалось, что многие учреждения предоставили ведомости без соблюдения правил, в некоторых были изменены формы, в других были обнаружены «противоречия и недостатки», а уфимские присутственные места вовсе ничего не представили.

Сохранившиеся в региональных архивах материалы позволяют уточнить процедуру создания ежегодного губернаторского отчета о состоянии губернии в первой половине XIX в. Например, в фонде канцелярии оренбургского генерал-губернатора ОГАОО сохранился документ «Отчеты организаций Оренбургской губернии. Материалы

к составлению отчетов по Оренбургской губернии за 1834–1837 гг.» [ОГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11082]. Он представляет собой очень объемный том, в котором собраны запросы оренбургского гражданского губернатора в разные губернские и уездные присутственные места о представлении необходимой информации для составления ежегодных отчетов по губернии. Присутственные места Оренбургской губернии направляли в канцелярию гражданского губернатора необходимые сведения, которые затем сводились в единый итоговый отчет, в котором листы делились на две колонки: в правой был написан текст отчета, а левая колонка предназначалась для замечаний и исправлений начальника губернии. То есть предполагалось, что гражданский губернатор проверяет точность цифрового материала, всех документов, представленных присутственными местами.

Особый интерес представляет отчет о состоянии Оренбургской губернии за 1836 г. гражданского губернатора А. П. Гевлича, поскольку архивное дело включает результаты его рассмотрения в Комитете министров [РГИА, ф. 1281, оп. 2, д. 126]. В журнал Комитета министров от 16 ноября 1837 г. было внесено следующее заключение по этому отчету: «...по канцелярии гражданского губернатора и по земским судам разрешено дел гораздо менее, нежели сколько поступило, по приказу общественного призрения, по городническим правлениям и по помянутым судам наибольшая часть остаются неисполненными за сими местами ... от сего может произойти накопление дел» [Там же, л. 23]. Комитет министров «положил предоставить министру внутренних дел о сем обстоятельстве, поставить в вид губернатору для учинения зависящих от него распоряжений, о чем сообщить министру внутренних дел» [Там же, л. 28].

Справедливо отмечалось, что самое малое число решенных дел было в приказе общественного призрения (14 %), губернском правлении (54 %), канцелярии гражданского губернатора (64 %), земских судах (64 %). Следует заметить, что несмотря на значительное число нерешенных дел в губернском правлении, большая часть из них (2617) оставалась на рассмотрении не в самом правлении, а «за другими местами».

В декабре 1837 г. оренбургский гражданский губернатор А. П. Гевлич дал объяснения министру внутренних дел Д. Н. Блудову по поводу сделанных замечаний. Он писал, что в канцелярии гражданского губернатора указаны в числе нерешенных дел те, по которым не получено окончательного донесения или уведомления, «без чего нельзя считать их совершенно конченными», но все необходимые распоряжения по ускорению решения дел начальником губер-

нии сделаны [Там же, л. 27]. По приказу общественного призрения Гевлич указал на специфику делопроизводства: «в числе нерешенных дел в основном заключаются дела о вкладах, и о людях, находящихся в призрении, заработке и на усмирении. По установленному порядку о каждом из них заводится особое дело, к коему присоединяются все бумаги до него относящиеся и пока вклад не будет взят обратно или заем не будет совершен пополнен дело не кончено» [Там же].

Гевлич добавил, что он принял все необходимые меры для исправления производства дел по земским судам, значительная часть которых сохранялась за уфимской и оренбургской городскими полициями. Гражданский губернатор уверял министра внутренних дел, что «...во время управления Оренбургской губернией я неослабно наблюдал за успешнейшим делопроизводством во всех подведомственных мне местах. Для этого введены ежемесячные ведомости о количестве оставшихся дел, поступивших вновь, делаются замечания, а в важных случаях – требуются объяснения. Смею уведомить, что ни один из этих случаев не остался без внимания. И если не все решено, то причина – огромное народонаселение Оренбургской губернии и выходящие беспрестанно новые установления и распоряжения правительства, кои приводятся в действие на местах не иначе, как чрез посредство губернских и уездных присутственных мест» [Там же].

Объяснения гражданского губернатора через министра внутренних дел были рассмотрены на заседании Комитета министров, о чем в журнале было сделана запись: «...объяснение гражданского губернатора довести до Высочайшего сведения» [Там же, л. 36]. 4 февраля 1837 г. император Николай I «рассмотрел» журнал, объяснения оренбургского гражданского губернатора были приняты.

Отчет гражданского губернатора А. П. Гевлича за 1839 г., сохранившийся в фонде Совета министра внутренних дел, содержит пометы и вопросы, которые касались в основном неточности представленных статистических сведений и отсутствия их анализа [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 47]. Ответы на вопросы поступили в канцелярию управляющего делами Министерства внутренних дел только 23 апреля 1841 г., т. е. спустя почти два года после представления самого отчета уже от нового гражданского губернатора И. Д. Талызина. По-видимому, задержка была связана с тем, что почти полгода должность оренбургского гражданского губернатора после отъезда А. П. Гевлича оставалась вакантной, а его обязанности исполнял вице-губернатор.

Вопросы по отчету носили уточняющий характер. Например, «...в статье “Движение народонаселения” недостаточно объяснено уменьшение или умножение населения» [Там же, л. 239–241]. В отчете

не было указано «...состояние запасов губернии как в хлебе, хранящемся в сельских и городских магазинах, так и в денежном капитале, хотя ведомость и приложена, но нужно обозначать» [Там же]. Следовало представить более конкретные сведения о причинах падежа скота в Оренбургской губернии в 1839 г., так как «это для правительства важно» и о количестве «неисполненных бумаг, оставшихся к 1840 г.», тем более, что цифры о неисполненных бумагах приведены неточные: общее количество по отчету составляло 10 733 дела, но только по одному губернскому правлению «оставалось неисполненных 10 176. По канцелярии губернатора хотя неисполненных бумаг не видно, однако должно их числиться 374». Наконец, в ведомости о хлебных и денежных запасах «не показано число душ, подлежащих сбору хлеба и число магазинов, в которых хлеб хранится» [Там же].

Гражданский губернатор И. Д. Талызин представил управляющему Министерством внутренних дел А. Г. Строганову подробные объяснения по поводу сделанных замечаний. Он писал, что о численности населения «не были получены сведения от епархиального начальства», «ведомости о числе душ, подлежащих сбору хлеба, не требовали никакого производства» [Там же, л. 243]. Остальные замечания он объяснил «упущениями» прежнего губернатора.

В целом, в первой половине XIX в. бюрократическая процедура составления и рассмотрения отчета императором, Комитетом министров, скорость реакции на них была достаточно затянута и длилась почти год. Даже в середине и второй половине XIX в. рассмотрение отчетов императором, высшими и центральными учреждениями происходило без какой-либо законодательной регламентации [Минаков, 2011, с. 273]. Такой порядок, конечно же, не способствовал оперативному решению указанных в отчете проблем и реализации предложений. Кроме того, до создания губернской статистической службы систематизация всех поступивших сведений в канцелярии начальника губернии была довольно обременительным и трудоемким занятием. С конца 1830-х гг. отчеты оренбургских гражданских губернаторов составлялись уже регулярно, что подтверждается полными их комплектами, сохранившимися в центральных и местных архивах, сопровождались значительным статистическим материалом, в сборе которого серьезную помощь оказывал губернский статистический комитет. Хотя, в этих данных продолжали встречаться неточности и ошибки.

Таким образом, при Николае I за гражданским губернатором, как начальником вверенной ему губернии, закреплялась личная ответственность за ее состоянием, за порядком делопроизводства и рабо-

той присутственных мест, за «скоростью и успехом течения дел» по губернскому правлению, «делами полиции принадлежащих», числом происшествий по губернии, которые выражались в отчете в количественных показателях и позволяли сделать вывод об эффективности работы. Значение губернаторского отчета тем самым выходило за рамки интересов только одного ведомства – МВД.

Особое внимание правительство уделяло разделу отчета «Виды и предложения», рассчитывая, что в нем найдут отражение собственные взгляды начальника губернии на ее специфику, личная инициатива и т. п. Однако, тенденция унификации структуры и содержания губернаторского отчета, набиравшая силу во второй четверти XIX в., фактически не оставляла места для выражения собственного мнения. Кроме того, особенность Оренбургской губернии, состоявшая в том, что военный губернатор заведовал и гражданской частью, приводила к разному пониманию этого раздела отчета военным и гражданским губернаторами, что требовало дополнительных разъяснений со стороны МВД.

Губернаторский отчет следует признать важным и довольно эффективным способом контроля верховной власти как за состоянием губернии, так и за деятельностью начальника, поскольку он позволял не только выявить недостатки и нарушения, но и предполагал вмешательство сверху с целью исправления недостатков. Кроме того, этот механизм действовал постоянно.

Матханова Н. П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по истории русской истории и литературы: Средневековые и Новое время. Новосибирск, 2000 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19). С. 204–236.

Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Изд. дом «Орлик», 2011.

Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Канцелярия оренбургского генерал-губернатора, г.Оренбург. 1796–1881.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Совет министра внутренних дел.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск, ун-та, 1997.

Семенова Н. Л. Губернаторские отчеты первой половины XIX в.: источник информации или элемент бюрократической системы? // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 226–235.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВОПРОС О ПЕРЕСМОТРЕ ЗЕМСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.¹

В статье впервые вводятся в научный оборот циркуляры министерства внутренних дел Российской империи 1897, 1899, 1901 и 1902 гг., посвященные подготовке изменений в земское избирательное законодательство. Данные документы были направлены на выяснение мнений губернаторов и земских учреждений по различным вопросам, связанным с практикой применения Положения о земских учреждениях 1890 г., среди которых важнейшими были срок полномочий гласных и членов управ, цензовые нормы для участия в выборах, выделение городов в отдельные земские единицы.

Ключевые слова: земское самоуправление, земские выборы, земские гласные, избирательные права, имущественный ценз, министерство внутренних дел.

На рубеже XIX–XX вв. одним из наиболее дискуссионных являлся вопрос о дальнейших путях развития местного самоуправления, в том числе земского. Эта проблема продолжала быть актуальной и после принятия нового Положения о земских учреждениях в 1890 г. и активно обсуждалась на страницах периодической печати. Кроме того, земские собрания неоднократно инициировали различные ходатайства, связанные с пересмотром отдельных статей нового земского Положения, особенно тех, которые были связаны с избирательной системой. В связи с этим в 1897–1902 гг. министерство внутренних дел разослало несколько циркуляров губернаторам (земским губерниям) с целью получить от губернских властей и земств предложения по вопросам, связанным с целесообразностью внесения отдельных изменений в действовавшее Положение.

Данные циркуляры, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве, не введены в научный оборот, хотя и являются ценными источниками по истории развития земского избирательного законодательства, показывающими работу бюрократии по подготовке реформ. Так, В. В. Куликов в своей монографии отдельный параграф посвятил проектам земской реформы на рубеже XIX–

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.».

XX вв., однако в нем обозначенная нами проблема не нашла отражения [Куликов, 2009, с. 262–267]. Не уделено внимания этому вопросу и в исследовании М. С. Чиркова, который свел деятельность министерства внутренних дел в конце XIX – начале XX вв. в деле развития земского самоуправления к разработке проектов введения земства в других губерниях [Чирков, 2006, с. 52–54].

Первый циркуляр за подписью товарища министра князя А. Д. Оболенского был направлен губернаторам 9 июля 1897 г. Поводом для его подготовки стали ходатайства земского и городского самоуправления: «В последнее время в министерство внутренних дел поступили ходатайства некоторых земств и городов по таким вопросам, которые, в случае признания этих ходатайств заслуживающими внимания, могли бы быть разрешены не иначе как в законодательном порядке путем изменения и дополнения подлежащих статей Положения о земских учреждениях».

В связи с этим губернаторам вменялось предложить для обсуждения земским учреждениям ряд вопросов и затем направить их ответы в министерство вместе со своими соображениями. Перечень вопросов выглядел следующим образом:

1. О выделении некоторых более значительных городов из состава местных уездных земств в самостоятельные земские единицы.

2. Об устранении волостных старшин и писарей от участия в качестве гласных в заседаниях земских собраний.

3. Об изменении ст. 120 Положения о земских учреждениях в смысле предоставления земским собраниям права самим избирать заступающих место председателей земских управ.

4. О признании всех председателей земских управ членами подлежащих губернских земских собраний независимо от того, состоят ли они гласными или нет.

5. Об изменении ст. 45 Положения о земских учреждениях в смысле предоставления права лицам, проживающим вне пределов уезда, вместо личной явки в избирательное собрание присылать письменное заявление о желании своем вступить в гласные.

6. Об изменении п. 3 ст. 64 Положения о земских учреждениях в смысле предоставления уездным земствам права непосредственного (помимо губернского земского собрания) возбуждения перед правительством ходатайств о местных пользах и нуждах [РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 295, л. 1].

Примечательно, что список изложенных вопросов отдельными дворянами был признан нуждающимся в дополнениях. В письме П. Н. Адрианопольского из г. Ромны Полтавской губернии от 6 дека-

бря 1897 г. министру внутренних дел подчеркивалось, что вышеуказанными пунктами «не исчерпывается недостаток постановки земств в данный момент». К ним он добавлял, в частности, увеличение «непомерно малого количества» губернских и уездных гласных. С его точки зрения, законодательством был принят «излишне повышенный» имущественный ценз, но уменьшение такового «до минимальных размеров» дало бы возможность «многим даровитым силам», не имеющим в текущих условиях права голоса, принять участие в работе земства и ослабить партии – «бич настоящих земских собраний» [Там же, л. 5].

В дальнейшем вследствие возбужденных некоторыми земствами ходатайств, имеющих отношение к внутренней организации земских собраний и управ, министерство, ввиду общего значения этих ходатайств, циркуляром 4 августа 1899 г. поручило губернаторам подвергнуть при участии земств подробному обсуждению новые вопросы:

1. Об изменении ст. 14 и 123 Положения о земских учреждениях в отношении избрания земских гласных не на три, а на четыре года.

2. О продлении срока службы председателей и членов земских управ до четырех лет.

3. О неодновременной замене членов управ вновь избранными по окончании срока выборной службы лицами (переход к поочередной ротации по образцу замены членов городских управ по ст. 124 Городового положения).

4. О разрешении земству выдавать прогонные деньги приезжающим на сессии земских собраний гласным; о предоставлении губернским земским собраниям права назначать всем губернским гласным суточные на время сессии собрания в размере не более 3 руб. [Там же, оп. 25, д. 2643, л. 764 – 764 об.].

Затем в мае 1901 г. министерством было предложено губернаторам и градоначальникам сообщить свои предположения по вопросу о неудобствах совмещения звания земских и городских гласных с частной службой по вольному найму по земскому и городскому общественному управлению.

Ближайшим поводом к возбуждению этого вопроса была обратившая на себя внимание министра статья в газете «Русский листок», сообщавшая, что «в Одессе два лица, состоящие на службе города, были избраны в гласные вопреки взглядам думы, выраженным в инструкции, преподанной городской управе и запрещающей подобные совместительства». Кроме того, министр поручил хозяйственному департаменту обсудить особое мнение воронежского губернатора о нежелательности совместительства звания гласного земского собрания с частной службой по данному земству [Там же, л. 773 – 773 об.].

Следующий циркуляр губернаторам был направлен министром внутренних дел В.К. Плеве 10 октября 1902 г. Он ставил вопрос о пересмотре цензовых норм, определяющих право участия в земских избирательных собраниях по Положению 12 июня 1890 г.

В документе указывалось:

«Наблюдаемые во многих местностях империи уменьшение количества дворянских владений, дробление крупных земельных участков, повышение продажных и арендных цен на земли, изменение естественных и экономических условий и самого характера землевладения вследствие перехода крупных земельных участков во владение крестьянских обществ, а вместе с тем полное в нескольких случаях несоответствие земельного ценза стоимости других недвижимых имуществ, дающей право на участие в избирательном собрании и определенной для всех губерний в 15 000 руб., послужили для некоторых земств основанием к возбуждению ходатайств о понижении размера имущественного земельного ценза», дающего по закону право на участие в земских избирательных собраниях [Там же, д. 2642, л. 1–2].

Текст циркуляра недвусмысленно гласил, что его целью была подготовка очередных изменений в организацию земского представительства: «учитывая, что указанные явления должны отразиться как на составе лиц, имеющих право участия в земской деятельности, так и вообще на ходе земской жизни, министерство признало своевременным произвести общий пересмотр цензовых норм» [Там же].

В рамках подготовки этого пересмотра министерство просило губернаторов предложить земским учреждениям «подвергнуть тщательному и всестороннему обсуждению вопрос о том, насколько существующий размер земельного ценза соответствует положению уезда в отношении ценности земли, распределения ее между владельцами по сословным группам и иных экономических и естественных условий и наметить желательные в нем изменения», представив затем вместе со своим заключением в министерство [Там же].

Указанные циркуляры были частью бюрократической работы по подготовке новых изменений в земском самоуправлении и земской избирательной системе, которая стала неизбежной на рубеже XIX–XX вв. в связи с многочисленными ходатайствами как земских учреждений (преимущественно по вопросам понижения цензовых норм и изменения порядка организации представительства и выборов), так и институтов городского самоуправления (с ходатайствами увеличения представительства от городов или выделения их в отдельные земские единицы в связи с ростом сборов в пользу земства).

Куликов В. В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. Киров: Аверс, 2009.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Хозяйственный департамент МВД.

Чирков М. С. Земство и власть в Российской империи. 1890–1916 (по материалам Самарской губернии). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006.

3.3. ДОКУМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 651:006

Л. Н. Варламова
Российский государственный
гуманитарный университет, г. Москва

СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАМИ

Функция управления документами является важнейшей для любого развитого государства. Государственная система управления документами это новый, перспективный этап развития нашей сферы деятельности. Формирование такой системы невозможно без использования методов стандартизации, таких как унификация и классификация документов, систем документации и процессов управления ими. В этом аспекте опыт СССР имеет важное прикладное значение с точки зрения организации и методологии процесса. Однако, его реализация должна строиться на иных принципах с учетом функциональных и физических особенностей электронных документов, методов работы с ними. Использование международных стандартов ИСО нового поколения является важнейшей составляющей успеха построения системы стандартов на управление документами, формируемых вокруг Правил делопроизводства в государственных органах и органа местного самоуправления.

Ключевые слова: документ, управление документами, стандартизация управления документами, система стандартов, национальные и международные стандарты.

На протяжении многих лет стандартизация негласно являлась инструментом государственного управления в сфере делопроизводства нашей страны, но была сосредоточена преимущественно на вопросах стандартизации систем документации, классификации процессов и технологий работы с документами.

После того, как в 1963 г. Главным архивным управлением при Совете Министров СССР были разработаны «Основные правила постановки документальной части делопроизводства и работы архивных учреждений, организаций и предприятий СССР» [см.: Кузнецова и др., 2003], практика их применения выявила необходимость создания более детального документа и его распространение на всей территории Советского Союза, включая союзные республики.

Для реализации этой цели необходимо было создание Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) которое изначально поручили Всесоюзному научно-исследовательскому институту стандартизации (ВНИИС), а в 1966 г. укрепили его специально созданным НИИ – Всесоюзным научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

ЕГСД должна была решать следующие задачи: унификация форм создаваемых документов; унификация состава создаваемой документации (видов документов); унификация процедуры подготовки документов и правил их оформления [Единая государственная система..., 1973].

В этот период под стандартизацией понималась необходимость разработки ряда единых систем документации для определенных видов документов, используемых в специализированных сферах деятельности. В результате кропотливой работы наряду с другими системами была разработана Единая государственная система делопроизводства (ЕГСД). Эта система, по сути, была общегосударственным стандартом, но по форме являлась нормативным актом. В дополнение к ней был разработан целый ряд стандартов на виды документов под общим названием ГОСТ 6... «Документация управленческая...». В рамках этой серии стандартов было разработано не менее 23 документов. Три из них носили методологический характер, а остальные стандартизировали конкретные виды документов: приказы, акты, постановления, распоряжения, извещения, телеграммы и другие.

Еще одна группа стандартов, под общим названием ГОСТ 6... «Документация управленческая по личному составу» регламентировала правила составления и оформления кадровых документов.

Интересно отметить, что стандарты были изданы раньше, чем опубликована сама ЕГСД. С внедрением ЕГСД возникла идея межвидовой унификации документов. Ее воплощением стало внедрение двух новых стандартов, вобравших в себя положения ранее изданных 27 стандартов и закрепивших тенденцию обобщения требований к управленческим документам в универсальных базовых стандартах. При этом управленческая документация, используемая в делопроизводстве, была сведена к организационно-распорядительной доку-

ментации (далее ОРД) [см.: Сокова, 2009]. Этот момент очень важно отметить, так как на уровне государственного управления де-факто произошло сужение сферы ответственности документоведов до уровня ОРД. Делопроизводство де-факто и де-юре не влияло на процессы управления, а только их обслуживало путем учета документов и организации документооборота в организации в рамках системы организационно-распорядительной документации. Вместе с тем, роль стандартов как документов, регламентирующих аспекты оформления документов, дополняющих основной нормативный акт по делопроизводству, была окончательно закреплена.

Следующим этапом стандартизации документов и делопроизводства стали работы по унификации форм документов путем создания унифицированных систем документации общесоюзного назначения. При этом обязанности по разработке этих унифицированных документных систем и ответственность за них была возложена на профильные министерства и ведомства СССР. В результате совместных усилий были разработаны и внедрены 16 унифицированных систем документации. Из них 11 были общесоюзными и межотраслевыми (плановая, отчетно-статистическая, финансовая, бухгалтерская, торговая и др.). Особое место занимала «Унифицированная система организационно-распорядительной документации», получившая наибольшее развитие и общегосударственный статус¹.

Все 16 унифицированных систем документации включали в себя основополагающие государственные стандарты, регламентирующие виды документов этой системы; правила их оформления и использования; формы этих документов; терминологию отрасли и т. п. На основании этих стандартов министерства и ведомства разрабатывали перечни унифицированных форм документов отрасли, вошедшие в Общесоюзный классификатор управленческой документации. В дополнение к стандартам на унифицированные системы документации были разработаны альбомы унифицированных форм документов, в которых были собраны образцы (шаблоны) каждого вида документа; а также методические документы, описывающие правила и методы внедрения унифицированной системы.

Таким образом, мы видим влияние стандартизации на развитие государственного управления путем систематизации процессов работы с документами и структурирования систем документации вокруг, как бы мы сейчас сказали, бизнес-процессов, реализуемых в рамках управления.

¹ Более подробно аспекты истории развития унификации и стандартизации документов представлены в учебном пособии автора (см.: [Варламова, 2016]).

Важно отметить, что все унифицированные системы документации могли быть использованы как при традиционном методе обработки информации, так и в автоматизированных системах управления различных уровней (отрасль, министерство, объединение, предприятие) ввиду того, что в стране активно внедрялись автоматизированные системы управления (АСУ) всех уровней (включая общегосударственные и республиканские). В связи с этим были разработаны стандарты на автоматизированные системы управления, правила их разработки, внедрения и использования. Этот факт в очередной раз подчеркивает неразрывную связь стандартизации с управлением и отражением в ней всех передовых тенденций и технологий.

Ввиду того, что в 1980-е гг. произошел некоторый перелом в понимании объекта документооборота, который был связан с принципиальным изменением методов фиксации, передачи и воспроизведения информации, внедрением АСУ и использованием электронно-вычислительных машин, возникли новые виды документов. Необходимо было решать вопросы их регистрации, обработки и хранения, придания им юридической силы, защиты информации и др. Поэтому делопроизводство уже не могло ограничиваться техническим сопровождением процессов управления, так как вышло на новый уровень.

В 1988 г. была утверждена Государственная система документационного обеспечения управления (ГСДОУ), пришедшая на смену Единой государственной системе делопроизводства (ЕГСД).

Новая Система представляла собой совокупность принципов и правил, устанавливающих единые требования к документированию управленческой деятельности и организации работы с документами в государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях с учетом применения средств механизации и автоматизации работы с документами, а также автоматизированных систем управления. Для проведения этой работы требовалась классификация и унификация не только документов, но и содержащейся в них информации. На основе ГСДОУ и государственных стандартов организации были обязаны регламентировать состав применяемых документов, разрабатывать и использовать их унифицированные формы.

Новая Система рассматривалась как основной нормативно-методический документ, закрепляющий единые организационные основы создания системы документационного обеспечения управления на общесоюзном и республиканском уровнях. Важно отметить, что правила документирования и оформления документов, установленные в ней, базировались на требованиях государственных стандартов, которые имели обязательный характер применения и статус нормативно-технических документов.

Из-за развала СССР в 1991 г. работы по модернизации системы управления в целом и документационного обеспечения управления в частности не были завершены. Многие стандарты не были разработаны и/или пересмотрены с учетом новых реалий и в последующем были отнесены к добровольно применяемым (т. е. не обязательным) документам. Документационное обеспечение управления осталось в рамках организационно-распорядительной документации. Несмотря на то, что ее принципы успели распространиться на все системы управленческой документации, юридически они не были закреплены. Однако, качество проработки нормативных этих документов в СССР и их полномасштабное внедрение на всей территории страны, включая союзные республики, позволило сохранить и до сих пор использовать единые принципы организации работы с документами, их оформления, учета и хранения.

Более того, с изданием ГОСТ Р 51141–98 [ГОСТ Р 51141–98] понятия делопроизводство и документационное обеспечение управления стали синонимичны. Это еще одно подтверждение влияния стандартизации на развитие управления. И дело тут не только в терминологии, а скорее в недоразвитии (консервации на прежнем уровне) методологии процессов работы с документами, которое мы не можем преодолеть до сих пор. Даже внедрение в 2007 г. нового стандарта [ГОСТ Р ИСО 15489-1–2007], заложившего основы управления документами в мире в целом, и в нашей стране в частности, не позволило нам выйти за рамки ОРД де-факто. Документоведы до сих пор далеки от процессов управления документами, что по факту отражает их место и роль в управлении в целом. Внедрение стандартов на системы управления документами [ГОСТ Р ИСО 30300, 2015; ГОСТ Р ИСО 7.0.101–2018/ИСО 3030:2011; ГОСТ Р ИСО 30302–2022] и многих других также не изменило это положение дел. Ввиду того, что в обновленном Уставе ВНИИДАД функция стандартизации управления документами не прописана, его деятельность в сфере стандартизации по-прежнему носит не системный характер.

Идея разработки Реестра видов (подвидов) документов с указанием сроков их хранения, представленная ВНИИДАД в 2019 г. [План..., 2019; Разработка..., 2019]² пока не реализована. Но именно Реестр мог бы запустить процесс возрождения унифицированных систем доку-

² Авторскую точку зрения руководителя темы Л. Н. Варламовой на Реестр см.: [Варламова, 2022]. Информация о первоначальном (расширенном) варианте Реестра, предложенном его основными разработчиками Л. А. Афанасьевой, Л. Н. Варламовой и Н. А. Муравьевой была представлена в совместных статьях авторов: [Афанасьева и др., 2020 (а), (б)]. Свою точку зрения на Реестр опубликовали и другие активные участники его разработки, и сторонники более сокращенного его варианта [Бельдова, 2019; Еремченко, 2020].

ментации и стандартизации как процессов создания и учета, так и самих видов (подвидов) документов. Это позволило бы оптимизировать процессы управления документами, а через него и процессы управления в целом, так как именно документы являются кровеносной системой управления на всех его уровнях.

Подводя итог, следует сказать, что на протяжении почти 100 лет мы занимались унификацией и стандартизацией документа и систем документации, обходя вниманием вопросы стандартизации процессов управления ими. Государственный и многоуровневый подход к унификации и стандартизации систем документации в комплексе с разработкой государственных систем, регламентирующих вопросы работы с документами (ЕГСД и ГСДОУ), разработанный в СССР, был основан на согласовании интересов различных ведомств, а также на их ответственности за содеянное. Это привело к впечатляющим результатам в целом применительно к управлению, но свело делопроизводство и документационное обеспечение управления к системе организационно-распорядительной документации, значительно сократив сферу ответственности и полномочия документоведов. На современном этапе «шоры» ОРД и стремление воспринимать электронный документ как аналог традиционного документа, созданного на ином носителе, не позволяют разработать полноценную государственную систему управления документацией и стандартизировать ее. Это очевидно приведет к тому, что эта такая система будет создана, но выйдет из-под контроля документоведов и сделает нашу профессию «обслуживающей» процесс управления документацией, а не «руководящей» им. Ситуацию могла бы изменить система национальных стандартов, дополняющая Правила делопроизводства [Правила..., 2019], разработанная с учетом современных стандартов ИСО уже актуализированных ею в сравнении с принятыми у нас³. Стандартизация нашей сферы деятельности, вне зависимости от ее уровней (делопроизводство, документационное обеспечение управления, управление документацией) это очень важный и значимый инструмент, направленный на совершенствование управления в целом, который пока недооценен.

Афанасьева Л. П., Варламова Л. Н., Муравьева Н. А. Реестр видов документов: концептуальный взгляд разработчиков // Делопроизводство. 2020. №4. С. 32–40. (а)

Афанасьева Л. П., Варламова Л. Н., Муравьева Н. А. Реестр видов документов: предпосылки создания // Делопроизводство. 2020. № 3. С. 41–50. (б)

³ В новом учебном пособии автора «Международная стандартизация управления документацией», которое планируется к изданию в РГГУ в 2022 г., выявлены и приведены все актуальные международные стандарты ИСО, используемые в сфере управления документами в целом и в отдельных его аспектах, включая ИТ, менеджмент качества, защиту информации и т. п.

Бельдова М. В. Государственный учет видов документов: вопросы и перспективы // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 6. С. 56–62.

Варламова Л. В. Реестр видов (подвидов) документов со сроками их хранения: проблемы и перспективы создания // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Т. В. Кузнецовой, Москва, РГГУ, 24–25 ноября 2021 г. М.: ООО «Термика», 2022. С. 143–164.

Варламова Л. В. Стандартизация делопроизводства в РСФСР – СССР – РФ : уч. пособие, М.: Изд-во «Спутник+», 2016.

ГОСТ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М.: Изд-во стандартов. 1998.

ГОСТ Р ИСО 15489-1–2007. «СИБИД. Управление документами. Общие требования». М.: ФГУП «Стандартинформ», 2007/

ГОСТ Р ИСО 30300–2015 «СИБИД. Системы управления документами. Общие положения и словарь». М.: ФГУП «Стандартинформ», 2015.

ГОСТ Р ИСО 7.0.101–2018/ИСО 3030:2011 «СИБИД. Информация и документация. Системы управления документами. Требования». М.: ФГУП «Стандартинформ», 2018.

ГОСТ Р ИСО 30302–2022 «СИБИД. Системы управления документами. Руководство по внедрению». М.: ФГУП «Стандартинформ», 2022.

Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения : одобрена коллегией Главархива СССР 27.04.1988; приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33) // ЮИС «Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/doc/gosudarstvennaja-sistema-dokumentatsionnogo-obespechenija-upravlenija-osnovnye-polozhenija/> (дата обращения: 27.11.2022)

Единая государственная система делопроизводства (основные положения) : утв. пост. Гос. ком. по науке и технике СМ СССР от 04.09.1973 № 435 // <https://obrex.ru/dokumenty/normativnye-akty/557-edinaya-gosudarstvennaya-sistema-deloproizvodstva-osnovnye-polozheniya-postanovleniem-gknt-sssr-ot-04-09-1973-n-435> (дата обращения: 27. 11.2022).

Еремченко В. А. Проблемы и перспективы формирования и ведения реестра видов документов (в порядке дискуссии) // Вестник ВНИИДАД. 2020. № 6. С. 84–96

Кузнецова Т. В., Санкина Л. В., Быкова Т. А. Делопроизводство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

План НИОКР ВНИИДАД на 2019 г. // ВНИИДАД. <https://vniidad.ru/wp-content/uploads/2021/02/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%D0%9D%D0%98%D0%9E%D0%9A%D0%A0%20%D0%BD%D0%B0%202019.pdf> (дата обращения: 27.11.2022).

Правила делопроизводства в государственных органах и органах местного самоуправления : утв. приказом Федерального арх. агентства от 22 мая 2019 г. № 71. URL: https://archive.samregion.ru/external/media/files/upravlenie/kontrol/npb/FedZak/71_prikaz.pdf (дата обращения: 27.11. 2022).

Разработка Концепции Реестра вида документов: отчет о научно-исследовательской работе (НИР) по теме 2.4 плана научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) на 2019 год / рук. темы Л. Н. Варламова. М.: ВНИИДАД, 2019.

Сокова А. Н. Документоведение: теория и практика : избр. тр. / предисл. проф. М..В. Ларина. М., ВНИИДАД, 2009.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Одним из основных направлений государственной политики в сфере государственного и муниципального управления является повышение качества и доступности государственных услуг населению. Сегодня мониторинг и оценка используется для определения результативности и эффективности стратегий, государственных программ и проектов, официальными разработчиками и исполнителями которых являются органы государственной власти и местного самоуправления различных уровней. С даты введения одного из основных Федеральных законов – «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» прошло достаточное количество времени, чтобы сделать определенные выводы о процессе реализации данного закона. В том числе, рассмотреть его проблемные зоны. В статье рассматриваются проблемные аспекты контроля, качества государственных и муниципальных услуг, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: мониторинг, государственные услуги, муниципальные услуги, федеральный закон, государство, контроль, качество, отчет, критерии оценки, получатели услуг.

Для контроля и оценки качества деятельности органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги (далее ГиМУ) необходимо проводить мониторинг эффективности предоставления данных услуг. Проведение мониторинга необходимо для принятия управленческих решений по развитию в сфере предоставления услуг. Оно включает сбор информации о ГиМУ, выявление как общих, так и конкретных проблем предоставления услуг органами исполнительной власти Российской Федерации, их систематизацию и анализ.

Реализация ГиМУ, безусловно, нуждается в осуществлении контроля. Одним из его видов является мониторинг качества услуг. Проведение и организация мониторинга качества регулируется соответствующим нормативно-правовым актом, введенным в соответствии с «Концепцией снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг». Это постановление Правительства «Об организации проведения мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг» [Об организации проведения мониторинга..., 2013]. Основательные исследования по мониторингу качества и доступности ГиМУ в Рос-

сии практически отсутствуют. Анализ отдельных его компонентов был произведен С. С. Зениным [Зенин, 2015], Н. С. Мирзоян [Мирзоян, 2010], Е. М. Стырин и С. М. Плаксин [Стырин, Плаксин, 2012] и др.

Понятие мониторинга целесообразно рассматривать в контексте информационного процесса, предполагающего систематический сбор и обработку информации, которая может быть использована для улучшения процесса принятия решений, а также, косвенно, для информирования общественности или прямо как инструмент обратной связи в целях осуществления проектов, оценки программ или выработки политики. Мониторинг также включает в себя проведение комплексных исследований и опросов, направленных на изучение степени удовлетворенности потребителей качеством услуг, а также соответствия процесса предоставления услуг существующим требованиям (описанным в нормативно-правовом документе). При этом социальный контроль во всех его формах, безусловно, играет важную роль в повышении качества услуг. Мониторинг качества предоставления услуг, согласно Постановлению, осуществляется исполнительными органами власти, а также органами местного самоуправления.

В основные задачи контроля ГиМУ входит:

1. Определение уровня общей удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых органами власти и местного самоуправления.
2. Анализ и оценка отношения граждан к нововведениям при получении указанных государственных и муниципальных услуг, в том числе к МФЦ, к административным регламентам и стандартам услуг, к процедурам обжалования, к предоставлению услуг в электронном виде.
3. Формирование получаемых данных для формирования рейтинга федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по показателю удовлетворения граждан качеством предоставления ГиМУ.

Мониторинг проводится ежегодно, специально уполномоченными подразделениями уполномоченного органа субъекта РФ, администрации муниципального образования или независимой организацией (в том числе с приглашением научных организаций).

Оценить результативность и эффективность работы учреждений можно путем использования балльно-рейтинговой системы, которая включает качественные и количественные показатели.

Важно обозначить, что входит в рамки государственного и муниципального управления. Его основными задачами и принципами являются:

1. Соблюдение стандартов качества государственных (муниципальных) услуг, в том числе стандартов комфортности предоставления услуг.

2. Решение проблем, возникающих у заявителей при получении услуги.

3. Анализ удовлетворенности получателей ГиМУ ее качеством и доступностью, их ожидания в отношении улучшения качества предоставления исследуемой услуги.

4. Рассмотрение обращений заявителей в органы исполнительной власти и органы местного самоуправления, а также обращений в организации, обусловленные требованиями указанных органов, необходимые для получения конечного результата услуги;

5. Комплексность, которая позволяет наблюдать за всеми основными социально-экономическими и общественно-политическими процессами.

6. Систематизация и стандартизация процесса мониторинга полученных оценок, суть которой заключается в последовательности частных и общих показателей развития регионов и страны [О государственном контроле..., 2022].

Для ключевых задач мониторинга и оценки государственного управления наиболее подходящими являются показатели результативности и индикаторы непосредственных результатов реализации целей и задач государственного управления. Такой контроль предполагает использование метода экспертных оценок, заключающийся в оценке элементов качества и доступности услуг государственных и муниципальных учреждений. Используемые при проведении мониторинга инструменты, позволяют определить объективную информационную базу для первичного анализа состояния системы государственного и муниципального управления, а также позволяют выявить слабые места системы. Инструменты и методы мониторинга направлены на периодическое измерение полученного результата и эффекта от внедрения мероприятий, основной целью которых является устранение выявленных недостатков.

По результатам проведенного мониторинга составляется отчет. Он является обобщающий документом, в котором содержится следующая информация:

1. Описание проведенной программы.

2. Методология оценки, данные, полученные в процессе мониторинга (содержащие описание, конкретные показатели).

3. Предварительные выводы.

4. Рекомендации относительно оцененной программы.

5. Выводы, которые могут быть обобщены и применены вне конкретной программы и относятся к вопросам жизнедеятельности получателей услуг.

Рассмотрим проведение мониторинга примере сводного отчета Администрации Свердловской области. Был подготовлен отчет за 2021 г. [Сводный отчет..., 2021], содержащий сводные таблицы по отдельным показателям, где было зарегистрировано 68 301 281 обращение за получением государственных и муниципальных услуг, что на 25,5 % выше уровня 2020 г.

К примеру, выявлены данные, свидетельствующие о соблюдении нормативов времени ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти для получения государственных услуг. Кроме того, имеются сведения о среднем количестве обращений представителей бизнес-сообщества в орган государственной власти для получения одной государственной услуги. В отчете утверждается, что нарушений со стороны исполнительных органов государственной власти сроков предоставления государственных услуг нет. Также есть разделы, посвященные количеству отказов (отрицательных решений), принятых по результатам рассмотрения заявлений о предоставлении услуги; статистика жалоб заявителей, связанных с проблемами при получении ГиМУ.

Таким образом, проанализировав документ, можно дать следующие рекомендации: отчет должен быть достаточно детализирован и подробен, чтобы можно было определить уровень качества и анализа оценки. Должностные лица и органы власти должны получить достаточно обоснованные показатели для принятия определенных управленческих решений с целью последующей модернизации работы учреждений и сотрудников, а также законодательной базы. Следует отметить, что в отчете отсутствуют рекомендации по итогам мониторинга, а также выводы. Целесообразно добавить такие критерии проверки как вежливость специалистов учреждений и их компетентность, непосредственно связанные с удовлетворенностью получателей ГиМУ.

Полученные в ходе проведения мониторинга данные являются хорошей основой для выработки рекомендаций, а также дальнейших решений относительно того, нужно ли вносить изменения в приоритетные направления мониторинга, механизмы реализации или, возможно, какие-то процедуры контроля отменить.

Процесс мониторинга должен иметь определенную гибкость и направленность на решение поставленных задач и процессов, которые стоят перед учреждениями. Кроме того, потенциальное техноло-

гическое развитие позволило бы внедрять современное программное обеспечение в систему государственного и муниципального мониторинга, что еще больше увеличило бы эффективность системы мониторинга.

В результате анализа отчета можно сделать вывод о том, что мониторинг играет значительную роль в организации и оказании ГиМУ, а также их дальнейшего совершенствования. Содержащиеся в нормативно-правовом акте показатели позволяют установить несоответствия, которые проявляются при проведении мониторинга. Требуется дальнейшего развития методика оценки качества услуг для проведения разных ее видов – внешней и особенно внутренней. Это позволило бы не только оперативно выявлять имеющиеся проблемы, но и определять причины их возникновения на различных этапах оказания государственных услуг, а в итоге – повышать их качество.

Проведение ежегодного мониторинга качества предоставления ГиМУ позволяет своевременно корректировать процесс предоставления услуг с точки зрения повышения качества процесса и увеличения степени удовлетворенности граждан результатом обращения в государственный орган за получением услуги.

Зенин С. С. Теоретические вопросы использования административных регламентов в механизме нормативного правового регулирования государственных и муниципальных услуг // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 3.

Мирзоян Н. С. Оценка качества предоставления государственных (муниципальных) услуг // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юр. науки. 2010. Вып. 2. Ч. II. С. 217–223.

О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 01.01.2022 № 248-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 26.06.2022).

Об организации проведения мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Свердловской области : пост. Правит. Свердл. обл. от 29.01.2013 № 100-ПП // Электрон. фонд правовых и норм.-тех. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453135983> (дата обращения: 02.08.2022).

Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // ЭПС «Система Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения 10.08.2022).

Сводный отчет по мониторингу качества предоставления государственных и муниципальных услуг за 2021 год // Административная реформа в Свердловской области. URL: <http://ar.gov66.ru/wp-content/uploads/2015/11/Svodnyj-otchet-po-monitoringu-kachestva-predostavleniya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-za-2021-god.odt> (дата обращения: 10.06.2022).

Стырин Е. М., Плаксин С. М. Система государственных услуг как объект мониторинга в Российской Федерации // Вопр. гос. и муниц. управления. 2012. № 4. С. 66–83.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ АУДИТА УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ, БАЗИРУЮЩЕГОСЯ НА ОЦЕНКЕ РИСКОВ

В статье обосновывается необходимость оценки рисков и управления рисками при проведении аудита управления электронными документами. Рассматривается взаимосвязь областей неопределенности и оценки рисков. Приводится методика риск-ориентированного аудита управления электронными документами.

Ключевые слова: аудит управления документами, электронные документы, оценка эффективности, электронный документооборот.

Управление электронными документами должно выстраиваться на принципе эффективности, т. е. исходя из представления о том, что требуется соотносить организационно-технические условия экономичности и минимализации затрат с достижением максимально высокой результативности в работе с документами и документальными системами [Мингалев, Ларин, 2017, с. 8]. По этой причине большое значение приобретают инструменты оценки управления электронными документами.

Одним из подходов к оценке управления электронными документами является аудит управления электронными документами, т. е. процесс проверки качества или состояния объектов (результатов деятельности, систем, процессов, ресурсов и др.) компетентным независимым работником на основании поддающейся оценке информации с целью определения ее соответствия установленным критериям (правилам, стандартам, целям, бюджету и т. д.). Акцент в этом случае делается на управление электронными документами, а не управлении документами вообще, поскольку именно с электронными документами связаны основные вызовы современного аудита управления документами.

Ресурсы аудита управления электронными документами всегда ограничены определенными рамками, поэтому очень важно правильно произвести выбор объекта проверки. Справиться с этой задачей позволяет риск-ориентированный подход. Под риском необходимо понимать следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей [ГОСТ Р ИСО 31000–2019], возможность наступления какого-либо события, которое может оказать негативное влияние на достижение целей [Оценка рисков..., 2014].

Рисками можно управлять, это необходимо для минимизации неблагоприятных результатов работы. Управление рисками – это процесс, в рамках которого события анализируются в контексте рисков и возможностей для конкретной поставленной цели, а затем предпринимаются конкретные действия по снижению вероятности возникновения рисков и снижению связанных с ними потерь. При аудите управления электронными документами, с одной стороны, должны оцениваться возникающие при проведении самого аудита риски (аудиторские риски), а с другой – риски проверяемого пространства или риски бизнеса (в данном случае риски управления электронными документами).

Не останавливаясь дополнительно на аудиторских рисках, необходимо отметить, что само проведение аудита несет в себе риск недостижения поставленной при аудите цели. Например, несмотря на предпринятые усилия, оценка окажется недостаточно верной и существенные ошибки будут не замечены аудиторами. Минимизации негативных последствий служит привлечение новых аудиторов, выделение дополнительного времени на проверку, соблюдение аудиторских процедур, увеличение их количества и качества, расширение выборки и т. д.

В свою очередь, риски бизнеса или риски проверяемого пространства, управления электронными документами, представляют самостоятельный интерес. Риск-ориентированный аудит требует концентрации на областях с наиболее высокой степенью риска для организации. Выделению областей риска для управления документами посвящен отдельный стандарт [ГОСТ Р 57551–2017]. В нем риски связаны с областями неопределенности. *Во-первых*, это внешняя среда, включающая в себя социально-политические изменения, макроэкономическую, технологическую и физическую среду, инфраструктуру, внешние угрозы безопасности. *Во-вторых*, это внутренняя среда с ее организационными и технологическими изменениями, имеющимися ресурсами (людьми, компетенциями, финансами, иными материальными ресурсами). *В-третьих*, учитываться должны системы документов, а именно их архитектура, техническое обслуживание, поддержка, жизнестойкость и непрерывность функционирования, зависимости и взаимосвязи с другими системами, безопасность. Наконец, *в-четвертых*, нельзя обойти вниманием и процессы работы с документами: проектирование документов, создание документов и внедрение систем документов, метаданные, использование и уничтожение документов или их передача на архивное хранение.

Из простого перечисления очевидно, что области неопределенности и всевозможные риски внутри них весьма обширны. С ограни-

ченными ресурсами аудита управления электронными документами охватить их все практически невозможно. Следовательно, при оценке риска прежде всего необходимо определить цель, которую стремится достичь организация, где будет проводиться аудит. Поняв цель, можно выделить события, которые повлияют на эту цель, а затем связанные с ними риски и возможности.

Риск-ориентированный аудит на примере аудита управления электронными документами может состоять из следующих этапов [Оцен-ка рисков..., 2014]:

1. Определение пространства аудита (где, как и кем осуществляется управление электронными документами).

2. Определение категорий для разделения пространства аудита на объекты (организационная структура, информационные системы, документооборот и др.).

3. Составление перечня всех объектов аудита (от персонала и систем электронного документооборота до документов и их метаданных).

4. Выделение в пространстве аудита отдельных событий, которые могут привести к риску.

5. Анализ того, какие риски называют руководство и сотрудники самой организации, а также их готовности пойти на риски.

6. Категоризация выделенных событий с точки зрения вероятности их возникновения и степени влияния на организацию.

7. Определение факторов риска и критериев для классификации каждого фактора.

8. Выбор приоритетных объектов аудита.

С практической точки зрения риски в работе с электронными документами бывает достаточно сложно спрогнозировать в силу их изменчивости и невозможности оценить их сразу из-за незаметности. Так, даже потеря одного и того же документа может как не привести вообще ни к каким последствиям, так и иметь значительные негативные последствия для организации, если, например, это договор, но в первом случае после подписания он больше не использовался в непосредственной деятельности организации, а во втором – его запросила налоговая служба и наложила штраф за непредоставление.

Один из способов оценки рисков – выявление и оценка активов с последующим определением угрозы. Такой подход позволяет, в частности, рассчитать потенциальную сумму ущерба риска по следующей формуле:

$$SLE = EF * \text{стоимость актива},$$

где EF – процент потерь, которые возникнут вследствие реализации угрозы.

В свою очередь, ожидаемые среднегодовые потери оцениваются как отношение потенциальной суммы ущерба к среднегодовой частоте возникновения инцидентов [Шауро]. Такой подход кажется наиболее эффективным при оценке рисков, связанных со сбоем в работе системы электронного документооборота, потерей документов, уничтожением данных, недолговечностью носителей информации. Одновременно с этим потенциальная сумма ущерба не может оцениваться без расчета затрат на предотвращение риска. Например, есть риск потери документов из-за недолговечности носителей информации. Минимизировать этот риск позволит перезапись одного файла на разные носители. Однако в ряде случаев потеря одного файла из ста обойдется дешевле, чем поддержание системы по многократной перезаписи всех ста файлов.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на внушительный потенциал, риск-ориентированный подход в построении управления электронными документами в целом и аудите управления электронными документами в частности остается на сегодняшний день недостаточно изученным и нуждается в дальнейшем исследовании.

ГОСТ Р ИСО 31000–2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200170125> (дата обращения: 15.08.2022).

ГОСТ Р 57551–2017/ISO/TR 18128:2014. Информация и документация. Оценка рисков для документных процессов и систем. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146299> (дата обращения: 15.08.2022).

Оценка рисков при планировании аудита. PEMORAL, 2014. URL: https://www.roskazna.gov.ru/upload/iblock/029/otsenka-riskov-pri-planirovanii-audita_rus.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

Мингалиев В. С., Ларин М. В. Некоторые вопросы формирования теории документоуправления // Делопроизводство. 2017. № 2. С. 3–16.

Шауро Е. Просто об оценке рисков // SecurityLab. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/shaurojen/22833.php> (дата обращения: 15.08.2022).

УДК 004.9

А. П. Горст
Учебно-методический центр по ГОЧС
Свердловской области, г. Нижний Тагил

ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ И ОБМЕНА ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАБОТЕ С ЭЛЕКТРОННЫМИ КАРТАМИ

При работе с электронными картами наибольшие затруднения вызывает отсутствие единого подхода у исследователей. Для решения этой про-

блемы предлагается использовать свободно распространяемые программы, модифицированные для картографического обеспечения исследовательских проектов. При разработке методических рекомендаций следует учитывать, что любая электронная карта является базой данных, и работать с ней будет проще, если процесс обучения основам ГИС будет связан с курсом исторической информатики.

Ключевые слова: историческая картография, историческая информатика, свободное программное обеспечение.

Первые опыты использования геоинформационных систем (ГИС) для создания карт с возможностью их последующей публикации в научном издании относятся к 1980-м гг. [Crumley, Marquardt, 1987]. Уже в 1990-х гг. в России благодаря информационным технологиям археологи научились обходить институциональные ограничения, неизбежно возникавшие при использовании «секретных документов»; провинциальные историки смогли увидеть недоступные прежде атласы и коллекции топографических карт; ведомственные музеи получили возможность демонстрировать редкие материалы, для размещения которых за пределами виртуальных реконструкций просто не хватило бы места [Горст, 2020; Коробов, 2011; Щекотилов и др., 2019]. В 2000-е гг. основной задачей компьютерного картографирования было создание иллюстраций, однако в последние годы появились работы методического и технологического характера, в которых рассматриваются перспективы развития исторической геоинформатики (включая использование методик локализации с учетом неточности и неполноты данных, а также связывания базы данных с топографической подосновой) [Гарскова, 2018, с. 350].

Несмотря на это, революция в источниковедении слабо затронула историческую картографию – количество специалистов в области ГИС, имеющих опыт совместной работы с историками, сравнительно невелико. Поэтому никто не удивляется, если в научном исследовании по исторической географии нет карт, а статьи военных историков обходятся без планов и схем. Исключением является археология, где электронные карты давно уже не являются экзотикой: к сожалению, любители «свободного поиска» и коллекционеры знакомы с такими картами не хуже профессионалов. На электронных страницах международных исторических ГИС-проектов Россия выглядит «белым пятном», в учебных программах изучению картографии отводится слишком мало времени, и нет ничего странного в том, что составление карт вызывает серьезные затруднения у историков.

Очевидно, что историческая география представляет интерес прежде всего как специальная историческая дисциплина, позволяющая локализовывать объекты и события, упоминаемые в исторических источниках. Вместо того, чтобы заниматься этим очень важным делом, многие исследователи пытаются создавать новое междисциплинарное поле исследований с размытыми границами и неопределенными задачами. Разнообразие подходов и значимость достигнутых результатов в этой области можно оценить по опубликованным в сети Интернет работам. Обсуждение научных и практических результатов позволяет выявить как несоответствие потребностей гуманитарных исследований, так и современное состояние их обеспеченности картографическими и архивными пространственными данными. Если сравнивать отечественные и зарубежные ресурсы, то безусловным преимуществом последних является возможность копирования данных (как правило, в форматах .kmz или .csv), а при необходимости – размещение собственных проектов (маршрутов экспедиций, реконструкций древних путей или границ исчезнувших государств). Представление о том, что личное взаимодействие исключает накопительный эффект, является неверным: если новые методические приемы и остаются исключительно у авторов, то наработанный фактический материал с помощью несложных инструментов конвертации может быть использован историками и археологами, имеющими опыт работы в знакомых им программах.

Есть мнение, что актуальной задачей является именно «профессионализация» исторической геоинформатики и привлечение специалистов из ГИС [Владимиров, 2015, с. 68], но в «цехе историков» свободных мест нет, а играть роль «подмастерья» серьезный специалист не согласится. Профессиональных разработчиков в области геоинформатики можно привлечь лишь в том случае, если они уже являются любителями истории. Создание специализированной ГИС или эталонной базы электронных карт [Горст, 2020] требует больших затрат и едва ли возможно в настоящее время. Скорее всего, в ходе реализации такого проекта повторятся ошибки 1990-х гг., когда повальное увлечение разнообразными «базами данных» оттеснило на задний план прочие направления исторической информатики. Уже на рубеже XX–XXI вв. типичной базой данных становится MS Access, а разработанная в России с учетом специфики исторических источников Kleio сама превратилась в исторический источник [Гарскова, 2018, с. 231–232]. Современные историки редко выходят за рамки простейших функций своей техники, и в 2000-х гг. даже подходы изменились:

при необходимости решения нестандартных задач исследователи уже не пытаются для каждого проекта разрабатывать новую программу (как это было в 1990-е гг.), а используют готовые варианты создания «надстроек» в рамках существующего программного обеспечения (чаще всего авторские алгоритмы трансформируются в скрипты или макросы, написанные на языке VBA).

Поэтому для решения проблемы предлагается использовать свободно распространяемые программы, модифицированные для картографического обеспечения исследовательских проектов. В России самым известным примером такой программы является SASPlanet: благодаря ей многие архивные карты России XIX в. (включая знаменитую «десятиверстку» И. А. Стрельбицкого и трехверстную военно-топографическую карту Европейской России) стали общедоступным источником исторической, географической, краеведческой информации [Щекотилов и др., 2019]. Однако при разработке учебно-методических рекомендаций необходимо учитывать, что любая электронная карта в первую очередь является базой данных, и работать с ней будет проще, если процесс подготовки тесно связан с курсом исторической информатики или является его составной частью.

Владимиров В. Н. Историческая геоинформатика: вчера, сегодня, завтра // Инф. бюлл. Ассоциации «История и компьютер». 2015. № 44. С. 66–69.

Гарскова И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития : дис. ... докт. ист. наук. М., 2018.

Горст А. П. Визуализация опыта Второй мировой войны в пространстве ведомственного музея // Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Нижний Тагил, 29 мая 2020 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. Екатеринбург: [б. и.], 2020. С. 253–257.

Гришин Е. С. Фонд историко-картографических материалов как средство унификации исторических ГИС и цифровой картографии // Ист. информатика. 2019. № 1. С. 133–142.

Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии : учеб. пособие. М.: Изд. МГУ, 2011.

Щекотилов В. Г., Лазарев О. Е., Лазарева О. С., Щекотилова С. Н. Репозиторий архивных карт и геокодируемых данных: целеполагание, аудитория, структура и функциональность // Ист. информатика. 2019. № 1. С. 152–159.

Crumley C. L., Marquardt W. H. Regional dynamics: Burgundian landscapes in historical perspective. San Diego: Academic Press, 1987.

ВОЗЗВАНИЕ КАК ВИД ВОЕННОГО ДОКУМЕНТА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918–1920 гг.) (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА)

Статья посвящена рассмотрению такого вида документа, как воззвание, широко использовавшегося в процессе деятельности органов военного управления Белых армий. Воззвание в период Гражданской войны представляло собой обращение к широкому кругу военнослужащих или гражданского населения с призывом к действию. В воззваниях поднимались важнейшие вопросы государственной и политической направленности с целью сконцентрировать на них внимание масс. В статье особое внимание уделено специфике оформления воззваний, стилю написания и лексическим особенностям, присущим документам этого исторического периода. В статье рассматриваются правила публикации, а также отображена тематика воззваний, которые приобрели в период Гражданской войны особую значимость в сфере управления воинскими формированиями и гражданским населением на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам.

Ключевые слова: Гражданская война, Белая армия, система военной документации, документирование, воззвание, обращение, призыв.

Воззвание является достаточно специфичным видом документа, который начинает играть важную роль только в периоды напряженных ситуаций, решающих судьбу страны и государства политических событий, значительных сдвигов в жизни народа и правящей элиты. Под воззванием понимается «документ, составленный государственной, общественной организацией или частным лицом и содержащий призыв к какому-либо действию» [Краткий словарь..., 1974, с. 12]. Широкое использование воззваний характерно для эпохи Великой французской революции, революции 1905 г. в России, Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 г. и, конечно, для периода Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). Воззвание являлось средством призвать к решительным действиям широкие круги военнослужащих и гражданского населения, привлечь их внимание к наболевшему, острому вопросу политической, государственной, военной направленности, будь то призыв к борьбе с большевиками или соблюдение гигиенических норм в условиях походной жизни.

Одним из ярких примеров воззвания является обращение адмирала А. В. Колчака о вступлении на пост Верховного правителя:

«18-го ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Адмиралу Русского Флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю – я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам» [За спиной Колчака, 2005, с. 315].

Воззвание можно представить чем-то средним между ораторской речью и плакатом, только от ораторской речи воззвание отличается письменным или печатным воспроизведением информации, а от плаката, играющего ту же роль в те же периоды истории, что и воззвание, текстовой формой отображения информации. Воззвание было призвано в значительной степени воздействовать на читателя таким же способом, что и плакат (в данном случае использовалась образность и эмоциональный окрас текста), рассчитано на ознакомление с ним и переход к действиям в соответствии с содержащимся в воззвании призывом широких масс населения.

Вот, например, воззвание адмирала А. В. Колчака от 24 июля 1919 г. с призывом вступить добровольно в армию:

«Русские люди! Мы все живем одной мыслью, одним желанием восстановить нашу погибающую Родину. Не только европейская Россия, но и Урал захлебывается в крови братоубийственной войны, разграбляется, разоряется, ведется большевиками к нищете и голоду.

Для борьбы с ними и дальнейшего строительства обновленной земли русской необходима крепкая по духу армия, достойная Великой России. Беженцы, добежавшие к берегам Иртыша с Поволжья и Урала, поняли, что дальше бежать некуда. Они поняли, что час пробил, и как один записываются добровольцами в армию. Те же добрые вести идут из других мест Сибири.

Я решил лично взять на себя высшее руководство добровольческим движением. К Вам обращаюсь, люди русские!

Вечным проклятием покроется имя того, кто ждет, что за него и без него спасут Родину. В ком совесть есть, кто не калека, тот должен взять в руки винтовку.

Вы, матери, жены и сестры, отвернитесь от своих сыновей, мужей и братьев, если они здоровы, могут встать в ряды армии, но предпочитают оставаться в тылу.

Русский народ! Дело твоего освобождения в твоих руках!

Запись добровольцев производится у всех начальников» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 80, л. 2].

Целью воззвания являлось донести обращение (в период Гражданской войны Верховного главнокомандующего, Главнокомандующего или военачальника более низкого уровня) до определенного круга людей и заставить их выполнить определенное действие. Для этого использовался набор средств, характерных именно для воззвания: смена размера и разновидности шрифта, жирный шрифт для выделения особо важных мест в тексте, выделение абзацев, повторяемость информации, эмоциональная окрашенность текста.

Примером может служить воззвание с разъяснением отличий между большевиком и добровольцем, выпущенное в Добровольческой армии юга России под названием «Кто же ты такой, большевик или доброволец? Ну-ка, кто еще честен и в ком совесть не пропала, отвечайте». Текст документа был разделен на два столбца, в одном из которых под заголовком «Я – большевик» размещались признаки большевика следующего содержания:

«Я – большевик, потому что ушел с фронта, предал Россию сначала немцу, а потом чужеземцам: латышам, китайцам и комиссарам», «Я – большевик, потому что разогнал Народное собрание», «отнял у крестьян последнюю корову и лошадь», «прогнал инженеров и механиков, остановил заводы и фабрики», «уничтожил Бога и совесть».

В другом столбце – признаки добровольца:

«Я – доброволец, потому что отдал свою молодость и проливаю свою кровь за могущество и величие Единой Неделимой России», «стою за созыв Народного собрания», «даю землю всем крестьянам», «стою за восстановление фабрик и заводов», «предоставляю каждому верить в своего Бога и молиться» [РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 8, л. 3].

Основной особенностью текста воззвания является поддержание эмоциональной напряженности, поэтому часто используются лозунги, возвышенный слог, призывы к исполнению своего гражданского и воинского долга: «В единении и бодрости сила – они спасут Россию!» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 40, л. 7], «Загорается заря новой жизни – будьте же достойны ее!» [Там же, л. 13], «Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 41, л. 35], «Великой России и ее правительству не страшны никакие козни врагов, ибо Русская армия возродилась и мощь ее растет с каждым часом» [Там же, д. 40, л. 15], «Пусть все, у кого бьется русское сердце,

идет к нам без страха, так как не наказание ждет его, а братское объятие и привет» [Там же, л. 16].

Следует также отметить, что текст воззвания имел строгое композиционное построение: обращение, зачин, основная часть, концовка. Примером может служить воззвание генерала Л. Г. Корнилова, обращенное к казакам:

«Казаки, дорогие станичники! ... Казаки, рыцари Земли Русской! Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина – накануне смерти! ... Поддержите, казаки, честь и славу примерно-доблестного казачества и этим Вы спасете Родину и свободу. Слушайте же и исполняйте мои приказания! Идите же за мной!» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 41, л. 54].

Особым чувством любви к Родине, сознанием необходимости выполнить свой долг перед ней проникнуты воззвания Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России барона П. Н. Врангеля. Одно из них обращено к офицерам Красной армии:

«Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии – не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг. Русская армия открыла фронт врагу и обещавший народ стал жечь и грабить Родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать – Россия...

Три ужасных года, оставшиеся верными старым заветам, офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии...

Что привело вас на этот позорный путь. Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан.

Я говорил со многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной Армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение... Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не угасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех» [Врангель, 2015, с. 300].

В зависимости от темы воззвания текст документа мог содержать отеческие нотки и быть написан с целью не призвать к действию, а продолжить службу и потерпеть лишения и невзгоды, присущие военному времени:

«Надо потерпеть! Тяжела жизнь на фронте. Порою солдату приходится выносить и холод, и голод, и болезни, и раны... Все в нашем свете кончается, кончится и эта война. И потерпит еще наш солдат, кончится она победой... Настанет тогда время, когда каждый вернется к своему обычному труду, и сможет жить, не опасаясь за завтрашний день.

Помните, солдаты, 1917 год. Помните, что если сейчас нам тяжело, то это из-за того, что тогда не захотели потерпеть еще с полгода или даже менее. Потерпите сейчас, чтобы долгие годы не пришлось терпеть и страдать еще больше, еще тяжелее» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 40, л. 20].

Воззвания и обращения руководителей Белого движения к населению были одним из видов идеологических документов, разработкой и изданием которых занимались целые отделы и издательства, созданные при «белых» правительствах для проведения идеологической работы: отдел агитации и пропаганды при Совете министров Северо-Западной области России, отдел пропаганды Особого совещания при Главкоме ВСЮР (Осведомительное агентство – ОСВАГ), Русское бюро печати в Омске, Северное (Архангельское) бюро печати Временного правительства Северной области (Арбюр) [Цветков, 2008, с. 6]. Одним из основных направлений их работы было распространение с пропагандистскими целями информации среди населения и военнослужащих о сущности Белого движения, отдельных положений программы «белых» в вопросах государственного устройства, о целях борьбы, с призывом к населению оказать помощь Белой армии в борьбе с большевиками. В воззвании, исходящем из штаба Главнокомандующего 27 декабря 1917 г., были отображены цель и задачи борьбы Добровольческой армии:

«Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России... Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием» [Деникин, 2015, с. 257].

А в обращении к крестьянам за подписью начальника Осведомительного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего разъясня-

лось с принесением извинений, почему белой армии иногда приходится реквизировать подводы и продовольствие:

«Сердца наши обливаются кровью, когда мы видим ваши страдания. Но поймите, братья, ради освобождения нашей матери-Родины, измученной и поруганной, ведем мы нашу борьбу, ради счастья всех русских, всех вас и детей ваших. Мы готовы положить нашу жизнь, и мы не смеем останавливаться даже тогда, когда с болью в сердце видим, что должны причинить горе и некоторым из вас... Так знайте же, что мы прилагаем все усилия, чтобы не причинить никого убытка вам, населению тех мест, где мы ведем нашу борьбу за Россию. Если же иногда вам приходится и пострадать, то знайте, что эти ваши жертвы не напрасны. Пройдут года, и вы будете с гордостью рассказывать детям и внукам вашим о том, как вам пришлось помочь войскам Всероссийского Правительства Адмирала Колчака, которые шли освобождать Россию» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 80, л. 3].

Или же воззвание с разъяснением правил созыва и задач Земского совещания заканчивалось словами:

«Будьте на высоте гражданского долга! Верховный Правитель призывает вас к полному единению с властью, прекращению партийной борьбы и признанию того, что интересы всего государства Русского должны быть выше личных интересов отдельных его классов» [Там же, д. 40, л. 13].

Воззвания печатались в местных газетах и распространялись с помощью листовок, афиш, агитационных листов. В фондах РГВА сохранились телеграммы с просьбой отпечатать воззвания с указанием вида и размера шрифта:

«Русское телеграфное агентство просит срочным порядком отпечатать нижеследующее воззвание в виде больших афиш агитационного характера в количестве, потребном для города от 100 до 200 экземпляров. *Самым крупным шрифтом.* Солдаты и крестьяне. *Средним шрифтом.* Солдаты должны разбить те банды богоотступников, которые защищают гибельных для русского самодержавия народных комиссаров. *Красная строка.* Крестьяне должны мешать продвижению большевиков и помогать нашей армии, идущей спасать наш умирающий народ. *Красная строка.* Все Вы должны свергнуть власть Советов, давших русскому народу голод, войну, нищету и позор. *Красная строка.* Уничтожив самодержавие большевиков-комиссаров, Вы, крестьяне и солдаты, крупным шрифтом, тотчас же начнете выборы в Учредительное собрание. *Средним шрифтом. Красная строка.* А Вам отвечать за это перед лицом всей России. *Крупным шрифтом.* Вас зову во имя России, во имя русского народа! Вперед, на народных комиссаров! К Учредительному собранию! *Красная строка.* Спасем Россию! К ее величию, богатству, счастью

и славе! *Самым крупным шрифтом.* Поднимайтесь! Вперед! *Крупным шрифтом.* Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий Адмирал Колчак. *В правом углу сделайте пометку мелким шрифтом.* Русское бюро печати. Расходы будут оплачены по представленному счету» [РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 415, л. 1].

Воззвания издавались не только от имени высшего военного руководства, они могли исходить и от военачальников низших звеньев и печататься среди объявлений и оперативных сводок на страницах газет. Например, в вечернем выпуске ежедневной газеты «Освобождение России» г. Перми было напечатано воззвание начальника уездной милиции прапорщика Шабалина:

«К вам, солдатам, старым фронтовикам, защитникам, сторонникам права и закона я, Шабалин, начальник милиции, держу свое короткое слово. Каждый из вас пусть решит вступить в уездную милицию для восстановления порядка и закона, когда наше отечество и государство требует к себе на службу верных защитников» [Там же, д. 41, л. 54].

Таким образом, в период Гражданской войны воззвания являлись документами идеологической направленности, их изданию и распространению уделялось много внимания со стороны «белых» правительств и военачальников всех уровней. Воззвание имело характерные только для этого вида документа особенности оформления и составления текста: продуманную композицию, эмоциональную окрашенность, повторение отдельных элементов текста, выделение главной мысли с помощью размера шрифта и т. д.

Врангель П. Н. Воспоминания Петра Николаевича Врангеля. Спб.: ООО «Издательство Питер», 2015.

Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: ПРОЗАиК, 2012.

За спиной Колчака: Документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. М.: Аграф, 2005.

Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Ф. 39540. Штаб Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России (ВСЮР). Штаб Главнокомандующего «Русской армией».

Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2008.

РАЗРАБОТКА КОДОВОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ДОКУМЕНТОВ В ОБЩЕСОЮЗНОМ КЛАССИФИКАТОРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Доклад посвящен проводимым в СССР в 1970-е гг. работам по формированию системы кодирования форм управленческих документов для применения в Общесоюзном классификаторе управленческой документации (ОКУД). Рассматривается предлагаемый в процессе разработки ОКУД вариант составления кодового обозначения форм документов из нескольких блоков. Приводятся состав и структура каждого из блоков и обозначаются причины выбора одного из них для включения в ОКУД в качестве кодового обозначения унифицированных форм документов.

Ключевые слова: код документа, общесоюзный классификатор, управленческая документация, история делопроизводства, классификация, кодирование.

Научно-техническое развитие СССР и последующая автоматизация сферы управления в 1960-х гг. позволило в девятую пятилетку (1971–1975 гг.) приступить к проведению комплексных и планомерных работ по разработке унифицированных систем документации (далее – УСД) и общегосударственных классификаторов технико-экономической информации (далее – ОК ТЭИ), используемых в автоматизированных системах управления (далее – АСУ) [Лямин и др., 1979, с. 4; Саков, 1977, с. 14].

Разработка УСД и ОК ТЭИ проводилась основными центральными органами государственного управления, а также научными организациями и вычислительным центром при данных органах. Общее руководство и координация работ по разработке и внедрению УСД и ОК ТЭИ были возложены на Государственный комитет стандартов Совета Министров СССР (далее – Госстандарт СССР) и входящий в его систему Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ) [Лямин и др., 1979, с. 4; Саков, 1977, с. 14].

Одним из результатов проводимых работ стало утверждение постановлением Госстандарта СССР от 29 октября 1975 г. № 12 и введение в действие с 1 января 1976 г. общесоюзного классификатора «Управленческая документация» (далее – ОКУД).

В процессе разработки ОКУД было определено, что объектами классификации и кодирования в нем должны являться унифицированные формы управленческих документов, так как в них фиксируются наиболее обобщенные характеристики множеств конкретных управленческих документов. Основным классификационным признаком для унифицированных форм документов (далее – УФД) в ОКУД было решено считать их принадлежность к определенной унифицированной системе управленческой документации. Именно через установление принадлежности УФД к конкретной УСД и присвоения им кодов достигалась идентификация документов в общесоюзном масштабе [Киба и др., 1973, с. 32].

В качестве возможных признаков классификации УФД в ОКУД рассматривались также:

– отраслевой признак, в соответствии с классификацией отраслей народного хозяйства согласно разрабатываемому в тот период общесоюзному классификатору «Отрасли народного хозяйства» (утвержденному и введенному в действие Государственным комитетом СССР по статистике, Государственным плановым комитетом СССР, Государственным комитетом СССР по стандартам 1 января 1976 г.);

– признак использования документа в определенной функциональной подсистеме АСУ [Киба и др., 1973, с. 32–33; Сонечкина, 1973, с. 16].

Это отразилось на том, что изначально кодовое обозначение УФД в ОКУД предполагалось слагать из двух блоков: классификационного и информационного [Киба и др., 1973, с. 32; Кокорев, 1979, с. 14].

Классификационный блок представлял собой код, состоящий из нескольких уровней деления:

1) первые два знака обозначали принадлежность УФД к соответствующей УСД и, как правило, совпадали с признаком министерства или ведомства, ответственного за создание такой системы;

2) вторые два знака служили для обозначения группы документов, образуемой по признаку общности содержания унифицированных форм и направленности их использования;

3) последующие три знака обозначали регистрационный номер формы документа внутри подкласса;

4) последний знак – контрольный разряд (контрольное число) [Кокорев, 1979, с. 14–15].

Таким образом, классификационный блок отражал иерархический метод классификации (последовательное деление заданного множества на подчиненные подмножества) с применением последовательного метода кодирования (присвоение кода очередной клас-

сификационной группировке с использованием кодов предыдущих последовательно расположенных классификационных группировок, полученных путем применения иерархического метода классификации) и воплощал идею считать основным классификационным признаком в ОКУД – принадлежность УФД к УСД.

Для идентификации конкретного документа с указанием его основных особенностей, разработчиками ОКУД предполагалось использовать в кодовом обозначении УФД информационный блок, который должен был включать код, отражавший:

- период регистрации документа;
- регистрационный номер документа (предполагалось присваивать документам в последовательности их регистрации за определенный промежуток времени (год, квартал или месяц), по истечении которого порядковая регистрация начиналась бы сначала);
- дату создания документа (предполагалось обозначать тремя парами арабских цифр без интервалов: число, месяц и две последние цифры года.)
- организацию – автора документа (кодовое значение планировалось присваивать по разрабатываемому в тот период общесоюзному классификатору «Предприятий и организаций» (ОКПО) [Кокорев, 1979, с. 15].

Рассматривался также и вариант построения кодового обозначения УФД в ОКУД, состоящего из классификационного и идентификационного блоков. Последний должен был отражать признак использования документа в конкретной АСУ [Сонечкина, 1973, с. 16].

Таким образом, кодовое обозначение УФД в ОКУД могло строиться также и на основе фасетного метода классификации (параллельное деление заданного множества на независимые классификационные группировки) с применением параллельного метода кодирования (присвоение кода с использованием кодов независимых классификационных группировок, полученных путем применения фасетного метода классификации). Это означало бы применение комбинированного метода классификации и кодирования в ОКУД (разделение заданного множества с применением иерархического и фасетного методов классификации и различных методов кодирования).

Однако поскольку применение в документах сразу двух блоков привело бы к слишком большой длине кодового обозначения, что по мнению разработчиков затруднило бы внедрение ОКУД, решено было изначально включить в ОКУД только классификационный блок [Кокорев, 1979, с. 15].

В результате кодовое обозначение УФД в ОКУД состояло из семи цифровых десятичных знаков и контрольного числа. Признаки классификации в кодах форм были отражены в следующей последовательности:

1) первый и второй знаки (класс формы, УСД) отражали принадлежность УФД к соответствующей УСД наравне с ее ведомственной принадлежностью (например, «04» – принадлежность формы к унифицированной системе расчетно-денежной документации, которая разрабатывалась, внедрялась и велась Государственным банком СССР) [Методические указания, 1986, с. 58–59];

2) третий и четвертый знаки (подкласс форм, подсистема УСД) – общность содержания множества УФД и направленность их использования;

3) пятый, шестой и седьмой знаки – регистрационный номер УФД внутри подкласса (подсистемы УСД);

4) восьмой знак – контрольное число (контрольный разряд, который рассчитывался согласно «Методике расчета и применения контрольных чисел для защиты кодов общесоюзных классификаторов технико-экономической информации») [ОКУД, 1979, с. 6].

В дальнейшем в процессе ведения ОКУД включение в кодовое обозначение УФД иных (отличных от классификационного) блоков (информационного или идентификационного блока) реализовано не было.

Таким образом, в результате осуществляемых в СССР в 1970-е гг. работ по формированию системы кодирования форм управленческих документов для применения в ОКУД в кодовое обозначение УФД был включен только классификационный блок (отражавший иерархический метод классификации с применением последовательного метода кодирования и в котором основным классификационным признаком являлась принадлежность УФД к УСД). Подобное, однако, не умаляет важности изучения иных вариантов построения кодового обозначения УФД в ОКУД с применением иных методов классификации и кодирования, как с точки зрения внутринаучной рефлексии истории делопроизводства, так и в контексте проводимых сегодня практических работ в сфере документоведения и архивного дела.

Киба Ю. И., Власьева М. В., Сонечкина Е. Л. Состав и структура Общесоюзного классификатора управленческой документации // Классификация и кодирование. 1973. Вып. 9. С. 32–33.

Кокорев В. И. Унификация документов управления. М.: Экономика, 1979.

Лямин Б. Н., Марков И. П., Саков А. А. Унифицированные системы документации для АСУ. М.: Изд-во стандартов, 1979.

Методические указания по единой системе классификации и кодирования технико-экономической информации (ЕСКК) и унифицированным системам документации (УСД). М.: Проектный институт № 2 Госстроя СССР, 1986.

Общесоюзный классификатор. Управленческая документация (ОКУД) : 1 75012; утв. Гос. комитетом СССР по стандартам от 29.10.1975 № 12. М.: Изд-во стандартов, 1978.

Саков А. А. Общесоюзные классификаторы технико-экономической информации и унифицированные системы документации // Внедрение унифицированной системы организационно-распорядительной документации (УСОРД) в условиях АСУ и традиционных методов управления. М.: ВНИИДАД, 1977. С. 14–24.

Сонечкина Е. Л. О структуре кода документа в Общесоюзном классификаторе управленческой документации (ОКУД) // Классификация и кодирование. 1973. Вып. 5. С. 16–18.

Раздел 4

ПОКОРЯЯ ПРОСТРАНСТВО: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

4.1. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

УДК 94(470.5).084.9:338.48+94(47)+379.8

М. В. Бекленищева
Уральский федеральный
университет, г. Екатеринбург

МУЗЕИ В СОВЕТСКОМ ТУРПРОДУКТЕ¹

На примере Свердловской области рассмотрен вопрос представленности музеев в советском турпродукте. В работе раскрыты пять ключевых видов турпродукта: туры для жителей региона, внутрисоюзные маршруты, международные молодежные лагеря, прием иностранных туристов и выезд по путевкам за границу. Определено, что музеи присутствовали во всех видах турпродукта, обозначены особенности включения музеев в пакетное предложение для туристов. Акцентируется внимание на малочисленности фотографий в помещениях музеев. Сделаны выводы о включении в советский турпродукт посещения музеев разной тематической направленности как в крупных, так и в малых городах.

Ключевые слова: туризм, музей, БММТ «Спутник», Свердловское бюро путешествий и экскурсий, турпродукт, «Моя Родина – СССР».

Исследование проводилось на материалах Центра документации общественных организаций Свердловской области, периодической печати, книг отзывав музеев, а также воспоминаний участников событий – организаторов туризма и туристов. Рассмотрен опыт Свердловской области. Туризмом в регионе занималось Свердловское бюро путешествий и экскурсий. Бюро ежегодно обслуживало более 1 млн чел., большинство из них – свердловчане, остальные – жители СССР. Предлагались однодневные, 6-дневные и 20-дневные маршруты [Тимофеев]. Также развитием туризма занималось Свердловское отделение

¹ Тема поддержана грантом Российского научного фонда (РНФ № 21-18-00418).

Например, Свердловским отделением БММТ «Спутник» было разработано четыре варианта программы однодневного приема школьников-туристов в г. Нижний Тагил. Два варианта предполагали посещение только краеведческого музея, два – посещение двух музеев.

«1 вариант:

Питание – трехразовое, возможен сухой паек на ужин (ресторан «Вечерний Тагил») – 2 руб. 50 коп.

Автобусная экскурсия по городу – 85 копеек (70 коп. транспорт, 15 коп. экскурсовод)

Краеведческий музей – 10 коп.

Цирк – 70 коп.

Итого: 5 рублей

2 вариант:

Питание – трехразовое, в столовой – 1 руб. 85 коп.

Музей краеведения и изо – 20 коп.

Цирк – 70 коп.

Итого: 3 руб. 30 коп.

3 вариант:

Питание – трехразовое, в ресторане – 2 руб. 50 коп.

Музей краеведения и изо – 20 коп.

Цирк – 70 коп.

Итого 4 руб. 10 коп.

4 вариант:

Питание – трехразовое, в столовой 1 руб. 85 коп.

Автобусная экскурсия по городу – 85 коп.

Краеведческий музей – 10 коп.

Цирк – 70 коп.

Итого 4 руб. 20 коп.» [ЦДООСО ф. 61, оп. 25, д. 60, л. 125–126].

В документе отмечалось, что все итоговые цены представлены с учетом 20 %-ной наценки на административно-хозяйственные расходы. Очевидно, что стоимость посещения музея в турпродукте являлась самой низкой из всех предлагаемых услуг и составляла от 2,4 % до 7,3 % себестоимости тура.

Отметим, что, например, за 1981 г. БММТ Спутник Свердловского обкома ВЛКСМ обслужило по однодневной программе 35 тыс. чел., а по 3–6-дневной программе – более 4 тыс. человек.

В программу приемов входила автобусная экскурсия по городу с посещением объектов экспедиции «Моя Родина – СССР», кинолекторий, посещение театров, цирка, концертов, музеев, спортивных соревнований и др. культурно-массовых мероприятий, 2–3-разовое питание.

Дальнейшее развитие получила экспедиция «Моя Родина – СССР». В ее рамках были разработаны новые маршруты «Сверд-

ловск – Талица – д. Зырянкa – Свердловск» и «Тюмень – Талица – д. Зырянкa – Свердловск» на родину легендарного разведчика Н. И. Кузнецова [Там же, оп. 33, д. 95, л. 5]. Конечно же, не обходилось без посещения музея Николая Ивановича.

В рамках многодневных (3 и 6-дневные) приемов туристов-школьников в дни каникул постоянно разрабатывались новые туры. К примеру, из 6-дневных туров один день обязательно был посвящен посещению Герасимовки и музея им. Павлика Морозова. Кроме того, предусматривалось посещение краеведческого музея в Тавде [Стародубцева].

2. Внутрисоюзные маршруты являлись одной из самых массовых форм работы. Вот, к примеру, данные по объемам туропотока БММТ «Спутник»:

1977 г. – 61 655 человек;

1978 г. – 73 400 человек;

1979 г. – 72 800 человек;

1980 г. – 72 609 человек.

1981 г. – 72 052 туриста [ЦДООСО ф. 61, оп. 33, д. 95, л. 6].

Предлагались следующие варианты путешествий – железнодорожные туры, авиатуры и круизы на теплоходах.

Туристы могли побывать в столицах союзных республик: Риге, Вильнюсе, Киеве, Казани, Минске, Ташкенте, Ереване; городах-героях: Севастополе, Волгограде; крепости-герое Бресте; ознакомились с достопримечательностями Перми, Горького, Днепропетровска, Куйбышева, Харькова, Красноярска; совершить путешествия по Волге и Каме, по Ладожскому и Онежскому озерам с посещением о. Валаам и Кижи. Предлагались 3–5-дневные самолетные путешествия в Москву, Киев, Ташкент, Минск из Свердловска. Для школьников был организован новый маршрут на теплоходе «Мотовилихинский рабочий»: «Пермь – Ростов-на-Дону – Пермь», Москва – Пермь; Пермь – Москва.

Совершить поездку можно было как без особого повода, так и по случаю. К примеру, через Свердловское бюро путешествий Свердловский областной совет по туризму и экскурсиям совместно с Уральским управлением гражданской авиации организовали пятидневные туры для молодоженов в Ленинград. В программу свадебного путешествия входили посещение памятных мест, связанных с жизнью и революционной деятельностью В. И. Ленина, экскурсии в Эрмитаж, Русский музей, Петропавловскую крепость [Свадебное путешествие].

3. Поездки в международные молодежные лагеря. Например, в 1981 г. из Свердловской области в молодежные лагеря было направлено 2 889 чел. Проживание, питание и экскурсионная программа

входили в стоимость путевки, приобретенной через туристическое агентство «Спутник». Туристы старше 30 лет в ММЛ (международных молодежных лагерях) были большой редкостью. Путевки были своего рода поощрением (порой бесплатным) за трудовые достижения или общественную работу.

«Наша туристическая программа началась теплым солнечным утром с обзорной экскурсии по столице Грузии Тбилиси. А еще была прогулка на катере по Тбилисскому морю, оперный театр, ложи и партер, сверкающие мехами и бриллиантами, театр кукол Р. Габриадзе, куда попасть было невозможно (все билеты были распроданы задолго до нашего приезда), поэтому пустили просто так, на стульчик, музей Н. Пиромани и многое чего еще» [Троль].

4. *Обслуживание иностранных туристов.* Для Свердловской области обслуживание иностранных туристов развивалось в двух направлениях. Первое из них – организация туристических поездок иностранных студентов, обучавшихся в свердловских вузах, в дни зимних каникул. Второе – прием туристов из региона-побратима – Западночешской области ЧССР. Основными гостями были иностранные пионеры. Для работы с ними Свердловское отделение бюро международного молодежного туризма «Спутник» даже принимало на временную работу экскурсоводов [ЦДООСО, ф. 61, оп. 25, д. 60, л. 184].

Обращаясь к абсолютным числам, отметим, что свердловское отделение БММТ «Спутник» приняло в 1975 г. 166 иностранных туристов, в 1982 г. – около 500, а в 1987 г. Свердловским отделением БММТ «Спутник» было принято более 930 иностранных туристов [см. подробнее: Бекленищева, 2018, с. 13–17].

5. *Иностранный туризм* определялся как один из участков идеологической работы и одновременно – одна из форм интернационального воспитания молодежи. По путевкам бюро «Спутник» в 1964 г. за рубежом побывали более 300 молодых людей, в 1965 г. – 425, в 1966 г. – 430 [ЦДООСО ф. 61, оп. 20, д. 48, л. 55]; в 1987 г. за рубежом по линии «Спутника» побывали уже 4 315 свердловчан [см. подробнее: Бекленищева, 2020, с. 37–40].

Туристы из Свердловской области посещали различные капиталистические, социалистические и развивающиеся страны [ЦДООСО, ф. 61, оп. 33, д. 95, л. 5–7].

По итогам поездки за рубеж руководители составляли отчеты в свободной форме. Большинство из них содержат информацию о программе пребывания. Отдельным блоком стоят туристические поездки в Чехословакию с пребыванием в Западночешской области. Например, поездка группы из 25 человек в ЧССР 12–25 января 1982 г. по маршруту Прага – Пльзень – Хеб. В Праге группа среди прочего озна-

комилась с экспозицией музея К. Готвальда, состоялось коллективное внеплановое посещение Музея национальной живописи. В Хебе группа посетила музей музыкальных инструментов и предприятие Кремона, их изготавливающее; музей истории г. Хеб; музей велосипедов завода Еска, музей в Марианских Лазнях; воинскую часть, где был осмотрен музей боевой славы.

Из туристических поездок, конечно же, обычно стремились привезти фотографии на память. Преимущественно фотофиксации подлежали объекты вне помещения – памятники, здания, групповые фото на их фоне. Фотографии в музеях для советского туриста были большой редкостью по ряду причин. В том числе это было связано с техническими характеристиками – освещением, светочувствительностью фотопленки, наличием вспышки у фотоаппарата и др. Редким примером фото в музее является кадр А. Н. Суворова – жителя пос. Бобровский Сысертского района, поддерживавшего побратимские связи с Домажлицким районом. Город Домажлице расположен на границе с ФРГ, и неудивительно поэтому, что практически все делегации и туристические группы из Сысертского района посещали границу, а также музей погранзаставы (рис. 2).

Рис. 2. Музей боевой славы погранзаставы, май 1982 г.
Личный архив А. Н. Суворова.

Конечно же, посещение музеев было предусмотрено программой туров и в другие страны. Например, группа из 40 человек, побывавшая

в марте 1982 г. в Финляндии, посетила музей Ленина и музей искусств в Хельсинки, а также музей кустарных ремесел в Турку [ЦДООСО ф. 61, оп. 37, д. 107, л. 5–6].

Подводя итоги, отметим следующее. Музеи присутствовали в каждом советском турпродукте, хотя и не всегда явно. Внимание на посещение именно музея в советском дискурсе не всегда акцентировалось. Пакетные предложения включали в себя не только посещение крупнейших столичных музеев, но и посещение музеев малых городов и деревень. Помимо специализированных музеев, раскрывавших историю становления советской власти, в структуре турпродукта присутствовали краеведческие и тематические музеи. В целом же тема музея в советском турпродукте весьма обширна и еще ждет своего исследователя.

Бекленищева М. В. К вопросу о международной деятельности комсомола в 1966–1987 годах (региональные особенности) // Молодежные движения и организации XX века (к столетию образования ВЛКСМ) : материалы Всерос. оч.-заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Шадринск: Шадринск. гос. пед. ун-т. 2018. С. 13–17.

Бекленищева М. В. Места памяти Великой Отечественной войны в Европе как направление зарубежного туризма в СССР в 1960–1980-е гг. (на примере Свердловской области) // Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов X междунар. конф. мол. ученых и специалистов. М.: РОССПЕН, 2020. С. 37–40.

Свадебное путешествие // Урал. рабочий. 1980. 2 марта.

Стародубцева Т. Экскурсии в Герасимовку // Урал. рабочий. 1979. 14 ноября.

Тимофеев Б. Время летних отпусков // Урал. рабочий. 1979. 11 июля.

ТролЪ. Путешествие по Грузии. Ноябрь 1984 года. 2020. 10 сент. URL: <https://dzen.ru/media/id/5c6f9ce6d1f38a00c7d11e0e/puteshestvie-po-gruzii-noiabr-1984-godastatia-ot-podpischicy-s-unikalnymi-foto-5f5a42598279b4094672e360> (дата обращения: 01.11.2022)

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Областной комитет ВЛКСМ.

УДК 94(470.5).082/083:069

М. К. Елисафенко
Уральский государственный
педагогический университет, г. Екатеринбург

У ИСТОКОВ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ

В статье дается обзор истории становления музейного дела на Урале, начало которому было заложено членами Уральского общества любителей естествознания и общественными деятелями, в частности, земскими

гласными. Изначально музей в уральской глубинке рассматривался как средство просвещения и воспитания населения – как молодых поколений, получивших азы грамотности, так и взрослых, оставшихся в плену невежества. Несмотря на большие затраты для открытия музеев и нехватку специалистов, уральская интеллигенция и общественные деятели внесли неоценимый вклад в дело гражданского и патриотического воспитания земляков.

Ключевые слова: гласный, грамотность, культура, музей, педагогический музей, население, просвещение, Урал, экспозиция.

Музей (от греч. – дом муз) – учреждение, которому изначально были отведены функции сбора, изучения, хранения и экспонирования памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельности [Ушаков, 2008]. В настоящее время музей рассматривается как один из инструментов формирования этнокультурной и гражданской идентичности, средство познания мира и определения своего места в сложной системе социальных связей.

Начало музейному делу в России было положено в начале XVIII в. Становление музееведения как научной дисциплины относится к второй половине XIX в., когда в 1877 г. в Дрездене стал выходить первый специализированный «Журнал музеологии и антиквариата». В отечественной науке активизация исследований в области музееведения относится к середине XX в. Интерес к развитию музейного дела связан прежде всего с расширением функций музеев, которые становятся социокультурными институтами, т. е. от исключительно сохранения различных форм культурного и природного, движимого и недвижимого, материального и нематериального наследия музейные работники перешли к активным формам взаимодействия с реальными и потенциальными посетителями.

В современных условиях, имея в виду масштабную миссию музея в уставе «Международного совета музеев», его определение было сформулировано следующим образом: «Музей – это учреждение с постоянным местом расположения, которое служит на благо развития общества, будучи открытым для публики. Музеи приобретают, собирают, изучают экспонаты, проводят выставки и презентации с целью обучения, развлечения и духовного и материального насыщения человека» [Международно-правовые документы..., 1996, с. 359–360]. Члены «Союза музеев России» уточнили конечную цель деятельности музеев – сохранять и представлять людям свои коллекции с целью вызвать вдохновение и восхищение, а также стремление к самообразованию [Музеи России].

Музейные работники сделали установку на актуализацию материалов музейных фондов в просветительских целях с использованием современных образовательных и дистанционных технологий, поставили музеи в разряд не просто просветительных учреждений, а институтов формирования социальной памяти. Проблема сохранения исторической памяти народа – одна из самых актуальных проблем нашего времени. Она важна для любой нации. Без знания истории края, своих корней, деяний прошлых поколений рвется нить, связующая эпохи, рушится преемственность поколений. И по определению, и фактически музеи, библиотеки, архивы являются основными хранителями исторической памяти, оставаясь таковыми на протяжении всей датируемой истории человечества.

В настоящее время в мире наблюдаются явно выраженные деструктивные тенденции по отношению к культурному наследию. Акты разрушения проводятся как частными лицами, так и организациями, легальными или нелегальными, и даже государственными структурами.

Музеи организуют и корректируют деятельность людей по сохранению знаний о прошлом и его передачи потомкам, без чего бы эта деятельность приобрела разрозненный, непоследовательный и неустойчивый характер.

Интерес к отечественному музееведению проявился в конце XIX в. благодаря исследованиям Н. Ф. Федорова [Федоров, 1995]. Особенно большое внимание общественные деятели обратили на значимость организации школьных музеев [Манин, 1916; Медынский, 1916; Нечаев, 1913; Новорусский, 1911]. Необходимость региональных музеев обосновывали их руководители, анализируя этапы и результаты своей работы. Например Т. К. Зан, один из первых смотрителей музея при Неплюевском военном училище в Оренбурге [Музееведческая мысль..., 2010, с. 122–124], О. Е. Клер, основатель УОЛЕ и первого краеведческого музея на Среднем Урале [Клер, 1888], П. В. Сюзев [Сюзев, 1911], М. В. Малахов [Малахов, 1885], И. Г. Остроумов [Остроумов, 1902]. В 1891 г. вышел исторический очерк об Уфимском губернском музее, составленный членом комиссии музея А. А. Пекером [Пекер, 1891]. Историю музея Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК) впервые описал в 1908 г. П. Н. Столпянский [Столпянский, 1908].

Дореволюционные авторы, будучи непосредственными участниками музейного строительства, акцентировали внимание прежде всего на тех трудностях, с которыми они столкнулись в процессе формирования коллекций, а главное – их доступного представления для своих земляков. Региональные краеведы привлекли внимание к просветительскому потенциалу музеев.

В советский период на смену регионалистике пришел общегосударственный масштаб, поэтому проблемы краеведения ушли на второй план. Только во второй половине XX в. появились работы, в которых была дана оценка вклада отдельных личностей в развитие музейного дела и история отдельных музеев [Архипова, 1947; Хаст, 1950; Равикович, 1950; Булавин, 1974]. Надо признать, что работы носили описательный характер. К их достоинствам можно отнести оценку персонального вклада в просвещение населения региональной интеллигенции, личных инициатив при строительстве музеев, описание коллекционных собраний.

На современном этапе исследователей в большей степени интересуют социокультурные, экономические условия становления и развития музеев, соотношение общественной инициативы и роли официальной администрации. В работах современных исследователей уральского музееведения был рассмотрен ряд проблем: нормативно-правовое обеспечение российских музеев в дореволюционный период [Чернядзева, Белавин, 2004], провинциальных музеев во внешкольном образовании [Пархоменко, 1991] и т. д. Следует отметить, что уральские историки и краеведы в своих исследованиях по истории музейного дела не уделяли достаточного внимания образовательной функции музеев в дореволюционный период. В настоящее время перед ними стоит задача тщательно проанализировать опыт просветительской работы именно педагогических музеев, открывавшихся, как правило, при учебных заведениях, в том числе сельских, по инициативе педагогической общественности и земских гласных.

Идея открытия в регионе музея «вitala в воздухе», для уральской интеллигенции было очевидно, что при неразвитости системы образования и средств массовой информации любые инструменты просвещения населения должны быть использованы по максимуму.

Истоки музейного дела на Урале уходят в XVII в., когда стали формироваться первые коллекции при монастырях и собрания частного характера. Начало целенаправленной музейной работы связано с созданием в 1870 г. Уральского общества любителей естествознания, сопровождавшегося основанием краеведческого музея, который открыл свои двери для посетителей 27 декабря 1888 г.

Можно выделить несколько видов музеев, действовавших во второй половине XIX – начале XX в. Во-первых, это стационарные общественные краеведческие музеи с разнообразными экспозициями естественной, социальной, исторической, художественной направленности. Они располагались в специальных помещениях и обслуживались штатом специального персонала.

Во-вторых, педагогические музеи – культурно-просветительные учреждения, ставящие целью сбор, хранение и экспозицию различных предметов, памятников, документов, относящихся к школьной программе или оборудованию, отражающие лучшие примеры наглядных пособий, которые использовались в процессе обучения. На базе педагогических музеев было организовано изготовление различных приборов для учебных опытов и демонстраций, устраивались выставки детских работ.

Подобные музеи могли быть стационарными и располагаться в уездных городах или губернском центре, а также при начальных народных училищах. Они, как правило, открывались по инициативе земских гласных, которые стремились использовать просветительский потенциал экспозиций, направленный на расширение эрудиции учащихся, формирование наглядных представлений о явлениях и предметах доселе им неизвестных, способствовали усвоению полученных в школе знаний.

Музеи, учрежденные земцами при учебных заведениях, зачастую становились центрами провинциальной культурной жизни. На их базе для взрослого населения проводились народные чтения, лекции с использованием «волшебного фонаря» (предтеча кинематографа), которые не только информировали о происходивших в жизни изменениях, но и направляли население к самообразованию, посещению библиотек, научно-популярные лекции и т. д.

Организаторы музейных экспозиций рассчитывали, что «...суммою положительных знаний искореняют не только те предрассудки, которые касаются явлений природы, но и те, которые гнетут крестьянское хозяйство, истощают естественное богатство края, и тем необратимо влекут население к всеобщей бедности и нищете» [Доклады Вятской губернской земской управы..., 1869, с. 284].

Наконец, в уральской провинции были весьма популярны передвижные педагогические музеи, материалы которых могли выдаваться во временное пользование учебным заведениям и отдельным лицам на абонементных условиях.

Школьные музеи не были распространенным явлением в уральских губерниях, поскольку требовали значительных затрат и профессиональных кадров. Занимались сбором, хранением и представлением коллекций, как правило, учителя начальных училищ, чьи обязанности при довольно скромном заработке были весьма многообразны.

К концу XIX в. в Пермской губернии действовали 142 педагогических музеев, в Уфимской – 42 [Статистические сведения..., 1898, с. 86–87, 102–103]. В Вятской губернии активный период открытия музеев пришелся на 1909–1914 гг., они были учреждены в Сарапуле, Слободском, Кукарке [Краткий очерк..., 1901, с. 39].

Большая работа была проведена гласными Чердынского уездного земства для открытия общеобразовательного музея имени А. С. Пушкина при Чердынской земской управе [РГИА, ф. 733, оп. 195, д. 334, л. 85.], к которой были привлечены и попечитель Оренбургского учебного округа Бобровников, и пермский губернатор Д. Г. Арсеньев. Необходимость открытия педагогического музея в Оренбургском учебном округе объяснялась отсутствием здесь высших педагогических учебных заведений, и музей мог стать центром педагогических новаций. Предполагалось, что в составе музея будут действовать отделы: 1) школьной гигиены, архитектуры, физического воспитания; 2) учебно-методических пособий, учебной литературы; 3) специальной педагогической литературы, 4) материалов по языку, литературе, этнографии народов края, руководства для учителей инородческих школ, коллекция учебных материалов по изучению русского языка инородцами; 5) промышленно-технический отдел [Там же, л. 362 – 362 об.].

Приоритет просветительского вектора в деятельности уральских земств не потерял своей значимости и в условиях Первой мировой войны. Несмотря на выросшие расходы в связи с военными нуждами, земские гласные признали важность сохранения различных форм внешкольного просвещения, включая музейное, как средство гражданского и патриотического воспитания. В экспозициях педагогических музеев содержались не только образцы наглядных пособий и учебных материалов, но и материалы публичного научного характера для привлечения широкого круга посетителей, например, по физике, химии и др. В годы войны были организованы музеи в пяти уездах Пермской губернии: городах Екатеринбург, Красноуфимск, Осинск, Оханск, Чердынском и 54 – в уездах [Доклады Пермской губернской земской управы..., 1914, с. 47].

К сожалению, опыт использования экспозиций педагогических музеев в просветительских целях после 1917 г. был утрачен, поскольку они под разными предлогами были закрыты. Понадобилось почти 100 лет, чтобы снова вернуться к практике обращения к музейным материалам в образовательном процессе.

Практика почти полуторавековой истории свидетельствует, что музей является не просто хранилищем собранной информации и артефактов, но и средством сохранения межпоколенных связей, формирования интеллектуальной и культурной инфраструктуры в рамках определенной территории, образовательной средой.

В основе образовательных программ лежала идея всеобщего начального обучения, широко поддерживались различные формы внешкольного просвещения: библиотеки, воскресные классы, народные чтения и т. д. Во второй половине XIX – начале XX в. органы местного

самоуправления на Урале приобрели первый опыт работы в области начального образования.

Деятельность земств по распространению различных форм внешкольного обучения дала заметные плоды, поскольку выпускники начальных школ получили возможность сохранить полученные знания. Однако в большинстве своем земства рассматривали внешкольное обучение как дополнительное и в случае нехватки средств отказывались его финансировать. Систематические мероприятия по распространению различных форм внешкольного обучения стали осуществляться лишь на рубеже XIX–XX в.

Архипова П. Н. Роль УОЛЕ в развитии краеведения на Урале // Зап. Свердл. гос. пед. ин-та. Свердловск: СГПИ, 1947. С. 191–195.

Булавин В. С. К истории Свердловской картинной галереи // Из истории художественной культуры Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 25–32.

Внешкольное образование, его значение, организация и техника / сост. Е. Н. Мединский. М.: Наука, 1916.

Доклады Вятской губернской земской управы II очередному губернскому собранию. Вятка: Губ. типография, 1869.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 45-й очередной сессии. Отд. 1. Народное образование. Пермь: Электро-тип. губ. земства. 1914. С. 1–117.

Клер О. Е. Уральское общество любителей естествознания : ист. очерк (1870–1888). Екатеринбург, 1888. С. 1–30.

Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию за пятилетие 1896–1900 гг. Вятка: Тип.-лит. Огородникова, 1901.

Малахов М. В. Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге // Екатеринбургская неделя. 1885. № 12. С. 180–181.

Манин А. Устройство школьного музея (растительный мир, животный мир, неживая природа и технология) // Школьные экскурсии и школьный музей. Кн. 4–5. 1916. С. 1–6.

Международно-правовые документы по вопросам культуры / сост. и науч. ред. проф. А. С. Запесоцкий. СПб.,: СПбГУП, 1996.

Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв. М.: Этерна, 2010.

Музеи России. Типы музеев. URL: <http://www.museum.ru/Mus/type.asp> (дата обращения: 16.06.2022).

Нечаев А. П. Устройство школьного музея по естествознанию (Насекомые на снегу зимою. О собирании минералогической коллекции. О биологических коллекциях) // Школьные экскурсии и школьный музей. Кн. 7. 1913. С. 21–27.

Новорусский Н. В. Музей и его образовательное значение // Помощь семье и школе. М.: Изд-во Анти и Ко, 1911. С. 62–114.

Остроумов И. Г. История возникновения и развития Пермского музея // Отчет Перм. науч.-пром. музея за 1901 год. Пермь, 1902. С. 55–62.

Пархоменко Т. А. Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая половина XIX – начало XX века) // Музей и власть. М.: НИИК, 1991. С. 27–40.

Пекер А. А. Здание музея // Исторический очерк Уфимского губернского музея с подробным описанием его коллекций. Уфа, 1891. С. 24–28.

Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 2. М.: Советская Россия, 1950. С. 145–175.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения (1803–1917).

Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб.: Тип. СПб. акц. об-ва печ. и писчебум. дела «Слово», 1898.

Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург: Оренб. губ. типография, 1908.

Сюзев П. В. Сорокалетие Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге // Тр. Ботанич. сада Юрьев. ун-та. Юрьев, 1911. Т. 12. Вып. 2. С. 196–203.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : совр. редакция. М.: Дом славянской книги, 2008 // Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003496179> (дата обращения: 16.06.2022).

Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 422–470.

Хаст Д. А. Чердынский музей имени А. С. Пушкина. М.: Госкультпросветиздат, 1950.

Чернядьева Н. А., Белавин А. М. Нормативно-правовое обеспечение Российских музеев в 1860–1917 гг. // Становление Российских музеев. Вопросы формирования правового статуса. Пермь, 2004. С. 25–44.

УДК 351.852:004+069

М. С. Колесник
Арамашевский

историко-краеведческий музей, с. Арамашево

А. А. Ефимов
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

НЕГАТИВНЫЕ ПЛЕНКИ В ФОНДАХ АРАМАШЕВСКОГО МУЗЕЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ОЦИФРОВКИ

В статье описывается история создания и сохранения архива фотоматериалов в Арамашевском краеведческом музее, а так же опыт оцифровки фотоматериалов.

Ключевые слова: музей, пленка, негатив, сканер, фонд.

Арамашевский историко-краеведческий музей основан 24 марта 1962 г. на базе Арамашевской средней школы. Работу по созданию

музея начал учитель географии Иван Семенович Кесарев (1924–1993), которого активно поддерживали директор школы, учителя, учащиеся и их родители. И. С. Кесарев руководил музеем до 1983 г. [Арамашевский музей]

И. С. Кесарев был старшим из шести детей в семье крестьянина середняка Семена Кесарева. Учился в школе легко, уже в детстве пристрастился к чтению. С ранних лет научился играть на балалайке, затем на гармонии и на баяне. Участь в старших классах, он с 1940 г. работая избачом, организовал художественную самодеятельность, обучал младших ребят игре в шашки и шахматы. В 1942 г., после окончания школы был призван на фронт, но из-за травмы комиссован. Поступил на заочное обучение в Свердловск, в индустриальный институт, эвакуированный из Ленинграда.

В сентябре 1948 г. приступил к работе в Арамашевской школе, где преподавал биологию, географию, историю. Параллельно И. С. Кесарев обучался в Нижнетагильском учительском институте. Во время учебы для курсовой работы выбрал тему «История села Арамашево», что стало началом его систематической краеведческой работы.

Иван Семенович разработал систему краеведческих заданий, выполняемых индивидуально и в группах. Учащиеся проводили исследование и составляли паспорта рек и озер, изучали флору и фауну, собирали материалы о земляках – участниках Великой Отечественной войны, погибших и оставшихся в живых. За время работы в Арамашевской школе И. С. Кесарев был директором дважды – с 1959 по 1960 гг. и с 1969 по 1972 гг. Общий педагогический стаж более 35 лет. Награжден многочисленными грамотами, знаками «Отличник народного образования», «Ветеран труда» [Колесник].

Помимо перечисленного, И. С. Кесарев был энтузиастом кино- и фотодела и в 1970 г. организовал при школе кружок фото- и киносъемки. Под его руководством снято огромное количество кино- и фотохроники, смонтировано более 10 любительских фильмов. Стандартной практикой стала протокольная репортажная съемка всех значимых событий села. На базе отснятого материала изготавливались наглядные исторические, географические и биологические пособия для уроков, устраивались фотовыставки, макеты, выпускались альбомы. И. С. Кесарев, несмотря на должность, статус, административную нагрузку и пр. лично брал в руки камеру во время всех важных событий, проявлял пленки и печатал фотографии. Качество фотографий, как техническое, так и творческое, на подавляющем большинстве кадров отличное – можно проявлять и печатать каждый кадр. Сегодня не каждый репортажный фотограф может обеспечить такой результат, а главное, далеко не каждый ставит себе такую задачу. Иван Се-

менович же, будучи директором школы, человеком ответственным за организацию и проведение мероприятия, находил возможность не только отлично провести мероприятие, но и сохранить его на кадрах хроники, а по окончании проявить пленки и напечатать фотографии.

Материалы, содержащие информацию о событиях села, школы и т. д. (пленка тип 135 в роликах и картонных или бумажных футлярах) были сохранены в фондах музея. Состояние материалов хорошее, соответствующее возрасту. Для оцифровки было отобрано 70 роликов, самый ранний из которых был датирован 1965 г., а самый поздний 1986 г. Каждый ролик не всегда содержал кадры одного события и не всегда состоял из одной пленки объемом 12, 24 или 36 кадров, что позволяло только примерно оценить масштаб работы на старте.

Сканирование было проведено сотрудниками музея и энтузиастами из числа посетителей в инициативном порядке. Сканер Nikon Super CoolScan 8000ED был модифицирован для работы со старыми материалами, чтобы компенсировать деформацию основы пленки; сами же ролики были разделены на части по шесть кадров и менее для совместимости с рамками сканера. Перед сканированием пленки были очищены от пыли и других загрязнений.

Сканирование проводилось с разрешением 4000 DPI и глубиной цвета 16 бит. Все пленки – монохромные, негативные. Параметры файла – 5904x4000 px, формат – TIF, сжатие – LZW. Размер каждого файла – около 50 Мб. Данные характеристики являются максимально возможными для сканера и, как показала практика, избыточными для исходного материала. Несмотря на это, было решено не снижать качества сканирования. Количество отсканированных кадров с учетом сдвигов пленки в держателе для достижения наилучшего результата – более 2500 шт. Общий объем фонда – более 125 Гб. В среднем 2500 файлов, разделенные на 70 роликов, дают примерно те же самые 36 кадров на ролик, но на практике это не всегда так. Одни события отражены всего в нескольких кадрах, другие – в паре пленок.

Сравнение оригиналов бумажных снимков из фондов музея, напечатанных более 40 лет назад, а также их отсканированных цифровых копий с отсканированными пленками показало превосходство последних. Подобное сравнение так же позволило найти на пленках кадры, которые не были напечатаны на бумаге. Это кадры, сделанные за секунду до или после тех, что были напечатаны и экспонировались в музее; те, которые 40 лет назад показались менее удачными, но бесценны теперь.

На сегодня в Госкаталог занесено 2 122 предмета Основного фонда Арамашевского музея. 98 из них составляют коллекцию «Фотография». Проведенная работа по оцифровке фотопленок из вспомо-

гательного фонда музея дает возможность дополнить фотографиями документальную информацию и стенды, а так же размещать публикации и проекты на интернет-ресурсах. Подобный опыт уже имел успех – несколько слайд-фильмов с различных мероприятий были опубликованы на интернет-страницах музея и были отмечены положительными отзывами.

Арамашевский краеведческий музей // Верхнесинячихинское музейное объединение. URL: <http://vsmuz.ru/catalogue/group/2> (дата обращения: 30.08.2022).

Колесник М. С. Хранитель истории // Хранители Родины. URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=23532> (дата обращения: 30.08.2022).

УДК 94(470.5).084.3/5:351.85+069

Е. В. Огуренко
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ДАЛМАТОВСКИЙ МУЗЕЙ-МОНАСТЫРЬ (1917–1929 гг.): К ВОПРОСУ О МУЗЕЕФИКАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В статье, выполненной рассматривается проблема коммеморации религиозной памяти в раннесоветском обществе на примере Далматовского музея-монастыря, созданного на основе Далматовского Успенского монастыря в 1920 г. Рассматриваются основные вехи деятельности музея — история создания, тесно связанная с краеведческим движением 1920-х гг. и личностью уральского краеведа В.П.Бирюкова; структура, управление и экспозиции музея-монастыря; финансовые и материально-технические проблемы. Особое внимание заслуживают обстоятельства закрытия этого уникального для Урала музейного комплекса, вылившееся в конфликт между УралОНО и местным исполкомом. В заключение автор приходит к выводу об обреченности попыток сосуществования религиозной традиции с формирующейся советской исторической памятью.

Работа выполнена на основе архивных документов Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Ключевые слова: Музейное дело на Урале, Далматовский Успенский монастырь, Далматовский музей-монастырь, В.П.Бирюков, советское музееведение, религиозная память.

Всякая традиция нуждается в коммеморации. Религия – один из самых долгоживущих социальных институтов, использующий па-

¹ Тема поддержана грантом РФФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

мать для фиксации религиозной традиции. Религиозная память может быть определена как способ сохранения и передачи религиозного сознания и религиозного поведения. Она организует и на регулярной основе повторяет прошлое в настоящем, транслируя религиозные практики и смыслы прошлого в настоящем [Покровская, 2020, с. 41]. Главная ее особенность – сверхъестественный источник происхождения общественной традиции и норм. По мысли М. Хальбвакса, «церковь бесконечно повторяется или, по крайней мере, утверждает, что повторяется» [Хальбвакс, 2007, с. 233]. Согласно концепции П. Бурдьё, любые реформы религиозного (в т. ч. религиозной памяти) были тесно связаны с вовлечением жрецов в политическую жизнь [Бурдьё, 2005, с. 19–20]. Особая роль религиозной культуры требует особых практик музеефикации. Интерес представляет проблема столкновения в XX в. традиционного (аграрного, русского православного) и революционного (городского, светского советского) сознания и возможность их сосуществования в социалистическом обществе.

Февральская революция никак не изменила положение монастырей. Только с принятием 20 января (2 февраля) 1918 г. СНК РСФСР декрета «Об отделении церкви от государства...» [Цит. по: Следственное дело... 2000, с. 286–287] юридический статус религиозных учреждений изменился. В частности, церковь лишалась прав собственности. Невозможность продолжать привычную деятельность толкала монастыри к реорганизации в хозяйственные кооперативы, артели и коммуны. Этот процесс проходил в 1918–1920 гг. Реакция на подобные меры со стороны советских представителей чаще всего была отрицательной [Кандидов, 1929, с. 75]. Другим способом сохранения религиозной традиции в светском обществе явилась музеефикация монастырей.

Музей-монастырь (музей церковного быта), в самом широком смысле – это музей, созданный на основе музеефикации комплекса монастырских построек. Главными объектами сохранения и экспонирования в них является материальное и духовное наследие монастыря. Первые проекты музеефикации, затрагивающие отечественные монастыри, относятся к началу XX века. В 1919 г. была музеефицирована Оптиная пустынь, в 1920 г. – Троице-Сергиева лавра [Каулен, 2012, с. 17]. В дальнейшем количество музеев-монастырей увеличилось. Были музеефицированы Ново-Иерусалимский, Тихвинский, Болдинский, Саввино-Сторожевский, Волоколамский, Иверский Валдайский, Александровский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Толгский, Симонов, Новодевичий монастыри и др. При Музейном отделе Главнауки Наркомпроса РСФСР в 1924 г. было создано Управление музеев-храмов, музеев-монастырей и музеев-усадеб.

В отличие от крупных монастырей Центральной России, удаленность от центра предоставляла региональным монастырям большую возможность для сохранения религиозной традиции. Далматовский Успенский монастырь был основан на Южном Урале в 1644 г. как монашеская обитель (пустынь). В 1659 г. создание монастыря с передачей ему значительных земельных владений было утверждено царским указом [Самигулов, 2011, с. 28–29].

Решение реорганизовать Далматовский Успенский монастырь в музей было принято по предложению уральского краеведа В. П. Бирюкова (1888–1971). Его участие в этом деле не случайно. Именно под руководством В. П. Бирюкова в 1917 г. был открыт крупнейший в Шадринском округе краеведческий музей – Шадринское научное хранилище – располагавшееся в непосредственной близости от Далматова. Усилиями В. П. Бирюкова научное хранилище в середине 1920-х гг. фактически выполняло функции окружного музейного подотдела [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 439, л. 555]. Сам краевед с самого основания принимал значительное участие в работе музея. Причиной этого было особое отношение В. П. Бирюкова к памятникам религиозной культуры. Так, в одной из своих многочисленных публикаций он писал: «сам по себе церковный памятник есть напоминание об известном событии из местной истории. Уничтожение такого памятника или его переделка – уже акт низкой культурности» [Бирюковское..., 2003, с. 70]. Также он регулярно сообщал в Ураломо об угрозах сохранности церквей и других культовых объектов. В 1928 г. он сообщал о разрушении церкви XVII в. в селе Першинском и несанкционированной ликвидации Флоро-Лаврского кладбища [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 874, л. 99, 131]. В то же время в качестве попытки защиты церковного здания, пользуясь полной поддержкой Музотдела Ураломо, В. П. Бирюков добивался передачи под «Дом науки» здания закрытой Покровской церкви в Шадринске [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 439, л. 650].

Далматовский музей краеведения начал свою работу в 1920 г. на территории бывшей обители, которая вместе с прилегающей усадьбой была передана музею по решению центральной междуведомственной комиссии. Было организовано три отдела: церковно-археологический, историко-археологический и этнографический [ГАСО, ф. Р-677, оп. 1. д. 13, л. 207].

В 1922 г. краеведческий музей был реорганизован в музей-монастырь. В 1923 г. при музее была организована община, позже принявшая обновленчество и использующая одну из монастырских церквей. В 1924 г., на II Уральском областном краеведческом съезде музей-монастырь был признан «одним из крупнейших на Урале культурно-исторических и художественных памятников» [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 428, л. 30].

В начале 1920-х гг. музей успешно развивался. К 1926 г. музей-монастырь состоял из шести отделов – естественноисторического, историко-археологического, сельскохозяйственного, художественно-промышленного, школьной выставки и быта. На протяжении всего времени существования музей фактически возглавлял Иван Андреевич Иванч, учитель по образованию. При музее действовал совет из 10 человек, включавший представителей райкомов ВКП(б), ВЛКСМ, райисполкома и сельсовета. Также при музее действовало краеведческое общество [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 439, л. 25 – 25 об.].

Комплекс монастыря состоял из исторических каменных зданий XVIII в. и деревянных построек. Здания были приспособлены для музейных экспозиций, но они давно не ремонтировались и сильно обветшали. На ремонт требовалось не менее 3 тыс. руб., которых музей не имел. Также музею недоставало шкафов и витрин. Количество экспонатов к 1926 г. составило более 1 800 единиц, библиотека насчитывала 8 тыс. экземпляров. Финансовый дефицит ощущался музеем очень остро, так как он не мог поддержать свою деятельность без ссуды не менее чем в 500 рублей. Местные власти музею отказали, поэтому руководство музея предполагало продать часть хозяйственных построек. Находящаяся за пределами монастырского кремля усадьба включала в себя жилой деревянный дом, сарай с навесом и три деревянных конюшни, а также около 9 га земли [Там же, л. 26 – 28 об.].

Положение музея-монастыря стало осложняться в 1926 г. И до этого местный исполком считал музей-монастырь обузой. Заведующий музеем-монастырем И. А. Иванч открыто выражал недовольство политикой райисполкома, который, не ставя его в известность, произвольно распоряжался собственностью музея. Так, в 1926 г. площади монастыря использовались для проведения сборов пионеров, а затем допризывников, в результате чего был сорван замок с главного здания музея, повреждены оконные решетки, сломан ряд кустов и деревьев, испорчено сена на 64 руб. и похищен ценный экспонат – револьвер [Там же, л. 501].

В том же 1926 г., вероятно посвященный в намерения местных властей, В. П. Бирюков, в попытке защитить музей-монастырь, добивался признания его филиалом Шадринского научного хранилища, однако не преуспел.

16 февраля 1927 г. Шадринский окрисполком счел целесообразным передать в распоряжение одного из местных семенных хозяйств деревянные постройки. Окрисполком считал, что сдаваемые музеем-монастырем земля и хозяйственные постройки эксплуатируются нерационально, по большей части простаивают и подвергаются разрушению, а передать их следует предприятию, которое действи-

тельно в них нуждается. Данное постановление было опротестовано Главнаукой на основании того, что «деревянные постройки являются единственной материальной базой Далматовского музея-монастыря». В свою очередь, окрисполком обратился в Уралоблисполком, который принял его сторону [Там же, л. 545 – 545 об.].

Конфликт музея-монастыря с местными властями получил большой резонанс и завершился вмешательством центральной власти. Постановлением СНК РСФСР от 28 июня 1927 г. из состава, закрепленного за музейным отделом Главнауки собственности, была исключена земля и часть хозяйственных построек музея – сарай, конюшни и жилой дом [Там же, л. 604].

В начале октября 1927 г. представителем Шадринского районного земельного отдела т. Печеркиным было оформлено лишение прав на владение музеем-монастырем всем имуществом и угодьями, которые были расположены за его стенами. Имущество было разделено между РИКом, окрисполкомом и Тамакульским семенным хозяйством. Акт раздела И. А. Иванч отказался подписать, полагая, «что в данном случае произошло какое-то нарушение истинного смысла постановления Совнаркома», так как с отторжением территории музей, лишенный средств к существованию, должен был быть расформирован. После изъятия у музея имущества местные власти тут же приступили к его распродаже [Там же, л. 649]. В. П. Бирюков 12 октября 1927 г. сообщал, что работники Далматовского РИКа твердо намерены ликвидировать местный музей [Там же, л. 659].

Музейный подотдел выражал обеспокоенность ситуацией и требовал «ни в каком случае не допускать расширительного толкования постановления СНК об изъятии части имущества, находящегося за пределами Кремля». Виновных Музотдел обещал привлечь к ответственности, в частности представителя Шадринского окрика² т. Печеркина [Там же, л. 646–647]. Однако фактически никаких мер принято не было. Невозможность оспорить решение СНК вынудила В. П. Бирюкова и И. А. Иванча начать работу по закрытию музея-монастыря, перемещению его реликвий и архива. В. П. Бирюков приложил значительные усилия для спасения архива музея-монастыря – вместе со школьниками после каждой экскурсии он выносил связки папок, и таким образом спас более трех тысяч документов [Докучаева, 2019, с. 30].

В 1930 г. музей-монастырь прекратил работу. В том же году с монастырских строений были сняты купола. Осенью И. А. Иванч был арестован и отдан под суд. В ходе следственной проверки выяснилось, что заведующий занимался распродажей церковных ценностей

² Т. е. окружного исполнительного комитета Советов (*Ред.*).

самостоятельно и через Уралторг. Бывший монастырь остался без присмотра. При отсутствии должного надзора ценные экспонаты монастыря разворовывались местными жителями. Наблюдение за монастырем было поручено заведующему местной библиотекой т. Шмакову. На территории монастыря продолжала действовать церковь, а другие постройки были переданы под народный дом, общежития, МТС и колонию беспризорников.

20 августа 1931 г. И. А. Иванч был осужден на пять лет лишения свободы [Бирюков, 2008, с. 470]. В. П. Бирюков в сентябре 1931 г. оставил должность директора Шадринского научного хранилища и переехал в Свердловск [Шадринские страницы..., 2021, с. 224]. В том же году были демонтированы и сданы на металлолом 11 колоколов бывшего монастыря (общим весом более 20 тонн) [ГАСО, ф. Р-233, оп. 1. д. 1802, л. 32–33].

22 августа 1931 г. закрытый музей-монастырь подвергся проверке областного отделения Союза воинствующих безбожников. Представитель общества А. Е. Агеев добился рассмотрения вопроса о спасении разрушающегося монастыря на заседании бюро райкома ВКП(б) [Там же, л. 19–20]. Однако музеефикация в качестве способа сохранения монастыря уже не рассматривалась.

Таким образом, Далматовский музей-монастырь не имел шансов на спасение в условиях отказа советских властей от поддержки музейно-краеведческого сообщества.

Религиозная память настроена на жесткое структурирование и нетерпение к изменениям (ересям). При этом интересно провести параллели между религиозной и исторической памятью. Монашеские общины стремились сохранить монастырский уклад, комплексы и святыни. Так, на месте закрытых монастырей в 1920-е гг. стали появляться сельскохозяйственные артели, кооперативы и коммуны. Другой формой сохранения религиозных зданий стала музеефикация – создание музеев-монастырей. Оба варианта сохранения монастырской культуры к 1925 г. были запрещены после проведения ряда антирелигиозных кампаний. Со второй половины 1920-х гг. музеи церковного быта закрываются или перепрофилируются в антирелигиозные музеи для борьбы с «церковной контрреволюцией». Но даже в этом случае музеи комплектовали свои коллекции предметами из закрытых церквей и монастырей, спасая от гибели культурные ценности. Другим вариантом было функционирование в качестве краеведческого музея. После 1930 г. многие музеи-монастыри были лишены своего статуса и закрыты, а монастырские комплексы физически уничтожались, либо превращались в склады, фабрики или тюрьмы.

-
- Бирюков В. П.* Избранные труды. Шадринск : Шадринск. Дом печати, 2008.
- Бурдые П.* Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетей, 2005. С. 18–53.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
- Ф. Р-233. Отдел народного образования исполнительного комитета Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уралоблоно).
- Ф. Р-677. Свердловское областное бюро краеведения Народного комиссариата просвещения РСФСР. Оп. 1. Д. 13.
- Докучаева С. В.* Религия, атеизм, культура и власть их единство и борьба в жизни И. Г. Горохова и В. П. Бирюкова // Горохов. чтения: материалы X регион. музейн. конф. 2019. С. 29–32.
- Кандидов Б. П.* Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда / Союз безбожников СССР и Главполитпросвет. М.: Безбожник, 1929.
- Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М.: Этерна, 2012.
- Покровская Т. Ю.* Религиозная память vs социальная память // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 40–42.
- Самигулов Г. Х.* От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск: Книга, 2011.
- Следственное дело Патриарха Тихона : сб. док. по материалам Центр. архива ФСБ РФ. М.: Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2000.
- Хальбвасс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Шадринские страницы в биографии выдающегося уральского краеведа и лексикографа В. П. Бирюкова // Вестн. Шадринск. гос. пед. ун-та. 2021. № 4 (52). С. 222–229.

УДК 351.852+316.7+069

И. С. Слепцова (Кызласова)
Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва

ДОМАШНИЕ МУЗЕИ КАК ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¹

В статье проанализированы особенности организации домашних (семейных) музеев и музеефицированных пространств, описана их специфика как одной из форм историко-культурного наследия. В рамках антропоцентрического подхода музеев рассматривается не как социальный институт, а как продукт творчества человека, отражение его индивидуальности, системы ценностей, идеологических, морально-нравственных, эстетических взглядов. Рассмотрены принципы предметного наполнения экспозиций,

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

показано значение домашних музеев для сохранения наследия и способы, которые используются при этом. Сохранение наследия в домашнем музее неотделимо от его использования, что обычно реализуется в различных интерактивах, в которых реконструируется повседневность прошлых лет и при помощи которых происходит трансляция социокультурного опыта и системы ценностей.

В статье использованы материалы полевых исследований автора, проведенных в 2019–2020 г. в ряде музеев Московской и Владимирской областей, а также информация из СМИ и интернет-источников.

Ключевые слова: культурное наследие, культурные ценности, домашний (семейный) музей, музеефицированное пространство, музей как пространство жизни, трансляция традиционных ценностей.

Понятие «историко-культурное наследие» несмотря на то, что оно уже давно введено в научный оборот, до сих пор не имеет однозначной трактовки. Однако независимо от того, какие признаки и качества наследия подчеркиваются в конкретных исследованиях, всеми признается, что основной характеристикой данного феномена является его ценность для нынешнего и будущего поколений; термины «культурное наследие» и «культурная ценность» часто употребляются как синонимы [Фирсова, Шестопалова, 2022]. Из этого следует, что определенный феномен воспринимается как наследие, если рассматривается тем или иным сообществом или индивидом как носитель ценности. Как справедливо отмечает американский исследователь Джереми С. Уэллс (Jeremy C. Wells), «наследие не может существовать независимо от людей. В “мире без нас” наследие просто исчезнет, потому что не будет людей, которые будут его создавать, поддерживать и использовать» [Wells, 2018, p. 19].

Очевидно, что такой подход, имеющий антропоцентрический характер, предполагает концентрацию внимания на понимании наследия конкретными людьми, а также на их деятельности по его сохранению и использованию. Поэтому фокус исследований смещается на неформальные инициативы, исходящие не от тех или иных сообществ, а от отдельных индивидов. К ним, в частности, относится организация мемориальных локусов, не имеющих пока общего названия, для обозначения которых мы используем термины домашний (семейный) музей, или музеефицированное пространство. В данной статье мы попытаемся представить домашние музеи в более широком контексте форм функционирования историко-культурного наследия, показать их значение для его сохранения и способы, которые используются при этом. При этом музей рассматривается не как социальный институт, а как продукт творчества человека, отражение его индивидуальности, системы ценностей, идеологических, морально-нравственных, эстетических взглядов.

Хотя подобные музеи в последние годы получили довольно широкое распространение, в существующих реестрах музейных учреждений данная категория отсутствует. В официальной классификации они близки к *частным* музеям [Равикович, 2001, с. 273; Шехватова 2021], однако их можно выделить в отдельную группу, чьей отличительной чертой является устройство рядовыми гражданами в жилых или придомовых пространствах и включенность в повседневный быт, а также отсутствие финансового интереса со стороны владельца. Они не попадают в официальные реестры и не имеют юридического статуса. Грань между домашним и частным музеем весьма тонка и подвижна. В случае, когда владелец музея начинает относиться к своему созданию как к ресурсу для развития бизнеса, то домашний музей преобразуется в частный. Это влечет за собой трансформацию способов его функционирования: появление рекламы для привлечения посетителей, активное представление в соц. сетях, ориентацию на пользующиеся спросом у населения темы экскурсий и формы деятельности, предоставление разного рода услуг (проведение свадеб, юбилеев, различных мероприятий) и т. д. Такая смена акцентов изменяет и характер сопутствующих нарративов, способствует дополнительной мифологизации тех или иных вещей или сюжетов. Специфической чертой домашних музеев является их интерактивность, тот их статус, который мы обозначаем как *музеефицированное пространство*, и которое в официальных классификациях обычно соотносится со статусом «средовой» или «живой» музей. Эта категория музеев выполняет функции сохранения и поддержания культурного наследия, в том числе и в его естественном бытовании в первоначальной природной и социально-культурной среде [Каулен и др., 2009, с. 51].

В деятельности организаторов семейных музеев преобладает практика собирательства (иногда граничащая с «синдромом Плюшкина»), стремление составить максимально разнообразную и представительную коллекцию. Исследовательское же направление существует в небольшом их числе, имеет непрофессиональный характер и в основном заключается в выявлении происхождения вещей, датировке, способах пользования. В этом владельцы часто опираются на собственный опыт или обращаются к памяти старших родственников, что не гарантирует от появления ошибок.

Индивидуальность и личностные качества организаторов домашних музеев определяют большую вариативность их форм и содержания. Можно условно выделить домашние музеи культурологического направления, где основное внимание уделяется этнографическим темам и истории вещей; исторического – включаются сюжеты, связанные с археологией, локальной историей и природой, особенно если

кто-либо из членов семьи увлекается путешествиями и краеведением; а также художественного направления, когда значительное место в экспозиции отводится демонстрации произведений искусства, созданных членами семьи или их художественных коллекций. Существуют музеи индустриального типа, которые являются хранителями наследия в сфере техники (автомобилей, теле- и радиотехники, компьютеров и т. д.).

В домашних музеях можно найти артефакты, которые не часто попадают в официальные музеи, поскольку не представляют ни эстетической, ни историко-культурной ценности с их точки зрения, но являются весьма значимыми экспонатами в семейных: за каждым предметом стоит конкретный человек со своей историей жизни. Среди них встречаются уникальные предметы, содержащие информацию о местных ремеслах и художественных промыслах, повседневной и праздничной жизни, что особенно важно для характеристики локальной и региональной культуры.

Большую роль при формировании музейного контента и его использовании играет профессиональная ориентация устроителей, например, имеют ли они педагогическое, культурно-просветительское, естественно-научное или техническое образование. Их профессиональная деятельность накладывает отпечаток на отбор экспонатов и на то, как они организуют работу в музее. В целом, домашний музей не может не содержать самые различные экспонаты, характеризующие быт и интересы членов семьи, относящихся к разным поколениям.

При характеристике целей своей деятельности устроители музеев не используют выражение «сохранение наследия», однако ее смысл заключается именно в этом. Упоминая о причинах организации музеев, они наиболее часто обращаются к «памяти» – семейной («Мы хотели, чтобы дети знали свою родословную»; «В память наших предков»), коллективной/культурной («Память обо всем, о нашем прошлом»; «У нас не будет истории, если мы не будем собирать и показывать эти вещи»), реже индивидуальной («Мой музей – это дело моей жизни, живая память»). Таким образом, сохранение памяти выступает как способ существования наследия в настоящем, они образуют неразрывное единство: «Наследие выступает как формализованное и артикулированное содержание памяти. Память становится видимой и явленной в культуре именно через наследие» [Ионесов, 2015, с. 30].

Домашние музеи, основной целью которых является увековечение памяти определенных людей или событий, сближаются с мемориальными [Дмитриева, 2001]. Они, как правило, посвящены истории семьи, поэтому героями их экспозиций являются представители

предшествующих поколений данного семейства, которые часто обозначаются терминами «предки» или «род». Этим обусловлено обилие личных документов и вещей, принадлежавших членам семьи: фотографии, почетные грамоты, знаки отличия, а также различные предметы быта. Конечно, подобная привязка характерна для любого мемориального комплекса, однако в экспозиции домашнего музея основной акцент делается на увековечении памяти конкретных членов семьи, то есть они являются персональными. В этом смысле они близки к той категории музеев, которые обычно принято называть «дом-музей» или «квартира-музей», и часто обустраиваются по их подобию. Осмысление жизненного пути предков и представление их ценностного мира через демонстрацию принадлежащих им вещей, имеет огромное значение не только для сохранения конкретных материальных объектов, но и для репрезентации значений и символики, которые люди присваивают им, что транслируется также при помощи устных нарративов, передаваемых организаторами музеев.

Интерпретация наследия, отражая личную позицию владельца, вместе с тем представляет идеологические и исторические взгляды, которые сложились у человека под влиянием образования, круга общения, исторических фильмов, СМИ, других факторов и, что важно, собственного жизненного опыта, который у большинства организаторов сформировался в советскую эпоху. С этим связаны «советские» экспозиции во многих домашних музеях. Отметим, что экспонаты советского периода представлены в их связи с жизнью членов семьи, поэтому они отражают те факты и события большой истории, которые важны с точки зрения семейной памяти. Гораздо реже встречаются музеи, посвященные реконструкции определенного исторического периода (Великая Отечественная война, период развитого социализма). Советское наследие предстает в домашнем музее в идеализированном виде, что связано с его спецификой как «музея истории семьи» и с самим временем появления этого феномена в середине 1990-х гг., когда в условиях экономической и социальной нестабильности происходил поиск устойчивых ориентиров в прошлом.

Резюмируя, перечислим основные характеристики домашних музеев как особой формы наследия: расположены в жилом пространстве и включены в повседневный быт; репрезентируют индивидуальные взгляды, установки и ценности и мало ориентированы на интерес сторонних посетителей; независимы от политической конъюнктуры; предоставляют свободу самовыражения и самореализации; не ограничивают владельцев в использовании экспонатов в быту и в различных мероприятиях; выполняют интегрирующую функцию для семьи и в некоторых случаях для локального сообщества.

Сохранение наследия в домашнем музее неотделимо от его использования, включения в современную жизнь, что, собственно, составляет суть его актуализации. Поскольку эти музеи ориентированы прежде всего на круг близких родственников и знакомых, детей и внуков, а не рассчитаны на регулярное посещение посторонними, то выставленные в музее предметы нередко теряют свой статус экспоната и употребляются в их прямом назначении в повседневном обиходе, тем самым сохраняя память об их естественном бытовании. Коммуникация со сторонними лицами осуществляется в разных дискурсах в зависимости от конкретных условий. Для них обычно проводится экскурсия, в которой предметное наполнение рассматривается как документальное подтверждение идей владельца музея и демонстрация его жизненных ценностей. Кроме того, наследие актуализируется в различных интерактивах, в которых реконструируется повседневность прошлых лет. При этом главной целью является ознакомление посетителей с назначением вышедших из бытования вещей и, что особенно важно – со знаковой природой предметов, раскрывающей систему ценностей социума. Для детей знакомство с экспозицией превращается в экзотическое «путешествие в прошлое». Отметим, что этнографические предметы и способы их использования, как уже не имеющие связи с индивидуальным опытом ребенка, меньше вызывают его интерес, чем те устройства, которые стали предшественниками современных (например, дисковый телефон, кинопроектор, электронные игры и т. д.). Для детей участие в таких акциях важно не только с точки зрения расширения кругозора и просвещения в области истории, но и как наработка коммуникативных навыков, как инструмент социализации. В подобных мероприятиях присутствуют элементы реконструкторских практик: изготовление предметов, овладение способами пользования ушедшими из быта вещами, отчасти – освоение культурных практик (например, этикета, игр и развлечений). Большинство интерактивов и мастер-классов проходят в игровой атмосфере, которая моделируется еще и при помощи театрализации – переодевания в костюмы другой эпохи (или использования их отдельных элементов) и разыгрывания небольших сценок, что создает эффект погружения, личного присутствия в тех или иных ситуациях. Такого рода деятельность способствует сложению инклюзивного взгляда на историю, это особенно верно в отношении локальной истории. По словам владельца музея в г. Бузулук Оренбургской обл. Александра Грицаенко, «события прошлого воспринимаются иначе, когда рассматриваешь их сквозь призму судеб прадедов и дедов» [Назина, 2019]. Все эти практики позволяют ввести прошлое в современность, сблизить опыт, в том числе и телесный, разных поколений, сохраняя

тем самым память об ушедшей повседневности. Таким образом, при помощи интерактивов происходит трансляция социокультурного опыта, его усвоение новым поколением.

Дмитриева Е. К. Мемориальные музеи // Рос. музей. энцикл. : в 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 356–358.

Ионесов В. И. Артефакты креативности как знаки меморализации культуры: вещи, ставшие наследием // Креативная экономика и социальные инновации. 2015. Т. 5. № 2 (11). С. 28–33.

Каулен М. Е., Сундиева А. А., Чувилова И. В., Черкаева О. Е. и др. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.

Назина Т. Домашний музей: все началось со свистка // Orenonline.ru : обл. инф. портал. Главная. Общество. URL: <https://orenonline.ru/news/obshchestvo/domashnij-muzej-vsyo-nachalos-so-svistka/> (дата публикации: 01.01.2019).

Равикович Д. А. Классификация музеев // Рос. музей. энцикл. : в 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 273.

Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия [Электрон. сетевое изд.]. М.: Ин-т наследия, 2022.

Шехватова Е. В. Современное состояние и перспективы развития частных музеев России // Учен. зап. (Алт. гос. акад. культуры и искусств). 2021. № 4 (30). С. 36–44.

Wells J. C. Is There Such a Thing as Tangible Heritage? // Forum Journal. 2018. Vol. 32. No. 4. P. 15–24.

УДК 94(470.56):338.4+069

М. С. Трифонова
Оренбургский губернаторский
историко-краеведческий музей, г. Оренбург

МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

В статье рассматривается вклад Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея в развитие туристской привлекательности Оренбурга. Туристская привлекательность города определяется прежде всего наличием сохранившегося исторического центра с кварталами целостной застройки XIX в., поэтому музей сегодня выходит за рамки привычного пространства стационарной экспозиции. Популярностью у гостей города пользуются пешеходные экскурсии, позволяющие познакомиться с неповторимым архитектурным колоритом города, с его своеобразным «закулисьем». В целом музейные проекты направлены на привлечение широкого круга туристов и параллельно стимулируют интерес к музейной деятельности со стороны локального бизнеса. Вместе с тем отмечается дисбаланс между спросом и предложением турпродукта музея.

Ключевые слова: Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, проект, экскурсия, краеведение, история Оренбуржья, Оренбург.

Сегодня Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей прилагает максимум усилий для привлечения туристов. Индивидуальное и групповое обслуживание, обзорная экскурсия на английском языке, пешеходные экскурсии, экскурсии, с использованием аудио- и видеотехники, циклы экскурсий, объединенных общей тематикой и пр. – все это представлено в рамках экскурсионной афиши музея. Разработанные продукты имеют варианты с учетом дифференциации обслуживания: для местного населения и для приезжающих туристов; для детей, молодежи, семейной аудитории, «серебряного» возраста и т. д.; исходя из времени прибытия групп, для людей с ограниченными возможностями здоровья. Для людей с ОВЗ предлагаются экскурсии на основе инклюзивных методик. Научные сотрудники музея регулярно осваивают новые методы работы с особыми посетителями для того, чтобы, например, тактично, не нарушая личного пространства, направить к экспонату руку тотально невидящего человека. Именно для людей с ограниченными возможностями зрения в 2022 г. в музее открылась выставка с тактильными копиями. Первыми посетителями выставки стали незрячие участники «Dogs-парада» из Курска, Москвы, Екатеринбурга, Татарстана, Башкортостана. Основу экспозиции составили экспонаты из археологической коллекции (так называемое «сарматское золото»).

Музею крайне важно выявить культурно-исторические доминанты региона и дать представление об уникальности территории через экспонаты. И «золотой фонд» – это часть археологической коллекции, в рамках которого представлены шедевры древнего ювелирного искусства сарматов, проживающих на территории края 2,5 тыс. лет назад.

Золото сарматов, наряду с пуховым платком, является главным элементом территориального брендинга и оказывает положительное влияние на формирование потока туристов. За последние годы были сделаны серьезные шаги по популяризации данной коллекции. Так, было открыто спецхранение «Золотая кладовая»; золото сарматов попало в «Топ-1000 локальных культурных туристических брендов России» на интерактивной цифровой платформе Живое наследие.рф; образы коллекции стали частью фирменного стиля музея и легли в основу музейного мерча.

Формирование современного кейса сувенирной продукции также направлено на брендирование территории, продвижение музейной

коллекции и привлечение туристов. Несмотря на ярко выраженную коммерческую составляющую, музейный мерч сохраняет неразрывную связь с историей и природой нашего края. Hand-made сувениры рассказывают о коллекциях музея и особенностях флоры Оренбуржья. В керамических изделиях обыгрываются художественные образы степи; плетеные браслеты украшены бериллом, родонитом, яшмой, кварцем – полудрагоценными камнями, добываемыми в регионе. В археологической линейке (календари, тетради, броши и т. д.) используются графические образы экспонатов, найденных при раскопках. Так, осколки керамических сосудов стали основой для глиняных брошей, а лица «каменных баб» украсили шопперы. При их создании учитывалась современная повестка: экологичность и уникальность продукта.

Своими впечатлениями с читателями поделился Илья Варламов:

«Оренбургу есть чем похвастаться: здесь проходит граница между Европой и Азией, здесь учился Гагарин, да вообще много всего хорошего и знаменательного происходило здесь. ... Мудрый Оренбург не истерит и не комплексует, он не разрушает исторический центр и не сносит историческую застройку, он не боится показаться деревней, он открытый и настоящий. Именно поэтому в Оренбург сразу влюбляешься».

Его слова в ролике влога подтвердил Артемий Лебедев, отметив, что за пару дней смог влюбиться в город. Близость к Азии определила колорит Оренбурга и сформировала его уникальный архитектурный облик. Сегодня привлекательность города определяется прежде всего наличием сохранившегося исторического центра с кварталами целостной застройки позапрошлого века. Работа с фокус-группой (состав: туристы) и анкетирование посетителей (преимущественно местное сообщество) показали, что интересна активность музея в нестационарном пространстве. И здесь Оренбургскому губернаторскому музею повезло – основное здание располагается в самом сердце исторического центра города, и по сути музей выходит далеко за пределы стен особняка на улице Советской, 28. Знакомство с городом музеем предлагает начать с экскурсий «Город-музей» и «Музейный квартал», маршруты которых пролегают по улицам исторического центра и знакомят с наиболее яркими архитектурными достопримечательностями, идентифицирующими историко-культурное наследие города. В 2021 г. для были запущены экскурсии по «закулисным» маршрутам. Такие экскурсии наполняют содержательным рассказом гида потаенные дворы-колодцы, скрытые от любопытных глаз переулки, расшифровывают символы, оставленные некогда масонами. Основной аудиторией музейным сотрудникам представлялись оренбуржцы, искушенные традицион-

ными вояжами. Однако исследование аудитории (апрель-июнь 2022 г.) показало растущий интерес к таким маршрутам со стороны туристов, доля которых в фокус-группах составила не менее 40 %.

В декабре 2021 г. в ООО «Газпром переработка» при участии музея прошла презентация уникального туристического маршрута, который предназначен для самостоятельного знакомства с городом и состоит из 30 точек. Его цель – привлечь внимание к историческим и современным памятным местам. Рядом с каждым объектом маршрута, а это здание Благородного собрания, Городская дума, Манеж, Контрольная палата, электротheater «Аполло» и др., находится информационная стойка, где указано наименование памятника и QR-код, который содержит историческую справку, цитаты из источников, информацию об охранном статусе здания, официальном наименовании, дате/периоде возведения. Расширенный вариант статей дополнен снимками из фондов музея.

По мнению куратора проекта Е. Д. Крыгиной,

«реализация подобного проекта способствует развитию туристического потенциала Оренбурга, что очень важно в контексте развития социокультурного пространства города. Каждый памятник архитектуры в рамках представленного проекта является кодом к пониманию различных сфер жизни губернского центра и представляет собой частицу сложной мозаики, составляющей сущность Оренбурга XIX–XX веков».

Для музея этот проект стал индикатором интереса со стороны бизнеса и показателем его готовности к совместной работе в деле развития туристической привлекательности территории.

Общая цель – увеличение туристической привлекательности Оренбурга – стала основой для несколько неожиданной коллаборации. Кофе – это не только самый популярный напиток современного общества, это совокупность традиций и культуры повседневности. И пешеходная экскурсия «Кофе-таун», организованная совместно с кофейней «Loft flowers», позволяет в этом убедиться, а также совместить приятное с полезным – познакомиться с купеческой архитектурой и историей появления культового напитка на оренбургских прилавках в XIX вв. Конечная точка – это кофейня «четвертой волны» «Loft flowers», где экскурсанта, помимо рассказа о традициях приготовления ароматного напитка, ждет чашечка крепкого кофе. Экскурсия проходит вечером и привлекает большое количество туристов (до 50 % экскурсантов) в связи с отсутствием конкурентных предложений в сфере организованного досуга после 19.00.

Конечно, анализируя сотрудничество музеев с туристическим бизнесом, можно сделать вывод о неразвитости их отношений.

По сути, музей только в конце 2020 г. обратился к сотрудничеству с туристическими компаниями и акцентировал внимание на целевой группе «туристы». Музею пришлось принять, что для турбизнеса музей становится интересным, если он предлагает что-то уникальное. В свою очередь, представителям туриндустрии пришлось ломать в своем сознании стереотипы, что музей – это закостеневшая закрытая структура, финансируемая государством и от того не заинтересованная в посетителях, что это лишь альтернатива (запасной вариант при плохой погоде). Музею потребовалось время, чтобы продемонстрировать свою лояльность и серьезность намерений, поскольку сегодня музей, как и музейное сообщество в целом – это открытая экосистема, оперативно реагирующая на изменения в обществе. На сегодняшний день музей связывают тесные отношения с турфирмами «Вокруг Света», «Travel Zone», «VisitOren», «Лидия-тур», которым предлагаются эксклюзивные экскурсионные программы. В 2022 г. музей вошел в туристический маршрут «Горизонты открытий», который получил статус брендового регионального маршрута. Музей в программе первого дня предлагает туристам знакомиться с сенсационными археологическими находками – легендарным золотом сарматов.

Таким образом, сегодня музей может предложить туристу множество материальных и нематериальных продуктов. Это стационарная экспозиция и временные выставки, разнообразные экскурсии, лекции, абонементы, событийные мероприятия, сувениры, каталоги и многое другое. Однако, если принимать во внимание потенциал музея, то он до конца не использован. Усиление сотрудничества, готовность участвовать в разработке турконцепций, коллаборация с другими музеями позволит добиться большего. Музей может стать современным туристическим центром, объединив целый ряд пешеходных зон, архитектурных памятников со стационарной площадкой.

УДК 069(1-21)

К. Д. Трясучкина
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ МАРКЕТИНГА МУЗЕЕВ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ¹

Современные музеи находятся в постоянном поиске эффективных способов взаимодействия со своей аудиторией, создания таких условий, ко-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00418, <https://rscf.ru/project/21-18-00418>.

торые бы побуждали посетителей не просто прийти в музей, но и вызвать у них желание вернуться. В последнее время особое внимание уделяется музейному маркетингу, цель которого заключается в изучении потребностей определенных целевых групп и поиска способов их удовлетворения, реализуя при этом миссию музея и сохраняя социально-культурные значимости. Поддерживая одну из тенденций современности, музеи успешно совмещают традиционные способы взаимодействия с посетителями с digital-коммуникацией, которая устанавливается с помощью определенных цифровых инструментов. Музеи малых городов России активно применяют маркетинговые инструменты по созданию личного бренда, привлечению и удержанию дополнительной аудитории, но в силу ограниченных возможностей их реализация приобретает своеобразные формы.

Ключевые слова: музейный маркетинг, музеи малых городов России, цифровые инструменты, маркетинговые инструменты, целевая аудитория.

Современный музей предполагает не только создание экспозиций и проведение выставок, но и организацию рекреационных зон и развитие инфраструктуры. Успешность современного музея определяется, по мнению директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиротовского, его способностью находить нестандартные способы взаимодействия со своим посетителем, предлагая ему новые ощущения и впечатления. Музеи становятся досуговыми центрами, они вступают в конкуренцию с другими культурными учреждениями и находят в постоянном поиске новых методов привлечения аудитории.

Современные музеи должны не только привлекать внимание посетителя и вызвать у него желание прийти на выставку, но и побуждать его вернуться вновь. Согласно статистике, большую часть кассы занимает вернувшаяся аудитория, которая приводит с собой других людей, с которыми хочет разделить эмоции от увиденного. Соответственно, когда музей теряет одного посетителя, он начинает терять их десятками [Музей в поисках аудитории].

Поэтому в настоящее время особый акцент делается на развитии культуры, в которой потребителей приглашают принять участие в создании и распространении нового контента. Это подразумевает уже не просто информирование, а коммуницирование и двухстороннее взаимодействие. Можно говорить о том, что музей вступает в диалог со своей аудиторией [Цифровой маркетинг].

При организации процесса пребывания посетителей в музее особое внимание уделяется музейному маркетингу, цель которого заключается в реализации миссии музея, сохранения социально-культурной значимости путем изучения потребностей различных групп общества и удовлетворения их средствами музейной деятельности [Маркидан, 2021].

Еще в 1976 г. Филипп Котлер обозначил проблему применения маркетинга в культурной сфере. Он считал, что музеи, как и прочие учреждения культуры, должны бороться, как за свою аудиторию, так и за привлечение необходимых ресурсов. Исходя из этого, принято выделять две основные задачи музейного маркетинга: поиск рынка и сохранение целевой аудитории.

Музеи вынуждены искусственно создавать спрос на свои продукты ввиду того, что их предложение не всегда отвечает запросам потребителей. Определив свою целевую аудиторию, организации культуры с помощью маркетинговых инструментов должны постоянно работать со своей публикой, т. е. готовить ее к восприятию современных тенденций и трендов в культурной сфере, удерживая их интерес.

Ф. Котлер выделяет пять базовых элементов (рис. 1), позволяющих музеям сформировать свой бренд, способствующий акцентированию внимания публики на уникальности и неповторимости музейного контента, который может вызывать те эмоции и впечатления, которые сложно или даже невозможно получить в других местах.

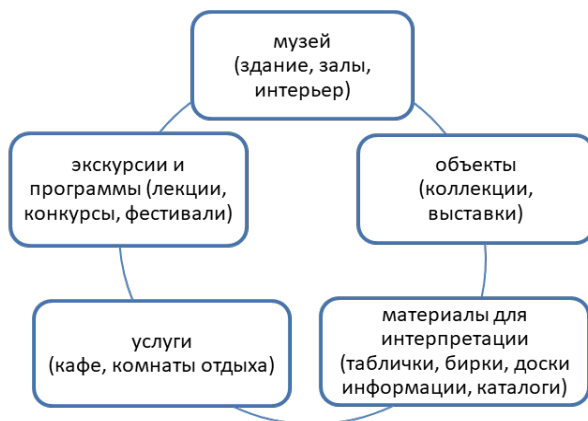

Рис. 1. Пять базовых элементов современного музея.

Успешная деятельность современных музеев неразрывно связана с цифровизацией. Этот тренд стимулировал появление цифрового сторителлинга (транслирование информации с помощью различных мультимедийных технологий), а также внедрение digital-коммуникации (взаимодействие со своей целевой аудиторией посредством интернет-технологий).

Конечно же, стандартные и традиционные методы взаимодействия с посетителями в оффлайн-среде (тематические экскурсии, воркшопы и мастер-классы, демонстрация фильмов, встречи с интересными людьми, игры и квесты) по-прежнему остаются актуальными и востребованными. Но все большую популярность приобретают цифровые методы взаимодействия музея со своей целевой аудиторией в онлайн-среде.

К таким инновационным методам можно отнести:

- проведение вебинаров и прямых трансляций, которые предоставляют возможность потреблять музейный контент вне зависимости от территориального нахождения;
- запуск игр в чат-ботах, позволяющих с помощью специальной программы на площадке мессенджера (например, Telegram или ВКонтакте) в интерактивной форме знакомить пользователей с определенным контентом (например, экспонатом дня);
- ведение подкаста на различные тематики, благодаря чему слушатели самостоятельно могут определять время прослушивания интересной им информации.

В настоящий момент существует множество цифровых инструментов, с помощью которых можно не только привлечь новую аудиторию, но и удержать прежнюю. Нами было выделено три основных инструмента, представленных на Рис. 2.

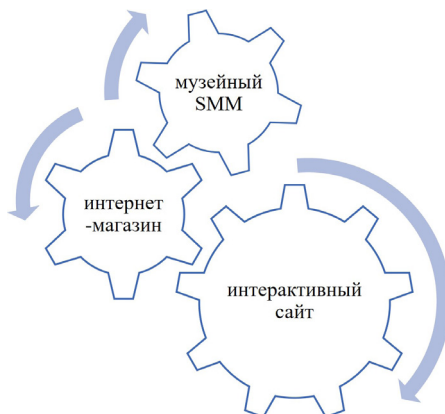

Рис. 2. Цифровые маркетинговые инструменты.

Особое внимание сейчас уделяется оформлению сайта, который является визитной карточкой музея. Он должен быть прост в использовании, адаптирован под мобильные телефоны, не перегружен ин-

формацией и содержать элементы геймификации. Многие музеи не ограничиваются только ведением сайта, они активно осваивают социальные сети и прочие цифровые площадки (ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, YouTube, TikTok и т.д.): публикуют новости музея, информируют о предстоящих событиях, снимают видео с популярными трендами, проводят live-трансляции. Особо крупные музейные комплексы, которые ориентированы на большие туристические потоки, разрабатывают собственные мобильные приложения, которые бесплатно предоставляют доступ к виртуальным экскурсиям и аудиогидам.

Для успешной реализации всех этих инструментов в крупных музеях имеются службы, которые занимаются планированием, разработкой и сопровождением маркетинговых программ.

Например, в Государственном Эрмитаже организационная структура управления маркетингом состоит из отдела развития, занимающегося предпринимательской деятельностью на территории музея, а также привлечением дополнительных инвестиций; службы гостеприимства, задачи которой заключаются в информационном обслуживании посетителей и оформления территории музея; пресс-службы, осуществляющей связь с общественностью [Шекова, 2016].

Но распространяются ли вышеописанные трендовые маркетинговые инструменты на музеи, которые расположены в малых городах?

В рамках проекта «Музей малого города: множественность культур памяти» была составлена база данных музеев малых городов России, включающая в себя как частные, так и государственные музеи. Всего был проанализирован 1 121 музей малых городов. Особое внимание при этом обращалось на веб-сайты организаций.

Анализ базы данных показал, что официальные веб-сайты имеет только 721 музей, а 69 музеев представлены исключительно на такой площадке как ВКонтакте.

Все сайты имеют полную информацию о месторасположении музея и режиме работы; указаны данные, необходимые для осуществления обратной связи; прописана стоимость билета и представлен перечень дополнительных услуг; загружены нормативные документы, в рамках которых осуществляется деятельность; представлена информация об истории музея и его учредителях; приведены описания композиций и выставочных материалов; указана информация о реализации различных форм мероприятий и проведении конкурсов.

Многие музеи осуществляют проведение праздников, приуроченных к различным событиям (Новый год, День святого Валентина, День русского солдата и т. д.), а еще, помимо экскурсий, организуют театрализованную регистрацию брака в залах музея. Некоторые

музеи осуществляют электронную запись на экскурсии и программы, что позволяет посетителям музея дистанционно согласовать желаемые дату и время посещения. Более крупные музейные комплексы предоставляют возможность воспользоваться бесплатным аудиогидом, который позволит прогуляться по залам музея в режиме онлайн и прослушать интересные истории об экспонатах и коллекциях или же ознакомиться с виртуальной выставкой, не выходя из дома. На базе музеев функционируют различные кружки, творческие объединения, реализуются туристические маршруты.

Помимо организации выставок и осуществления экскурсионной деятельности, музеи создают образовательный контент для разных возрастов, используя при этом интерактивные форматы взаимодействия (например, музейные занятия, квесты, мастер-классы).

Таким образом, можно говорить о том, что музеи, расположенные в малых городах России, активно применяют маркетинговые инструменты по привлечению и удержанию дополнительной аудитории, предлагая различные форматы взаимодействия в режиме как онлайн, так и офлайн.

Но стоит акцентировать внимание на том, что в основном это касается только музеев, которые расположены в туристических городах, и которые входят в состав крупных музейных объединений. С другими музеями, не входящими в перечисленные категории, дело обстоит хуже.

Сайты учреждений культуры содержат в себе всю необходимую информацию (которая может быть не совсем актуальной), при этом имеют достаточно «скучный» интерфейс, наполненный различными рекламными баннерами, которые зачастую не позволяют посетителю сайта перейти в необходимый раздел.

В привлечении дополнительной аудитории музеи малых городов также испытывают некоторые трудности: ввиду отсутствия должного финансирования и достаточного количества сотрудников, развитие цифровых каналов коммуникации осуществляется достаточно медленно. Если крупные музейные центры могут запустить таргетированную рекламу на различных площадках, сообщаящую о новых экспозициях или о скидках на посещение, то музеи малых городов привлекают внимание с помощью традиционных методов, например, плакатов или «сарафанного радио». Стоит отметить, что через социальные сети тоже происходит информирование, но из-за того, что те же самые группы ВКонтакте являются малочисленными, а аудитория в них в большинстве своем неактивная (подписано, условно, 300 человек, а публикации набирают в половину меньше просмотров, чем присутствует аудитории, имеют несколько лайков и 0 репостов), то не вся аудитория может быть охвачена.

Также было отмечено, что многие музеи размещают на своих официальных сайтах такие разделы, как «Виртуальные экскурсии», «Аудиогид», «Интерактивные мероприятия», но содержимое данных вкладок не соответствует в полной мере тому, что будет ожидать посетитель сайта. Зачастую там представлены текстовые материалы, сопровождаемые фотографиями и видеозаписями экскурсий, в то время как крупные музейные комплексы создают 3D-проекции залов, позволяя перемещаться в виртуальном пространстве.

Это можно объяснить следующим: число сотрудников музеев малых городов России обычно не велико. В лучшем случае, штат работников составляет больше пяти человек. Но, согласно официальной информации, размещенной на сайтах учреждений, других открытых источников (например, сайте «Музеи России») или данных, полученных в ходе проведения интервью, можно прийти к выводу о том, что в основном всю деятельность музея осуществляют 2–3 человека, а порой даже и один!

Если говорить о целевой аудитории музеев малых городов России, то можно выделить такие основные сегменты, как дети дошкольного/школьного возраста и студенческая молодежь; взрослые (под этой категорией понимаются чаще всего педагоги и родители, сопровождающие детей, и пенсионеры). Сотрудники музеев, которые принимали участие в исследовании, отмечают, что посещение музея данными категориями посетителей в основном происходит в рамках воспитательной и образовательной деятельности учебных заведений. Поэтому необходимо анализировать их потребности для разработки и реализации маркетинговых стратегий, которые позволят увеличить ассортимент предлагаемых услуг, что в свою очередь может не только побудить к посещению музея во внеучебное время, но и расширить целевую аудиторию музея.

Можно говорить о том, что музеи малых городов поддерживают тренды в музейной деятельности и применяют различные инструменты маркетинга для привлечения дополнительной аудитории. Но в большей степени это касается крупных музейных объединений, которые имеют достаточное финансирование и тесно сотрудничают с туристическими фирмами, информационными порталами.

Соответственно, можно прийти к выводу о том, что большому количеству музеев малых городов нужно уделять особое внимание созданию сложных туристических маршрутов, которые бы связывали между собой города, обладающие уникальной историей, но незнакомые многим; увеличивать штат сотрудников музеев, которые бы проходили курсы повышения квалификации и обучались современным методам организации музейной деятельности.

Маркидан В. П. Музейный маркетинг во время пандемии: новые тенденции и тренды // Молодой ученый. 2021. № 30 (372). С. 87–88. URL: <https://moluch.ru/archive/372/83336/> (дата обращения: 25.10.2022).

Музей в поисках аудитории // АНО «Искусство». URL: <https://iskusstvo-info.ru/muzej-v-poiskah-auditorii/> (дата обращения: 25.10.2022).

Цифровой маркетинг и «нарративный музей» // Музей в цифровую эпоху: перезагрузка. URL: <http://mmbook-hse.ru/books/27/sections/204/> (дата обращения: 25.10.2022).

Шекова Е. Л. Особенности маркетинга в сфере культуры (на примере музеев) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. № 2. С. 71–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-marketinga-v-sfere-kultury-na-primere-muzeev> (дата обращения: 25.10.2022).

УДК 94(470.53).084.3:351.852

А. В. Шаманаев, А. С. Мохов
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ПЕРМСКИЙ МУЗЕЙ В 1918 г.: КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Авторы рассматривают документальный комплекс, характеризующий деятельность Пермского научно-промышленного музея (Пермского государственного музея) в условиях радикальных перемен в России 1918 г. Исследование основано на разнотипных делопроизводственных источниках (фонд Пермского областного краеведческого музея в Государственном архиве Пермского края). Архивные материалы позволяют проанализировать особенности административно-хозяйственной, научно-просветительской, экспозиционной, фондовой работы музея в условиях революции и начала Гражданской войны. Анализ документов показал, что в 1918 г. Пермский музей осуществлял активную деятельность по пополнению фондов, стремился использовать актуальные формы привлечения посетителей, успешно взаимодействовал с органами власти.

Ключевые слова: История России, Гражданская война, музееведение, история музейного дела, охрана культурного наследия.

Военные и социальные конфликты с глубокой древности создавали угрозы гибели объектов культурного наследия. Памятники архитектуры, библиотеки, архивы, художественные и исторические ценности постоянно становились жертвами столкновений между

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106.

народами, государствами, общественными группами. Как показали глобальные и локальные войны XX – начала XXI в., международные соглашения не могут обеспечить полной безопасности объектов культурного наследия. В еще меньшей степени они были защищены во время революций и гражданских войн, когда не действовали нормы международного права.

Современные примеры Ирака, Египта, Сирии и других стран вновь показали, насколько уязвимы музейные ценности на фоне политических и военных кризисов [Danti, 2015; Rashed, 2016].

В первой четверти XX в. длительный социально-политический и военный конфликт революционного периода и Гражданской войны привел к формированию существенных рисков для культурного наследия России. Крушение административно-управленческой и правовой систем, кадровые потери, отсутствие стабильного финансирования и материального обеспечения, акты вандализма были наиболее острыми проблемами в сфере охраны памятников и культурных ценностей [Полякова, 2015, с. 165–185].

Революционные и военные потрясения создают экстремальные угрозы для музеев, которые являются местами концентрации объектов высокого исторического и художественного значения. В настоящее время не теряет актуальности обращение к анализу исторического опыта сохранения музейных ценностей периода российских революций 1917 г. и Гражданской войны.

Нужно отметить, что в отечественной историографии вопросы истории музейного дела активно разрабатываются исследователями как минимум с 1920-х гг. [Разгон, 1971, с. 3–8]. В соответствии с идеологическими установками советской эпохи деятельность музеев в 1917 – начале 1920-х гг. оценивалась как успешная и прогрессивная по сравнению с имперским периодом, особенно подчеркивались пристальное внимание и бережное отношение государственных органов к проблеме сохранения музейных собраний [Горданов, 1957; Жуков, 1983]. С конца 1980-х гг. постепенно начинают доминировать негативные оценки, прежде всего деятельности административных структур, подчеркивается разрушительное влияние революционных событий на музейную сферу [Мосякин, 1991]. Эта тенденция претерпела существенные изменения в последние 10–15 лет и для современных исследователей характерно стремление к объективному анализу, учитывающему многовекторность исторических процессов [Татаренкова, 2017; Рязанцев, 2018].

Основные виды источников по истории отечественного музейного дела первой половины XX в. и их познавательный потенциал были охарактеризованы А. Б. Заксом [Закс, 1968]. Существенные трудности

изучения истории региональных российских музеев в период революции и Гражданской войны обусловлены состоянием источниковой базы. События музейной жизни в 1917 – начале 1920-х гг. часто плохо документированы. Как правило, в это время прекращалась издательская деятельность музеев, документы сохранялись выборочно, либо вообще не откладывались в архивах. Таким образом, выявление и введение в научный оборот новых источников нужно рассматривать как обязательное условие дальнейшей разработки этого направления исследований.

В Государственном архиве Пермского края был выявлен комплекс документов, характеризующих функционирование Пермского научно-промышленного музея / Пермского государственного музея (ПНПМ/ПГМ) в 1918 г. [ГАПК, ф. р-484, оп. 1, д. 3]. Хронологические рамки материалов (январь-декабрь 1918 г.) почти охватывают целостный исторический этап от установления в городе советской власти (конец ноября 1917 г.) до взятия его армией А. В. Колчака в декабре 1918 г. Документы позволяют изучить особенности организации внутренней работы, а также взаимоотношения музея с органами власти, другими учреждениями культуры и науки.

История ПНПМ рассмотрена в серии книг и статей. Наиболее полным исследованием, охватывающим период от создания учреждения до конца 1980-х гг., является монография Е. Д. Харитоновой и С. В. Серовой. [Харитоновая, Серова, 1990]. Обстоятельства создания ПНПМ и его деятельности в первой половине 1920-х гг. кратко рассмотрены в исследовании истории музеев Урала XX в. Е. К. Леденцовой и Б. Б. Овчинниковой [Леденцова, Овчинникова, 2019, с. 44–47]. Несколько публикаций А. А. Ваганова расширяют представления о функционировании ПНПМ в 1890-х – 1910-х гг., но автор не выходит за рамки дореволюционного периода [Ваганов, 2012; 2013].

ПНПМ был основан в 1890 г. как «Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания», официальный статус музея он приобрел в 1901 г. [Харитоновая, Серова, 1990, с. 10–11]. С 1897 г. ПНПМ занимал три этажа в доме № 38 на ул. Петропавловской. Сотрудники музея вели активную просветительскую, научную, фондовую работу. К 1917 г. собрание ПНПМ включало около 14 тыс. единиц хранения [Харитоновая, Серова, с. 14–17; Ваганов, 2013, с. 60–61].

Комплекс материалов по истории ПНПМ в 1918 г. включает подлинники исходящих и входящих делопроизводственных документов разных видов: отношения, служебные записки, сопроводительные письма, распоряжения. Адресатами исходящей документации были органы власти, учреждения культуры, газеты, частные лица. Характерной особенностью этих материалов является то, что они представ-

лены черновыми вариантами, как правило, имеющими исправления в тексте. Такой подход к организации исходящей корреспонденции был присущ дореволюционной системе делопроизводства и сохранялся в первые годы советской власти. Входящие документы, адресованные музею, происходят из органов власти Пермской губернии.

Руководство музея вело активную переписку с городским и губернским отделами народного образования. Основные темы корреспонденции – административные и хозяйственные вопросы. Так, 29 июня 1918 г. датируется докладная записка о положении музея и перспективах его работы. Документ наглядно отражает финансовые потребности учреждения, связанные с необходимостью ремонта в двух зданиях, планами экспозиционно-выставочной (переоформление зоологического отдела, подготовка выставки «Старая Пермь»), просветительской (подготовка и печать инструкций для краеведов, путеводителей), научно-издательской (публикации труда о пещерах Урала) деятельности [ГАПК, ф. р-484, оп. 1, д. 3, л. 45 – 45 об.]. Срочный ремонт требовался обветшавшему основному корпусу музея, а также новому помещению по ул. Петропавловской, 28. Здание было предоставлено ПНПМ весной 1918 г., о чем свидетельствует извещение отдела недвижимости Пермского городского совета депутатов от 13 мая [Там же, л. 28].

В начале августа 1918 г. музей направил в городской отдел народного образования отношение с просьбой обеспечить получение реактивов, необходимых для реставрационных работ и картона для карточек библиотечного каталога [Там же, л. 47]. С аналогичной просьбой ПНПМ обратился 3 августа 1918 г. в городской продовольственный комитет, надеясь получить материалы для картонажных работ [Там же, л. 48]. Для решения хозяйственных вопросов музей обращался в финансовый отдел исполнительного комитета: 6 декабря 1918 г. там был запрошен сейф для хранения особо ценных экспонатов [Там же, л. 210].

Осенью 1918 г. изменились статус и название ПНПМ. Музей перешел в губернское подчинение на основании решения отдела народного просвещения от 3 сентября 1918 г. Соответствующее извещение в ПНПМ от 5 сентября 1918 г. предписывало изменить систему управления учреждением: руководство передавалось «Обществу изучения Пермского края», непосредственно – коллегии из музейных сотрудников и представителя Губоно [Там же, л. 63 – 63 об.]. Коллегия была сформирована 11 сентября 1918 г. в составе Б. Н. Вишевского, А. Н. Дьячкова, Б. С. Константинова, С. В. Метаниева и А. А. Савельева. Одновременно было зафиксировано новое название, отражающее его губернский статус: «Пермский государственный музей» (уведомление в губернский отдел от 12 сентября) [Там же, л. 66 – 66 об.].

Коллегия ПГМ 13 сентября 1918 г. направила в губернский отдел народного просвещения отношение о конфискации коллекций Пермского церковно-археологического общества (ПЦАО), включая библиотеку краеведа И. Я. Кривошекова [Там же, л. 75]. Интересным аспектом деятельности ПГМ является создание 31 октября 1918 г. «Экспертной комиссии по охране природы, памятников старины и искусства» в составе Б. Н. Вишневого, П. С. Богословского и А. А. Савельева [Там же, л. 136].

Пермский музей пытался наладить постоянную связь с рядом уездных отделов народного образования. Осенью 1918 г. в Осу, Оханск, Кунгур, Красноуфимск, Верхотурье, Усольск и др. были отправлены письма с предложением отправлять в ПГМ местные издания, листовки, плакаты, воззвания, прокламации, афиши, объявления, освещающие «жизнь местного края» [Там же, л. 114]. К сожалению, в фондах архива нет данных о реакции региональных отделов на эту инициативу.

Несколько документов, вероятно, предназначенных для распространения в школах, показывают интересный пример научно-просветительской деятельности музея. Так, был объявлен конкурс работ школьников историко-этнографической тематики. Учащимся предлагалось собрать фольклорный материал, характеризующий производственные процессы, прозвища людей и клички домашних животных, а также представить описание местных кладбищ. Предполагалось, что свои сочинения школьники представят до 1 октября 1918 г., а лучшие работы, отмеченные призами, поступят в фонды музея [Там же, л. 4 – 4 об., 60, 238].

Еще одним направлением контактов Пермского музея были «силовые структуры». В январе 1918 г. ПНПМ был вынужден обратиться с заявлением в городскую милицию в связи с кражей нескольких экспонатов из витрин [Там же, л. 8]. Осенью 1918 г. руководство ПГМ направило ходатайство в Пермский военный комиссариат об освобождении от военной службы препаратора И. К. Лебедева [Там же, л. 71]. Отсутствие ответной переписки не позволяет установить результаты этих обращений.

Большой интерес имеют несколько документов, адресованных Пермской губернской чрезвычайной комиссии. В октябре 1918 г. ПГМ направил ходатайство в ГубЧК о предоставлении музею оружия, конфискованного при подавлении антибольшевистского восстания в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губернии (август 1918) [Там же, л. 128]. Музей получил три образца огнестрельного оружия, четыре кистеня, пику, косу-горбушу, «оружие на древке, сделанное из горбуши» и фотографии с места событий [Там же, л. 130]. Факт передачи

ПГМ этих материалов подтверждается сообщением в местных «Известиях» [Интересные снимки, 1918, с. 4]. Еще один документ – отношение командованию Пермского отдельного пехотного батальона войск ВЧК от 16 декабря 1918 г. о возврате проекционного фонаря – содержит свидетельство о подготовке ПГМ к эвакуации (не состоявшейся) из-за угрозы захвата города частями армии А. В. Колчака [ГАПК, ф. р-484, оп. 1, д. 3, л. 231].

Интересный пример организации взаимодействия с административными структурами дают документы о пополнении нумизматического собрания ПГМ. Музей 6 декабря 1918 г. направил ходатайства управляющему Народным банком и председателю Пермского губернского совета народного хозяйства об изучении и передаче в музей «старинных монет», поступивших в банк из Кунгура [Там же, л. 212–213]. Сотрудник музея А. П. Плахов исследовал монеты и выделил наиболее интересные экземпляры, поступившие в фонды ПГМ (74 серебряные и две медные монеты) [Там же, л. 228].

Три мандата (сохранились черновые варианты) сотрудникам музея, оформленные в ноябре-декабре 1918 г. характеризуют участие ПГМ в конфискации церковных ценностей. Два документа (от 21 ноября и 9 декабря 1918 г.) были выписаны на имя заведующего библиотекой ПГМ С. В. Метаниева для получения книжного собрания Пермской духовной семинарии [Там же, л. 182, 217]. Еще один мандат удостоверял полномочия реставратора ПГМ А. П. Плахова изъять церковные предметы музейного значения из «кладовой кафедрального собора и архиерейского дома» [Там же, л. 215]. Судя по всему, среди них находилась и коллекция ПЦАО [Там же, л. 75].

Стоит отметить, что в июне 1918 г., до смены руководства, музей предложил ПЦАО разместить собрание в одной из комнат нового здания и организовать отдел церковных древностей [Там же, л. 32]. Это проект не был реализован, а осенью 1918 г. благожелательно отношение ПГМ к ПЦАО явно изменилось.

Для обеспечения просветительской деятельности музей рекламировал через местную газету «Известия» свою экскурсионную программу. Сохранился текст объявления и сопроводительное письмо в редакцию. В первой половине декабря 1918 г. ПГМ предлагал посетить бесплатные обзорные экскурсии и лекции, а 8 декабря – тематическое мероприятие в отделе «Старая Пермь» и «беседа В. А. Малаховского о Пермской Старине» [Там же, л. 2–3].

Просветительскую работу ПГМ характеризует и служебная записка от 8 октября 1918 г. заведующему этнографическим отделом А. А. Савельеву с поручением о создании специальной комиссии для организации «этнографического вечера» [Там же, л. 94].

Таким образом, небольшой комплекс документов наглядно характеризует практически все основные направления и особенности деятельности Пермского музея в 1918 г. Имеющиеся материалы содержат сведения, раскрывающие особенности его взаимодействия с органами власти в сложный период трансформации имперской административной системы в советскую. Большое значение для истории музейного дела в России имеет информация о научной, просветительской, экспозиционной, фондовой работе музея. Анализ документов показывает, что потенциал архивных фондов, характеризующих музейные практики периода революций 1917 г. и Гражданской войны, не исчерпан и требуется дальнейшая работа по выявлению и введению в научный оборот источников этого периода.

Ваганов А. А. Обретение музеями Урала собственных зданий в конце XIX – начале XX века // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2013. № 2 (34). С. 60–61.

Ваганов А. А. Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период // Ист. иссл. : материалы междунар. науч. конф., г. Уфа, июнь 2012 г. Уфа: Лето, 2012. С. 28–34.

Горданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти // Ист. музейн. дела в СССР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. С. 7–36.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-484. Пермский областной краеведческий музей.

Жуков Ю. Н. Первые мероприятия советской власти по охране историко-культурного наследия (Петроград, 1917–1918 гг.) // Ист. СССР. 1983. № 5. С. 148–161.

Закс А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // Очерки ист. музейн. дела в СССР. 1968. Вып. 6. С. 5–53.

Интересные снимки // Изв. Перм. губерн. и Перм. уездн. исполн. комитетов. 1918. 12 ноября. № 225. С. 4.

Леденцова Е. К., Овчинникова Б. Б. Музеи Урала в истории России XX века. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2019.

Мосякин А. Антикварный экспортный фонд: антология документов и фактов // Наше наследие. 1991. № 2. С. 29–42; № 3. С. 35–48.

Полякова М. А. Культурное наследие России: история охраны и современное состояние. М.: РГТУ, 2015.

Разгон А. М. К вопросу об изучении истории музейного дела // Очерки ист. музейн. дела в СССР. 1971. Вып. 7. С. 3–8.

Рязанцев Н. П. К вопросу о сохранении культурного наследия в России в начале XX века // Карабахинские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире : материалы науч.-практ. конф., Ярославль, 5–6 июля 2018 г. Ярославль: «Академия 76», 2018. С. 77–82.

Татаренкова Н. А. Сохранение культурного наследия российской провинции в 1917–1927 гг. // Ист., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 7(81). С. 189–192.

Харитонова Е. Д., Серова С. В. Пермский областной краеведческий музей. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1990.

Danti M. Ground-based observations of cultural heritage incidents in Syria and Iraq // *Near Eastern Archaeology*. 2015. Vol. 78. №. 3. P. 132–141.

Rashed M. G. The museums of Egypt after the 2011 Revolution // *Museum International*. 2016. № 265–268. P. 125–131.

УДК 316.7+069(1-21)

О. Н. Шихова,
Уральский федеральный университет,
Уральский государственный
педагогический университет, г. Екатеринбург

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЗЕЯ: ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ «ПОЛЯ» В МАЛОМ ГОРОДЕ¹

Изучение темы памяти в малом городе предполагает обращение исследователя к музеям, архивам, библиотекам, мнению горожан и на первый взгляд не представляет сложностей в плане доступа к этим объектам. Данный тип «поля» имеет открытый характер. Вместе с тем малый город – это особое сообщество, отличающееся сложившимся укладом жизни, отношениями с властью, особым восприятием приезжих. И в аспекте сбора эмпирических данных могут проявляться разные эффекты – от недоверия, подозрительного отношения к исследователям до радушной встречи и «демонстративного» приема. С целью изучения множественности культур памяти в малом городе мы придерживаемся контекстуальной стратегии подготовки «поля», которая помогает ученому в формировании исследовательской позиции, создает пространство для рефлексии по поводу планирования «поля», доступа к нему, «вхождения в поле» и «выхода из поля».

Ключевые слова: малый город, память, контекстуальность, доступ к «полю», музей, историко-социологическое исследование, качественная стратегия, междисциплинарность, эмпирические данные, исследовательская позиция.

Историко-социологическое изучение темы музея как узла множественности культур памяти в малом городе требует особого подхода к организации сбора эмпирических данных. В широком смысле повторнок истории и человеку приводит социально-гуманитарные науки к этнографической традиции, к неформализованному подходу в изучении социальной реальности. В более узком понимании

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ).

естественный характер сбора данных влияет на гибкую, контекстуальную стратегию подготовки поля и работы в нем.

С пониманием контекста связано знание исследователем прошлого, а также вариантов репертуарного действия индивидов в окружающей среде [Голофаст, 2000, с. 138]. Контекстуальность описания действительности подразумевает, что произведенное описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуации, на каком социальном «фоне» происходило изучаемое взаимодействие «исследователь – индивид» [Полухина, 2010, с. 143]. С точки зрения восприятия исследователем действительности и анализа материалов принцип контекстуальности приближает к «видению вещей в их взаимосвязи» [Комарова, 2012, с. 6]. Таким образом, функция контекста имеет историко-культурное и социальное значение, поскольку позволяет рассматривать явление памяти в соотношении с событиями прошлого, ценностями и нормами, в которых представители сообщества производят социальные практики в настоящем, а с точки зрения историко-социологического исследования предотвращает предрассудки, ошибки в интерпретации собираемых эмпирических данных.

Организация полевого этапа исследования с технологической стороны является процедурой реализации задач, типа исследования, обеспечения выборки. С методологической точки зрения подготовка поля – это не только технически отработанные шаги по обеспечению доступа к объекту исследования, но и неотъемлемая часть концепции научного проекта.

Обозначим некоторые особенности, касающиеся подготовки поля в рамках нашего проекта [см.: Музей малого города...]. Технический аспект связан с реализацией доступа к объектам исследования – малым городам России (по результатам квотной многоступенчатой выборки было отобрано 12 объектов). По итогам пилотажных выездов в территории (г. Котельнич Кировской области и г. Инта в Республике Коми) обозначилась процедура подготовки поля, которая включает в себя следующие шаги: выбор мест и институтов памяти, создание базы данных контактов и адресов, подготовка и рассылка официальных писем, телефонные переговоры по поводу сути исследования, особенностей участия в нем и сроков проведения.

Методологическая линия проекта включает интерпретативную традицию – для исследователей важно «не нарушить» повседневность жителей и институтов города при сборе эмпирических данных. Поэтому официально-деловой характер «вхождения в поле» может создавать противоречия с точки зрения изучения реального существования вещей, что накладывает на исследователей особую ответственность в использовании исследовательской рефлексии по поводу сбора материала.

Контекстуальная стратегия подготовки поля для нас является важной составляющей в реализации научного проекта, отметим ряд сюжетов.

1. Междисциплинарность исследования предполагает особый отбор объектов исследования. Исторический анализ в проекте направлен на изучение предпосылок и условий возникновения в провинции общественных/народных музеев, их эволюцию на протяжении конца XIX – начала XXI вв., факторов развития, в том числе политических, социокультурных, экономических, разработку периодизации становления музеев малых городов и характеристику исторических особенностей отдельных этапов. Исторический аспект является основой для поиска разных типов музеев на территории малого города (городского, школьного, корпоративного, общественного). Социологический анализ направлен на изучение феномена музея с точки зрения множественности культур памяти в масштабах малого города. Поэтому в поле зрения попадают не только музеи, но и другие институты, места, агенты памяти: библиотеки, архивы, дома культуры, общественные и краеведческие объединения, городская администрация, жители города.

Востребованным материалом подготовки к «полю» является историческая справка о городе². Необходимость таких сведений обусловлена пониманием того, что пребывание исследователей в «поле» имеет временные ограничения, а первичная информация облегчает процесс «погружения в поле», предостерегает от искажения при толковании изучаемых явлений. Кроме того, заблаговременное знакомство с историческими фактами на этапе телефонных переговоров позволяет установить продуктивное взаимодействие с намеченными объектами исследования и целенаправленно осуществлять поиск тех мест памяти, которых нет в сети Интернет.

2. Непосредственная полевая работа основана на методах качественного исследования: полуформализованное интервью горожан, исследование музейных экспозиций на основе включенного наблюдения, экспертные интервью с сотрудниками музея, мобильные интервью с музейными работниками и посетителями, составление ментальных карт. Вслед за полевым этапом реализуется онлайн анкетирование горожан через социальные сети.

По опыту реализации социологических проектов, отмечает А. Ваньке, в этнографических исследованиях, принято считать, что исследовательский дизайн обладает уникальностью – исследователь

² Поиском и формированием исторических сведений по каждому малому городу в нашем проекте занимаются доктор исторических наук, профессор Л.Н. Мазур и аспирант М.В. Бекленишева. Справка формируется из документальных источников, имеющихся в Интернет-ресурсах.

каждый раз конструирует дизайн для своего проекта, выстраивая конфигурацию из исследовательских элементов до поля, в поле и после поля [Ваньке и др., 2020, с. 23]. Таким образом, исследовательские практики меняются в зависимости от контекста. Добавим, в нашем случае контекстуальность является основой для формирования исследовательской позиции, поскольку позволяет соотнести первичный (разведывательный) материал, раскрывающий облик малого города³ с реальным положением дел. Поэтому мы добавляем контекстуальные сведения к основным полям базы данных по каждому городу: комментарии о реакции официальных лиц по поводу участия в исследовании; выявленные в ходе телефонных переговоров коммеморативные практики горожан; портрет информанта (возраст, род деятельности, как долго живет в городе); первое впечатление об информанте (открытость/закрытость, отношение к городу).

3. В научном проекте основная контекстуальная линия связана с обликом малого города, включающим активные и неактивные институты памяти, коммеморативные практики горожан. Уточним, что малый город как объект исследования представляет собой социально-территориальную общность, в которой воспроизводятся особая идентичность и ментальность, основанные на повседневных коммуникациях и непосредственном взаимодействии между горожанами и их группами, а также тип солидарности как результат формальных и неформальных отношений с официальной властью [Малые города..., 2019, с. 44].

Малый город можно рассматривать как особое пространство отношений, некое «единство во множественности или множественность в единстве» [Теннис, 2002, с. 9]. Форма единства, так или иначе проявляющаяся в отношениях между жителями малого города и местной властью, напрямую связана с феноменом доверия, а в аспекте исследовательских практик актуализирует этический и процедурный вопрос, касающийся доступа в «поле». С нашей стороны это выражается в формировании «понимающей» позиции со стороны изучаемого сообщества роли исследователей. Так, в процессе телефонных переговоров с представителями музеев, архивов, библиотек и других объектов малого города по поводу проводимого исследования нередко приходилось слышать «мы не понимаем, чего вы от нас хотите» (частая фраза по поводу содержания официального письма). Это послужило пово-

³ В данном случае имеется в виду не только сбор контактов и адресов, но и содержательная информация. Она собирается через Интернет-ресурсы (официальные сайты и социальные сети), а также в ходе обязательной процедуры телефонных переговоров. Они дают сведения о малом городе, формируют первое впечатление о музее, библиотеке, архиве, горожанах в роли информантов.

дом для корректировки обращения: строго научное содержание было упрощено и стало более понятным адресату. В стратегиях подготовки полевого исследования мы придерживаемся двух вариантов: официально-делового, предполагающего установление договоренностей через письменное обращение к организациям, и информационно-коммуникативного, направленного на поиск информантов в социальных сетях и установление с ними связи.

4. В подготовке доступа к «полю» участвуют и сами жители города как агенты памяти. Коммуникации с потенциальными информантами в социальных сетях и по телефону позволяют находить значимые для данного сообщества места памяти и культурные практики, которые отсутствуют в официальном сегменте сети Интернет.

В процессе работы над проектом выработался общий механизм подготовки «поля» – отбор объектов для изучения памяти, рассылка официальных писем с приглашением к участию в исследовании, рекрутирование информантов – жителей города, составление базы данных с контекстуальной информацией.

Приоритетный *качественный* этап исследования предваряет *количественную* стратегию – онлайн-опрос жителей малого города. Данный методический ход выбран не случайно. В результате непосредственного взаимодействия с исследовательской группой жители города охотнее помогают в реализации анкетирования, снимается барьер «недоверия».

Реализация историко-социологического исследования в малом городе, как показала практика, – не просто формализованный механизм обеспечения ученым доступа к различным источникам памяти, но и «оживление» меморативного ландшафта. Фигура гостя-исследователя, изучающего место музея, библиотеки или архива в меморативном пространстве города, заставляет по-новому осмысливать форматы взаимодействия между самими институтами памяти. Такой посыл обуславливает эффекты «демонстративной» памяти, что накладывает особую ответственность на исследователей, изучающих не только историческую, но и социальную память жителей города, способствует усилению контекстуальности в организации исследования.

Голофаст Р. Б. Ветер перемен в социологии // Журн. социол. и соц. антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 122-139

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020 .

Комарова Г. А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии (1960–1980-е годы). М.: ИЭА РАН , 2012.

Малые города в социальном пространстве России : моногр. [А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (дата обращения: 29.11.2022).

Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ) (сайт проекта). URL <https://idun.urfu.ru/pro/muzei-malogo-goroda-mnozhestvennost-kultur-pamjati> (дата обращения: 29.11.2022).

Полухина Е. В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях // Социол. исследования. 2010. № 7. (315). С. 143–146

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб: Владимир Даль, 2002.

4.2. ТУРИЗМ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 379.8+332.1+911.375(470.54)

Е. Д. Бугрова,
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

СЫСЕРТЬ: ГОРОД-САТЕЛЛИТ – РЕКРЕАЦИЯ-САТЕЛЛИТ¹

Отдых относится к одной из основных потребностей человека, и наличие рекреационных территорий, направленных на восстановление сил населения, является необходимым условием для развития современных городов. Превращение старопромышленных городов в своего рода досуговые центры для мегаполисов становится трендом, однако для успешного перепрофилирования города-спутника в рекреацию-спутник необходимы определенные исторические предпосылки, что можно доказать на примере Сысерти, входящей в Екатеринбургскую агломерацию.

Ключевые слова: рекреация, рекреационные зоны, малые города, города-спутники, Екатеринбургская агломерация, туристско-рекреационные ресурсы, креативная реиндустриализация, Сысерть.

Отдых – важнейший элемент в жизни человека. Исследователи, опираясь на идеи А. Маслоу, демонстрируют, что удовлетворение по-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00679, <https://rscf.ru/project/22-18-00679/>.

требности в отдыхе связано со всеми уровнями иерархии потребностей – физиологическим, социальным, духовным и др. [Sirgy, et al., 2017] В ст. 37 Конституции Российской Федерации указано: каждый имеет право на отдых.

Что же такое отдых? В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается такое определение: «проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил» [Ожегов, Шведова], в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова – «перерыв в обычных занятиях, в работе и т. п. для восстановления сил» [Отдых].

Ключевую роль в восстановлении сил человека играют рекреационные пространства.

В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации землями рекреационного назначения считаются «земли, предназначенные и используемые для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан» [Земельный кодекс, ст. 98]. Таким образом, базовыми объектами рекреаций являются дома отдыха, пансионаты, кемпинги, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря, детские и спортивные лагеря и др. Объекты рекреации в сочетании с иными объектами и факторами, например, культурно-историческими, становятся основой для формирования рекреационных территорий [Петров, 2020, с. 65].

Сысерть – центр Сысертского района, входящего в Екатеринбургскую агломерацию. Основана в 1732 г. как рабочий поселок при железоделательном заводе, в 1946 г. преобразована в город. Известный уроженец Сысерти – писатель П. П. Бажов, автор знаменитых сказов. На сегодняшний день город представляет собой популярное направление для отдыха екатеринбуржцев – вокруг Сысерти располагается большое количество баз отдыха, детских летних лагерей, туристических троп и т. д. Он также является центром дачного туризма. При этом Сысерть сохраняет и свой индустриальный профиль – на территории города продолжает действовать машиностроительное предприятие «Уралгидромаш», преемник Сысертского железоделательного завода.

В последние годы Сысерть и Сысертский район вызывают большой интерес у исследователей и публицистов – издаются работы, посвященные таким темам, как культурно-историческая значимость локального промышленного наследия [Шипицына и др., 2021] и ревitalизация индустриальных пространств, например, Сысертского железоделательного завода [Бирюкова и др. 2021] или Сысертского фарфорового завода [Власова и др., 2017]. Особое внимание привлекает и бажовская тематика, позволяющая сформировать узнаваемый бренд территории [Власова, 2018]. Нередко в различных текстах встречаются

ся краткие упоминания о богатых природно-рекреационных ресурсах вокруг Сысерти как о чем-то само собой разумеющемся: «Леса – знаменитые лечебные боры – тоже светлые, чистые. Сегодня Сысерть – популярное дачное место, расположенное удобно и близко – 50 километров к югу от Екатеринбурга» [Лукиянин, Никулина, 2008, с. 136].

Однако не так много исследований освещают развитие Сысертского района в целом и Сысерти в частности именно как важнейшей рекреационной зоны рядом с крупным промышленным центром – Екатеринбург – Свердловском, хотя успех проекта «Лето на заводе», парка «Бажовские места» и ряда популярных загородных клубов отелей («Pine Creek Golf Resort», «Белая лошадь», «Гринвальд», «ТАО Берег», «Лес» и др.) можно связать с тем, что на протяжении многих десятилетий создавался образ Сысертского района как места для отдыха – как кратковременного, так и длительного. В качестве подтверждения можно привести статистику по детским летним лагерям Свердловской области.

По данным Реестра организаций отдыха детей и их оздоровления, расположенных на территории Свердловской области по состоянию на 05.08.2022 г. [Детская оздоровительная кампания], из 69 детских загородных оздоровительных лагерей наибольшее число (13) находятся в Сысертском районе (19 % от общего количества). По этому показателю Сысертский район обходит, к примеру, муниципальное образование город Нижний Тагил (11 ДЗОЛов). Примечательно, что все указанные детские оздоровительные лагеря были основаны в советское время, преимущественно в период с середины 1960-х по конец 1970-х гг., о чем свидетельствуют данные о дате ввода в эксплуатацию различных построек на территории детских оздоровительных лагерей, указанные в реестре [Детская оздоровительная кампания]. Кроме того, часть из этих ДЗОЛов является подведомственными организациями администрации Екатеринбурга или администраций отдельных районов столицы Урала (например, Ленинского или Орджоникидзевского). Такое сосредоточение детских учреждений для летнего отдыха может указывать на то, что Сысертский район рассматривался как безопасный с точки зрения экологии.

Также отметим, что в пос. Луч Сысертского района с конца XIX в. действовали лечебные заведения – сначала кумысолечебница для рабочих заводов Турчаниновых-Соломировских, с 1930-х гг. – санаторий для детей с сердечными заболеваниями, преобразованный в 1950 г. в санаторий для детей с ослабленными легкими [Дайджест...]. После реконструкции здесь было открыто загородное отделение медицинской реабилитации «Луч» государственного детского медицинского учреждения «Бонум» [Загородное отделение...].

Таким образом, можно заключить, что как минимум с середины XX в Сысертский район рассматривался как важная рекреационная зона – в первую очередь для Екатеринбурга – Свердловска. Это подтверждает и сборник экономико-географических очерков Е. Г. Анимичи «Города Среднего Урала» (1975), где о перспективах развития Сысерти говорится в том числе следующее: «Немаловажное значение имеет рост города как организующего центра загородного отдыха населения Свердловской городской агломерации и в первую очередь свердловчан. В связи с этим в Сысерти будут размещаться и развиваться производства для обслуживания самого города и прилегающих к нему окрестностей» [Анимича, 1975, с. 59]. Также отмечается хорошая экологическая обстановка («здоровый воздух», «чистые пруды») и удобная логистика, которые способствовали превращению Сысертского района в «зону загородного отдыха Свердловска» с большим количеством санаториев, домов отдыха, профилакториев и детских летних лагерей [Анимича, 1975, с. 59].

Следовательно, создаваемая с середины прошлого века рекреационная база Сысертского района продолжает расти – появляются новые точки притяжения отдыхающих (таких как загородный клуб «Белая лошадь» в Кадниково или проект «Лето на заводе» в самой Сысерти), модернизируются и реконструируются существующие рекреации (например, база отдыха «Солнечный камень» в Верхней Сысерти после масштабной перестройки, проведенной новым собственником, превратилась в загородный отель «Гринвальд»), улучшается городская инфраструктура Сысерти – в настоящее время проводится благоустройство набережной в рамках реализации проекта «Исторический центр города Сысерть» (в 2020 г. Сысерть была в числе победителей Всероссийского конкурса проектов благоустройства среди малых городов и исторических поселений [Муниципалитетам-победителям...]). В том же 2020 г. было подписано соглашение о создании туристско-рекреационного кластера «Большая Сысерть», благодаря которому якорные объекты Сысертского района смогут быть объединены в концептуально целостную туристско-рекреационную зону, привлекательную не только для потребителей, но и для инвесторов [В туристическом кластере...]. Поддерживается и экологическая повестка – в 2007 г. был создан наделенный статусом особо охраняемой природной территории парк «Бажовские места», в задачи которого входит сохранение природных объектов, имеющих экологическую, эстетическую и рекреационную ценность, и объектов историко-культурного, индустриального наследия, экологическое просвещение и обеспечение отдыха населения, развитие экологического и познавательного туризма [Об организации...]. Таким образом, намеченная более ше-

стидесяти лет назад туристско-рекреационная зона вокруг Сысерти продолжает планомерно расширяться с учетом запросов современного потребителя и стремительного роста внутреннего туризма в последние годы.

Все это указывает на то, что для успешного развертывания практик креативной трансформации пространств промышленного города в город-рекреацию историческая «колея» развития имеет большое значение. Сысертский случай креативной реиндустриализации предполагал трансформацию старого города-завода в город-рекреацию, постепенное замещение металлургической и машиностроительной индустрии индустрией впечатлений, досуга и услуг: от устройства классических турбаз и летних лагерей до появления гольф-полей и креативных кластеров. Подобное перепрофилирование оказалось возможным по ряду причин, таких как экологическая ситуация, культурный капитал, близость к крупному городу-миллионнику с вытекающей транспортной связностью, однако формирование образа Сысерти как места досуга потребовало нескольких десятилетий упорной работы по созданию крупной инфраструктуры; этот образ является не данностью, а продуктом исторического развития.

Анимациа Е. Г. Города Среднего Урала. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1975.

Бирюкова А. А., Десятов Л. В., Солонина Н. С. Концепция создания историко-культурного парка на территории Сысертского железодельного завода // Новые идеи нового века – 2021 : материалы XXI Междунар. науч. конф. : в 3 т. Т. 1. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2021. С. 41–49.

В туристическом кластере «Большая Сысерть» планируется создать около двух тысяч рабочих мест // Министерство инвестиций и развития Свердловской области. URL: <https://mir.midural.ru/news/v-turisticheskom-klaster-bolshaya-sysert-planiruyetsya-sozdat-okolo-dvuh-tysyach-rabochih-mest> (дата обращения: 05.08.2022).

Власова Н. Ю. Гений места как бренд территории // Менеджмент и маркетинг: теория и практика : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Ильина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. С. 340–346.

Власова Н. Ю., Голубчиков О. Ю., Курилова Е. В. Индустриальный туризм в продвижении старопромышленных регионах // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2017. № 4 (72). С. 19–31.

Дайджест по улицам Сысерти // Сысертская районная библиотека. URL: <https://bibl-sysert.ru/wp-content/uploads/2020/08/дайджест-по-улицам-Сысерти.pdf> (дата обращения: 05.08.2022).

Детская оздоровительная кампания // Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=204> (дата обращения: 05.08.2022).

Загородное отделение медицинской реабилитации «Луч» // МКМЦ «Бонум». URL: <http://bonum.info/luch/> (дата обращения: 03.08.2022).

Земельный кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/054fe836591704f0d15df265c96e

5667d5c9e829/#::~:~:text=РФ%20Статья%202098.-,Земли%20рекреационного%20назначения,оздоровительной%20и%20спортивной%20деятельности%20граждан (дата обращения: 03.08.2022).

Лукьянин В. П., Никулина М. П. Сысерть – родина Бажова // Лит. квартал. Екатеринбург, 2008.

Муниципалитетам-победителям российского конкурса благоустройства выделено 369 млн рублей на создание комфортной среды // Правительство Свердловской области. URL: <https://midural.ru/news/list/document165862/> (дата обращения: 05.08.2022).

Об организации особо охраняемой природной территории областного значения «Природный парк «Бажовские места»: постановление Правительства Свердл. обл. от 2.04.2007 № 275-ПП (с изм. на 26.03.2020 г.) // Кодекс : электрон. фонд правовых и норм.-тех. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819013254> (дата обращения: 05.08.2022).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19097#::~:~:text=ОТДЫХ%2C%20-a%2C%20м.,обычных%20обычных%20занятий%2C%20работыдля%20восстановления%20сил> (дата обращения: 03.08.2022).

Отдых // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=отдых&all=x> (дата обращения: 03.08.2022).

Петров Ю. Ю. Вопросы оценки земель рекреации // Имуществ. отношения в Российской Федерации. 2020. № 5 (224). С. 65–70.

Шитицына О. А., Солонина Н. С., Бугров К. Д., Назукина М. В., Снитко А. В., Тимофеев М. Ю. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 1. С. 125–144.

Sirgy M. J., Uysal M., Kruger S. Towards a benefits theory of leisure well-being // Applied Research in Quality of Life. 2017. № 12 (1). P. 205–228.

УДК 371.233(470.56)

Е. В. Годовова
Оренбургский государственный
педагогический университет, г. Оренбург

СОСТАВЛЕНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

В статье представлено одно из направлений научно-исследовательской деятельности студентов исторического факультета – составление виртуальных экскурсионных маршрутов. В качестве примера реализации такой работы профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета Е. В. Годовова приводит два экс-

курсионных маршрута, составленных студентами в прошлом учебном году и апробированных на различных мероприятиях. Она приходит к выводу, что в результате подготовки экскурсии студенты глубоко погружаются в тему, исследуя литературу, источники, фотографии, историю архитектурных зданий и улиц, и на первый взгляд несложная задача влечет за собой трудоемкое, но интересное решение, так что они сами не замечают, сколько всего прочитали и изучили за период подготовки.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, студенты исторического факультета, экскурсии, виртуальный экскурсионный маршрут, Оренбург.

Одним из направлений работы преподавателя со студентами является организация научно-исследовательской деятельности. Научить студента исторического факультета писать качественную научную статью, основанную на исторических источниках – большой труд. При этом результат зависит не только от умений преподавателя объяснить исследовательскую специфику, но и от способностей самого студента. Часто студент (особенно первокурсник) очень хочет заниматься наукой, но дается это ему с трудом, и возникшие сложности порой приводят к появлению у него других, ненаучных интересов. Опираясь на свой опыт, в начале научно-исследовательского пути я рекомендую своим студентам дать описание какого-либо исторического объекта, записать видеобзор и составить экскурсионный маршрут онлайн. Кажущаяся на первый взгляд несложная задача влечет за собой трудоемкое, но интересное решение, потому ребята и не замечают, как много всего они прочитали и изучили за период подготовки.

В этой статье мне хотелось бы поделиться опытом такой работы.

В прошлом учебном году под моим руководством студентами исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета было разработано два экскурсионных маршрута: «Цесаревич Николай Александрович в Оренбурге» (студентка 2 курса Анастасия Емельянова) и «Император Александр I в Оренбурге» (студент 3 курса Иван Бруценцов).

Обе этих темы актуальны. Несмотря на обилие экскурсий, проводимых в нашем городе, таких маршрутов никто не предлагал. В 2021 г. отмечалось 300-летие Российской империи. Это событие активно обсуждалось в СМИ, что вызвало небывалый интерес к истории дома Романовых. К сожалению, практика показывает, что оренбуржцы мало осведомлены как о восточном путешествии цесаревича Николая, так и о его визите в город Оренбург. Про приезд Александра I большинству жителей нашего города вообще неизвестно.

В качестве примера представим аннотацию экскурсии «Цесаревич Николай Александрович в Оренбурге»:

«Предлагаемую экскурсию стоит начать около Никольского кафедрального собора, так как именно туда направилась сопровождающая группа вместе с Цесаревичем, чтобы отслушать молебен и помолиться перед Табынской иконой Божией Матери. Следующей точкой в экскурсионном маршруте может стать здание бывшего войскового хозяйственного управления (ныне ул. Ленинская, д. 526), где Николаю Александровичу более сорока девушек из семейств почетных горожан посыпали путь живыми цветами, а городской глава преподнес дорогое блюдо с хлебом-солью. Далее в экскурсии стоит Неплюевский кадетский корпус (ныне Парковый проспект д. 7), мужская гимназия (корпус ОГПУ № 1, ул. Советская д. 19) и здание оренбургского общественного собрания (ул. Советская д. 17). Все эти учреждения были посещены Николаем Александровичем в день, посвященный депутациям и поездкам по городу, 8 августа 1891 года».

Рассказ экскурсовода содержит сведения об истории архитектурных объектов, включенных в маршрут, о личностях, с которыми встретился Августейший путешественник, и предлагаемых ему городских развлечениях, и занятиях.

Какие плюсы можно выделить в научно-исследовательской работе такого вида?

Во-первых, студент глубоко погружается в тему. Ведь ему нужно не только прочесть фактическую информацию, но и поработать с источниками: воспоминаниями, заметками в газетах, адрес-календарями, картами города, справочникам и путеводителям, позволяющим выяснить старые названия улиц.

Во-вторых, исследователь заново знакомится с городом. Он по-другому смотрит на здания, имеющие отношение к составляемому маршруту.

В-третьих, студент работает с иллюстративным материалом. Часть объектов не сохранилась или была реставрирована. Поэтому в виртуальной или реальной экскурсии путем демонстрации фотографий экскурсовод показывает памятник, здание, улицу того времени.

Конечно, такая научно-исследовательская работа интересна, но и трудна. Так, ребятам было сложно выстроить последовательность маршрута, сопоставить дореволюционные названия улиц, зданий с современными, работать с источниками, в которых указывались полярные точки зрения.

Несмотря на возникшие затруднения, студенты с задачей справились. Проект Анастасии Емельяновой был отмечен победой в вузовском конкурсе «Фестиваль научных идей студентов, аспирантов и молодых ученых “Молодые. Инновационные. Креативные. Смелые”» («МИКС»), а экскурсионный маршрут Ивана Бруценцова опу-

бликован в сборнике статей по итогам конференции [Бруценцов, 2022]. Ребята неоднократно апробировали свои экскурсии, которые в силу неблагоприятной эпидемиологической ситуации были виртуальными, на конференциях различного уровня.

Таким образом, составление онлайн и офлайн экскурсионных маршрутов является интересной формой научно-исследовательской работы для студента исторического факультета.

Бруценцов И. А. Экскурсия как элемент формирования культурного кода города (на примере экскурсионного маршрута «Император Александр I в Оренбурге») // Россия и мир: развитие цивилизаций. Инновации и консерватизм: поиск баланса: сб. тр. молодых ученых и студентов XII междунар. науч.-практ. конф., 6–7 апреля 2022 г. М.: Изд. дом ИМЦ, 2022. С. 22–25.

УДК 338.48(470.54-25)

А. И. Дмитриева
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СВЕРДЛОВСКА – ЕКАТЕРИНБУРГА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

В статье предпринимается попытка сопоставить подходы к позиционированию Свердловска – Екатеринбурга как центра международной деловой коммуникации и туризма, которые существовали в советский период истории города, с актуальными на сегодняшний день. В качестве источников информации о планируемых направлениях развития туризма в Екатеринбурге на современном этапе изучаются государственные стратегические документы регионального и муниципального уровней. Интересен опыт анализа альтернативной письменным текстам группы источников для определения акцентов в позиционировании, которые расставлялись в послевоенные годы развития советского Свердловска, а именно, фотодокументов, хранящихся в фотофонде Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Фотофонд ГАСО представляет ценность для исследователя как относительно системно формировавшийся массив документов, представляющих в большинстве своем официальный взгляд на подлежащие документированию и сохранению события и явления. Автор, сравнивая основные смыслы, заложенные руководством города в стратегию его позиционирования в указанные периоды, делает выводы о преемственном характере стратегического видения основных драйверов туристского развития Екатеринбурга в XXI в. Определенный интерес также представляют размышления автора на предмет оценки эффективно-

сти столь консервативного подхода к планированию продвижения города на различных рынках и сегментах в условиях существующей динамики общественного развития.

Ключевые слова: фотография, фотодокумент, аудиовизуальные документы, визуальные исследования, государственный архив, туризм, стратегия развития туризма, программа развития туризма, позиционирование дестинации.

Вперед или назад?

Как представляется автору, у «туризма» и «исторического наследия» несколько противоречивые отношения. С одной стороны, культурно-историческое наследие является одной из важнейших составляющих туристского продукта, основой для развития региональных и межрегиональных маршрутов, объектом и предметом работы культурно-просветительских учреждений, доля которых в общем количестве предприятий туристской индустрии довольно велика. С другой стороны, признается, что туризм можно назвать одной из отраслей, где наиболее активно развивается новая модель экономики, именуемая «экономикой впечатлений» [Пайн, Гилмор, 2005]. При этом современные «режиссеры впечатлений», способные создать продукт буквально «из воздуха», не пренебрегают в своей работе творческим отношением к аккуратности использования исторических фактов, активно вовлекают в процесс туристское легендирование, смешивают миф с реальностью в одном бурлящем котле, из которого в результате рождаются продукты, которые ученый-историк может с легкостью подвергнуть критике.

Здесь не подвергается сомнению необходимость сохранения исторической памяти; речь скорее идет о подходах к ее трансляции и использованию существующего наследия. С точки зрения развития туризма вопрос лучше ставить так: консерватизм или новаторство, традиция или бесконечный креатив, что из этого лучше продается? Ответы на перечисленные вопросы вынуждены искать и муниципальные, и региональные органы власти, отвечающие за планирование развития туризма на собственной территории.

Внимание автора статьи привлекли два основных документа программного характера, которые обозначают направления и механизмы развития туристской инфраструктуры в г. Екатеринбург и в Свердловской области. Первый документ, который прекратил свое действие в 2020 г. и пока не имеет преемственного документа – это муниципальная программа «Екатеринбург – столичный город» на 2017–2020 гг. В подпрограмме «Екатеринбург – международный центр деловых коммуникаций и туризма», включающей стратегические проек-

ты «Екатеринбург – туристический центр, где встречаются Европа и Азия», «Международный конгресс-центр», «Екатеринбург – центр международных связей (“Все флаги в гости к нам”))», «Граница частей света» обозначается цель по достижению городом статуса международного центра деловых коммуникаций, MICE-туризма¹, соединяющего две части света. Второй документ, актуальный на настоящий момент и в высокой степени касающийся перспектив туристского освоения Екатеринбурга – это «Стратегия развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года», созданная Министерством инвестиций и развития Свердловской области, органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, общественными и туристскими организациями. Екатеринбург генерирует большую часть как внутреннего двустороннего туристского потока, так и въездного, что отмечено в тексте стратегии, в которой кейс города развернуто представлен. В стратегии содержатся и основные направления позиционирования города на различных потребительских рынках, которые автор сопоставляет с подходами к позиционированию столицы Свердловской области в послевоенный период, опираясь на оригинальный источник – комплекс фотодокументов, которые хранятся в фотофонде Государственного архива Свердловской области. Автор задается вопросом – насколько существенно эволюционировала стратегия позиционирования Свердловска – Екатеринбурга за период, превышающий 50 лет.

Мост из прошлого...

В фотофонде (Ф-1) Государственного архива Свердловской области хранится 62 964 фотодокументов периода с 1880 г. по 2004 г. [Краткий справочник...]. В связи со сложившейся традицией пополнения фондов неспециализированных архивов фотодокументами, в большинстве случаев речь идет об обязательном комплектовании при приеме документов от организаций и лиц, для которых фотодокументирование являлось видом профессиональной деятельности [Магидов, 1994]. Основными источниками комплектования фотофонда ГАСО являлись профильные организации: Совинформбюро (Советское информационное бюро), ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза). Также фонд комплектовался по инициативе фотокорреспондентов, передавших негативы в архив (М. Артюнов, И. Тюфяков, А. Грахов), фотографов (Ю. А. Владимирский), коллекционеров (К. С. Хайдуков), краеведов (Л. С. Богоявленский) и историков

¹ MICE – Meetings, Incentive, Conference, Exhibitions.

(В. Н. Кузнецов). При приеме на хранение фотодокументы проходят экспертизу ценности, которая устанавливает их достоверность, происхождение, сохранность, а также ценность содержания [Моисеева, 2011]. Последний критерий обуславливает несколько однобокий, официальный характер документирования, что в нашем случае не препятствует анализу, так как в статье сопоставляется позиция по вопросам подходов к развитию туризма именно органов государственной власти.

На базе описей фотодокументов ф. Ф-1 ГАСО автором составляется электронная база данных, в которую вносятся сведения о содержании каждого фотодокумента, представляющего интерес с точки зрения исследования городской среды Свердловска в послевоенные годы, времени создания, авторе фотодокумента, внешнем виде и степени оригинальности, а также об организации/лице, от которых он был получен. Фотофонд ГАСО состоит преимущественно из негативов различного размера. Ф-1 описан в 58 описях. Из них 19 составляют описи фотонегативов 0-го размера. Составлены две описи негативов 1-го размера и по одной 2-го, 3-го, 4-го и 5-го. Отдельные описи составлены на фотонегативы цветного изображения и альбомы, на секретные и совершенно секретные документы. В отдельных книгах описаны коллекции: девять книг содержат информацию о фотонегативах коллекции Л. Сурина, семь составлено с целью описания коллекции «Музей революции». Отдельная опись составлена на документы, поступившие от Уралмашзавода. Существенная часть документов представляет городскую среду Свердловска в советский период.

Необходимость создания электронной базы данных в табличном редакторе обусловлена тем, что описи в электронном виде представлены лишь как отсканированные рукописные страницы, при этом оцифрована лишь небольшая часть фотофонда (не более 10 %), что затрудняет анализ документов. Тем не менее, этот компактный массив представляет ценным источником для понимания вопросов советского периода в истории Свердловска, неким «мостом из прошлого».

Автором было проанализировано содержание 9 778 фотодокументов, хранящихся в фонде Ф-1 ГАСО, из которых 47 % могут служить источниками информации о политическом, экономическом, общественном и бытовом контексте, актуальном для жителей города [Дмитриева, 2020].

«Гляжу в тебя как в зеркало...»

Итак, в Стратегии по развитию туризма Свердловской области до 2035 г. [Стратегия..., 2019] ключевыми видами туризма названы де-

ловой, культурно-познавательный и активный. Сопоставим это с тем, что представлено в официальных фотодокументах 1950–1970-х гг.

Так как объектом исследования, проведенного автором, является городская среда Свердловска, основные направления активного туризма в пределах области сложнее всего охарактеризовать, опираясь на изучаемый массив. Однако среди фотодокументов встречаются фотографии природного парка Каменные палатки, который находится в черте города, есть фотография, описанная как «Десятиклассники Свердловска в туристическом походе».

Намного более продуктивным является обоснование с помощью изученных фотодокументов утверждения, что и в советский период Свердловск был центром делового туризма в его классическом понимании, т. е. местом проведения встреч, конференций и выставок.

Часть фотодокументов, посвященных значимым городским событиям, запечатлели визиты различного уровня международных организаций. Это перекликается с тезисами подпрограммы «Екатеринбург – международный центр деловых коммуникаций и туризма» [Муниципальная программа, 2016], в рамках которой в качестве мероприятий, ответственность за организацию которых несет Комитет по внешним связям Екатеринбурга, указаны прием делегаций из городов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья, а также организация ознакомительных туров в Екатеринбург для иностранных журналистов, российских и иностранных представителей сферы туризма и организаторов конгрессных мероприятий.

В изученных автором фотодокументах отражены основные этапы организации визитов иностранных делегаций различного уровня, в том числе первых лиц зарубежных государств. Свердловск принимал президента республики Куба Фиделя Кастро, президента Социалистической Федеративной Республики Югославия Иосипа Броз Тито, президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина, вице-президента США Ричарда Никсона, шахиншаха Ирана Мухаммеда Реза Пехлеви, президента Республики Индонезия Сукарно, императора Эфиопии Хайле Селассие I.

Цели визитов делегаций при этом были не только дипломатическими; иностранные делегаты прибывали в город в рамках политического, экономического и общественно-политического сотрудничества. География визитов также довольно широка. К примеру, Свердловск посетили делегация общественных деятелей Италии, шведская рабочая делегация, английская парламентская делегация, делегация Всеобщей Итальянской конфедерации труда, делегация доверенных рабочих от предприятий Финляндии, делегация Венесуэлы, французская делегация, чешская молодежная делегация, парламентская делегация

из Греции, делегация из Корейской Народно-Демократической Республики, венгерская делегация, английская профсоюзная делегация, делегация представителей колледжей США, делегация представителей финансово-промышленного мира Японии, делегация ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом, партийно-правительственная делегация Польской Народной Республики.

О стремлении создать позитивную информационную повестку на международном уровне свидетельствуют визиты чешских путешественников-журналистов, шведских журналистов.

Наряду с участием в мероприятиях, связанных с основной целью визита, членам делегаций предлагалось посетить значимые места и достопримечательности. Чаще всего в качестве подобных мест упоминаются Уралмашзавод и объекты его социальной инфраструктуры и Уральский геологический музей. Во многих случаях запечатлена встреча делегации в аэропорту Кольцово. Реже, но несколько раз также встречаются упоминания о визитах на другие уральские заводы, посещение Дворца пионеров («в гостях у пионеров»), границы Европы и Азии, Уральского политехнического института. Складывается представление о некой стандартизированной программе, в рамках которой гостям предлагалось осмотреть самые значимые места города, связанные в том числе с его историческим развитием в качестве центра «горнозаводской цивилизации».

Интересно, что в Стратегии развития туризма в Свердловской области в качестве драйверов культурно-познавательного туризма также упоминаются «промышленный, познавательный, минералогический виды туризма, связанные с посещением памятников горнозаводского наследия Урала, производственных объектов, обелисков на границе Европы и Азии, а также объектов, интересных для любителей минералогии» [Стратегия, 2019]. Под промышленным туризмом разработчиками понимается посещение действующих предприятий, в список которых включены акционерное общество «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод” имени Ф. Э. Дзержинского», публичное акционерное общество «Уральский завод тяжелого машиностроения», публичное акционерное общество «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина, г. Екатеринбург». Следует отметить, что при этом Уралмашзавод и Уралвагонзавод на текущий момент практически закрыты для экскурсантов, на УЗТМ сложно провести гостей дальше музея. Тем не менее, нельзя не согласиться с существенным вкладом промышленного наследия в позиционирование города. Вопрос о том, насколько интересна на настоящий момент минералогическая тема жителям и гостям города, остается открытым. Констатировать можно то, что по сравнению с советским периодом потерял свой статус

Уральский геологический музей. Обелиск «Европа – Азия» остается востребованным у деловых туристов, однако в подпрограмме «Екатеринбург – международный центр деловых коммуникаций и туризма» [Муниципальная программа, 2016] обозначено создание некоего туристского комплекса на границе, который в качестве идеи обсуждается довольно давно, но в реализованный проект так и не превратился.

Двигаясь далее по аббревиатуре МИСЕ, мы говорим о деловом событийном туризме, здесь же хотелось раскрыть моменты, связанные с событийным туризмом как таковым, который упомянут в качестве дополнительного перспективного для Свердловской области вида туризма.

Анализ фотодокументов показывает, что в советский период Свердловск принимал большое число событий различного уровня: регионального и всесоюзного. Спектр тематики событий был довольно широк: деловые события (Совещание работников сельского хозяйства областей и автономных республик Урала), образовательные (Первый областной съезд сельских учителей), культурные (дни культуры), самодельные (Праздник песни в Свердловске), спортивные (Зимняя спартакиада народов РСФСР) и др.

В Свердловске проводились также и выставки, например, Областная сельскохозяйственная выставка. Основная масса фотодокументов иллюстрирует городские события и праздники (празднование годовщин Великой Октябрьской революции, Победы в Великой отечественной войне, дня рождения Ленина). Областные деловые, образовательные и научные мероприятия также концентрируются в Свердловске. Значительно меньше событий всесоюзного уровня, в основном это спортивные события.

Эта ситуация перекликается и с пониманием основных целевых аудиторий в современной Стратегии развития туризма в Свердловской области. Доля внутренних туристов в области составляет 90 %, доля въездного турпотока из-за рубежа – всего 10 %. На внутреннем сегменте рынка наиболее активными являются жители Екатеринбурга, а также жители субъектов федерации, входящих в УрФО, которые могут с помощью различных видов транспорта комфортно посетить город с различными целями. Для автотуристов разработан проект туристского кластера «Самоцветное кольцо Урала», который направлен на актуализацию культурно-исторического наследия городов Свердловской области и также эксплуатирует горно-минералогическую тематику. Проект получил финансирование из средств федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Развитие внутреннего и въездного туризма..., 2011]. Значимый въездной поток иностранных

гостей генерирует международная промышленная выставка «ИН-НОПРОМ». Кроме того, в Екатеринбурге проходит Международный форум высотного и уникального строительства «100+ Forum Russia». Тем не менее, большинство мероприятий, как и в советский период, можно отнести к локальным и региональным. Здесь Екатеринбургу лишь частично удалось реализовать амбиции, связанные с достижением статуса международного центра коммуникации, при этом фундамент данного конструктора заложен еще в советский период.

Изучая фотодокументы советского периода и актуальные программные документы по развитию туризма, видим практически зеркальное отражение основных подходов к реализации туристского потенциала Свердловска – Екатеринбурга. Можно говорить о выраженной преемственности в осмыслении роли города и в его позиционировании.

Только вперед!

Итак, вперед или назад? С одной стороны, преемственность логична и эффективна. За многие годы сложились некие «лучшие практики» позиционирования Свердловска – Екатеринбурга, которые позволяли городу привлекать туристов, в основном деловых, и развивать соответствующую инфраструктуру. В изученном массиве фотодокументов есть, например, фотографии крупных гостиничных предприятий – гостиница «Большой Урал», строительство гостиницы Свердловск (сейчас «Marin's Park Hotel»), гостиница «Центральная», гостиница «Исеть».

Сформированный в советские годы имидж города хорошо знаком определенным потребительским сегментам, которые сегодня являются также и наиболее платежеспособными, так зачем «изобретать велосипед»? На базе существующей инфраструктуры мы можем транслировать понятное сообщение через сложившийся комплекс элементов локального бренда: «у нас передовая промышленность, уральские самоцветы и П. П. Бажов, и мы на границе». Стратегия ориентирована на наиболее существенный и массовый сегмент, соответственно необходим традиционный подход к туристскому планированию и позиционированию.

Конечно сложно отрицать, что общество – субстанция динамично развивающаяся. В городе появляются новые точки роста и аттракции, которые чаще являются частными инициативами, нежели государственными, и сами по себе начинают генерировать туристский поток (Ельцин-Центр, Музей военной техники в Верхней Пышме, Уральская индустриальная биеннале, проект «Лето на заводе»), при этом они не

вписаны в стратегию, возможно потому, что сегменты потребителей, которым они интересны, могут представляться более узкими.

В современных условиях, когда внутренний туризм переживает подобие «ренессанса», безусловно, актуально переосмысление подходов к стратегическому планированию развития туризма в регионе. Ни в коем случае не предлагается отринуть все сделанное и исторически сложившееся, здесь речь скорее о том, чтобы двигаться вперед по пути переосмысления культурно-исторического наследия города и региона, выходить за привычные рамки, отбросить шаблоны, и на стратегическом уровне менять подходы и механизмы работы по актуализации туристской привлекательности региона.

Некое «движение по инерции», возможно, обусловило первоначальное запаздывание Свердловской области по реализации федеральных стратегических инициатив. Проект «Самоцветное кольцо Урала» был разработан только на третий год работы федеральной целевой программы и стал единственным от Свердловской области [«Самоцветное кольцо...»]. По мнению профессионалов туристской индустрии, Свердловская область не смогла в полной мере воспользоваться преимуществами первой волны программы «Кэшбэк за путешествия по России», инициированной Ростуризмом [«Не сделано ничего»...]. Объемы поддержки, программной и финансовой, внутреннего туризма существенно возросли с февраля 2022 г. Предприятия гостеприимства освобождены от налога на добавленную стоимость, выделяются дополнительные средства на строительство легковозводимых туристских сооружений, обустройство кемпингов и площадок для отдыха туристов, продолжается субсидирование строительства и реновации средств размещения. Развивая SWOT-анализ, предложенный в стратегии, можно сказать, что обозначенная возможность может в итоге переместиться в квадрант «упущенных возможностей» из-за определенной консервативности подходов и недостатка идей на уровне планирования развития туризма, отсутствия оперативности в реализации механизмов государственно-частного партнерства, ограничений, связанных с организацией закупочных процедур, а также отсутствием качественных маркетинговых исследований на региональном уровне.

В результате взаимодействия органов государственной власти, профессионалов индустрии, образовательных организаций, студенческого сообщества и объединений профильных организаций в регионе должна сложиться некая «ноосфера», откуда можно черпать идеи для поиска новых подходов и способов рассказать о бесценном культурно-историческом наследии Екатеринбурга и уникальном пути, который прошел город. Отсюда вывод – «Только вперед!»

Дмитриева А. И. Городская среда крупного промышленного центра (г. Свердловск) в фотодокументах советской эпохи // Гуманитар. науки в Сибири. 2020. № 27 (2) С. 93–99.

Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург: ГАСО. URL: <https://gaso-ural.ru/nsa/spravochnik2021> (дата обращения: 05.03.2022).

Магидов В. М. Комплектование Архивного фонда РФ аудиовизуальными и научно-техническими документами: состояние, проблемы, перспективы: «круглый стол» в ИАИ // Отеч. архивы. 1994. № 5. С. 109–113.

Моисеева Р. М. К вопросу об экспертизе ценности фотодокументов, передаваемых на постоянное хранение в государственные архивы на примере РГАКФД // Вестн. архивиста. 2011. № 3. С. 84–88.

Муниципальная программа «Екатеринбург – столичный город» на 2017–2020 годы. Екатеринбург, 2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/429069334> (дата обращения: 30.10.2022)

«Не сделано ничего». Свердловская область провалила программу туристического кэшбэка // Tagilcity.ru. URL: <https://tagilcity.ru/news/society/10-09-2020/ned-sdelano-nichego-sverdlovskaya-oblast-provalila-programmu-turisticheskogo-keshbeka> (дата обращения: 30.10.2022).

Пайн Д. Б., Гилмор Д. Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Изд-во «Вильямс», 2005.

«Самоцветное кольцо Урала» – уникальный маршрут по Свердловской области // Туроператор «Премьер тур». URL: <https://premier-tur.com/text/samocvetnoe-kolco-urala-unikalnyy-marshrut-po-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения: 30.10.2022).

Стратегия развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года. Екатеринбург, 2019. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561486332> (дата обращения: 30.10.2022).

Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы) : федеральная целевая программа (с изм. на 07.02.2018) // Электрон. фонд правовых и норм.-тех. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902295121> (дата обращения: 30.10.2022).

УДК 371.233(470.54-25)

Э. А. Жайлганова
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ: ПЛОЩАДЬ 1905 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

Данная статья представляет собой исследование в рамках составления экскурсионного маршрута «Екатеринбург: революционное прошлое и настоящее». На примере Площади 1905 года продемонстрировано, какие изменения претерпевал данный объект, а также как менялась его значи-

мость в жизни города. Тем не менее, несмотря на все изменения, главная площадь города сохранила за собой историческую преемственность, в том числе и в революционном плане. Площадь не раз избиралась проведения демонстраций и митингов, оставаясь символом революционной борьбы.

Ключевые слова: Екатеринбург, Свердловская область, Площадь 1905 года, революция, демонстрации, Свердлов, экскурсия, историческая преемственность.

Екатеринбург – город трех революций. Несмотря на хронологическую отдаленность от событий 1905 и 1917 гг., город, прежде всего в архитектурном плане, и в наши дни сохраняет историческую память о том времени. Экскурсионный маршрут «Екатеринбург: революционное прошлое и настоящее» ориентирован главным образом на учащихся старших классов и студентов. Данный маршрут разрабатывается в рамках магистерской диссертации автора статьи. Целью маршрута является не только ознакомление с самыми значимыми революционными памятниками Екатеринбурга, но и освещение тенденций революционных настроений на Урале, начиная с 1905 г. и заканчивая современностью.

Главным объектом разрабатываемого экскурсионного маршрута, несомненно, является Площадь 1905 года, которая всегда являлась «сердцем города» и выражением его политического и социального пространства. В настоящее время на центральной площади расположено здание городской администрации, таким образом, она отчасти является символом власти. В то же время площадь является местом, куда стекаются горожане как для выражения своего мнения, так и в обыденных целях.

На протяжении нескольких столетий главная площадь Екатеринбурга несколько раз меняла свое название. Изначально ее именовали Торговой, так как она являлась центральным местом для торговли. В 1771 г. площадь стала Церковной в силу того, что на этом месте заложили Богоявленскую церковь. В 30-х гг. XIX в. здесь был построен Кафедральный собор, и площадь начали называть Кафедральной.

На протяжении XVIII–XIX вв. площадь совмещала в себе два значения: торговое и церковное. На площади, помимо торговли, проходили главные торжественные богослужения. Значимыми объектами являлись Гостиный двор и Кафедральный собор. Напротив Гостиного двора располагался дом купца Коробкова, отличавшийся псевдоготическим стилем, и Сибирский торговый банк. В восточной части площади находилось Уральское горное правление и мужская гимназия [Бердников, 1976, с. 16–17].

В 1905 г. именно на Кафедральной площади проходили главные события революции. 1 мая 1905 г. по призыву большевиков на площа-

ди состоялся митинг, рабочие многих фабрик и заводов города покинули свои рабочие места и вышли на улицы. Во время первомайских демонстраций большевики проводили митинг, выступая с речами против самодержавия. В целом во всеобщей забастовке участвовало около трех тысяч рабочих.

18 октября 1905 г. на Кафедральной площади власти устроили «благодарственный молебен» по случаю провозглашения манифеста 17 октября. Однако митинг, устроенный в поддержку царского режима, за короткое время превратился в протест с требованием освобождения политических заключенных [Неверов, 1962, с. 31].

19 октября также на этом же месте был организован новый митинг. Была сооружена трибуна, с которой начал выступать Яков Михайлович Свердлов, но выступление было прервано. Заранее сосредоточенные банды вооруженных черносотенцев сорвали митинг [Неверов, 1962, с. 31]. Четырнадцать участников митинга были ранены, двое – смертельно, в том числе был убит репортер газеты «Уральская жизнь» Соловьев [Бердников, 1976, с. 19]. Именно в память об этих событиях в 1919 г. Кафедральная площадь Екатеринбурга будет переименована в площадь 1905 года.

В октябре 1906 г. в центре площади был установлен памятник императору Александру II в честь отмены им крепостного права. Памятник представлял собой чугунную фигуру царя, установленную на мраморном постаменте [Хватова, Десятов, 2014, С. 240–241]. Таким образом, в центре города появился определенного рода символ царской власти. Однако судьба памятника была предопределена, и в 1919 г. он был снесен.

В марте 1917 г. была организована демонстрация, посвященная празднику Свободы, а 26 октября на площади состоялся митинг в честь победы Октябрьской революции.

Можно утверждать, что начиная с революционных событий 1905 г. торговое и церковное значения главной площади города отходят на второй план. Первостепенным становится тот факт, что площадь превращается в символ революции. 31 января 1918 г. на этом месте были торжественно захоронены первые жертвы революции: Семышев, Огородов, Жук и Филатов [Бердников, 1976, с. 16–17].

В 1920 г. в Екатеринбурге начали появляться памятники, посвященные революционным событиям. Так, на месте снесенного памятника Александру II был установлен памятник Свободе, который представлял собой женскую фигуру с флагом в руке. Однако вскоре его сменили на бюст Карла Маркса, а позже на памятник Освобожденному труду работы С. Эрзи. Тем не менее уже в 1926 г. этот монумент, представлявший собой обнаженную мужскую фигуру, демонтировали [Хватова, Десятов, 2014, С. 240–241].

С приходом к власти большевиков главная площадь города утрачивает церковное значение. В 1930 г. Кафедральный собор был взорван. Площадь 1905 г. изменила свой облик, на месте Гостиного двора возник пятиэтажный корпус Свердловского Городского совета в стиле конструктивизм. Данный памятник архитектуры являл собой символ советской власти.

Функция административного центра крупного промышленного региона обязывала Свердловск реконструировать площадь, увеличивая масштабность зданий. Рядом с Городским советом строится здание товарной биржи (ныне Пассаж), Верх-Исетский райисполком занимает здание Сибирского банка. Помимо органов власти на площади появляются редакции журнала «Уральский следопыт», газеты «На смену!» и организация Союза журналистов СССР [Бердников, 1976, с. 18].

В 1947 г. здание Горсовета начало приобретать привычный для нас вид. Благодаря серьезной реконструкции Горсовет был украшен колоннами и облицован гранитом, на фасад добавили барельефы, а на крыше установили гипсовые скульптуры, изображающие представителей различных трудовых профессий. А уже в 1954 г. над зданием возвышалась башня со шпилем и часами, которая и превратила современное здание Городской администрации в главную доминанту города [Хватова, Десятов, 2014, С. 240–241].

6 ноября 1957 г., в канун сороковой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, произошло торжественное открытие памятника Владимиру Ильичу Ленину. На постаменте были высечены слова: «Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу – на силу рабочих и крестьян» [Неверов, 1962, с. 33]. Данный памятник и в наши дни располагается в центре площади, обращая на себя внимание как горожан, так и туристов.

В наши дни большинство архитектурных построек, располагавшихся на площади, сохранились. Здание Горсовета на данный момент занимает городская администрация г. Екатеринбурга, на месте торговой биржи находится торговый центр «Пассаж». Прежний дом Коробкова преобразовался в торговый центр «Европа», сохранивший два фасада в неоготическом стиле, в чем можно заметить определенную преемственность.

В целом Площадь 1905 года и по сей день является символом власти, тем не менее оставляя за собой и торговую функцию. Несмотря на то, что большую часть года площадь предназначена под парковку, на ней все же проходят общегородские праздники, ярмарки, а зимой строится ледовый городок, ежегодно меняющий свою тематику.

Помимо торговой, стоит отметить и революционную преемственность. Так на Площади 1905 года проходят общественные акции, и площадь по-прежнему представляет собой политическое и соци-

альное пространство. Митинг против введения пенсионной реформы, митинг 2022 г. против спецоперации на Украине и многие другие демонстрации проходили или же начинались именно на Площади 1905 года. Одиночные пикеты чаще всего располагаются именно в центре площади у памятника В. И. Ленину.

В силу ограниченности территории площадь не вмещает в себя большое количество протестующих, как это было в 1905 г., поэтому реже избирается для проведения митингов. На данный момент митингующие чаще выбирают более масштабную Площадь Труда, расположенную восточнее Площади 1905 г.

Площадь 1905 г. по праву считается «ядром» визуальной части имиджа Екатеринбурга. Будучи традиционным центром политических демонстраций и народных празднеств в городе, главная площадь на протяжении нескольких столетий меняла свою роль и предназначение. Первоначально совмещая торговую и церковную функции, с приходом власти большевиков это место превратилось в символ не только новой власти, но прежде всего в символ революции. Таким образом, неудивительно, что и сегодня Площадь 1905 г., оставаясь «сердцем города», не утратила своего революционного значения, а именно значения места, где люди, как и сто лет назад, борются за свои права и высказывают свое мнение.

Бердников Н. Н. Город в двух измерениях. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1976.

Неверов Л. П., Владимирский Д. А. Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1962.

Хватова А. Г., Десятов Л. В. Площадь 1905 года города Екатеринбурга // Новые идеи нового века : материалы междунар. науч. конф. Фак. архитектуры и дизайна Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. Т. 2. С. 240–246.

УДК 379.85:004+77

С. Т. Любимова
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВИЗУАЛЬНОГО ТУРИЗМА

Целью данной статьи является выявление особенностей и перспектив развития такого феномена как визуальный туризм в контексте влияния цифровых технологий и средств массовой коммуникации на сферу туризма. Визуальный туризм – это разновидность туризма, направленная на посещение мест, дестинаций, наиболее привлекательных для туриста с эстети-

ческой точки зрения, обладающих узнаваемыми чертами, отражающими их аутентичность, с целью визуального ознакомления с ними, сопровождаемого фотосъемкой историко-культурных памятников, природных ландшафтов, памятников архитектуры и т. д., а также самого туриста на их фоне. Феномен визуального туризма становится все более массовым в силу того, что за последние десятилетия сильно изменилась жизнь человека. Визуальный турист — человек нового поколения, который обладает визуальным мышлением, воспринимает мир с помощью чувств и эмоций, а эстетика в его жизни играет важную роль. Исходя из этого, нужно создавать определенный имидж территории, которой будет способен его заинтересовать. Необходимо завоевать внимание данной категории туристов, так как это один из способов популяризации и продвижения дестинации или локации в сети Интернет.

Ключевые слова: визуальный туризм, социальные сети, посттурист, посттуризм, фотография, имидж территории, визуальность

Введение

Целью данного обзора является выявление особенностей и перспектив развития такого феномена как визуальный туризм. Для того, чтобы определить, что подразумевает под собой визуальный туризм, обозначить его специфику и потенциал для развития, сначала необходимо охарактеризовать современного человека, ведь, как известно, спрос формирует предложение, а также, рассмотреть какую роль «визуальность» занимает в его в жизни. Особенно важно исследовать влияние цифровых технологий и средств массовой коммуникации на сферу туризма и какую роль в ней на сегодняшний день занимает фотография.

Вхождение человечества в информационную эпоху, безусловно, отразилось на образе жизни и потребностях общества. Современная индустрия услуг вынуждена подстраиваться под новые реалии, постоянно развиваясь и совершенствуясь в угоду потребителю. Индустрия туризма не остается в стороне от глобальных тенденций и процессов, и всецело ориентируется на них. Возникает все больше новых феноменов в сфере туризма, исследование которых поможет понять то, каким должен быть турпродукт, чтобы он стал наиболее привлекательным для туриста. Одним из таких феноменов стал визуальный туризм, специфика которого на сегодняшний день полностью не раскрыта.

Влияние развития технологий на восприятие информации

Как отмечают М. А. Купчинская и Н. В. Юдалевич, в реалиях современного мира в получении человеком информации все большую роль играют визуальные образы, которые заменяют восприятие информации через чтение, таким образом, на смену «Человеку читаю-

щему» приходит «Человек смотрящий и воспринимающий образы» [Купчинская, Юдалевич, 2019]. Новое поколение людей, так называемых «людей экрана», они описывают как обладающих визуальным, быстрым, но поверхностным мышлением, тем, что получило название «клиповое мышление». В то же время А. А. Фокин приводит мнение М. Маклюэна, который отмечает, что в XX в. на смену культуре печатного слова приходит аудиовизуальная, человек все меньше читает, и все больше смотрит и слушает [Фокин, 2013]. Появление нового поколения людей, которым присуще «клиповое мышление», связывают с распространением информационных технологий, а особую роль отводят СМИ и сети Интернет. За последние десятилетия жизнь человека в значительной степени ускорилась, он вынужден потреблять увеличенный и разнообразный объем информации, что зачастую выступает препятствием для ее фильтрации и дифференциации. Если еще не так давно информационный поток был ограничен газетами, журналами, радио и телевидением, то сейчас практически каждый человек значительную часть своего времени проводит on-line, а жизнь без «гаджетов» и подключения к сети Интернет больше не представляется возможной. По статистике на январь 2019 г. аудитория интернета составила 4,39 млрд пользователей, и с каждым днем эта цифра растет, как и потребность человека в получении контента, который в свою очередь становится проще и доступнее для потребителя. А. А. Фокин отмечает, что в условиях обилия информации и дефицита времени людям гораздо проще смотреть картинки и видео, чем вникать в смысл написанного [Там же].

Понятие постуризма

Также следует отметить, что в настоящее время широкое распространение получила идеология постмодернизма. Исследователи полагают, что развитие постмодернизма имеет место в условиях глобализации и напрямую зависит от развития гиперконсьюмеризма, технологий, распространения экономики опыта и впечатлений. Для начала рассмотрим общекультурный смысл данного понятия, который Е. В. Мошняга определяет как «культурно-историческую ситуацию, особый культурный канон, новый тип порядка, особый тип самосознания и мышления, специфический образ мировосприятия, мироощущения». Исследовательница утверждает, что постмодернизм в наше время является философской концепцией и типом мировоззрения, которые влияют на закрепление в обществе определенных ценностей, взглядов, паттернов поведения, моделей коммуникации и типов потребления [Мошняга, 2014]. Автор подчеркивает, что «происходит

переориентация с материального и духовного на преимущественно чувственный опыт познания», а в туризме на сегодняшний день отражаются процессы, вызванные постмодернизмом как культурой, эстетикой, особым типом мышления и мировосприятия. Вследствие этого происходит формирование нового видения туризма – «посттуризма». Туризм выходит за рамки своего привычного понимания, теперь он ориентирован на нового потребителя – «посттуриста», которому Е. В. Мошняга дает такое определение:

«Посттурист – это тип постсовременного туриста, который удовлетворяется имитацией и симуляцией реальности, артефактами постановочной и сконструированной аутентичности, осознавая, что это лишь игра, в которую следует играть, т. е. это искусственный путешественник, который наслаждается игровым и эстетическим опытом в процессе гедонистического потребления знаков, символов и образов культуры» [Там же].

Таким образом, можно утверждать, что у человека изменились восприятие мира и тип мышления, вследствие чего изменились и его потребности. Индустрия туризма, как и вся сфера услуг, ориентирована на новые потребности, чтобы быть интересной для потребителя. Теперь образы – это основополагающая часть разработки туристского продукта, продвижения дестинации, туристских кластеров и т. п. Визуальное восприятие дано человеку от природы, оно вызывает быстрый эмоциональный отклик, который для большинства выступает ориентиром в принятии решений.

Визуальное потребление в сфере туризма

Влияние на бессознательное через визуальные образы активно используется в сфере услуг, так как это мощнейший инструмент воздействия на потребителя в новую эру. В индустрии туризма этот инструмент особенно важен, образ играет здесь ключевую роль, так как продажа туристского продукта ведется именно по образцам. Н. Е. Буйнова утверждает, что современный туризм находится на той стадии развития, когда он превращается в сферу «визуального потребления» [Буйнова, 2009]. Его характеризуют следующие черты:

- конструирование гиперреальности, являющейся отражением той части достоверной действительности, которую желают приукрасить и адаптировать для массового потребителя ее авторы;
- присвоение и обладание заранее сконструированной реальностью посредством новых технологий;
- формирование устойчивого рынка потребительского спроса на визуальные впечатления посредством привлечения средств массовой

коммуникации: использование рекламы в печатных СМИ и издание соответствующих туристских каталогов, привлечение Интернет-ресурсов и ТВ-индустрии;

- широкое использование сувенирной продукции в качестве предмета и элемента гиперреальности;
- использование мотива уникальности, исключительности культурной обстановки отдельного региона, даже если его посещение предполагает стандартный набор достопримечательностей и оказываемых услуг;
- установка на создание заранее благоприятного отношения к стране и предполагаемой поездке у туриста, настрой на «правильное» восприятие тура в целом [Там же].

На сегодняшний день тема «визуального потребления» в сфере туризма остается актуальной; более того, сам турист все больше заинтересован именно в образе дестинации, который транслируется через фото- и видео-контент в виртуальном пространстве, поэтому чаще всего выбор туриста падает на «фотогеничную» дестинацию, освещаемую на телевидении, в социальных сетях и видеохостингах, travel-блогерами и рядовыми пользователями. Нередко он стремится посетить места, где бывали значимые для него люди, почувствовать себя на их месте, испытать те же чувства и эмоции, что испытывали они; также его может заинтересовать эстетика самой дестинации, которая будет совпадать с его внутренним мироощущением. Приятным дополнением станут отличные фотографии, которые можно будет разместить в социальных сетях, отметить геолокацию и поставить хэштеги, дабы подтвердить факт совершенного им путешествия. Особенно это характерно для молодого поколения – «людей экрана». Специалисты в сфере развития туристского потенциала дестинации, туристских кластеров, отдельных направлений обязаны ориентироваться на тренды, развивая эстетическую составляющую своего продукта, демонстрируя его через образы, делая их доступными для потребителя.

Роль фотографии в современном обществе

Визуальные образы окружали человека всегда, но в большинстве своем они воспринимались человеком напрямую, без посредников (например компьютера или смартфона). Сейчас же большое распространение получили образы, являющиеся кем-то уже увиденными и запечатленными его цифровой техникой, которые доступны для нашего восприятия через экраны электронных устройств. Так, не явля-

ясь свидетелями того, что нам демонстрируется, не взаимодействуя с этим напрямую, мы получили возможность увидеть практически все, что есть в мире.

Несомненно, значимую роль здесь играет фотография, однако в XXI в. она больше не представляет собой нечто уникальное, доступное лишь привилегированной части общества. Если 25–30 лет назад получение фотографии было достаточно трудоемким процессом, то с бурным развитием цифровых технологий сейчас для получения качественной фотографии не требуется даже фотоаппарат – на смену ему пришел смартфон, с помощью которого за доли секунды можно сделать снимок и поделиться им в социальных сетях на обозрение всему миру.

Раньше человек мог лишь воспринимать визуальный контент, теперь же ему представилась возможность стать его создателем. Это связано с активным распространением относительно недорогой цифровой техники и появлением социальных сетей. Изменилось и значение фотографии в современном обществе. Фотография теперь не только носитель воспоминаний, но и способ презентации и самовыражения своей личности в виртуальном пространстве. Главными площадками для этого становятся социальные сети, где человек обращает на себя внимание, получает признание и одобрение. Как отмечают А. В. Маричева и Н. О. Паламар, выставляя фотографии, короткие видео, и фиксируя это цитатой или хештегом, создается некий виртуальный «дневник» реальной жизни. Это непрерывный процесс самопрезентации и самоидентификации [Маричева, Паламар, 2019].

Роль фотографии в туризме

Фотография играет весомую роль в сфере туризма. Путешествие буквально начинается и заканчивается фотографией. Сначала посредством образа, запечатленного камерой, турист осуществляет выбор места отдыха, затем, находясь на выбранной локации, делает серию снимков своего путешествия, при желании и возможности выкладывает полученные фотографии в социальные сети, а по возвращении в место постоянного пребывания пересматривает снимки, оставляя их как напоминание о былых переживаниях и впечатлениях. Невозможно представить современного туриста без смартфона или фотоаппарата – это уже устоявшийся образ. Подтверждением тому может служить простой запрос слова «турист» в поисковой строке «Яндекс» или «Google», первыми найденные ими изображения демонстрируют людей с фотоаппаратом. Более того, уже сейчас все большую известность приобретает такой феномен, когда отпуск человека превраща-

ется в непрерывный процесс фотографирования. Через полученные визуальные образы он отождествляет себя с этим местом, «присваивает» его себе, этому феномену социологи дали понятие «Синдром Кодака».

С. А. Лишаев определяет фотографию в культуре современного путешествия как «конструктивный элемент, объединяющий разные моменты динамической структуры тура», «фотография, полученная туристом – это фотография двойного назначения: она призвана удерживать образ достопримечательности (ландшафта), служить памяткой (напоминанием) о путешествии (то есть хранить яркие впечатления)» и указывать на то, что это путешествие действительно было [Лишаев, 2009]. Фотография – это знак реальности вещи, демонстрировавшей туристу свою реальность (знак вещи, обращенной в знак своего присутствия), и знак (свидетельство) того, что турист действительно, на самом деле совершил это путешествие». Однако такое определение роли фотографии остается недостаточно полным в силу того, что оно характеризует действительность приблизительно пятнадцатилетней давности. Туристская фотография в наши дни – это фотография тройного назначения. Ко перечисленным С. А. Лишаевым аспектам можно добавить третий – возможность трансляции путешествия на виртуальную аудиторию, показать состоятельность и успешность, обозначить собственную позицию как человека, открытого к изучению нового, готового исследовать этот мир и делиться своим опытом с окружающими. А. А. Лисенкова пишет о том, что в Instagram-презентациях фотографии путешествий занимают особое место у «праздного класса», они «служат не только маркером состоятельности, но и объектом самокатегоризации презентуемого через собственное присутствие», а также «подтверждением собственного существования, качества жизни и проведения досуга в глазах других».

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что фотография играет важную роль в сфере туризма. Фотография формирует положительный имидж территории, от ее качества и привлекательности зависит желание туриста посетить то или иное место, что особенно важно для популяризации и продвижения туристского продукта. Достаточно большую роль играет фотография и для туриста – она является доказательством совершенной поездки, напоминанием о ней, а главное – способом продемонстрировать свой отдых другим (чаще всего в виртуальном пространстве), поделиться эмоциями и впечатлениями, заявить о себе, о своих интересах и увлечениях, а также, в какой-то степени, показать свою состоятельность.

Понятие визуального туризма

Чтобы понять, что такое визуальный туризм, обратимся к теории Дж. Урри, которую приводит С. К. Волков [Волков, 2013]. Урри развил ее в книге «The Tourist Gaze». Он полагает, что главным мотивом туриста для совершения туристической поездки является поиск зрительных впечатлений, которых человек не получает в повседневной жизни, а основное занятие туриста во время путешествия – «глядеть». Что же касается туристской привлекательности территории, то она напрямую зависит от количества достопримечательностей и «фотографируемых» мест. Несмотря на то, что данная теория не может в равной степени распространяться на все существующие виды туризма, например, на экстремальный или гастрономический, она может быть применима к визуальному туризму.

На основе вышеперечисленного, можем вывести следующее определение феномена визуального туризма:

Визуальный туризм – это разновидность туризма, направленная на посещение мест, дестинаций, наиболее привлекательных для туриста с эстетической точки зрения, обладающих узнаваемыми образами, которые отражают их аутентичность, с целью визуального ознакомления с ними, с сопровождаемой фотосъемкой историко-культурных памятников, природных ландшафтов, памятников архитектуры и т. д., а также самого туриста на их фоне.

Для такой разновидности туризма характерно сочетание с другими видами туризма. Среди них можно выделить культурно-познавательный, мрачный, экологический, пляжный, фототуризм и др. Но при этом визуальный туризм может быть определяющим; основной интерес он вызывает у самостоятельных туристов. При совершении визуального тура туристу важно получить яркие эмоции и впечатления от того места, куда он направляется, оно должно соответствовать его ожиданиям, действительность должна совпадать с тем, что он видел в туристических брошюрах, на фотографиях и видео в Интернете, он желает получить подтверждение тому, что виденное существует, и в качестве доказательства сфотографировать увиденное. Фотография для данной категории туристов играют ключевую роль:

1. На них они ориентируются, когда выбирают куда отправится. Чем больше эмоциональный, отклик, вызванный фотографией, тем больше вероятность того, что свой выбор турист сделает в пользу этого места.

2. Фотосъемка сопровождает туриста на протяжении всей поездки, она может быть как любительской, так и профессиональной.

3. Наиболее удачные фотографии публикуются в социальных сетях. Цели таких публикаций могут быть самыми разными: поделиться впечатлениями с виртуальной аудиторией, показать, то, что человек может позволить себе путешествовать, что он материально обеспечен и др.

4. Просматривая фотографии, турист возвращается к прежним эмоциям и переживаниям. Если поездка действительно произвела на туриста положительное впечатление, то сделанные им фотографии могут способствовать тому, что он снова захочет вернуться в то место, где был сделан снимок.

Портрет визуального туриста

В то же время визуальный туризм – это своеобразная форма рекреации, которая помогает человеку ненадолго отпустить проблемы, заботы и переживания и насладиться красками жизни, запечатлеть то прекрасное, что есть в мире, как в своей памяти, так и на фотографии. Данную разновидность туризма пока сложно идентифицировать в качестве отдельной разновидности, но как феномен она прослеживается практически в каждом организованном туре. Если описать визуального туриста, к примеру, на экскурсии, то он предстанет перед нами как мало заинтересованный тем, что говорит экскурсовод и на какие объекты показа обращает его внимание, а скорее будет искать что-то уникальное для себя, то, что вызовет эмоциональный отклик, «порадует глаз». Ему сложно долго концентрировать внимание на чем-то определенном, ему становится неинтересно, он устает, поэтому важно знать особенности данной категории туристов.

Целевая аудитория визуального туризма в большей своей части – молодежь, обладающая «клиповым мышлением», люди творческих профессий или просто увлекающиеся творчеством, пользователи социальных сетей, блогеры.

Особенно важно выделить требования к локациям и дестинациям, которые предъявляет данная категория туристов. К основным можно отнести:

- «Фотогеничность» места, которое дает возможность сделать красивые фотографии, опубликовать в социальных сетях.
- Наличие определенных символов или образов, посредством которых можно узнать дестинацию.
- Чистоту территории, наличие общественных рекреационных зон.
- Хорошую репутацию локации или дестинации.
- Легкую узнаваемость.
- Возможность указать геопозицию и отметить дестинацию в социальных сетях.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что феномен визуального туризма становится все более массовым по причине значимых изменений в жизни человека в последние десятилетия. Визуальный турист – человек нового поколения, который обладает визуальным мышлением, воспринимает мир через чувства и эмоции, а эстетика в его жизни играет не последнюю роль. Исходя из этого, нужно создавать определенный имидж территории, которой будет способен его заинтересовать. В настоящее время очень важно завоевывать внимание данной категории туристов, так как это один из способов популяризации и продвижения дестинации или локации в виртуальной сети.

Буйнова Н. Е. Туризм как визуальное потребление // Изв. высш. уч. заведений: Социология. Экономика. Политика. 2009. № 2. С. 11–23.

Волков С. К. Аналитический анализ туристской привлекательности территории с позиции Джона Урри // Маркетинг в России и за рубежом. 2013. № 6. URL: <https://dis.ru/library/529/35348/> (дата обращения: 30.11.2022).

Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3. С. 66–71.

Лишаев С. А. Культура тура (к анализу фото-конструкции путешествия) // Вестн. Самар. гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2009. № 2. С. 11–23.

Маричева А. В., Паламар Н. О. Психологические особенности проявления архетипа Персоны у молодежи в сети Instagram // Вопр. науки и образования. 2019. № 1 (42). С. 161–167.

Мошняга Е. В. Развитие туризма в эпоху постмодернизма // Вестн. РМАТ. 2014. № 2. С. 16–20.

Назаренко А. С., Тихонова О. В. Тревел-блогинг в Instagram и YouTube: влияние пандемии // Медиаальманах. 2022. № 1. С. 68–74.

Фокин А. А. Эпоха Интернет-визуальности: YouTube, Instagram, gif, Coub // Челябин. гуманитарий. 2013. № 2 (23). С. 80–85.

УДК 379.851:004

Д. С. Потехина,
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА

Статья посвящена изучению возможностей использования технологий VR- и AR-реальности с целью продвижения объектов промышленного

туризма. Раскрыт соответствующий понятийный аппарат, проанализированы преимущества использования цифровых технологий в рассматриваемом сегменте туризма. В качестве основных источников информации на данном этапе исследования используются практики промышленного туризма на различных предприятиях Российской Федерации, на их основании проводится сравнительный анализ применяемых инструментов продвижения и организации промышленных посещений. Ключевым источником информации, представляющим особую ценность, является мнение экспертов-практиков, изучение которого необходимо для выявления проблем, затрудняющих организацию промышленных туров, для оценки применимости цифровых инструментов и их эффективности для снижения степени влияния проблемных аспектов, выделенных ранее в исследовании. На современной стадии развития общества, поиска региональной идентичности исследование приобретает особую актуальность. Полученные данные можно использовать как основу для формирования маркетинговой кампании по продвижению промышленных туров, а также с целью актуализации и дополнения существующих предложений от предприятий, что может способствовать повышению туристской привлекательности промышленного туризма и объектов.

Ключевые слова: промышленный туризм, Urban Exploration, цифровые технологии, цифровизация, урбанистика.

Индустрия туризма с каждым годом расширяет объем услуг при помощи внедрения различного рода инноваций, благодаря чему конечный продукт совершенствуется и усложняется, появляются новые направления туризма.

В рамках нашего исследования необходимо обозначить несколько тенденций развития современного общества, обуславливающие актуальность работы: прежде всего, это набирающая темпы цифровизация и появление феномена «медиасреда». По мнению Н. Б. Кирилловой, «медиасреда – то, что нас окружает повседневно, совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество массовых коммуникаций (печатать, видео, кино, Интернет) связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает» [Кириллова, 2006, с. 66].

Стоит подчеркнуть, что некоторые исследователи говорят о феномене не просто среды, а целого «виртуального города» (media-architecture complex): медиа становятся средством взаимодействия людей не только друг с другом, но и с окружающей средой, позволяющим по-новому взаимодействовать с пространством [Маккуайр, 2014, с. 5].

Отметим еще одну тенденцию: современная обстановка в мире является лимитирующим фактором для развития туризма. Индустрии приходится переориентироваться на внутренний рынок и рас-

смаатривать региональные ресурсы для инвестиции и развития новых территорий.

Для решения возникающих проблем специалисты в сфере туризма стараются определить локальную идентичность региона, на основе которой формируются новые концепции туров; также это стимулирует развитие специфических форм туристской деятельности.

Одной из таких форм деятельности является индустриальный туризм – исследование территорий и объектов производственного или специального назначения, а также любых покинутых (заброшенных) сооружений с целью получения психического и эстетического удовольствия или удовлетворения исследовательского интереса.

Уместно обратить внимание на то, что в индустриальном туризме есть перспективные для развития аспекты: увеличение туристской привлекательности региона, диверсификация экономики моногородов и т. п.

Существует ряд проблем, препятствующих развитию и распространению индустриального туризма:

1. Индустриальные объекты в большей степени заброшены или разрушены.
2. Низкий уровень информационного обеспечения объектов.
3. Потребность в крупных инвестициях.
4. Большое количество «режимных» объектов: для того, чтобы попасть на то или иное предприятие, необходимо собрать большой пакет документов, затем пройти процедуру согласования, что порой может занять до нескольких месяцев.
5. Труднодоступность многих объектов из-за недостаточного уровня развития транспортной сети.

Как отмечают эксперты Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» в материалах «Опыт просветительных форм работы на действующих индустриальных объектах, прошедших музеефикацию», существует еще ряд аспектов, которые были выявлены на основе практической деятельности музея-заповедника:

1. Длительность экскурсии – в среднем экскурсия по индустриальному объекту занимает полтора-два часа.
2. Высокая степень ответственности при нахождении на объекте с детьми.
3. Необходимость специальной одежды, обуви, малочисленность группы.
4. Большая зависимость от погодных условий.
5. Низкий уровень инклюзивности индустриальных объектов.

В результате делается вывод: посетители оказываются не готовы к посещению промышленного объекта, что негативно сказывается на состоянии. Возникают усталость, нервозность, формируется недо-вольство оказанной услугой.

Неизбежно возникает вопрос: каким образом специалистам в дестинациях с богатым промышленным наследием развивать индустриальный туризм и привлекать новые сегменты аудиторий?

На основе анализа тенденций цифровизации можно предположить, что один из множества вариантов ответа на него – это применение различного рода цифровых инструментов для проектирования и организации индустриальных туров.

Самыми яркими и перспективными с точки зрения возможностей применения являются технологии AR- и VR-реальности. Рассмотрим каждую из них более подробно:

AR-технологии – «augmented reality» («дополненная реальность») – технологии, позволяющие использовать элементы цифровой среды в реальном мире с помощью различных устройств для получения дополнительных сведений об окружающей действительности [Скрынникова].

Современный уровень развития AR-технологий упрощает их эксплуатацию как со стороны пользователя – достаточно иметь устройство с выходом в интернет (смартфон, планшет), так и со стороны представителя туриндустрии: существуют программы и приложения с дружественным интерфейсом, сводящим создание дополненной реальности к нескольким шагам.

Механика AR-реальности может быть представлена в нескольких форматах.

1. Объект в дополненной реальности появляется при наведении камеры на физический оригинал или маркер.

2. В дополненной реальности появляется пространство в режиме 360°.

3. На физическом оригинале появляются дополнительные элементы в дополненной реальности – фото и видео-контент.

4. Есть возможность добавления интерактива (запуск анимации или видео по нажатию, переход на сторонние веб-ресурсы).

Применение AR-технологий в индустриальном туризме имеет достаточно широкий спектр. Например, в качестве вспомогательного инструмента в экскурсии, который позволит реконструировать вид частично сохранившегося здания, просмотреть ретроспективу объекта за счет QR-меток [Утробина, Попов, 2021]. Так же с помощью

AR-технологий посетителю можно показать те участки производства, которые не предназначены для туристов из-за низкого уровня безопасности; или же в качестве интерактивного формата возможно организовать цифровое взаимодействие с объектами производства.

VR-технологии – «virtual reality» («искусственная реальность») – созданная с помощью технических средств новая реальность, воздействующая на все органы чувств человека.

Виртуальная реальность имитирует реальный мир и происходящие в нем процессы. Для перехода из реального в виртуальный мир необходимо использование специальных устройств: VR-очков, VR-костюмов и VR-комнат [Скрынникова].

Как отмечают эксперты, этот сегмент цифровых технологий развивается значительно медленнее, чем сектор AR-технологий из-за того, что для эксплуатации необходимо специализированное оборудование, в большинстве своем дорогостоящее, а также наличие постоянного специалиста-наблюдателя.

Применение VR-технологий, в некоторой степени, – следующая ступень развития цифрового или виртуального промышленного туризма, доступная крупным предприятиям. Этот сегмент технологий может использоваться, например, в музеях и музейных комплексах, расположенных на территории промышленных объектов. В этом случае применение таких технологий может быть выгодно с точки зрения делового туризма и демонстрации для потенциальных инвесторов возможностей завода и производимой им продукции на качественно новом уровне.

Согласно исследованию, проведенному в 2019 г. Ассоциацией виртуальной и дополненной реальности России и СНГ, 85 % промышленных предприятий в России предпочитали использовать технологии дополненной реальности, чем технологии виртуальной реальности. В 2020 г. уже более 68 % промышленных предприятий в России собирались инвестировать в развитие AR-технологий [Мотренко].

На основании анализа широкого функционала и областей применения VR- и AR-технологий отметим, что их эксплуатация в большинстве своем решает проблемы, связанные с лимитирующими факторами организации промышленных туров.

1. Прежде всего это аспекты безопасности, которые являются основным препятствием при организации промышленных туров. На сегодняшний день существует очень мало предприятий, которые уже на этапе строительства проектировали специальные маршруты для туристов. Один из ярких примеров – АО «Челябинский трубопрокатный завод» (входит в ПАО «ТМК») цех «Высота 239». В остальных случа-

ях перемещение туристов проектировалось уже после строительства заводской линии, а потому не всегда соответствует требованиям безопасности. Возможности виртуального посещения промышленного объекта гарантируют безопасность для посещения и отсутствие какого-либо влияния на процесс производства.

2. Следующий аспект, который неразрывно связан с безопасностью – это расширение спектра групп, посещающих промышленный объект. Возможности виртуальных технологий позволяют изучать производство буквально из разных частей света, что позволяет показать тот или иной объект детям, иностранным туристам, а также, при определенной корректировке, адаптировать показ процесса производства для людей с разными категориями инклюзии.

3. С учетом низкого уровня информационного обеспечения и продвижения промышленных объектов применение виртуальных технологий в промтуризме может стать перспективным инструментом для продвижения той или иной дестинации. Использование виртуальных технологий дает возможность потенциальному туристу познакомиться с возможностями региона и выбрать для себя наиболее интересные объекты [Иванов].

4. Наконец, это аспект впечатлений. В большинстве случаев при посещении промышленных объектов туристы полагаются на собственную фантазию через речь экскурсовода, которая не всегда может быть понятна. Однако применение виртуальной реальности может решить эту проблему: экскурсовод может показать, как выглядел тот или иной промышленный объект или что находится внутри станка или механизма. Ярким примером использования такой технологии можно назвать Смитсоновский музей (США), где в ходе экскурсии посетители могут навести смартфон на скелет животного и увидеть, как выглядело его тело. А некоторые экспонаты при этом оживают: например, на скелете летучей мыши показывается, как «ходят» рукокрылые [Виртуальная реальность]. Примером успешного использования виртуальных технологий в промышленной среде можно назвать упомянутый ранее цех «Высота 239» на Челябинском трубопрокатном заводе, где в формате геймифицированного видео рассказывается о технике безопасности на экскурсии.

Таким образом, использование AR- и VR- технологий в промышленном туризме в перспективе позволит увеличить показатели туристских посещений, а в долгосрочной перспективе стабилизировать турпотоки в регионы с богатым промышленным наследием, что может оказать позитивное влияние на имидж и экономику подобного рода дестинаций.

Применение виртуальных технологий является перспективным дополнением к уже существующим промышленным продуктам и может стать основой для формирования туристских предложений нового типа.

Виртуальная реальность в туризме: 8 VR приложений для путешествий и туризма // Воронежский клуб отдыха и путешествий. URL: <https://vmtravelclub.ru/raznoe-2/virtualnaya-realnost-v-turizme-8-vr-prilozhenij-dlya-puteshestvij-i-turizma.html> (дата обращения: 30.08.2022).

Иванов А. Как изменят нашу жизнь технологии виртуальной реальности // Iot.ru: Новости интернета вещей. URL: <https://iot.ru/gadzhety/kakizmenyat-nashu-zhizn-ustroystva-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 15.08.2022).

Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект, 2006. URL: https://mediaeducation.ucoz.ru/_ld/1/127_._-_.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014.

Мотренко Е. VR перемен: как измененная реальность завоевывает реальную // Известия.RU. URL: <https://iz.ru/951621/elena-motrenko/vr-peremen-kak-izmenennaiarealnost-zavoevyvaet-realnuiu> (дата обращения: 28.08.2022).

Скрынникова А. Все, что нужно знать про VR/AR-технологии // RB.ru. URL: <https://rb.ru/story/vsyo-o-vr-ar/> (дата обращения: 28.08.2022).

Утробина Е. С., Попов В. П. Использование AR/VR технологий в мобильных картографических приложениях для развития сферы туризма // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-ar-vr-tehnologiy-v-mobilnyh-kartograficheskikh-prilozheniyah-dlya-razvitiya-sfery-turizma> (дата обращения: 25.08.2022).

УДК 379.85:004

А. А. Тарасенко

Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ТУРИЗМЕ: ОПЫТ УРАЛЬСКОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ БИЕННАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Несмотря на то, что индустриальный (промышленный) туризм для Свердловской области официально признан перспективным направлением, его возможности, в силу многих факторов, реализованы не в полном объеме. Одним из мероприятий, на протяжении одиннадцати лет успешно развивающих тему индустриальности, является международная выставка современного искусства — Уральская индустриальная биеннале.

Помимо общей информации об индустриальном туризме и его особенностях в контексте региона, представлены данные о преимуществах

и влиянии внедрения новых технологий в туристскую сферу. Также приведено описание Уральской биеннале современного искусства: общие сведения о мероприятии, программах, анализ вклада мероприятия в индустрию туризма Свердловской области, информация о наиболее ярких примерах применения инновационных технологий на площадках мероприятия во временной динамике.

Ключевые слова: современное искусство, производственные экскурсии, биеннале, цифровые технологии, мультимедиа, интерактивность, индустриальный туризм, промышленность, Урал, Свердловская область.

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией все больше россиян при выборе места отдыха предпочитают обращаться к возможностям внутреннего туризма. Многовековая история и обширная география Российской Федерации предоставляет туристам богатый выбор разновидностей внутреннего туризма. В данной работе мы рассмотрим, во многом характерный и предпочтительный для развития в Уральском федеральном округе индустриальный (промышленный) туризм.

Стоит также подчеркнуть, что, согласно Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 г., промышленный (индустриальный) туризм в Свердловской области назван приоритетным направлением [Об утверждении концепции...].

Начнем с общего определения индустриального туризма. Под ним понимается организованное посещение действующих предприятий с целью удовлетворения познавательных, профессионально-деловых и прочих потребностей [Полянина, Докашенко, 2014, с. 1773]. И хотя возможностей реализации вышеупомянутого вида туризма достаточно много, наиболее часто реализуемыми являются тематические туры и экскурсии на предприятия. В зависимости от различных вариантов реализации, данный тип туризма может быть интересен для разного рода аудитории. Однако, несмотря на огромный потенциал, промышленность пока не так широко представлена в туристической среде (в России на промышленный туризм приходится всего 3–4 % туррынка [Аноприева, Ясенюк, 2016, с. 239]).

Стоит отметить, что данный вид туризма достаточно редко реализуется автономно. Такие виды туризма как культурно-познавательный, фестивальный, экстремальный, музейный, этнический, экспедиционный и многие другие, как правило, практикуются в комбинации с промышленным.

Благодаря специфике Уральского региона сочетание индустриальной и познавательной разновидностей туризма в формате посе-

щения комбинированных экскурсионных туров на действующие предприятия, производственные объекты, где посетители смогут познакомиться с процессом производства, представляет собой один из важнейших факторов развития промышленного туризма в Свердловской области. Среди наиболее перспективных с точки зрения туризма современных промышленных комплексов официально представлены: музей военной и автомобильной техники в г. Верхняя Пышма (является крупнейшим военно-историческим и техническим центром в Российской Федерации за пределами Москвы), колокольный завод «Пятков и Ко» в г. Каменске-Уральском, «Мотодом» в г. Ирбите, Алапаевскую узкоколейную железную дорогу в г. Алапаевске и предприятие «Фарфор Сысерти» в г. Сысерти. Особую ценность с точки зрения въездного туризма представляют действующие металлургические, машиностроительные и высокотехнологичные предприятия, такие как акционерное общество «Уралэлектромедь», акционерное общество «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод” имени Ф. Э. Дзержинского», публичное акционерное общество «Северский трубный завод», акционерное общество «Первоуральский новотрубный завод» и др. При большинстве указанных объектов существуют музейные комплексы [Об утверждении концепции...].

Целью настоящей статьи является рассмотрение Уральской индустриальной биеннале – действительно значимого не только для сферы туризма в Уральском регионе, но и для современного искусства событие, а также определить его роль в контексте индустриального туризма.

Уральская индустриальная биеннале, реализуемая по инициативе Уральского филиала Государственного центра современного искусства с 2010 г., является наиболее известным и крупным международным проектом в сфере современного искусства на территории Российской Федерации. Биеннале проходит каждые два года в Екатеринбурге и городах Уральского региона [О биеннале]. По сути, каждая биеннале есть большая международная выставка, которая проходит в пространстве, имеющем отношение к индустриальной истории Уральского региона, и раскрывает основную тему биеннале. Тему проекта команда выбирает коллективно, отталкиваясь от произошедших событий и собственных идей. Так, например, в 2021 г. выставка называлась «Время обнимать и уклоняться от объятий», поскольку на повестку биеннале были вынесены телесность, касание и право на прикосновение. Релевантность выбранной темы для времени пандемии COVID-19 подчеркнута комиссаром биеннале Алисой Прудниковой в интервью газете «Ведомости» накануне открытия шестой Уральской индустриальной биеннале: «Если в первые встречи, посвя-

ценные тематизации биеннале, мы обращали внимание на меняющиеся конвенции межличностного общения, на этику прикосновения, на механику жестов, то сейчас нам явлена недвусмысленная невозможность контактов. Как бы далее ни разворачивались события, опыт этого переживания, этой глобальной остановленности и невозможной близости отпечатается в нашей обыденности. Мы не знаем, что будет в 2021 г., но полагаем, что к моменту запуска 6-й биеннале мы будем хорошо понимать, в каком времени находимся, и будем знать, можно ли рассчитывать на объятия или же от них все еще следует уклоняться» [Шилова].

Придумать и создать саму выставку входит в обязанности приглашенных кураторов. Среди кураторов прошлых лет Екатерина Дёготь, Давид Рифф, Космин Костинас, Яра Бубнова, Бильяна Чирич, Ли Чженьхуа, Жоан Рибас. Один из основополагающих смыслов данной выставки – обращение современных художников к индустриальному контексту и прошлому региона.

Начиная с 2010 г., выставка выросла до одного из важнейших проектов в сфере российского актуального искусства. За это время в ней приняло участие более 300 художников из 70 стран, а площадками стали 14 заводов Екатеринбурга и региона. Уральская биеннале единственная из российских входит в Международную ассоциацию биеннале (The International Biennial Association).

Такая арт-интервенция в деятельность крупных промышленных предприятий, хорошо известных любому, кто знаком со значительным влиянием промышленности на прошлое нашей страны, показывает неразрывную связь, важный культурный симбиоз художника и места.

За время существования Уральской индустриальной биеннале Екатеринбург, Магнитогорск, Челябинск и многие другие города Уральского региона успели принять участие в проекте, предоставили площадки для создания или показа различных объектов и перформансов современного искусства. Крупными «поставщиками» таких площадок стали промышленные предприятия и заводы, например: Уральский оптико-механический завод, Уральский приборостроительный завод, а также бывшее здание типографии «Уральский рабочий», бывшее здание гостиницы «Исеть», в которых благодаря переходу эконо-мики в постиндустриальную эру освободились цеха, залы, целые здания и другие помещения, переданные владельцами предприятий под нужды художников.

Одним из факторов, позволившим предположить успешность проекта, стала история Уральского региона, которая буквально пропитана промышленностью всех сортов и форм. Старопромышленный

индустриальный комплекс Урала по праву называется одним из самых мощных в России. Отрасли рыночной специализации Уральского экономического района включают в себя черную и цветную металлургию, горнодобывающую промышленность, машиностроение и многие другие. Таким образом, индустриальность региона, являвшаяся когда-то важным ресурсом для экономики Урала с точки зрения производства и промышленности, продолжила играть важную роль в экономике региона, сменив вектор на сферу культуры и туризма.

Изначально такой необычный выбор площадки для художников был обусловлен элементарным отсутствием специального пространства для выставки современного искусства, возможно, по причине скептического отношения академического сообщества. Впрочем, со временем стало очевидно, что слова Алисы Прудниковой о том, что «проект помог городу стать выдающимся местом на мировой культурной карте», «занять свою четкую нишу» – это не просто слова. Нельзя оставить без внимания тот факт, что подобные проекты не только открывают новые смыслы в искусстве, позволяют изменить среду города и делают серые будни рабочих не такими серыми, но, что немало важно, привлекают в город талантливых художников, делают город притягательным для туристов.

Начиная с 2021 г. в структуру биеннале был введен open-call. Таким образом, вдохновившись изменениями городской среды, которые повлекла за собой биеннале и прочие подобные выставки в таких городах как Черноисточинск, Выкса и т. д., у жителей городов Уральского региона появилась возможность предложить организаторам свой город в качестве площадки для проведения выставки. Выбранные командой биеннале города стали «арт-резиденциями Уральской индустриальной биеннале».

Вторая индустриальная биеннале ознаменовала начало программы арт-резиденций. Сама суть вышеупомянутой программы разительно отличается от привычных для арт-сообщества студийных резиденций. Участники биеннале – художники со всего мира – создают произведения искусства непосредственно на действующих предприятиях Уральского региона. От логики «каждому художнику по заводу» программа двигалась в логике коллективного художественного исследовательского проекта, создала практику индустриальных художественных маршрутов по Уралу, обратилась к работе не только с пространствами, но и индустриальными территориями (плотины, разрезы, карьеры). Программы послужили катализатором роста интереса аудитории не только к искусству, но и к промышленным предприятиям.

Экскурсионные маршруты по арт-резиденциям, называемые «маршруты биеннале», представляют собой организованные групповые поездки с целью посещения двух и более промышленных предприятий, имеющих отношение к выставке. Для примера рассмотрим один из маршрутов биеннале, представленных в 2021 г., «однодневный маршрут 6-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства: Екатеринбург – Асбест – Екатеринбург». В программу мероприятия вошли экскурсии по историческому и геологическому музеям горнодобывающего комбината «УралАсбест» – градообразующего предприятия города Асбест, посещение пивоварни «Jaws» в г. Заречный, посещение карьера Баженовского месторождения, а также завода теплоизоляционных материалов «Эковер» с возможностью увидеть процесс производства и побеседовать с работниками. Ключевой точкой программы стало посещение дворца культуры города, в котором происходило открытие работы одного из художников биеннале – Бехзада Нури.

Подобного рода программы помогают открыть сайт-специфические проекты, дают возможность привлекать в свои города людей искусства, туристов, инвесторов, позволяют менять городскую среду, развивать локацию со многих ракурсов. Такие проекты безусловно работают на благо района, повышают осведомленность населения об определенной дестинации, дают толчок развитию районов в туристической сфере. Однако, стоит отметить, что масштабные положительные изменения происходят в том случае, когда градообразующие предприятия (как правило, крупные заводы) поддерживают изменения.

В контексте индустриального туризма проекты, подобные Уральской индустриальной биеннале, предоставляют возможность региону показать индустриальную и локальную специфику, свою идентичность. Такой симбиоз масс и искусства позволяет постоянно открывать новые грани, тем самым притягивая людей разного пола и возраста, которым тема индустриальности может быть интересна по разным причинам.

Важная роль в ходе биеннале отведена работе с аудиторией. Подавляющее большинство мероприятий проекта интерактивное и зритель, как правило, вовлечен в процесс. В программе выставки существует множество мероприятий, способных заинтересовать разные возрастные и социальные группы. Например, для семей с детьми организованы семейные экскурсии-исследования, наполненные играми и творческими активностями, а также бесплатные мастер-классы для детей и подростков; а для людей старшего поколения организованы бесплатные творческие мастерские и экскурсии.

Тема промышленности и возможностей ее использования в туризме относительно новая для России, а потому интересна для аудитории. Нельзя не отметить и ее перспективность. Индустриальность района не ограничивается заводами (пример – одна из основных площадок третьей Уральской индустриальной биеннале, гостиница «Исеть»), а значит, при должном внимании и наличии новаторского подхода промышленный туризм обладает огромными творческими ресурсами. Охватив лишь одно из ответвлений этого типа туризма, Уральская индустриальная биеннале оказывает огромное влияние на инфраструктуру региона, раскрывает его туристический потенциал. Данный проект не только полезен с точки зрения социокультурного программирования на новые свершения жителей Уральского региона, он еще и креативен.

В заключение необходимо подчеркнуть, что хотя к индустриальной повестке начали обращаться еще в 1990-е гг., это направление по-прежнему недостаточно развито. Поэтому существует много возможностей использования растущей волны интереса к индустриальной тематике. Уральская индустриальная биеннале, опираясь на связь современного искусства и промышленного прошлого региона, на протяжении одиннадцати лет успешно реализует свою программу и тем самым вносит значительный вклад в развитие индустриального туризма в Уральском регионе.

Аноприева Е. В., Ясенюк Д. Н. Промышленный туризм в развитии территорий: от теории к практике. // Событийный туризм – основа реализации туристского потенциала территорий: актуальные задачи, проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. в рамках V фестиваля туризма, Белгород, 24–25 сент. 2016 г. Белгород, 2016. С. 255–262.

О биеннале. Подробно об Уральской индустриальной биеннале современного искусства. URL: <https://uralbiennale.bm.digital/article/751699099722474168/o-biennale> (дата обращения: 10.10.2022).

Об утверждении концепции «Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года» : пост. Правительства Свердл. обл. от 1.08. 2019 № 488–ПП // Электрон. фонд правовых и норм.-тех. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561486332> (дата обращения: 10.10.2022).

Полянина С. С., Докашенко Л. В. Сущность промышленного туризма и его виды // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 1773–1776.

Шилова А. Как Уральская биеннале стала главной выставкой современного искусства за пределами Москвы // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2020/07/15/834671-uralskaya-biennale> (дата обращения: 10.10.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акашева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. E-mail: annakasheva@yandex.ru

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, учебно-научная лаборатория Цифровых гуманитарных исследований, Челябинский государственный университет. E-mail: vhist@mail.ru

Александров Евгений Васильевич, кандидат искусствоведения, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Музей землеведения, Москва. E-mail: eale@yandex.ru

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет; заместитель директора, Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск. E-mail: antipin87@mail.ru

Арасланова Вера Алексеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут. E-mail: oikovera@mail.ru

Артамонова Надежда Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан. E-mail: lazar1918@yandex.ru

Архипова Татьяна Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций; Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: archipova-iai@yandex.ru

Ахметова Анна Валинуровна, кандидат исторических наук, доцент, начальник управления научно-исследовательской деятельностью; Комсомольский-на-Амуре государственный университет. E-mail: wyrds@rambler.ru

Бакшаев Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: alexander.bakshaev@yandex.ru

Батищев Сергей Дмитриевич, аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург. E-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Бекленищева Мария Владимировна, лаборант-исследователь, Международный центр демографических исследований, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: bekmv88@yandex.ru

Берсенёв Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург. E-mail: colbers@bk.ru

Бобров Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул. E-mail: bds-eureka@yandex.ru

Бобышев Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Комсомольский-на-Амуре государственный университет. E-mail: history@festu.khv.ru

Бондарь Валерий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: bondarl213@yandex.ru

Борщик Наталья Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь. E-mail: arktur4@rambler.ru

Бугрова Екатерина Дмитриевна, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: ekaterina.bugrova@urfu.ru.

Буркутбаева Динара Аскаровна, магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: burkutbaeva1999@yandex.ru

Варламова Людмила Николаевна, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: Lvarlam@yandex.ru

Волкова Анна Николаевна, магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: A.N.Volkova@urfu.me

Гагарин Алексей Александрович, кандидат исторических наук, директор, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург. E-mail: a.gagarin@egov66.ru

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Коми Республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар. E-mail: gngkol2@mail.ru

Галиева Диана Сагидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: dsgalieva@rggu.ru

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: godovova@mail.ru

Горбанёва Елизавета Андреевна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: ElizavetaA.Gorbaneva@yandex.ru

Горбачёв Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: og_06@mail.ru

Горст Алексей Петрович, преподаватель, Учебно-методический центр по ГОЧС Свердловской области, Екатеринбург. E-mail: alexhorst@gmail.com

Грачев Никита Денисович, студент Института общественных наук, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: nikitagrachev.21@mail.ru

Гук Дарья Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. E-mail: hookk@hermitage.ru

Демаков Илья Николаевич, заведующим отделом научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов, Государственный архив административных органов Свердловской области, Екатеринбург. E-mail: indemakov@yandex.ru

Демирова Наталья Ильинична, кандидат исторических наук, главный хранитель отдела письменных источников, Государственный исторический музей, Москва. E-mail: demirovani@gmail.com

Дерябина Александра Владимировна, кандидат исторических наук, руководитель архива, Институт химии твердого тела Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург. E-mail: deryabina@ihim.uran.ru

Дмитриева Александра Ивановна, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: alexandradmitrieva@urfu.ru

Елисафенко Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: elisafenko@bk.ru

Ерменбаева Гульжан Какимбековна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: gulshan23@bk.ru

Ефимов Александр Александрович, зам. начальника отдела информационно-аналитического сопровождения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: alexander.efimov@urfu.ru

Жаилганова Элина Азатовна, магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: elina.zhh@yandex.ru

Зеленов Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист, Российский государственный архив социально-политической истории, Москва. E-mail: mvzelenov@gmail.com

Злотникова Светлана Геннадьевна, аспирант кафедры истории, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан. E-mail: svetlana-zlotnikova@mail.ru

Зыкин Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: zivverh@mail.ru

Исхаков Рафаиль Лутфуллович, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет. Екатеринбург. E-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru

Кайдалова Анастасия Александровна, директор, муниципальный архив города Сургута; доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет. E-mail: kaidalova_aa@admsurgut.ru

Каменская Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: ekam82@yandex.ru

Кандаурова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: tanikand@mail.ru

Каплюков Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург. E-mail: v.kaplyukov@egov66.ru

Капсалыкова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Карманова Екатерина Дмитриевна, преподаватель, Уральский экономический колледж, Екатеринбург. E-mail: ekaterinakarmanova1@yandex.ru

Кацев Александр Самуилович, доктор филологических наук, профессор, академик, профессор кафедры международной журналистики, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан. E-mail: kacev@mail.ru

Кацева Лилия Михайловна, старший преподаватель кафедры международной журналистики, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Кыргызстан, Бишкек. E-mail: lil_ka@list.ru

Климова Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре. E-mail: katekl@mail.ru

Клюс Иван Александрович, главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов, Государственный архив административных органов Свердловской области, Екатеринбург. E-mail: i.klyus@egov66.ru

Колесник Марина Сергеевна, научный сотрудник Арамашевского краеведческого музея МО Алапаевское. E-mail: Larisa_dor.68@mail.ru

Копырина Сардана Николаевна, аспирант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: sandaleyk@mail.ru

Королева Татьяна Григорьевна, аспирант кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: t.g.koroleva@mail.ru

Кукина Дарья Андреевна, младший научный сотрудник, Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург. E-mail: daria_kukina@mail.ru

Кызласова Ирина Семеновна, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва. E-mail: I_Kyzlasova@mail.ru

Лаврова Екатерина Александровна, учитель истории и обществознания, МАОУ гимназия № 108 им. В. Н. Татищева; магистрант Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург. E-mail: Lavrikta97@gmail.com

Лазарева Любовь Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, Мытищи; главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории, Москва. E-mail: laz_dom@mail.ru

Ланской Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, первый заместитель председателя Правления Российского общества историков-архивистов РГГУ, Москва. E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Латышева Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет, Симферополь. E-mail: elenakfu@yandex.ru

Любимова Светлана Тарасовна, кафедра социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: Svetaljubimova21@yandex.ru

Люхуздаев Марат Иркинович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Ноябрьск. E-mail: guingm2004@list.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: lmaz@mail.ru

Медведева Мария Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург. E-mail: marriyam@mail.ru

Менщиков Игорь Самуилович, кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет, Курган. E-mail: ygor@bk.ru

Минаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, начальник управления кадрового и документационного обеспечения, доцент кафедры философии и социально-политических наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар. E-mail: minaeva28@rambler.ru

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского госуниверситета имени академика И. Г. Петровского, Брянск. E-mail: smikh20@mail.ru

Мосейчук Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, заведующий отдела информации и использования документов, Белорусский государственный архив научно-технической документации, Минск, Республика Беларусь. E-mail: mosejchuk@tut.by

Мохов Антон Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: rkb2004@yandex.ru

Муравьева Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения Российского государственного гуманитарного университета; старший научный сотрудник отдела архивоведения ВНИИДАД, Москва. E-mail: A.Y.Konkova@gmail.com

Начапкин Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории, правового обеспечения и русского языка, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: maks.nachapkin@mail.ru

Овчарова Екатерина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, литературный переводчик, издательство «Ладомир», Санкт-Петербург; издательство «Cactus et Papyrus» (Франция). E-mail: ekbs@yandex.ru

Огнетова Марина Борисовна, главный специалист отдела по делам архивов, администрация города Нижний Тагил. E-mail: m.ognetova@yandex.ru

Огоновская Изабелла Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета, Екатеринбург. E-mail: Izabella-irro@mail.ru

Огуренко Егор Владимирович, главный археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Свердловской области; аспирант, лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: y.ogurenko@gmail.com

Осташова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: evgeniya.ostashova@gmail.com

Павленко Алексей Павлович, кандидат исторических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет. Екатеринбург. E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

Париева Лада Руслановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: ladapal@yandex.ru

Плетнева Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: mvt0303@yandex.ru

Посредников Олег Андреевич, магистр исторических наук, научный сотрудник отдела документоведения, Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД), Минск, Республика Беларусь. E-mail: oleg.posrednikov@bk.ru

Потехина Дарья Сергеевна, ассистент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: daria.potekhina@urfu.ru

Приборович Артем Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь. E-mail: priborovich@gmail.com

Протасова Эльвира Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: Protasova.elvira62@mail.ru

Прохоров Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь. E-mail: prohorovlda@yandex.ru

Рашевская Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет. E-mail: VNN.tmn@mail.ru

Рожнева Жанна Анатольевна, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: zhar@ido.tsu.ru

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Семёнова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак. E-mail: natalja_leonid@mail.ru

Скворцов Артем Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук; доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. E-mail: artiom-skvorcov@yandex.ru

Сорокин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Тарасенко Анна Анатольевна, магистрант кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: ann644090@gmail.com

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: olga.teush@yandex.ru

Торопов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: atoropoff@rambler.ru

Третьяков Максим Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории и экономики, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук, Магадан. E-mail: maximmgn@mail.ru

Трифоновна Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбург. E-mail: trifonova@ogikm.ru

Трясучкина Ксения Денисовна, лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: Triasuchkina-ks@yandex.ru

Федоров Максим Львович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва. E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Черноухов Дмитрий Эдуардович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры социокультурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: d.e.chernouhov@gmail.com

Шаманаев Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и археологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: shamanaev@mail.ru

Шибает Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: archivist76@mail.ru

Шихова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет; лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. E-mail: krutikol@mail.ru

Юмашева Юлия Юрьевна, доктор исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «ДИМИ-ЦЕНТР», Москва. E-mail: Juliayu@yandex.ru

Научное издание

Историко-культурное наследие в институциональном измерении

Материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного
30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки
специалистов в сфере туризма и гостеприимства
в Уральском федеральном университете

Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
<http://clar.urfu.ru/>

Ответственный редактор *Л. Н. Мазур*
Компьютерная верстка *О. В. Горбачева*

Дата выхода в свет 10.12.22. Формат 60x84/16
Уч. изд. л. 35,85. Объем данных 7,11 Мб
Гарнитура Times New Roman.
Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: + 7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Сайт: <http://print.urfu.ru>
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

